...ого Московского

Карта дл...

Фамилія .....

Имя и отчество .....

Адресъ 1 Мѣс...

.....

Къ кому обратиться ....

.....

Послана.

a) 1911 г. Сент м.

b) 191.... г ..... м.

c) 191.... г. ..... м.

17/238

10/II/1220

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 11.

Музыкальный фонд
Тверской обл. библиотеки

НОЯБРЬ, 1909.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1909.

стр.

АНГЛІЙСКАЯ ГЕЛІОГРАВЮРА: ПЕРВЫЙ КОМИТЕТЪ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

I.—ОТОРВАННЫЕ ЛИСТЬЯ.—Картины.—VII-XIV.—Окончаніе.—**Н. Анненковой-Бернардъ** 5

II.—ПЕТРЪ ХЕЛЬЧИЦКІЙ, ЧЕШСКІЙ ТОЛСТОЙ XV-го СТОЛѢТІЯ.—По поводу 500-лѣтія Кутногорскаго декрета.—**Проф. С. Кульбакина.** . . 49

III.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—1) Плѣнъ.—2) „Ищу тебя“...—**А. Колтоновскаго.** . 68

IV.—АСАНЪ.—**А. Хирьякова.** 70

V.—КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ.—**В. Тотоміанца.** . . . 81

VI.—ОТНОШЕНІЕ НАСЕЛЕНІЯ КЪ ВЫБОРАМЪ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ КОММИССІЮ.—I-III.—**П. Кудряшова.** 99

VII.—МИЛЬТОНЪ КАКЪ ПОБОРНИКЪ НАРОДНАГО САМОДЕРЖАВІЯ И АВТОНОМІИ ЛИЧНОСТИ.—**Максима Ковалевскаго.** 121

VIII.—СТРАНИЦА ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—ДЕЖУРСТВО ВЪ ВОЕННЫХЪ ГОСПИТАЛЯХЪ.—**Влад. Черткова.** 141

IX.—РАСКОЛЪ И БЮРОКРАТІЯ.—Окончаніе.—**А. С. Пругавина.** 162

X.—„ГОЛУБАЯ КУКУШКА“.—Романъ Эмиля Эртля.—„Die Leute aus dem Blauen Gukuckshaus“, Roman v. E. Ertl.—Окончаніе.—Съ нѣм. **Ю. С.** . . . 184

XI.—СИНДИКАЛИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ И ВЪ ИТАЛІИ.—**М. Антонова.** . . . 225

XII.—КЭМБРИДЖЪ и ДАРВИНЪ.—Изъ воспоминаній о празднествахъ 22-24 іюня.—**К. А. Тимирязева.** 238

XIII.—НОВЫЙ ГОРОДЪ.—Paul Adam, „Autour de la Porcherie“.—IV-V.—Переводъ съ рукописи **З. В.** 264

XIV.—БОЛѢЗНЬ И КОНЧИНА А. И. ГЕРЦЕНА.—Надгробная рѣчь Г. Н. Вырубова 289

XV.—ХРОНИКА.—„ФЛОТЪ“ И „МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“.—II.—**Вл. Семенова.** 298

XVI.—КОНТРАСТЫ РИМСКОЙ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ.—Письмо изъ Рима.—**Мих. Осоргина.** 314

XVII.—ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.—**П. А. Тверского.** 329

XVIII.—БЕРНСКІЙ СОЦІОЛОГИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ.—Письмо изъ Парижа.—**Рене Монье.** 337

XIX.—ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КИТАЙЦЕВЪ ВЪ СѢВЕРНУЮ МАНЧЖУРІЮ.—**Ульяницкаго.** 341

XX.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**И. В. Жилкина.** 347

XXI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общее положеніе дѣлъ.—Бесѣда П. А. Столыпина съ журналистомъ и предлагаемый реакціонной печатью пересмотръ основныхъ законовъ.—Первый думскій запросъ.—Вѣроисповѣдные законопроекты.—Земство въ западномъ краѣ и городское самоуправленіе въ царствѣ польскомъ.—Post-scriptum. 359

XXII.—ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.—**К. К. Арсеньева.** 374

XXIII.—ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—**Ив. Лазаревскаго.** 380

XXIV.—КРИТИЧЕСКІЕ НАВРОСКИ.—**С. А. Адріанова.** 385

XXV.—НИЦШЕ О САМОМЪ СЕБѢ.—**Л. З. Слонимскаго.** 395

XXVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Русскій визитъ въ Италіи.—Тройственный союзъ и сближеніе Италіи съ Россіею.—Свиданіе монарховъ въ Раккониджи.—Оффиціальные тосты и ихъ значеніе.—Процессъ Феррера.—Паденіе реакціоннаго министерства въ Испаніи.—Ростъ оппозиціи въ Германіи.—Князь Ито †. 402

XXVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Письма Вл. С. Соловьева, т. II.—**К. А.**—II. Проф. А. Л. Погодинъ. Исторія Сербіи.—III. Михайло Грушевський. Історія України—Руси.—**М. Славинскаго.**—IV. Н. Карѣевъ. Исторія З. Европы, т. VI.—**И. Бороздина.**—V. Х. М. Лебедь-Юрчикъ. Сахарная промышленность въ Россіи.—VI. Юрій Ларинъ. Рабочіе нефтяного дѣла.—Забастовки бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ въ 1908 г.—**В. В.**—VII. Friedrich Dukmeyer. Korb's Diarium itineris in Moscoviam und Quellen die es ergänzen.—**Н. Карѣева.**—Новыя книги и брошюры. 415

XXVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—О „покоѣ“ на двадцать лѣтъ, о бодромъ оптимизмѣ и о неисправимомъ пессимизмѣ.—„Реформы“ послѣ успокоенія.—Партійная рознь.—День 17-го октября.—Телеграмма ялтинскаго главноначальствующаго финляндскому генералъ-губернатору.—Двѣ мѣрки пастырскаго долга.—Харьковское дворянское собраніе.—Открытіе памятника доктору Гаазу.—А. Н. Никитинъ и А. И. Введенскій †. . . 432

XXIX.—СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.—**К. Дерунова.** . . . 447

XXX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXXIV. — ТОМЪ CDXXXIV. — 1/14 НОЯБРЯ 1909.

В-961
II

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ДВѢСТИ-ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

1925
15859
ПРОВЕРЕНО 1928 г.
Московский Совет р. Красно-Пресн. Библиотека имени И. З. Сурикова

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала: Васильевскій-Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1909

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

3970

ОТОРВАННЫЕ ЛИСТЬЯ

(Картины.)

VII *).

Таточка стала тревожная какая-то. Не попрежнему безпечно веселая, какъ природа—непосредственная, а возбужденная, лихорадочно взвинченная. Зной шелъ отъ ея губъ, щекъ, волосъ.

— Эхъ, буржуйка, смотри ты у меня! — многозначительно замѣтила Митюгина.

— Что вы, что?

— Молода ты очень, вотъ что.

— Недостатокъ небольшой и исправимый! Ха, ха, ха!— смѣялась не по веселому Таточка.

Навѣстивъ какъ-то Ощенко, Шилинскій испугался его измѣнившагося облика. Глаза запали въ глубокія впадины. Въ нихъ еще ярче горѣла безнадежная грусть. Острѣе, жутче вспыхивали тоскливые, мрачные огни.

Борода и волосы отросли. Рѣзко выдавалась худоба лица.

— Послушай, ты бы къ доктору.

— Наплевать!

— Къ экзаменамъ готовиться будешь?

— Къ экзаменамъ? Да... да, — ухмыльнулся въ бороду Ощенко.—Что-жъ... можно и къ экзаменамъ.

— Слушай, не валяй дурака.

Ощенко засвисталъ.

---

*) См. октябрь, стр. 469.

— Точно и другимъ не тяжело, право.

— Я никому не препятствую.

— Точно ты одинъ только?

— Убирайся-ка ты отъ меня, братяга!

— Вѣдь душитъ же, давитъ, давитъ всѣхъ нелѣпость положенія.

— Такъ и дависъ, я не мѣшаю.

— А ты думаешь, ты одинъ, что-ли? Одинъ? Не говоря о духовномъ состояніи, матеріально гнусное, унизительное положеніе. Армія голодныхъ людей на чужбинѣ. Поборы здѣсь, изъ Россіи сердобольныя посылки... А многіе въ Россіи же скажутъ: сами виноваты, пускай и мрутъ. Я обезпеченъ, фактически голода не испыталъ—но это все равно. Самая мысль, что чья-то человѣческая жизнь зависитъ отъ чьихъ-то сердобольныхъ копѣекъ—угнетаетъ.

— Боленъ еще, братяга, пережитками. Болѣзнью собственности! Ха, ха! А ты ее упраздни.

— Какой же толкъ?

— Въ душѣ, въ мысляхъ своихъ, по настоящему, форменно упраздни. Самъ для себя—вотъ и толкъ. Копѣйка, братяга, побудетъ въ одномъ ящикѣ, перейдетъ въ другой, а сама по себѣ она-то вѣдь ничья. Такъ кто же для кого сердоболенъ? Потѣха! Ха, ха!

— Толковать хорошо, а пока она до того кому нужно докатится, и человѣкъ, глядишь, умретъ. Но не это главное. Душно, душно до одури. И если правда, что въ революціи Богъ явилъ въ пламени гнѣвное лицо свое, то теперь дьяволъ,—нѣтъ, даже не дьяволъ, мразь преисподняя, нѣжить поганая тянетъ въ тину, въ пакость, внизъ. И точатъ, точатъ уже черви наши ноги.

— Писатель,—усмѣхнулся Ощенко.

— Не издѣвайся, пожалуйста.

— Нѣтъ, я въ серьёзъ. Все сейчасъ въ форму. Картинность и великолѣпіе. Вѣдь я, братяга, люблю тебя, парня,—такъ ты того, не огрызайся.

— Нѣтъ, ты такъ странно, право.

— Я вотъ къ тому: бунтуетъ все въ тебѣ сейчасъ, ну и напишешь про это когда-нибудь. Значитъ и баста. Освободился, облегчился, выболталъ—вотъ и исходъ.

.....Они вспоминали минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ сражались они...

— Ха, ха! Ну, а другимъ, прочимъ смертнымъ, кому невтерпёжъ очень станетъ?!..

Георгій вздрогнулъ.

— Это не исходъ.

Ощенко закурилъ папиросу.

— Весна, братяга... Птахи прилетѣли... И пчелы скоро... Рой полетитъ...

Шилинскій взялся за шапку.

— Слушай... такъ ты... того... къ экзаменамъ-то...

— Ладно.

— Ты не поддавайся, слышишь?

— Услышалъ,—зѣвнулъ Ощенко.

Раннимъ утромъ Георгій стучался въ дверь Кекиной.

— Ѣдемъ, что-ли? Уже пора.

— Сейчасъ... сейчасъ! Постойте за дверями.

Таточка заторопилась. Они сговорились наканунѣ отправиться съ утра въ горы за городъ. А она и проспала.

Спѣшно скручивала теперь волосы, застегивала ботинки, разбрасывала блузки—не зная, какую выбрать. Искала долго перчатки.

Распахнулась дверь. Она на порогѣ. Уже въ шляпѣ, заторопившаяся, запыхавшаяся. Щеки, глаза разгорѣлись — воплощенная свѣжесть, утро весеннее.

— Вотъ я и готова,— протянула она еще прохладныя отъ недавняго умыванья руки.

— Все же прождалъ я порядкомъ.

— Тсъ! Безъ упрековъ пожалуйста!

Черезъ часъ они были въ полосѣ хвойнаго лѣса, среди зеленыхъ холмистыхъ полей. Весело болтая, они не замѣтили, какъ поѣздъ взнесъ ихъ на высоту. Со станціи они отправились позавтракать въ маленькую сельскую гостинницу. Сверкали молодые крѣпкіе зубы, прокусывая куски деревенскаго грубаго хлѣба, густо смазаннаго масломъ. Таточка, шаловливо морщась, отпивала маленькими глотками кислое домашнее вино. На нихъ любовалась дочь хозяйки, тоже молодая рѣзвая дѣвушка.

— Des jeunes mariés, probablement, — захлебнулась она въ умиленіи. Ея мать, заплывшая жиромъ, добродушными глазами скользнула по посѣтителямъ, продолжая старательно смазывать толстые куски хлѣба.

Они отправились въ лѣсъ мимо хорошенькихъ деревенскихъ домиковъ, коричневыхъ, съ рѣшетками, изящными балкончиками, зелеными ставнями, легкихъ, точно игрушечныхъ.

На холмистомъ лугу за селомъ паслось стадо бѣлыхъ съ желтыми пятнами коровъ. Перезвенивали плоскія колокольца у жирныхъ шей. Поднимались жующія морды. Волоокіе черные глаза смотрѣли съ спокойной, важной тупостью.

— Только въ символизаціи сыра и chocolat au lait переношу этихъ животныхъ. Му... му... м-у-у...—комично протянула губки Таточка.

— А вотъ сейчасъ онѣ даже красивы. Въ тонѣ всего пейзажа... сочной зелени... синяго неба... такъ спокойно и могуче несущія въ себѣ жизнь.

Они бродили по лѣсу. Рѣзвясь, прыгали черезъ пни и кочки. Упивались весеннимъ запахомъ талой земли. Солнце пробивалось, играло бликами. Терпкій ароматъ хвои, раздражая, нѣжилъ грудь, кружилъ голову.

— Будто въ Россіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, тамъ запахъ земли другой.

Они присѣли у опушки на пригоркѣ, уставшіе, возбужденные долгой ходьбой.

— Вотъ угощенье! — досталъ изъ кармана два апельсина Георгій.

Она играла ими какъ мячиками. Подбрасывая, ловила. Розовымъ пальчикамъ, отдирающимъ кожу, было пріятно прикосновеніе къ прохладному предмету. Задорно, весело швыряла она оранжевыя корки въ зеленую траву. Алыми губами сосала плодъ, упивалась холоднымъ сокомъ.

Онъ прилегъ на скатѣ пригорка. Желтенькіе primevères, лиловые глазки фіалокъ ласково кивали среди изумрудной травы.

— Внизу уже нарцисы, здѣсь еще только фіалки.

— За то на высотѣ,—откликнулся онъ пылко.

— Хорошо!... Дивно!... Божественно!

Струи благоуханнаго воздуха обрывали дыханіе. Внизу, въ мглистой, затопленной солнцемъ дали темнымъ круглымъ пятномъ лежало озеро.

— Вотъ... вотъ... вотъ—мой домъ, видите? Маленькій, за высокой трубой... и люди—ха, ха, ха!... Человѣкъ—какъ точка... ха, ха! А лошадь — червячокъ... Эхъ, никогда бы не возвращаться—она широко развела руками.—Еслибы крылья!...

— Дѣти часто летаютъ во снѣ.

— А я и теперь иногда, хоть и взрослая. Вотъ вы такъ счастливый, право, — прибавила она, прищуривая глаза отъ яркаго свѣта.—За мыслью своей всегда вольны улетѣть, мечта-

тель. Куда унесетъ фантазія—вездѣ владыка... И зачѣмъ я такая дура!—стукнула она досадливо ногой.

— Не рисуйтесь!

— Нѣтъ, я искренно говорю, искренно! Нѣтъ у меня въ головѣ ни фантазій, ни мыслей. Чувства во мнѣ одни—чувства... и то безалаберныя... Сумбуръ какой-то одолѣваетъ.

Двѣ прозрачныя росинки задрожали въ углахъ глазъ. Играли, переливались, какъ дождь въ солнечномъ лучѣ.

Чтобы скрыть волненье, она пригнулась къ травѣ. Нервно поспѣшно срывала фіалки. Но онъ увидѣлъ все равно. Желанье, робкое и жгучее, тѣснило ему грудь: прильнуть къ этимъ глазамъ и выпить эти слезы.

Они оба смолкли. Сжались страхомъ. А помимо ихъ воли надъ ними спускалось что-то необъятное, неотразимое — безумное. Пьянило сладкимъ дурманомъ. Безвольные, радостные въ своемъ безволіи, они слѣпо шли къ безумію.

— Творчество...—прошепталъ чуть слышно Георгій. И было это такъ странно, какъ бы сказалъ не онъ, а за нимъ кто-то другой.

— Я завидую... завидую,—тоже совсѣмъ не своимъ, измѣнившимся голосомъ отвѣтила Таточка.

Она знала, что говоритъ безотчетно. Страстно, стремительно рвались на волю какія-то совсѣмъ-совсѣмъ иныя, новыя, необычныя слова.

Сердце стучало тревогой призыва. Въ вискахъ билась бунтующая кровь. Слухъ жутко обострился. Далекое придвинулось... Жужжали большія мухи... жужжанье гремѣло оркестромъ. Раскалился воздухъ, опалилъ зноемъ... Журчали соки земли, вливались въ кровь, имъ подвластную.

Говорилъ юноша свѣтлый. Властью для нея отмѣченный. Ея единственный. Ея неотъемлемый.

Глаза Георгія какъ звѣзды горѣли сіяніемъ. Онъ говорилъ—и опять будто не онъ, а за нимъ кто-то иной. Не о томъ говорилось, что было сейчасъ, но та рѣчь звучала музыкой, пѣснью этой минуты. И не онъ ее пѣлъ. Онъ растаялъ, исчезъ. Онъ былъ лютней въ незримыхъ рукахъ. Онъ былъ частью великаго.

— Слово... тайна священная... Рождается слово въ мукахъ тяжелыхъ, радостныхъ... Благодать откровенія... Созвучія — въ нихъ красота. Не случайно, поймите. Изъ стихіи вѣчности... съ пылью временъ донеслась красота. Преображенное страданіе—красота! Вы чувствуете, чувствуете?

Онъ весь дрожалъ благоговѣйнымъ трепетомъ.

„...Сквозь пыль вѣковъ... сквозь пыль вѣковъ... Дріады мелькали, рѣзвились въ чащѣ лѣса... Мчался солнечный Аполлонъ... Отважный Икаръ рвался изъ лабиринта... Геба протягивала властныя руки“...

— Вселенная говоритъ, слышите... Говоритъ!

Оживала дивная сказка. Зачарованная царевна улыбалась. По мраморнымъ ступенямъ гремѣли шаги жениха. Чудо близилось. Жизнь ликовала. Отдернулась завѣса неба. Вѣчный блескъ!.. Вѣчное сіяніе!..

— Жена моя!... — пылающими губами Георгій коснулся ея упавшихъ рукъ.

Тихая, радостная, огромными, расширенными, испуганными глазами она смотрѣла не на него, а дальше... туда, въ прозрачность, гдѣ небо цѣловало льды.

Шумѣли далекіе потоки... Травы шептали о тайнахъ земли...

Огни загорѣлись внизу въ долинахъ. Молодая чета возвращалась домой, шла къ станціи, чтобы сѣсть въ поѣздъ. Они заблудились и долго искали дорогу. Ихъ хохотъ, громкій, ликующій, дрожалъ въ вечернемъ воздухѣ. Продлить хотѣлось имъ свое блужданье, какъ можно дольше не уйти отъ пережитаго. Надъ ними красота. Въ нихъ, съ ними красота! Въ красотѣ утонули, красотою воскресли.

Съ руками полными фіалокъ, возбужденная, покорная, легкой, скользящей походкой она шла въ его объятіяхъ.

— Внизу уже огни—смотри! А у насъ еще солнце.

— Насъ вѣнчали не въ це-е-ркви,—запѣлъ Георгій,—

Не вѣнцомъ, не свѣча-ами,
Намъ не пѣли ни ги-имновъ,
Ни обѣтовъ вѣнчальныхъ...

— Пѣлись гимны... пѣлись!... пѣлись!... — утверждала она восхищенная.

Вѣнки намъ сплетали
Любовь да свобода...

—побѣдно разносился молодой мужской голосъ.

Они напали наконецъ на знакомый лугъ, гдѣ паслось стадо. Альпійскій рожокъ пастуха призывалъ животныхъ къ отдыху. Колокольца звонили равномѣрно въ тактъ размѣренныхъ, колыхающихся шаговъ.

Въ гостинницѣ молодая хозяйская дочь варила на очагѣ шоколадъ къ ужину. Увидѣвъ въ окно идущихъ, она кивнула имъ ласково, какъ старымъ знакомымъ.

— Зайдемъ?—предложила Таточка, не выпуская изъ своихъ рукъ руку Георгія.

Молодая дѣвушка поставила передъ ними двѣ большихъ дымящихся чашки, хлѣбницу съ ломтями хлѣба. Сочувственно-привѣтливъ былъ ея взглядъ.

Таточкѣ хотѣлось броситься, расцѣловать, закружиться по комнатѣ съ этой незнакомой ей первой человѣческой свидѣтельницей ея великаго солнечнаго счастья.

У Ощенки горѣла лампа. Самъ онъ сидѣлъ передъ темнымъ раскрытымъ окномъ.

— Чего ты коптишь, медвѣдь, когда на улицѣ такъ хорошо?—ворвался весело въ комнату Шилинскій.

— Тоска... Въ хату... домой тянетъ.

— Бѣда мнѣ съ тобой, право.

— Отъ, видишь... видишь?—ткнулъ пальцемъ въ пространство Ощенко. Отъ фонаря тянулся желтый свѣтъ на ограду. Сѣрый камень казался теперь бѣлымъ. Темными капризными извилинами прильнулъ, прилипъ къ нему плющъ.

— Отъ такъ и я къ родному краю.

Голосъ его дрогнулъ.

— Ты бобыль... художественная натура. Въ сферахъ все. Тоски по землѣ тебѣ не понять.

Георгій почувствовалъ себя виноватымъ и какъ бы въ противовѣсъ налетѣла странная, неприсущая ему удаль, мужское молодечество.

— А я съ прогулки сейчасъ,—сказалъ онъ по ненужному вызывающе.

— Далеко былъ?

— Съ Кекиной... въ горы ѣздили.

Онъ ощутилъ приливъ краски къ щекамъ и возмутился на себя за это.

Ощенко засвисталъ одну изъ своихъ пѣсенъ.

— Прогулки здѣсь очень хороши... прогулки, — онъ нерѣшительно запнулся и смолкъ.

Ощенко свисталъ.

„Чортъ знаетъ какая пошлость!—ругалъ себя мысленно Шилинскій.—Чего я точно оправдываюсь? Въ чемъ, передъ кѣмъ я виноватъ? Она любитъ меня, и я правъ“.

Сердце замерло сладкою болью.

— Чего же ты?...—пробудилъ его голосъ Ощенки. — Остановился чего? Не винишься?

— Въ чемъ?—встрепенулся, какъ пойманный, Георгій. Насторожился, напрягся весь, готовый вспыхнуть порохомъ.

— Да ты... такъ... того... какъ виноватый... Эхъ, ты... молодой... И она душевная дѣвчонка... Можетъ, думаешь, любилъ я ее?... Нѣту, братяга... Любовался, а мы съ ней не одно. Не изъ одной квашни... Отъ я Грицько, а ты Георгій... Не назвать тебя, братяга, Грицей,—нѣтъ,—нѣтъ. А я въ Георгія не влѣзу. Гриць... отъ и все! Понялъ?

— Ха, ха!...—вдругъ засмѣялся Георгій странными судорожными вздохами. Плечи вздрогнули. Голова упала на столъ. Онъ рыдалъ коротко и отрывисто.

Счастье было слишкомъ полно, слишкомъ свѣтилось, слишкомъ играло.

Мрачный, тоскующій возлѣ него человѣкъ какъ бы символизировалъ далекую родину. Упрекалъ?... Нѣтъ... нѣтъ, изнывалъ въ печали. Но драгоцѣненъ сейчасъ извѣданный кубокъ. Пусть ядовита въ немъ дивная влага,—Георгій будетъ пить изъ него, пить ненасытными губами...

„...Рай первобытный! Божественность звѣря!... Услышанъ благовѣстъ!... Съ молитвой дикаго экстаза онъ весь уйдетъ въ тотъ храмъ, гдѣ самъ же будетъ богомъ... И позабудетъ... Позабудетъ... И вотъ сейчасъ не жалостью и не воспоминаньемъ плачетъ... Страсти восторгомъ, избыткомъ безумія... Дикарь и ребенокъ!...“

Слезы текли звѣриныя... божественныя. Разрубалось сердце на-двое жестокой острой сѣкирой.

— Весна, милый парень,—весна въ тебѣ плачетъ. Твоя весна!—тихой лаской прозвучалъ надъ нимъ голосъ Ощенки.

VIII.

Вихремъ, сказкой дивной мчалось время для Таточки, и вмѣстѣ съ тѣмъ точно остановилось оно. Не стало обычной смѣны часовъ, дней, недѣль. Все смѣшалось въ единомъ ликованіи праздника. И двигался, и не двигался ходъ явленій. Вращательной быстротой обманывалось зрѣніе—кругъ казался неподвижнымъ. Мигъ сталъ владѣльцемъ міра. Ей, ей одной принадлежащій мигъ. Сомкнулось все, слилось въ одномъ ея хотѣніи.

Вдругъ внезапно откинулся прозрачно-таинственный вуаль съ лика судьбы. Открылось прекрасное, печальное, строгое.

Возможность стать матерью сжала сердце страхомъ и молитвой. Получилось письмо съ родины. Звали на лѣто домой. Или же мать съ сестрами собирались сами пріѣхать, навѣстить Таточку. Она своимъ роднымъ о важномъ событіи жизни—о Георгіи—ничего еще не сообщала. Между влюбленными слово „бракъ“ произнесено не было: казалось ненужнымъ и пошлымъ говорить о рѣшенномъ безъ словъ.

Получивъ изъ дому письмо, Таточка встревожилась: она, не смотря на независимый нравъ, была искренно и по-дѣтски хорошо привязана къ своей семьѣ. Она предвидѣла теперь неизбѣжность толковъ, страховъ, совѣтовъ—цѣлаго ряда вторженій въ еще нетронутый прекрасный рай ея любви. Враждебнымъ острымъ клинкомъ врѣзывалось узко-человѣческое. Колебался, рушился хрустальный замокъ сказки. И больше, чѣмъ лично себя, ей было жаль Георгія. Хотѣлось продлить его невѣдѣніе, дать подышать подольше безпечнымъ благоуханіемъ грезъ, чистымъ эѳиромъ свободы. Она не подѣлилась съ нимъ своими тревогами, ни даже предчувствіемъ материнства.

Послѣ нѣсколькихъ дней одинокихъ и тягостныхъ переживаній она пошла къ Людмилѣ. Онѣ еще не видѣлись съ совмѣстной прогулки по озеру.

— Кекина! — вскрикнула обрадованная Людмила. — Наконецъ-то. Гдѣ вы пропадаете? Сколько разъ къ вамъ заходила—никогда дома нѣтъ.

Таточка стала нервно вытаскивать булавки изъ соломенной шляпы, бросила ее небрежно на столъ. Сѣла.

— Вы похудѣли, право! Что съ вами?

Таточка, вспыхнувъ, виновато отвела глаза въ сторону. Не отвѣтила. Спросила черезъ минуту:

— Работаете?

— Да, къ экзаменамъ. А вы?

— Нѣтъ.

— Держать развѣ не будете?

— Нѣтъ.

— Ахъ, лѣнтяйка!—шутливо упрекнула Людмила—и запнулась, чувствуя странную натянутость минуты. Смолкла.

Бѣлыя руки Таточки вдругъ широко взмахнулись и упали, безсильныя, обвивъ шею подруги.

— Люблю... люблю его!

Сердце Людмилы вмигъ остановилось. Вновь застучало бѣшеными перебоями. Имя было ненужно. Она угадала его.

Молнія зигзагами рвала въ клочья черныя тучи. Крикомъ заполонилась грудь: „Оставьте, уйдите“!

Оттолкнуться... стряхнуть съ плечъ змѣями обвившіяся руки. Гирями тяжелыми пригибали онѣ къ землѣ. Давили.

Но Людмила сидѣла, скованная, съ глазами расширенными испугомъ. Лишь легкая судорога губъ тѣневыми перебѣгами выдавала волненіе.

— Страшно какъ, еслибъ вы знали, Батуева,—страшно какъ!

Строптивое, гордое подступило. Вызывало на бой. Трепетало обиженное, кровно обиженное. Душно. Людмила задыхалась.

Въ чемъ обида? Кто обидчикъ—сознанье не отвѣчало. Обида самовластная сама взяла сердце. Царицей водворилась.

— Если я не поѣду домой, родные могутъ сюда пріѣхать,—волнуясь, сообщила Таточка.

— Вамъ развѣ непріятно?—выдерживая самообладаніе, уронила глухо Людмила.

— Ребенокъ если будетъ...—шелестомъ стыдливымъ слетѣло съ губъ. Громъ раскатами перекатился. Вздрогнувъ, привстала Людмила. Судорога метнулась отъ висковъ къ колѣнямъ. Подкосились ноги. Оборвался короткій стонъ. Что-то жгучее, горячее защипало, задергало щеки.

Таточка смотрѣла удивленно. Вдругъ заревомъ внезапнымъ загорѣлось лицо. Глаза зажглись негодованіемъ. Она вскочила, оскорбленная.

— Вы плачете? Вы считаете это позоромъ? Вамъ меня жалко? Ха, ха! Не жалѣйте. Я люблю его!—бросила она страстнымъ вызовомъ.

Дрожащими руками схватила она рѣзко шляпу. Не надѣла ее. Пошла къ двери съ открытой головой.

Новый стонъ повторился. Какъ бы позвалъ. Она обернулась.

Голова Людмилы безпомощно откинулась къ спинкѣ дивана. Сомкнуты блѣдныя вѣки. Какъ мертвая.

— Батуева!—крикнула Таточка съ порога.—Простите меня! Я нелѣпая!—Подбѣжала. Грѣетъ теплыми ладонями руки холодныя, блѣдныя. Жметъ ихъ крѣпко, ласкающе.

— Нервы теперь у меня нелѣпые,—говоритъ задыхаясь, взволнованно.—Простите, простите меня. Развѣ жъ могли бы вы меня обидѣть? Вы молодая, вы наша! Простите же!

Какъ тяжелое что-то разомкнулись вѣки. Былъ безучастенъ затуманенный взглядъ.

— Я что же?!.. Я ничего!

И сидѣла снова рядомъ Таточка, и снова не понимала тво-

римаго ею страданія. Вся въ себѣ, свѣтящаяся, радужная, вѣрующая только въ свѣтлыя возможности, не могла она своевольно дѣтскимъ эгоизмомъ счастья угадать драму чужой души.

При томъ она вѣрила безотчетно и слѣпо—вѣрила, что тамъ гдѣ-то, въ вѣчныхъ скрижаляхъ закона, начертано было свершившееся. Такъ должно было быть, какъ случилось.

И волненіе Людмилы приняла она только за состраданіе и жгуче раскаивалась въ своей вспышкѣ.

— Вамъ, можетъ быть, кажется,—прошептала она, зардѣвшись стыдливо,—что я недостаточно умна для него? Поумнѣю,—добавила она нѣжно.—Такъ буду любить его, что сама поумнѣю.

Людмила не слушаетъ словъ. И не надо ей ихъ, все равно.

— Вѣнчаться...—говоритъ Таточка съ ясной улыбкой.—Они потребуютъ, конечно. Предразсудокъ силенъ. Вѣнчаться скорѣе потребуютъ. Что-жъ! Пускай. Дѣло не въ формѣ. Но пускай. Я вѣдь старозавѣтная. Въ церковь хожу. Свѣчечку люблю затеплить передъ образомъ. Только чтобы свободно, не по приказу.

— Свѣчи...—почему-то припомнила Людмила. Казалось, бредила.

— Да, свѣчи...—мечтала Таточка. — Лампады горятъ трепетно такъ. Надѣну бѣлыя одежды и буду невѣстой. И онъ возьметъ меня за руку. Поведетъ къ алтарю милый мой... Священникъ тамъ тихій. Старенькій пастырь... Молитвы скажемъ вмѣстѣ брачныя... и гимны запоются. Только насъ трое. Чтобы больше никто. Больше никто.

...Надгробное пѣніе... Надгробное пѣніе до слуха Людмилы доносится. Что слова? Не въ словахъ оно слышится ей. Ей чудится, что она раздвоилась. Вотъ какъ тогда... на озерѣ. Но двойникъ не ушелъ, какъ тогда... отдѣленный. А двѣ—обѣ въ ней одной. И слышитъ одна, какъ беззвучно рыдаетъ другая. Жалѣетъ, но не льетъ съ ней вмѣстѣ слезъ... Странный звонъ... звонъ издалека. Умирало что-то. Отрывалась часть живого. Хоронили... Звонъ погребальный...

— Хорошо любить, Батуева!—пламенно воскликнула Таточка. Все свѣтлѣли, все ярче зажигались ея глаза. Раскрывалось имъ грядущее. Прорицаніемъ вслухъ оживали мечты.

— Сынъ мой,—шептали горячія губы—онъ будетъ прекраснымъ. Пойметъ, постигнетъ все, чего не знаетъ мать. Солнце освѣтитъ ему дорогу. Солнечнымъ будетъ онъ, какъ отецъ.

Застыла Людмила. Мраморомъ скорби застыла. Хорошенькое, милое знакомое лицо казалось ей сейчасъ страшнымъ, неузна-

ваемымъ. Она боялась, боялась смотрѣть въ это лицо. Все слушала, слушала гулъ похороннаго звона.

Видѣла Таточка образъ мечтою навѣянный. Шептала молитвенно:

— Сынъ мой! Жду тебя... Люблю тебя, мой первый, мой солнечный сынъ!

IX.

— Жизни хочу... Жизни огромной, безмѣрной...

Безсильно стонала, металась одна въ своей комнатѣ Людмила; падала, надломленная.

Ограниченной, въ предѣльностяхъ, въ жалкихъ предѣльностяхъ являлась жизнь, когда за призракъ только жизненной радости надо платить жестокой, почти физической болью.

Ощущеніе тѣла и этой физической боли убивало ее. Крыльями духа неслась она къ самому свѣтилу безконечнаго. То были лишь крылья обманныя. Таяли въ солнечномъ свѣтѣ. Падало тѣло въ бездну. Черныя волны по пѣнистымъ гребнямъ били его о жесткіе камни. Проклинало тѣло безсильныя крылья. Погибая, боролось за торжество крови.

Власть. Принадлежность. Сліяніе двухъ въ одно. И въ этомъ радость. И въ этомъ боль. Кто завязалъ тотъ таинственный узелъ?

Софья Дмитріевна со страхомъ слѣдила за дочерью. Подмѣтила новый, особый сухой блескъ глазъ, странную нервность, пугливость. Спросить не рѣшалась. Ждала минуты свободнаго признанья, когда придетъ къ ней дочь сама. Минута не наступала.

Тягостно скрытно, тревожно тянулись молчаливые дни въ бѣлой красивой виллѣ. Роскошнымъ мавзолеемъ стояла она среди бодрой жизни окрестныхъ домовъ, среди распускающихся деревьевъ, веселаго чириканья птицъ. Солнце, казалось, не грѣло ее.

Не грѣло оно и Людмилу, лишь непріятно слѣпило глаза. Она пряталась въ тѣнь, зябла, куталась въ платки, какъ зимой.

Страшась случайной встрѣчи съ Шилинскимъ и Кекиной, она днями не выходила изъ дому. Матери объясняла странное затворничество тѣмъ, что боится не осилить къ сроку работы. Запиралась дѣйствительно, пытаясь обрѣсти исходъ и забвеніе въ трудѣ.

Книга валилась изъ рукъ. Мысли тянуло магнитомъ все къ тому же больному, мучительному, неотвязному.

Однажды, завидѣвъ въ окнѣ идущую очевидно къ ней Кекину, она стремглавъ сбѣжала внизъ и рѣзко заявила горничной, что ея сейчасъ нѣтъ дома. Въ комнату вернулась запыхавшаяся отъ волненія и быстрыхъ движеній. Заперлась на ключъ. Сторожила. Слышала разговоръ внизу, сожалѣніе Кекиной о ея отсутствіи. Бросилась къ окну. Приподнявъ край густой кисейной сторы, слѣдила вслѣдъ уходящей: Таточка шла опустивъ голову, задумчивая. Бѣлокурый затылокъ отливалъ золотомъ въ солнечномъ свѣтѣ. Тонкая, стройная фигура двигалась плавно и увѣренно.

Ненасытимо глядѣли неотрывные, блестѣвшіе изъ-за сторы глаза.

Онѣмѣли всѣ иныя чувства. Билось сердце въ тенетахъ безвыходныхъ. Кричало о помощи. Страшно Людмилѣ. Не въ силахъ она помочь: сама—раба безсильная. Проклятъ былъ кругъ безъ конца и начала. Презирала себя за рабство гнусное. Ту, что шла по улицѣ, ненавидѣла,—себя за нее ненавидѣла. Адъ познала Людмила.

Какъ же жить несвободной? Жаждать безмѣрнаго въ ничтожности огненной?

Въ дверь осторожно стукнули. Людмила убѣжала въ уголъ. Съ ужасомъ глядѣла на бѣлую дверь.

„...Войдутъ. Застанутъ ее врасплохъ, вотъ такою, какая она сейчасъ. Презрѣнной. Позорно сжигаемой. Счастье! Замкнутъ замокъ! Вѣрный, надежный стражъ — черный желѣзный ключъ. Не войдутъ“.

Стучали настойчивѣе... Голосъ матери... встревоженный: — „Это я, отопри!“

Къ зеркалу бросилась Людмила. Зачѣмъ-то стала прическу поправлять.

— Сейчасъ... сейчасъ!

Платокъ накинула на плечи.

„...Глаза выдадутъ, выдадутъ. Не спрячешь глаза“.

Отворила.

— Что съ тобой, милая?

— Заработалась.

— Глаза красные... Мучаешь ты меня.

— Ничего, ничего, мамочка, пройдетъ. — Людмила жмется, ластится къ матери съ короткимъ натянутымъ смѣхомъ.

— Томилова тамъ внизу. Не раздѣвается. На минутку проситъ. Ребенокъ боленъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

— Миша?!

Людмила бросилась внизъ, въ прихожую.

— Что, что случилось?

У Томиловой блѣдное лицо, глаза вспухшіе отъ слезъ.

— Мозговыя оболочки затронуты.

— Онъ одинъ сейчасъ?—встревожилась Людмила.—Я пойду.

— Соня возлѣ, спасибо... Хозяйка требуетъ въ госпиталь... Онъ въ сознаніи... плачетъ, боится... Не знаю, что дѣлать.

— Къ намъ!—вскрикнула рѣшительно Людмила.

— Конечно къ намъ, — подтвердила Софья Дмитріевна и прибавила:—можно положить его въ мою спальню.

Она безотчетно испугалась впередъ, заранѣе уже охраняя дочь отъ безпокойства.

— Пойдемте!—произнесла быстро Людмила.

IX.

— Удеру, удеру, удеру непремѣнно! Невтерпёжъ больше стало,—сказалъ Баклановъ Ощенкѣ. И теребилъ и щипалъ свою бѣлокурую бородку.—Зудъ такой душевный—съ ума сойти.

— Что-жъ, дерганемъ, братяга, пожалуй вмѣстѣ.

Въ глазахъ Ощенки вспыхнулъ огонь.

— Вдвоемъ и впрямь веселѣй, — откликнулся съ живостью Баклановъ.—Коли подстрѣлитъ кого часовикъ на границѣ, легче когда свой братъ хоть смерть-то увидитъ. И умирать будто легче.

— Не подстрѣлитъ, — усмѣхнулся иронически Ощенко. — Дичина больно дохлая, поджарая.

— Ну, въ тебя запалитъ,—засмѣялся Баклановъ.

— Отъ меня пуля отскочитъ, какъ отъ пружины.

Баклановъ позвалъ идти на лекцію пріѣзжаго изъ Россіи лектора. Ощенко, по своему въ такихъ случаяхъ обыкновенію, выругался и послалъ къ чорту.

Аудиторія небольшого помѣщенія была полна. У входа продавцы французскихъ соціалистическихъ листковъ продавали значки-символы—алые крошечные цвѣтки на булавкѣ.

Баклановъ пріобрѣлъ одинъ за су и воткнулъ его въ отворотъ пиджака.

— Надо же и мнѣ когда-нибудь прифрантиться.—Ему было почему-то весело.

— Ни алтына, ау, братъ!—сообщилъ онъ Саидову, сидѣвшему

возлѣ кассы, и указалъ на воткнутый цвѣточекъ. — Орденъ почетнаго легіона пріобрѣлъ. Чѣмъ рыломъ не вышелъ?

— Проходи!—улыбнулся ему въ отвѣтъ Саидовъ.

Баклановъ искалъ глазами Соню. Увидѣлъ ея тонкую, гнущуюся фигурку, глаза, внимательно устремленные на лектора. Вздохнулъ радостно. Онъ понялъ, что пришелъ сюда только затѣмъ, чтобы увидѣть эту тихую, грустную Соню.

„...Зачѣмъ она такая тихая? Какъ пришибленная. Вѣдь дѣло-то, пожалуй, дрянь...—думалъ онъ, глядя на блѣдное, землянистое личико, грустные, измученные глаза. — Неужто чахотка? Эхъ, болѣзная!..“ Она обернулась. Встрѣтивъ смотрящіе на нее добрые, любовные глаза Бакланова, кивнула ему, улыбаясь.

Лекція тянулась скучно. Самъ лекторъ былъ увлеченъ, захваченъ жгучестью своей темы. Говорилъ искренно то, о чемъ вслухъ не привыкъ говорить въ Россіи, радовался сказать это съ эстрады сочувствующей толпѣ. Но онъ напоминалъ школьника, сѣвшаго на стулъ учителя до его прихода въ классъ. Аудиторія скучала. Слушатели не слушали. Лекторъ въ своемъ самоувлеченіи не чувствовалъ, не замѣчалъ того.

Грань между нимъ, неоторваннымъ, живущимъ въ Россіи, и ими, оторвавшимися, спаленными пламенемъ, была слишкомъ рѣзка. Чѣмъ могъ зажечь онъ ихъ? Его жгучій напитокъ былъ прѣсенъ. Ихъ жажды онъ утолить не могъ. Имъ нужны были уже иныя слова. Быть-можетъ дерзкія, необычайныя, безумныя, странныя, невѣроятныя, но иныя.

Онъ умилялся предъ тѣмъ, что̀ было для нихъ уже самымъ обычнымъ. Онъ ужасался тому, что̀ стало для нихъ уже вовсе нестрашнымъ. Разсказчикъ и докладчикъ—онъ только сострадалъ, они уже сгорѣли. Онъ только вѣрилъ — они уже познали.

Познали ледъ и пламень. Кровь замерзающую въ жилахъ—кипящую огненной лавой. Вершины и страшныя бездны. Стремнины и дикія кручи... И пошлостью мѣщанства дышала для нихъ спокойная долина въ цвѣтахъ.

— Хорошо тебѣ соловьемъ залетнымъ заливаться,—подсмѣивался въ бородку Баклановъ. — Свобода-то передвиженій тебѣ, поди-ка, пріятель, легка.

Но, радуясь однако звукамъ родной рѣчи съ эстрады, слушатели похлопали во время перерыва.

— Что-жъ, все же мысли честныя.

Между столпившимися въ проходѣ Баклановъ пробирался къ Сонѣ. Она сама шла къ нему навстрѣчу.

Она сказала ему взволнованно, вмѣсто привѣтствія, позабывъ протянуть даже руку:

— Смертная казнь по херсонскому дѣлу всѣмъ десяти.

— Откуда свѣдѣнія?

— Газету получила. Четыре дня тому назадъ, значитъ, приговоръ. Теперь значитъ...

Она не договорила. Они взглянули другъ другу въ глаза.

— Да,—вздрогнулъ Баклановъ.—Десятый Ощенко.

— Спасенъ!—облегченно вздохнула Соня.

— Что жъ... слушать дальше будемъ?

— Нѣтъ, я домой пойду.

Взявъ отъ Сони газету, Баклановъ пошелъ проводить ее до дому.

— Непонятная вы какая-то, — проговорилъ онъ, когда они подошли къ дому, удерживая ея руку въ своей.

Она тихо высвободила руку. Проговорила какъ-то особенно раздраженно:

— Жить надо, жить, жить!

— Жить?

— Не могу, не могу я уйти въ иллюзію..., въ фантазію..., когда надо жить!

Неприсущая ей рѣзкость. Болѣзненный крикъ самозащиты. Слезы въ голосѣ—поразили его.

— Вы знаете, Соня, что я женатъ.

Она взглянула на него удивленно и нервно повела плечами.

— Зачѣмъ мнѣ это знать?

Улыбнулась невеселой, разсѣянной улыбкой.

— Она въ Россіи,—продолжалъ Баклановъ,—законная мадамъ Бакланова. Я по закону, какъ подобаетъ, ха, ха! А люди мы разные. И все у насъ по разному. Она... она вотъ въ жизни всѣ дороги знаетъ проторенныя. Не заблудится. Ха, ха! Ну и пусть, исполать ей! Благополучіемъ жизни богата. А я... ха, ха! Въ иллюзію, вотъ какъ вы говорите, ушелъ. Въ иллюзію. И по сей день въ странѣ фантазіи обрѣтаюсь. Благополучіе отвергъ. Ха, ха!

Голубые глаза его искрились весело. Поддразнивали. Шаловливая усмѣшка молодила лицо.

— Я вамъ когда-нибудь скажу... Когда-нибудь скажу, — растерянно пролепетала Соня. — Прощайте. Это... это вовсе не такъ уже смѣшно и просто.

Она потянула дверь калитки. Скрылась за стѣной.

X.

— Спишь?—осторожно окликнулъ Баклановъ за дверью.

Ощенко растворилъ ее.

— Развѣ кончилась лекція? Что такъ рано?

Баклановъ протянулъ молча газету. Ощенко понялъ безъ словъ. Поспѣшно схватилъ. Нашелъ роковыя строки. Вздрогнулъ.

— Уже?

Засвисталъ. Чиркалъ спичкой долго, долго, пока наконецъ вспыхнулъ фосфоръ. Рука дрожала, поднося папиросу къ губамъ.

— Девять сразу висятъ! Что жъ, почтимъ, что-ли, вставаніемъ? Такъ, кажется, именитыхъ мертвецовъ чествуютъ? Ха, ха!

— Оставь! Не балагань!—мягко остановилъ его Баклановъ.— Чего ужъ тамъ... передо мной-то?

Ощенко зашагалъ. Нервно дергались брови. Глаза ушли въ глубь, въ темноту. Стали черными и безъ блеска.

Жестокій приговоръ надъ товарищами неожиданностью не былъ. Онъ предвидѣлъ и ждалъ. Все же страшная мысль окрылялась надеждой: каторга и возможность бѣгства оттуда. Свершившееся застигло врасплохъ. Такъ всегда застигаетъ смерть, даже давно ожидаемая.

Онъ вновь схватилъ газету. Возлѣ его имени, послѣ тире стояло слово: „скрылся“. Судорожно скомкавъ, бросилъ презрительно газету на столъ. Захохоталъ злобными перекатами.

— Бѣглый хохолъ! Ха, ха! Малороссъ бѣглый!

— Оставь!—повторилъ строго Баклановъ.

Ощенко замолкъ. Метнулъ тоскливымъ суровымъ взглядомъ. Опять засмѣялся, но иначе. Подсмѣивался злорадно тихо въ бороду. Заговорилъ развязно-беззаботно, разнузданно-весело.

— Нѣту, братяга, какъ тамъ ни увѣряй, а въ стихахъ оно много великолѣпнѣе выходитъ. По просту не такъ. Что̀ по просту? Заревешь бѣлугой, волкомъ взвоешь—вотъ и все. А въ стихахъ...

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что̀ станется въ жизни со мною?

— А? Сколь великолѣпно! Всѣ девять разомъ висятъ, братяга, чтобы не обидѣлись! Ха, ха, ха!

Похвалялся. Сладострастно бередилъ сочащуюся кровью рану. Съ насмѣшкой на губахъ, съ влажными глазами, съ судорожнымъ, отъ боли дергающимся лицомъ.

Баклановъ цѣпенѣлъ въ злобѣ и жалости. Хотѣлъ обругать его, крикнуть какъ на пьянаго или безумца.

Мнѣ смертію кость угрожала...

—Ха, ха!—не унимался Ощенко. Раскатомъ грознаго колокола отбивалъ густой, звучный голосъ:

Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала.

— Да ну тебя! Не тяни изъ меня жилъ, чортъ!—вспыхнулъ Баклановъ. Двинулся съ мѣста. Тяжело легла ему на плечо рука Ощенки.

— Куда? Эхъ, нервная сударыня. Нервы не выдержали, нервы!

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!..

—тряхнулъ онъ съ удалью кудрями и сразу затихъ.

— Знаешь, я пожалуй въ поэта превращусь. Люблю стихи, какъ пѣсню. А какъ на нашей вечеринкѣ-то новогодней—помнишь—мальчонка про струны-то отхваталъ! Здорово дюже. Эхъ, нейдетъ давно мальчонка. Провалился, бѣсъ. Такъ про струны-то помнишь? Не рвутся, братяга, проклятыя.

Баклановъ не отвѣтилъ. Сжалъ руку товарищу. У обоихъ онѣ дрожали.

— Уходишь?

— Да, пойду.

— Проведу тебя до калитки. Швейцарскія семействія благородно дрыхнутъ. Ключемъ своимъ отдѣльнымъ отопру.

— Навѣдайся, дѣтина, завтра,—сказалъ Ощенко у ограды.— Мальчонкѣ передай... передай мальчонкѣ...

Онъ не закончилъ. Шутливо толкнулъ Бакланова въ спину. Хлопнулъ калиткой за нимъ.

— Вотъ тебѣ по шеямъ, проваливай!

Изъ-за ограды донесся его тихій смѣхъ.

— Ну-съ?—произнесъ Ощенко, вернувшись къ себѣ.

Незнакомой почудилась комната. Какъ послѣ сна долгаго нездороваго. Свое, а будто чужое,—не узнаешь. Дѣйствовать, дѣлать что-то скорѣй толкала особая торопливость, раздражающая. Поступковъ требовала. Присѣвъ къ столу, онъ набросалъ нѣсколько строкъ. Нахлобучилъ шапку. Вышелъ.

Ночь была притаившаяся какая-то. Звѣзды трепетно пытались разсказать о важномъ, скрытномъ, повѣдать о чемъ не пришло еще время.

Ощенко бросилъ въ почтовый ящикъ письмо. Поднялъ голову. Взглядомъ обнялъ отъ края до края сверкающую высь.

— Ну-съ?—повторилъ онъ вторично.

„...Три сигнала на поѣздѣ“. Три звонка почему-то вспомнились. За третьимъ—свистокъ.

Нѣжно обвѣвалъ вѣтерокъ лицо. Безпокойная торопливость тянула скорѣй назадъ въ комнату.

Онъ медлилъ.

Хорошо было вотъ такъ—одному среди пустынной улицы... уснувшей хлопотливости жизни. Свободнымъ взмахомъ глазъ обнимать безграничное. Безмолвно говорить со звѣздами.

Грустью прозрачной и нѣжной ласкала, голубила ночь.

— Минуешь, красавица? Вообще минуешь. Не для меня одного.

Разметать ему хотѣлось безмятежную величавость минуты. Надъ собою поднять бичъ. Свистнуть имъ, захлеснуть. Рѣзануть по самому сердцу. Червякомъ-тоской оно изъѣдено.

„...Взмыло море утесъ. Волна подточила. Камень дряблъ. Свалится въ море. Великолѣпіе міра—и человѣкъ въ лубкахъ. Вѣритъ, что для убожества пиръ? Муха жужжитъ въ паутинѣ... и человѣкъ — все равно. Лабиринтомъ кружитъ, лабиринтомъ. Крикнетъ—эхо назадъ отшвырнетъ насмѣшкою собственный голосъ. Издѣвается, подлое! Пропадай, красавица ночь, проклятьемъ заклейменная!..“

Онъ пришелъ въ комнату угрюмый, гнѣвомъ отравленный.

Рылся въ столахъ. Рвалъ, сжигалъ бумаги. Со дна ящика глянулъ женскій портретъ. Молодое, интересное лицо актрисы въ боярской кикѣ съ жемчужной поднизью. Глаза огненные, смѣлые, зовущіе. Радость жизни въ нихъ была безмѣрная.

Его поразило сходство женщины съ Таточкой.

— Отъ потѣха!—улыбнулся онъ ясной улыбкой.—Отъ что тянуло меня къ дивчинѣ. Съ кралей она похожа.

Жизни зной шелъ къ сердцу съ портрета. Отразился удалью въ мрачныхъ глазахъ. Углубился въ память. Унесъ къ отдаленному.

— Вспоминать будешь? Хорошо намъ съ тобою бывало, краля смѣлая.—Онъ поджегъ портретъ. Въ каминъ бросилъ его уже пылающій. Картонъ корежился, выгнулся. Изъ пламени мелькнуло лицо крали въ послѣдній разъ.

Онъ шепталъ задумчиво, разрыхляя остріемъ желѣзнаго прута горячій пепелъ:

— Хорошо намъ съ тобою бывало, смѣлая! Вспоминать будешь?

Ночь блѣднѣла. Дѣлалась перламутрово-сѣрой, съ переливами. Ощенко прилегъ.

Дрёма слетѣла сразу. Жуткая какъ забытье и тяжелая. Вспоминать хотѣлось. До боли вспоминать о чемъ-то важномъ, нужномъ, невозвратномъ.

Пѣсни стонали любимыя. Слова, кѣмъ-то когда-то оброненныя, бусами низались на нити. Тянулись нити... въ клубки свивались... рвались. Бусы разсыпа̀лись. Туманъ ходилъ дымный, густой.

...Въ мглистой жути тумана за рѣшеткой окно... Стѣны сѣрыя... Клокъ осенняго неба. Дождь молотилъ. Гдѣ-то выстрѣлъ... Человѣкъ закачался... упалъ.

Кто-то злостный и грубый точно дернулъ за руку.

— Что надо?—рѣзко окликнулъ Ощенко.

Никого... Знобило до костей.

Въ шкафѣ, гдѣ хранилось холостое хозяйство, былъ коньякъ. Ощенко залпомъ отхлебнулъ изъ бутылки.

— Еще полежать пожалуй можно?—сказалъ онъ нерѣшительно. Смотрѣлъ пытливо въ сѣрую даль.

Грудь ныла. Зловѣще стучали виски. Ознобъ смѣнился жаромъ пожирающимъ. Въ жути тревожной лѣнь мертвая навалилась свинцомъ. Не спалъ. Только лежалъ.

Тѣни вставали... Тѣни пропадали. Двѣ точки мигали въ тѣневыхъ облакахъ. Метались глаза чьи-то каріе. Они же веселые... они же печальные. Ласкающіе... скорбные... изнывающіе...

Ощенко узналъ ихъ—материнскіе глаза.

...Вдругъ поле степное... Ясно, ясно. Поле одно безконечное. Лишь небо да поле, поле да небо. Краски отчетливо яркія. Ковыль золотой переливами гнется. Воспрянетъ лѣсомъ густымъ. Мальчикъ кудрявый въ степи. Собака желтая, мохнатая, лапами рядомъ переступаетъ. Куда мальчикъ, туда и она по пятамъ... Султашка, вѣрный другъ! Лаетъ сочно. Ворчитъ, будто сердится. Взвизгнетъ радостно. Мордой толкнетъ. Говоритъ безъ словъ добрымъ взглядомъ: не уйду; куда ты, тамъ и я, Султашка.

Съ открытыми глазами мучительно грезилъ Ощенко.

Вся жизнь прожитая куда-то рухнула. Клоками растрепана. Ничего не осталось. Съѣдено. Выжжено. Ничего. Ничего... Висѣло девять мертвецовъ во мглѣ безумія...

...А Султашка, вѣрный песъ, все идетъ да идетъ по степи золотой, неотступно за кудрявымъ мальчикомъ. Да глаза... одни глаза безъ человѣка смотрятъ вѣщіе. Застывшіе—жгутъ. Копья отъ нихъ протянулись точеныя. Вонзаются въ сердце.

— Что жъ? Не люблю тебя развѣ? Не болитъ развѣ сердце мое по тебѣ? Не болитъ развѣ, мать?

Онъ вскочилъ, и впрямь точно копьями острыми поднятый. Въ горлѣ першило, ссаднило. Дымъ папиросъ былъ прѣсенъ. Гдѣ-то валялась сигара, отыскалъ. Затянулся ѣдкой горечью.

Въ открытое окно пронесся свѣжій вѣтерокъ. Въ темныхъ вѣтвяхъ каштана чирикала знакомая пичуга.

— Ааа!—обрадовался онъ.—Изволили проснуться. Здравствуйте!

Глубокіе врѣзы на лбу разгладились. Онъ подошелъ къ окну.

Птичка потѣшно крутила головкой. Вздергивала хвостикомъ. Встряхивала крылышками. Въ черныхъ бусинкахъ глазъ блестѣлъ задоръ.

— Вертлявая,—засмѣялся онъ беззвучно.—Солнца ждешь, шельма? И я его жду, понимаешь? Живая... и ты, и я—звено. Въ одной мы цѣпи, понимаешь? Ты можешь разорвать свое звено? Ну, говори же, птица, можешь? Молчишь... Эхъ, глупая!

Не выпуская изъ руки сигары, досталъ бисквитъ. Крошки сыпалъ на подоконникъ. Отошелъ въ глубь. Ожидалъ.

Птичка вспорхнула не сразу. Вспорхнувъ на окно, сразу не стала клевать. Какъ бы равнодушная, чирикала безпечно.

— Ишь шельма! Ишь шельма!

Отхлынуло больное. Пьянилъ радостный трепетъ природы. Блескъ многогранный—въ маленькой забавной пташкѣ.

Увлекаясь, въ забывчивости, онъ двинулся шумно, неосторожно. Птичка рѣзко чирикнула. Улетѣла.

— Э-эхъ, трусливая! Приласкать тебя хотѣлъ,—бросилъ онъ укоризненно. Высунулъ голову. Крикнулъ надорваннымъ стономъ:

— Отъ вина, думаешь, пьянъ? Жизнью пьянъ. Жизнь, какъ ты, поетъ, птица! Тоскою я пьянъ! Понимаешь?

Вѣтеръ трепалъ его лохматыя кудри. Бились, стегали его по лицу.

Солнце краснымъ серпомъ плыло изъ-за синихъ волнъ озера. Взглядомъ безумца, воспаленнымъ и жаднымъ, впился онъ въ растущій кругъ.

— Здравствуй, ваша всемірная свѣтлость! Я ждалъ тебя! Но... но повремени. Сигара еще курится.

Не торопясь курилъ. Длилъ наслажденіе. Свѣтлѣлъ востокъ. Сигара тлѣла. Стыла усмѣшка. Восторгъ сплетался съ ужасомъ. Пылалъ тухнущій взоръ.

— Я любилъ тебя, свѣтило! Ждалъ. Въ степи золотой тебя ждалъ!

Шелестѣли вѣтки каштана мѣрно, торжественно.

— Въ Россіи теперь страстные дни, — вспомнилъ онъ,— Пасха приближается...

Послѣдняя искра съ кускомъ сѣраго пепла, какъ живая, вздрогнувъ, оторвалась. Упала.

Брезгливо отшвырнулъ онъ черный окурокъ.

— Ну-съ?.. Ага... послѣдній свистокъ.

Рѣзко двинулъ ящикъ стола. Веревка, блестящая, твердая, закрутилась жгутомъ.

— И не взмылена, голубушка, ха, ха! И безъ савана... Безъ поповъ, докторовъ, прокуроровъ! Домашними средствами, ха, ха! Экспропріирую гонораръ палача!

Молодецкой походкой подошелъ къ торчащему въ стѣнѣ электрическому рожку. Смѣрилъ веревку. Всунулъ въ петлю голову.

— Мать, приходи. Родила и возьми. Тсъ! не рыдай.

Глянулъ въ солнце. Изъ послѣднихъ силъ—въ самое солнце. Сплюснулся, расплылся свѣтъ. Глаза матери въ сердце вонзились. Слезы брызнули. Міръ потухъ.

Коммиссаръ съ утренней почтой получилъ странное письмо.

„Я русскій самоубійца. Приношу извиненіе за безпокойство передъ вами и вашей страной“. Слѣдовали подпись и адресъ.

Коммиссаръ хотѣлъ разсердиться. Почему-то не смогъ.

XI.

Тревожно и страшно было въ бѣлой виллѣ. Стучалась смерть.

Маленькій Миша лежалъ у Людмилы въ комнатѣ. И день, и ночь несмѣняемо она сидѣла возлѣ его постели. Врачъ, бывавшій каждый день, видя ея утомленіе, совѣтовалъ перенести ребенка въ другую комнату, установить перемѣнное дежурство. Людмила не хотѣла слышать.

— Вѣдь ты же свалишься совсѣмъ,—упрашивала ее мать.

Томилова приходила, чтобы дежурить ночью. Соня забѣгала тоже. Людмила упорно и ревниво отклоняла всѣхъ.

— Вѣдь онъ умретъ... умретъ,—твердила она со страхомъ.

Твердо вѣрила, что лишь она одна спасетъ его отъ смерти. Вся ея воля свилась кольцомъ вокругъ изголовья больного, въ узкомъ пространствѣ комнаты. Она видѣла рвущіяся тонкія нити жизни. Въ неусыпномъ бдѣніи наитіемъ примѣчала, угадывала каждый новый на нихъ узелокъ—опасный или спасительный. Какъ могла отойти она отъ постели—пока шелъ бой на жизнь и смерть!

Узнавъ отъ Томиловой о трагическомъ концѣ Ощенки, Людмила заметалась. Рвалась туда. Молила передать товарищамъ, чтобы прошли они мимо ея дома, когда понесутъ гробъ на кладбище. Просьба была исполнена.

Взволнованная стояла она у углового окна своей комнаты, откуда была видна вся улица.

Ребенокъ спалъ въ тяжеломъ забытьѣ.

Донесся протяжный, рыдающій надробный напѣвъ. Вдали зачернѣла толпа. Людмила застыла. Смотрѣла. Увидѣла.

Они двигались мѣрно. Близко сжатые, какъ жмутся въ непогодь или въ минуту опасности. Ихъ руки высоко подняли гробъ. Онъ колыхался гордо-печально въ размѣръ ихъ плавныхъ шаговъ. Прохожіе обнажали головы. Природа сквозь слезы смѣялась. Шелъ мелкій дождь. Въ капляхъ его дробилось солнце радугой. Наплывали бѣлыя облака... уносились дальше. Солнце улыбалось въ воздушной синевѣ. Грѣло печальныхъ, несущихъ гробъ людей. Утверждало сіяніемъ, что для всѣхъ и вездѣ оно родное одинаково, что земля лишь бываетъ чужбиной. Сквозь тяжелую мрачную крышу посылало оно лучи останкамъ человѣка, пѣло гимнъ о всемірной отчизнѣ.

Ужасомъ трепетала Людмила за стекломъ своего запертаго окна. Слушала похоронную пѣснь, видѣла гробъ. „Гробъ... Жизнь ушла!.. Пропала ни за что. Зачѣмъ?“

Гнулись колѣни. Сердце возставало. Молиться или проклинать? Кому молиться? Кого проклинать? Ринуться внизъ. Головой разбиться о камень. Закричать воплемъ страшнымъ, предсмертнымъ. Вѣтру бъ могучему подхватить этотъ вопль. Унести за моря и долины. Застонать вьюгой-метелицей. Ураганомъ раззвонить звонъ похоронный. Дрогнули бъ люди... животныя... птицы... Міръ!..

Толпа близилась къ дому. Остановилась. Пѣли.

Людмила увидѣла Шилинскаго, несущаго гробъ. За нимъ Таточку. Они смотрѣли на нее. Глаза встрѣтились. Они взгля-

домъ послали ей грустный привѣтъ. Людмила вздрогнула. Трое... три человѣка... три сердца расплавились воедино въ горнилѣ скорби.

Людмила рванулась. Руками въ грудь впилась, чтобы не крикнуть. Слезы потекли тихія, жгучія. Истаять... истаять въ нихъ.

Толпа двинулась. Уходила. Уносила свою скорбную ношу. Надгробная пѣснь замирала.

„...Идите, пойте, кричите!..“—неслось изъ души заклинанье имъ вслѣдъ сквозь стѣны и крышу.

Людмила, шатаясь, подошла къ своему больному. Дыханіе со свистомъ и хрипомъ вылетало изъ маленькой груди.

Людмила согнула колѣни. Молилась невѣдомому, въ ней самой сущему.

— Я не хочу!

Въ величіи молитвеннаго ужаса, въ восторженномъ изступленіи воли невѣроятіе чуда извѣдала. Жгучую радость. Когда нѣтъ невозможнаго. Все, все возможно, ибо свершилось оно уже въ могуществѣ хотѣній.

По ночамъ, среди жуткой тишины, когда минуты монотонно неотрывно отбивали неудержимый бѣгъ времени, ей чуялось, что кто-то страшный и прозрачный сидѣлъ вмѣстѣ съ нею у изголовья больного.

— Я не хочу... Я не хочу,—шептала она страстно.

Мальчикъ метался въ кошмарномъ бреду. Голосъ былъ недѣтскій, одичалый, чужой. Истязали видѣнія въ хороводѣ неистовомъ. Въ мутныхъ глазахъ стояло безуміе.

— Я не хочу!—пламенно приказывала Людмила.

Прикладывала руку къ воспаленному лбу. Гладила нѣжно. Отъ ласки ребенокъ стихалъ. Тихо жалуясь, плакалъ. Слезы, катясь, застывали. Спускался спасительный сонъ.

Тогда волновало ее странное. Ей казалось, что не одной ея единичной волей усыпленъ безмятежно ребенокъ. Кто-то иной, ушедшій, но существующій, съ такою же мукой, какъ она, жаждалъ продленія маленькой жизни. Въ смятеніи искала она разгадки въ чертахъ уснувшаго ребенка. Душа тоскующая чья-то въ святомъ упорствѣ трепетала еще здѣсь. Такую же угадывала она подъ тонкой костью дѣтскаго черепа.—Ощенко! Не погибъ онъ,—нѣтъ! Только ушелъ.

Грудь ребенка вздымалась ровно. Людмила дремала въ креслѣ. Но все равно, сквозь чуткую дрему видѣла, слышала неуловимое. Удвоился слухъ. Утроилось зрѣніе.

Она слышала шумъ легкихъ, неосязаемыхъ движеній. Тихій, злорадный, циническій смѣхъ. Видѣла впадины глазъ жадныхъ, прожорливыхъ. Тонкіе, студенистые, цѣпкіе пальцы спрута. Смотрѣла безъ страха въ упоръ въ глаза чудовищу. Говорила гордымъ велѣніемъ:

— Я не хочу!

XII.

Одинокой бродила внизу по своимъ уютнымъ комнатамъ Софья Дмитріевна. Никогда еще одиночество не придвигалось къ ней такъ грозно вплотную. Мужъ къ Пасхѣ пріѣхать не могъ. Написалъ. Это усугубило мрачность ея настроенія. Добавило лишнюю каплю въ горькую чашу. „Начинается!“ — подумала она съ суевѣрнымъ страхомъ, хотя знала, что онъ дѣйствительно не могъ отлучиться по службѣ.

Здѣсь былъ уже май въ первой половинѣ—въ Россіи, по старому стилю, еще апрѣль. Софья Дмитріевна — сѣверянка, и по воспоминаньямъ какъ-то всегда вмѣстѣ — талый снѣгъ, запахъ сырой, обнажающейся земли... Ожиданіе... Пробужденіе... Запахъ ранней пасхальной весны... Раздражала ее теперь ликующая красота расцвѣтшаго лѣта. Смѣлость и опредѣленная яркость цвѣтовъ.

За границей отвыкла уже Софья Дмитріевна отъ напряженной сутолоки дней страстной недѣли, такихъ характерныхъ въ Россіи. Теперь вдругъ всплыло все позабытое. Зашевелилась привычка. Дѣтствомъ, юностью повѣяло.

Мелочи и важное перепутано вмѣстѣ, и гдѣ грани—не разберешь. Творожная бѣлая пасха, сдобный запахъ испеченнаго горячаго тѣста, ароматъ ванили, красное яичко. Колокола призывные. Ризы черныя, траурныя—и жуткое, страшное съ ними. Подъемъ напряженнаго духа—и сверлящія попутно заботы о съѣдобномъ. Ризы бѣлыя—и съ ними конецъ: радость свѣтлаго праздника, языческое, наивное—и тайна великая на торжищѣ явномъ. Однако жаждала теперь всей этой знакомой суетливости обычая, уже отъ него отвыкшая, Софья Дмитріевна. Жаждала, внутренно сознавая ненужность старыхъ привычекъ. Скомкалась душа. Билась тоскливая, никчёмная, безпріютная.

Маленькому Мишѣ было легче. Жаръ спалъ. Острота опасности миновала. Но слабость и возбужденность грозили каждую минуту осложнить положеніе. Смерть побѣжденная приникла ницъ.

Жизнь побѣдительница еще себѣ не вѣрила. Людмила все такъ же неусыпно самоотверженно слѣдила за ходомъ болѣзни.

Миша цѣнилъ это. И хотя бы у постели его сидѣла сама его мать, безпокойнымъ, внимательнымъ взглядомъ слѣдилъ за движеніями Людмилы.

— Да не уйду, не уйду, — успокаивала она его, улыбаясь.

— Я не ревную,—откликалась Томилова, сжимая Людмилину руку.—Я такъ благодарна вамъ, Батуева.

Приближалась пасхальная ночь. Миша лежалъ съ открытыми глазами. Гуттаперчевый мѣшокъ со льдомъ нетерпѣливо откинутъ въ сторону.

— Давитъ!—произнесъ, морщась, Миша, растирая нахмуренный лобъ. Приподнимаясь, онъ шепчетъ пугливо, скороговоркой. Прижимаетъ къ разстегнутой у ворота рубашенкѣ желтыя, худыя ручки.

— Не я... не я... тогда кошку... не я,—увѣряетъ онъ умоляюще.—Да не я же казнилъ кошку!—сердито, со слезами, выкрикиваетъ онъ.— Я... я засталъ только... висѣла... лапками дрыгала... лапками...—всхлипываетъ онъ, захлебываясь слезами и плачемъ.

Людмила растерялась. Это уже не бредъ—страшное какое-то воспоминаніе. Не забытье, но и не ясенъ взглядъ затуманенныхъ мольбою и ужасомъ глазъ. Онъ пытается отвлечь тяжелое отъ больной памяти. Говоритъ путаясь, краснѣя, какую-то мало ей самой знакомую сказку.

Распаленнымъ воображеніемъ Миша самъ хватается за ея усилія. Забылъ объ ужасномъ. Застыли на вспухшихъ вѣкахъ росинки слезъ. Слушаетъ, перебиваетъ. Воодушевляясь, выдумываетъ и мечтаетъ.

— Мы домъ построимъ высокій-высокій. Внизу будутъ кошки и собаки разныя—знакомыя и незнакомыя—всѣ, все равно. Въ серединѣ—мама. Она будетъ готовиться къ экзамену,—глубокомысленно, съ гордостью поясняетъ Миша.—А на верху, подъ крышкой, мы съ тобой.

Глаза мальчика разгораются восторженнымъ блескомъ.

— Мы будемъ на крышку ходить. Голубей кормить! Ура!—Рученками онъ хлопаетъ по одѣялу.

— Это правда, что Каинъ убилъ Авеля?—вдругъ останавливается онъ, загораясь смятеньемъ.—Правда? Скажи, это было?

— Было, — роняетъ неосторожно Людмила. Спохватилась поздно.

— Это правда... правда,—плачетъ Миша. Успокоить его

теперь не легко. Это самая страшная и излюбленная изъ всѣхъ исторій, какія онъ зналъ. Онъ всегда возвращается къ ней и все ждетъ, чтобы его разувѣрили. Ждетъ, зная заранѣе, что это было и написано въ маленькой зеленой книжкѣ, которую онъ самъ читалъ.

— А знаешь... знаешь ты, что моего папу казнили?

Дрожитъ, хватается за Людмилу. Ищетъ глазами опроверженія въ ея лицѣ.

— Перестань!—останавливаетъ она его строго. Сама цѣпенѣетъ состраданіемъ и ужасомъ.—Кто тебѣ басни такія разсказываетъ? Спать пора. Если не будешь меня слушаться—уйду.

Людмила очень похудѣла. Волосы собраны въ одну косу. Мягко падаетъ она, шелковистая, упругая, вдоль спины. Съ тѣхъ поръ какъ лежитъ у нея больной Миша, она причесывается такъ.

Держась за ея руку, Миша уснулъ, вздрагивая, вздыхая съ перерывомъ, какъ всегда дѣти послѣ плача.

Чувствуетъ Людмила спокойный отбой пульса въ его маленькой, блѣдной рукѣ. „Жизнь спасена! Сынъ будетъ жить. Какъ сынъ?“ — ловитъ себя она, смущенная, смѣется надъ собой. — „Брежу я, что-ли“? Но внутренній голосъ подтверждаетъ необычное, размышленью еще не подвластное. Близокъ ей мальчикъ органически. Вотъ какъ часть собственнаго тѣла. Не родила она его, правда. Но столько дней, ночей, длинныхъ, какъ часы, минутъ отчаяннаго страха. Смертельный бой за жизнь, когда сердце рвалось частями. Въ мукахъ возрожденный — это сынъ! Муки свои въ немъ любила она. Въ себѣ — его возрожденіе.

Рука затекла. Людмила высвободила ее осторожно. Мальчикъ не замѣтилъ. Спалъ.

— Въ церковь къ заутренѣ пойдешь?—спросила, осторожно, на цыпочкахъ входя, Софья Дмитріевна. — Онъ спитъ. Можно Селину попросить посидѣть до нашего возвращенія. Она еще спать не легла. Она уважаетъ нашу messe de minuit, и не откажется подежурить. Отчего ты Томиловой не сказала придти?

Все это Софья Дмитріевна проговорила очень быстро, точно конфузясь, оттого что боялась отказа и хотѣла, чтобы дочь пошла съ нею.

— Нѣтъ, мама, я останусь дома, — мягко уклонилась Людмила.

— Какъ хочешь,—вздрогнула огорченно Софья Дмитріевна.

Поднявъ платье, чтобы не шумѣть, она скользнула поспѣшно изъ комнаты.

Людмила отошла отъ постели. Утомленная, она съ удовольствіемъ протянулась на мягкомъ креслѣ. Спать не хотѣлось.

Мерцалъ ночникъ. Тишина вползла въ комнату. Остановилась. Притаилась. Особая, сладостная, блаженная. Какъ въ сумерки весной, лѣтомъ теплою ночью. Какъ въ лѣсу тишина. Тишь лѣсная—волшебная. Чувствуешь немолчный хоръ звуковъ невѣдомыхъ, неродившихся. Не ухомъ слышишь—чувствуешь слухомъ особеннымъ. Хрустнула вѣтка. Грубо ступилъ человѣкъ. Вздрогнула тишина оскорбленная. Мягкій свѣтъ ночника колебался. Углы были темны. Свѣтъ съ тьмою сочетались. Людмила всецѣло ушла въ блаженство тишины.

Въ тѣневыхъ перебѣгахъ отъ мерцающаго огня предметы, какъ въ сказкѣ, казались живыми. Каждый съ своимъ особымъ лицомъ, сущность его выражающимъ. Мебель... книги... засохшіе въ вазѣ цвѣты. Случайно скользнувшій взглядъ остановился расширенный. Людмила вздрогнула, какъ отъ укола. Въ тишину ворвалось враждебное. На пьянино лежали ноты. Въ тотъ памятный вечеръ Кекина играла по нимъ. Брошенъ камень въ воду, помутилась поверхность. Смятеніемъ и враждой заклокотало испуганное сердце.

Воспоминанія взгромоздились. Подробности, мелочи толпились, опережали, летѣли на нее стремглавъ, ударяя больно.

Людмила сидѣла неподвижно, испытывая свою память. Боль желанную задержать, удлиннить хотѣла... Давно уже все это было... давно, хотя прошло только два мѣсяца.

Плыли воспоминанія... уплывали. Съ ними вмѣстѣ отрывалось, относило волной что-то безконечно родное, какъ часть собственной души. Боль затихала.

И вдругъ стала свободной Людмила, отдѣлилась, совсѣмъ отдѣлилась и стала, какъ зритель, отдѣльная. Не холодная, не равнодушная, только тихая, тихая. Два образа окружились кольцомъ, два для нея милые. Они вмѣстѣ въ кольцѣ, она—отдѣльная. И не больно ей. Въ душу вошла тишина...

Иллюминована маленькая, изящной архитектуры церковь на пригоркѣ. Издалека она кажется Софьѣ Дмитріевнѣ освѣщеннымъ корабликомъ въ морѣ, костромъ посреди поля. Въ сторонѣ блеститъ, надъ озеромъ, электрическимъ солнцемъ маякъ. Поворачиваясь, мигаетъ свѣтомъ, какъ гигантская звѣзда въ темнотѣ. За оградой у церкви сладко пахнутъ въ клумбахъ цвѣты. Коренастыя деревья съ подстриженными верхушками, какъ великаны-люди съ огромными головами, стоятъ стражами у входа. Что-то

жуткое, необычное ожидается, и сообщилось это имъ, деревьямъ, и они тоже охвачены важностью ожидаемаго.

Подойдя къ воротамъ, Софья Дмитріевна остановилась. Ждала крестнаго хода.

Она любила эту минуту и съ нею сопряженный особенный трепетъ ожиданія въ своемъ сердцѣ. Въ Россіи, въ Петербургѣ она избѣгала заутрени въ домовыхъ церквахъ. Ждала всегда на улицѣ, возлѣ дверей какого-нибудь храма, появленія креста и, вмѣстѣ съ сопутствующимъ ему людомъ обойдя церковь, входила въ нее. Еще болѣе нравилась ей эта минута въ провинціи. Провинціальная толпа была патріархальнѣе, сердечнѣе.

Стоя среди благоухающихъ цвѣтовъ, Софья Дмитріевна прислушивалась сейчасъ къ благоговѣйному трепету своей души, съ странной, ей самой непонятной грустью.

Изъ распахнувшихся дверей изящной церкви вышли со свѣчами люди, заколыхался высоко поднятый надъ головами золотой, сверкающій крестъ. Страхомъ и надеждой задрожало сердце Софьи Дмитріевны. Таинственно страшнымъ казался ей крестъ надъ толпой людей со свѣчами. Она пошла безотчетно, потому что шли другіе. Она не понимала, чего недостаетъ ей и идущимъ съ нею рядомъ, но знала, что имъ недостаетъ чего-то одинаковаго съ нею. Была странная пустота, точно что-то утеряно.

...Гдѣ-то когда-то вотъ такъ же въ пасхальную ночь шла рядомъ съ нею баба—припомнилось ей почему-то сейчасъ. Шла баба. Корявая, невзрачная, какъ бы къ землѣ пригнутая. Она поднимала къ кресту умоляющіе глаза, шептала сморщеннымъ ртомъ:—„Христосъ, батюшка... спаситель!“ — Катились слезы... она утирала корявой рукой щеки, не трогая глазъ, и все смотрѣла на крестъ, все шептала.

Крестный ходъ возвращался въ церковь. Софья Дмитріевна шла какъ сонамбула, лишь до болѣзненной чуткости различая запахи цвѣтовъ.—„Смертію смерть поправъ!“—побѣдно и громко пѣли наемные пѣвчіе-французы. Непріятно схватило ухо Софьи Дмитріевны неправильность произношенія.

„Они не понимали словъ, пѣвчіе“—она вспомнила и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовала слова молитвы мертвыми и себя тоже мертвою. Да не она одна. Былъ мертвъ франтоватый священникъ въ открытомъ алтарѣ, мертвы стоящіе въ церкви. И мертвымъ игралъ отблескъ свѣчей на ихъ мертвыхъ чертахъ.

Не было освобожденія. Не было воскресенія. Камень еще не сдвинутъ съ гробового входа. Праздника не чувствовала Софья Дмитріевна.

И поняла. Вѣры—вотъ чего недоставало ей и всѣмъ этимъ стоящимъ людямъ.

„Эстетика... красивость легенды“,—думала она съ горечью. Вѣры простой маленькой корявой бабы не хватало. Ея слезъ, ея шепота: „Христосъ спаситель!“

Вернувшись домой, Софья Дмитріевна хотѣла подняться наверхъ къ дочери и остановилась.

Что-то обидѣть въ себѣ, и безъ того изболѣвшееся, не захотѣла. Чего-то нарушить въ ней побоялась.

Она раздѣлась и легла.

— Такъ лучше,—сказала она со вздохомъ.

Она услышала легкіе, крадущіеся шаги и, замирая сомнѣніемъ, хотѣла себя провѣрить.

„Да... да... это шаги Людмилы“.

Она приложила руку къ сердцу, чтобы остановить его быстрые перебои. Ей было и смѣшно, и странно ея волненіе.

Дверь подалась подъ мягкимъ натискомъ.

— Можно?—голосъ Людмилы звучалъ тоже взволнованно.

— Конечно, конечно, — торопливо приподнялась на подушкахъ Софья Дмитріевна.

Людмила подошла къ ней быстрой походкой. Горячими губами прижалась къ ея лбу.

— Христосъ воскресъ, мама!—прошептала она.

Софья Дмитріевна протянула руку, чтобы зажечь электричество.

— Шшъ!.. Не надо.

Софья Дмитріевна, затаивъ дыханіе, ждала чего-то. Чего—не знала сама.

— Ты, мама, удивлена?—раздался звенящій голосъ Людмилы.—Ты не ждала меня?

Какъ бы угадывала она спутанныя мысли матери, въ которыхъ сама не могла разобраться Софья Дмитріевна. Какъ бы желала провѣрить для себя уже ясное, но еще непривычное.—Ну, да, воскресъ!—сказала она. Возбужденная, горячая жалась къ матери.

— Ты спросишь, зачѣмъ не пошла я въ церковь? Зачѣмъ мнѣ присутствовать? Зачѣмъ слышать утвержденія, когда я—я въ себѣ, сама для себя знаю, что воскресъ!

Предвѣдѣніемъ, предчувствіемъ волнуется грудь Софьи Дмитріевны. Боится, вѣритъ и жаждетъ. За туманомъ вился темной лентой неоконченный путь. За туманомъ былъ горизонтъ.

Онѣ говорили долго, какъ влюбленные послѣ разлуки.

Она перебирала, лаская, густую шелковистую косу дочери

Русая дѣвушка съ одной косой была для нея родной и новой,— символомъ казалась коса. Дороги разныя сплетались въ одну.

XIII.

— Бѣжимъ вмѣстѣ, Соня, въ Россію!

Баклановъ потянулъ ее съ ласковой угловатостью за руку. Соня вспыхнула и не отвѣтила. Изъ коробки достала папиросу.

— Курите?—удивился онъ.

— Недавно научилась. Взгрустнется когда—помогаетъ.

— Не отвѣчаете что же?

— Вотъ и лѣто... Ощенко любилъ на лодкѣ пѣсню пѣть... Вотъ и нѣтъ Ощенки.

Она вздохнула. Затянулась дымомъ. Поперхнулась. Сморщившись, закашляла. Онъ запыхалъ задумчиво своей трубочкой.

Они сидѣли у открытаго окна. Черными выступами, похожими на развалины старой крѣпостной стѣны, горы заслоняли темнѣющую синюю даль.

Послѣ кончины Ощенки, Баклановъ часто заглядывалъ въ эту скромную комнату, и вечеряли они такъ вдвоемъ съ Соней, сидя подъ окошкомъ.

— Въ Россію развѣ не хочется?—прервалъ онъ молчаніе.— Что это вы точно къ тачкѣ каторжной здѣсь прикованы? Сама вѣдь, поди-ка, тоскуетъ? Комикъ, право.

Соня молча курила. Глаза щурила. Затѣмъ ли, чтобы скрыть ихъ выраженіе отъ Бакланова, или же просто вглядывалась въ мрачную синеву приближающейся ночи.

— А я не могу!—рѣзко утвердилъ Баклановъ.

Бросилъ недокуренную трубку. Сталъ шагать, круто дѣлая повороты на углахъ.

— Не втерпёжъ больше. Русскій что-ли я слишкомъ органически? Чортъ его знаетъ. Претитъ. Березу хочу кудрявую, и не милы мнѣ ни мирты ваши, ни миндали. Не хотите развѣ кудрявой, Соня, не хотите? Да отвѣчайте же, ну васъ!

Онъ былъ какъ-то особенно нервенъ, возбужденъ. Говорилъ слишкомъ громко. Въ глазахъ исчезла обычная добродушно-снисходительная усмѣшка, метались въ нихъ острые, колючіе огни.

— Вы развѣ не замѣчаете, что я... того... ха, ха! Не то чтобы пьянъ, а выпилъ. Выпилъ я малость сегодня, Соня. Развѣ не замѣчаете?

Она остановила на немъ унылый-унылый взглядъ.

— Зачѣмъ это?

— Вы, кажется, съ нотаціями? Эхъ!

— Нѣтъ, я что же... мнѣ какое же дѣло!

— Такъ вотъ я вамъ и покаюсь. Вчера я пьянъ былъ форменно, какъ самая подлая стелька. Какъ животное. Оттого и къ вамъ не попалъ. Не то чтобы не хотѣлъ. А просто все путное въ мірѣ позабылъ. А вы ждали вчера? Да?.. Сердились?

Онъ притронулся ласково къ ея рукѣ.

— Не сердитесь. Глупая бабья привычка казнить негодованіемъ оскорбленной невинности. Слишкомъ это по бабьему. Да и сердиться на меня нельзя.

— Что за неприкосновенность?—усмѣхнулась Соня, бросая папиросу.

— А вы, вродѣ какъ попъ, выслушавъ покаяніе, отпустите прегрѣшенія съ миромъ. Ладно? Вчера я съ типомъ однимъ здѣшнимъ въ кабакѣ подрался пьяный. Пакость какая. Слушайте, Соня,—ударьте меня. Я боли хочу физической... и отъ васъ.

— Что вы это?...—проговорила она разсѣянно.

Болѣзненной гримасой передернулись его губы. Онъ замоталъ головой и сплюнулъ слюну, точно хлебнулъ что-то отвратительно-ѣдкое.

— Себя въ конецъ потеряешь. Бѣжать, бѣжать надо. Ужъ дальше куда? — Онъ разводилъ руками, какъ бы самъ передъ собою поясняя, доказывая.—Все ничего. А напьешься—дебоша душа проситъ. Пить сталъ. Кровь бунтуетъ. Злость и сорвешь. Вотъ какъ изъ хлѣва свиного въ хоромы попасть парадныя. Заплевать паркетъ отъ злости тянетъ. Сознаешь, что свинство это—а тянетъ. За пріютъ благодарность восчувствуй, а ненавидишь.

— Тяжелая благодарность,—вздохнула Соня глубокимъ, ото всей груди идущимъ вздохомъ.

И его точно подхлестнули ея слова и вздохъ.

— Нѣтъ благодарности, Соня. Ложь! Тамъ, въ душѣ, гдѣ правда въ прятки не играетъ, ненавидишь благодѣтеля. Таковъ его, подлеца, удѣлъ. Не благодѣтельствуй. Вѣрно вѣдь, Соня?

Онъ какъ звѣрь въ клѣткѣ метался широкими шагами по небольшому квадрату комнаты.

Соня слѣдила за нимъ напряженнымъ взглядомъ, закусивъ нижнюю губу.

— А если попадетесь? — сказала негромко, сама пугаясь своего вопроса.

— Что жъ?—онъ пожалъ небрежно плечами.—Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Такъ, что-ли? Впрочемъ, мо-

жетъ и поваландаюсь годикъ-другой. Попирую на родной землицѣ. Такъ не тянетъ васъ, а?—подошелъ онъ къ Сонѣ.

Она поникла головой.

— Не тянетъ? — повторилъ онъ упорно и нагнулся надъ нею. Его горячее дыханіе обожгло ее.

— Оставьте, оставьте, оставьте! — внезапно крикнула она отрывисто.—Оста-вь-те,—протянула умоляюще.

— Что вы это, Соня?—Онъ откинулся испуганно.

— Чего пытаете? Чего пытаете-то?...

Она дрожала. Зубы стучали. Смотрѣла со страхомъ и тоской злымъ, затравленнымъ взглядомъ.

— Мать у меня, понимаете, мать! И трое малыхъ ребятъ.

Она задыхалась отъ внутренняго клокотанья. Съ трудомъ выталкивала, выдавливала слова.

— Развѣ я каменная? Деревянная? Развѣ, развѣ тоже не вѣрила, какъ другіе? Или не вѣрю? Мать въ то время умолила ѣхать сюда, мать!—выговорила она съ трудомъ. Блѣдныя щеки залилъ румянецъ.

Ему было тяжело. Онъ понялъ, что, самъ того не вѣдая, прикоснулся къ какой-то большой, еще не зажившей ранѣ. Какъ остановишь теперь потокомъ хлынувшую оттуда кровь?

— Надежда вся на меня, слышите?—вскрикивала Соня.—Опора. Кормилицей должна я стать. Мать на ноги дѣтей одна поднять не сможетъ. Что сироты. Отецъ нашъ пьяница. Я старшая. Мать бьется, изъ послѣдняго сюда мнѣ посылаетъ. А мнѣ развѣ легко?

Она почти рыдала, глухо, безъ слезъ, подспуднымъ, грудь рвущимъ рыданіемъ.

— Камни ворочать была рада. Камнемъ... камнемъ самой на мостовой лежать. Чтобы дорогой служить побѣдителямъ. Чтобъ растоптали—все равно.

Она смолкла. Голова поникла, безпомощно гнулась вся спина.

— Вѣдь вы не замѣшаны ни въ чемъ серьезномъ, Соня,—сказалъ онъ мягко.—За грѣхи прошлые разсчитываться тяжело не придется,—вотъ какъ мнѣ за вооруженное при арестѣ сопротивленіе,—задорная усмѣшка скользнула и застыла на губахъ.—А вы что жъ? Литературу перетаскивали подъ подоломъ, только, поди, и всего?

Она сжалась какъ отъ удара. Мгновенно вспыхнувъ, отвѣтила рѣзко:

— Я не изъ-за того.

Онъ устыдился. Почувствовалъ ея обиду.

— Простите,—произнесъ робко.

Дрожащая ея рука потянулась за папиросой. Чиркнула спичка.

— Такъ вы полагали, я изъ трусости? Ха, ха!—короткимъ истерическимъ смѣшкомъ покрыла Соня свою рѣчь. — Изъ трусости, ха, ха! Это было бы просто. Я слово матери дала, — ударилъ твердо ея голосъ.—Слово. Не вернусь, пока не кончу здѣсь.

Но ей было страшно какихъ-то его противорѣчій, она спѣшила со своими доводами срывающимся голосомъ:

— Жизнь отъ меня требуетъ... жизнь. Сейчасъ, сейчасъ требуетъ. Не могу на совѣсть взять чужой судьбы. Погубить не могу. Должна помочь!..

Отъ глазъ его шли нѣжные, жалостливые лучи. На губахъ зарницами вспыхивали, тухли грустныя улыбки.

— На костеръ себя возвела, — произнесъ онъ медленно,— возвела... и зажгла его своими же руками.

Она его не слышала. Откинула недокуренную папиросу. Обняла руками колѣни. Воспаленнымъ взглядомъ смотрѣла куда-то за стѣны узкой комнаты. Слова, какъ камни, потокомъ смываемые, летѣли, швырялись тяжелыя.

— Когда знамена... знамена развѣвались... Пѣсня неслась... Я шла опьяненная... умереть, умереть тамъ хотѣла. Возвратъ къ личному былъ невозможенъ. А вотъ, ха, ха,—не выдержала,— поддалась... жизнь меня взяла. О первый же шквалъ разбилась. Мачты, скажете, на ладьѣ были непрочны? Что-жъ... не героиня, ха, ха. И казнюсь... и казнюсь!

Онъ чувствовалъ себя раздавленнымъ, разбитымъ. Человѣкъ пыталъ себя передъ нимъ. Изувѣрски сдиралъ съ себя съ живого кожу. Обнажалъ кровяные мускулы. А онъ, зритель этого ужаса, былъ безсиленъ.

— Я вѣрю, я все же вѣрю,— не измѣнница я, не измѣнница.

Она шептала запекшимися губами. Голосъ, слышный на отдѣльныхъ нотахъ, былъ сиплъ. Глаза вращались, блуждающіе въ безнадежной тоскѣ.

— Я слово матери сознательно дала... да, да. А только вы про тачку... про тачку-то каторжную, это вы вѣрно... ха, ха... подмѣтили, справедливо... правильно, ха, ха!... Ни тутъ я, ни тамъ. Ни тамъ... и ни тутъ... нигдѣ! Вериги!

Пальцы вонзились въ грудь, судорожно захватили матерію

лифа. Дернулись въ сторону обѣ руки, точно и впрямь срывались вериги.

— Бросьте! — проговорилъ онъ глухо. Схватилъ съ силой ее за руки.

— Погибаю, — простонала она.

Нужно успокоить — онъ зналъ. Говорить было надо. Словъ утѣшенія, нужныхъ словъ не находилось, а всѣ, какія приходили въ голову, казались пошлыми, обидными, а потому ненужными. На эту мучительную исповѣдь лишь слезы, горячія слезы могли быть отвѣтомъ. Но плакать онъ не могъ.

Онъ выпустилъ ея дрожащія, холодныя руки и уронилъ печально и мрачно:

— Я хочу уже завтра, Соня. Уйдемъ вмѣстѣ, если сможете.

Онъ выговорилъ все это тихо, тихо, какъ бы въ комнатѣ умирающаго, боясь потревожить уходящую жизнь.

Она услышала. Вскочила.

— Нѣтъ! — Впередъ метнулась испуганно.

— Скорѣй бы! Чего тянуть! Хулиганомъ валандаюсь. Каждый день здѣсь для меня фаталенъ. Каждый день — каторга. Душа плѣснѣетъ. Пожалѣть душу надо.

Снова болѣзненная, брезгливая гримаса расползлась по его лицу.

— И дома не сахаръ. Нелегальщина. Скрыванье. Претитъ. А все же дома будто лучше. Душа родными соками питается. О ней тоже подумать надо, о душѣ.

— Нѣтъ, — повторила она. — Нѣтъ, нѣтъ!

Вскинула руками какъ крыльями. И, какъ крылья подстрѣленной птицы, онѣ упали ему, тяжелыя, на плечи.

— Да нѣтъ же, нѣтъ!

Глаза его были близко, близко. Голубые, ласковые, смѣющіеся.

— Я тоже слово далъ. Знаете?

— Не... не глумитесь. Лежачаго что уже бить!

— Увидимся, можетъ, родная, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. — Доживу до вашего пріѣзда. Разыщу ужъ на днѣ морскомъ — прибавилъ онъ весело. — Ну, а если паче чаянія... ха, ха! Не судьба, значитъ. Съ мертваго взятки гладки.

Она вся ушла въ созерцаніе глазъ голубыхъ, смѣющихся, странно таинственныхъ: тамъ ужасъ и любовь мѣшались съ безумной улыбкой.

Губы нѣжныя шевелились подъ бѣлокурыми шелковистыми усами. Она ловила ихъ движенія, не слышала, а видѣла слова.

— Нельзя,—прошептала она.

— Да и я не скажу, чтобы очень стремился на плаху. А впрочемъ... не такъ уже оно страшно. Это не важно, Соня, что мы съ вами погибнемъ. Гибли и гибнутъ! Имя имъ легіонъ. Въ человѣка влюбленъ я, поймите. Вѣрую я въ него. А тогда ничего вѣдь не страшно! Правда, Соня, милая?

Голубые глаза спрашивали и тутъ же давали отвѣтъ, загораясь орлиной отвагой.

Губы растянулись узкой розовой полоской надъ бѣлыми ровными зубами.

— Человѣкъ... человѣкъ не для смерти! — лепетала Соня уже за предѣлами отчаянія, въ бреду иного, туманнаго, жгучаго сознанія.—Не для смерти.

— Для жизни и радости!—откликнулся онъ бодро и молодо.

А она повторила за нимъ:

— Для жизни и радости!

Она тонула, тонула въ бездонной пучинѣ. Только тонкими нитями держали ее хрустальные смѣющіеся глаза. Сіяли лазурнымъ блескомъ.

...„Померкнутъ они, лучезарные, застынутъ нѣжныя губы. Смертью окаменѣютъ бѣлый чистый лобъ... кудрявая бородка... блѣдныя щеки. Весь онъ, весь перестанетъ дышать. Жить перестанетъ. Погибнетъ! Насильственно перестанетъ жить!“

Губы снова шевелились. „Не надо больше словъ“. Шевелились... Она впилась въ нихъ глазами. Вся жизнь ея прикоснулась теперь къ нимъ. Вся жизнь! Закрыла вѣки. Какъ въ воду кинулась, холодная, замирающая. Прильнула... Страшенъ былъ поцѣлуй. Безкровенъ и ужасенъ. Не кровь живая текла въ жилахъ. По каплѣ, по каплѣ расплавленнымъ стынущимъ металломъ ползло что-то тяжелое, тягучее. Жгло мучительно стальными морозными иглами. Рыдать изступленнымъ безуміемъ. Умереть... умереть!

Было ли то лишь мгновеніе? Протекли ли часы?..

— Прощайте, Соня.

Лицо его было блѣдно и въ слезахъ. Сквозь прозрачную влагу, солнцемъ свѣтилась любовь.

...Точно сонъ. Мучительный и дивный... Разсвѣтъ?... Или, быть можетъ, все еще длится вечеръ?!.. Стаканъ недопитаго чая... Запахъ дыма... на полу пепелъ отъ трубки... Человѣкъ любимый ушелъ. Былъ ли наяву? Ушелъ ли навсегда?... „А потомъ пойду съ отвагой“... такъ, кажется, въ пѣснѣ? Пѣсня такая есть. „Я на плаху умирать“... Какой вздоръ!... Зачѣмъ уми-

рать? Костеръ или плаха?... Плаха или костеръ?... Развѣ жъ нѣтъ выхода? Выхода нѣтъ?

Вампиръ сердце сосетъ, кровь высасываетъ. Разорвать покровы тѣла. Сердце вырвать, пустота останется, легкая, безкровная.

...Губы его нѣжныя шевелились... шевелились. Любовно глаза ласкали прекрасные. „Человѣкъ для жизни и радости". Призракъ выросъ прозрачный. Колебался. Призракъ съ лицомъ Бакланова. Но то былъ не онъ. Кто-то иной, и не одинъ, а было ихъ много.

Соня вытянула впередъ руки. Осязать... дотронуться... И исчезло видѣніе.

Качался полъ, шатались, какъ пьяныя, горы. Небо въ корчахъ умирало. Потолокъ спускался ниже, ниже...

— Вѣрую въ тебя, человѣкъ!...—крикнула Соня.

Упала безъ чувствъ.

XIV.

— Прощайте, молчаливая! — Митюгина звонко ударила по плечу Людмилу.—Славный вы были товарищъ. И пусть дорога вамъ будетъ легкая! А мы останемся, ха, ха.... Останемся. Я-то уже навѣрное: ноги какъ корни вросли въ чужеземщину. Постранствуемъ еще. Съ милой молодежью моей поваландаюсь, ха, ха! Пожалуй и натурализуюсь. Не знаю только, ха, ха, которое отечество за свое принять.

Людмила на дебаркадерѣ въ сѣренькомъ дорожномъ костюмѣ. Съ ниспадающей изъ-подъ надѣтой назадъ соломенной панамы русой косой смотрѣла растерянно и радостно. Отрываться отъ обстановки, ставшей почти родною, было нѣсколько жутко, не вѣрилось въ осуществленіе желаннаго отъѣзда.

Миша, худенькій и блѣдный, выросшій послѣ болѣзни, оттащилъ Людмилу въ сторону.

— Ты смотри,—онъ значительно грозитъ пальчикомъ:—никому... ни, ни... въ Россіи не разсказывай про секретъ. Про домъ, который мы съ тобой построимъ, когда я пріѣду. Высокій. Про кошекъ и собакъ тоже молчи,—слышишь!

Соня подошла, жметъ руку Людмилѣ. Какъ-то торопится, чего-то извиняется. Рука влажная, холодная, какъ у больной. Больные, умоляющіе, безнадежные, тусклые глаза. Въ нихъ—зависть задавленная, не злая.

Людмилѣ непріятно, тяжело присутствіе Сони. Гложетъ ее всегдашнее чувство своей безвинной виноватости. Въ мозгу навязчиво встаютъ, упорно вертятся сопоставленія съ какой-то отвлеченною воображаемой тюрьмой. Открылась дверь ея каменнаго ящика—она на волѣ. А Соня—въ заточеніи такъ и осталась. Откроется ли дверь?

— Право не знаю, какъ безъ васъ. Привыкла я очень,— говоритъ Томилина, улыбаясь сквозь слезы. Обнимаетъ нѣжно. Освобождаетъ сердце Людмилы отъ налетѣвшаго сумрака эта милая ласка.

Митюгина все болтаетъ да болтаетъ, смѣшно шевеля губами, поддерживая сползающее съ короткаго носа пенснэ.

Выдержанный Саидовъ, приподнявъ шляпу надъ гладко остриженной головой, желаетъ добраго пути.

....Сейчасъ все это исчезнетъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ панорамой освѣщеннаго солнцемъ города, съ черными башнями средневѣкового собора, съ горами на горизонтѣ и синимъ озеромъ внизу... исчезнутъ.... Перестанутъ „быть“ въ настоящемъ. Прошлое уже движется.... движется опустить забрало.

Лицо Людмилы вдругъ озарилось смущеніемъ—радостью, рвущейся наружу.

По дебаркадеру къ ней спѣшили Шилинскій и Кекина.

— Вотъ и мы!—Георгій смѣется отрывисто, запыхавшійся жметъ руку Людмилы.

Это ихъ первое рукопожатіе послѣ пережитыхъ событій, и кажется оно Людмилѣ только первымъ въ дѣйствительности.

Шли, подходили еще и еще люди.

— Кланяйтесь нашимъ, когда увидите нашихъ, — хохотала ядреная заноза Вѣткина.—Слушайте, привилегированная, не серчайте, если я иногда васъ прохватывала. Зубы у меня, знаете, острые, сибирскіе, какъ у хорька, ха, ха! А вы все же парень добрый.

Софья Дмитріевна, распорядясь багажемъ и билетами, подошла къ группѣ.

— Еще есть время... Присядемъ къ столу.

Всѣ расположились у одного изъ буфетныхъ столовъ, стоявшихъ на воздухѣ подъ деревяннымъ навѣсомъ. Лакеи бѣгали, приносили холодное пиво въ кружкахъ. Въ стеклянныхъ бокалахъ красиво играли яркими расцвѣтами прохладительные сиропы.

Подходили, отходили поѣзда, спѣшили пассажиры безъ суетливости, легко и привычно. Была какая-то особая гармоничность

въ непрерывномъ движеніи, въ смѣнѣ куда-то дальше ѣдущихъ лицъ.

— А вы спозаранку забрались,—сказалъ Саидовъ.

— По помѣщичьи, — улыбнулась Софья Дмитріевна.—Спокойнѣе, да и присѣсть передъ отъѣздомъ можно.

Она приказала подать вина.

— Вспрыснемъ нашъ отъѣздъ!

— Что-жъ, промочимъ,—съ хохотомъ привѣтствовала предложеніе Вѣткина.

Саидовъ покачалъ головой укоризненно.

— А что жъ?—откликнулась она.—Мы пріятели.

Она шаловливо и любовно треплетъ по плечу Людмилу.

— При полной наличности данныхъ ихняго буржуйнаго обличья—душа у нихъ человѣчья, ха, ха!

— Эхъ, молчаливая! — поднимая свой стаканъ, вздыхаетъ Митюгина.—За молчаливую!

— Нѣтъ, нѣтъ! — кричитъ Таточка. — Пусть всколыхнется волна въ молчаливомъ озерѣ!—и шепчетъ лукаво Людмилѣ на ухо:—Полюбить вамъ надо, полюбить, вотъ какъ мнѣ.

— За свѣтъ въ молчаніи!—внезапно и какъ бы самъ того не ожидая, произноситъ Шилинскій.

Звякнулъ стаканъ о стаканъ.

Въ глазахъ Людмилы забрезжилъ странный особый блескъ.

...„Я люблю тебя“,—сказали они. „Это не важно, что наши пути расходятся и, можетъ быть, никогда не сойдутся. Ты существуешь — въ этомъ все. Ты есть, и я тебя познала. Познала.... Полюбила. Черта прошла, и смыть ее не сможемъ—ни ты, ни я. Люблю тебя сильнѣе, чѣмъ мать, невѣста и жена. Безъ принадлежности люблю безмѣрнѣе“.

— Завидуешь ей, что она уѣзжаетъ въ Россію, завидуешь?—ревниво и нѣжно допрашиваетъ Георгія Таточка.

— Завидую,—отвѣчаетъ онъ тихо.

— А хочешь, я тебя отдую!? — Она смѣется, ударяя его рѣзво и ласково по спинѣ.

...„Это все равно, что я не буду тебя видѣть... Все равно...“—продолжаютъ глаза Людмилы. „Нѣтъ для любви моей условности пространства!“

Охваченъ жуткимъ безпокойствомъ Георгій. И какъ библейскій царь во время пира узрѣлъ ему лишь одному явленныя буквы, такъ онъ сейчасъ почувствовалъ въ таинственныхъ глазахъ ему лишь одному понятную таинственную рѣчь.

И взглядъ его, вспыхнувъ, спросилъ: „А если придетъ другой?“

Улыбнулись свѣтящіеся глаза. Отвѣтили: „Онъ будетъ твоимъ лишь отраженіемъ. Да и онъ не придетъ... Не придетъ!"

— Leben und leben lassen! — сказала задумчиво Софья Дмитріевна, допивая прозрачный янтарь вина въ своемъ стаканѣ.

— Чьи это слова?—спросила Митюгина.

— Не помню.

— Лишь бы слова хорошія—имя не важно.

— А Бакланова, жалко, нѣтъ. Чего не пришелъ?—спохватился кто-то.

— Я не знаю...—растерянно лепечетъ Соня, хотя никто не обращался къ ней съ вопросомъ.

— Разбредемся понемногу!—вздохнула Митюгина.—Вотъ и Ощенко...

У вагона всѣ снова скучились дружно и близко.

...„Прощай!"—блеснули грустно глаза Людмилы.

Георгій весь подался впередъ и, самъ не зная какъ, порывомъ поцѣловалъ ее прямо въ губы.

— Теперь я завидую, я... я! — зашумѣла Таточка, бурно схвативъ Людмилу въ объятія.

И всѣ чередомъ обнимали съ поцѣлуями. А на губахъ Людмилы горѣлъ цѣломудреннымъ пламенемъ, запечатлѣнный навсегда, только одинъ его чистый, единственный, первый поцѣлуй.

Какъ лодка отчалила отъ берега, оттолкнулся, двинулся поѣздъ.

Миша побѣжалъ вслѣдъ за поѣздомъ съ плачемъ. Махалъ рученками. Убѣдительно-умоляюще кричалъ. Доносились обрывки, возгласы фразъ:

— Не говори... выросту... секретъ...

Въ противоположную отъ уходящаго поѣзда сторону бѣжала спотыкаясь, закрывъ лицо руками, Соня. Душила въ груди своей стоны... Уѣзжали въ Россію. Не могла... не могла она видѣть.

— Я рада все же, что она уѣхала,—прошептала, прижимаясь къ Георгію, Таточка.

— Почему?—онъ вздрогнулъ. Мысли неизреченныя шли на него стройными рядами, и не могъ ихъ вмѣстить взволнованный мозгъ.

— Я рада!—упрямо повторила Таточка.—Она знаетъ слова какія-то безсловесныя, и мнѣ ея стало страшно.

Она смотрѣла на него испытующими глазами, впервые почувствовавъ ревность.

Его рука легла мягко и нѣжно поверхъ ея плечъ, и они пошли вдоль перрона.

— Ты хорошо сказала... „безсловесныя слова“. Міръ безграниченъ! Заглянешь за грани обычнаго — какъ на Платоновскихъ небесахъ крылья растутъ.

Качаются вагоны отъ быстраго бѣга поѣзда. Укачиваетъ точно въ гамакѣ. Мысли въ ритмъ за стучащими колесами волнами бѣгутъ.

Вынырнувъ изъ-подъ сырыхъ сводовъ туннеля, поѣздъ змѣисто скользилъ вдоль синяго озера. Сидѣвшія на сѣрыхъ громоздкихъ камняхъ, чайки не пугались. Любопытныя и привычныя къ этому зрѣлищу, онѣ зорко высматривали себѣ подачекъ изъ раскрытыхъ оконъ съ человѣческими лицами. Лишь одна шарахнулась, метнулась, распластавъ широко крылья, съ жалобнымъ крикомъ пронеслась низко надъ водою. Но этотъ крикъ такъ и остался одинокимъ.

О берегъ бились волны, разбѣгались съ серебряными каплями пѣны на гребняхъ. Шептали прощальную ласку.

За темнымъ абрисомъ собора спряталось багровое солнце. Запламенѣлъ горизонтъ. Какъ въ пламени пожара, стояли на горѣ стрѣльчатыя башни собора.

Людмила, закинувъ голову, прислонилась къ спинкѣ дивана. Надъ бровями углубились рѣзко двѣ небольшія вертикальныя складки. Она вдругъ нетерпѣливо сбросила шляпу и огляпулась.

— Ѣдемъ!—сказала она какъ бы себя не вѣря.—Рука ея легла на руку матери.—Оторвались.

Софья Дмитріевна крѣпко пожала маленькую нервную руку. Отъ мѣрнаго ритма колесъ мозгъ работалъ возбужденно.

Вставали, смѣнялись все новыя, новыя мысли... Но сжимались онѣ кольцомъ вокругъ одного ядра. Материнство—неразрѣшенныя, жгучія сомнѣнія... все то же... все то же...

...Вотъ какъ въ маленькомъ клубкѣ разматывается нить длинная... длинная. Клубокъ откатился, а нить еще держитъ его. Вдругъ грань. Нить порвалась. Клубокъ неудержимо катится дальше. Остаться ли порванной нитью? Навиться ли вновь на клубокъ и съ нимъ и за нимъ катиться по новымъ дорогамъ?!

Въ наплывающемъ хаосѣ мыслей — вдругъ яркой картиной когда-то видѣннаго вспыхнула живая, жизненная сцена.

...Тоже вагонъ... лѣто... жарко. Софья Дмитріевна—молодая дѣвушка. Поля... Колокольчики и ромашки... Ольховыя рощи... На темныхъ елкахъ яркими брызгами зелень распускающейся

новой хвои... Двѣ дамы въ вагонѣ не то чтобы спорятъ. О дѣтяхъ своихъ говорятъ. И говоритъ одна:

— „Это такъ важно. Я, право, не знаю, какъ быть. Не понимаю, какъ примѣниться? Строгость системы или мягкость? Бороться или поощрять?“

— „Любить надо,—отвѣчаетъ другая, улыбаясь.—И это такъ просто—любить“.

Слушала тогда еще не познавшая материнства Софья Дмитріевна. „Любить“. Только теперь, черезъ ступени пройденныхъ годовъ, она понимаетъ глубокую простоту этого слова. Любить труднѣе, гораздо труднѣе, чѣмъ поощрять или бороться.

— Какъ хорошо отрываться, мама!—произноситъ Людмила мечтательно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я именно думаю, что этого не надо,—тревожно опровергаетъ, вся вспыхнувъ, Софья Дмитріевна.

— Мы, очевидно, о разномъ,—улыбается загадочно Людмила.—Мое—не страшное. Съ моимъ легко.

Она закрываетъ вѣки, какъ бы затѣмъ, чтобы не видѣть ничего развлекающаго мысли, внѣшняго, и говоритъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Какъ хорошо отвергнуть!

— Тогда ничего не любить?!—произноситъ испуганнымъ полувопросомъ Софья Дмитріевна.

— Нѣтъ, нѣтъ—любить!—страстно вспыхиваетъ Людмила.—Но... но... не потому, что оно *мое*, чтобы стало *моимъ!* Чье это? — порывисто двинулась она къ окну.—Чей вѣтеръ? Чье солнце? Чье небо?.. А ты любишь, ты любишь ихъ?

— А земля?

— Ничья, мама, ничья!

— Родная земля... родина...—теряясь, шепчетъ Софья Дмитріевна.

Загорается больше Людмила. Звенитъ серебрянымъ звономъ молодой какъ пѣсня радостный голосъ.

— Это иное, мама, иное. Не матеріальна та связь. Духомъ мы близки. Вѣками слагалось. Милліонами душъ создавалось, вотъ именно тамъ, на этомъ клочкѣ, вотъ именно этой земли. Въ мою душу вдохнулось. Не умерли души. Языкъ не умеръ. Его душа — моя. Его музыка... Его музыка — моя родина. Изъ слезъ человѣка и шума березы, изъ бѣшеной удали и тоски... Изъ плеска могучей рѣки... пѣсни соловьиной... раскатовъ весенняго грома!

— А дѣти?—хотѣла спросить Софья Дмитріена.

Испугалась. Боялась. Не хотѣла отвѣта. За нимъ грезился ей призракъ чуждой, новой свободы. Этой свободы ей было страшно.

И все же гремѣли засовы, растворялись двери. За новыми предѣлами рождались освобожденныя мысли. Вспыхивали огни.

...„Развѣ въ дѣтяхъ не наша повторная жизнь? Обновленная?“ — шептали измученной, сомнѣвающейся душѣ вновь рожденныя мысли. — „Мы не умѣемъ охватить самихъ себя. Мы трусливо боимся вникнуть. А мы жизнь продолжаемъ. Жизнь и себя. Но мы мертвы, хотимъ жизнь удержать у своихъ могилъ. Удержать?! Когда надо мчаться, летѣть за нею. Рождать... Быть матерью жизни!..“

Дождливая была ночь. Дождь разсѣкалъ косыми рядами мглу. Злобно хлесталъ, сердитый, неистовый. Пограничная канавка бурлила свинцовыми волнами. Иззябшіе, промокшіе до костей часовые проклинали и ночь, и дождь, и канавку.

Человѣкъ крался ползкомъ по мокрому грязному полю. Онъ радовался мглѣ и дождю. Человѣкъ былъ Баклановъ.

Онъ не захотѣлъ прибѣгнуть къ обычному переходу съ проводникомъ изъ пограничнаго городка. Выйдя на станціи, рѣшилъ на удалую рискнуть одинъ. Сердитая, мглистая ночь была лучшей защитой. Ждать, оттягивать онъ не хотѣлъ, не могъ. Сжигало нетерпѣніе. Казалось, секунды ползли какъ часы. Онъ жаднымъ, воспаленнымъ взглядомъ обнималъ, вымѣривалъ пространство до завѣтной канавки. Нашелъ безопасную точку. Часовые одинъ отъ другого стояли далеко. Ихъ сжавшіяся, съ приподнятыми плечами фигуры были безпомощны и жалки.

Онъ подползъ къ самому краю. Вспухла, вздулась вода. Прыгали крупныя капли, дождемъ разсѣкаемыя. Все тѣло его дрожало. Онъ не чувствовалъ холода, пожираемый нетерпѣніемъ. Кипѣло, клокотало оно въ немъ. Распирало тонкую клѣтку, клѣтку груди. Еще мигъ — разорвется она! Онъ снялъ сапоги. Вбродъ перешелъ. Прыгнулъ, ухватясь за откосъ. Ноги скользнули по размокшему илу. Завязъ. Впился дрожащими пальцами въ землю. Прыгнулъ отчаянно и побѣжалъ. Нетерпѣніе вихрями гнало, хлестало. Что было тамъ — позади — все равно. Впереди лежала Россія. Вотъ она, вотъ — осязаемая!

Что-то крякнуло, хрустнуло, треснуло. Обожгло. По лицу текла кровь. Обтирая рукой, онъ не зналъ — это потъ или кровь? Длинная темная тѣнь человѣка бѣгомъ настигала его.

Что-то хрустнуло, ухнуло снова. Онъ схватилъ револьверъ

въ намокшемъ и узкомъ карманѣ. Прошипѣла и взвизгнула пуля. И онъ крикнулъ:

— Не дамся живой! Нѣтъ, не дам-ся!

Онъ лежалъ ницъ, широко раскинувъ руки. Вдыхали запекшіяся губы холодную влагу земли. Коснѣющій языкъ шепталъ:

— Россія.

— Подъѣзжаемъ,—сказала Софья Дмитріевна.

— Подъѣзжаемъ,—откликнулась Людмила.

Дождь пересталъ. Тихо подползалъ поѣздъ, вздрагивая рычагами колесъ.

— Какая темень! — грустно вздохнула Людмила:—не вижу ничего.—Она съ особеннымъ радостнымъ любопытствомъ пыталась увидѣть что-нибудь сквозь мглистую ночь.

Въ вагонѣ уже суетились. Софья Дмитріевна отдавала носильщикамъ вещи, чтобы нести ихъ въ таможню.

Людмила не замѣтила, когда и какъ это случилось. Она видѣла людей съ русыми бородками. Она слышала говоръ. Она не понимала, что̀ это, явь или сонъ, но слышала звуки. И за этими людьми ей видѣлись другіе... много... много... цѣлыя полчища. Изъ звуковъ слагались ей голоса, тысячей, милліоновъ... сонмъ голосовъ безвѣстныхъ. Безвѣстныхъ... но зовущихъ, призывающихъ.

— Россія!—прошептала она, точно зачарованная.

И прижалась къ матери.

Н. Анненкова-Бернардъ.

ПЕТРЪ ХЕЛЬЧИЦКІЙ

ЧЕШСКІЙ ТОЛСТОЙ XV-го СТОЛѢТІЯ

(По поводу 500-лѣтія Кутногорскаго декрета.)

Въ настоящемъ 1909-мъ году исполнилось 500-лѣтіе памятнаго въ чешской исторіи Кутногорскаго декрета, который впервые давалъ удовлетвореніе накопившимся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ культурно-національнымъ запросамъ чешскаго народа [1]).

Эта годовщина, торжественно отпразднованная чехами, естественно воскрешаетъ въ памяти историка величественныя картины гусситскаго движенія, которому посвящено нѣсколько страницъ всякаго, хотя бы самаго элементарнаго учебника всеобщей исторіи.

И среди образовъ, связанныхъ съ этимъ движеніемъ, всплываетъ оригинальная фигура чешскаго мыслителя, который представляетъ своимъ ученіемъ конечный пунктъ въ логическомъ развитіи гусситской мысли—и въ то же время останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе поразительнымъ сходствомъ его ученія съ ученіемъ всемірно-извѣстнаго современнаго мыслителя, Л. Н. Толстого.

Исторія славянскихъ народовъ и ихъ литературы не пользуются вниманіемъ со стороны русскаго общества, и мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что имя скромнаго чешскаго хлѣбопашца-самоучки, Петра изъ Хельчицъ, одареннаго необычной

[1]) Декретомъ этимъ чехамъ предоставлялось три голоса въ рѣшеніи университетскихъ дѣлъ, остальнымъ же націямъ (профессорамъ и студентамъ)—одинъ.

силой логическаго мышленія, мало кому извѣстно въ средѣ русской интеллигенціи.

Самъ знаменитый авторъ „Царства Божія“ долгое время развивалъ свои идеи о противорѣчіи жизни христіанскаго общества евангельскому ученію и о непротивленіи злу, не подозрѣвая, что у него есть предшественникъ. Только послѣ того какъ явились въ свѣтъ изданныя нашей академіей по-чешски, но съ русскимъ изложеніемъ, сочиненія Хельчицкаго, Левъ Николаевичъ, въ предисловіи къ одному изъ заграничныхъ изданій своего евангелія, помѣстилъ указаніе на своего предшественника, удивительнымъ образомъ предвосхитившаго основныя его идеи. И дѣйствительно, совпаденіе въ этическомъ ученіи и во взглядахъ на современный европейскій строй жизни, въ глубочайшихъ своихъ основахъ не измѣнившійся съ XV вѣка,—между чешскимъ моралистомъ XV вѣка и русскимъ мыслителемъ-художникомъ,—настолько значительно, что невольно является вопросъ, какъ, при какихъ обстоятельствахъ могъ придти къ своимъ оригинальнымъ выводамъ чешскій самоучка? Чѣмъ объяснить замѣчательный фактъ, что въ XV-мъ столѣтіи могли быть формулированы идеи, которыя не потеряли своего интереса и нѣкотораго обаянія почти черезъ пять столѣтій?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить ознакомленіе съ гусситскимъ движеніемъ, такъ какъ искать отвѣта въ одной геніальности Хельчицкаго едва ли было бы правильно.

Конечно, нужно обладать недюжиннымъ, выдающимся умомъ, нужно имѣть искру генія, чтобы отвлечь свою мысль отъ безконечнаго количества мелочей, изъ которыхъ соткана жизнь, остановить свой взоръ на общемъ и главномъ и подвергнуть это общее, главное, безпощадному анализу критики. Не легко освободиться отъ вліянія своей среды, своей эпохи, и взглянуть на вѣковые устои жизни съ точки зрѣнія, переживающей столѣтія.

Но бываютъ періоды въ исторіи цѣлыхъ народовъ, въ исторіи обществъ, когда не индивидуальная, а коллективная, общественная мысль находится въ состояніи высокаго подъема, въ состояніи вдохновенія, когда въ десятилѣтія народъ переживаетъ вѣка и въ результатѣ такой лихорадочной работы мысли приходитъ къ выводамъ, которые при обычныхъ условіяхъ исторической жизни добываются опытомъ столѣтій.

Такой именно періодъ необычайно интенсивной жизни представляетъ въ исторіи чешскаго народа *гусситская эпоха*, съ ея односторонней работой мысли надъ вопросами религіознаго и соціальнаго порядка, съ ея знаменитымъ Таборомъ, распадав-

шимся на множество партій и сектъ, представлявшимъ собою какъ бы огромный котелъ, въ которомъ кипѣла и бурлила соціальная мысль.

Если ознакомиться съ этой эпохой и ея соціальными ученіями, въ которыхъ немало можно найти общаго съ теченіями новѣйшаго времени, то идеи Хельчицкаго не покажутся уже столь неожиданными для XV вѣка.

Оторванный отъ общихъ историческихъ условій, въ которыхъ онъ сложился, Хельчицкій, какъ мыслитель, можетъ лишь удивлять. Поставленное въ связь съ той исторической почвой, на которой оно выросло, философско-этическое ученіе Хельчицкаго можетъ быть понято.

Вотъ почему настоящій очеркъ, посвященный замѣчательному чешскому мыслителю XV вѣка, естественно распадается на двѣ части: сжатую характеристику гусситскаго движенія и передачу самаго ученія Хельчицкаго, въ его существеннѣйшихъ пунктахъ.

I.

Гусситское движеніе.

Съ перваго момента вступленія на свою историческую территорію чешскій народъ оказался въ сферѣ культурнаго вліянія латино-германскаго міра.

Переживая періодъ удѣльно-областной жизни, не выработавъ прочной государственной организаціи, чехи тотчасъ же попали въ политическую и церковную зависимость отъ нѣмцевъ; отъ нихъ получили христіанство, и вмѣстѣ съ нимъ—латино-нѣмецкую культуру. При дворѣ чешскихъ королей подвизались нѣмецкіе миннезингеры; въ молодую чешскую литературу переносились формы западной латино-нѣмецкой поэзіи—духовный эпосъ, духовная лирика, рыцарскій романъ. Предъ чешскимъ читателемъ проходили красочныя картины мученій св. Екатерины, бурная жизнь македонскаго героя Александра Великаго, столь соотвѣтствовавшая средневѣковому рыцарскому идеалу, и взятая изъ сѣдыхъ кельтскихъ преданій трогательная исторія несчастныхъ любовниковъ—Тристана и Изольды. Было бы, однако, ошибочно думать, что этотъ натискъ чуждаго вліянія на всѣ сферы чешской жизни покорно встрѣчался народной мыслью и чувствомъ, не вызывая реакціи и отпора.

Достаточно бѣглаго ознакомленія съ древне-чешской литературой, чтобы замѣтить, что, повторяя чужіе поэтическіе мотивы, знакомясь съ содержаніемъ латино-нѣмецкой литературы, чешское общество не отказывалось отъ чувства своей народности. Пересаженныя на чешскую почву формы церковной жизни и западнаго феодально-крѣпостного строя все время питали и поддерживали въ народныхъ слояхъ глухое чувство недовольства, которое и легло въ основу широкаго народнаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ гусситскаго.

Почти во всѣхъ произведеніяхъ старо-чешской литературы изслѣдователь встрѣчаетъ одну рѣзко звучащую ноту: ноту ненависти къ нѣмцамъ, отзвукъ глухого, подавленнаго озлобленія противъ тѣснящихъ чешскую національную жизнь чужеземцевъ.

Это чувство, объединяющее авторовъ изъ различныхъ слоевъ чешскаго общества, представляло собою первый — *національный* моментъ, явившійся однимъ изъ основныхъ факторовъ гусситскаго движенія.

Съ этимъ моментомъ были неразрывно связаны два другихъ: моменты *религіозный* и *соціальный*.

Когда чешскій народъ былъ прочно закрѣпленъ въ церковномъ отношеніи за римской куріей, католическая церковь представляла уже изжившій свое внутреннее содержаніе институтъ. Живой духъ, духъ евангельскаго ученія, давно покинулъ нѣдра оффиціальной церкви; оставались лишь формы, лишенныя содержанія, оставались лишь рамки мертваго обряда.

Князья церкви играли крупную политическую роль, располагая огромными помѣстьями и собственнымъ войскомъ; монастыри не уступали имъ въ богатствахъ, являясь представителями крупнаго землевладѣнія и капитала.

Мѣста настоятелей богатыхъ приходовъ покупались за крупныя суммы, которыя съ избыткомъ восполнялись приходскими доходами; и на эти доходы прелаты, какъ и князья церкви, какъ и братія различныхъ монастырей, открыто вели роскошную и распутную жизнь.

Это общее состояніе церкви вездѣ вызывало одни и тѣ же явленія протеста, выражавшагося, между прочимъ, въ широкомъ развитіи сектантства во всей средневѣковой Европѣ. То же глухое недовольство религіозной сферой жизни, то же броженіе религіозной мысли сказалось и въ Чехіи.

И такъ какъ представителями высшей церковной іерархіи въ Чехіи были обычно нѣмцы, чехамъ же доставалась чаще всего роль дѣйствительныхъ служителей алтаря, наемниковъ богатыхъ

настоятелей, то *религіозный моментъ легко объединялся съ чувствомъ* національнаго протеста.

Наконецъ, третій моментъ, также связанный внутренне съ первыми двумя, былъ моментъ *соціальный*.

Въ XIII-мъ столѣтіи въ Чехіи были открыты серебряные рудники, которые дали главный толчокъ быстрому экономическому развитію страны.

Въ XIV-мъ ст. Чешское королевство было самымъ развитымъ въ экономическомъ отношеніи государствомъ средней Европы.

Старый феодально-крѣпостной строй въ эту эпоху уже разлагался, и на его развалинахъ создавалась новая городская жизнь, съ высоко развитыми формами промышленности и торговли.

Расцвѣтъ промышленности вызывалъ замѣну стараго натуральнаго хозяйства денежнымъ, и въ рукахъ сильныхъ міра—князей церкви, аристократовъ и богатыхъ горожанъ,—скоплялись значительныя матеріальныя богатства.

Контрастъ между богатствомъ и бѣдностью обострился, классовая рознь углубилась.

И этотъ соціально-экономическій моментъ, давно уже формировавшійся въ народныхъ массахъ подъ вліяніемъ притѣсненій со стороны королевскихъ чиновниковъ и феодальныхъ пановъ, былъ внутренне связанъ съ другими факторами народнаго чешскаго движенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ чешскіе короли, стремясь упрочить свою политическую власть надъ феодальнымъ дворянствомъ съ помощью богатства, стали заселять свои владѣнія нѣмецкими колонистами, чешское населеніе встрѣтило въ послѣднихъ опасныхъ соперниковъ въ области экономической жизни.

Съ этихъ поръ вопросъ экономическій сталъ вопросомъ національнымъ—и наоборотъ.

Точно такъ же представители церкви—епископы, прелаты, монастыри,—эксплуатируя религіозное чувство народа, являясь едва ли не крупнѣйшими представителями тогдашняго капитализма, объединяли экономическій вопросъ съ церковнымъ.

Къ сдѣланнымъ выше должно прибавить еще одно, послѣднее указаніе: указаніе на высокую культурность Чешскаго королевства въ моментъ зарожденія въ немъ гусситскаго движенія.

Въ первой половинѣ XIV-го вѣка въ Прагѣ былъ основанъ первый въ средней Европѣ университетъ; параллельно расцвѣту экономическому создавался расцвѣтъ наукъ и искусствъ. Чешское государство предгусситской эпохи было однимъ изъ наиболѣе культурныхъ въ цѣлой Европѣ, не только по среднему уровню

развитія, культурности, но и по широтѣ распространенія грамотности въ народныхъ массахъ. Въ то время, какъ въ Англіи переводъ Библіи на народный языкъ появился во второй половинѣ XIV-го вѣка, чехи имѣли его уже въ концѣ XIII-го, а ко второй половинѣ XIV-го вѣка относится въ Чехіи литературная дѣятельность народнаго въ истинномъ смыслѣ писателя, Ѳомы Шрупаго, который въ трактатахъ, написанныхъ простымъ и поэтическимъ языкомъ, знакомилъ широкіе народные слои съ вопросами нравственнаго богословія и даже богословія догматическаго, съ отвлеченными вопросами о Богѣ, о свѣтѣ, о душѣ...

Когда выступилъ на политическую арену Гуссъ, онъ встрѣтилъ въ широкихъ народныхъ массахъ вполнѣ подготовленную аудиторію.

Такимъ-то образомъ, изъ соединенія моментовъ различнаго характера — религіознаго, національнаго, соціально-экономическаго и, наконецъ, культурнаго — сложилось широкое народное движеніе, извѣстное подъ именемъ гусситскаго.

Имѣла значеніе именно сложность причинъ, ихъ многообразіе: самъ по себѣ еретическій протестъ противъ господствующей церкви не былъ новостью для средневѣковой Европы. Такъ, въ первой половинѣ XIV-го вѣка противниками папства и тогдашней церковной системы являются августинскій монахъ Эгидій Римскій, доминиканецъ Іоаннъ Парижскій, англичанинъ Оккамъ и другіе.

Не только литературно-проповѣдническая оппозиція оффиціальной церкви, но и форма народнаго еретическаго движенія съ соціальной закваской, какую имѣетъ чешское гусситство, не была чѣмъ-то новымъ въ исторической жизни Европы.

Раннее экономическое и культурное развитіе южной Франціи вызвало появленіе здѣсь секты такъ называемыхъ вальденсовъ, которая не только широко распространилась во Франціи и сѣверной Италіи, но уже въ XII-мъ вѣкѣ проникла въ Германію и въ Чехію, при чемъ между французскими и чешскими вальденсами поддерживалась постоянная связь.

Стремясь обратиться къ евангельской жизни, вальденсы проповѣдывали общность имущества и безбрачіе, отвергали военную службу и присягу, заботились о народномъ образованіи и грамотности и позволяли женщинамъ проповѣдовать наравнѣ съ мужчинами.

Такимъ образомъ, не только чешскій протестъ противъ извѣстныхъ формъ религіозной жизни, но и чешское народное движеніе, поскольку оно было основано на соціальномъ моментѣ, можно связать исторически съ аналогичными и притомъ

болѣе ранними теченіями Западной Европы. Гуссъ и его послѣдователи нашли подготовленную почву. Въ ученіи чешскихъ гусситовъ и самого Хельчицкаго мы не случайно встрѣчаемъ рядъ чертъ, характеризующихъ въ одинаковой мѣрѣ и ученіе вальденсовъ.

И если, сходное по своимъ стремленіямъ и характеру съ движеніемъ вальденсовъ, чешское народное движеніе далеко превзошло первое по своимъ размѣрамъ, то причиной этому, быть можетъ, была наличность еще одного фактора, который отсутствовалъ въ южной Франціи: этимъ факторомъ былъ національный моментъ, который спаялъ въ одномъ общемъ чувствѣ вражды къ нѣмцамъ различные классы чешскаго общества, разъединенные въ области экономическихъ интересовъ. Въ этомъ случаѣ чешскій дворянинъ готовъ былъ протянуть руку зажиточному горожанину и полуголодному чешскому мужику.

Вождь чешскаго народнаго движенія, Янъ Гуссъ, искусно объединилъ въ своей программѣ всѣ разнообразныя стремленія, игравшія роль въ этомъ движеніи: стремленіе къ церковной реформѣ, стремленіе извѣстныхъ слоевъ общества къ соціальному переустройству и стремленія національныя, свойственныя всей чешской народности.

Но объединеніе это было временнымъ, ибо соціальный моментъ рѣзко раздѣлялъ союзниковъ, и коренное противорѣчіе экономическихъ интересовъ различныхъ классовъ общества, участвовавшихъ въ движеніи, скоро сказалось въ дробленіи гусситства на рядъ партій и лагерей.

Главныхъ партій было двѣ.

Партія калишниковъ или пражанъ была умѣренной партіей гусситства, отстаивавшей калихъ, т.-е. чашу, — иными словами, право причащенія подъ обоими видами не только для духовенства, какъ то было по закону католической церкви, но и для мірянъ.

Это требованіе имѣло значеніе символа: оно обозначало уравненіе въ правахъ между мірянами и духовенствомъ въ общей сферѣ церковно-приходской жизни и было направлено противъ церковнаго аристократизма и церковной деспотіи.

Партію калишниковъ составляли, главнымъ образомъ, богатые или зажиточные горожане, мелкіе дворяне, захватившіе во время возстанія церковное имущество, отчасти обезпеченные столичные ремесленники, связанные въ своихъ интересахъ съ процвѣтаніемъ торговли и промышленности богатаго города. Калишники требовали нравственнаго обновленія церкви, но желали остаться

ея членами, и стремленія ихъ не простирались далѣе нравственнаго обновленія и демократизаціи церкви.

Соціальная сторона жизни нисколько не затрагивалась ихъ реформаціонными планами, такъ какъ ихъ классовымъ интересамъ существующія формы общественной жизни не были враждебны. Они были бы вполнѣ удовлетворены націонализаціей чешскаго государства.

Иного характера, по составу и стремленіямъ, была вторая крупная партія гусситства — партія такъ называемыхъ таборитовъ, получившая названіе по городу Табору на рѣкѣ Лужницѣ, который былъ крѣпостью и главнымъ центромъ партіи.

Въ эту партію входили главнымъ образомъ крестьянскія массы и городской рабочій и промышленный пролетаріатъ.

Эту часть гусситовъ не удовлетворяли существующія формы соціальной жизни. Весь смыслъ религіозной реформы, весь смыслъ гусситскаго требованія обратиться къ Евангелію и водворить правду Божію на землѣ они видѣли въ переустройствѣ общественной жизни, въ устраненіи тѣхъ классовыхъ различій и экономическихъ контрастовъ, которые были одною изъ основныхъ причинъ гусситскаго движенія.

Чешскій Таборъ, объединенный одной характерной чертой — требованіемъ соціальной реформы, не представлялъ, однако, чего-либо строго-единаго, цѣльнаго въ своей программѣ и міровоззрѣніи. Правымъ крыломъ его была партія знаменитаго гусситскаго полководца Жижки, послѣ смерти своего вождя получившая названіе „сиротокъ“. „Сиротки“ представляли связующее звено или переходную ступень между калишниками и таборитами. Сходясь съ умѣренной гусситской партіей пражанъ или калишниковъ въ области вопросовъ собственно богословскихъ, они примыкали къ Табору въ требованіи соціальной реформы, братскаго равенства между членами общины.

Вслѣдъ за „сиротками“ справа налѣво стояла центральная партія Табора, соединявшая церковный радикализмъ съ соціальнымъ коммунизмомъ. Сокращая обрядность, къ которой было сведено все благочестіе оффиціальной церкви, она отрицала почитаніе святыхъ, иконъ и мощей, отрицала посты, возставала противъ духовныхъ имѣній и монашескихъ орденовъ, изъ таинствъ признавала только крещеніе и причащеніе, понимая послѣднее лишь какъ знаменіе тѣла и крови Христа; изгоняла латынь изъ богослуженія, отвергала богословскую ученость и писанія отцовъ церкви. Единственнымъ источникомъ правды и наукой жизни являлась для центра таборитовъ Библія. Обѣдню можно

было служить не только въ храмѣ, но и дома или въ полѣ. Ставился простой столъ, покрытый бѣлымъ, и священникъ въ обычной мірской одеждѣ совершалъ богослуженіе, состоявшее изъ трехъ частей: 1) чешскаго „Отче нашъ", 2) чешской молитвы, освящающей хлѣбъ и вино, и 3) чешской духовной пѣсни.

Параллельно этому раціонализму въ области богослужебной центральная партія таборитовъ отличалась извѣстной формой коммунизма въ области соціальной жизни.

По словамъ пражскаго университета, обличавшаго, въ особомъ сочиненіи, ересь таборитовъ, они учили, что на землѣ не должно быть ни королей, ни подданныхъ, налоги и подати должны быть уничтожены; во взаимныхъ отношеніяхъ людей не должно быть принужденія; всѣ должны быть братьями и сестрами, согласно евангельскому ученію. Отрицая сословныя дѣленія, требуя полнаго равенства и братства, табориты отрицали собственность.

На первыхъ порахъ своего существованія таборитская община имѣла свою общую кассу, въ которую каждый членъ долженъ былъ отдавать все свое имущество для общаго пользованія.

Нѣсколько позже эта форма коммунизма была замѣнена иною: каждая семья работала на себя, а въ общинную кассу отдавала излишекъ. Члены Табора дѣлились, притомъ, на военныхъ, сражавшихся съ врагами и увеличивавшихъ общинное имущество военной добычей — и работниковъ, которые, оставаясь дома, приготовляли все нужное для себя и для воевавшихъ.

Излишекъ, оказывавшійся въ общинной кассѣ, не былъ нуженъ собственно для членовъ общины — работниковъ и военныхъ; онъ шелъ на содержаніе выборныхъ священниковъ и епископа, въ свою очередь выбираемаго священниками; эти выборные исполняли въ то же время функціи чиновниковъ и судей и обучали грамотѣ дѣтей.

Отрицая богословскую ученость, которая служила, въ сущности, интересамъ оффиціальной церкви, табориты были въ то же время безусловными сторонниками грамотности, такъ какъ, по основному принципу гусситства, каждому предоставлялось право самостоятельно искать религіозной истины и уроковъ нравственной жизни въ первоисточникѣ религіи—Библіи.

Таковъ былъ складъ міровоззрѣнія и соотвѣтствовавшаго ему оригинальнаго строя жизни чешскихъ таборитовъ.

Должно прибавить, что программа двухъ таборитскихъ партій не исчерпываетъ всего разнообразія таборитскихъ ученій.

Сильное броженіе народной мысли, начавшееся съ тѣхъ поръ, какъ провозглашено было право самостоятельнаго исканія истины,

принимало подчасъ причудливыя, иногда даже уродливыя формы. Результатомъ такого крайняго броженія мысли была таборитская секта „братьевъ и сестеръ свободнаго духа“ или адамитовъ — крайній лѣвый флангъ чешскаго Табора,—поселившихся на небольшомъ островѣ на рѣкѣ Лужницѣ.

Ученіе адамитовъ характеризовалось въ области религіозныхъ вопросовъ пантеизмомъ и раціонализмомъ, въ области практической жизни — крайнимъ коммунизмомъ, не исключавшимъ и общности женъ.

По ихъ ученію Богъ—во всемъ, Богъ—вся природа. Изъ этого философскаго положенія дѣлался практическій выводъ: тотъ, кто даетъ волю своимъ природнымъ влеченіямъ и инстинктамъ, не совершаетъ грѣха. Адамиты ждали начала новой жизни, когда настанетъ взаимная любовь между людьми настолько сильная, что все будетъ общее, включая и женъ. Не признавая праздниковъ, постовъ, адамиты отвергали и самую Библію. Молились: „Отче нашъ, иже еси въ насъ“; небо называли крышей, утверждая, что въ немъ нѣтъ Бога, какъ въ аду нѣтъ дьявола; принимали въ свою общину падшихъ и позорили невинныхъ; плотскія отношенія называли дѣломъ „любви“, свою жизнь—райской жизнью, въ ознаменованіе чего и ходили по-адамовски—нагими. Ихъ религіозныя сходки были превращены въ оргіи.

Адамиты открыто существовали всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ: „мстя за поруганіе закона Божія“, знаменитый таборитскій полководецъ Жижка истребилъ ихъ поголовно, подвергнувъ сожженію тѣхъ, кто не былъ убитъ при сопротивленіи.

Отвлекаясь отъ тѣхъ различій, которыя замѣчаются между отдѣльными сектами и партіями Табора, изслѣдователь невольно обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя совпаденія между таборитскимъ ученіемъ и міровоззрѣніемъ западныхъ сектъ и западныхъ реформаторовъ церковной жизни.

Уже у вальденсовъ замѣчается и отрицательное отношеніе къ церковной обрядности, и стремленіе на основѣ евангельской переустроить самую соціальную жизнь.

У англійскаго реформатора Виклефа мы находимъ, какъ и у таборитовъ, отрицаніе иконъ, мощей, монашескихъ орденовъ, духовныхъ имѣній и нѣкоторыхъ таинствъ.

Не можетъ быть сомнѣнія въ преемственности идей и стремленій между старыми чешскими вальденсами XII—XIII вѣка или духовнымъ учителемъ Гусса, Виклефомъ — и таборитами. Но еще тѣснѣе историческая, преемственная связь между изложен-

ными воззрѣніями таборитовъ и религіозно-этическимъ ученіемъ Хельчицкаго.

II.

Хельчицкій.

Біографія замѣчательнаго чешскаго мыслителя XV-го вѣка очень мало освѣщена историческими источниками. Въ распоряженіи науки находятся лишь скудные намеки, разбросанные въ его собственныхъ сочиненіяхъ и сочиненіяхъ другихъ авторовъ ближайшаго времени. Можно предполагать, что Хельчицкій родился около 1390-го года, зналъ Гусса и другихъ представителей гусситскаго движенія, былъ мелкимъ землевладѣльцемъ и врядъ ли прошелъ тогдашній университетскій курсъ: его сочиненія свидѣтельствуютъ о недостаточномъ знаніи латыни.

Въ 1419-мъ году находимъ Хельчицкаго въ Прагѣ, и уже въ это время основной пунктъ его ученія сформировался вполнѣ; уже въ это время, споря съ вождями гусситскаго движенія, онъ ставитъ имъ вопросъ, отмѣнилъ ли Богъ свои заповѣди: „не убій, не укради, не твори зла ближнему“?

Послѣ 1419-го года онъ удаляется въ свое родное село Хельчицы, откуда и происходитъ его прозваніе—Хельчицкій, и здѣсь, въ сельской тиши, развиваетъ свои оригинальныя мысли о Царствѣ Божіемъ. Здѣсь вокругъ него формируется небольшой кружокъ людей, мечтающихъ воскресить первобытную христіанскую общину. Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Хельчицкаго наиболѣе важнымъ является его трактатъ „Сѣть вѣры“.

Основнымъ принципомъ гусситскаго движенія было требованіе водворенія Закона Божьяго на землѣ, согласованія жизни съ евангельскимъ ученіемъ.

Не всѣ гусситы понимали это требованіе одинаково, не всѣ въ его осуществленіи заходили одинаково далеко. Одни довольствовались малоопредѣленнымъ „нравственнымъ обновленіемъ“, съ сохраненіемъ классовыхъ различій. Другіе шли дальше и требовали переустройства соціальнаго. Но и тѣ, и другіе примѣняли одинаковый методъ осуществленія своего идеала—методъ борьбы. На почву гусситскаго принципа сталъ и Хельчицкій.

Обратившись къ закону Божьему, онъ нашелъ вопіющее противорѣчіе между нимъ и всей жизнью современной ему Европы. Исключеніемъ не представлялись для него и формы жизни, которыя отличали гусситовъ, съ ихъ способомъ водворенія правды.

Разсматривая всѣ сферы жизни тогдашняго культурнаго человѣчества—сферу религіозную, сферу международныхъ отношеній, государственныя формы народной жизни, сферу отношеній соціально-экономическихъ,—Хельчицкій сравниваетъ жизнь современнаго ему культурнаго человѣчества съ жизнью первобытной христіанской общины, которая нѣкогда на короткое время дѣйствительно осуществила евангельское ученіе на землѣ.

Эта первобытная христіанская община служитъ Хельчицкому пробнымъ камнемъ въ оцѣнкѣ настоящей жизни.

Она служитъ ему въ то же время реальной опорой въ его идеалѣ будущаго.

Какъ отъ чистой жизни первобытнаго христіанства, гдѣ всѣ были равны, гдѣ старшій былъ младшему слуга, гдѣ просящему хитонъ отдавалась и рубашка, какъ отъ этой жизни христіанское человѣчество перешло къ современному, съ точки зрѣнія Хельчицкаго чисто языческому укладу?

Вопросъ этотъ для Хельчицкаго—не теоретическій. Ставя его, отвѣчая на него, онъ стремится отдѣлить позднѣйшія наслоенія отъ первоначальной основы христіанства, стремится найти эти основы, чтобы снова воскресить ихъ для реальной жизни. „Мы желаемъ возстановленія того состоянія вещей, какое было прежде, и держаться его, если только Богъ поможетъ“: такъ начинаетъ свой трактатъ Хельчицкій.

Но какъ трудно бываетъ добраться до основанія въ грудѣ развалинъ обрушившагося зданія, когда эти развалины поросли уже лѣсомъ и сдѣлались обиталищемъ звѣрей, такъ трудно найти первоначальное основаніе церкви во множествѣ выросшихъ на немъ и противорѣчащихъ ему нововведеній, которыя многими принимаются за основаніе.

Трудность задачи не пугаетъ Хельчицкаго. Острымъ взоромъ окидываетъ онъ всю окружающую его жизнь и безпощаднымъ ножемъ анализа отдѣляетъ мертвые наросты отъ живого организма.

Подобно тому, какъ сѣть апостола Петра, закинутая въ море по слову Господню, прорвалась отъ множества рыбъ—прорвалась и сѣть вѣры отъ множества людей погибшихъ, еретиковъ и соблазнителей, замѣшавшихся въ нее вмѣстѣ съ вѣрующими. Сѣть прорвалась съ тѣхъ поръ, какъ при императорѣ Константинѣ былъ заключенъ противоестественный, съ точки зрѣнія Хельчицкаго, союзъ между языческимъ государствомъ и церковью истинно вѣрующихъ. Слѣдствіемъ этого союза явился смѣшанный языческо-христіанскій складъ жизни.

Христіанская церковь, въ лицѣ ея представителей, заимствовала отъ языческаго государства его характеръ, его организацію, его притязанія на свѣтскую власть, его привычки языческой жизни. Въ то же время она освятила своимъ авторитетомъ всѣ тѣ языческія учрежденія и явленія жизни, которыя явно противорѣчили основнымъ принципамъ христіанства. Законъ Божескій смѣшался съ закономъ человѣческимъ, и церковь раздѣлилась на три части: „съ одной стороны—короли, князья и паны, которые дерутся и защищаютъ ее, т.-е. церковь; съ другой стороны духовенство, которое молится, а третью часть составляетъ рабочій людъ, который долженъ обезпечивать тѣлесныя потребности первыхъ двухъ... Двумъ сторонамъ хорошо: онѣ праздны, много ѣдятъ... а третья въ страданіяхъ несетъ на себѣ роскошь первыхъ двухъ". Такое раздѣленіе — заявляетъ Хельчицкій — противно Христову ученію, по которому весь свѣтъ долженъ составлять едино множество, едино сердце и единъ духъ. Установивъ это общее положеніе о противорѣчіи жизни христіанскаго человѣчества основамъ христіанства, Хельчицкій обращается къ детальному обзору всѣхъ тѣхъ институтовъ христіанской жизни, которые являются чуждыми наростами на организмѣ первоначальной христіанской общины. Онъ начинаетъ этотъ обзоръ съ институтовъ церковныхъ, безпощадно бичуетъ стоящаго во главѣ церкви папу, забывшаго апостольскій трудъ и нищету, другихъ представителей церкви, стремящихся исключительно къ земнымъ благамъ, монаховъ, которые гонятся лишь за суетной хвалой и земными наслажденіями, забывъ слова апостола: „аще кто не хощетъ дѣлати, да не ястъ".

Удалившись отъ христіанства и евангельскихъ заповѣдей, представители церкви замѣнили внутреннее христіанство внѣшнимъ, обрядовымъ благочестіемъ.

Къ этому развитію обрядового благочестія Хельчицкій, подобно таборитамъ, относится отрицательно.

Внѣшнему блеску и пышности современной ему церки Хельчицкій противополагаетъ простоту и скромность первобытной, которая служила безъ ризъ, безъ алтарей и храмовъ и раздавала священные предметы даромъ, тогда какъ современная „мудрая церковь умѣетъ поторговаться, чтобы сорвать за нихъ свое". Отрицательно относясь ко всѣмъ пріемамъ внѣшняго богопочитанія, требуя богопочитанія внутренняго, Хельчицкій отрицаетъ и почитаніе святыхъ, ссылаясь на Евангеліе, которое прямо указываетъ, къ кому должна быть обращена молитва.

„Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши“ — сказалъ Христосъ дьяволу.

Должно прибавить, что, наравнѣ съ духовенствомъ, симпатіями Хельчицкаго не пользуются тогдашняя университетская наука и ея представители, уже въ виду одного того, что средневѣковая наука всецѣло находилась на службѣ у богословія.

Установивъ антихристіанскій характеръ церковной жизни современной ему Европы, съ ея папами, епископами, аббатами, монастырями и богословской наукой, служащей задачамъ теоретическаго обоснованія существующаго церковнаго порядка, Хельчицкій съ такой же мѣркой подходитъ къ государственному и общественному строю христіанскаго человѣчества. Какъ сказано, христіанская церковь со временъ императора Константина приняла въ свое лоно языческое государство, освятивъ все его содержаніе и формы жизни. Вполнѣ понятно, что это содержаніе и эти формы находятъ въ Хельчицкомъ столь же рѣшительнаго противника, какъ и формы жизни церковной.

Основой христіанскаго государства является верховная власть. Подобно таборитамъ, Хельчицкій разсматриваетъ этотъ институтъ съ христіанской точки зрѣнія и находитъ, что онъ противорѣчитъ принципу братскаго равенства, которое, по смыслу евангельскаго ученія, должно господствовать между христіанами.

„Царіе языкъ да господствуютъ ими и обладающіе ими благодатели нарицаются“ — сказалъ Христосъ своимъ ученикамъ; „вы же не тако, но болій въ васъ да будетъ яко мній, и старѣи яко служаи“. И въ ветхомъ завѣтѣ Гедеонъ отказался отъ предложенія іудеевъ быть надъ ними царемъ и отвѣчалъ: „не возобладаю азъ вами, и не возобладаетъ сынъ мой вами: Господь да владѣетъ вами“.

Выставляя положеніе отрицательнаго характера по отношенію къ институту верховной государственной власти, Хельчицкій не забываетъ о словахъ апостола Павла, служащихъ, по его собственному замѣчанію, главнымъ основаніемъ, на которомъ утверждаютъ свѣтскую власть ученые. Это — извѣстныя слова: „Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть“. Ученые магистры забываютъ — замѣчаетъ Хельчицкій, — что апостолъ Павелъ писалъ это христіанамъ въ Римѣ, подчиненнымъ властямъ языческимъ. Апостолъ не говоритъ, при этомъ, чтобы христіане выбирали себѣ изъ своей среды владыку, ко-

торый бы господствовалъ надъ ними по обычаю царей языческихъ.

Власть на подобіе языческой, по мнѣнію Хельчицкаго, можетъ быть полезна христіанамъ лишь въ одномъ отношеніи — именно тѣмъ, что будетъ искушать ихъ терпѣніе и будетъ вызывать на подвиги мученичества.

Подобно институту верховной власти, нехристіанскимъ признаетъ Хельчицкій и сословное раздѣленіе, которое является общей чертой современныхъ ему христіанскихъ обществъ.

Тотъ же вышеуказанный принципъ христіанскаго равенства и братства дѣлаетъ непонятнымъ для Хельчицкаго различіе между благородными и неблагородными. Всѣ внѣшнія отличія, которыми „благородные“ стараются себя отдѣлить отъ „неблагородныхъ“, представляются Хельчицкому искусственными и мнимыми. „Страданіями и потомъ холоповъ они могутъ доказать свое благородство, а стоитъ холопу перестать работать, такъ все это благородство поблекнетъ и сравняется съ пастушьимъ“.

Вопросъ о сословныхъ дѣленіяхъ въ ту эпоху связанъ былъ съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ. Само собою разумѣется, что этотъ институтъ находитъ въ Хельчицкомъ самаго яраго врага. Притѣсненія феодальныхъ пановъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вызвали въ чешскихъ народныхъ массахъ горячую ненависть къ притѣснителямъ. И Хельчицкій, близко стоящій къ народу, невольно, не смотря на теоретическій принципъ христіанскаго смиренія и терпѣнія, отражаетъ эту ненависть въ строкахъ, посвященныхъ институту крѣпостного права. Говоря объ экономической эксплуатаціи крѣпостныхъ со стороны пановъ, Хельчицкій прибавляетъ: „Люди, живущіе въ роскоши, съ брюхомъ, проросшимъ саломъ, оправдываютъ такое отношеніе къ простому народу—вѣдь это наши люди; отцы наши купили ихъ на вѣчное наслѣдіе намъ; отчего же намъ не пользоваться властью и не господствовать надъ ними? Кто можетъ запретить намъ наказывать нашихъ холоповъ, какъ намъ угодно?“ Съ едва сдерживаемымъ негодованіемъ отвѣчаетъ на это заявленіе крѣпостниковъ Хельчицкій: „Страданья, смерть и потомъ адъ—вотъ естественное наслѣдство, которое оставили предки потомкамъ; людей же съ помѣстьями они не имѣли права покупать и оставлять въ наслѣдство, ибо Господня земля и наполняющіе ее, вселенная и всѣ живущіе на ней“. Тѣмъ болѣе не въ правѣ они были покупать людей для того, чтобы обращаться съ ними хуже, чѣмъ съ собаками. „Богъ сотворилъ людей въ угоду себѣ, Іисусъ Христосъ искупилъ ихъ кровью Своею: кто послѣ этого имѣетъ

право покупать ихъ? По истинѣ эти покупатели дадутъ отчетъ на страшномъ судѣ!“

Отрицательное отношеніе вызываютъ въ Хельчицкомъ вообще формы городской жизни, съ ея корыстолюбіемъ, торговлей, ростовщичествомъ и соблазномъ, съ ея роскошью, въ которой горожане подражаютъ дворянству: „Истинная вѣра въ городахъ существовать не можетъ“, говоритъ Хельчицкій. „Вѣра въ городахъ подобна костехранилищу съ мертвыми костями“.

Итакъ, основы государственной жизни съ верховной властью, съ сословными дѣленіями, крѣпостнымъ правомъ и экономическимъ угнетеніемъ однихъ классовъ другими, находятся, по мнѣнію Хельчицкаго, въ прямомъ противорѣчіи съ христіанствомъ. Точно такъ же противорѣчатъ христіанству такія явленія политической и общественной жизни, какъ войны, казни, суды... Тѣлесныя притѣсненія, которыя свѣтская власть чинитъ подданнымъ, облагая ихъ податями и налогами, еще не такъ важны, по словамъ Хельчицкаго. Этимъ наносится ущербъ имуществу и люди облагаются тяжелой работой; но совѣсть отъ того не страдаетъ, если стѣсненія переносятся терпѣливо. Гораздо важнѣе то, что свѣтская власть не вмѣняетъ себѣ въ грѣхъ убивать людей и заставляетъ христіанъ ходить войной другъ на друга и такимъ образомъ преступать заповѣдь Христову. Съ устройствомъ истинно христіанскаго общества—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Хельчицкій, — мечъ и всѣ дѣянія его, т.-е. всякія кровопролитія, не имѣютъ ничего общаго, какъ противныя призванію христіанъ. Христіане соединены одной вѣрой, искуплены одной кровью Христа, молятся другъ за друга: „остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“, связаны между собою союзомъ мира и любви: „можетъ ли послѣ всего этого кто-либо доказать, что у христіанъ должны быть войны и убійства?“... Столь же языческими, какъ войны, казни и всяческія убійства, являются и суды, съ лежащей въ ихъ основѣ идеей наказанія. Этимъ языческимъ учрежденіямъ Хельчицкій противополагаетъ идею исправленія. По смыслу Евангелія не судятъ братьевъ, а ограничиваются обличеніемъ виновнаго и примиреніемъ обѣихъ сторонъ; только такой судъ ведетъ къ нравственному усовершенствованію. Если же апостолы и установили суды въ первобытной христіанской общинѣ, то это было временной мѣрой, вызванной тѣмъ, что новообращенные іудеи и язычники, по привязанности къ земному, обращались къ языческимъ судамъ. Желая бо́льшее зло замѣнить ме́ньшимъ, апостолы установили свои христіанскіе суды, какъ временную мѣру, въ надеждѣ, что

новообращенные впослѣдствіи войдутъ лучше въ духъ христіанскаго ученія и образумятся. Эти христіанскіе суды, по собственному выраженію апостола, были допущены „къ сраму". Современное же христіанское общество превратило этотъ срамъ въ законъ. Такимъ образомъ непригодность суда и наказанія, какъ обычный результатъ суда, устанавливается Хельчицкимъ съ точки зрѣнія основной цѣли христіанской жизни: нравственнаго усовершенствованія, исправленія людей. Вызвать въ человѣкѣ любовь къ Богу нельзя принудительными мѣрами; она основана на свободной волѣ человѣка и порождается словомъ Божьимъ. Если же власть будетъ исправлять злыхъ людей проповѣдью слова Божья, то она не станетъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не иначе исправляютъ людей, какъ только вѣшая ихъ.

Итакъ, всѣ формы человѣческой жизни, наблюдаемыя въ христіанскомъ обществѣ Европы, оказываются противорѣчащими основнымъ идеямъ христіанства. Всѣ эти формы, всѣ институты государства, всѣ формы соціальныхъ отношеній встрѣчаютъ отрицательное отношеніе къ себѣ въ Хельчицкомъ.

Но въ согласіи съ основной своей идеей — идеей христіанскаго непротивленія злу—онъ не проповѣдуетъ борьбы съ этими институтами и формами соціальныхъ отношеній.

Онъ считаетъ антихристіанской государственную власть, но въ то же время требуетъ безропотнаго ей повиновенія.

„Главнѣйшая причина, по которой многіе сопротивляются власти",—говоритъ онъ,—„есть ея жестокость, обременительные налоги, подати, барщина и многія несправедливыя дѣйствія, вызывающія стоны, ропотъ, порицанія и проклятія въ людяхъ малодушныхъ и радость при возможности сдѣлать что-либо злое господину. Въ такомъ случаѣ грѣшатъ и господа, несправедливо поступающіе съ подданными, и подданные, желая мстить своимъ господамъ. Одно изъ двухъ: или, живя на землѣ господина и пользуясь его охраной, безропотно носить всѣ тяготы; или избѣгать жестокаго обращенія и не пользоваться выгодами, которыя доставляетъ жизнь подъ его властью". Третье, т.-е. месть или возмущенье, съ точки зрѣнія Хельчицкаго недопустимо. Онъ желаетъ не уничтоженія зла зломъ, насилія насиліемъ; онъ желаетъ, чтобы свободнымъ актомъ воли чинящій насиліе отказался отъ насилія и протянулъ угнетенному братскую руку.

Онъ допускаетъ одинъ только способъ водворенія правды на землѣ—способъ безкровнаго проникновенія всѣхъ и каждаго евангельскимъ идеаломъ. Онъ признаетъ даже, что земная власть, со всѣми ея аттрибутами—войнами, притѣсненіями, судами, каз-

нями и прочими видами наказанія,—нужна въ настоящій моментъ. Она нужна ради преступниковъ, которые могли бы сдѣлать много зла, еслибы ихъ не подавляла власть. Она нужна христіанамъ потому, что они отступили отъ христіанства и слились со свѣтомъ, со всѣмъ его беззаконіемъ.

Но еслибы христіане пожелали стать христіанами, то все зло пало бы, и грѣхъ былъ бы изверженъ, изверженъ не по принужденію, а по свободной волѣ человѣка. Тогда исчезла бы необходимость въ языческихъ институтахъ государства, и на землѣ началась бы новая, прекрасная жизнь, безъ слезъ, безъ крови, безъ цѣпей рабства.

Мы познакомились, въ главныхъ чертахъ, съ міросозерцаніемъ чешскаго мыслителя XV в. и можемъ теперь поставить вопросъ о значеніи его системы въ исторіи чешской мысли и въ исторіи мысли европейской. Заимствуя у Гусса исходный пунктъ своего міросозерцанія, Хельчицкій сходится съ современными ему таборитскими ученіями въ цѣломъ рядѣ пунктовъ, крупныхъ и мелкихъ. Подобно таборитамъ, Хельчицкій обнаруживаетъ отрицательное отношеніе къ институтамъ оффиціальной церкви, стремленіе упростить обрядовую сторону религіозной жизни, перенести центръ тяжести ея изъ области богопочитанія внѣшняго въ сферу богопочитанія внутренняго, слить религіозно-нравственный идеалъ съ дѣйствительностью, построить самую жизнь—соціальныя отношенія — на принципахъ христіанской нравственности.

„Устами чтутъ меня, сердце же ихъ далеко отъ меня“. Эти слова Христа опредѣляли направленіе религіозной мысли Хельчицкаго и таборитовъ.

Подобно таборитамъ, Хельчицкій отрицательно относится къ идеѣ верховной власти, къ основнымъ формамъ государства, стремясь построить взаимныя отношенія людей исключительно на принципѣ братства. Но при всѣхъ этихъ совпаденіяхъ, при всей близости Хельчицкаго къ таборитамъ, онъ отличается отъ нихъ своей идеей непротивленія злу. И эта идея, этотъ существенный пунктъ ученія Хельчицкаго опредѣляетъ его значеніе въ исторіи чешской мысли. Система Хельчицкаго представляетъ конечный пунктъ въ логическомъ развитіи чешской религіозной мысли. Хельчицкій сдѣлалъ послѣдній шагъ, котораго не сдѣлали его предшественники въ области религіозно-соціальнаго мышленія, послѣдній выводъ изъ тѣхъ посылокъ, которыя даны были до него. Выставляя свою идею непротивленія злу, идею послѣдователь-

наго выполненія евангельской заповѣди, выполненія ея до конца, Хельчицкій сходилъ съ исторической почвы, на которой стояли его предшественники. Объединяя религіозныя и соціальныя стремленія своего народа, онъ не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать, что въ основѣ гусситскаго движенія, съ которымъ исторически была связана его система, лежалъ не только моментъ религіозный, не только моментъ соціальный, но и моментъ національный— а національныя стремленія чешскаго народа не получали удовлетворенія при помощи метода непротивленія злу. Поступая такъ, онъ дѣйствовалъ не въ интересахъ своего народа и оставался въ своихъ требованіяхъ почти одинокимъ, окруженный лишь небольшой группой убѣжденныхъ послѣдователей. Однако тѣмъ самымъ Хельчицкій переходилъ съ точки зрѣнія національной, съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ одного небольшого народа, на точку зрѣнія міровую: онъ говорилъ уже не какъ чехъ, а какъ гражданинъ міра. Завершая своимъ ученіемъ чешскую реформаціонную литературу, онъ въ то же время занялъ почетное мѣсто въ міровой литературѣ и завоевалъ для чешской народной мысли право на вниманіе всего культурнаго міра.

Проф. С. Кульбакинъ.

ПЛѢНЪ.

Овѣянъ радугой видѣній,
Безпеченъ, радостенъ и смѣлъ,
Спѣшилъ я въ вихрѣ впечатлѣній
За неизвѣданный предѣлъ.
Но, сладко сердце обжигая,
Мнѣ кто-то бѣгъ заворожилъ:
Меня ждала Она, земная,
На перепутьѣ тайныхъ силъ.
Она звала, лаская взглядомъ,—
И я припалъ—блаженство пилъ—
И, отуманенъ знойнымъ ядомъ,
Въ минутѣ вѣчность утопилъ.
Забывъ полетъ мой шумнокрылый,
Забывъ ликующій просторъ,
Я только слышалъ голосъ милый,
Я только видѣлъ милый взоръ...
Но мелодичныя мгновенья
Распались, жалобно звеня:
Она съ тоской недоумѣнья
Взглянула чуждо на меня;
Она въ рабѣ не узнавала
Того, кого въ цари звала,
И Ей докучливо звучала
Моя влюбленная хвала...
Ужъ таялъ день мой; свѣтъ вечерній
Дробился въ темной синевѣ...
Былъ остро-жгучъ вѣнокъ изъ терній
На обреченной головѣ...
Сорвавъ его, съ послѣдней силой
Разбилъ я мой безвольный плѣнъ,—

И вынесъ взмахъ ширококрылый
Меня въ безбрежье перемѣнъ.
Опять на ловлѣ впечатлѣній,
Безпеченъ, радостенъ и смѣлъ,
Спѣшу я въ радугѣ видѣній
За неизвѣданный предѣлъ...
И вижу вновь Ее, былую,
На перепутьѣ тайныхъ силъ,
И снова сладостно тоскую,
Но не смыкаю вольныхъ крылъ.
Съ лазурной выси упоенья
Гляжу я гордо, какъ орелъ:
Въ Ней жуткій мигъ недоумѣнья
Восторгомъ женственнымъ расцвѣлъ;
И вновь колдуетъ взоръ волшебный,
И снова манитъ нѣжный зовъ,—
Но ужъ не Ей мой гимнъ хвалебный
Звучитъ съ огнистыхъ облаковъ.

ИЩУ ТЕБЯ...

Ищу тебя весь день, на всѣхъ путяхъ людскихъ;
Ищу тебя и призываю
Подъ шепотъ сумерекъ, подъ крикъ огней ночныхъ...
Ты гдѣ-то здѣсь.... Я вѣрю—знаю!
Но гдѣ же нить путей твоихъ?

Зову тебя всю ночь, въ удушьѣ темноты;
Зову тебя и заклинаю.
Молюсь и чуда жду... И чую: близко ты...
И слышу вздохъ, и обнимаю
Могильный ужасъ пустоты.

А. Колтоновскій.

АСАНЪ

Асанъ Еникеевъ тяжело шагалъ по пыльной дорогѣ, которая вилась, какъ змѣя, то вправо, то влѣво, то спускаясь глубоко въ долину, то поднимаясь чуть не на самую вершину горнаго кряжа.

На послѣднемъ подъемѣ Асанъ увидѣлъ, что на горизонтѣ блеснула золотистая полоска, тонкая, чуть замѣтная. Лицо Асана расплылось въ широкую улыбку, когда онъ ее увидѣлъ. Онъ зналъ, что то было море. Теперь оставалось немного. Еще одинъ спускъ, потомъ подъемъ, а тамъ уже будетъ видна и деревня. Деревня, въ которой Асанъ родился, выросъ и которую считалъ самымъ лучшимъ мѣстомъ на землѣ.

Когда въ полку заводили, бывало, разговоръ про разные города и страны, Асанъ слушалъ очень внимательно, но въ концѣ разговора всегда прибавлялъ:

— Да—а вотъ у насъ въ деревнѣ...—Эта фраза всякій разъ оставалась неоконченной, но было ясно, что Асану просто не хватаетъ запаса словъ, чтобы выразить, до какой степени хорошо живется въ его деревнѣ и какое это чудное мѣсто.

Къ Асану въ полку всѣ относились нѣсколько пренебрежительно, свысока. Его неизмѣнное добродушіе никого не трогало; оно объяснялось исключительно его глупостью. Онъ былъ безотвѣтный, выносливый, и всѣ этимъ пользовались, взваливая на него лишнюю работу, избирая его въ часы досуга мишенью для остротъ.

Асанъ не обижался и терпѣливо переносилъ насмѣшки, даже улыбаясь во весь ротъ, когда какое-нибудь забористое словцо вызывало дружный хохотъ всей казармы.

Вѣроятно, Асанъ такъ бы и окончилъ благополучно срокъ своей службы, еслибы не случилось одного ничтожнаго событія, перевернувшаго все вверхъ дномъ въ душѣ молодого татарина.

Однажды, въ началѣ лагерей, послѣ повѣрки, среди кучки солдатъ завязался разговоръ о событіяхъ въ Персіи. Говорили о томъ, что въ Персіи идетъ большая смута, что неразбериха такая завязалась, что и конца краю не видно, и т. д.

— Не иначе, какъ придется намъ этихъ самыхъ энджуменовъ въ христіанскую вѣру приводить,—сказалъ старшій унтеръ-офицеръ Круглышовъ.

— Какихъ энджуменовъ?—раздался недоумѣвающій голосъ бѣлобрысаго Вихорева, длиннаго и тонкаго какъ жердь, съ маленькой головкой и торчащимъ внизъ носомъ.

— Такихъ самыхъ, ну, значитъ, татарву эту.

Асанъ сталъ прислушиваться.

— Такъ что-же у насъ война, что-ли, съ татарвой будетъ?—заинтересовался Вихоревъ.

— Ну, война не война, а побить ихъ намъ придется малость; ужъ безъ этого не обойдется. Очень ужъ они, видно, зазнались.

— Не можетъ этого быть, никогда не можетъ,—врѣзался въ спокойную бесѣду взволнованный голосъ Асана.—Татаръ нельзя бить. Никакъ нельзя.

— А вотъ велятъ бить, такъ и увидишь, какъ нельзя. И самъ будешь бить, коли велятъ.

— Никогда не велятъ. Не могутъ велѣть. Чтобы татаринъ татарина билъ?.. Никогда, никогда...

Кругомъ захохотали.

— Ишь, какъ его разобрало! Не любитъ. Ха, ха, ха...

— Ты, Асанка, вотъ что,—сказалъ Круглышовъ,—это, братъ, не твоего ума дѣло. Ты присягу принималъ. Хоть она и магометанская, твоя присяга, а все-таки присяга. Такъ ты, значитъ, и помни, что обязанъ ты, гололобый чортъ, всякаго врага и супостата бить. Будь онъ нѣмецъ, будь онъ китаецъ, будь онъ татаринъ, это разберутъ люди поумнѣе тебя. А твое дѣло слушаться. Будетъ съ Персіей, или тамъ съ Китаемъ война, татарвы тамъ вездѣ достаточно, и долженъ ты, Асанъ Еникеевъ, эту самую татарву бить. Понялъ?

— Нельзя такого дѣла дѣлать,—кипятился Асанъ,—никогда нельзя. Татарину татарина нельзя бить. Закона нѣтъ. Понялъ? Закона нѣтъ.

— Закона нѣтъ, закона нѣтъ,—передразнивалъ Круглы-

шовъ.—Поди, спроси у фельдфебеля, онъ тебѣ скажетъ: есть такой законъ, или нѣтъ. Да что фельдфебель? Вонъ идетъ поручикъ Сырниковъ, ты у него спроси, и онъ тебѣ то же самое скажетъ. Поди, спроси.

— А что-жъ, думаешь—не спрошу? И поручика спрошу.

Асанъ обдернулъ рубаху и направился къ поручику самымъ рѣшительнымъ шагомъ.

Но чѣмъ ближе подходилъ молодой татаринъ къ поручику, тѣмъ все болѣе и болѣе таяла его рѣшительность. Когда же онъ былъ отъ поручика шагахъ въ пятнадцати, то рѣшимость эта исчезла совершенно и онъ уже хотѣлъ свернуть въ сторону, но прежде чѣмъ онъ могъ осуществить такое намѣреніе, его ноги прошли еще шаговъ шесть. Теперь, по мнѣнію Асана, поворачивать было уже неудобно, и онъ, противъ воли, остановился и взялъ подъ козырекъ.

Поручикъ Сырниковъ шелъ изъ собранія, гдѣ онъ выпилъ нѣсколько больше обыкновеннаго. Его никто не назвалъ бы пьяницей или кутилой. Поручикъ былъ скромный, исполнительный, немного застѣнчивый человѣкъ. Всегда чистенькій, всегда аккуратно одѣтый, онъ считался однимъ изъ самыхъ солидныхъ молодыхъ офицеровъ въ полку. Увидя подошедшаго солдата, Сырниковъ сразу насторожился, чтобы солдатъ не замѣтилъ его опьяненія.

— Ты ко мнѣ?—спросилъ онъ Асана и тутъ же подумалъ, что слѣдовало бы спросить прямо, что̀ нужно солдату, потому что если солдатъ подошелъ и взялъ подъ козырекъ, то, значитъ, ему что-то нужно.

— Такъ что дозвольте спросить, ваше благородіе...

— Что тебѣ нужно?—громко спросилъ поручилъ, стараясь какъ можно яснѣе и отчетливѣе произносить слова.— Въ чемъ дѣло?

Асану показалось, что поручикъ на что-то сердится. „Эхъ,—подумалъ Асанъ—надо было у фельдфебеля спросить: съ этимъ развѣ сговоришь?“

— Такъ что, ваше благородіе, правда сказываютъ, ежели война съ персами, или значитъ къ примѣру тамъ съ китайцами, такъ мы, то-есть, значитъ должны...

У Асана не хватило дыханія, онъ остановился и потомъ съ отчаяніемъ добавилъ:

— И тогда, значитъ, мы должны ихъ бить?

Господи, какой дуракъ!—подумалъ поручикъ,—вздоръ какой-то мелетъ. Или я его не понимаю?..

— Конечно должны. Что за вопросъ? Всѣ должны. И ты, и я, и всѣ...

Асану показалось, что земля заходила у него подъ ногами. Блѣдный, упавшимъ голосомъ онъ все-таки рѣшился задать поручику еще одинъ вопросъ.

— А ежели которые несогласные, ежели значитъ одного племени. Тѣмъ какъ?

Лицо поручика болѣзненно сморщилось. Онъ старался всѣми силами привести свои мысли въ порядокъ, чтобы понять солдата.

— Какое племя? Съ чѣмъ несогласные? Говори толкомъ.

Весь лобъ Асана покрылся крупными каплями пота, и ему сдѣлалось необыкновенно жарко.

— Ваше благородіе,—почти съ отчаяніемъ проговорилъ онъ,—а ежели, скажемъ, у кого отцы, братья и ежели приказъ, такъ неужто жъ безъ вниманія?

Что онъ за вздоръ мелетъ—мучительно думалъ поручикъ,—ничего понять нельзя. Ну, что я ему отвѣчу, когда я не могу понять, что онъ спрашиваетъ!?

— Приказъ никогда не отдается зря. Приказъ отдается по распоряженію начальства и, значитъ, все обдумано. И надо слушаться безпрекословно, хотя бы онъ тебѣ казался неправильнымъ. Если что не понимаешь, спроси у взводнаго, или у фельдфебеля. А ослушаніе карается по всей строгости...

Кажется, я ужасно непонятно говорю,—думалъ поручикъ,—и длинно какъ-то. Надо короче.

— Понимаешь? Кто ослушается приказа, того отдаютъ подъ судъ, а въ военное время могутъ и разстрѣлять. Понялъ?—Голосъ поручика почти перешелъ въ крикъ.

— Такъ точно, ваше благородіе,—отвѣтилъ машинально Асанъ и пошелъ, но не къ товарищамъ, а куда глаза глядятъ, за кухню, за заднюю линейку, въ небольшой лѣсокъ и тамъ повалился ничкомъ на траву и пролежалъ вплоть до вечерней повѣрки.

Ночью онъ бѣжалъ.

Чѣмъ ближе подходилъ Асанъ къ своей деревнѣ, тѣмъ на душѣ его становилось неспокойнѣе. Онъ прекрасно понималъ, что искать его прежде всего будутъ въ его родной деревнѣ, и все-таки онъ сперва поѣхалъ по желѣзной дорогѣ прямо въ ту сторону, гдѣ была деревня, туда, къ теплому берегу голубого моря, и когда доѣхалъ до послѣдней станціи, то прямо по дорогѣ, не скрываясь, направился въ деревню.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ медленнѣе станови-

лись его шаги, и наконецъ, когда вся она какъ на ладони была ему видна, чуть-чуть подернутая утреннимъ туманомъ, Асанъ остановился.

„Дуракъ Асанка,— сказалъ онъ самъ себѣ,—куда ты лѣзешь? Это дѣло обдумать надо".

Онъ рѣшилъ не показываться въ деревнѣ, а спрятаться недалеко отъ дороги и прослѣдить, когда будетъ проходить кто-нибудь изъ односельчанъ, чтобы черезъ знакомаго человѣка передать вѣсть отцу. Дожидаться пришлось довольно долго: то проходили какіе-то совершенно незнакомые люди, то мало знакомые, или такіе, на которыхъ нельзя было положиться. Время шло и Асанъ начиналъ терять терпѣніе.

Наконецъ онъ увидѣлъ молодую дѣвушку, дочь сосѣда по деревнѣ, недавно сравнительно переселившагося русскаго.

— Люба!— окликнулъ тихонько Асанъ. Дѣвушка остановилась и стала удивленно оглядываться.

Да, это несомнѣнно была она. Какъ она выросла! Асанъ, уходя на службу, оставилъ ее дѣвочкой подросткомъ. Ему живо припомнилось, какъ онъ часто помогалъ ей таскать воду изъ колодца, какъ онъ рвалъ для нея миндаль съ высокихъ вѣтокъ, до которыхъ она не могла достать, и какъ она сердилась и топала ногами и кричала: „Асанка! Асанка!" когда онъ не сразу исполнялъ ея желаніе. Онъ вспомнилъ, какъ она горько плакала, когда онъ уходилъ на службу, и какъ терла глаза кулаченками. Теперь это была стройная, миловидная дѣвушка, крѣпкая, широкоплечая, съ плавной, увѣренной походкой.

„Люба не выдастъ", рѣшилъ Асанъ и вылѣзъ изъ-за кустовъ, гдѣ онъ прятался.

— Люба, не узнаешь, что-ль?

Дѣвушка пристально впилась въ него недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Асанъ!— вдругъ крикнула она, бросаясь къ нему на встрѣчу.— Откуда Богъ несетъ? А я и не узнала. Ахъ, Господи! Вотъ наши-то удивятся...

— Вотъ что, Люба...

Асанъ опустилъ голову и концомъ палки сталъ поворачивать лежавшій у его ногъ небольшой камешекъ.

— Вотъ видишь ли, Люба... Мнѣ бы отца повидать.

— Да я его еще утречкомъ видѣла, чать онъ сейчасъ дома. Куда ему дѣваться? Хлопотунъ онъ у васъ, старательный старичокъ. Лавочку теперь завелъ. Все больше около нея возится.

— Ты вызови мнѣ его сюда. Скажи, что очень нужно...

Что сынъ, молъ, пришелъ... Я его ждать буду... Только не тутъ, а въ Кривой Балкѣ, гдѣ камни. Знаешь?... Да только ты не болтай, чтобы никто, никто не зналъ. Понимаешь?

— Да ты чего-жъ это?...

— Нельзя мнѣ, Люба,—Асанъ опустилъ голову:—узнаютъ, что я пришелъ, схватятъ.... Бѣда.

— Схватятъ?.. Чего тебя хватать-то? Ты развѣ что худое сдѣлалъ? Тебя хватать не за что. Тебя всѣ знаютъ. Кого хошь спроси. Я первая скажу.

— Ты, Люба, не знаешь. Меня есть за что хватать. Я со службы бѣжалъ.

— Бѣжалъ... Чего-жъ ты бѣжалъ? Аль такъ плохо было?

— Стой, кто-то идетъ...

Асанъ отскочилъ на край дороги и хотѣлъ спрятаться.

На поворотѣ дороги показался небольшого роста старикъ съ рѣдкой сѣдой бородкой. Одѣтъ онъ былъ въ порыжѣлое, кое-гдѣ заплатанное пальто, а на головѣ была старая сѣрая фуражка съ очень большимъ козырькомъ.

— Не бойся,—сказала Люба,—это нашъ Антонычъ; старичокъ у насъ живетъ. Онъ тихій.

Старичокъ подошелъ совсѣмъ близко и пристально посмотрѣлъ на Асана.

— Солдатъ?—спросилъ онъ.

— А вы почему знаете?

— Видать.

Асану стало неловко. Ему казалось, что никто не могъ бы узнать въ немъ солдата, разъ на немъ „вольная“ шапка и нѣтъ погонъ. И вдругъ старикъ угадалъ съ перваго взгляда.

Старикъ продолжалъ осматривать его, и этотъ пристальный взглядъ острыхъ, совсѣмъ не стариковскихъ глазъ ужасно смущалъ Асана. И въ то же время въ старикѣ было что-то хорошее, что влекло и располагало къ довѣрію и откровенности.

— Ты, Асанъ, не бойся, — успокаивала Люба: — Антонычъ у насъ хорошій, правильный старичокъ.

— Ты что-жъ, бѣжалъ, что-ли?—спросилъ старикъ.

— Бѣжалъ, — робко отвѣтилъ Асанъ не безъ дрожи въ голосѣ.

— Чего-жъ ты бѣжалъ?

— Нельзя было не бѣжать. Не хотѣлъ, а бѣжалъ. Вѣра приказала, Аллахъ приказалъ.

— Аллахъ, говоришь. Магометанинъ значитъ. Какъ же это онъ тебѣ приказалъ?

— Какъ приказалъ? Въ сердцѣ приказалъ. Понимаешь: войну хотятъ вести не то съ персами, не то не знаю съ кѣмъ, а только тамъ наши татары есть. Понимаешь: татарину татарина стрѣлять придется. Какъ же можно? Законъ не позволяетъ. Аллахъ говоритъ: „нельзя".

— Такъ нельзя, говоришь, татарина стрѣлять? Ну, а русскаго можно?

— Русскаго?—Асанъ задумался. Такой вопросъ не приходилъ ему въ голову.—Надо быть тоже нельзя,—промолвилъ онъ нерѣшительно.

— Нельзя? Ну, а нѣмца можно? Японца можно?

— Стрѣляютъ,—уклончиво отвѣтилъ Асанъ.

— А отца твоего, а Любу, къ примѣру, можно стрѣлять? Ты вотъ что, милый, разсуди,—не ожидая отвѣта, продолжалъ старикъ,—ты пойми, возьми въ толкъ: ты, къ примѣру, въ своей деревнѣ живешь, видишь свою деревню, отца съ матерью, сосѣдей, ну вотъ, а теперь къ примѣру мы съ тобой на пригоркѣ стоимъ, намъ съ тобой не только твоя деревня видна, а и вонъ та, и другая; а выше подымемся и станцію увидимъ, и еще сколько поселковъ; а доберемся до самаго верха—и море видно будетъ, и кругомъ вотъ какъ далеко видно будетъ. Не такъ ли, другъ? Ты вотъ говоришь, что тебѣ твой Аллахъ приказываетъ, а еврей будетъ говорить, что ему его Іегова велитъ, и бываетъ что разное. Одинъ одно видитъ, другой—другое; одинъ одно слышитъ, другой—другое. А ты подымись повыше, тебѣ виднѣе станетъ. Для чего у тебя голова на верху тѣла поставлена, а не подъ мышкой? Чтобы ты, милый другъ, сверху дальше видѣлъ. Такъ коли у тебя такъ голова поставлена, такъ ты ее подъ мышку-то не прячь, а тяни ее кверху, чтобы она больше видѣла. Вотъ тогда и разберешься. Голова цѣну большую имѣетъ. За ней-то, за головой, уходъ надобенъ.

— Да это я понимаю,—началъ было Асанъ.

— Понимаешь. Много ты понимаешь! У тебя на плечахъ что такое? Голова или дыня? Ты мнѣ, милый человѣкъ, можешь сказать, о чемъ дыня думаетъ? Не можешь, такъ я тебѣ скажу. О сѣменахъ своихъ дыня думаетъ, вотъ о чемъ. Думаетъ, что, молъ, положены въ ней сѣмена и должна она ихъ выростить, чтобъ изъ сѣмянъ вышли плоды добрые. Вотъ что, милый человѣкъ. Такъ если голова у тебя не хуже дыни, то долженъ ты всякую добрую мысль свою холить и ростить, чтобы плоды были добрые. Вотъ что. Вотъ ты говорилъ, что нельзя тебѣ, татарину,

татарина стрѣлять, а ты подымись повыше да пошевели мозгами—можетъ и поймешь, что не въ татаринѣ тутъ дѣло.

— Какъ не въ татаринѣ?—возмутился Асанъ:—о татарахъ говорили, объ нихъ дѣло.

— Ну, одначе я съ вами заболтался,—сказалъ старикъ,—мнѣ еще дальній путь. Надо поглядѣть на мою бахчу. Хорошія у меня тамъ дыньки зрѣютъ. Садовникъ вѣдь я.

Старикъ засмѣялся и, кивнувъ головой Любѣ и Асану, поплелся по дорогѣ.

— Мудреный старикъ, — покачалъ головой Асанъ.—Гдѣ у него бахча? Далеко?

— Да никакой у него бахчи нѣтъ,—засмѣялась Люба,—это онъ такъ говоритъ, къ примѣру. Гдѣ соберутся люди, тамъ для него и бахча. Хорошія—говоритъ—мысли рощу, а худыя выпалываю. Такъ это онъ. А старикъ хорошій, вотъ какой душевный.

Асанъ молчалъ, стоя въ раздумьѣ; молчала и Люба.

— Да, такъ вотъ, Люба, очень прошу: скажи отцу, чтобы приходилъ въ Кривую Балку. Только смотри, никому не говори, чтобы никто не зналъ. Узнаютъ—пропала моя голова.

— Ахъ ты, сердяга, намучился!

Даже слезы на глазахъ у Любы выступили. Смахнула ихъ рукой дѣвушка, встала и пошла.

Прошло часа два, много три, но Асану показалось, что прошло часовъ десять, если не больше. Чего онъ только не передумалъ за это время. То ему казалось, что отецъ куда-нибудь внезапно уѣхалъ и вернется, быть можетъ, черезъ нѣсколько дней; то представлялось, что съ отцомъ случилось какое-нибудь несчастье; то, наконецъ, въ голову приходила ужасная мысль, что о приходѣ бѣглаго солдата узнала полиція, и вотъ его, Асана, уже ищутъ, и быть-можетъ ему надо бѣжать, какъ можно скорѣе бѣжать, куда глаза глядятъ... Наконецъ, когда онъ уже былъ готовъ, несмотря ни на какіе страхи, идти прямо въ деревню, что бы тамъ ни случилось, онъ услыхалъ шаги человѣка, осторожно спускавшагося по тропинкѣ въ балку. Это былъ отецъ. Асанъ съ радостью кинулся къ нему на встрѣчу.

— Чего ты пришелъ?—прежде всего спросилъ отецъ, недовѣрчивымъ, испытующимъ взглядомъ осматривая Асана:—голова надоѣла?

Асанъ молчалъ. Онъ совсѣмъ было раскрылъ ротъ, чтобы разсказать отцу все, чѣмъ полна была душа, разсказать все то, что онъ передумалъ за долгій путь, всю обиду, которая накопилась въ тайникахъ души, и вдругъ почувствовалъ, что слова не

хотятъ идти съ языка. Такъ путникъ, долго бывшій въ чужихъ краяхъ, возвратившись домой и видя, что на мѣстѣ родного дома стоитъ другая постройка, что знакомыя улицы имѣютъ другой видъ, что кругомъ все чужое, невольно робѣетъ и не рѣшается спросить о судьбѣ родныхъ и близкихъ. Такъ бѣднякъ безпомощно стоитъ передъ кассой желѣзной дороги и безнадежно шаритъ по карманамъ и разсматриваетъ истрепанный кошелекъ и съ отчаяніемъ старается вспомнить, куда дѣвались тѣ деньги, которыя онъ такъ тщательно берегъ на дорогу.

— Ну, чего пришелъ?—повторялъ отецъ. Онъ тоже чувствовалъ себя смущеннымъ и не зналъ, о чемъ ему говорить съ сыномъ. „И чего онъ молчитъ? — думалъ съ тоской старикъ. — Что ему надо?“

Асанъ молчалъ. Слова не шли съ языка. Ему почему-то припомнился полкъ, вся лагерная обстановка, вспомнились насмѣшки товарищей, послѣдняя Пасха, крашеныя яйца, окорокъ, „свиное ухо“... Потомъ вдругъ отчетливо всплылъ въ памяти послѣдній споръ съ Круглышовымъ...

— Денегъ надо, отецъ, — рѣшительно сказалъ Асанъ; — въ Стамбулъ хочу ѣхать, — добавилъ онъ, какъ что-то давнымъ давно рѣшенное. — Здѣсь нельзя жить, нельзя, надо въ Стамбулъ ѣхать; тамъ деньги заработаю, тебѣ помогать буду. Понимаешь? Никакъ нельзя здѣсь. Большая бѣда будетъ. Хотятъ, чтобы татаринъ татарина билъ... Понимаешь?...

Асанъ теперь говорилъ торопливо, едва успѣвая выговаривать слова, но говорилъ какіе-то безсвязные отрывки тѣхъ мыслей, которыя клубились въ его мозгу.

Отецъ слушалъ, не перебивая. Ему былъ очень непріятенъ приходъ сына. Въ той деревнѣ, гдѣ они жили, было всего двѣ-три семьи. Они почти обрусѣли и только по привычкѣ ходили иногда за нѣсколько верстъ въ село, гдѣ была мечеть и жилъ мулла. Въ послѣднее время отцу Асана удалось какъ-то раздобыться деньгами и завести небольшую лавочку, которая только-что стала приносить самый небольшой доходъ и потому малѣйшая непредвидѣнная трата могла испортить все дѣло. Да и кромѣ того, появленіе Асана, еслибы о немъ узнали, могло испортить только что установившееся хорошее отношеніе съ мѣстнымъ начальствомъ.

Когда Асанъ кончилъ говорить и, вытирая со лба струившійся потъ, почти въ изнеможеніи опустился на камень, старикъ безпомощно развелъ руками и, опустивъ голову, пробормоталъ:

— Нѣтъ у меня денегъ и достать негдѣ.

— Какъ нѣтъ?—почти крикнулъ Асанъ.—Что же мнѣ, помирать? Сколько дней бѣжалъ, все думалъ: „Вотъ приду, вотъ къ отцу приду. Отецъ поможетъ. Все будетъ хорошо“. А ты говоришь: денегъ нѣтъ...

— Такъ нѣтъ денегъ. Лавка сколько стоила. Заборъ новый ставилъ...

— Заборъ новый? — вскипѣлъ Асанъ. — Нѣсколько камней положилъ—новый заборъ. Ты мнѣ на сердце кладешь эти камни. Понимаешь? Нельзя такъ. Ты говоришь: лавка. Ты говоришь: заборъ. Живой человѣкъ пропадаетъ, твой сынъ пропадаетъ, а ты говоришь: денегъ нѣтъ. Нельзя такъ, доставай деньги. Ты знаешь, когда человѣку пропадать, онъ что можетъ сдѣлать? Онъ все можетъ сдѣлать. Онъ можетъ украсть, убить, домъ сжечь. Что-жъ, ты хочешь, чтобы я домъ сжегъ? Ты понимаешь, я теперь отчаянный человѣкъ, я теперь все могу, и домъ сжечь могу. Понимаешь?

Говоря эти слова, Асанъ прекрасно сознавалъ, что никогда не рѣшится сжечь тотъ домъ, гдѣ онъ родился и выросъ. Ему даже было самому непріятно, что-то будто по сердцу рѣзнуло, когда онъ сказалъ: „сжечь домъ“, больно стало при одной мысли; но онъ уже не могъ остановиться и чувствовалъ какое-то непонятное наслажденіе въ томъ, чтобы повторить это ощущеніе боли, перечувствовать эту непріятность. И онъ продолжалъ выкрикивать угрозы, въ которыя и самъ не вѣрилъ. А слова эти дѣлали свое дѣло.

Если сперва въ душѣ старика еще были какія-либо сомнѣнія относительно того, какъ бы помочь Асану, то послѣ угрозы сжечь домъ въ головѣ его вдругъ появилось рѣшеніе вполнѣ опредѣленное, готовое, какъ будто оно лежало гдѣ-то въ тайникѣ и этотъ тайникъ раскрылся и рѣшеніе упало въ душу стараго татарина.

— Сиди здѣсь, — сказалъ онъ сурово, не глядя на сына, — завтра утромъ получишь деньги.

— А поѣсть бы...

— Вотъ.—Старикъ вытащилъ изъ кармана большой кусокъ хлѣба и нѣсколько головокъ чесноку.

Асанъ покорно взялъ принесенное и молча принялся за ѣду. Онъ хотѣлъ еще что-то спросить, но не рѣшился послѣ недавней вспышки, которой онъ самъ отъ себя не ожидалъ. Ему было неловко, и онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, когда старикъ ушелъ домой.

На другой день, рано утромъ, когда Асанъ еще спалъ, онъ сквозь сонъ услыхалъ чей-то незнакомый и грубый голосъ, который говорилъ:

— Эй, ты, вставай, принимай гостей!

Асанъ вскочилъ и увидѣлъ передъ собою двухъ стражниковъ, а за ними еще нѣсколькихъ человѣкъ. Сопротивляться было безполезно. Асанъ понялъ это и безропотно пошелъ, куда повели.

Но когда, подъ конвоемъ двухъ солдатъ, онъ подходилъ къ деревнѣ,—конные стражники ускакали впередъ,—ему вдругъ такъ живо представился весь ужасъ того позора, что его поведутъ по знакомой съ дѣтства деревнѣ, что всѣ односельчане будутъ смотрѣть... Какъ лихорадочная забилась въ мозгу тревожная мысль: что дѣлать?—и почти тотчасъ же услужливая память подсказала:—сейчасъ влѣво отходитъ тропинка, крутая, извилистая. По тропинкѣ надо внизъ, тамъ поворотъ и дальше—густыя заросли. Тамъ можно укрыться...

Асанъ сильнымъ ударомъ опрокидываетъ навзничъ сзади идущаго конвоира, сбиваетъ съ ногъ передняго и стремглавъ бросается внизъ по тропинкѣ. Онъ слышитъ сзади крики: „держи, держи!“—и изо всѣхъ силъ несется впередъ.

Шедшій впереди солдатъ поднимается на ноги и, видя, что Асанъ готовъ скрыться, сперва бросается въ догонку, но потомъ останавливается и стрѣляетъ.

Асанъ продолжаетъ бѣжать. Раздается второй выстрѣлъ. Асанъ дѣлаетъ еще два прыжка и падаетъ. Потомъ онъ слегка приподнимается, опираясь руками о землю, и видитъ бѣгущаго къ нему конвойнаго.

— Которые несогласные, тѣхъ бить,—будто бы кричитъ конвойный и тотчасъ же смѣняется старичкомъ Антонычемъ и Любой, которые начинаютъ приподнимать Асана, говоря едва слышными голосами:

— А ты подымись повыше, тебѣ виднѣе станетъ. Подымись повыше, повыше, милый... Затѣмъ все исчезаетъ, и безжизненное тѣло Асана валится на тропинку.

На звукъ выстрѣла сбѣжались люди. Трупъ Асана подняли и отнесли въ деревню. Тамъ его положили на завалинку передъ домомъ, гдѣ жилъ отецъ Асана. Со всей деревни собирались люди, смотрѣли на Асана и говорили шепотомъ, точно боясь разбудить убитаго. Въ сосѣднемъ дворѣ горько плакала Люба. Пришелъ старикъ Антонычъ и долго смотрѣлъ въ лицо Асану. На другой день пріѣхали власти и стали писать бумаги объ убитомъ человѣкѣ.

А. Хирьяковъ.

КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ

I.

Среди различныхъ видовъ кооперацiи, занесенныхъ къ намъ съ Запада, первое мѣсто нужно отвести потребительнымъ обществамъ, какъ наиболѣе широкой, гибкой и вмѣстѣ съ тѣмъ распространенной даже въ Россiи организацiи. Со времени учрежденiя перваго потребительнаго общества—въ 1865-мъ году, въ Ригѣ, подъ вліяніемъ пропаганды Шульце-Делича,—не прошло и 45-ти лѣтъ, а мы уже имѣемъ въ Россiи около 3.500 потребительныхъ обществъ, не смотря на всѣ препятствiя, которыя ставили организацiи потребителей какъ правительство, такъ и непросвѣщенность самого народа. Только недавно эти препятствiя ослабѣли; большинство потребительныхъ обществъ возникло за послѣднiя семь лѣтъ. Въ концѣ 1905-го года въ Россiйской Имперiи насчитывалось 1.170 потребительныхъ обществъ [1]); въ настоящее же время число ихъ можно опредѣлить въ 3.500, а минимальное число членовъ—въ 550.000.

Изъ этого числа на Царство Польское въ началѣ 1909 г. приходилось 672 потребительныхъ общества, съ 83.500 членами и съ оборотомъ за 1908 годъ въ 12.550.000 рублей. Ихъ паевой капиталъ равнялся 1.269.000 рублей. До 1906-го года возникло только 49 обществъ, съ 1906 г.—623 общества.

[1]) В. Тотомiанцъ, „Сводъ статистическихъ свѣдѣнiй о дѣятельности потребительныхъ обществъ за 1904 годъ“, Спб., 1905.

Среди отдѣльныхъ губерній первое мѣсто по числу потребительныхъ обществъ занимаетъ Кіевская; здѣсь въ началѣ 1909 г. было 401 общество, изъ коихъ только 26 открылось до 1905 г. Въ началѣ декабря 1908-го года образовался на съѣздѣ въ Кіевѣ союзъ потребительныхъ обществъ Кіевской губ., къ которому присоединилось 107 сельскихъ и 16 мѣстечковыхъ потребительныхъ обществъ.

Второе мѣсто по числу потребительныхъ обществъ занимаетъ Полтавская губ., въ которой въ началѣ 1909 г. было 206 потребительныхъ обществъ. Первое общество возникло въ самой Полтавѣ въ 1896 г., но регулярный ростъ потребительныхъ обществъ начался съ 1901-го года. Въ 1907 г. было уже 140 обществъ. За Полтавской губ. слѣдуетъ Подольская, съ 200 обществами, изъ которыхъ многія объединяются теперь въ союзъ. Здѣсь потребительныя общества появились впервые въ 1897 г., но до 1906 г. ихъ было только 11. Пермская губернія насчитываетъ 165 обществъ. Въ ней находятся самыя старыя потребительныя общества. Вологодская имѣетъ ихъ 100 (при чемъ 10 обществъ объединились для закупокъ), Волынская—100, Херсонская—72, Черниговская—63, Екатеринославская—61, Московская — 54, Лифляндская — 54, Харьковская — 50, Уфимская—44, Саратовская—42. Потребительныя общества Кубанской области (ихъ всего 42) въ маѣ 1909 г. образовали на съѣздѣ въ Екатеринодарѣ союзъ. Для ускоренія открытія оптоваго склада общества рѣшили внести 25% своего паевого капитала. До 1904-го года первое мѣсто по числу потребительныхъ обществъ занимала промышленная Пермская губернія, но затѣмъ ее обогнали сельско-хозяйственныя.

Вообще, кооперативное движеніе въ Россіи сосредоточивается почти цѣликомъ въ деревняхъ. За 1907 — 1908 годы изъ 763 разрѣшенныхъ въ 30-ти губерніяхъ къ открытію потребительныхъ обществъ сельскихъ было 641, т.-е. 84%, а въ 1904-мъ году сельскія потребительныя общества составляли 40%. „Ростъ рабочихъ кооперативовъ—говоритъ М. Л. Хейсинъ—далеко не великъ въ сравненіи съ ростомъ сельской кооперації. Насъ поражаетъ даже незначительное число ихъ. Несомнѣнно, кооперативное движеніе въ 1907—1908 гг. среди пролетаріата было не такъ значительно, какъ казалось по газетному шуму“ [1]). Изъ чисто рабочихъ и притомъ городскихъ обществъ выдающуюся роль играетъ только пермское желѣзнодорожное общество,

[1]) См. статистику М. Хейсина въ „Союзѣ Потребителей“ отъ 9 мая 1909 г.

насчитывающее до 12.000 членовъ. Этотъ кооперативъ существуетъ уже давно. Цѣлый рядъ городовъ обладаетъ весьма слабыми потребительными обществами, а въ иныхъ они и совсѣмъ отсутствуютъ. Между тѣмъ, въ Кіевѣ, Одессѣ, Петербургѣ, Тифлисѣ, Вильнѣ, Казани, Астрахани и другихъ городахъ есть почва для образованія большихъ потребительныхъ обществъ, вербующихъ своихъ членовъ изъ всѣхъ классовъ населенія.

Въ Москвѣ, собственно говоря, тоже нѣтъ большого общегородского и всесословнаго потребительнаго общества. Но за то тамъ находится единственное [1]), можетъ быть, всероссійское объединеніе потребительныхъ обществъ, подъ названіемъ: „Московскій союзъ потребительныхъ обществъ“. Онъ возникъ 1-го ноября 1898-го года послѣ съѣзда потребительныхъ обществъ въ Нижнемъ Новгородѣ, при участіи 18-ти обществъ. За 1907-08 г. товарный оборотъ 185-ти обществъ, входившихъ въ союзъ, равнялся 30.033.321 руб., а чистая прибыль—1.252.285 рублямъ. Однако закупки этихъ обществъ черезъ союзъ равнялись только 399.978 рублямъ. Въ концѣ 1908-го года союзъ объединялъ 241 потребительное общество, насчитывавшія вмѣстѣ 87.075 членовъ. Съ осени 1908-го года „Московскій союзъ“ открылъ товарный складъ, сдѣлавшись такимъ образомъ настоящимъ обществомъ для оптовыхъ операцій. Съ этого времени дѣла союза пошли хорошо: за полугодіе съ 1-го ноября 1908 г. по 1-ое мая 1909 г. оборотъ его достигъ полумилліона рублей. Число союзныхъ обществъ въ серединѣ 1909 г. доходило до 300.

Необычайно быстрый ростъ крестьянскихъ потребительныхъ обществъ обусловливается, между прочимъ, тѣмъ, что законъ стѣсняетъ въ этомъ отношеніи деревню меньше чѣмъ городъ. Во-первыхъ, сельскимъ обществамъ уже давно предоставлено право составлять приговоры объ открытіи въ селеніяхъ, на мірскія суммы, потребительныхъ лавокъ. Затѣмъ, въ послѣдніе годы, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ деревенскія потребительныя общества открывались на основаніи правилъ 4 марта 1906 г., обыкновенно примѣняемыхъ почему-то только къ городскимъ профессіональнымъ союзамъ. Такъ, по сообщенію корреспондента „Нашей Газеты“ отъ 10 января 1909 г., на основаніи правилъ 4 марта 1906 г. въ Вятской губ. открыто 30 потребительныхъ обществъ. Не менѣе важною причиною быстраго распространенія крестьян-

[1]) Петербургское „Кооперативное общество оптовыхъ операцій“ разсчитано на всероссійскій масштабъ, но, къ сожалѣнію, носитъ пока характеръ личнаго дѣла и ограничивается коммиссіонными операціями.

скихъ потребительныхъ обществъ является то, что въ большинствѣ деревень фактически господствуетъ монополія двухъ—а то и одного—лавочниковъ, диктующихъ какія угодно цѣны на плохой товаръ. Поэтому роль деревенскихъ потребительныхъ обществъ необычайно благотворна въ смыслѣ улучшенія качества продуктовъ и пониженія цѣнъ. Примѣровъ этого рода безконечное множество. Мы не будемъ останавливаться на нихъ и укажемъ лишь на другія, мало извѣстныя роли деревенскихъ потребительныхъ обществъ. Многія потребительныя общества избавляютъ крестьянъ отъ скупщиковъ и отъ необходимости тотчасъ продавать продукты своего хозяйства,—обмѣнивая, сбывая и покупая продукты членовъ. По словамъ газеты „Сибирь“ отъ 20 марта 1909 г., въ Киренскомъ уѣздѣ потребительнымъ обществамъ торговлю приходится вести въ кредитъ и получать уплату не наличными, а натурой: мясомъ, хлѣбомъ, скотомъ, звѣриными шкурами, рыбой и пр. Продукты эти продаются ими уже за наличныя и даже вывозятся на Лену. Какъ свидѣтельствуетъ „Торгово-промышленная Газета“ отъ 7-го мая 1909 г., потребительныя общества Кременчугскаго уѣзда Полтавской губ. также содѣйствуютъ сбыту сельско-хозяйственныхъ продуктовъ своихъ членовъ, въ частности — яицъ. Изъ корреспонденціи В. Краснова въ „Словѣ“ отъ 11 февраля 1909 г. мы узнаемъ, что при средне-царицынскомъ потребительномъ обществѣ Саратовской губерніи организована ссыпка хлѣба для продажи, комиссіи и обмѣна его на нужные членамъ товары.

До сихъ поръ мы приводили примѣры матеріальныхъ выгодъ, предоставляемыхъ потребительными обществами населенію. Но этимъ далеко не исчерпываются ихъ задачи. Они пріучаютъ членовъ управлять общественными дѣлами, внѣдряютъ въ ихъ психику идею солидарности и взаимопомощи. Часто деревенскія потребительныя общества открываютъ читальни, иногда народные дома, становясь такимъ образомъ центромъ духовной жизни. Мы имѣемъ одинъ блестящій примѣръ послѣдняго рода. Колодистское потребительное общество въ селѣ Колодистомъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., построило въ 1905 году вмѣстѣ съ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ народный домъ [1]).

---

[1]) См. корреспонденцію В. Доманицкаго въ журналѣ „Южныя Записки“. Одесса, 12 іюня 1905 г.

II.

Второе мѣсто по распространенности занимаютъ въ Россіи кредитныя товарищества—единственный видъ кооперації, которому правительство оказываетъ содѣйствіе. Кредитныя товарищества по типу Райфейзена стали насаждаться съ 1896-го года, вскорѣ послѣ изданія положенія о мелкомъ кредитѣ 1 іюня 1895 г. Дѣло шло сначала медленно: 1-го октября 1903 г. было всего 340 кредитныхъ товариществъ. Но въ слѣдующіе годы кредитныя товарищества обогнали почти всѣ виды кооперації, благодаря ссудамъ государственнаго банка и содѣйствію цѣлой организаціи [1]) чиновниковъ, состоящихъ при государственномъ банкѣ и надзирающихъ за учрежденіями мелкаго кредита.

На первое января 1906 г. всего дѣйствовало 1.313 товариществъ, изъ коихъ 776 товариществъ имѣли болѣе 299.000 членовъ. На 1-ое января 1907 г. общее количество кредитныхъ товариществъ уже достигло 1.520. По районамъ число кредитныхъ товариществъ распредѣлялось такъ: въ Европейской Россіи — 1.402, въ Царствѣ Польскомъ — 27, на Кавказѣ — 72, въ Сибири 19 [2]). Къ 1-му іюля 1907 г. 1.555 кредитныхъ товариществъ имѣли въ государственномъ банкѣ ссуду по основнымъ капиталамъ 2.422.000 рублей, краткосрочнаго кредита— 6.686.000 рублей. Выдано ссудъ членамъ 21.152.000 рублей. Вкладовъ товарищества получили 10.774.000 рублей и, наконецъ, собственные капиталы товариществъ были немного меньше долга государственному банку по основному капиталу. Такимъ образомъ, уже большая половина оборотныхъ средствъ товариществъ составляется изъ мѣстныхъ сбереженій.

Въ настоящее время въ Россіи до 3.400 кредитныхъ товариществъ, приблизительно съ 500.000 членовъ. Среди губерній первое мѣсто по числу кредитныхъ товариществъ занимаетъ Херсонская, гдѣ около 200 товариществъ. Не смотря на сравнительно большое число кредитныхъ товариществъ, они до сихъ поръ не организованы въ союзъ. Въ Кубанской области въ концѣ 1908 г. было 105 кредитныхъ товариществъ, которыя, вмѣстѣ съ 41-мъ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ, насчитывали 40.670

---

[1]) Управленіе по дѣламъ мелкаго кредита, открытое 1 сентября 1904 г.

[2]) „Кредитныя и ссудо-сберегательныя товарищества“, Спб., 1907.

членовъ. Первое ссудо-сберегательное товарищество открылось въ 1894-мъ году, а первое кредитное—въ 1903-мъ. Благодаря ихъ дѣятельности, многіе сельскіе хозяева перешли на машинную обработку полей [1]). Въ 1908-мъ году на школьное дѣло они пожертвовали 5.000 рублей. Теперь они образовываютъ областной союзъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ и такимъ образомъ могутъ утилизировать тотъ милліонъ свободнаго капитала, которымъ обладаютъ.

Въ Кіевской губ., гдѣ приблизительно столько же кооперативныхъ учрежденій мелкаго кредита, союзъ былъ учрежденъ въ 1907 г. Въ его составъ входили въ февралѣ 1909 г. только 13 ссудосберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ. Какъ и другіе союзы, онъ ревизуетъ союзныя товарищества; оказываетъ имъ помощь при внесеніи срочныхъ платежей; вошелъ въ соглашеніе съ цѣлымъ рядомъ фирмъ, которыя обязаны отпускать союзнымъ товариществамъ товары на коммиссіонныхъ началахъ, со скидкой въ 10—25%. По свидѣтельству „Газеты Кіевскаго Управленія по дѣламъ земскаго хозяйства“ отъ 20 февраля 1909 г., „теперь утверждены новыя правила, согласно которымъ союзъ можетъ выдавать, по полученіи вкладовъ, отъ своего имени такъ называемые вкладные билеты, каковые въ теченіе мѣсяца должны быть замѣнены вкладными книжками союзныхъ товариществъ. Этимъ путемъ можетъ быть значительно оживлена дѣятельность союза по привлеченію вкладовъ“. Такимъ образомъ—прибавимъ мы — въ Кіевской губ., подъ напоромъ насущныхъ требованій жизни, обходится нелѣпый законъ, разрѣшающій союзы учрежденій мелкаго кредита, но не разрѣшающій имъ принимать вклады.

Въ Таврической губерніи, гдѣ въ концѣ 1908 г. было 38 кредитныхъ и 43 ссудо-сберегательныхъ товариществъ, возникъ первый союзъ такихъ товариществъ, а именно бердянскій, въ 1902-мъ году; но онъ развивается медленно, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что уставъ этого союза не позволяетъ заключать займы и принимать вклады и, слѣдовательно, привлекать въ товарищество мѣстныя свободныя средства. Ему приходится ограничиваться ревизіонными и посредническими операціями. Другой союзъ Таврической губерніи, мелитопольскій, открытый въ 1903 г. по образцу бердянскаго, проявилъ, тѣмъ не менѣе, бо̀льшую энергію. Онъ производитъ ревизіи, поддерживаетъ товарищества свободною наличностью, покупаетъ орудія, машины, желѣзо и т. п., устроилъ складъ для храненія купленныхъ по

[1]) Сообщеніе М. Танина въ „Нашей Газетѣ“ отъ 17-го апрѣля 1909 г.

порученію товариществъ предметовъ. Уральскій союзъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, образовавшійся въ началѣ 1908 г. въ Екатеринбургѣ, оказывается однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и пользуется такими же правами, какъ и кіевскій. Изъ имѣвшихся въ концѣ 1908 г. въ Уральской области 53 кредитныхъ и 23 ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ союзъ входило 25 товариществъ. Оборотъ союза за 1908 г. равнялся 196.568 рублямъ, при чемъ товара для товариществъ пріобрѣтено на 57.369 рублей, а вкладовъ поступило 16.265 руб.; изъ нихъ 12.000 приходится на учрежденія мелкаго кредита, а остальные вложены частными лицами. Кромѣ обычныхъ функцій, союзъ занятъ теперь устройствомъ зернохранилищъ и складовъ для кустарныхъ издѣлій. Наконецъ, имѣется еще одинъ союзъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, а именно суджанскій, въ Курской губерніи.

Что касается состава кредитныхъ товариществъ и ихъ дѣятельности вообще, то первый—довольно однообразный, а именно крестьянскій [1]), а вторая весьма разнообразна. Иллюстрируемъ это на примѣрѣ Уфимской губерніи, гдѣ движеніе началось въ 1902-мъ году и гдѣ въ началѣ 1908 г. имѣлось 69 кредитныхъ товариществъ, съ 24.489 членами. 94% членовъ были земледѣльцы, 2,8% — ремесленники и кустари, 1,5% — торговцы и 1,7%—служащіе въ общественныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ обычныхъ, т.-е. банковыхъ операцій, 5 товариществъ вели посредническія операціи, 4 — залоговую операцію подъ хлѣбъ. Посредническія операціи заключались въ пріобрѣтеніи сельско-хозяйственныхъ орудій и орудій для ремесленниковъ и кустарей, а также крупчатой муки и сахара для пчеловодовъ. Сверхъ того, при 14 кредитныхъ и одномъ ссудо-сберегательномъ товариществахъ устраиваются, при содѣйствіи земства, хлѣбные амбары.

Разнообразіе дѣятельности кредитныхъ товариществъ далеко не исчерпывается приведеннымъ примѣромъ и объясняется тѣмъ, что къ этой формѣ кооперациі, матеріально поддерживаемой правительствомъ, прибѣгаютъ, когда нѣтъ средствъ учредить другой, прямо подходящій къ цѣли, кооперативъ. Въ результатѣ получается, что очень часто кредитныя товарищества играютъ, кромѣ своей роли, роль сельско-хозяйственныхъ обществъ, ремесленныхъ и кустарныхъ артелей и даже потребительныхъ обществъ.

Обратимся теперь къ другому типу кредитной кооперациі,

---

[1]) По мнѣнію кн. Масальскаго („Вѣстникъ Финансовъ“ отъ 7 декабря 1908 г.), крестьяне составляютъ около 85% общаго числа членовъ.

а именно къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, которыя не являются въ такой мѣрѣ крестьянскими, въ какой кредитныя, хотя возникли тоже въ деревнѣ. Въ 1865-мъ году, т.-е. въ годъ учрежденія перваго потребительнаго общества, по иниціативѣ послѣдователей Шульце-Делича, С. Ѳ. Лугинина и Н. П. Колюпанова, возникло первое въ Россіи рождественское ссудо-сберегательное товарищество въ селѣ Доровстовѣ, Рождественской волости, Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ. Этотъ видъ кооперацiи распространялся сначала очень медленно: съ 1865 до 1871 года было открыто всего 15 ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Но вотъ въ 1870-мъ году, въ Москвѣ, на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ нѣсколько убѣжденныхъ кооператоровъ, съ кн. А. И. Васильчиковымъ и А. В. Яковлевымъ во главѣ, возбудили вопросъ объ устройствѣ особаго комитета содѣйствія сельской кооперацiи, главнымъ образомъ кредитной. Вскорѣ образовались московскій комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ и его петербургское отдѣленіе. Послѣднее, съ Васильчиковымъ и Яковлевымъ во главѣ, сыграло большую роль въ кооперативномъ движеніи семидесятыхъ годовъ. Подъ его вліяніемъ и при содѣйствіи земствъ съ 1871 по 1878 г. возникло 966 ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Но послѣ періода грюндерства начался періодъ застоя. Причины этого хорошо вскрываетъ А. Кулыжный, по словамъ котораго русская деревня въ то время только начинала пробуждаться отъ сна натуральнаго хозяйства. О техническомъ и экономическомъ обновленіи крестьянства тогда не было и рѣчи; потребность въ оборотномъ капиталѣ крайне слабо ощущалась крестьянскимъ хозяйствомъ; кредитъ производительный не имѣлъ еще почвы въ деревнѣ. Затѣмъ, полное отсутствіе самодѣятельности въ крестьянствѣ и угнетающая опека сверху, ограниченіе доступа къ крестьянству интеллигентныхъ силъ, административные и законодательные тормазы для проявленія народнаго творчества, некультурность и темнота народныхъ массъ—вотъ та обстановка, среди которой шло развитіе у насъ кооперативнаго движенія въ области сельскаго кредита 70—80 гг. [1]).

Съ конца 80-хъ годовъ дѣятельность ссудо-сберегательныхъ товариществъ нѣсколько оживляется. Это оживленіе продолжается и въ 90-хъ годахъ, и позже, но въ 1904-мъ году ихъ численно уже обогнали кредитныя товарищества. Не смотря на это, обороты ссудо-сберегательныхъ товариществъ значительно

[1]) „Вѣстникъ Кооперацiи“, № 2-ой, 1909 г., стр. 73.

превышаютъ операціи кредитныхъ. Къ первому января 1905 г. въ 885 товариществахъ (изъ нихъ 835 имѣли около 387.000 членовъ) паевой капиталъ равнялся 13.454.000 рублей, а запасной капиталъ—3.374.000 рублей. Сумма вкладовъ превышала 30 милліоновъ рублей, при чемъ 76% ихъ внесены посторонними лицами и разными учрежденіями, а 24% — членами. Количество мѣстныхъ вкладовъ растетъ почти безпрерывно, какъ и въ кредитныхъ товариществахъ. Займы составляли 5.301.000 рублей. Выдано ссудъ членамъ свыше 47½ милліоновъ, т.-е. вдвое больше ссудъ кредитныхъ товариществъ [1]). Такая разница въ оборотахъ объясняется тѣмъ, что ссудо-сберегательныя товарищества—болѣе старыя и окрѣпшія учрежденія, и еще тѣмъ, что они работаютъ не только въ деревняхъ, но часто также въ городахъ и на большіе районы.

На первое января 1907 г. общее число ссудо-сберегательныхъ товариществъ достигало 1.002. По районамъ они распредѣлялись такъ: въ Европейской Россіи ихъ было 658, въ Прибалтійскомъ районѣ—144, въ Царствѣ Польскомъ—128, на Кавказѣ—57, въ Сибири—15. Въ настоящее время въ Россіи имѣется, приблизительно, 1.600 ссудо-сберегательныхъ товариществъ, съ 400.000 членовъ. По числу ихъ первое мѣсто занимаетъ Курляндская губернія, гдѣ до 80 ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Затѣмъ слѣдуютъ Лифляндская губернія, съ 70 товариществами, Кіевская, съ 53, и Таврическая, съ 43 ссудо-сберегательными товариществами.

III.

По послѣднему списку сельско-хозяйственныхъ обществъ, изданному въ 1908-мъ году главнымъ управленіемъ земледѣлія и землеустройства, къ январю 1907-го года всего дѣйствующихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, было 1.056, изъ нихъ 778 общихъ и 278 спеціальныхъ. Въ этомъ числѣ крупныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, т.-е. дѣйствующихъ въ большомъ районѣ, было очень мало. Огромное большинство обществъ являлось крестьянскими товариществами малаго района, съ экономическими по преимуществу цѣлями, между тѣмъ какъ крупныя общества ставятъ себѣ больше про-

[1]) „Тридцать первый отчетъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“, Спб., 1906.

фессіональныя и просвѣтительныя цѣли. Въ теченіе 1906-го года возникло 108 сельско-хозяйственныхъ обществъ, изъ коихъ 101 самостоятельныхъ и 7 отдѣловъ раньше существовавшихъ обществъ. Изъ числа возникшихъ обществъ только 6 открыты въ городахъ (1 общее и 5 спеціальныхъ). Такимъ образомъ почти всѣ вновь возникшія общества принадлежатъ къ мелкимъ сельско-хозяйственнымъ товариществамъ и открыты по нормальному уставу 1898-го года, изданному министерствомъ земледѣлія. Изъ 1056 обществъ на одну Лифляндскую губернію приходилось 127. Затѣмъ шли Полтавская губернія съ 73 обществами, Курляндская съ 61, Самарская съ 49, Вятская съ 42, Пермская съ 43 обществами и т. д.

Ростъ сельско-хозяйственныхъ обществъ покажется намъ быстрымъ, если мы примемъ къ свѣдѣнію, что до 1890 г. въ Россіи не было ни одного крестьянскаго сельско-хозяйственнаго общества, съ 1890-го по 1897 г. основано 14, съ 1898-го по 1901 г.—31. Въ послѣдніе же годы ихъ открывается столько, что теперь ихъ до 1.500, съ 150.000, приблизительно, членовъ. Напримѣръ, въ Полтавской губерніи число ихъ поднялось до 100 въ мартѣ 1909 г. Въ Пермской губерніи въ январѣ 1909 г. было 50 сельско-хозяйственныхъ обществъ. Въ Московской губерніи, по свидѣтельству „Рѣчи“ отъ 1-го января 1909 г., за одно лѣто было утверждено около 50-ти трудовыхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

Такія же общества, но только подъ названіемъ земледѣльческихъ кружковъ, стали возникать съ 1907 г. въ Виленской губерніи. Въ концѣ 1908 г. ихъ было 40, изъ нихъ 17—земледѣльческихъ, а 23—коммерческихъ, т.-е. снабжающихъ крестьянъ земледѣльческими орудіями. Два кружка имѣютъ землю въ количествѣ 8—10 десятинъ. При всѣхъ кружкахъ имѣются библіотеки.

Не смотря на недавнее появленіе, крестьянскія сельско-хозяйственныя общества успѣли зарекомендовать себя съ хорошей стороны. Мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, общества Полтавской губерніи.

Самымъ дѣятельнымъ изъ сельско-хозяйственныхъ обществъ Полтавской губерніи является Карловское, состоящее почти исключительно изъ крестьянъ. По сообщенію „Торгово-промышленной Газеты“ отъ 11-го ноября 1908 г., оно открыло на базарахъ, по радіусу въ сорокъ верстъ, ссыпку всякаго хлѣба, уплачивая крестьянамъ полную его стоимость, за вычетомъ расходовъ по доставкѣ къ станціи, на очистку и на расходы по содержанію амбаровъ и служащихъ. За четыре года дѣятельности черезъ

амбары общества прошло 236.910 пудовъ хлѣба, давшихъ обществу чистой прибыли 984 рубля. Продававшіе пшеницу въ Полтавѣ черезъ посредство сельско-хозяйственнаго общества получали за пудъ на четыре копѣйки больше.

Вопросъ о раціональномъ сбытѣ доброкачественнаго хлѣба, съ устраненіемъ посредниковъ, имѣетъ весьма важное значеніе. Сельско-хозяйственныя общества обратили на него въ послѣднее время главное вниманіе. Піонеромъ на этомъ поприщѣ является Алексѣевское сельско-хозяйственное общество, Самарской губерніи. Это общество устроило у себя элеваторъ, вмѣстимостью въ 240.000 пудовъ зерна. Постройка элеватора обошлась въ 25 тысячъ рублей, которые получены обществомъ въ ссуду отъ министерства финансовъ на 17-ть лѣтъ, изъ 4% годовыхъ. При обществѣ имѣется также кредитное товарищество. Благодаря постройкѣ элеватора и кредитному товариществу, общество села Алексѣевскаго получило возможность избѣгнуть цѣпкихъ рукъ кулаковъ-скупщиковъ зерна и продавать зерно значительно дороже. Крестьяне села Алексѣевскаго осенью хлѣбъ не продаютъ, а засыпаютъ его въ элеваторъ, получая на засыпанный хлѣбъ квитанцію, а по ней изъ кредитнаго товарищества деньги. Засыпанный въ элеваторъ хлѣбъ очищается на спеціальныхъ сортировкахъ и ждетъ лучшаго времени, когда цѣна поднимется. И вотъ результаты. Съ начала открытія элеватора, т.-е. съ августа 1904-го по 1-ое августа 1905 г., было засыпано около 20 тысячъ пудовъ хлѣба; на слѣдующій годъ, съ 1-го августа 1905 г. по 1-ое августа 1906 г., засыпка увеличилась до 137 тысячъ пудовъ. Подъ залогъ засыпаннаго хлѣба кредитное товарищество выдало въ первый годъ—8.550 рублей, во второй—8.920 рублей. Хлѣбъ съ элеватора былъ проданъ на 10—35 копѣекъ, считая на пудъ, дороже мѣстныхъ продажныхъ цѣнъ, и общество сберегло своимъ членамъ около 20 тысячъ рублей.

Кромѣ хлѣба, сбываются и овощи. Въ Ярославской губерніи въ 1906 году организовалось два товарищества, которыя, будучи освобождены отъ внесенія залога, взяли на себя поставку въ московское окружное интендантство 5.000 пудовъ сухихъ овощей (сушка производится ими самими, усовершенствованнымъ способомъ) и выполнили ее вполнѣ удовлетворительно. Въ 1907 г. организовалось три такихъ товарищества и взяли на себя поставку въ московское окружное интендантство 10.000 пудовъ разныхъ овощей; кромѣ того, они же, безъ участія скупщиковъ, поставили на столичные рынки до десяти вагоновъ рѣпчатаго лука и нѣкоторыхъ другихъ овощей.

Нѣсколько раньше ярославскихъ товариществъ взялось за изготовленіе сухихъ овощей минское общество сельскихъ хозяевъ. Его продукты получили большой сбытъ на театрѣ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ. Кромѣ сбыта, это общество занимается также закупкой земледѣльческихъ машинъ, орудій, сѣмянъ, хлѣба, землеудобрительныхъ туковъ и т. д.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о единственномъ пока союзѣ сельско-хозяйственныхъ обществъ, Петербургской губерніи. Онъ возникъ въ началѣ 1907 г. въ составѣ семи сельско-хозяйственныхъ обществъ, подъ названіемъ: „Центральное сельско-хозяйственное общество“. Въ маѣ 1909 г. въ его составъ входили уже всѣ сельско-хозяйственныя общества губерніи, въ количествѣ 23, и еще до 20-ти деревенскихъ потребительныхъ и кредитныхъ товариществъ. „Центральное сельско-хозяйственное общество“ имѣетъ въ Петербургѣ складъ съ образчиками сельско-хозяйственныхъ машинъ, орудій, удобреній, сѣмянъ, молочной посуды, чѣмъ и снабжаетъ крестьянскія товарищества.

IV.

Познакомимся, наконецъ, съ различными артелями, занимающимися какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ отрасли промышленности обрабатывающей. Начнемъ съ маслодѣльныхъ артелей, достигшихъ въ Сибири довольно высокой ступени развитія и завязавшихъ торговыя сношенія даже съ Западной Европой.

Сравнительный земельный просторъ Западной Сибири и обиліе естественныхъ пастбищъ—читаемъ мы въ докладѣ А. А. Балакшина первому всероссійскому кооперативному съѣзду въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1908 г.—въ высшей степени благопріятствовали быстрому развитію маслодѣльной промышленности. Первая частная маслодѣльня была устроена въ 1894 г., одновременно съ укладкой рельсъ на первомъ участкѣ Сибирской желѣзной дороги. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ промышленное маслодѣліе охватило всю прилегающую къ желѣзной дорогѣ полосу Западной Сибири и проникло въ Алтайскій горный округъ. Въ настоящее время число маслодѣльныхъ заводовъ достигаетъ 2.000. Въ соотвѣтствіи съ этимъ идетъ количество вывозимаго изъ Сибири масла, равнявшагося въ 1895-мъ году 400 пудамъ и достигшаго въ 1907 г. 3.564.060 пудовъ, на сумму до 40 милліоновъ рублей.

Кооперативное маслодѣліе въ широкихъ размѣрахъ возникло на десять лѣтъ позже частнаго, отчасти подъ вліяніемъ плохого

веденія дѣлъ и банкротства послѣдняго, въ связи съ легкомысленнымъ грюндерствомъ. Кооперативное маслодѣліе пошло настолько успѣшно, что теперь уже можно говорить о переходѣ сибирской маслодѣльной промышленности въ кооперативную форму. Число маслодѣльныхъ кооперативовъ доходитъ теперь до 800, съ 120.000 членовъ, обладающихъ 700.000 коровъ. Общій годовой оборотъ ихъ доходитъ до 16 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ около 40% всего сибирскаго масла сработано на кооперативныхъ заводахъ. Сбереженія сибирскаго крестьянства отъ маслодѣльныхъ кооперативовъ доходятъ до $2^1/_2$ милліоновъ рублей.

Въ основаніе большей части сибирскихъ маслодѣльныхъ кооперативовъ положенъ довольно простой договоръ, главными пунктами котораго являются обязательство всѣхъ артельщиковъ сдавать все молоко только кооперативному заводу и круговая отвѣтственность всѣхъ артельщиковъ за долги кооператива. Членами кооператива или артельщиками являются главнымъ образомъ крестьяне, а также всѣ, кто живетъ въ районѣ даннаго кооператива и сдаетъ свое молоко на кооперативный заводъ. Артельщиками бываютъ священники, волостные писаря, учителя, купцы и пр. По даннымъ А. Балакшина, собственный капиталъ (недвижимый и движимый) 263 кооперативовъ достигъ на 1-ое октября 1907 г. суммы въ 592.500 рублей; долгъ ихъ равнялся только $^1/_5$ названнаго капитала. Такое развитіе маслодѣльныхъ артелей вполнѣ своевременно завершилось, въ началѣ 1908-го года, образованіемъ въ Курганѣ „Союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей“. Этотъ союзъ дѣйствуетъ на основаніи устава, утвержденнаго министромъ земледѣлія. Въ мартѣ 1908-го года въ союзъ входило уже до 60 кооперативовъ, съ общимъ количествомъ около 150.000 пудовъ вырабатываемаго сливочнаго масла. Въ февралѣ 1909 г. союзъ насчитывалъ уже больше 80 кооперативовъ. Члены союза обязаны сдавать союзу все вырабатываемое ими масло. Точно также члены союза обязаны покупать всѣ нужные имъ товары, машины и т. п. только черезъ союзъ. Благодаря всему этому, союзъ сдѣлалъ за 1908-й годъ оборотъ въ два съ половиною милліона рублей. Кромѣ склада спеціально маслодѣльныхъ машинъ и матеріаловъ, союзъ открылъ складъ земледѣльческихъ машинъ и искусственныхъ удобреній. Черезъ контору союза идетъ снабженіе маслодѣльныхъ кооперативовъ и открывающихся при нихъ потребительныхъ обществъ всѣми товарами. Кооперативы граничащей съ Сибирью Оренбургской губерніи, особенно ея Челябинскаго уѣзда, тоже втягиваются въ союзъ. Въ февралѣ 1909-го года тамъ работало 40 маслодѣльныхъ артелей. Съ ноября 1908-го года они

открыли въ городѣ Челябинскѣ складъ, гдѣ продается полное оборудованіе маслодѣльныхъ заводовъ для артельщиковъ. Какъ и въ Сибири, при челябинскихъ артеляхъ стали съ начала 1909-го года быстро открываться потребительныя общества.

V.

Мы закончили нашъ очеркъ современнаго положенія кооперативнаго движенія въ Россіи. Остановимся, въ заключеніе, на общихъ условіяхъ, среди которыхъ приходится работать русскимъ кооператорамъ, на взаимныхъ ихъ отношеніяхъ и на направленіи ихъ дѣятельности. Если русское кооперативное движеніе очень мало развилось вглубь, то этому въ значительной мѣрѣ мѣшаетъ отсутствіе всеобщей грамотности и явочнаго порядка учрежденія кооперативовъ и ихъ союзовъ. Для первыхъ существуютъ изданные правительствомъ „нормальные уставы“, подлежащіе еще утвержденію губернаторовъ; для вторыхъ, т.-е. для союзовъ кооперацій, не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ. Одинъ губернаторъ, по сношеніи съ Петербургомъ, разрѣшаетъ, десять — не разрѣшаютъ. Только кредитные кооперативы, находящіеся подъ опекой министерства финансовъ, обладаютъ болѣе или менѣе замѣтнымъ числомъ областныхъ союзовъ. Потребительныя общества, не считая Польши, имѣютъ только три союза, сельско-хозяйственныя и маслодѣльныя — по одному. Мы не принадлежимъ къ противникамъ государственной помощи кооперативамъ, но очень охотно промѣняли бы то матеріальное содѣйствіе, которое правительство оказываетъ кредитнымъ товариществамъ, на бо̀льшую свободу кооперативовъ и ихъ союзовъ. Въ послѣднемъ случаѣ не было бы того, что̀ мы теперь наблюдаемъ во многихъ деревняхъ, гдѣ земскіе начальники и урядники всячески стѣсняютъ дѣятельность товариществъ. Приведемъ другіе примѣры. По сообщенію М. Т-на въ газетѣ „Слово“ отъ 28 февраля 1909 г., недавно инспекторами мелкаго кредита былъ представленъ въ главное управленіе по дѣламъ мелкаго кредита рядъ докладовъ о неблагонадежности нѣкоторыхъ южныхъ кредитныхъ товариществъ, вызвавшій цѣлый переполохъ среди чиновниковъ, призванныхъ „насаждать“ у насъ кооперацію. По этому поводу было созвано нѣсколько совѣщаній, въ результатѣ которыхъ рѣшено дополнить нормальный уставъ, и безъ того стѣсняющій дѣятельность нашихъ кредитныхъ кооперативовъ, новымъ пунктомъ—о правѣ главнаго управленія по дѣламъ мел-

каго кредита закрывать ихъ, если оно найдетъ ихъ неблагонадежными по составу и дѣятельности. То же главное управленіе разослало кредитнымъ товариществамъ циркуляръ, въ которомъ настойчиво рекомендуетъ выдавать ссуды крестьянамъ для покупки земли черезъ крестьянскій банкъ по закону 9-го ноября и дѣлать при этомъ всевозможныя льготы, чтобы выходъ изъ общинъ не задерживался недостаткомъ денегъ у крестьянъ. Итакъ, въ Россіи дѣла кредитныхъ товариществъ обыкновенно ревизуютъ не союзы ихъ, а чиновники министерства финансовъ и земскіе начальники.

Этимъ, конечно, не исчерпываются притѣсненія, претерпѣваемыя кооперативами. Въ теченіе 1908-го года былъ закрытъ всероссійскій кооперативный съѣздъ въ Москвѣ, во Владимірѣ—съѣздъ мелкаго кредита, въ Петербургѣ—совѣтъ потребительнаго общества „Трудовой Союзъ", въ Вологодской губерніи — два сельско-хозяйственныхъ общества. Не разрѣшены были кооперативные съѣзды въ Саратовѣ, Вологдѣ и Воронежѣ. Лекціи по кооперації разрѣшаются далеко не вездѣ.

Иногда потребительныя общества преслѣдуются изъ-за доносовъ озлобленныхъ лавочниковъ. Вообще многимъ деревенскимъ потребительнымъ, кредитнымъ и другимъ кооперативамъ приходится вести тяжелую, хотя и невидную борьбу съ крестьянскимъ невѣжествомъ, со злобой кулаковъ и торговцевъ, жившихъ эксплуатаціей темныхъ, безпомощныхъ крестьянъ.

Протесты или, точнѣе, доносы лавочниковъ иногда принимаютъ курьезную форму, что видно изъ исторіи потребительнаго общества въ Друѣ. По сообщенію газеты „Минское Слово" отъ 17 января 1909 года, въ первыхъ числахъ декабря 1908-го года въ городкѣ Друѣ, Виленской губерніи, возникло, по иниціативѣ окрестныхъ польскихъ помѣщиковъ, потребительное общество. Дѣла общества сразу пошли блестяще. Это очень не понравилось мѣстнымъ торговцамъ, и ими была подана коллективная жалоба губернатору. Въ жалобѣ, между прочимъ, указывалось, что, помимо своихъ прямыхъ цѣлей, общество преслѣдуетъ и политическія и что однимъ изъ его ревностнѣйшихъ членовъ является ксендзъ Марцинкевичъ, который насильно заставляетъ крестьянъ дѣлать покупки въ потребительной лавкѣ, въ противномъ случаѣ грозя непокорнымъ лишеніемъ исповѣди и причастія. Разслѣдованіе этой жалобы было поручено мѣстному исправнику, который отобралъ письменное объясненіе у предсѣдателя правленія и опросилъ всѣхъ указанныхъ въ жалобѣ свидѣтелей. Въ концѣ концовъ жалоба оказалась неосновательной.

Однако, не одно противодѣйствіе, но и содѣйствіе встрѣчаетъ кооперація на своемъ тяжеломъ пути въ Россіи. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не содѣйствіе министерства финансовъ, которое уже характеризовали, и не отдѣльныхъ сочувствующихъ лицъ, которыхъ не можемъ здѣсь перечислить, а содѣйствіе земствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, охладѣли въ послѣднее время къ коопераціи, даже къ кредитной. Изъ числа содѣйствующихъ коопераціи земствъ отмѣтимъ московское, пермское, кіевское, полтавское, пензенское, нижегородское, вятское, костромское, вологодское, ярославское, черниговское и саратовское. Въ частности кіевское управленіе по земскимъ дѣламъ содѣйствуетъ потребительнымъ обществамъ, пензенское губернское земство—кредитнымъ, нижегородское — сельско-хозяйственнымъ обществамъ, которыя справедливо считаетъ лучшими помощниками для проведенія въ крестьянскую среду агрономическихъ познаній. Въ послѣднемъ успѣли убѣдиться и нѣкоторые другіе земскіе дѣятели. Для подтвержденія приведемъ мнѣніе одного изъ пермскихъ дѣятелей въ передачѣ И. В. Жилкина: „Кредитныя товарищества и сельско-хозяйственныя общества создаютъ мелкіе центры въ крестьянской жизни. Земство было слишкомъ удалено отъ деревни. И было чуждо ей. Деревня почти не знала земства. Знала только, что нужно платить земству налоги. А это симпатіямъ не способствовало. Теперь кредитныя товарищества и сельско-хозяйственныя общества играютъ роль посредниковъ между деревней и земствомъ. Это, такъ сказать, замѣна мелкой земской единицы и подготовленіе къ ней. Чрезъ эти организаціи идетъ въ деревнѣ земская агрономическая помощь, мелкій кредитъ, сѣмена, сельско-хозяйственныя орудія. Населеніе постепенно сближается съ земствомъ. Рушится прежнее почти роковое отчужденіе“ [1]).

Въ продолженіе почти всего нашего изложенія попадались примѣры тѣсныхъ связей между различными видами деревенской кооперацiи. Мы видѣли даже, какъ одинъ видъ кооперацiи врывается въ область другого; такъ, кредитныя товарищества имѣютъ по нормальному уставу право открывать потребительныя лавки, что̀ часто и дѣлаютъ. Случается даже, что одинъ и тотъ же кооперативъ исполняетъ большую часть того или почти все то, что̀ можетъ сдѣлать кооперація. Это объясняется тѣмъ, что въ русской деревнѣ ощущается страшный недостатокъ силъ, не позволяющій учреждать въ данной мѣстности два или три отдѣльныхъ кооператива. Бываютъ часто и такіе случаи, когда основаніе вто-

[1]) „По русской землѣ“, въ „Словѣ“ отъ 27 января 1909 г.

рого кооператива излишне; такъ, если въ деревнѣ имѣется хорошо поставленное потребительное общество, то оно можетъ продавать не только предметы питанія и домашняго обихода, но и сельско-хозяйственныя орудія, сѣмена, удобреніе и т. п. Въ такомъ случаѣ открывать сельско-хозяйственное общество не слѣдуетъ. Исходя изъ такихъ принциповъ, польскія потребительныя общества приняли на своемъ первомъ съѣздѣ въ Варшавѣ, въ октябрѣ 1908-го года, резолюцію, приглашающую потребительныя общества расширить свои операціи снабженіемъ крестьянъ всѣмъ нужнымъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Если въ деревнѣ уже имѣется сельско-хозяйственное общество, то оно въ интересахъ крестьянскаго хозяйства можетъ или вступить членомъ въ составъ кредитнаго товарищества,—и тогда ему открывается кредитъ въ большемъ размѣрѣ сравнительно съ отдѣльными лицами, на особыхъ основаніяхъ,—или войти въ такое соглашеніе съ товариществомъ, при которомъ общество будетъ снабжать членовъ товарищества необходимыми въ сельскомъ хозяйствѣ предметами по ордерамъ товарищества, производя съ нимъ денежные разсчеты въ опредѣленные сроки. Предположимъ, что члену товарищества нужно пріобрѣсти отъ общества плугъ стоимостью въ 25 рублей. Товарищество выдаетъ своему члену ордеръ на сумму 25 рублей и записываетъ ему эту сумму въ ссуду, и, кромѣ того, начисляетъ проценты по разсчету до времени уплаты ссуды. Съ ордеромъ членъ товарищества идетъ въ общество и пріобрѣтаетъ плугъ, а общество получаетъ деньги съ товарищества въ условленные сроки. При такомъ соглашеніи сельско-хозяйственнаго общества съ товариществомъ достигается двоякая цѣль: съ одной стороны, сельско-хозяйственное общество производитъ свои операціи за наличныя, а съ другой—выданная товариществомъ ссуда имѣетъ безусловно производительное назначеніе. Построенная на такихъ началахъ связь между кредитнымъ учрежденіемъ и всякимъ другимъ не кредитнымъ обществомъ является самою полезною для дѣла. При такихъ отношеніяхъ не можетъ быть никакого смѣшенія въ дѣйствіяхъ того и другого учрежденія; каждое изъ нихъ сохраняетъ присущую ему особенность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оба направляютъ свою дѣятельность къ выгодѣ своихъ членовъ.

Что касается до идейнаго направленія кооперації, то руководители россійской кооперації, слѣдуя указаніямъ англійской, германской, датской и швейцарской, строго придерживаются политическаго нейтралитета. Только „Союзъ русскаго народа“ дѣлаетъ отступленія отъ этого правила, плохо подражая бельгій-

скимъ католикамъ или соціалистамъ. Кредитныя и потребительныя общества, насаждаемыя „Союзомъ русскаго народа“ въ юго-западной Россіи, носятъ политическій и религіозный, въ частности—анти-семитскій характеръ. Правительство въ данномъ случаѣ не находитъ это неумѣстнымъ. Хотя кооперація черносотенцевъ слаба и уже начала ускользать изъ-подъ ихъ ногъ, тѣмъ не менѣе настоящимъ кооператорамъ нужно бороться съ внесеніемъ политики туда, гдѣ она совсѣмъ неумѣстна. Эту борьбу можно вести такъ, какъ, напримѣръ, въ саратовскомъ земствѣ прогрессивные земцы борются съ правыми. Какъ видно изъ корреспонденціи, помѣщенной въ газетѣ „Слово“ отъ 12-го февраля 1909 г., лѣвые земцы весьма успѣшно отстаивали противъ правыхъ возстановленіе и расширеніе земской культурной работы подъ лозунгомъ: „безъ политики“. Что дало хорошіе результаты въ земской работѣ, то прямо-таки необходимо въ культурной или кооперативной. Кооперативная и вообще культурная работа и безъ политическаго ярлыка говоритъ сама за себя, и своей внутренней правдой, всѣмъ своимъ существомъ противодѣйствуетъ реакціоннымъ наростамъ на народномъ организмѣ.

В. Тотоміанцъ.

ОТНОШЕНІЕ НАСЕЛЕНІЯ КЪ ВЫБОРАМЪ

ВЪ

ЕКАТЕРИНИНСКУЮ КОММИССІЮ

Выборы въ екатерининскую коммиссію „о сочиненіи проекта новаго Уложенія“, какъ первые въ исторіи новой Россіи—Россіи петербургскаго періода—широко поставленные общеимперскіе депутатскіе выборы, несомнѣнно представляютъ большой историко-культурный интересъ, особенно если взглянуть на нихъ со стороны отношенія къ нимъ населенія: то было первое серьезное массовое выступленіе русскихъ людей новой формаціи въ роли общественныхъ дѣятелей. На ряду съ матеріаломъ для сравнительной характеристики „гражданъ“ различныхъ частей тогдашней Россіи, эти выборы богаты данными для параллелей съ нашимъ временемъ.

Къ сожалѣнію, выборы въ екатерининскую коммиссію, въ ихъ цѣломъ, отразились въ нашей исторической литературѣ далеко не равномѣрно, далеко не съ одинаковой опредѣленностью и полнотой. Наиболѣе посчастливилось обѣимъ столицамъ, центральной области (нынѣшней Московской губерніи, съ прилегающими къ ней частями сосѣднихъ) и двумъ окраинамъ — южной и западной. Для восточныхъ и сѣверо-восточныхъ частей имперіи мы имѣемъ пока всего лишь кое-какіе обрывки, намеки. Много, быть можетъ, очень важныхъ по интересующему насъ вопросу документовъ обречено до поры, до времени на архивный покой.

Этотъ недостатокъ свѣдѣній, ихъ скудость, отрывочность и случайный характеръ заставляютъ изслѣдователя быть крайне

осмотрительнымъ и не торопиться съ обобщеніями. Но если въ настоящее время въ этой области и невозможны еще точные выводы, то о настроеніи общественной среды, о томъ, какъ отнеслось населеніе къ выборамъ, въ какой формѣ проявился интересъ, сочувствіе избирателей къ своей задачѣ—объ этомъ уже и теперь можно составить довольно вѣрное и отчетливое представленіе.

Съ намѣчаемой точки зрѣнія весь матеріалъ о выборахъ удобно распредѣлить на двѣ части. Съ одной стороны, попытаемся сгруппировать все то, что свидѣтельствуетъ объ отношеніи вполнѣ опредѣленномъ, живомъ, сознательномъ — словомъ, отношеніи *активномъ*. Населеніе или сочувствуетъ выборамъ, или относится къ нимъ враждебно; во всякомъ случаѣ оно заинтересовано въ ихъ исходѣ. Коммиссіи придается такое или иное, но безусловно большое значеніе.

Съ другой стороны, можно выдѣлить тѣ факты, которые обнаруживаютъ безразличное, безучастное, *пассивное* отношеніе избирателей. Тутъ уже о заинтересованности не можетъ быть и рѣчи. Въ глаза кидается индифферентизмъ. Настроеніе вялое, безцвѣтное, или, лучше сказать—настроенія никакого.

Рамки, которыя мы себѣ ставимъ, принуждаютъ отбросить совершенно, или же коснуться лишь мимоходомъ тѣхъ подчасъ очень любопытныхъ данныхъ о выборахъ 1767-го года, которыя не стоятъ въ прямой связи съ нашей темой. Такъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, насколько умѣло и удачно справлялось населеніе съ избраніемъ депутатовъ и съ составленіемъ депутатскихъ наказовъ, или вопросъ объ образѣ дѣйствій администраціи во время выборовъ,—не займутъ особаго мѣста въ настоящемъ изслѣдованіи. Оно посвящено выясненію не дѣеспособности, а дѣеготовности россійскихъ гражданъ шестидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка въ такомъ крупномъ общественномъ дѣлѣ, какъ выборы въ законодательную коммиссію.

I.

Обстоятельства, обусловливавшія отношеніе населенія къ выборамъ.

Екатерининская коммиссія, какъ учрежденіе представительное съ законодательными функціями, не являлась новостью для русскихъ людей XVIII-го вѣка. При Петрѣ, съ 1700-го года, откры-

вается эпоха безконечныхъ коммиссій, съ помощью которыхъ правительство надѣялось упорядочить — порой даже переработать заново, по иноземнымъ образцамъ—законодательный матеріалъ, накопившійся со времени Уложенія Алексѣя Михайловича.

Сначала дѣло велось исключительно приказными средствами; но скоро, еще при самомъ Петрѣ и, далѣе, при его преемницѣ, правящія сферы, обезкураженныя неудачами, начинаютъ выказывать стремленіе къ содѣйствію общества. Въ слѣдующія царствованія это стремленіе опереться на заглохшія традиціи XVI—XVII столѣтій получаетъ реальную силу: мы видимъ нѣсколько попытокъ освѣжить составъ коммиссій и оживить ихъ работу выборными „добрыми и знающими людьми“, первоначально только отъ „шляхетства“ (при Петрѣ II, въ 1728 и 1729 гг.), а потомъ и отъ купечества и духовенства (при Аннѣ, въ 1730 г., и Елизаветѣ, въ 1761 г.).

Однако, эксперименты эти — робкіе, половинчатые, неискусные—ни къ чему не привели. Незрѣлая и косная масса, почти успѣвшая уже отвыкнуть отъ земскихъ соборовъ, склонна была смотрѣть на необычное правительственное требованіе какъ на новую тягостную повинность, правительство же не съумѣло, а можетъ-быть и не всегда достаточно сильно хотѣло (напримѣръ, при Аннѣ) заинтересовать населеніе и использовать общественныя силы. Если и удавалось собрать *часть* сословныхъ представителей — и то обыкновенно лишь съ превеликимъ трудомъ, понуканіями, угрозами, иногда даже принудительными мѣрами— то какъ будто для того только, чтобы... пріучить всѣхъ къ недолговѣчности и превратностямъ депутатской миссіи. Въ Москвѣ (потомъ въ Петербургѣ) присланныхъ населеніемъ „добрыхъ и знающихъ людей“ или сразу, буквально съ перваго взгляда, забраковывали, какъ совершенно непригодныхъ къ дѣлу, по возрасту ли, по разнообразнымъ немощамъ, малоопытности, либо другимъ недостаткамъ, или же, чуть продержавъ ихъ при коммиссіи, уже находили болѣе цѣлесообразнымъ распустить по домамъ. Коммиссіи, впрочемъ, и безъ депутатовъ — и до, и послѣ нихъ—не переставали трудиться надъ новымъ сводомъ законовъ: изъ года въ годъ кое-какъ, вяло тянулась ихъ работа, продуктивность и доброкачественность каковой далеко не гармонировали съ ея продолжительностью... Еще, значитъ, слишкомъ сильно въ тогдашней политикѣ интересы династическіе и исключительно государственные (дипломатическіе, военные, финансовые и т. п.) преобладали надъ нуждами „земли“, населенія.

А между тѣмъ условія жизни, развивавшейся усиленнымъ

темпомъ, и осложнявшіяся потребности населенія и государства все настойчивѣе выдвигали вопросъ о кодификаціи. Тяжелое, запутанное наслѣдство, доставшееся Екатеринѣ, надо было во что бы то ни стало ликвидировать, хотя бы въ интересахъ самихъ правительственныхъ органовъ. И вотъ, въ результатѣ, 14-го декабря 1766 года изданъ былъ новый — по счету пятый — манифестъ о созывѣ депутатовъ „изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ имперіи“, „не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ Коммиссію, которой дадимъ Наказъ для заготовленія проекта новаго Уложенія“.

Прежнія безплодныя попытки сильно дискредитировали въ глазахъ общества самую мысль о представительствѣ населенія въ правительственныхъ коммиссіяхъ. Даже лучшимъ, болѣе сознательнымъ элементамъ естественно было усвоить взглядъ на это мѣропріятіе, какъ на несерьезную, пустую затѣю, усвоить, затѣмъ, и привычку относиться къ выборамъ небрежно, формально, если только не съ полнѣйшей уклончивостью [1]).

Къ счастью для новой коммиссіи, правительство постаралось обставить дѣло такъ, чтобы она выгодно отличалась отъ своихъ предшественницъ. Принципы, которые положены были въ основу законодательной программы, были далеко уже не тѣ, что прежде, а поэтому и организація коммиссіи намѣчается шире, смѣлѣе, обдуманнѣе. Центръ тяжести замѣтно перемѣщается съ бюрократическихъ силъ въ среду общественныхъ представителей, избранныхъ на этотъ разъ не только отъ дворянства и купечества, но и отъ другихъ частей населенія: разночинцевъ, крестьянъ, казачьихъ войскъ, инородцевъ.

Сверхъ того, званію депутата догадались сообщить должную „привлекательность“: народнымъ представителямъ, заблаговременно высочайше пожалованы были неслыханныя дотолѣ въ Россіи привилегіи — неприкосновенность личности и имущества, съ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, пытокъ и смерт-

---

[1]) Этому, между прочимъ, способствовали, по справедливому замѣчанію В. Якушкина („Государств. власть и проекты госуд. реформъ въ Россіи“, стр. 33), неопредѣленность правъ и зависимая роль депутатовъ, а также произволъ, съ какимъ правительство относилось къ выборамъ, напр., при Петрѣ II, безцеремонно отправляя назадъ избранныхъ депутатовъ и предоставляя губернаторамъ безконтрольно распоряжаться вторичными выборами. Добавимъ отъ себя, что давленіе мѣстныхъ властей, ихъ произвольныя дѣйствія, въ родѣ тѣхъ злоупотребленій, какія дозволяли себѣ при Елизаветѣ нѣкоторые магистраты, также не могли не отбивать охоту участвовать въ выборахъ.

ной казни. Депутатское званіе должно было получить притягательную силу и благодаря довольно значительному для того времени жалованью, совмѣщавшемуся съ слѣдовавшимъ депутату содержаніемъ по государственной службѣ (чего не было раньше, при Елизаветѣ). Жалованье депутата не ложилось теперь прямымъ бременемъ на населеніе, т.-е. на самихъ избирателей. Наконецъ, приманкой служила почетная золотая медаль, которую депутату дворянину разрѣшалось помѣстить въ гербъ, на память и назиданіе потомкамъ.

Конечно, горькій шестидесятилѣтній опытъ чему-нибудь научилъ заправилъ коммиссіи. Но, думается намъ, во всѣхъ этихъ новшествахъ и перемѣнахъ къ лучшему болѣе сказались духъ времени и личность новой государыни.

Тогдашняя западно-европейская политическая мысль, передовые взгляды Монтескьё, Беккаріи и другихъ властителей думъ русской императрицы, сыграли здѣсь видную роль. Энергичная, широкообразованная, прогрессивно настроенная мечтательница на тронѣ была въ то же время и славолюбивой, предусмотрительной женщиной, искусно руководившейся заботами не объ одномъ только общенародномъ благѣ, но и о своемъ собственномъ величіи, о своей популярности какъ дома, такъ и за границей. Усвоивъ нѣкоторыя тенденціи просвѣщеннаго абсолютизма, Екатерина старалась укоренить убѣжденіе, что въ ея глазахъ, не по примѣру прежнихъ правителей, потребности общества и даже отдѣльныхъ лицъ — „блаженство каждаго и всѣхъ“ (надпись на депутатской медали) — имѣютъ столько же, если не больше, права на вниманіе, какъ и чисто государственныя нужды. „Великая и премудрая мать отечества“ умѣла показать попеченіе свое о государствѣ и народѣ со стороны наиболѣе выгодной прежде всего для нея самой, умѣла изъ либеральныхъ начинаній извлечь пользу опять-таки прежде всего для себя. Недаромъ такой тонкій наблюдатель, какъ англійскій дипломатъ Ширлей, сообщаетъ въ одной изъ своихъ депешъ (отъ 24-го августа 1767 г.): „благодаря этимъ мѣрамъ (т.-е. созыву депутатовъ) и еще нѣкоторымъ другимъ, достаточно эффектнымъ, чтобы ослѣпить русскихъ, власть императрицы растетъ съ каждымъ днемъ“. Симпатіи населенія къ императрицѣ и, отчасти, къ ея сотрудникамъ расли и крѣпли. Путешествіе въ „Азію“, т.-е. въ восточныя, приволжскія губерніи, почти совпавшее съ избирательной кампаніей, ясно засвидѣтельствовало, въ какой степени, къ началу выборовъ, заботы преемницы Петра III о популярности вообще и о довѣріи къ ея правительственной дѣя-

тельности—въ частности, увѣнчались успѣхомъ, по крайней мѣрѣ въ той средѣ, къ которой обращенъ былъ манифестъ о депутатахъ.

Прежніе выборы кончались плачевно не только потому, что правительство было нерасположено или неспособно заняться ими какъ слѣдуетъ, не только потому, что коммиссіи либо сами по себѣ, либо изъ-за недостаточно популярныхъ носителей власти не въ состояніи были внушить особаго довѣрія. Многое зависѣло и отъ неподготовленности, непривычки къ общественному дѣлу и отъ косности тѣхъ классовъ, которые призваны были, черезъ своихъ представителей, къ сотрудничеству съ правительствомъ.

Къ 1767-му году обывательская неподвижность и безпомощность, конечно, не исчезли: слишкомъ туго и поверхностно прививалось тогда у насъ образованіе, въ частности—юридическое, даже въ дворянскомъ сословіи, не смотря на мѣры въ этомъ направленіи, особенно при Петрѣ и Елизаветѣ. Теоретическими знаніями, болѣе или менѣе широкимъ общимъ развитіемъ, начитанностью, могли похвалиться лишь немногіе. Интеллигентные кружки, появлявшіеся въ этотъ періодъ, были малочисленны и едва ли были въ силахъ играть хоть какую-нибудь руководящую роль. Да и принадлежали они столько же къ правительственнымъ и придворнымъ кругамъ, сколько и къ обществу. Общественное мнѣніе, даже въ верхнихъ слояхъ, не могло быстро развиться въ ширь. Первые слабые ростки, какіе успѣли дать политическіе идеалы и общественность на почвѣ россійской—прибавимъ, для точности, дворянской—дѣйствительности XVIII-го вѣка (еще на рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ) — эти ростки надолго были смяты наступившей реакціей — бироновщиной. И все-таки въ разсматриваемое время имѣлись на лицо данныя, способствовавшія культурно-соціальному возбужденію, а значитъ, и вниманію къ новой коммиссіи. Если остается спорнымъ политическій ростъ населенія за тридцатилѣтній періодъ представительства его въ коммиссіяхъ, то уже во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что къ моменту обнародованія екатерининскаго манифеста сложились условія, обѣщавшія этотъ ростъ, и сложились именно въ тѣ пять лѣтъ, которыя протекли со времени послѣднихъ—елизаветинскихъ—выборовъ.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ общественная жизнь, особенно въ провинціи (которой — и это надо подчеркнуть—предстояло выставить почти весь контингентъ депутатовъ), получила сильный толчокъ, точнѣе говоря—цѣлыхъ два. Не-

мало русскихъ людей, военныхъ и невоенныхъ, дворянъ и недворянъ (преимущественно изъ торговопромышленнаго міра), перебывало за границей во время Семилѣтней войны и здѣсь кое къ чему попригляделось, кое надъ чѣмъ попризадумалось. Петровскій актъ 1762 г. о вольности дворянской добрую долю этихъ вольныхъ и невольныхъ туристовъ (опять же не однихъ дворянъ-помѣщиковъ, но, можно думать, и торговыхъ и промышленныхъ людей, ибо увеличившійся спросъ необходимо долженъ былъ, даже при тогдашнемъ хозяйствѣ, усилить хоть нѣсколько и предложеніе) развѣялъ по захудалымъ нашимъ весямъ и городишкамъ, внося такимъ образомъ оживленіе—и качественное, и количественное — въ провинціальное безлюдье. Можно было, поэтому, ожидать, что новый манифестъ о выборахъ застанетъ нѣкоторое движеніе въ двухъ, по меньшей мѣрѣ, общественныхъ слояхъ: въ дворянствѣ и въ купечествѣ, встрѣтитъ съ ихъ стороны болѣе сознательное отношеніе къ мѣстнымъ „нуждамъ и чувствительнымъ недостаткамъ“. Если уже и прежде сильно тяготились неудовлетворительнымъ состояніемъ законовъ, ихъ неполнотой, неопредѣленностью, неустойчивостью, сбивчивостью, несогласованностью, переходившею зачастую въ безвыходную противорѣчивость, ихъ несоотвѣтствіемъ съ требованіями жизни; если и прежде чувствовалась острая потребность въ новомъ, болѣе полномъ, болѣе совершенномъ Уложеніи,—то теперь, когда населеніе впитало въ себя свѣжіе элементы и когда жизненный укладъ значительно измѣнился, въ провинціи должны были желать улучшеній еще больше прежняго. Едва ли другое какое желаніе государыни ближе подходило къ завѣтнѣйшимъ чаяніямъ всѣхъ безъ различія классовъ вдоволь натерпѣвшагося, но безмѣрно терпѣливаго народа, какъ это, выраженное въ концѣ манифеста: „наше же утѣшеніе и облегченіе великаго бремени управленія государственнаго будетъ то, чтобы видѣть намъ законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе въ дѣйствіи“.

О чувствахъ и стремленіяхъ въ этомъ духѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, между прочимъ, какъ наказы избирателей депутатамъ, такъ и депутатскія мнѣнія и предложенія въ коммиссіи. Императрица имѣла полное основаніе писать потомъ въ своихъ запискахъ: „Въ первые три года царствованія моего усматривала я изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ... что законы... *многимъ казались противорѣчащими и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ*“.

Отмѣченные нами факты и явленія касаются, собственно говоря, коренныхъ русскихъ областей. Къ окраинамъ—Малороссіи, остзейскимъ губерніямъ, особенно къ первой,—если и можно приложить сказанное, то лишь съ извѣстными оговорками.

Здѣсь историческій фонъ, на которомъ предстояло развернуться панорамѣ выборовъ, является болѣе пестрымъ и, пожалуй, болѣе яркимъ. Необходимость пересмотра и приведенія въ порядокъ узаконеній сознавалась и на окраинахъ, какъ это явствуетъ хотя бы, напр., изъ поданнаго еще въ 1728 г. лифляндскимъ дворянствомъ прошенія объ учрежденіи особой остзейской кодификаціонной коммиссіи. Однако въ ново-присоединенныхъ провинціяхъ на пожеланія такого рода сильное, подчасъ парализующее вліяніе должны были оказать опасенія за неприкосновенность мѣстныхъ правъ и привилегій, опасенія, какъ бы законодательная коммиссія не вычеркнула изъ обихода ихъ „вольностей“. И эти опасенія могли подѣйствовать тѣмъ болѣе, что у окраиннаго населенія не было основаній относиться къ роли коммиссій съ такимъ скептицизмомъ, какой сталъ довольно обычнымъ среди избирателей центральныхъ губерній. Не будучи до 1761-го года привлекаемы къ участію въ дѣятельности общерусскихъ коммиссій, окраины не имѣли достаточно случаевъ поближе узнать на дѣлѣ ихъ полное внутреннее и внѣшнее безсиліе [1]).

Въ Малороссіи, въ эпоху созыва коммиссіи, какъ-разъ зрѣло недовольство и происходило глухое броженіе сепаратистическаго характера. Наконецъ, необходимо упомянуть о болѣе высокой степени культурности и политическаго сознанія окраиннаго населенія, о болѣе развитой общественной жизни его.

II.

Общій взглядъ на настроеніе избирателей.— Отношеніе ихъ къ организаціи выборовъ.

Въ виду всего изложеннаго понятно, что къ выборамъ, въ общемъ, населеніе отнеслось серьезно, благожелательно и довольно сознательно. Оно живо откликнулось на манифестъ, придавая ему, повидимому, огромную важность. Во многихъ угол-

[1]) Остзейскій край и Малороссія съ 1728 г. имѣли свои мѣстныя кодификаціонныя коммиссіи, но о ихъ безсиліи если и приходится говорить, то не столько о внутреннемъ, сколько о внѣшнемъ—о разныхъ „независящихъ обстоятельствахъ“.

кахъ избирательное движеніе выпукло отразило жизнь, бытъ, общественные нравы, съ ихъ темными и свѣтлыми сторонами. Это движеніе причиняло властямъ немало тревогъ и затрудненій и задавало хлопотливую работу всякимъ канцеляріямъ. Были, конечно, и случаи индифферентизма, уклоненія отъ выборовъ, халатнаго отношенія къ дѣлу; но подобные факты, повидимому, составляли исключеніе.

Дворянство проявляло не только сочувствіе выборамъ, но даже восторженность. Объ этомъ говорятъ намъ наказы, большая часть которыхъ пестрѣетъ горячими изъявленіями чувства признательности императрицѣ за ея мудрое предпріятіе. Объ этомъ говорятъ также извѣстные намъ проекты ознаменованія великаго событія сооруженіями и подношеніями, празднества и т. п.

Въ Петербургѣ, напр., на одномъ изъ избирательныхъ собраній выборщики (въ подавляющемъ большинствѣ—дворяне) ходатайствовали передъ городскимъ головой о разрѣшеніи соорудить отъ города, „въ знакъ всеподданнѣйшей ихъ благодарности императрицѣ за ея материнскія попеченія, приличный священной ея особѣ памятникъ“. Немедленно была открыта добровольная подписка, собравшая тутъ же порядочную сумму, но не получившая, однако, соотвѣтствующаго примѣненія, по волѣ самой Екатерины. Новгородскіе представители перваго сословія задумали воздвигнуть въ честь ея величества тріумфальную арку. Волоколамское дворянство отпраздновало свой избирательный съѣздъ чуть не ежедневными торжественными обѣдами и ужинами, съ пушечной пальбой и фейерверками, при чемъ одинъ изъ фейерверочныхъ номеровъ представлялъ сіявшее огнями имя государыни, въ ореолѣ иниціаловъ: Б. М. И. П. Б. О., что̀ должно было означать: „благоволеніе монаршее, исполненіе подданныхъ, благополучіе общества“. Радостное настроеніе мѣшало иногда серьезной работѣ. Въ атмосферѣ ликованій наказъ волоколамскаго уѣзда пріобрѣлъ черезчуръ радужный оттѣнокъ: на первомъ планѣ красуется постановленіе „принести всеподданнѣйшую просьбу о высочайшемъ дозволеніи въ столичномъ городѣ сдѣлать Е. И. В—у статую“, а о главномъ, о мѣстныхъ нуждахъ, говорится лишь вскользь.

Среди торгово-промышленнаго сословія и другихъ элементовъ городского населенія преобладало болѣе трезвое, чисто-дѣловое настроеніе; но по всему видно, что здѣсь коммиссіей дорожили не меньше, если не больше дворянъ. О томъ, какія чувства волновали крестьянскихъ, инородческихъ и казачьихъ

избирателей, дошло до насъ слишкомъ мало подробностей, чтобы могло составиться опредѣленное впечатлѣніе.

Постараемся намѣтить тотъ критерій, которымъ было бы всего удобнѣе руководствоваться при опредѣленіи заинтересованности разныхъ общественныхъ слоевъ и отношенія ихъ къ выборамъ. Наиболѣе точное понятіе объ этомъ, по нашему мнѣнію, могутъ дать, во-первыхъ, стремленія, усилія и попытки населенія такъ или иначе на практикѣ либо обойти, передѣлать, либо совсѣмъ устранить то, что въ избирательной системѣ для него стѣснительно, невыгодно, словомъ — противорѣчитъ его интересамъ; во-вторыхъ, стремленія, попытки и усилія провести своего кандидата (въ частности—себя) или отстоять, при случаѣ, своего ставленника—стремленія настолько сильныя, что ведутъ къ столкновеніямъ, къ борьбѣ—не партій, конечно, ибо ихъ тогда еще не могло быть, а группъ избирателей. Сюда же можно присоединить, какъ показатель интереса къ коммиссіи, а слѣдовательно и къ выборамъ, отношеніе избирателей къ предстоящей дѣятельности ихъ представителя. Заслуживаютъ вниманія, въ-третьихъ, стремленія вліять на содержаніе и направленіе депутатскаго наказа. Къ анализу выборовъ съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія мы теперь и приступимъ.

Екатерининская избирательная система, не смотря на ея либеральный характеръ, страдала очень крупными и серьезными упущеніями и несовершенствами. Къ выборамъ „допускались“ слѣдующіе элементы общества: дворянство, городскіе жители, нѣкоторые разряды свободныхъ и полусвободныхъ земледѣльцевъ, казачество и инородческія племена [1]). Дворянству поручалось выслать по одному депутату отъ уѣзда или равнозначащаго ему полка—въ Малороссіи—и округа (крейса)—въ Остзейскомъ краѣ, при наличности въ немъ не менѣе пятнадцати дворянъ-помѣщиковъ. По одному выборному должны были послать и города, имѣвшіе не менѣе пятидесяти домовъ. Однодворцы, пахотные солдаты, часть государственныхъ крестьянъ, осѣдлые инородцы—всѣ эти разряды сельскаго населенія получали право избрать по одному представителю отъ провинціи (инородцы, кромѣ того, отъ каждаго племени особо). Число казачьихъ депутатовъ заранѣе опредѣлено не было, а предоставлялось на усмотрѣніе казачьяго начальства.

Активное избирательное право дано было на уѣздныхъ дво-

---

[1]) О представительствѣ высшихъ центральныхъ присутственныхъ мѣстъ мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи.

рянскихъ выборахъ всѣмъ мѣстнымъ помѣщикамъ и *помѣщицамъ*, фактически владѣвшимъ своими имѣніями; на городскихъ —горожанамъ-домовладѣльцамъ („всякому хозяину, домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ въ томъ городѣ имѣющему"); на провинціальныхъ выборахъ—сельскимъ жителямъ, *свободно* владѣющимъ въ данномъ районѣ домомъ и землею.

Пассивное избирательное право имѣли лица тѣхъ же категорій. Дворянскими депутатами могли быть избиратели всякаго чина и званія, даже неслужащіе, но обязательно „честнаго и незазорнаго поведенія и не бывшіе ни въ какихъ штрафахъ, подозрѣніяхъ и явныхъ порокахъ"; городскими депутатами— „не банкрутные" и тоже не бывшіе въ штрафахъ, подозрѣніяхъ и явныхъ порокахъ. Крестьянскій представитель долженъ былъ, помимо имущественнаго ценза, удовлетворять подобному же требованію: „не быть въ наказаніяхъ, подозрѣніяхъ, ябедахъ и явныхъ порокахъ, но добраго и незазорнаго поведенія". По возрасту депутаты первыхъ двухъ разрядовъ не могли быть моложе двадцати пяти лѣтъ, провинціальные же—не моложе тридцати; этимъ послѣднимъ предъявлялось еще одно условіе: быть женатымъ и имѣть дѣтей.

Выборами дворянскими руководилъ избираемый предварительно, подъ наблюденіемъ губернатора или его замѣстителя, предводитель дворянства; городскими выборами—также выбиравшійся предварительно, подъ контролемъ администраціи, городской голова. Выборами депутата отъ земледѣльческаго населенія мѣстныя власти распоряжались всецѣло. Сначала производились самые выборы, потомъ слѣдовало составленіе наказа, поручавшееся особой коммиссіи, обыкновенно — изъ пяти избирателей.

Прямые выборы разрѣшались только дворянству и отчасти городамъ, а именно мелкимъ: въ крупныхъ же городахъ введены были выборы двухстепенные. Для сельскаго населенія выборы проектированы были исключительно трехстепенные.

Цѣлое сословіе—духовенство—осталось безъ представительства, если не признавать таковымъ возможность на дѣлѣ (да и то не вездѣ) принять участіе во всесословныхъ городскихъ выборахъ (конечно, лишь городскимъ духовнымъ лицамъ), и если не считать представителемъ сословія правительственнаго депутата отъ синода. Бо́льшая часть (около 77%) другого, еще болѣе значительнаго слоя населенія—крестьянства—совсѣмъ не получила избирательныхъ правъ, въ томъ числѣ не только безправные частновладѣльческіе крестьяне, составлявшіе 53% общаго числа, но

и многіе разряды полусвободныхъ и даже свободныхъ земледѣльцевъ: приписные къ заводамъ и фабрикамъ, экономическіе, половники, дворцовые, поссессіонные и др. (всего 24%). Быть можетъ, здѣсь повліяли, съ одной стороны, заимствованный отъ „вольнодумствовавшаго“ Запада пренебрежительный взглядъ на духовенство, съ другой—унаслѣдованное отъ Московской Руси понятіе, по которому извѣстная часть населенія обязана была считать полномочнымъ своимъ ходатаемъ и печальникомъ представителя вѣдавшаго ею учрежденія, даже въ томъ случаѣ, когда это учрежденіе сосредоточивалось въ лицѣ помѣщика-„барина“.

Перейдемъ къ вопросу, какъ же реагировали на указъ о выборахъ обойденныя имъ соціальныя группы?

Съ точностью неизвѣстно, домогалось ли устраненное отъ выборовъ крестьянство разрѣшенія участвовать въ нихъ. Кое-гдѣ—напр. на сѣверѣ, въ архангельской провинціи—вмѣстѣ съ черносошными и ясачными крестьянами избирателями были и половники, экономическіе и приписные, даже дворцовые крестьяне; но мы не знаемъ, явилось ли ихъ участіе плодомъ ихъ ходатайства, или же оно было предоставлено имъ администраціей безъ всякихъ съ ихъ стороны усилій.

Духовенство далеко не удовольствовалось тѣмъ, что въ коммиссіи дано было мѣсто члену синода. Пользуясь неясностью такъ называемаго „Обряда выборовъ“; духовныя лица въ городахъ проникали въ число избирателей, какъ въ центральныхъ областяхъ (подписями духовенства, между прочимъ, закрѣплена одна пятая часть городскихъ наказовъ Московской губерніи), такъ и въ Малороссіи: старосанжаровскій наказъ, напр., насчитываетъ восемь іерейскихъ подписей. Это выступленіе приходскаго духовенства заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что мѣстная администрація часто проявляла тенденцію истолковать недомолвку избирательнаго закона не въ благопріятномъ для духовныхъ смыслѣ и своею властью не допускала ихъ къ выборамъ (напр. въ Московской губерніи). Особенно замѣчательны выборы въ г. Угличѣ. Цѣлый отдѣлъ углицкаго наказа посвященъ нуждамъ духовнаго сословія. Первыми подписались священники, дьяконы, дьячки. Духовенству удалось даже провести въ депутаты своего человѣка—канцеляриста духовнаго правленія.

У проф. Латкина [1]) мы находимъ указанія и на случаи скрытаго вліянія духовенства (городского) на составленіе наказа тамъ, гдѣ почему-либо ему нельзя было прямо и явно участво-

[1]) „Законодательныя коммиссіи“, т. I, стр. 192.

вать въ избраніи депутата и въ выработкѣ депутатской инструкціи. Однако примѣры, приведенные г. Латкинымъ, вызываютъ недоумѣніе, такъ какъ упоминаемые имъ, въ подтвержденіе его мнѣнія, наказы крапивенскій и верейскій подписаны и духовными лицами: значитъ, они не были лишены возможности участвовать въ выборахъ. Вопросъ о косвенномъ воздѣйствіи духовенства на избирателей остается, такимъ образомъ, открытымъ [1]). Между тѣмъ, было бы очень интересно выяснить степень активности и настойчивости духовенства не только городского, но и сельскаго, роль котораго во время выборовъ, среди крестьянской массы, покуда не поддается никакому учету.

Въ Малороссіи часть духовенства — какъ чернаго, такъ и бѣлаго — воспользовалась запросомъ синода къ малороссійскимъ архіереямъ при составленіи синодскаго наказа, и представило, въ качествѣ приложенія къ послѣднему, нѣсколько своихъ очень обстоятельныхъ наказовъ (въ особенности отъ кіевской епархіи).

Дворянское сословіе менѣе, чѣмъ какое-либо другое, имѣло поводъ желать поправокъ къ избирательному закону. Въ одномъ случаѣ все же дала себя знать неточность, недоговоренность „Обряда выборовъ“. Лифляндское дворянство поняло этотъ „Обрядъ“ въ томъ смыслѣ, что въ избраніи депутатовъ могутъ участвовать лишь члены мѣстнаго риттершафта. Между тѣмъ, въ Остзейскомъ краѣ было тогда немало помѣщиковъ и дворянскаго, и недворянскаго происхожденія, не входившихъ въ составъ нѣмецкаго риттершафта. Это — члены такъ называемаго земства. „Земцы“ толковали „Обрядъ“ иначе и пожелали принять участіе въ выборахъ. Гордые бароны оставили ихъ, по донесенію генералъ-губернатора Броуна, „безъ всякихъ голосовъ, упорствовали и явились непреклонными“ даже послѣ генералъ-губернаторскихъ увѣщаній. Члены земства продолжали настаивать на своемъ правѣ. Пришлось обратиться къ компетенціи сената, который и рѣшилъ дѣло въ пользу земцевъ, дозволивъ имъ даже избрать своего особаго депутата.

Болѣе критически отнеслось къ правиламъ о выборахъ городское населеніе и прежде всего торгово-промышленная часть его, какъ наиболѣе заинтересованная. И были у горожанъ поводы для недовольства. Между большими и малыми городами не дѣлалось никакого различія. Подобно какому-нибудь захолустному городишкѣ, въ родѣ Нерехты или Пусторжева, который со всѣми

---

[1]) О такомъ воздѣйствіи упоминаетъ и проф. Сергѣевичъ („Лекціи и изслѣдованія“, стр. 776), но какъ-то мимоходомъ, очень глухо.

своими домишками вполнѣ привольно умѣстился бы въ любой изъ порядочныхъ столичныхъ улицъ, — такіе крупные центры, какъ Москва и Петербургъ, должны были довольствоваться однимъ единственнымъ представителемъ отъ цѣлаго города. Далѣе, „Обрядъ выборовъ“ совершенно игнорировалъ глубокое различіе интересовъ и стремленій разнообразныхъ и разноплеменныхъ слоевъ городского общества. Допуская въ городахъ всесословные выборы, при томъ одного лишь депутата отъ всѣхъ группъ населенія, правительство не принимало въ разсчетъ того, что въ малорусскихъ городахъ и въ болѣе значительныхъ великорусскихъ классовые, сословные или національные интересы могли быть прямо-таки непримиримы. Нѣкоторые города съ разноплеменнымъ составомъ, чтобъ выйти изъ затруднительнаго положенія, выбрали, вопреки правиламъ, по нѣскольку депутатовъ (напр. Астрахань—5, Казань—2, Кизляръ—2). Нѣжинъ и Стародубъ разрѣшили вопросъ болѣе остроумно: депутатовъ, какъ полагалось, выбрали по одному, но зато снабдили ихъ нѣсколькими наказами: стародубскаго—двумя (отъ шляхетства и отъ мѣщанства), а нѣжинскаго даже четырьмя (отъ мѣщанъ, шляхетства, купечества великорусскаго и греческаго). Такимъ образомъ представители этихъ городовъ получили невозможное порученіе отстаивать въ коммиссіи противорѣчивыя ходатайства своихъ довѣрителей. Въ Тулѣ оружейники легальнымъ путемъ осуществили отступленіе отъ избирательнаго закона: они настояли на томъ, чтобы имъ позволено было, сверхъ городского депутата, послать въ коммиссію своего выборнаго.

Этихъ, такъ сказать, коррективовъ къ избирательной системѣ, вызванныхъ мѣстными условіями, конечно не было бы, еслибы жители названныхъ городовъ мало интересовались выборами въ законодательную коммиссію. Что коррективы добывались съ весьма большимъ трудомъ, объ этомъ можно догадываться по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ о стародубскихъ выборахъ, а еще лучше — по извѣстнымъ намъ избирательнымъ инцидентамъ въ другихъ малорусскихъ городахъ, между которыми Нѣжинъ и Стародубъ являются счастливыми исключеніями. Обычно городскіе выборы въ Малороссіи превращались въ арену недоразумѣній, разногласій, препирательствъ, раздоровъ, бурныхъ столкновеній и даже насилій, тяжело отражавшихся на результатѣ выборовъ. Эта особенность малороссійскихъ городовъ объясняется, съ одной стороны, соціальнымъ положеніемъ и нравами казацкой старшины и чиновниковъ, т.-е. шляхетства [1]), съ другой — специфически

[1]) Характерно, что и шляхетскіе выборы по „полкамъ“, если вѣрить оффиціаль-

враждебными отношеніями между „лутчшими господами“ и простыми гражданами—мѣщанами, „мужиками“.

Казацкое шляхетство, изъ-за преобладанія, не только вступало въ ожесточенную борьбу съ „мужиками“-избирателями, какъ это было въ Стародубѣ, но и шло на дѣйствія болѣе энергичныя. Лубенскіе выборы особенно любопытны въ этомъ отношеніи. Они показываютъ, что высокородные паны не задумывались передъ тѣмъ, чтобы мѣщанъ, намѣревавшихся внести въ депутатскій наказъ непріятныя для чиновниковъ и казаковъ статьи, просто-напросто отстранять отъ его составленія.

Въ иныхъ случаяхъ шляхетство, чтобы предупредить торжество „подлаго народа“ на выборахъ, демонстративно блистало своимъ отсутствіемъ, не желая, по словамъ генералъ-губернатора, „и слышать, чтобъ сидѣть съ мѣщанами, считая сіе быть предосудительнымъ чести своей, именуючи всегда гражданъ мужиками“. Въ Полтавѣ руководившій выборами генеральный обозный Кочубей „съ великимъ трудомъ едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію съ градскими жителями“, а въ Прилукахъ болѣе упорная часть „лутчихъ господъ“ добилась-таки своего: выборы были кассированы.

Прилуцкіе мѣщане не остались равнодушны къ судьбѣ своихъ выборовъ. Они подали прошеніе объ ихъ утвержденіи, мотивируя свое ходатайство слѣдующимъ образомъ: „Мы сумнѣваемся, что нашихъ нуждъ... въ Коммиссіи представить будетъ уже некому“.

Относительно Великороссіи мы знаемъ всего два случая, когда рѣзко обнаружился глубокій разладъ среди избирателей. Въ Зарайскѣ купцы и мѣщане устранили отъ выборовъ разночинцевъ (приказныхъ, отставныхъ солдатъ и т. п.), такъ что администраціи пришлось назначить новые выборы. Въ Ярославлѣ, при избраніи выборщиковъ, купцы второй и третьей гильдій „съ великой неучтивостью и азартомъ“ долго отказывались имѣть дѣло съ повѣренными“ или выборщиками и отъ первостатейнаго купечества. Эти и тому подобныя осложненія хотя и не находятся въ столь же тѣсной связи съ недостатками организаціи, какъ приведенныя выше, но также говорятъ объ интересѣ населенія къ коммиссіи.

Мелкія территоріальныя единицы, отъ селъ, такъ сказать, отставшія, а къ городамъ еще не приставшія—разныя слободы, пригороды, посады, пристани — права представительства не по-

---

нымъ рапортамъ, много страдали отъ вздорныхъ перебранокъ, часто личнаго свойства, и тому подобныхъ эксцессовъ.

лучили. Имъ предоставлялось лишь примкнуть при выборахъ къ соотвѣтствующему уѣздному городу. Мѣстечки эти, населенныя преимущественно торговымъ и промышленнымъ людомъ, усиленно хлопотали объ уравненіи ихъ въ избирательныхъ правахъ съ городами. Жители Скопина, напр., заявляли въ своемъ челобитьѣ, что въ лишеніи ихъ возможности имѣть своего депутата „познаваютъ они великую тщету себѣ“. Правительство отчасти вняло такимъ мольбамъ.

Приведемъ изъ практики городскихъ выборовъ еще одинъ случай, дающій понятіе о тѣхъ способахъ, какими купечество старалось усилить представительство своихъ интересовъ на выборахъ. Въ Дмитровѣ купцы-избиратели провели къ урнамъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые, имѣя самостоятельный торгъ, не владѣли домомъ въ городѣ, т.-е. не имѣли полнаго ценза.

Избирательныя права сельскаго населенія были урѣзаны и стѣснены еще болѣе, чѣмъ права городовъ. Крестьяне и инородцы могли послать депутата лишь отъ провинціи [1]), т.-е. территоріальнаго округа, въ нѣсколько разъ превосходившаго по размѣрамъ уѣздъ, сдѣланный избирательной единицей для дворянства. Точно также и рядовое казачество поставлено было въ худшія условія, чѣмъ казацкая знать и вообще шляхетство: депутатъ отъ казаковъ представлялъ значительно большій кругъ населенія, чѣмъ шляхетскій депутатъ. А между тѣмъ сельская масса несомнѣнно болѣе дворянъ нуждалась въ чисто мѣстномъ представительствѣ. Другимъ неудобствомъ являлась многостепенность выборовъ, ослаблявшая связь между населеніемъ и его представителемъ. Здѣсь, въ той или иной формѣ, долженъ былъ сказаться справедливый протестъ противъ ограниченій, если только необычное для этой среды правительственное порученіе завоюетъ симпатіи избирателей. Къ сожалѣнію, данныхъ о крестьянскихъ и казачьихъ выборахъ слишкомъ мало. Этимъ объясняется, что всего лишь два факта можно было бы подвести подъ разсматриваемую сейчасъ рубрику, да и то оба относятся къ выборамъ казачьимъ.

Одинъ изъ относящихся сюда фактовъ—въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ въ статьѣ г. Липинскаго [2]) — настолько ярокъ и рельефенъ, что невольно вызываетъ сомнѣніе, не было ли тутъ другихъ какихъ-либо побужденій. По рапорту начальника кре-

---

[1]) Тогдашняя губернія дѣлилась на провинціи, а провинція—на уѣзды.

[2]) „Ж. М. Н. Пр.“, 1887 г., іюнь, стр. 268—69.

менчугской сотни (Новоросс. губ.), жители мѣстечекъ Кременчуга и Власовки — пикинерные казаки съ посполитными, т.-е. крестьянами—задумали выбрать не повѣренныхъ отъ „погостовъ“, какъ это надлежало, для избранія уѣздныхъ выборщиковъ, а непосредственно своего депутата (съ соблюденіемъ, впрочемъ, всѣхъ формальностей). Такъ они и сдѣлали, „съ несогласіемъ и шумствомъ держа свое мнѣніе и собравшись всѣ вмѣстѣ въ степи“. Пока власти пытались дознать, что за „невѣдомо какое согласіе чинили казаки въ степи“, сверхштатный депутатъ, значковый товарищъ Денисовъ, успѣлъ прибыть въ Москву, былъ принятъ въ коммиссіи, засѣдалъ въ ней и, какъ видно изъ протоколовъ засѣданій, не оставался тамъ безучастнымъ зрителемъ. Въ одномъ изъ писемъ на родину Денисовъ сообщаетъ о себѣ, что „въ особливой монаршей милости состоитъ, и хотя нѣкоторые враги и старались, дабы его не допускать въ депутатахъ быть, только рукою Божіею то зломысліе ихъ отвращено, а дѣйствуется порядочно“. Коммиссіей онъ остался доволенъ и проситъ обстоятельно писать ему въ Москву о мѣстныхъ „великихъ домгливостяхъ и нуждахъ“. Однакожъ не долго суждено было Денисову стоять на стражѣ интересовъ своихъ односельчанъ: губернаторъ потребовалъ возвращенія его „подъ карауломъ“, какъ „инкогнито“, безъ вѣдома начальства избраннаго и къ тому же производящаго своими письмами „смуту и возмущеніе въ народѣ“ [1]). „Самозванный депутатъ“ по рѣшенію сената былъ исключенъ изъ списковъ и отправленъ по этапу на родину. Во время пути онъ бѣжалъ, и дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Основываясь на оффиціальномъ докладѣ, г. Липинскій видитъ въ кременчугскихъ выборахъ выразительную иллюстрацію того, какъ сильно стремился сельскій людъ къ болѣе мелкому представительству. Нѣсколько иное освѣщеніе получаетъ таинственный инцидентъ, если вслушаться въ жалобу кременчугскихъ и власовскихъ казаковъ генералъ-губернатору на своего командира. Какъ видно изъ этой жалобы, бдительнымъ начальствомъ были приняты мѣры, чтобы населеніе Кременчуга и Власовки съ выборами запоздало и не могло во-время составить для своего повѣреннаго наказъ, неугодный командиру. Устраненные кременчужцы и власовцы нѣсколько разъ просили о дозволеніи имъ или приложить къ депутатскому наказу свою челобитную, или же

[1]) Письма эти найдены были при обыскѣ на хуторѣ Денисова, въ печи, между золою, и приложены къ донесенію въ видѣ вещественнаго доказательства...

выбрать, сверхъ избраннаго уже отъ „полка“, особаго депутата. Очевидно, имъ было и въ томъ, и въ другомъ отказано; вотъ тогда-то обозленные казаки и устроили, должно быть, въ степи свое „невѣдомо какое согласіе“. Во всякомъ случаѣ это „согласіе“ безспорно доказываетъ горячій интересъ казачества къ коммиссіи.

Другой фактъ касается выборовъ въ Запорожьѣ. Сѣчь выхлопотала себѣ право отрядить двухъ представителей, вмѣсто одного, на томъ основаніи, что въ Малороссіи „мало не со всякаго полку по депутату выбрать велѣно“, тогда какъ она, Запорожская Сѣчь, „своимъ жительствомъ и счисленіемъ войска напротивъ одного, двоихъ и троихъ полковъ, но весьма свыше имѣетъ обширность“.

Такъ и просится сюда въ параллель постановленіе губернскаго съѣзда лифляндскаго дворянства — изъ четырехъ, избранныхъ по числу крейсовъ (не считая о. Эзеля) депутатовъ отправить въ коммиссію лишь двухъ. Мотивировка этого оригинальнаго рѣшенія въ донесеніи генералъ-губернатора изложена такъ: „Ибо сіе положеніе служить можетъ ко избѣжанію излишнихъ ихъ расходовъ, а толь паче и съ казенной стороны всемилостивѣйше опредѣляемое на нихъ жалованіе остаться можетъ въ казнѣ“. Остальныхъ депутатовъ рыцарство обрекло на пассивную роль кандидатовъ и такимъ образомъ добровольно, по собственному почину, ослабило представительство своихъ интересовъ въ законодательной коммиссіи.

III.

Отношеніе къ первой стадіи выборовъ.

Болотовъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ; выбирали и назначали къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые къ тому были способны и другихъ достойнѣе, а тѣхъ, которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, несмотря ни мало, способны ли они къ тому были или неспособны“.

Избирателями Одоевскаго уѣзда подана была жалоба на своего предводителя. Они жалуются, что онъ „при баллотировкѣ примѣченъ былъ ими въ переворачиваніи ящика съ лѣвой на правую сторону, который держанъ былъ сержантомъ подъ плащемъ,

а не на столѣ, желая чтобы черезъ то депутатомъ выбранъ былъ отецъ его".

Зарайскій предводитель дворянства Кондыревъ довольно безцеремонно и не безуспѣшно набиралъ голоса въ свою пользу среди бѣднѣйшихъ землевладѣльцевъ. Не смотря на протестъ группы избирателей, не одобрявшей этой кандидатуры, не смотря на скандалъ, разыгравшійся на выборахъ, Кондыревъ добился своего.

Эстляндскій предводитель дворянства, гауптманъ фонъ-Ульрихъ, дѣйствовалъ еще болѣе беззастѣнчиво. Уже должности предводителя фонъ-Ульрихъ достигъ нѣсколько странно, безъ какого бы то ни было голосованія, а въ депутаты прошелъ совершенно незаконными путями. Онъ распорядился такъ, что для выборовъ съѣхались лишь назначенные по его настоянію и, конечно, угодные ему кандидаты, по четыре отъ каждаго изъ четырехъ крейсовъ. Только они и подлежали избранію. Такимъ образомъ прямые выборы предводитель, злоупотребляя своимъ положеніемъ, превратилъ въ двухстепенные [1]). Мало того: эти двухстепенные выборы обратились въ фикцію. Отъ активнаго участія въ баллотировкѣ выборщики-кандидаты оказались устраненными, ибо по приказанію изобрѣтательнаго предводителя шары депутату клались не ими, а... предводительскимъ секретаремъ! Разумѣется, надо было бы удивляться, еслибы послѣ всѣхъ этихъ подготовительныхъ мѣръ самъ предводитель въ депутатахъ не оказался. Фонъ-Ульриху и этой подтасовки было недостаточно: онъ позаботился еще о томъ, чтобы на время его дѣятельности въ коммиссіи должность предводителя досталась его брату, ландрату фонъ-Ульриху. Вынудить согласіе на это лицъ, бывшихъ при выборахъ, не составляло, по всей вѣроятности, большого труда. Дорогу въ коммиссію эстляндскій предводитель дворянства себѣ проложилъ, но выборы эти столь вопіюще противорѣчили установленнымъ правиламъ, что сенатъ принужденъ былъ признать ихъ недѣйствительными.

Болотовъ сообщаетъ, что „многіе ужасно добивались мѣста депутата, ласкаясь отчасти опредѣленнымъ жалованьемъ, а отчасти другими выгодами". Вышеупомянутый предводитель дворянства

[1]) Нарушеніе „Обряда" предводитель со своими сторонниками оправдывалъ тѣмъ, что въ Ревелѣ, будто бы, не отыскали такого просторнаго дома, въ которомъ бы эстляндское дворянство могло помѣститься для выборовъ. Сенатъ отвѣтилъ на это объясненіе упрекомъ: „Въ Петербургѣ и Москвѣ изъ первѣйшихъ чиновъ люди, у кого такіе выборы назначены ни были, за честь себѣ почитали оказывать усердіе, отдавая на такое время свои дома".

Кондыревъ откровенно объяснялъ вербуемымъ имъ сторонникамъ свое желаніе выступить въ коммиссіи отъ уѣзда тѣмъ, „что какъ онъ суще помѣщикъ небогатый и безъ жалованія прожить не можетъ“.

Гораздо интереснѣе для насъ тѣ случаи, когда болѣе или менѣе энергично, дружно и широко выдвигалась чья-либо кандидатура. Такъ напр., въ Зарайскомъ уѣздѣ, гдѣ за себя агитировалъ Кондыревъ, часть избирателей довольно упорно, хотя и безуспѣшно, въ противовѣсъ предводителю проводила въ депутаты своего излюбленнаго человѣка. Въ Летскомъ дистриктѣ (Лифляндской губ.) дворянское избирательное собраніе раскололось на два лагеря; каждый изъ нихъ имѣлъ своего ставленника, и цѣлыхъ восемь дней понадобилось для того, чтобы придти къ соглашенію и остановиться на общемъ представителѣ.

Еще большаго вниманія заслуживаютъ случаи отстаиванья своего избранника передъ администраціей, даже передъ сенатомъ. Въ Одоевскомъ уѣздѣ выборы были опротестованы предводителемъ (проводившимъ въ депутаты, какъ мы видѣли, своего отца) на томъ основаніи, что депутатъ, отставной поручикъ Ботвиньевъ, по нравственнымъ качествамъ не соотвѣтствовалъ требованіямъ „Обряда“. А не соотвѣтствовалъ-де, во-первыхъ, потому, что въ 1753 г.—значитъ, за четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ — матерью Ботвиньева подана была въ юстицъ-коллегію челобитная „въ непочтеніи къ ней сына, въ разграбленіи ея пожитковъ и въ бою“; во-вторыхъ, за нѣкоторые „наглые поступки“ онъ, Ботвиньевъ, все еще находился подъ слѣдствіемъ. Однако избиратели съ доводами предводителя считаться не пожелали, тѣмъ болѣе, что Ботвиньева давно уже все простила сыну. Отъ вторичныхъ выборовъ они отказались наотрѣзъ. Вмѣшательство сената, рѣшившаго спорный вопросъ не въ пользу депутата и объявившаго упрямцамъ строгій выговоръ, не смутило одоевскихъ дворянъ. Приверженцы депутата не только продолжали упорствовать на своемъ, но даже обратились въ сенатъ съ прошеніемъ смѣстить предводителя за неправильныя дѣйствія при выборахъ. Предводительскій престижъ, въ концѣ концовъ, все-таки восторжествовалъ, и Ботвиньевъ вынужденъ былъ передать полномочія другому лицу.

Горой умѣли стоять за своего представителя не одни дворяне. Сорочинскіе казаки „съ превеликимъ и необычнымъ шумомъ“ выступили на защиту устраняемаго выборщика. Руководителей протеста сажали „подъ караулъ“; единомышленники силой отбивали вожаковъ своихъ и продолжали по прежнему

стоять на своемъ, но, не смотря на всѣ усилія, ничего не добились. Подобная участь грозила и депутату отъ г. Гороховца. Правоспособность его долгое время была у администраціи подъ большимъ сомнѣніемъ, благодаря проискамъ части купечества; однако другой части гороховецкихъ избирателей, при поддержкѣ головы, удалось отстоять своего выборнаго.

Роль депутата населеніе могло понимать различнымъ образомъ; различнымъ же образомъ могло оно интересоваться и его будущимъ выступленіемъ въ коммиссіи. Тамъ, гдѣ вопросъ о коммиссіи и выборахъ мало занималъ обывателей, или гдѣ послѣдніе оказывались не въ состояніи какъ должно осмыслить этотъ вопросъ, тамъ, естественно, и не задумывались надъ значеніемъ депутатской миссіи, а попросту слѣдовали примѣру безпечальныхъ, всѣмъ довольныхъ муромскихъ дворянъ, которые, по избраніи депутата, преспокойно почили на лаврахъ: положились во всемъ дальнѣйшемъ на своего представителя, предоставляя ему полнѣйшую свободу дѣйствій въ коммиссіи.

Инымъ было отношеніе къ депутату тѣхъ избирателей, для которыхъ выборы являлись далеко не безразличнымъ актомъ. И можно быть увѣреннымъ, что тамъ, гдѣ избиратели, расходясь послѣ выборовъ, не только не разрывали связи съ депутатомъ, а наоборотъ—устанавливали дѣятельныя сношенія съ нимъ и озабоченно готовились слѣдить за каждымъ его шагомъ,—тамъ населеніе приступало въ выборамъ съ живѣйшимъ интересомъ и дѣйствительно сочувствовало дѣлу, признавая всю его важность. Въ силу этихъ соображеній наказъ шуйскаго дворянства—подчиняющій депутата постоянному контролю избирателей и обязывающій его давать систематическіе, обстоятельные отчеты о своей дѣятельности—пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ, какъ и всѣ подобные наказы, особенную цѣну.

По свойственной человѣку склонности къ мечтамъ и надеждамъ, населеніе — въ особенности темный деревенскій людъ— часто преувеличиваетъ силу и значеніе такихъ полномочныхъ лицъ, какъ депутаты, и очень ужъ щедро расточаетъ имъ довѣріе. Этого рода явленіями мы не должны пренебрегать: мѣстность, гдѣ на общественнаго представителя способны взирать съ излишнимъ оптимизмомъ, не можетъ быть богата такими избирателями, которые больше похожи на безучастныхъ, безстрастныхъ манекеновъ. Отсюда возможность угадать, отчасти, общій характеръ настроенія, господствовавшаго на крестьянскихъ выборахъ въ Харьковской провинціи, по слѣдующему факту, разыгравшемуся уже послѣ избранія депутата.

Въ названной провинціи выборы совпали съ генеральнымъ межеваньемъ земель. Не выяснено, самому ли депутату принадлежитъ идея, или его кто-либо надоумилъ: во всякомъ случаѣ онъ вскорѣ послѣ выборовъ сталъ объявлять повѣреннымъ, завѣдывавшимъ межеваньемъ, чтобы они до возвращенія его изъ коммиссіи развода не дѣлали. При этомъ депутатъ, какъ обнаружило дознаніе, требовалъ пособія на поѣздку въ Москву, пуская въ ходъ—по показаніямъ платившихъ—даже угрозы. Въ короткій срокъ депутатъ успѣлъ собрать съ двадцати двухъ селъ и мѣстечекъ 67 руб. 20 коп., т.-е., по настоящей стоимости денегъ, около 270 руб. Очевидно, въ народной массѣ держалось убѣжденіе, что депутатъ все можетъ устроить: не даромъ же его требуютъ въ столицу, къ самой государынѣ. Очень можетъ быть, что и самъ депутатъ, Прокопъ Гукъ, увѣренъ былъ въ депутатскомъ всемогуществѣ. На слѣдствіи онъ и не думалъ запираться въ полученіи, по его толкованію, „добровольныхъ приношеній“; онъ только настаивалъ на томъ, что ихъ отнюдь не вымогалъ, а лишь заявлялъ: ежели кто дастъ, молъ, ему, въ томъ нужды нѣтъ. Относительно данныхъ имъ при томъ обѣщаній онъ отозвался запамятованіемъ. Обвиненный въ томъ, что производилъ смуту, препятствуя полюбовному размежеванію между казенными обывателями (какъ назывались мѣстные крестьяне) и землевладѣльцами [1]), Прокопъ Гукъ былъ лишенъ депутатства и наказанъ плетьми; деньги были, конечно, у него отобраны—и по Харьковской провинціи объявлены были новые выборы.

П. Кудряшовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

[1]) Одинъ изъ нихъ, сотникъ Ковалевскій, поднявшій это дѣло, въ жалобѣ своей высказалъ желаніе, чтобы Гукъ отстраненъ былъ отъ должности, ибо онъ, „какъ мужикъ угрюмый и продерзкій, можетъ и въ коммиссіи изблевать какого-либо мужицкаго яду“.

МИЛЬТОНЪ

КАКЪ

ПОБОРНИКЪ НАРОДНАГО САМОДЕРЖАВІЯ

И

АВТОНОМІИ ЛИЧНОСТИ

Англія недавно отпраздновала трехсотлѣтіе одного изъ величайшихъ своихъ геніевъ, автора „Потеряннаго Рая“. Въ Мильтонѣ его соотечественникамъ пришлось чествовать не только поэта, но и политическаго мыслителя, во многомъ опередившаго свою эпоху, предложившаго рядъ рѣшеній, вошедшихъ нынѣ въ общественное сознаніе цивилизованнаго человѣчества. Этимъ обстоятельствомъ только и можно объяснить, что изъ всѣхъ своихъ современниковъ, религіозныхъ и политическихъ единомышленниковъ, Мильтонъ, да пожалуй еще Кромвель, одни понятны намъ. XVII-й вѣкъ, съ его церковными и политическими распрями, съ охватившей общество теократической реакціей, съ его готовностью повернуть ходъ исторіи въ сторону возрожденія Моисеева закона и замѣнить парламентъ синедріономъ, съ его мечтаніями о близкомъ наступленіи „Царства Божія“, при которомъ одни „Христовы избранники“ или „святые“ призваны будутъ управлять одинаково церковью и государствомъ,— намъ несравненно болѣе чуждъ, чѣмъ предшествовавшая ему эпоха возрожденія эллино-латинской культуры, съ ея синкретиз-

момъ и терпимостью къ религіозному и политическому разномыслію. Намъ легче войти въ кругъ идей Эразма Роттердамскаго или одного изъ дѣятелей итальянскаго Возрожденія, чѣмъ проникнуться религіознымъ энтузіазмомъ и политической исключительностью Нокса, Буханана, Прина, Гаррингтона, а тѣмъ болѣе религіозныхъ анархистовъ, какими надо признать людей такъ называемой „пятой монархіи“. Хотя Мильтонъ и Кромвель стоятъ въ рядахъ „пуританъ“ и готовы, подобно имъ, искать въ Библіи рѣшенія всѣхъ волнующихъ ихъ время задачъ, они, тѣмъ не менѣе, самой постановкой вопросовъ, не потерявшихъ смысла и значенія и въ наши дни, являются какъ бы предвѣстниками послѣдующаго развитія человѣчества. Кромвель, ставящій на первый планъ свободу духовныхъ проявленій личности и призывающій къ самодѣятельности широкіе круги англійскаго общества, объединяющій подъ знаменемъ „терпимости“ всѣхъ, кто готовъ служить новому порядку, безъ различія вѣроисповѣданій, рисуется нашему воображенію радикальнымъ вождемъ, которому нашлось бы мѣсто и въ исторіи европейско-американской демократіи XIX ст. Мильтонъ, рѣшающій въ утвердительномъ смыслѣ вопросы и о гражданской свободѣ, и о свободѣ печати и преподаванія, и о свободѣ развода, отстаивающій драгоцѣннѣйшее право народа быть вершителемъ собственныхъ судебъ, признающій за націей право измѣнять свои политическіе порядки и призывать къ отвѣту своихъ уполномоченныхъ, не исключая и короля,—Мильтонъ, защитникъ англійскаго народа и первый секретарь республики, правая рука Кромвеля въ его сношеніяхъ съ правителями протестантскихъ странъ, стоитъ къ намъ ближе, благодаря своему широкому пониманію требованій современной гражданственности, чѣмъ многіе позднѣйшіе по времени политическіе писатели и государственные дѣятели. И все же, намъ трудно включить его въ число тѣхъ „вѣчныхъ спутниковъ“, какими, по удачному выраженію Мережковскаго, до сихъ поръ остаются для насъ многіе, болѣе ранніе по времени мыслители: напримѣръ, Монтэнь. Для этого онъ слишкомъ проникнутъ заботой о злобѣ дня, слишкомъ живетъ интересами своего времени, раздѣляя его предубѣжденія и ненависти, выражая свое страстное отношеніе къ людямъ и событіямъ съ непонятной для насъ грубостью и запальчивостью. У него мы не найдемъ и слѣда того душевнаго равновѣсія, того нѣсколько презрительнаго благодушія, съ какимъ Монтэнь относится къ многообразнымъ проявленіямъ человѣческой глупости и человѣческаго жестокосердія, столь обильнымъ въ его время—время не менѣе кровавой рели-

гіозно-политической распри, чѣмъ „вѣкъ кавалеровъ“ и „круглоголовыхъ“. Сторонникъ свободы, Мильтонъ, въ то же время, крайне нетерпимъ къ несогласнымъ съ нимъ людямъ и ученіямъ; грубыя ругательства такъ и сыплются изъ его устъ при полемикѣ съ такими противниками, какъ Сальмазій; онъ не останавливается передъ всѣми признанной ученостью своего антагониста. Не щадитъ онъ также и людей одного съ нимъ религіознаго толка, разъ они позволятъ себѣ отрицать правильность его собственныхъ воззрѣній въ такихъ вопросахъ, какъ свобода развода или необходимость отмѣны предварительной цензуры. „Ареопагетика“, признаваемая понынѣ образцомъ англійской прозы, блещетъ повтореніемъ словечекъ, которымъ мѣсто развѣ въ „Русскомъ Знамени“. Въ противность тому, что̀ не прочь повторять и по настоящій день англійскіе критики, чтеніе политическихъ разсужденій Мильтона едва ли призвано кому-либо доставить эстетическое наслажденіе, или просто заинтересовать живостью аргументаціи: нескончаемыя цитаты изъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, изъ историковъ и моралистовъ древности и эпохи Возрожденія постоянно прерываютъ нить изложенія, не позволяя слѣдить за самымъ ходомъ развитія защищаемой авторомъ темы. Если о Монтескьё говорятъ какъ о писателѣ, на котораго часто ссылаются, но котораго рѣдко читаютъ, то въ гораздо большей степени можно сказать то же о Мильтонѣ. Но причина равнодушія къ обоимъ далеко не одинакова. Монтескьё утомляетъ не своимъ многословіемъ, а наоборотъ, своей сентенціозностью и недосказанностью мысли. Мильтонъ страдаетъ, наоборотъ, отъ нагроможденія доказательствъ и примѣровъ, благодаря чему часто теряется или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно выпукло выступаетъ его основная теза. По своему письму онъ стоитъ еще близко къ тѣмъ авторамъ памфлетовъ, которыми, за рѣдкостью газетъ, такъ изобилуетъ литература XVII-го столѣтія. Если не говорить о качествахъ слога, о счастливыхъ уподобленіяхъ, о неожиданной постановкѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ, далеко не всегда вытекающихъ изъ предшествующаго хода изложенія, если не имѣть въ виду яркости красокъ и живости нападокъ на противниковъ, трактаты Мильтона можно было бы поставить на одну доску и съ памфлетами Прина, и еще въ большей степени съ историко-правовыми и нравственными разсужденіями Сэльдена. Альджернонъ Сидней не скучнѣе его и требуетъ при чтеніи такого же напряженнаго вниманія.

И все же Мильтонъ дорогъ намъ тѣмъ, что имъ открывается рядъ мыслителей, впервые выставившихъ требованіе „автономіи

личности". „Декларація правъ человѣка и гражданина", принципами которой все еще руководствуется современная гражданственность, могла бы быть почерпнута изъ его сочиненій въ такой же мѣрѣ, какъ изъ произведеній Руссо и Монтескьё. Въ самомъ дѣлѣ, у Мильтона можно найти не только признаніе свободы совѣсти и свободы печати, но и самое ученіе о народномъ суверенитетѣ, передъ которымъ равно склоняются сановники и короли, эти уполномоченные всего гражданства, обязанные, поэтому, ежечасно отвѣчать за свои поступки передъ поставленными народомъ судьями и нести при случаѣ заслуженную кару. Несомнѣнно, что политическимъ идеаломъ Мильтона была не демократическая республика, съ грубымъ главенствомъ большинства, а пожизненный совѣтъ лучшихъ людей, намѣченныхъ столько же народнымъ выборомъ, сколько дѣйствующимъ черезъ его посредство божественнымъ промысломъ. Этотъ пожизненный сенатъ, пополняемый, самое большее, путемъ кооптаціи, т.-е., избраніемъ наличными членами, замѣстителей для умершихъ, представляетъ большее подобіе съ еврейскимъ синедріономъ, чѣмъ съ англійскимъ парламентомъ. Высказываясь въ его пользу, Мильтонъ удовлетворялъ пуританскому идеалу и приближался къ требованіямъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ маломъ парламентѣ Кромвеля, въ томъ „собраніи святыхъ", для котораго Библія должна была замѣнить собою англійскую конституцію. Но, вдумываясь въ политическую схему автора „Потеряннаго Рая", проникаешься той мыслью, что рекомендуемая имъ „пожизненная палата" отражаетъ на себѣ въ дѣйствительности только его опасенія за цѣлость созданнаго пуританами церковнаго и государственнаго уклада. Со смертью Оливера Кромвеля начался развалъ республики; реставрація Стюартовъ виднѣлась уже вблизи. Необходимо было, поэтому, сосредоточить силу сопротивленія въ рукахъ главнѣйшихъ сподвижниковъ покойнаго протектора—тѣхъ индепендентовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ создали англійскую республику и продолжали отстаивать ее противъ всѣхъ попытокъ возстановленія королевской власти и верхней палаты. Однокамерный сенатъ Мильтона—это возрожденный къ жизни „малый парламентъ" Кромвеля, собраніе вождей пуританизма и оплотъ республики противъ возможныхъ попытокъ контръ-революціи. Въ памфлетѣ, написанномъ имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до измѣны Монка, Мильтонъ рекомендуетъ устройство такого сената; въ руки его онъ готовъ передать верховную власть государства. Объ этомъ пожизненномъ сенатѣ онъ легко могъ думать то же, что и о защищаемомъ имъ ранѣе Rump'ѣ—или томъ остаткѣ

„Долгаго парламента“, который и послѣ насильственнаго удаленія пресвитеріанъ изъ стѣнъ вестминстерскаго дворца, упраздненія королевской власти и пэріи, продолжалъ, тѣмъ не менѣе, признавать себя законнымъ представителемъ англійскаго народа и осуществлять функціи верховной власти.

О рекомендуемомъ имъ пожизненномъ сенатѣ Мильтонъ имѣлъ право сказать то же, что̀ и объ этомъ остаткѣ Долгаго парламента. „Современный порядокъ нашего политическаго устройства — писалъ онъ въ своей извѣстной „Защитѣ англійскаго народа“ — не наиболѣе желательный, а единственно возможный въ нашихъ теперешнихъ условіяхъ“ [1]). Но въ этомъ же сочиненіи Мильтонъ проводитъ требованія современной гражданственности, настаивая, вслѣдъ за авторомъ „Океаны“, Гаррингтономъ, на необходимости упраздненія не только сословій, но и крупныхъ земельныхъ владѣній, съ помощью новаго раздѣла недвижимыхъ имуществъ, предпринятаго государствомъ и за его счетъ.

Подъ какимъ вліяніемъ сложилась эта доктрина республиканской гражданственности, построенная на началѣ широкой свободы личности и не менѣе широкаго распространенія земельнаго довольства въ рядахъ народа? Различныя вліянія сошлись въ Мильтонѣ и опредѣлили его религіозное и политическое міросозерцаніе. Изъ его біографіи мы узнаемъ, что дѣдъ и отецъ его были одинаково горячими ревнителями, первый — католицизма, второй — протестантизма. Самого Мильтона готовили въ священники: съ этою цѣлью онъ отданъ былъ въ обученіе нѣкоему Томасу Юнгу, пуританскому проповѣднику. То же пуританское вліяніе продолжалось и послѣ того, когда Мильтонъ поступилъ въ школу, устроенную при каѳедральномъ соборѣ св. Павла, гдѣ его руководителемъ былъ опять-таки ревностный пуританинъ, Джиль [2]).

Наконецъ, въ Кембриджѣ, во время пребыванія въ „колледжѣ Христа“, Мильтону пришлось воочію познакомиться съ тѣми преслѣдованіями, какимъ ревнители „Высокой церкви“ (High church) грозили лицамъ, отстаивавшимъ свободу толкованія Библіи. Тьюторъ Мильтона — человѣкъ, по его словамъ, „узкаго пониманія и нищенскихъ знаній“ — отъ богословскихъ препирательствъ съ

---

[1]) „A Defense of the people of England“, т. II прозаическихъ сочиненій Мильтона, стр. 11.

[2]) Подробности на этотъ счетъ можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Masson'a: „Life of Milton“, т. III.

своимъ ученикомъ перешелъ къ внѣдренію въ него правовѣрія палочными ударами.

Одновременно до Мильтона дошло извѣстіе, что учитель его дѣтства, Томасъ Юнгъ, лишенъ былъ возможности продолжать свою педагогическую дѣятельность по волѣ церковнаго начальства и что архіепископъ Лоудъ, поставленный Карломъ I во главѣ англиканской церкви, не только добился административнаго задержанія доктора Лейтона, въ наказаніе за изданный имъ „трактатъ противъ епископовъ“, но и предалъ его суду „звѣздной палаты“, которая вынесла приговоръ: „лишить его священства, наказать его публично розгами, выставить у позорнаго столба, обрѣзать ему уши, разсѣчь носъ, наложить клеймо на лобъ и затѣмъ на вѣчныя времена заключить въ тюрьму“ [1]).

Мильтонъ остался недоволенъ преподаваніемъ въ Кембриджѣ, о которомъ онъ писалъ сыну своего бывшаго воспитателя Джиля въ 1628 г., какъ о ввѣренномъ „людямъ мало свѣдущимъ въ филологіи и философіи и дающимъ основаніе опасаться возможности возрожденія въ рядахъ англійскаго духовенства прежняго невѣжества и прежней подражательности“ [1]).

Получивъ въ университетѣ степень бакалавра искусствъ, Мильтонъ, по примѣру другихъ соотечественниковъ, искавшихъ расширенія круга своихъ знаній въ первомъ очагѣ Возрожденія—въ Италіи, уѣхалъ на родину Макіавелли и Галилея. Дважды ему удалось посѣтить Флоренцію, гдѣ продолжительное пребываніе открыло ему возможность сблизиться съ мѣстными учеными и литераторами, съ которыми онъ продолжалъ письменный обмѣнъ и позже. Въ Римѣ Мильтонъ былъ принятъ въ домѣ кардинала Барбирини и сошелся съ его секретаремъ, извѣстнымъ Вилла, съ помощью котораго прочитанъ былъ имъ впервые такъ сильно повліявшій на его творчество „Освобожденный Іерусалимъ“ Торквато Тассо. Изъ найденной сравнительно въ недавнее время записной книжки Мильтона „Common place book“ мы узнаемъ, что чтеніе Макіавелли навело его на нѣкоторыя мысли, во многомъ отличныя отъ тѣхъ, какія другимъ современникамъ внушалъ авторъ „Князя“. Не убѣжденіе въ превосходствѣ неограниченнаго самовластія, которымъ, по обвиненію Гарриссона, современника Елизаветы, проникались „объитальянившіеся“ англичане [1]), выноситъ Мильтонъ изъ чтенія Макіавелли, а ту мысль,

[1]) „Milton's memorial lectures“, стр. 127 и 128.
[1]) Ibid., стр. 115, письмо отъ 2 іюля 1628 г.
[1]) Harrisson, „Description of England“.

что для республики религіозныя убѣжденія гражданъ—дѣло далеко небезразличное, тогда какъ при монархическомъ устройствѣ каждый можетъ держаться и защищать любое вѣроисповѣданіе. Мильтонъ сопровождаетъ это заявленіе ссылкой на извѣстное „Разсужденіе Макіавелли на первую декаду Тита Ливія“, кн. I, глава X.

Какъ мы узнаемъ изъ „Ареопагетики“, Мильтонъ искалъ въ Италіи знакомства съ Галилеемъ, выпущеннымъ изъ тюремъ инквизиціи, послѣ извѣстнаго отреченія отъ защищаемыхъ имъ ранѣе ученій Коперника. Преслѣдованія Галилея дали Мильтону основаніе укрѣпиться въ убѣжденіи насчетъ необходимости полной свободы печатнаго слова. Они дали ему новое основаніе ненавидѣть папизмъ, оставшійся для него, до конца дней, „единственной и величайшей ересью, готовой въ то же время сжигать послѣдователей всѣхъ другихъ вѣроученій за ихъ неправовѣріе“. Ересью для Мильтона, какъ видно изъ его послѣдняго по времени трактата „объ истинной религіи“, надо считать то вѣроученіе, которое не опирается на одномъ словѣ Божіемъ, но также на „преданіи“ и тѣхъ произвольныхъ прибавкахъ, которыя къ „слову Божію“ сдѣланы были людьми; а такому опредѣленію изъ всѣхъ христіанскихъ церквей только отвѣчаетъ католическая. Въ борьбѣ этой единой ереси со всѣми вѣроученіями, построенными на толкованіи „слова Божія“, Мильтонъ видитъ весь смыслъ современныхъ ему событій. И когда реставрація Стюартовъ, проложивъ новый путь къ торжеству католицизма, въ то же время лишила Мильтона возможности выражать свои убѣжденія иначе, какъ аллегоріями, онъ, въ торжествѣ демона надъ Адамомъ и Евой, окончившемся потерею рая, рѣшился передать тревожившую его мысль о близкомъ возрожденіи католицизма въ ущербъ протестантскимъ церквамъ [1]).

Италія доставила, такимъ образомъ, Мильтону возможность не только расширить кругъ своихъ знаній въ общеніи съ наиболѣе выдающимися людьми его времени и открыть въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ образецъ для своей эпопеи, но и найти новыя основанія для вражды къ папству и для преданности началу свободы совѣсти и свободы печати.

Еслибы не начавшаяся война парламента съ королемъ и понятное желаніе такого патріота, какъ Мильтонъ, не держаться въ сторонѣ отъ событій, рѣшавшихъ судьбу его ро-

---

[1]) „Мильтонъ, его религія и его полемика, церковная и богословская“. Статья Росдоля въ „Milton's memorial lectures“.

дины, онъ остался бы въ Италіи еще на нѣсколько мѣсяцевъ; но столкновенія Карла I съ народнымъ представительствомъ и пресвитеріанской церковью внезапно приняли такой оборотъ, что Мильтонъ не счелъ себя вправѣ продолжить свое пребываніе за границей. По возвращеніи на родину ему пришлось озаботиться пріисканіемъ занятій: матеріальныя средства его были незначительны, бракъ съ дѣвицей Пауль не принесъ ему большого приданаго. Не желая или не имѣя возможности вступить въ ряды священства, Мильтонъ остановился на мысли увеличить свой доходъ преподаваніемъ. Онъ поселилъ у себя двухъ родственниковъ, воспитаніе которыхъ ему было поручено. Это обстоятельство не только позволило Сальмазію и его единомышленникамъ говорить о немъ, какъ о школьномъ учителѣ, которому не подобаетъ, поэтому, задаваться высшими вопросами политики, но и открыло самому Мильтону возможность испытать правильность системы образованія, рекомендуемой имъ въ его „Трактатѣ о воспитаніи“. Есть полное основаніе думать, что отношенія его къ пресвитеріанамъ обострились вскорѣ послѣ его возвращенія въ Англію и что поводомъ къ тому была ихъ нетерпимость къ свободнымъ церквамъ и паствамъ, уже въ то время извѣстнымъ подъ названіемъ „индепендентовъ“. Въ первомъ по времени сборникѣ стихотвореній Мильтона имѣется сонетъ, направленный противъ пресвитеріанъ; онъ внушенъ былъ ему недовольствомъ тѣми постановленіями, которыя приняты были вестминстерскимъ собраніемъ уполномоченныхъ пресвитеріанскихъ законоучителей, въ частности—по вопросу о свободѣ совѣсти. „Такъ какъ вамъ угодно было сбросить съ себя иго епископа и отказаться отъ навязываемой вамъ литургіи, то вы считаете возможнымъ придерживаться прежней практики—совмѣстительства нѣсколькихъ должностей въ одномъ и томъ же лицѣ, тѣмъ самымъ доказывая, что вы болѣе завидовали ей, чѣмъ признавали ее ненавистной. Вправѣ ли вы, однако, склонять свѣтскій мечъ къ насилованію нашихъ совѣстей, которыя Христосъ сдѣлалъ свободными? Вправѣ ли вы навязывать намъ новую іерархію?“ Сонетъ заканчивается словами: „пресвитеріанскій священникъ—тотъ же католическій патеръ“ [1]).

Изъ содержанія только что приведеннаго стихотворенія легко заключить, что Мильтонъ былъ въ открытой враждѣ съ господствующей въ странѣ партіей въ то время, когда обнародованіе имъ „Трактата о разводѣ“ открыло его противникамъ

[1]) См. толкованіе этого сонета у Masson, т. III, стр. 469.

возможность напасть на него съ обвиненіемъ въ безнравственности и проповѣди многоженства. По мѣрѣ разрыва съ пресвитеріанами все болѣе расла и укрѣплялась связь Мильтона съ тѣми, чье торжество, сперва въ арміи, а затѣмъ въ парламентѣ, повело къ установленію въ Англіи республики. Положительное отношеніе Мильтона къ ходу событій наглядно выступаетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его „Ареопагетики", напримѣръ изъ слѣдующаго: „Мнѣ кажется, что моему умственному взору рисуется благородная и могущественная нація; подобно сильному человѣку, долго погруженному въ сонъ, она бодро встаетъ на ноги и встряхиваетъ прядями своихъ волосъ". Мильтонъ, очевидно, представляетъ себѣ англійскій народъ, въ моментъ его разрыва съ „монархіей Божіей милостью" и епископальной церковью во образѣ Самсона и называетъ пряди его волосъ „непобѣдимыми" [1]).

„Лорды и общины Англіи,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не теряйте изъ виду того, какого народа вы являетесь правителями: ему чужды нерадѣніе и апатія; это народъ съ быстрымъ, оригинальнымъ и проницательнымъ умомъ; онъ остеръ въ изобрѣтеніи, ловокъ и искусенъ въ передачѣ своихъ мыслей; для него ни въ какомъ отношеніи не закрыта возможность подняться до верховъ человѣческихъ способностей". Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сочиненій Мильтонъ, обозрѣвая все имъ написанное, говоритъ, что сознательно преслѣдовалъ съ самаго начала три тѣсно связанныя цѣли. Когда Карлу I въ 1640-мъ году пришлось нехотя созвать парламентъ послѣ десятилѣтняго перерыва, это событіе произвело на Мильтона слѣдующее впечатлѣніе: „Оно привлекло къ себѣ все мое вниманіе и вызвало во мнѣ новое усердіе: я увидѣлъ, что открывается путь къ установленію дѣйствительной свободы, что положено основаніе освобожденію человѣка отъ узъ рабства и предразсудковъ, что истинные принципы религіи, упроченіе которой составляло нашу главную задачу, окажутъ благотворное вліяніе на наши нравы и на самый порядокъ государственнаго устройства. Такъ какъ я, съ ранней молодости, занялся изученіемъ различій, существующихъ между религіей и гражданскими правами (т.-е., очевидно, между духовной и свѣтской властью), то мнѣ немудрено было проникнуться той мыслью, что при желаніи быть полезнымъ я не могу держаться въ сторонѣ отъ родины, церкви и всей совокупности братьевъ-христіанъ, переживавшихъ опаснѣйшій кризисъ; я рѣшился, поэтому, отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія ранѣе поставленныхъ мною задачъ и

[1]) „Milton's prose works", т. I, стр. 188.

направить всѣ мои способности и всю мою изобрѣтательность на этотъ важный предметъ. Какъ только стало мнѣ ясно, что, для общественнаго благополучія существенны три вида свободы: религіозная, домашняя и гражданская, а между тѣмъ о первой пришлось мнѣ писать раньше (намекъ на полемику съ пресвитеріанами), а третьей настойчиво и дѣятельно добивались сановники государства (т.-е. парламентскіе дѣятели и руководители войска), то я рѣшился направить свой умъ, прежде всего, на отстаиваніе свободы домашней. Но эта забота заставляла меня поднять три существенныхъ вопроса: вопросъ о супружеской связи, вопросъ объ образованіи юношества и вопросъ о свободномъ обнародованіи собственныхъ мыслей. Я сдѣлалъ каждый изъ этихъ вопросовъ темою отдѣльнаго разсужденія“ [1]).

Характеризуя такимъ образомъ, на разстояніи многихъ лѣтъ, ходъ развитія своей писательской дѣятельности, Мильтонъ не принимаетъ въ разсчетъ того вліянія, какое на постановку тѣхъ или другихъ вопросовъ имѣли личныя обстоятельства его жизни. Бракъ его съ дѣвицей Пауль оказался неудаченъ. Причиною разрыва была не вина того или другого изъ супруговъ, а политическая рознь семей, къ которымъ они принадлежали. Въ то время, когда столкновенія Карла I съ парламентомъ приняли характеръ открытой вражды и Карлъ избралъ Оксфордъ главной квартирой для своей арміи, г-жа Мильтонъ, вызванная своими братьями, проживавшими въ Оксфордѣ, не вернулась болѣе къ мужу. Симпатіи ея семьи были на сторонѣ „кавалеровъ“, тогда какъ Мильтонъ рѣшительно высказывался въ духѣ „индепендентовъ“. Для англійскаго писателя возникалъ вопросъ о томъ, возможенъ ли разводъ, при отсутствіи всякой личной обиды одного супруга другимъ. Ни о невѣрности, ни о внѣшнемъ насиліи не могло быть и рѣчи; имѣлось на лицо то, что̀ французы впослѣдствіи стали называть „несогласіемъ характеровъ“ — „incompatibilité d'humeur“, несогласіемъ, въ данномъ случаѣ, вызываемымъ такою серьезною и неустранимой причиной, какъ различіе въ политическихъ симпатіяхъ. Мильтонъ не остановился передъ мыслью, что дѣйствующему законодательству его родины неизвѣстенъ такой поводъ къ разводу. Разсужденіе вело его непосредственно къ признанію нелѣпости такого рѣшенія, при которомъ разводъ, возможный, въ случаѣ измѣны или причиненія побоевъ, становился невозможностью при рѣзкомъ расхожденіи супруговъ въ ихъ мысляхъ и чувствахъ. Библія, въ которой Мильтонъ, какъ

[1]) Приведенное мѣсто взято изъ „Второй защиты англійскаго народа“.

добрый пуританинъ, искалъ выраженія „воли Божіей“ и правилъ личнаго поведенія, которая была для него не тѣмъ, что для насъ—не историческимъ памятникомъ, нуждающимся въ критическомъ изученіи текста, а раскрытіемъ вѣчныхъ истинъ въ примѣненіи къ „избранному народу Божію“,—упоминаетъ о рядѣ разводовъ, вызванныхъ не внѣшней и матеріальной причиной, а внутреннимъ разладомъ между супругами. Такимъ образомъ разумъ и слово Божіе или—что тоже для Мильтона—законы естественный и Божескій сходились въ допущеніи развода, при полномъ расхожденіи супруговъ въ ихъ вѣрованіяхъ и желаніяхъ.

Мильтонъ рѣшился поэтому стать на ту же точку зрѣнія. Написанные имъ послѣдовательно два трактата о разводѣ заключаютъ въ себѣ развитіе одной и той же мысли; ее легко передать собственными его словами въ слѣдующемъ видѣ. „Взаимное нерасположеніе, несоотвѣтствіе взглядовъ и прямое разномысліе, вытекающія изъ причинъ, неподлежащихъ измѣненію, необходимо препятствуютъ и всегда будутъ противиться достиженію выгодъ супружескаго союза; ими же надо признать взаимную заботливость мужа и жены и внутренній миръ ихъ сожитія. А если такъ, то указанныя причины являются бо̀льшимъ основаніемъ къ разводу, чѣмъ „природная холодность“ (natural frigidity). Разводъ въ данномъ случаѣ допустимъ, но подъ двумя условіями: отсутствія дѣтей и согласія обоихъ супруговъ“ [1]).

Можно легко представить себѣ, какія нападки вызвало такое ученіе со стороны лично враждебныхъ Мильтону пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ и писателей. Лучшій изъ біографовъ англійскаго поэта подробно останавливается на разборѣ тѣхъ брошюръ, какія появились въ 1643 и слѣдующихъ годахъ, въ опроверженіе взглядовъ Мильтона; онѣ высказывали тѣ же соображенія, какія впослѣдствіи приводились и доселѣ приводятся противъ допущенія къ разводу супруговъ, въ виду „несогласія ихъ характеровъ“. Говорили, и говорятъ, что послѣдствіемъ такого допущенія была бы полная разнузданность нравовъ, переходъ къ многоженству, паденіе половой нравственности, потеря семейнаго очага, невозможность домашняго ухода за подростающими поколѣніями. Высказывающіе эти мысли въ то же время мирятся съ порядками, при которыхъ два-три подкупленныхъ свидѣтеля удостовѣряютъ физическую невѣрность одного изъ супруговъ или нанесеніе имъ другому личнаго оскорбленія. Позволено сомнѣваться, чтобы нравственность много выиграла отъ

[1]) Milton's „Doctrine and discipline of divorce“, Лондонъ, 1643.

того, что желающимъ развестись приходится обращаться къ симуляціи измѣны и семейнаго междоусобія. Едва ли также жизнь подъ однимъ кровомъ людей, избѣгающихъ общенія другъ съ другомъ, обезпечиваетъ возможность воспитанія въ дѣтяхъ чувства долга и привязанности къ ближнему. Семейный пандемоніумъ не можетъ быть школою альтруизма. Мильтонъ навсегда остался вѣренъ высказанному имъ положенію. Въ трактатѣ, который не былъ напечатанъ имъ при жизни, въ виду того, что при тогдашнихъ условіяхъ цензуры нельзя было найти издателя, и въ которомъ откровеннѣе, чѣмъ гдѣ-либо, высказаны были философскія, религіозныя и нравственныя воззрѣнія великаго англійскаго пуританина, въ числѣ прочихъ мнѣній, вызывавшихъ еще рѣзкую отповѣдь вѣкъ тому назадъ, въ годъ празднованія столѣтія со дня рожденія автора „Потеряннаго Рая“, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее положеніе: „многоженство и разводъ согласны съ волею Божіею“ [1]).

Очевидно, что такая мысль, по смѣлости своей, не уступаетъ отрицанію Мильтономъ божественности Христа и загробной жизни въ этомъ же, неизданномъ при его жизни, сочиненіи. Если прибавить ко всему этому несогласіе его съ дорогимъ кальвинистамъ и пресвитеріанамъ догматомъ предопредѣленія, какъ немирящимся съ допускаемой Мильтономъ полной свободой воли, и признаніе имъ, что крещеніе должно совершаться не надъ новорожденными, а надъ взрослыми, то какъ „не придти къ заключенію, что автора „Потеряннаго Рая“ ни одна изъ существовавшихъ въ его время сектъ не могла бы считать, въ строгомъ смыслѣ слова, своимъ послѣдователемъ. Пресвитеріане имѣли въ лицѣ его даже открытаго противника и пущенныя на его счетъ обвиненія въ аріанизмѣ, анабаптизмѣ и даже пристрастіи къ полигаміи не лишены были всякаго основанія. Мильтонъ, очевидно, всего ближе стоитъ къ социніанамъ, насколько послѣдніе вносили въ свой катехизисъ догматъ „свободы совѣсти“. Въ этомъ отношеніи его единомышленникомъ можно считать и того англо-американскаго проповѣдника, который въ Новомъ Свѣтѣ явился первымъ провозвѣстникомъ идеи терпимости и внесъ „религіозную свободу“ въ число основныхъ законовъ созданнаго имъ штата Родъ-Эйландъ. Я разумѣю Роджера Вильямса, уроженца Уэльса, въ 1631 г. переселившагося въ колонію Массачусетской бухты и принужденнаго, нѣсколько лѣтъ спустя, покинуть ее, изъ-за религіозныхъ несогласій, въ сопро-

[1]) „Milton's memorial lectures“, стр. 143.

вожденіи значительнаго числа послѣдователей, положившихъ начало новому поселенію въ бухтѣ Наранганссетъ. Въ 1643 г. Роджеръ Вильямсъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, на правахъ уполномоченнаго вновь возникшей колоніи и, годъ спустя, издаетъ здѣсь свой трактатъ, озаглавленный: „Кровавыя узы". Это — энергическій протестъ противъ религіозныхъ преслѣдованій, которыхъ онъ самъ былъ жертвой. Его нельзя считать первымъ по времени трактатомъ, написаннымъ въ пользу вѣротерпимости. Еще въ 1614 г. однимъ изъ жителей Лондона представлена была королю Іакову I петиція въ пользу свободы совѣсти. Намъ почти ничего не извѣстно о ея авторѣ, именующемъ себя Леонардо Бушеромъ, но есть основаніе думать, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ броунистами и ихъ наиболѣе выдающимся проповѣдникомъ Робинзономъ. Петиція Бушера появилась въ печати въ 1614-мъ г., подъ названіемъ „Религіозный миръ", и переиздана вновь въ 1646 г. [1])

Одновременно съ Роджеромъ идею религіозной свободы проводилъ, въ трактатѣ: „Ходатайство въ пользу свободы совѣсти", викарный священникъ прихода св. Стефана въ Лондонѣ, Джонъ Гудвинъ. Массону удалось найти доказательство тому, что изъ этихъ двухъ авторовъ одинъ Роджеръ Вильямсъ былъ въ сношеніяхъ съ Мильтономъ и что они начались вслѣдъ за появленіемъ его памфлета „О свободѣ совѣсти". Такъ какъ въ томъ же году засѣдало извѣстное Вестминстерское собраніе пресвитеріанъ, признавшее желательнымъ поставить на видъ палатѣ общинъ необходимость мѣръ противъ еретиковъ, въ частности— анабаптистовъ и антиноміанъ, и насильственное удаленіе ихъ изъ войска стало практиковаться нѣкоторыми предводителями, въ томъ числѣ Крофордомъ, состоявшимъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Кромвеля, то неудивительно, если въ томъ же году съ особенной рѣзкостью открылась полемика между склонными къ терпимости пуританами и недопускавшими ея послѣдователями Кальвина и Нокса, т.-е. пресвитеріанами. Кромвель уже въ это время рѣшительно высказался въ томъ смыслѣ, что религіозныя различія не должны быть основаніемъ къ устраненію кого-либо отъ службы. Въ письмѣ къ Крофорду онъ говоритъ ему: „Государство, при выборѣ своихъ служителей, не должно принимать во вниманіе ихъ мнѣній; разъ ими высказана готовность служить вѣрой и правдой, этого одного достаточно" [2]).

[1]) Текстъ ея можно найти въ изданіи общества „Hansard Knoll Society", озаглавленномъ: „Tracts on the Liberty of conscience".

[2]) См. въ письмахъ Кромвеля, появившихся въ нов. изд., письмо къ Крофорду.

Поступокъ Кромвеля, очевидно, не могъ остаться неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ его единомышленникамъ пуританамъ и, въ числѣ ихъ, Мильтону. Намъ понятна, поэтому, причина, почему авторъ сонета „Противъ пресвитеріанъ“ счелъ нужнымъ избрать предметомъ своихъ нападокъ на нихъ ихъ нетерпимость, ихъ— какъ выражается онъ—„призывъ свѣтскаго меча къ насилованію нашихъ совѣстей, освобожденныхъ Христомъ“.

Одной изъ формъ, въ которыхъ сказывалась эта опека пресвитеріанъ надъ человѣческой совѣстью, была цензура. Она введена была впервые, въ интересахъ монархіи и англиканской вѣры, Елизаветой, въ 1559 г.; право цензуровать книги было предоставлено кентерберійскому и іоркскому архіепископамъ, лондонскому епископу, епископу и архидіакону той епархіи, въ которой должна была печататься книга, ректорамъ или такъ называемымъ канцлерамъ обоихъ университетовъ и шести членамъ „тайнаго совѣта“. Двумя годами ранѣе созданъ былъ правительствомъ особый цехъ книгопродавцевъ, которые одни были надѣлены правомъ печатанія книгъ. Такъ какъ они очень ревностно охраняли эту монополію, то было рѣшено ограничить изданіе книгъ однѣми типографіями Кембриджа и Оксфорда и передать въ руки кентерберійскаго архіепископа и епископа лондонскаго обязанности цензоровъ. Ни одна книга не могла, во все время царствованія первыхъ двухъ Стюартовъ, появиться на свѣтъ, не подвергнувшись, такимъ образомъ, двойному контролю съ одной стороны правительственныхъ агентовъ, съ другой стороны—цеха печатниковъ. Тѣ немногіе, кто рѣшался издавать книги на собственный счетъ, рисковали вызвать преслѣдованія съ обѣихъ сторонъ. Можно было надѣяться, что, съ установленіемъ республики, положенъ будетъ конецъ такой опекѣ надъ печатью. И дѣйствительно, контроль правительственныхъ агентовъ настолько ослабѣлъ—какъ жалуются современники, въ томъ числѣ Уайтлокъ,—что стали появляться въ Англіи не только еретическія разсужденія анабаптистовъ и антиноміанъ, но и прямо языческія сочиненія. Авторъ „Мемуаровъ“ съ ужасомъ сообщаетъ о выходѣ въ свѣтъ корана въ англійскомъ переводѣ. Многія изъ этихъ произведеній печатались авторами на свой страхъ; въ числѣ ихъ былъ Мильтонъ, не нашедшій или не пожелавшій найти издателя для своего „Трактата о разводѣ“. Собраніе пресвитеріанскаго духовенства въ Вестминстерѣ, въ числѣ прочихъ отступленій, отмѣтило и нарушеніе цензурнаго устава. Но всего ревностнѣе отнесся къ этому вопросу матеріально заинтересованный въ немъ цехъ книгопродавцевъ-издателей. Они открыли

цѣлый походъ противъ лицъ, нарушавшихъ ихъ монополію, и вызвали понятное въ Мильтонѣ желаніе обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на вредъ, какой такая опека надъ печатнымъ словомъ можетъ принести литературѣ и наукѣ. Изданная имъ, опять-таки съ нарушеніемъ цензурнаго устава, „Ареопагетика“ изложена въ формѣ рѣчи, направленной къ парламенту и ставящей себѣ задачей отстоять свободу печатнаго слова отъ предварительной цензуры. Его брошюра появилась въ свѣтъ 24 ноября 1644 г. Изъ всѣхъ прозаическихъ сочиненій Мильтона, „Ареопагетика“—то, которое, согласно недавнему заявленію Вильяма Эксона, автора подробныхъ комментаріевъ къ ней, продолжаетъ читаться англичанами и по настоящій день. Историки англійской литературы, въ томъ числѣ Генрихъ Морлей, отмѣчаютъ искусство, съ какимъ Мильтонъ построилъ свою вѣроятно никогда непроизнесенную рѣчь къ парламенту. Вступленіе поднимаетъ вопросы такой громадной важности, что вниманіе читателя сразу приковывается къ предмету; Мильтонъ говоритъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, какое вліяніе можетъ имѣть печатное слово на судьбы народовъ и государствъ. Въ главной части книги изложены притязанія цеха издателей и указано несоотвѣтствіе ихъ съ интересами англійскаго общества. Аргументація противъ предварительной цензуры, сопровождающая этотъ отдѣлъ, построена на развитіи той мысли, что враги папства заимствовали ее изъ Рима и продолжаютъ практику „вавилонской блудницы“. Сочиненіе заканчивается развитіемъ той мысли, что цензура не только вредна, но и безполезна, и что истина всегда съумѣетъ проложить пути къ своему распространенію.

Мнѣ пришлось прежде, чѣмъ приступить къ составленію этого очерка, перечесть, въ числѣ другихъ трактатовъ Мильтона, и это наиболѣе популярное его произведеніе. Оно показалось мнѣ весьма сходнымъ съ прочими сочиненіями автора и со всей полемической литературой его времени. Длинные историческіе экскурсы отвлекаютъ вниманіе читателя, а общія разсужденія кажутся такими труизмами, что на нихъ, повидимому, нечего было бы и останавливаться; но то, что̀ въ наши дни потеряло силу доказательства, какъ напр. ссылки на Библію, или настолько вошло въ сознаніе просвѣщенныхъ круговъ, что всякое новое напоминаніе кажется излишнимъ, въ срединѣ XVII-го вѣка по праву могло слыть счастливымъ новшествомъ. Ни въ чемъ вліяніе Мильтона не было болѣе благотворно, какъ въ вопросѣ, поднятомъ „Ареопагетикой“. Правда, цензура не была отмѣнена, и самому Мильтону пришлось, годами позднѣе, наблюдать за

тѣмъ, чтобы издаваемый Нидгамомъ „Политическій Меркурій“, наиболѣе распространенная газета того времени, времени зарожденія періодической печати, заключалъ въ себѣ мысли, отвѣчающія видамъ правительства. Но, неупраздненная вполнѣ, опека надъ печатнымъ словомъ сдѣлалась несравненно терпимѣе прежняго: иначе не могли бы появиться на свѣтъ многочисленные памфлеты радикаловъ XVII-го ст., такъ называемыхъ „уравнителей“ или „левеллеровъ“. Конфискаціи подвергаемы были только явные призывы къ террористическимъ актамъ, въ томъ числѣ знаменитый памфлетъ, призывавшій къ убійству лорда-протектора, подъ тѣмъ предлогомъ, что такое дѣйствіе, какъ устраненіе изъ жизни тирана, не можетъ даже считаться уголовнымъ преступленіемъ [1]). Въ эпоху реставраціи цензура была усилена. Но когда на англійскій престолъ, вслѣдъ за второй революціей, вступили Вильгельмъ и Марія, общественное мнѣніе уже настолько успѣло проникнуться взглядами Мильтона, что когда настало время возобновить полномочія цензоровъ, парламентомъ не было принято никакихъ мѣръ на этотъ счетъ. Какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, такъ и въ настоящемъ, англійское законодательство не выступило прямо съ отмѣной существующихъ нестроеній, а дало имъ возможность исчезнуть самимъ, отказывая въ дальнѣйшей поддержкѣ мѣръ, признанныхъ недѣйствительными.

„Ареопагетика“ не по одной этой причинѣ долгое время не выйдетъ еще изъ памяти людей: она заключаетъ въ себѣ такія блестящія мысли и такую счастливую ихъ передачу, что англійскія хрестоматіи еще долго будутъ включать отрывки изъ нея въ число образцовъ прозы. Вотъ одинъ изъ этихъ отрывковъ: „Я не отрицаю — пишетъ Мильтонъ — того значенія, какое можетъ имѣть внимательный надзоръ за тѣмъ, какъ ведутъ себя не только люди, но и книги; могутъ быть случаи, когда понадобится подвергнуть ихъ авторовъ, какъ преступниковъ, задержанію и строжайшему суду; вѣдь книги—не абсолютно мертвые предметы, а наоборотъ, заключаютъ въ себѣ зародыши жизни. Онѣ столь же дѣятельны, какъ дѣятельна была породившая ихъ душа. О нихъ можно сказать, что онѣ, подобно сосуду, заключаютъ въ себѣ чистѣйшую и сильнѣйшую эссенцію живого интеллекта, ихъ породившаго. Я знаю, что онѣ не менѣе живучи и производительны, чѣмъ зубы миѳическаго дракона; разсѣянныя, какъ сѣмена въ полѣ, онѣ могутъ выйти изъ-подъ

[1]) Точное заглавіе этого памфлета: „Killing no murder“.

почвы вооруженными воинами. И все же нельзя не сказать, что убить добрую книгу—то же, что убить человѣка. Кто губитъ послѣдняго—губитъ разумное существо, „образъ Божій“; но кто уничтожаетъ хорошую книгу—убиваетъ самый разумъ“ [1]). Доказывая въ другомъ мѣстѣ, уже приведенномъ мною выше, что англійская нація не уступаетъ никакой въ мірѣ между прочимъ въ силѣ сужденія и въ творчествѣ ума, Мильтонъ подтверждаетъ это положеніе, въ числѣ другихъ аргументовъ, тѣмъ, что страною, впервые призвавшею христіанъ къ отпаденію отъ Рима и католицизма, была его родина. Вся новѣйшая литература объ источникѣ доктринъ Іоанна Гусса, этого ближайшаго предшественника Лютера и Кальвина, вполнѣ подтвердила слѣдующее положеніе автора „Ареопагетики“: „Еслибы не упрямое и преступное поведеніе нашихъ прелатовъ противъ божественнаго и вызывающаго восторгъ разума Виклефа, еслибы не преслѣдованія его, какъ схизматика и опаснаго новатора, имена чеховъ Гусса и Іеронима Пражскаго, а можетъ быть и имена Лютера и Кальвина, никогда не стали бы извѣстны, и честь церковной реформы, нынѣ принадлежащая сосѣдямъ, была бы нашей честью“ [2]). Напоминая объ этомъ, съ цѣлью показать весь вредъ преслѣдованій, Мильтонъ настаиваетъ на томъ, что и въ его дни Англія представляетъ собою расцвѣтъ богословской мысли; благодаря этому изъ отдаленной Трансильваніи прибываютъ въ Лондонъ не только молодые люди, но и вполнѣ возмужалые, для знакомства съ англійской теологіей. „Неужели же вы намѣрены потоптать ногами эти въ полномъ цвѣту наливающіеся колосья знанія, неужели вы согласитесь потушить свѣтъ, уже возсіявшій и ежедневно вновь загорающійся въ этомъ градѣ (Лондонѣ); неужели вы возложите широчайшія полномочія на олигархію двадцати скупщиковъ-монополистовъ (разумѣются члены корпораціи издателей) и тѣмъ вызовете новый голодъ для нашихъ умовъ; неужели намъ снова придется знать только то, что̀ будетъ отмѣрено ихъ бушелями? Вѣрьте мнѣ, лорды и общины Англіи: тѣ, кто совѣтуетъ вамъ такое поведеніе, такое подавленіе печати, поступаютъ не лучше, чѣмъ еслибы они пригласили васъ упразднить самихъ себя“ [3]).

Мильтонъ не высказывается за полное невмѣшательство государства въ область прессы, но полагаетъ, что контроль за

---

[1]) Прозаическія сочиненія Мильтона, т. I, стр. 168.
[2]) Стр. 186.
[3]) Ibid., стр. 188.

нею долженъ ограничиться тѣми мѣрами, которыя уже приняты были парламентомъ. „Пусть никто не думаетъ о возможности рекомендовать вамъ лучшую политику, чѣмъ та, которая вылилась въ недавно изданномъ вами приказѣ". Онъ гласилъ, что ни одна книга не можетъ быть предана тисненію раньше какъ послѣ того, когда будутъ регистрированы имена автора и издателя, или, по меньшей мѣрѣ, послѣдняго". Это открывало правительству возможность призывать къ отвѣтственности лицъ, совершившихъ преступленіе съ помощью печатнаго станка. Мильтонъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы клевета и измѣна, избравшія печать своимъ орудіемъ, понесли наказаніе.

И въ этомъ отношеніи все новѣйшее законодательство о печати, совершенно отрицательно относящееся къ мѣрамъ предупрежденія и, наоборотъ, сохраняющее судебную репрессію, вполнѣ раздѣляетъ его взгляды. Такимъ образомъ, не только въ вопросѣ о свободѣ совѣсти, но и въ вопросѣ о свободѣ печати Мильтонъ далъ рѣшенія, доселѣ признаваемыя правильными и руководящія дѣятельностью законодательныхъ палатъ и правительствъ.

Можно ли сказать то же и о его педагогической системѣ, долженствовавшей, какъ онъ самъ говоритъ, обезпечить свободу умственнаго развитія подростающимъ поколѣніямъ? Мильтону пришлось высказаться о порядкахъ, державшихся въ англійскихъ школахъ, и о необходимости ихъ радикальнаго измѣненія только случайно, по поводу посѣщенія его родины извѣстнымъ моравскимъ педагогомъ Яномъ-Амосомъ Каменскимъ. Этотъ, знаменитый въ свое время реформаторъ школьнаго дѣла принадлежалъ къ числу моравскихъ братьевъ. Преслѣдованія, направленныя противъ нихъ въ 1629 г., заставили его переселиться въ Польшу, въ Лезно, гдѣ онъ и напечаталъ, два года спустя, первую книгу, обратившую на себя всеобщее вниманіе: „Janua linguarum reserata", т.-е. „Открытіе вратъ къ изученію языковъ". Авторъ задавался мыслью указать кратчайшій путь къ изученію латыни. Сочиненіе это выдержало четыре изданія и переведено было на многіе языки, въ томъ числѣ англійскій. Его доктрина нашла горячаго приверженца въ прусскомъ выходцѣ, поселившемся въ Англіи и занятомъ торговой дѣятельностью, Самуилѣ Гартлибѣ. Онъ еще въ 1637 г. познакомилъ англичанъ съ основной точкой зрѣнія Каменскаго. Когда послѣдній расширилъ ее въ новомъ разсужденіи, ставившемъ себѣ задачей изложеніе педагогическихъ пріемовъ, какихъ слѣдуетъ держаться при преподаваніи не однихъ языковъ, но всякаго рода научныхъ знаній, онъ снова выступилъ пропагандистомъ взгля-

довъ Каменскаго, въ сочиненіи, изданномъ въ 1639 г. Наконецъ, по его настоянію, Каменскій прибылъ въ Лондонъ и съ 1641 по 1642 г. прожилъ въ немъ. Соотечественники Мильтона, такимъ образомъ, имѣли возможность познакомиться съ системой, производившей рѣшительный переворотъ въ педагогикѣ. Не пускаясь въ подробности, мы скажемъ, что основная мысль Каменскаго, раздѣляемая Гартлибомъ, сводится къ слѣдующему: педагогія должна быть направлена къ укрѣпленію морали и религіи, а потому нельзя ограничиться однимъ преподаваніемъ латинскаго языка. Усвоеніе послѣдняго, какъ и другихъ языковъ, должно служить только средствомъ къ передачѣ знаній: „важнѣе знать вещи, чѣмъ слова“. Каменскій защищаетъ принципъ нагляднаго обученія, настаиваетъ на необходимости давать постоянное предпочтеніе общему—надъ частнымъ, простому—надъ сложнымъ, не дѣлать скачковъ, а передавать все въ послѣдовательности и порядкѣ. Пропагандѣ этихъ мыслей посвятилъ себя и Гартлибъ. Въ числѣ его друзей мы въ это время находимъ Мильтона. Немудрено, поэтому, если Гартлибъ обратился къ нему съ просьбой высказаться по вопросу, ставшему современнымъ благодаря его рѣзкой постановкѣ Каменскимъ. Мильтонъ, повидимому, не зналъ послѣдняго, и въ письмѣ къ Гартлибу, служащемъ предисловіемъ къ трактату о воспитаніи, скорѣе отрицательно отнесся къ мысли погрузиться въ изученіе, какъ онъ говоритъ, „вратъ и дидактикъ“, очевидно намекая на автора однихъ изъ такихъ „вратъ“—Каменскаго. Но самого Гартлиба онъ цѣнилъ высоко и считалъ „человѣкомъ, посланнымъ Провидѣніемъ“. Приведенный отрывокъ любопытенъ тѣмъ, что доказываетъ полную оригинальность Мильтона въ выработкѣ его основныхъ педагогическихъ взглядовъ. „Вратъ и дидактикъ слишкомъ много, чтобы у него явилось желаніе читать ихъ“,—цѣнное признаніе, укрѣпляющее насъ въ мысли, что Мильтонъ почерпнулъ свои педагогическія правила изъ личнаго опыта. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ занимался обученіемъ своихъ племянниковъ и имѣлъ поэтому возможность испробовать на дѣлѣ кратчайшіе пути къ передачѣ знаній. Тѣмъ интереснѣе и знаменательнѣе, что по многимъ вопросамъ онъ сходится съ Каменскимъ. И для него, какъ для послѣдняго, „языкъ“ — только средство для передачи того, что стоитъ знать: пора положить конецъ пыткѣ, налагаемой на учащихся требованіемъ отъ нихъ латинскихъ и греческихъ темъ и версификаціи. Пора также избавить юношество отъ скучной возни съ хитросплетеніями схоластической метафизики и логики; надо замѣнить ихъ дѣйствительно полезными знаніями всякаго

рода. Латинскій и греческій языки—далеко не единственные, рекомендуемые къ изученію Мильтономъ: онъ настаиваетъ также на пользѣ обучать юношей итальянскому и еврейскому. Удивительно одно—что Мильтонъ ни однимъ словомъ не обмолвился о пользѣ обученія англійскому языку, потому ли, что считалъ возможнымъ пріобрѣсть знаніе его и помимо школы, или потому, что не находилъ научную литературу Англіи достаточно богатой, чтобы конкурировать съ греческой, латинской или итальянской. Преподаваніе еврейскаго языка казалось ему желательнымъ ради толкованія Библіи; по той же причинѣ онъ не прочь рекомендовать обученіе и арамейскому языку, на которомъ написаны нѣкоторыя книги Новаго Завѣта [1]).

Максимъ Ковалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

[1]) О Мильтонѣ, какъ педагогѣ, весьма подробно говоритъ Masson, въ IV т. „Жизнеописанія“, стр. 240, 41, 43.

СТРАНИЦА

ИЗЪ

ВОСПОМИНАНІЙ

Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ.

Это было въ серединѣ семидесятыхъ годовъ. Двадцати-двухъ-лѣтнимъ гвардейскимъ офицеромъ я тогда прожигалъ свою жизнь „во всѣ нелегкія“. Всѣмъ тремъ классическимъ порокамъ—вину, картамъ и женщинамъ—я предавался безъ удержу, живя какъ въ чаду, съ рѣдкими промежутками душевнаго отрезвленія. Въ эти періоды внутренняго просвѣтленія я чувствовалъ отвращеніе къ своему безпутному поведенію и мучительно тяготился своимъ положеніемъ. Ища изъ него выхода, я напряженно задавался основными вопросами жизни и религіи.

Однимъ изъ обстоятельствъ, имѣвшихъ на меня нравственно благотворное вліяніе, были повторявшіяся отъ времени до времени мои дежурства въ военныхъ госпиталяхъ.

Не знаю, продолжается ли еще до сихъ поръ эта поразительная нелѣпость; но въ мое время отвѣтственная задача ближайшаго наблюденія надъ служащими и надъ текущимъ хозяйственнымъ обиходомъ въ громадныхъ петербургскихъ военныхъ госпиталяхъ, съ ихъ сотнями и тысячами больныхъ и сложнѣйшей организаціей, предоставлялась самымъ легкомысленнымъ юнцамъ, которыхъ только возможно было отыскать въ Петербургѣ, а именно младшимъ офицерамъ гвардейскихъ полковъ. Ежедневно

смѣнявшимся молодымъ гвардейскимъ кутиламъ, не умѣвшимъ даже справляться съ своими собственными деньгами, поручалась задача, которая была подъ силу развѣ только самому опытному въ хозяйственномъ отношеніи администратору, и то не съ налету, какъ навѣщали мы госпитали, а послѣ продолжительнаго и основательнаго ознакомленія со всей подноготной этого сложнаго дѣла. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность пріѣзжавшаго въ госпиталь на одни сутки дежурнаго офицера сводилась къ исполненію ряда чисто внѣшнихъ формальностей. Онъ съ слѣпымъ довѣріемъ подписывалъ ворохи оффиціальныхъ бумагъ, свидѣтельствовавшихъ объ израсходованномъ, будто бы, въ теченіе сутокъ количествѣ мыла, мяса, топлива и другихъ хозяйственныхъ матеріаловъ, при чемъ онъ не имѣлъ физической возможности не только провѣрять точность выставленныхъ цифръ, но даже прочитывать эти бумаги. При личномъ же осмотрѣ многочисленныхъ больничныхъ палатъ и бараковъ для провѣрки удовлетворительности ихъ содержанія и ухода за больными, стѣсненный своей неопытностью офицеръ, внезапно попадавшій въ эту обстановку изъ совершенно иного міра, всюду встрѣчалъ вытягивавшихся передъ нимъ во фронтъ фельдшеровъ и служителей, которымъ ничего не стоило бы втереть ему очки, еслибы онъ вздумалъ провѣрять больничные порядки и раскрывать злоупотребленія.

Но объ этомъ офицеры и не помышляли. Они думали только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ надоѣвшихъ формальностей, и съ нетерпѣніемъ считали оставшіеся часы до окончанія скучнаго дежурства въ госпиталѣ, съ которымъ не чувствовали ничего общаго.

Трудно понять, кому нужна была эта комедія фиктивнаго контроля, которую насъ, молодыхъ офицеровъ, заставляли играть въ военныхъ госпиталяхъ. Но по отношенію къ себѣ лично я навсегда останусь благодарнымъ судьбѣ за доставленные мнѣ этими дежурствами случаи заглянуть, хоть однимъ глазкомъ, на изнанку жизни, на ту болѣе серьезную, трагическую сторону окружающей дѣйствительности, которая бываетъ обыкновенно скрыта отъ молодыхъ людей въ моемъ тогдашнемъ положеніи.

Одна изъ обязанностей дежурнаго по госпиталю офицера состояла въ томъ, чтобы опрашивать ежедневно выпускаемыхъ выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ, не имѣютъ ли они заявить какія-либо претензіи за время ихъ пребыванія въ госпиталѣ.

Выстраивались эти нижніе чины часовъ въ 12 дня, въ особомъ просторномъ помѣщеніи, подходя къ которому, въ сопровожденіи низшаго дежурнаго персонала, офицеръ еще издали слышалъ обычные выкрики: „стройся“, „смирно“, „глаза налѣво“ и т. п. Вошедши же въ двери, онъ видѣлъ передъ собой шеренги вытянувшихся въ струнку, съ выпученными на него дикими глазами, людей въ солдатскихъ шинеляхъ, всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ свидѣтельствующихъ о томъ, что надъ ними успѣшно совершенъ тотъ гипнотическій процессъ одуренія, который называется „военной дисциплиной“.

Поздоровавшись съ ними полагающимся въ такихъ случаяхъ напускнымъ начальническимъ голосомъ и получивъ въ отвѣтъ дружно-безсмысленный выкрикъ заученнаго солдатскаго привѣтствія, офицеръ на свой вопросъ, имѣетъ ли кто заявить жалобу, не получалъ, разумѣется, никакого отвѣта и удалялся изъ залы съ сознаніемъ отбытія одной изъ послѣднихъ скучныхъ формальностей передъ приближавшейся смѣной съ дежурства.

Какъ-то разъ, не удовлетворившись этой оффиціальной процедурой, я вздумалъ обратиться къ собраннымъ передо мной солдатамъ совсѣмъ запросто. При обращеніи съ нижними чинами мнѣ всегда претило напускать на себя требуемый службой начальническій тонъ. Товарищи мои, офицеры, иногда подтрунивали надо мной, изображая, какъ я, вмѣсто, напр., команды: „налѣво кругомъ!“, будто бы грустнымъ голосомъ обращался къ обучаемой мною командѣ со словами: „пожалуйста, господа, повернитесь въ другую сторону“. На этотъ разъ просто, почеловѣчески выраженная мною просьба о томъ, чтобы они, не стѣсняясь, откровенно сообщили мнѣ, если имѣютъ на что пожаловаться,—напримѣръ, если кому не возвращены сполна его деньги или имущество, — достигла своей цѣли. Одинъ, поближе ко мнѣ стоявшій солдатъ, какъ будто встрепенувшись послѣ сна, сталъ робко объяснять мнѣ, что ему дѣйствительно не были возвращены его деньги, — кажется, три съ полтиной, — бывшія при немъ, когда онъ поступилъ въ госпиталь. Я тотчасъ же записалъ въ своей карманной книжечкѣ его фамилію и размѣръ суммы, обѣщавъ навести справку. Тогда и другіе, одинъ за другимъ, стали заявлять, что и имъ также не возвращены ихъ деньги—кому нѣсколько рублей, а кому и нѣсколько десятковъ. Набралось человѣкъ около пятнадцати. Записавши ихъ всѣхъ, я хотѣлъ было тотчасъ же повидаться съ госпитальнымъ казначеемъ, но мнѣ доложили, что его уже нѣтъ, и что мнѣ возможно будетъ видѣться съ нимъ только на слѣдующій день.

Я попросилъ заявившихъ претензіи вернуться въ госпиталь въ условленное время, обѣщавъ имъ самому тутъ быть и лично передать имъ деньги.

На слѣдующее утро, оторвавшись отъ своего бездѣлья, я, уже не по наряду, а по собственной волѣ, поѣхалъ въ надоѣвшій госпиталь, внутренно любуясь своимъ добродѣтельнымъ поступкомъ.

Въ громадной канцеляріи я засталъ чиновника-казначея за его столомъ. Очевидно поджидавшій меня, онъ приподнялся и, пожавъ мнѣ руку, протянулъ мнѣ, съ самой привѣтливой развязностью, серебряный портсигаръ съ папиросами. Я сухо отказался. Онъ попытался было заговорить о погодѣ, но, замѣтивъ мое нерасположеніе съ нимъ любезничать, прямо спросилъ: —„Итакъ, сколько, собственно, вамъ нужно денегъ для передачи выписавшимся вчера нижнимъ чинамъ?“—Я назвалъ общую сумму, насколько теперь помнится—около ста семидесяти рублей. Ни слова не возражая, онъ выдвинулъ ящикъ своего стола. Тамъ лежало, какъ я замѣтилъ, множество толстыхъ пачекъ сторублевыхъ и другихъ бумажекъ. Отсчитавъ привычными пальцами сто семьдесятъ рублей, онъ молча передалъ ихъ мнѣ съ отмѣнной учтивостью. Видно было, что онъ, не моргнувъ глазомъ, далъ бы мнѣ и пятьсотъ рублей, еслибъ я назвалъ такую сумму.

Пораженный хладнокровнымъ самообладаніемъ чиновника, я принялъ деньги и, пожавши протянутую имъ руку, пошелъ вручить ждавшимъ въ другомъ помѣщеніи солдатамъ ихъ деньги. Оказалось — передъ ихъ выпиской изъ больницы госпитальные служители увѣрили ихъ, что деньги ихъ задержаны для покрытія расходовъ по ихъ содержанію и леченію.

Трудно представить себѣ, на какую громадную сумму въ одномъ этомъ госпиталѣ начальство обирало призрѣваемыхъ имъ больныхъ низшихъ своихъ военно-служащихъ, если въ одинъ день у нихъ было украдено сто семьдесятъ рублей, не считая всего того, что при такихъ порядкахъ несомнѣнно выгадывалось администраціей на всемъ количествѣ ежедневно потребляемыхъ въ такомъ учрежденіи хозяйственныхъ матеріаловъ.

Мчась домой на своемъ рысакѣ, я возмущался нахальствомъ уличеннаго въ воровствѣ казначея и досадовалъ на себя за то, что я, человѣкъ безукоризненной честности и благородства, какимъ я себя въ ту минуту представлялъ, пожалъ руку такому явному мошеннику.

Дежурные по госпиталю офицеръ и военный врачъ занимали одну общую дежурную комнату. Хотя и ведя въ то время крайне

легкомысленную жизнь, я все же всегда цѣнилъ общеніе съ людьми болѣе развитыми и серьезными, чѣмъ я. Таковыми, разумѣется, являлись для меня мои товарищи по дежурству—врачи.

Русскіе правительственные служащіе, какъ извѣстно, вообще любятъ въ интимной бесѣдѣ отводить душу, осуждая то самое правительство, отъ котораго кормятся и волю котораго безпрекословно исполняютъ. Черта эта, какъ я замѣтилъ, особенно развита у военныхъ врачей,—быть можетъ потому, что, посвятивъ себя борьбѣ со смертью и болѣзнью, имъ внутренно неловко быть причисленными къ военному сословію, занятому какъ разъ обратной дѣятельностью.

Въ долгіе часы своего вынужденнаго пребыванія въ госпиталяхъ я любилъ коротать время въ бесѣдахъ съ дѣлившимъ со мною дежурство врачемъ. И разсуждали мы всегда на общественныя темы въ либеральномъ духѣ. Оживленности нашихъ разговоровъ содѣйствовало еще и то, что въ эти дни слуга мой привозилъ мнѣ изъ дому, вмѣстѣ съ чистымъ постельнымъ бѣльемъ и вкуснымъ обѣдомъ, также и бутылку-другую отличнаго вина. Нѣкоторые изъ врачей охотно дѣлили со мной это угощеніе, и тогда выводы, до которыхъ мы договаривались, становились иногда весьма радикальными.

Однажды вечеромъ—это было около 12-ти часовъ ночи—мы съ дежурнымъ врачемъ какъ-то особенно задушевно разговорились о злободневныхъ, въ то время, общественныхъ вопросахъ, съ увлеченіемъ конкурируя другъ передъ другомъ въ нашихъ ратованіяхъ за неприкосновенность человѣческой личности, законность, справедливость, за бо́льшую свободу и т. п. Мы сокрушались о томъ, какъ мало гражданскаго мужества со стороны общества, подразумѣвая, конечно, что еслибы всѣ были такіе же благородные люди, какъ мы, то давно уже настало бы для Россіи лучшее время.

Вдругъ мы услыхали приближавшіеся по коридору многочисленные шаги, бряцаніе шпоръ и лязгъ сабель. Удивленные такимъ необычайнымъ ночнымъ посѣщеніемъ, мы оба замолчали и обернулись къ двери. Въ нее вошла кучка людей. Впереди всѣхъ—жандармскій офицеръ, который, быстро шагая черезъ глубокую темную комнату, подошелъ къ нашему, освѣщенному лампочкой съ абажуромъ, столу. Вошедшій за нимъ господинъ среднихъ лѣтъ, въ чиновничьемъ пальто, съ взволнованно-страдальческимъ выраженіемъ лица, сталъ какъ-то растерянно и быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ около насъ.

Сопровождавшій его конвой изъ нѣсколькихъ жандармскихъ нижнихъ чиновъ остановился въ темнотѣ около дверей.

Офицеръ, торопливо поздоровавшись съ нами, отвелъ врача немного въ сторону и сталъ что-то шепотомъ ему объяснять. Я видѣлъ только, какъ лицо врача сразу измѣнилось: оно поблѣднѣло и приняло не то озабоченное, не то испуганное выраженіе. Врачъ, видимо сконфуженный, подошелъ ко мнѣ и также въ полголоса сообщилъ мнѣ, что это привели „секретнаго“ больного для заключенія въ арестантское отдѣленіе госпиталя, и что жандармскій офицеръ требуетъ, чтобы мы оба, какъ дежурные по госпиталю, расписались въ его книжкѣ въ томъ, что приняли отъ него сего числа душевно больного арестанта.

Въ это время приведенный чиновникъ подошелъ къ намъ и, прижимая руки къ груди, умоляющимъ голосомъ сказалъ: „Могу васъ увѣрить, господа, что я совсѣмъ здоровъ, со-вер-шенно здоровъ. Это меня хотятъ устранить, погубить“...

Но поспѣшившій къ намъ со своей книжкой офицеръ не далъ ему договорить.

Почуявъ во всемъ этомъ что-то неладное, я сталъ возражать врачу, что у насъ вѣдь никакихъ данныхъ нѣтъ, чтобы признать этого человѣка сумасшедшимъ, и рѣшительно заявилъ, что подписываться не стану. Отойдя отъ жандармскаго офицера, врачъ соглашался со мной въ принципѣ, но говорилъ, что съ своей стороны не рѣшается противиться, такъ какъ это грозило бы ему слишкомъ тяжкими послѣдствіями по службѣ; и мнѣ онъ не совѣтовалъ рисковать моей карьерой.

Кончилось тѣмъ, что врачъ расписался въ книжкѣ подъ всѣмъ тѣмъ, что отъ него требовали, а я съ негодованіемъ отказался. Взявъ свою книжку и сухо замѣтивъ мнѣ: „смотрите, какъ бы вамъ за это не пришлось поплатиться“, жандармскій офицеръ вышелъ, уводя съ собою продолжавшаго съ отчаяніемъ протестовать чиновника, сопутствуемаго конвоемъ.

Загадочная сцена эта, происшедшая въ полумракѣ унылой дежурной комнаты военнаго госпиталя, оставила во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

По уходѣ нежданныхъ посѣтителей, мы съ врачемъ уже не возобновляли нашего либеральнаго разговора. Мы избѣгали даже смотрѣть другъ другу въ глаза.

Я отлично зналъ, что никто не станетъ преслѣдовать меня, сына моихъ родителей, съ ихъ положеніемъ „въ свѣтѣ“, за мой отказъ расписаться, тѣмъ болѣе, что причастное къ этому темному дѣлу начальство никакъ не захотѣло бы его разглашать.

Тѣмъ не менѣе, улегшись спать на казенномъ диванѣ съ моими чистыми домашними подушками подъ головой, я ставилъ себѣ въ заслугу свой поступокъ и внутренно посмѣивался надъ дѣйствительно рисковавшимъ пострадать врачемъ-либераломъ, только-что передъ тѣмъ такъ пламенно распинавшимся за „гражданское мужество".

Странное дѣло, я жилъ, погрязая во всѣхъ порокахъ и соблазнахъ, какіе только меня сколько-нибудь привлекали, ничего путнаго не дѣлая и прозябая паразитомъ на чужой счетъ,—и тѣмъ не менѣе я находилъ возможнымъ видѣть въ себѣ какія-то достоинства и въ чемъ-то, почему-то считать себя болѣе заслуживающимъ уваженія, чѣмъ большинство людей. Казначея-вора я презиралъ только потому, что самъ не кралъ непосредственно изъ чужого кармана, хотя и жилъ всецѣло на деньги рабочаго народа. На спасовавшаго передъ начальствомъ врача-либерала я смотрѣлъ сверху внизъ только потому, что судьбою былъ поставленъ въ менѣе, нежели онъ, зависимое положеніе. Въ этомъ удивительномъ самообольщеніи поддерживали меня всѣ люди моей среды, державшіеся своего особаго кружкового кодекса „порядочности" и „корректности", не только не имѣвшаго ничего общаго съ дѣйствительной нравственностью, но считавшаго самые отвратительные пороки похвальнымъ молодечествомъ, а истинную добродѣтель—пустымъ чудачествомъ или рисовкою.

Но когда наступали для меня рѣдкіе періоды внутренняго просвѣтленія, то заговаривалъ во мнѣ непосредственный голосъ моей совѣсти. Тогда спадали съ моихъ глазъ очки условнаго общественнаго мнѣнія моей среды, и я видѣлъ себя такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. И отвратительное зрѣлище это внушало мнѣ ужасъ, стыдъ и жгучее раскаяніе. Я приходилъ тогда почти въ полное отчаяніе передъ своею мерзостью и своимъ безсиліемъ. Со всѣмъ страстнымъ напряженіемъ пробуждавшагося сознанія я обращался къ той высшей сущности, которая начинала чуть-чуть раскрываться мнѣ въ тайникѣ моей души и которую я тогда представлялъ себѣ еще въ видѣ личнаго Бога.

Въ эти тяжелыя, одинокія минуты исканій и борьбы, слова утѣшенія, надежды и ободренія доходили до меня извнѣ только изъ одного источника, въ которомъ я съ дѣтства привыкъ узнавать то лучшее, что сознавалъ въ самомъ себѣ. Это было—Евангеліе. А потому къ Евангелію я и обращался, ища опоры и вдохновенія. И дѣйствительно, тамъ, оставляя въ сторонѣ смущавшее меня чудесное и непонятное, я находилъ въ душевномъ

обликѣ, жизни и ученіи Іисуса откликъ на то, что раскрывалось въ моей собственной душѣ, но — откликъ болѣе сильный, ясный и осмысленный, чѣмъ робкій и смутный еще голосъ пробуждавшагося во мнѣ духовнаго разумѣнія. Радость моя въ эти минуты была невыразимая.

Но иногда въ мои мысли закрадывались сомнѣнія о томъ, на самомъ ли дѣлѣ истинно и осуществимо это евангельское ученіе. И тогда, ища подтвержденія основательности моего преклоненія передъ жизнепониманіемъ и нравственнымъ ученіемъ Іисуса, я сталъ присматриваться къ тому, какое впечатлѣніе производитъ Евангеліе на другихъ людей, такъ же, какъ и я, лишенныхъ почвы подъ ногами и столь же душевно одинокихъ и безпомощныхъ.

Таково было мое тогдашнее отношеніе къ Евангелію.

Дежурства мои въ военныхъ госпиталяхъ доставляли мнѣ удобный случай для моихъ наблюденій съ Евангеліемъ.

Тамъ были безнадежно больные, медленно умиравшіе, но въ полномъ еще сознаніи солдаты. Вотъ земледѣлецъ-труженикъ, насильственно увезенный изъ своей родины гдѣ-нибудь въ далекой глуши русской деревни, оторванный отъ своихъ семейныхъ и близкихъ и заболѣвшій на чужбинѣ, въ суровой солдатской обстановкѣ. Когда онъ уже не въ силахъ былъ стоять на ногахъ, его перевезли изъ казармъ въ госпиталь. Болѣзнь его оказалась смертельною, чего никто изъ окружающихъ не скрывалъ отъ него. Онъ лежитъ на своей койкѣ, едва въ состояніи перевернуться съ одного бока на другой, одинокій среди другихъ страдальцевъ, со дня на день ожидая смерти и сознавая, что онъ никому не нуженъ и только въ тягость тѣмъ, кто по обязанности службы вынужденъ ходить за нимъ. Въ промежутки между физическими муками онъ мысленно переносится въ свою домашнюю обстановку, къ тѣмъ любимымъ существамъ, которыхъ ему больше не видать, и размышляетъ о своей безсмысленно загубленной жизни. Возможно ли представить себѣ человѣка въ положеніи болѣе безнадежномъ и ужасномъ?

Такихъ-то умирающихъ я отыскивалъ въ госпиталѣ и, подсѣвъ къ нимъ на кровать, знакомился съ ними, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, при случаѣ читая имъ Евангеліе и наблюдая, какъ отражалось на нихъ это чтеніе.

И я замѣчалъ, что каждый разъ безъ исключенія впечатлѣніе получалось самое благотворное. Читалъ я только общепонятныя, не касающіяся чудесъ мѣста, описывающія жизнь или проповѣдь Іисуса. Больной неизмѣнно слушалъ съ проникновеннымъ

вниманіемъ, и лицо его, по мѣрѣ чтенія, озарялось тѣмъ осмысленно свѣтлымъ выраженіемъ, которое свидѣтельствуетъ о высшей радости духовнаго удовлетворенія. Послѣ чтенія мы иногда обмѣнивались впечатлѣніями и мыслями, какъ бываетъ между людьми, испытывающими одинъ и тотъ же общій душевный подъемъ. А при прощаніи больной всегда, съ трогательнымъ умиленіемъ, выражалъ свою благодарность и просилъ еще разъ придти почитать ему изъ этой книжки.

Какая, думалъ я, непримиримая, казалось бы, противоположность между положеніемъ этого умирающаго солдата и моимъ! Онъ—по рожденію кормящій себя и другихъ крестьянинъ, я—праздный, поѣдающій чужіе труды барченокъ-аристократъ. У него всѣ счеты съ жизнью покончены; не осталось въ будущемъ никакихъ ни личныхъ, ни общественныхъ интересовъ. Впереди—только физическія страданія и смерть. У меня—вся жизнь еще впереди. Я—въ цвѣтѣ лѣтъ, полный здоровья и силъ, и, увлекаемый страстями, упиваюсь до пресыщенія всѣми доступными человѣку наслажденіями. Что же можетъ быть общаго между нами?

А между тѣмъ оказывается, что общее есть: оба мы одинаково способны, хотя и при разныхъ обстоятельствахъ, испытывать одну и ту же внутреннюю неудовлетворенность, однѣ и тѣ же душевныя муки, съ которыми справиться мы не въ силахъ безъ духовнаго подкрѣпленія. И подкрѣпленіе это мы оба одинаково черпаемъ въ томъ общемъ для насъ источникѣ живой воды, который раскрывается въ Евангеліи.

Не лучшее ли это подтвержденіе того, что выраженная въ Евангеліи истина годна и нужна безъ различія всѣмъ тѣмъ людямъ, которые, почему бы то ни было, ищутъ для себя опоры и вдохновенія внѣ матеріальныхъ условій земного существованія?

Опытъ мой увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Но онъ далъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ одно только разсудочное подтвержденіе законности моего преклоненія передъ выраженнымъ Іисусомъ пониманіемъ жизни. Во время этихъ чтеній и общенія съ умиравшими солдатами, я впервые осязалъ возможность того духовнаго сліянія съ душою другого человѣка, которое достигается перенесеніемъ обоими людьми центра тяжести своего сознанія изъ своей отдѣльной личности въ свою божескую сущность, единую во всѣхъ. Съ этого времени стало понемногу раскрываться для меня значеніе словъ Іисуса: „Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершенны воедино“. И не умомъ только, но и сердцемъ я началъ понимать, что смыслъ жизни лежитъ во все большемъ

и большемъ единеніи между живыми существами, и что назначеніе и благо наше въ томъ, чтобы стремиться жить, какъ братья, какъ дѣти одного Отца.

Громадный Николаевскій военный госпиталь, на Пескахъ, вмѣщавшій, насколько мнѣ помнится, отъ тысячи до двухъ тысячъ больныхъ, состоялъ изъ главнаго корпуса, фасадомъ къ улицѣ, и множества флигелей и бараковъ, расположенныхъ позади него. Одно изъ этихъ надворныхъ зданій было занято заключенными подъ стражу больными и называлось „арестантскимъ отдѣленіемъ“. Изъ него совершилъ свой замѣчательный побѣгъ П. А. Кропоткинъ, въ 1876 г.

Для дежурства по Николаевскому госпиталю наряжались по два офицера отъ одного и того же полка. Младшій дежурилъ исключительно по арестантскому отдѣленію, изъ котораго не имѣлъ права отлучаться. Старшій имѣлъ надзоръ за всѣмъ госпиталемъ, включая, на моей еще памяти, и арестантское отдѣленіе, куда онъ приходилъ навѣщать своего болѣе одинокаго товарища по полку.

Зимою 1876-го года, будучи однажды старшимъ дежурнымъ по Николаевскому госпиталю, я зашелъ побесѣдовать съ дежурившимъ по арестантскому отдѣленію, прикомандированному къ нашему Конногвардейскому полку, портупей-юнкеру П. Онъ, между прочимъ, съ недоумѣніемъ разсказалъ мнѣ о томъ, что дѣлали,—какъ онъ узналъ, кажется, отъ фельдшера,—съ содержавшимся въ одиночномъ карцерѣ политическимъ заключеннымъ: у него черезъ день то накаливали печку до послѣднихъ предѣловъ, а форточку наглухо затворяли, то вовсе не топили, держа форточку цѣлый день открытой.

Почти не вѣря своимъ ушамъ, я спросилъ товарища, что же онъ предпринялъ? По его словамъ, убѣдившись въ томъ, что это дѣлается по распоряженію госпитальнаго начальства, которому и мы, какъ дежурные, подчинены, онъ счелъ для себя невозможнымъ вмѣшиваться. Какъ я ни уговаривалъ его разслѣдовать и прекратить этотъ ужасъ, онъ наотрѣзъ отказался. Будучи пока еще только прикомандированнымъ къ нашему полку и лишь исполняя офицерскія обязанности, но не произведенный еще въ офицеры, онъ особенно боялся впутаться въ исторію, которая могла бы повредить его дальнѣйшей карьерѣ.

Тогда, вспомнивъ, что мнѣ, какъ старшему дежурному офицеру, по уставу ввѣренъ надзоръ и за арестантскимъ отдѣле-

ніемъ, я рѣшился дѣйствовать по своей собственной иниціативѣ. Я вышелъ изъ дежурной комнаты и поднялся во второй этажъ.

Тамъ, какъ-разъ противъ лѣстницы, расположены были одиночные карцеры, передъ которыми я и остановился. Немного погодя, ко мнѣ подошелъ вышедшій изъ своего помѣщенія въ дальнемъ концѣ коридора, заспанный, неопрятный, маленькаго роста и невзрачнаго вида служитель съ особенно тупымъ выраженіемъ лица. Я его спросилъ, въ которомъ карцерѣ находится политическій арестантъ? Онъ съ видимой неохотой указалъ. Я ему велѣлъ отпереть дверь.

Сразу встрепенувшись, онъ отвѣтилъ: — Никакъ невозможно-съ, ваше благородіе, это—секретный.

— Все равно, отвори,—сказалъ я.

— Не могу-съ, не велѣно.

— Какъ не велѣно? Вѣдь я же твой начальникъ, и я велю.

— Никакъ не могу, ваше благородіе. Самъ господинъ смотритель строго-на-строго приказалъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не отпирать.

— Да вѣдь ты обязанъ мнѣ повиноваться, — сказалъ я, возвышая голосъ,—отвѣчать буду я, а не ты.

— Воля ваша, отпереть не могу, ваше благородіе.

Не помню, чтобы во все время моей службы я когда-либо въ другой разъ кричалъ на нижняго чина. Но на этотъ разъ меня взорвало, и я накричалъ на это несчастное человѣческое существо, грозя отдать его подъ арестъ, если онъ тотчасъ же не исполнитъ моего приказанія.

Не знаю, справедливо ли говорятъ, что вообще, когда человѣкъ, рѣдко выходящій изъ себя, въ кои вѣки вспылитъ, то онъ становится особенно страшенъ. Но тогда видъ мой несомнѣнно произвелъ на служителя внушительное впечатлѣніе: не возражая уже ни слова, онъ съ мѣста побѣжалъ за ключемъ. Черезъ минуту дверь въ карцеръ тщательно скрываемаго отъ людей арестанта была передо мной раскрыта.

Я вошелъ въ тѣсный карцеръ. Меня обдало невыносимо-горячимъ, сухимъ воздухомъ. Дышать дѣйствительно было трудно, пока воздухъ изъ коридора не сталъ проникать черезъ отворенныя двери.

Передо мной, на узкой койкѣ, сидѣлъ человѣкъ, обросшій бородой, но еще не старый. Лицо его было мертвенно-блѣдно, по цвѣту мало отличаясь отъ его рубашки и бѣлья на кровати. Сидѣлъ онъ, немного нагнувшись впередъ, хрипло, съ трудомъ переводя дыханіе, казалось—задыхаясь.

Подошедши къ нему и поздоровавшись, я спросилъ, чѣмъ онъ страдаетъ.

— Чахоткой, — отвѣтилъ онъ. Потомъ, взглянувъ на меня съ невыразимо-страдальческимъ выраженіемъ, онъ прибавилъ:

— Не замѣчаете ли вы, какъ здѣсь натоплено?

Говорилъ онъ съ напряженнымъ усиліемъ, шепотомъ, медленно и съ разстановкою выговаривая каждое слово.

— Разумѣется, замѣчаю, — отвѣтилъ я, повернувшись къ печи и приближая къ ней руку, но не рѣшаясь ея коснуться, такъ она была накалена.

— Это они нарочно, — продолжалъ больной. — Одинъ день вотъ какъ натопятъ и форточку запрутъ, а на слѣдующій день — вчера такъ было—вовсе не топятъ, но форточку откроютъ. То поджариваютъ меня, то замораживаютъ. Видите, до чего довели.

— Да для чего же они это дѣлаютъ?

— Изморить хотятъ, со свѣту сжить.

— Возможно ли это!—воскликнулъ я.—Такъ оставить нельзя. Я распоряжусь, чтобы васъ перевели въ другое помѣщеніе.

Больной съ удивленіемъ внимательно на меня посмотрѣлъ. Потомъ сказалъ:—Нѣтъ, ради Бога, не дѣлайте этого. Бѣду на себя накличете. Это все—по распоряженію начальства. Ко мнѣ рѣшительно никого не допускаютъ. Не понимаю, какъ вы пробрались. Когда узнаетъ смотритель — будетъ исторія. Если же переведете меня, то вамъ не сдобровать. А мнѣ все равно — одинъ конецъ.

— Не опасайтесь за меня, — сказалъ я: — даже по уставу дежурный офицеръ обязанъ слѣдить за хорошимъ содержаніемъ больныхъ.

Вышедши въ коридоръ къ растерянно стоявшему около дверей служителю, я приказалъ ему отпереть мнѣ остальные три карцера. Всѣ они были пусты. Въ сосѣднемъ карцерѣ, отоплявшемся общей печкой съ тѣмъ, гдѣ находился больной, воздухъ былъ такой же накаленный. Но въ остальныхъ двухъ, съ общей между ними особой не топившейся печкой, температура была прохладная. Я велѣлъ служителю почистить одинъ изъ нетопленныхъ карцеровъ, лишенныхъ всякой мебели, и перенести туда кровать и столъ, имѣвшіеся во второмъ карцерѣ, незанятомъ. Видимо недовольный и смущенный, служитель сказалъ, что позоветъ своего товарища пособить. Онъ вернулся въ свою комнату и вызвалъ оттуда другого служителя. Я видѣлъ, какъ они, въ концѣ коридора, о чемъ-то озабоченно сговаривались. Потомъ,

подошéдши, первый завозился около карцеровъ, а второй, потупя голову и избѣгая встрѣтиться со мной глазами, поспѣшно прошелъ мимо меня къ лѣстницѣ и сталъ спускаться.

Я догадался, что онъ идетъ донести начальству о происходившемъ. Въ эту минуту я понялъ всю затруднительность и тяжесть положенія этихъ двухъ запуганныхъ рабовъ правительства, не знавшихъ, на какой ногѣ плясать. И мнѣ стало невыразимо жалко этихъ людей, темнотою которыхъ воспользовались для того, чтобы помимо ихъ воли обратить ихъ въ палачей и слѣпыя орудія пытки. Повинуясь влеченію моего сердца, я нагнулся къ спускавшемуся по лѣстницѣ служителю и, едва сдерживая свое волненіе, участливо сказалъ ему: „Развѣ ты не понимаешь, что̀ тебя заставляютъ дѣлать съ этимъ арестантомъ? Вѣдь это все равно, что ножемъ горло ему рѣзать. А вѣдь онъ такой же человѣкъ. Или Бога въ тебѣ нѣтъ? Опомнись“.

Услыхавъ мой голосъ, онъ пріостановился, держась за перила, и, повернувшись въ мою сторону, приподнялъ ко мнѣ свое лицо. И по мѣрѣ того, какъ я говорилъ, оно совершенно преобразилось. Онъ довѣрчиво и какъ бы вопросительно смотрѣлъ на меня, съ выраженіемъ глубокой муки на лицѣ. Глаза его наполнились слезами, и въ осмысленномъ, тоскливомъ взглядѣ его я увидалъ томящуюся, живую душу человѣческую.

Но это продолжалось только нѣсколько мгновеній. Когда я замолчалъ, онъ опустилъ голову и постоялъ немного въ нерѣшительности. Потомъ вдругъ опрометью кинулся внизъ по лѣстницѣ.

Вернувшись къ больному, я подсѣлъ къ нему на кровать и обмѣнялся съ нимъ еще нѣсколькими словами, но замѣтилъ, что много говорить для него слишкомъ утомительно. Съ своей стороны, что̀ хорошаго могъ сказать ему я, слуга того самаго государственнаго начала, которое подвергало его этой звѣрски-медленной казни? Тогда я вспомнилъ о Евангеліи, всегда бывшемъ у меня въ карманѣ во время моихъ дежурствъ,—вспомнилъ, какъ чтеніе этой книги неизмѣнно доставляло отраду тяжело больнымъ. И я предложилъ ему воспользоваться нашимъ свиданіемъ для того, чтобы почитать что-нибудь изъ нея. Онъ охотно согласился, замѣтивъ:—„Я такъ давно ничего не читалъ“.

Я прочелъ ему нѣсколько особенно трогавшихъ меня мѣстъ изъ бесѣдъ Іисуса со своими учениками, но скоро остановился, боясь его утомить. Замѣтивъ мою нерѣшительность, онъ ска-

залъ:—„Нѣтъ, пожалуйста продолжайте: мнѣ очень пріятно васъ слушать“.

Читать намъ, однако, пришлось недолго. Вскорѣ подошедшій къ двери служитель доложилъ мнѣ, что другой карцеръ приготовленъ. Я закрылъ книжечку. Больной продолжалъ сидѣть, глядя въ пространство, очевидно погруженный въ мысли, вызванныя нашимъ чтеніемъ. Я предложилъ ему перейти въ другое помѣщеніе. Какъ будто не замѣтивъ моихъ словъ и не трогаясь съ мѣста, онъ повернулъ ко мнѣ голову и съ проникновеніемъ сказалъ:—„Въ божественность личности Христа и все чудесное я, разумѣется, не вѣрю. Но передъ правдой и чистотой его ученія я всегда преклонялся. Выше и лучше этого я дѣйствительно ничего не знаю и не могу себѣ представить“.

Опять тоже самое: за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ совершенно незнакомые, мы теперь глядѣли другъ на друга какъ близкіе люди, хорошо другъ друга понимавшіе и согласные въ главномъ. Оба мы нашей внѣшнею дѣятельностью вопіюще нарушали ученіе Іисуса: я—посвятивъ себя насильственной борьбѣ съ врагами существующаго порядка, онъ—насильственной же борьбѣ противъ этого порядка. А между тѣмъ духъ Христова ученія былъ сроденъ намъ обоимъ, и, сливаясь съ этимъ духомъ, мы оба, столь чуждые другъ другу во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, сознавали наше основное единство въ томъ, что̀ одно придавало истинный, ничѣмъ ненарушимый смыслъ нашему существованію.

Мы перешли въ приготовленный другой карцеръ. Больному это стоило большихъ усилій, и лишь только служитель перенесъ его постель на новую койку, онъ тотчасъ же опустился на нее въ изнеможеніи, но съ наслажденіемъ вдыхая въ себя прохладный воздухъ. Я стоялъ около него, положивъ на столикъ Евангеліе и свою каску съ перчатками.

Тутъ мы услыхали поднимавшіеся по лѣстницѣ поспѣшные и рѣшительные шаги. Черезъ мгновеніе въ карцеръ влетѣлъ взволнованный полковникъ—смотритель госпиталя.

Онъ сердито накинулся на меня съ вопросомъ:—„Что вы здѣсь дѣлаете?“

— „Какъ видите,—отвѣтилъ я,—перевелъ этого больного въ другое помѣщеніе, такъ какъ у него было такъ натоплено, что онъ совсѣмъ задыхался“.

Не слушая меня, смотритель быстро обводилъ глазами все помѣщеніе. Когда онъ замѣтилъ лежавшую на столѣ книжечку, онъ рванулся впередъ и, схвативъ ее, какъ коршунъ свою до-

бычу, злорадно вскрикнулъ:—„А это что такое?!“—Но, взглянувъ на заглавную страницу и увидавъ, что это только синодальное Евангеліе, онъ видимо нѣсколько разочаровался, хотя и удержалъ при себѣ книжку. Обернувшись ко мнѣ, онъ строго проговорилъ: „Попрошу васъ въ дежурную комнату“—и, выходя изъ карцера, велѣлъ испуганному служителю, подобострастно провожавшему его глазами, запереть дверь.

Захвативъ со стола свои вещи и спускаясь за смотрителемъ по лѣстницѣ, я сталъ отдавать себѣ отчетъ въ моемъ положеніи. „Вѣдь онъ, какъ ни какъ, а мой прямой начальникъ“, соображалъ я, „а я ему даже и не отрапортовалъ“. Я надѣлъ каску и поспѣшно натянулъ на руки бѣлыя перчатки. Когда мы вошли въ дежурную комнату, въ которой уже не было моего товарища по дежурству, и смотритель обернулся ко мнѣ съ разгнѣваннымъ лицомъ, то онъ увидѣлъ передъ собою уже вполнѣ корректнаго подчиненнаго, стоявшаго передъ нимъ на вытяжку, съ правой рукой, ладонью внаружу, приподнятой къ каскѣ. Я въ установленныхъ словахъ отрапортовалъ ему о томъ, что въ госпиталѣ все обстоитъ благополучно, упомянувъ, какъ полагалось, сколько больныхъ прибыло, убыло и состоитъ на лицо; въ заключеніе же рапорта прибавилъ: „неблагополучнымъ я нашелъ обращеніе съ больнымъ арестантомъ въ одиночномъ карцерѣ“.

Видно было, что это, спокойно произнесенное, неожиданное прибавленіе къ рапорту сначала озадачило полковника. Но онъ тотчасъ же оправился и начальнически обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— „Долженъ вамъ замѣтить, поручикъ, что поведеніе ваше заслуживаетъ самаго строгаго порицанія. Вы, безъ малѣйшаго на то права, своевольно вмѣшались въ судьбу политическаго преступника, содержащагося подъ строгимъ „секретомъ“ и, слѣдовательно, находящагося внѣ вашего попеченія. Мнѣ придется донести по начальству о вашемъ превышеніи власти, и предупреждаю васъ, что послѣдствія для васъ вѣроятно будутъ самыя плачевныя“.

Онъ пытливо всматривался въ меня, безъ сомнѣнія надѣясь подмѣтить, какое впечатлѣніе производятъ на меня его слова. Но не замѣтивъ во мнѣ признаковъ страха, онъ продолжалъ уже менѣе строгимъ голосомъ:—„Полагаю впрочемъ, что вы поступили такъ опрометчиво единственно по неопытности. А потому, не желая вредить вашей дальнѣйшей службѣ, я готовъ замять эту слишкомъ скверную для васъ исторію, при томъ, конечно,

условіи, что и съ вашей стороны она останется безусловно между нами".

Продолжая держать руку подъ козырекъ, я ему отвѣтилъ:—„Господинъ полковникъ, я поступилъ согласно прямымъ обязанностямъ дежурнаго офицера, которому поручено наблюденіе за правильнымъ уходомъ за всѣми больными въ госпиталѣ. Въ инструкціи никакихъ исключеній не сдѣлано относительно „секретныхъ" заключенныхъ. Съ вашимъ приходомъ я, разумѣется, обязанъ устраниться; но предупреждаю васъ, что буду считать своимъ долгомъ донести о происшедшемъ какъ начальнику госпиталя, такъ и моему полковому командиру".

Тутъ смотритель уже совсѣмъ растерялся и, сразу совершенно измѣнивъ обращеніе со мной, попросилъ меня опустить руку и сталъ говорить слащаво притворнымъ голосомъ человѣка, участливо принимающаго къ сердцу мою судьбу:—„Я вполнѣ цѣню ваши добрыя побужденія,—говорилъ онъ:—но знаете ли вы, что̀ такое „секретный арестантъ"? Вѣдь это люди, возстающіе противъ правительства, бунтовщики, вѣдь это—страшно сказать—цареубійцы. Это—самое подлое и дерзкое отребье человѣчества, для которыхъ пощады нѣтъ и не можетъ быть. Они не люди, а звѣри, и обращаться съ ними можно только какъ со звѣрями. Подумайте, что̀ же у насъ съ вами общаго съ этими мерзавцами? Вотъ этотъ, напримѣръ, политическій, за котораго вы заступились,—онъ уличенъ въ самой крайней революціонной дѣятельности. Ему уже больше не выйти отсюда, его пѣснь спѣта, и чѣмъ скорѣе онъ исчезнетъ съ лица земли, тѣмъ лучше и для него, и для всѣхъ. Заступаться за такихъ людей—значитъ вступать въ связь съ ихъ преступной шайкой и навлекать на себя самыя тяжкія послѣдствія. А вы вѣдь не можете желать скомпрометировать всю вашу будущность".

Вынужденный, по своему положенію, молча выслушивать все это, но возмущенный до глубины души и съ трудомъ сдерживая свое негодованіе, я лаконически отвѣтилъ ему, когда онъ остановился: „Я поступилъ по совѣсти, и потому о послѣдствіяхъ мнѣ нѣтъ надобности думать".

Выраженіе лица полковника опять измѣнилось, и я тогда въ первый еще разъ увидалъ на человѣческомъ лицѣ тотъ направленный на меня, полный холодной ненависти взглядъ, который въ дальнѣйшей жизни мнѣ не разъ приходилось встрѣчать у представителей власти, свѣтской или духовной, когда я, обличительно для нихъ, заступался за то, что̀ считалъ правдой и справедливостью.

Озлобленный смотритель ушелъ, угрожающе замѣтивъ:—„Ну, какъ знаете. Но если вамъ плохо придется, то уже пеняйте на себя“.

На слѣдующій день, съ ранняго утра, въ главномъ корпусѣ госпиталя шла необычайная суматоха: всѣ возились, суетились, торопились, все передвигали съ мѣста на мѣсто, полы и окна мыли, вездѣ подметали, чистили, у больныхъ смѣняли бѣлье, въ канцеляріяхъ разставляли по иному столы и стулья. Смотритель съ озабоченнымъ видомъ сновалъ взадъ и впередъ, всюду суя свой носъ, наблюдая, указывая, распоряжаясь... Оказалось, что наканунѣ вечеромъ было получено увѣдомленіе, что въ 11 часовъ утра „изволитъ посѣтить Николаевскій военный госпиталь Государь Императоръ“.

Меня всегда поражала разница въ чистотѣ и порядкѣ, соблюдаемыхъ въ главномъ корпусѣ, по сравненію съ состояніемъ надворныхъ отдѣленій больницы. Здѣсь, въ главномъ корпусѣ, даже въ обыкновенные дни внѣшняя исправность и опрятность бросались въ глаза. Замѣчалась даже нѣкоторая роскошь: въ нижнемъ этажѣ—ковровыя дорожки по коридорамъ и палатамъ, на видныхъ мѣстахъ выставленныя на показъ подвижныя кресла на резиновыхъ шинахъ и т. п. И служащій персоналъ былъ многочисленнѣе, расторопнѣе и здоровѣе. Тамъ, во флигеляхъ и баракахъ, чувствовались, наоборотъ, нѣкоторая заброшенность и неряшество, въ особенности въ отдѣленіяхъ для заразныхъ больныхъ, арестантовъ, сумасшедшихъ, куда никогда не заглядывали высокопоставленные посѣтители. Въ этотъ же день замѣтно было особенно рѣзкое различіе. Утромъ, первымъ дѣломъ, я обошелъ бараки для тифозныхъ, оспенныхъ, рожистыхъ, сифилитическихъ больныхъ. Здѣсь все было по обыденному, хотя многое и требовало бы приведенія въ лучшій порядокъ. Въ лицевой же, „парадной“ части госпиталя, гдѣ и безъ того все было съ иголочки, хлопотали о еще болѣе блестящемъ наружномъ видѣ.

Въ 10 часовъ появился въ полной формѣ, съ орденами, начальникъ госпиталя, генералъ Ш., расположившійся невдалекѣ отъ главнаго подъѣзда. Наступило у всѣхъ состояніе приподнятаго ожиданія, напряженность котораго все больше и больше возрастала, по мѣрѣ приближенія часовыхъ стрѣлокъ къ 11-ти часамъ.

Я ходилъ по одной изъ ближайшихъ къ передней залъ, зазубривая наизусть слова рапорта, съ которыми долженъ былъ встрѣтить государя, чтобы въ послѣднюю минуту не перепутать

цифровыя данныя о больныхъ. Вчерашняго возвышеннаго духовнаго настроенія у меня уже не было, и мелочно-тщеславная струнка опять во мнѣ заговорила. Я самъ передъ собой любовался своимъ поведеніемъ съ больнымъ политическимъ и со смотрителемъ, и, зная личное благорасположеніе, всегда проявляемое ко мнѣ государемъ (Александромъ II), я самодовольно предвкушалъ предстоящую черезъ нѣсколько минутъ новую встрѣчу съ нимъ лицомъ къ лицу.

Но пробило 11 часовъ, настала четверть, потомъ половина двѣнадцатаго, а государь не пріѣзжалъ. Наконецъ, получено было разочаровавшее всѣхъ извѣстіе о томъ, что пріѣздъ его на этотъ разъ отмѣненъ.

Еще раньше я издали замѣтилъ, какъ начальникъ госпиталя со смотрителемъ о чемъ-то переговаривались, отъ времени до времени поглядывая въ мою сторону. Теперь смотритель ушелъ, а ко мнѣ пришли доложить, что начальникъ госпиталя требуетъ меня къ себѣ. Войдя въ комнату, гдѣ онъ стоялъ, и подошедши къ нему, я отрапортовалъ.

Не давши мнѣ времени что-либо прибавить къ обычнымъ словамъ рапорта, генералъ, съ напыщенно важнымъ видомъ и суровымъ начальническимъ голосомъ, сталъ читать мнѣ выговоръ:—„Смотритель госпиталя донесъ мнѣ о вашемъ вчерашнемъ поведеніи, и я вынужденъ заявить вамъ, молодой человѣкъ, что вы совершили серьезный проступокъ по службѣ. Вы рѣшились, вопреки распоряженію начальства, ворваться къ содержащемуся подъ „секретомъ“ политическому преступнику, вступили съ нимъ въ бесѣду и стали самовольно распоряжаться въ его карцерѣ. Кромѣ того, не испросивъ на то ни у кого разрѣшенія, вы снабдили книгою этого арестанта, которому всякое чтеніе запрещено. Наконецъ, вы позволили себѣ вступить въ неподобающія пререканія со смотрителемъ госпиталя, вашимъ прямымъ начальникомъ. Все это представляетъ такое недопустимое нарушеніе вашихъ служебныхъ обязанностей и требованій воинской дисциплины, что я вынужденъ буду сообщить о вашемъ поведеніи вашему строевому начальству, съ просьбой поступить съ вами по всей строгости. Предупреждаю васъ, что послѣдствія будутъ для васъ самыя тяжелыя и непоправимыя“.

Пріостановившись, генералъ посмотрѣлъ на меня какъ бы въ раздумьи.—„Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ,—какъ ваша фамилія?“—какъ будто онъ раньше, первымъ дѣломъ, не справился объ этомъ. Я назвалъ свою фамилію. Онъ съ прозрачно-

поддѣльнымъ удивленіемъ повторилъ:—„Чертковъ? Котораго вы Черткова сынъ?“

— Григорія Ивановича.

— „Какъ, Григорія Ивановича! Можетъ ли это быть?“—уже добродушно, какъ встрѣчаютъ стараго знакомаго, воскликнулъ генералъ.—„Мы съ вашимъ батюшкой въ Пажескомъ корпусѣ вмѣстѣ учились, въ одной ротѣ были. Я его помню еще вотъ какимъ. Ахъ, право, какъ мнѣ васъ жалко! Очень, очень хотѣлось бы мнѣ избавить васъ отъ послѣдствій вашей вчерашней ошибки: ужъ слишкомъ мнѣ было бы тяжело погубить карьеру сына почтеннаго Григорія Ивановича“.

Опять пауза и раздумье.—„Знаете ли, что я могу для васъ сдѣлать?—продолжалъ онъ отечески-участливымъ тономъ и понизивъ голосъ:—я на этотъ разъ готовъ посмотрѣть на все сквозь пальцы. Я про случившееся ничего не знаю. Понимаете—ничего не знаю. А вы уже, съ вашей стороны, никому, рѣшительно никому на свѣтѣ обо всемъ этомъ не проговаривайтесь. Иначе невозможно будетъ замять дѣло. Итакъ, мнѣ очень пріятно, что могу оказать вамъ это одолженіе, ради вашего отца, котораго я всегда глубоко уважалъ“.

Въ продолженіе всего этого шитаго бѣлыми нитками монолога я стоялъ передъ начальникомъ госпиталя все въ той же идіотской позѣ, которой, по военному уставу, полагается выражать свое уваженіе къ начальству. Но внутренно я чувствовалъ себя какъ зритель въ театрѣ, присутствующій при комедіи, довольно плохо разыгранной, но съ характернымъ содержаніемъ.

Начальникъ госпиталя удалился въ свою сторону, а я—въ свою, чтобы приготовиться къ приближающейся смѣнѣ съ дежурства.

Въ тотъ же день я отправился къ своему полковому командиру, барону Ф., чтобы донести ему о моемъ столкновеніи съ госпитальнымъ начальствомъ. Человѣкъ по-своему благородный и добрый, онъ былъ возмущенъ звѣрскимъ обращеніемъ съ политическимъ арестантомъ. Онъ улыбался, но тактически молчалъ, когда я, также съ улыбкою, разсказалъ ему про дипломатическія увертки со мною смотрителя и начальника госпиталя. Онъ любезно выразилъ мнѣ полное одобреніе моего поведенія и того, что я ему обо всемъ сообщилъ.

Мы разстались съ привычнымъ намъ сознаніемъ, что оба принадлежимъ къ одному и тому же отборному кругу утонченно „порядочныхъ“ людей, для которыхъ поступить такъ, какъ по-

ступило, въ этомъ случаѣ, госпитальное начальство, было почти столь же немыслимо, какъ ѣсть съ ножа, или пройти въ дверь раньше своей дамы. Мнѣ тогда еще и не приходило въ голову, что безобразія, подобныя тѣмъ, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ въ военныхъ госпиталяхъ, были бы невозможны, еслибы всѣ, въ томъ числѣ и мы со всей нашей утонченностью, не принимали участія въ поддержаніи существующихъ условій.

Нѣсколько недѣль послѣ того я прочелъ въ газетахъ, что въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ умеръ политическій заключенный, котораго хоронила, съ уличной демонстраціей, толпа его товарищей. Гробъ проносили мимо зданія окружного суда, говорили рѣчи, пѣли революціонныя пѣсни, вызвана была полиція, пріѣзжалъ градоначальникъ, разогналъ толпу, — однимъ словомъ, все какъ водится въ подобныхъ случаяхъ.

Насколько мнѣ удалось справиться по книгѣ Бурцева: „За сто лѣтъ“, революціонеръ-мученикъ этотъ былъ Подлевскій.

Въ томъ же году изъ того же арестантскаго отдѣленія Николаевскаго госпиталя бѣжалъ Кропоткинъ. И когда я въ слѣдующій разъ дежурилъ въ этомъ госпиталѣ, офицеру, дежурившему въ арестантскомъ отдѣленіи, уже запрещено было касаться „секретныхъ“ арестантовъ, а изъ вѣдѣнія старшаго дежурнаго по госпиталю офицера было совершенно изъято арестантское отдѣленіе.

Таковы наиболѣе памятныя для меня происшествія во время моихъ дежурствъ въ военныхъ госпиталяхъ, тридцать лѣтъ тому назадъ.

Въ моемъ тогдашнемъ положеніи субалтернъ-офицера я не имѣлъ, разумѣется, никакой возможности давать дальнѣйшій ходъ моимъ протестамъ противъ тѣхъ несправедливостей и жестокостей, которыхъ мнѣ въ то время довелось быть свидѣтелемъ.

Я видѣлъ и испыталъ тогда въ этихъ госпиталяхъ и многое другое въ томъ же родѣ, но въ менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, а потому и не сохранившееся столь же ярко въ моей памяти. Видѣвши все это своими глазами и зная о существованіи въ этихъ учрежденіяхъ безчисленныхъ злоупотребленій по хозяйственной части и содержанію больныхъ, на слѣдъ которыхъ я постоянно наталкивался,—я, естественно, составилъ себѣ представленіе объ администраціи военныхъ госпиталей, какъ о шайкѣ плутовъ и истязателей. Лишь впослѣдствіи убѣдился я въ томъ, что все это было только маленькимъ образчикомъ всеобщаго гнилого состоянія русскаго государственнаго строя.

Но не однимъ этимъ отрицательнымъ наблюденіемъ обогатился я въ военныхъ госпиталяхъ. Правда, по окончаніи каждаго изъ этихъ дежурствъ я почти всегда сразу бросался опять въ круговоротъ моей шальной жизни и быстро забывалъ полученныя въ госпиталѣ впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣнія эти не пропали для меня даромъ, а сохранились гдѣ-то въ глубинѣ сознанія и вмѣстѣ со многимъ другимъ, пережитымъ мною въ то время, несомнѣнно оказали свое благотворное вліяніе на мой дальнѣйшій духовный ростъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя я вышелъ въ отставку, и съ тѣхъ поръ для меня стали открываться совершенно иныя поля дѣятельности.

Влад. Чертковъ.

РАСКОЛЪ
И
БЮРОКРАТІЯ

Окончаніе *).

VI.

Ad majorem Dei gloriam.

Какъ и слѣдовало ожидать, мѣры репрессивнаго характера совсѣмъ не достигали цѣли, которую преслѣдовали миссіонеры: сектантство какъ въ Поволжьѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи не только не слабѣло, а напротивъ, постепенно и быстро росло и увеличивалось за счетъ православныхъ. Росъ баптизмъ, росло молоканство, росла хлыстовщина, распространялись идеи Толстого, возникали новыя религіозныя ученія и секты.

Тогда миссіонеры, въ видахъ борьбы съ сектантствомъ, рѣшились прибѣгнуть къ средству по истинѣ героическому. Они рѣшили отбирать дѣтей отъ тѣхъ крестьянъ, которые отпадали отъ православія и переходили въ молоканство или хлыстовщину. Эта чудовищная мѣра начала приводиться въ исполненіе, между прочимъ, самарскими миссіонерами въ 1897-мъ году. Я жилъ тогда въ Самарѣ и потому имѣлъ возможность наблюдать за дѣятельностью тамошнихъ миссіонеровъ.

*) См. октябрь, стр. 650.

До Самары вдругъ начали доходить слухи о томъ, что по Николаевскому и Бузулукскому уѣздамъ разъѣзжаютъ по ночамъ становые пристава и урядники, насильно отбираютъ отъ молоканъ ихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, заранѣе намѣченныхъ отцами-миссіонерами, и куда-то ихъ увозятъ... Куда именно увозила дѣтей полиція — этого сначала никто не зналъ и менѣе всего это знали тѣ несчастные родители, у которыхъ отобраны были дѣти.

На первыхъ порахъ никто не хотѣлъ вѣрить этимъ слухамъ,— такъ они казались всѣмъ нелѣпыми, дикими, чудовищными. Даже въ эпоху Николаевскихъ гоненій ничего подобнаго не было.

Однако это недовѣріе вскорѣ должно было исчезнуть. Въ Самару прибыли родители тѣхъ дѣтей, которыя были взяты полиціей и куда-то увезены. Убитые горемъ, подавленные, растерянные, они разсказывали всѣмъ о своемъ несчастіи. Они не знали, что дѣлать, что предпринять, и только горько жаловались на свою судьбу. Сознавая, что съ ними сдѣлано что-то вопіюще-беззаконное, они ходили къ губернатору, архіерею, жандармскому полковнику, миссіонерамъ, но нигдѣ не могли добиться толку.

Губернаторскіе чиновники увѣряли ихъ, что губернаторъ здѣсь ни при чемъ, что это—дѣло архіерея и вообще духовенства. У архіерея имъ объявляли, что владыка не имѣетъ никакого отношенія къ этой исторіи, что это—дѣло полиціи. Съ полиціей же, по обыкновенію, разговоры были очень короткіе и весьма скоро заканчивались обычными возгласами: „Пошли вонъ! Можете жаловаться на насъ кому хотите!..“

Только съ большимъ трудомъ горемыкамъ удалось наконецъ узнать, въ какихъ именно монастыряхъ помѣщены ихъ дѣти. Оказалось, что отобранныя отъ молоканъ дѣти были размѣщены по разнымъ мужскимъ и женскимъ монастырямъ, раскиданнымъ по Самарской губерніи. Несчастные родители всячески добивались узнать: надолго ли заключены въ монастыри ихъ дѣти и когда именно они будутъ возвращены имъ?

Съ этими вопросами они обратились, между прочимъ, и къ православнымъ миссіонерамъ, которыхъ они не безъ основанія считали главными виновниками поразившаго ихъ несчастія. И вотъ что они услышали отъ нихъ въ отвѣтъ на свои горькія жалобы и сѣтованія.

— „Ваши дѣти—объявили имъ миссіонеры—до тѣхъ поръ будутъ въ монастыряхъ, пока вы, ихъ родители, не покаетесь, пока вы не отречетесь отъ молоканской ереси и не присоеди-

нитесь снова къ лону православной церкви... Помните это!.. Вы сами губите своихъ дѣтей, такъ какъ не хотите крестить ихъ и воспитываете въ молоканскомъ духѣ, а въ монастыряхъ ихъ окрестятъ по православному обряду и будутъ воспитывать согласно ученію святой церкви"...

Легко представить себѣ ужасъ и отчаяніе родителей. „Неужели есть такія права, по которымъ можно отнимать дѣтей отъ родныхъ отцовъ и матерей?"—спрашивали они миссіонеровъ и адвокатовъ. На это первые отвѣчали утвердительно и въ доказательство цитировали соотвѣтствующія статьи закона.

Адвокаты усердно писали жалобы и прошенія, которыя посылались молоканами во всевозможныя учрежденія и инстанціи. Однако эти прошенія, эти жалобы не оказывали никакого дѣйствія: молоканскія дѣти продолжали томиться въ монастыряхъ, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ были окрещены.

Отцамъ и матерямъ хотя и разрѣшалось навѣщать своихъ дѣтей, но лишь на самое короткое время и притомъ не иначе, какъ въ присутствіи кого-либо изъ монастырской братіи. При этихъ свиданіяхъ дѣти обыкновенно горько плакали и умоляли своихъ родителей взять ихъ къ себѣ. Я до сихъ поръ хорошо помню, какое потрясающее впечатлѣніе производили на всѣхъ разсказы молоканъ объ этихъ свиданіяхъ съ дѣтьми, отобранными отъ нихъ и насильно заключенными въ монастыри.

Такъ какъ время шло, а жалобы молоканъ на незаконныя дѣйствія самарскихъ миссіонеровъ нимало не помогали дѣлу, то въ народѣ начали распространяться зловѣщіе слухи о томъ, что вскорѣ у всѣхъ молоканъ будутъ отобраны дѣти и помѣщены въ монастыри. Необходимо отмѣтить, что молоканство весьма сильно распространено въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губерніи. Здѣсь имѣются цѣлыя огромныя села, населеніе которыхъ наполовину и даже болѣе состоитъ изъ молоканъ. Понятно, какое страшное волненіе началось въ молоканской средѣ подъ вліяніемъ слуховъ о предстоящемъ всеобщемъ отобраніи дѣтей отъ молоканъ. Мѣстами это возбужденіе доходило до рѣшимости на насиліе отвѣчать насиліемъ. Крестьяне-молокане села Коржевки, Максимовка тожъ, открыто заявляли:—„Пусть только пріѣдутъ къ намъ миссіонеры съ урядниками,—мы ихъ съ вилами встрѣтимъ!"

Хотя изъ Самары были тогда же посланы корреспонденціи въ столичныя, болѣе независимыя и болѣе либеральныя газеты, съ просьбою огласить приведенные факты о дѣятельности миссіонеровъ, тѣмъ не менѣе ни одна изъ газетъ не рѣшилась на-

печатать о томъ, что творили въ самарскихъ степяхъ отцы миссіонеры, совмѣстно съ становыми приставами и урядниками.

Только благодаря авторитету графа Льва Николаевича Толстого, возмутительные факты получили наконецъ огласку. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ князя Ухтомскаго помѣстили письмо Толстого, въ которомъ были поименно перечислены крестьяне-молокане, у которыхъ отобраны были дѣти. Письмо это, разумѣется, тотчасъ же было перепечатано какъ русскими, такъ и заграничными газетами. И если русскія газеты не смѣли дать волю чувствамъ негодованія по поводу неслыханныхъ подвиговъ самарскихъ отцовъ-миссіонеровъ, то заграничная печать, конечно, не стѣснялась въ своихъ сужденіяхъ при оцѣнкѣ этихъ вопіющихъ фактовъ. Съ глубокимъ изумленіемъ и негодованіемъ узналъ культурный міръ о томъ, что совершается у насъ въ поволжскихъ степяхъ.

Въ связи съ этой исторіей мнѣ припоминается одинъ эпизодъ изъ самарской жизни того времени. Какъ только газеты перепечатали, со словъ Толстого, извѣстія объ отобраніи дѣтей отъ самарскихъ молоканъ, по Россіи прошелъ настоящій гулъ отъ толковъ, слуховъ и пересудовъ по поводу этой исторіи. Всѣ возмущались, всѣ негодовали: одни во всемъ обвиняли мѣстныя власти, другіе же — огромное большинство — главными виновниками этой мѣры считали Побѣдоносцева и его клевретовъ, въ родѣ г. Скворцова. Въ этотъ моментъ въ Самарѣ вдругъ появился какой-то пріѣзжій офицеръ, кажется въ казацкой формѣ. Впрочемъ, на послѣднемъ я не настаиваю, такъ какъ вообще долженъ признаться, что „не мастеръ я полки-то различать“.

Какъ личность пріѣзжаго офицера, такъ и причины его пріѣзда были облечены нѣкоторой таинственностью. Никто не зналъ, кто онъ и зачѣмъ попалъ на Волгу. Говорили только, что это былъ москвичъ, человѣкъ со средствами и связями. По пріѣздѣ въ Самару, офицеръ немедленно посѣтилъ губернатора, А. С. Брянчанинова, и архіерея, преосвященнаго Гурія. Вскорѣ сдѣлалось извѣстно, что цѣль пріѣзда таинственнаго офицера состояла въ томъ, чтобы побудить на губернскую администрацію и епархіальное начальство возвратить отобранныхъ у сектантовъ дѣтей ихъ родителямъ, а также чтобы убѣдить мѣстныя власти отказаться отъ примѣненія этой безчеловѣчной мѣры.

Этотъ офицеръ былъ А. И. Гучковъ, если не ошибаюсь—теперешній лидеръ октябристовъ.

Дочь великаго писателя, графиня Татьяна Львовна Толстая, лично отправилась къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, чтобы

просить за несчастныхъ молоканъ. К. П. Побѣдоносцевъ увѣрилъ графиню, что дѣти молоканъ будутъ немедленно возвращены ихъ родителямъ, и заявилъ, что вся эта исторія произошла единственно вслѣдствіе того, что самарскія духовныя власти „черезчуръ переусердствовали".

Послѣ этого весьма естественно было ожидать, что иниціаторы и виновники насильственнаго отобранія дѣтей отъ родителей, насильственнаго заключенія ихъ въ монастыри и, наконецъ, насильственнаго крещенія ихъ по православному обряду понесутъ должное наказаніе, что у нихъ разъ навсегда будетъ отнята возможность въ будущемъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Можно было думать, что церковнымъ управленіемъ и духовными властями дано будетъ хотя какое-нибудь нравственное удовлетвореніе глубоко оскорбленному и возмущенному народно-общественному чувству.

Ничего подобнаго не случилось. Происходившій какъ разъ въ это самое время казанскій миссіонерскій съѣздъ не нашелъ нужнымъ прямо и рѣшительно осудить возмутительныя и позорныя дѣйствія самарскихъ миссіонеровъ. Мало этого: въ средѣ членовъ казанскаго миссіонерскаго съѣзда нашлись лица, которыя горячо защищали и энергически отстаивали мѣры, практиковавшіяся самарскими миссіонерами...

Но и этого мало. Въ составѣ съѣзда нашлись отдѣльные члены, и въ числѣ ихъ одинъ преосвященнѣйшій владыка, которые доказывали необходимость—въ видахъ обращенія сектантовъ на путь истины—отбирать отъ нихъ не только дѣтей, но и имущества!... Къ сожалѣнію, при этомъ осталось невыясненнымъ, въ чью именно пользу должны были поступить конфискованныя имущества сектантовъ.

Вскорѣ послѣ этого въ Самарѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что главный гонитель сектантовъ, миссіонеръ о. Матюшинскій, какъ бы въ награду за свою ревностную дѣятельность по искорененію сектантства, получилъ новое назначеніе: онъ былъ сдѣланъ главнымъ епархіальнымъ наблюдателемъ надъ всѣми церковно-приходскими школами въ Самарской губерніи. Лучшаго воспитателя для народной молодежи въ духѣ казеннаго, побѣдоносцевскаго православія очевидно трудно было найти.

Благодаря письму графа Толстого, исторія отбиранія дѣтей отъ молоканъ въ Самарской губерніи получила широкую огласку и сдѣлалась извѣстной не только въ Россіи, но и за границей. Но въ то время—въ 1897-мъ году—совсѣмъ не было извѣстно, что подобныя насилія творились не въ одной только Самарской губерніи.

Въ 1903-мъ году въ „Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатаны воспоминанія православнаго священника, сообщавшія нѣкоторыя подробности относительно „отчужденія (!) дѣтей молоканъ отъ родителей“ въ селѣ Пришибѣ, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи. „Есть рѣшеніе уголовной палаты, — писалъ священникъ, — по которому, между прочимъ, въ случаѣ упорства въ заблужденіи совратившихся, дѣти должны быть отобраны отъ нихъ и, по крещеніи или присоединеніи, отданы на воспитаніе православнымъ родственникамъ“.

„Мы, приходскіе священники, — продолжаетъ авторъ воспоминаній, — выяснили начальству, что эта мѣра безполезна, если отдать дѣтей тутъ же въ селѣ Пришибѣ, такъ какъ ихъ (дѣтей) *болѣе 60-ти*, и большая часть изъ нихъ взрослыя — отъ 7 до 16 лѣтъ; едва ли кто найдется принять таковыхъ на свое попеченіе. Консисторія и палата приняли это во вниманіе и рѣшили отдать дѣтей въ другія волости Царевскаго уѣзда“.

Здѣсь миссіонеры оставались, такъ сказать, въ тѣни, дѣйствовали же главнымъ образомъ полицейскія власти. „По распоряженію исправника Кр—цкаго въ назначенное время съѣхались въ село Пришибъ изъ всѣхъ волостей сельскія власти съ людьми, которые пожелали взять себѣ на воспитаніе—конечно даровыхъ работниковъ“. „Власти съ понятыми и стражею — разсказываетъ священникъ — быстро осадили всѣ дома, гдѣ нужно было отбирать дѣтей, такъ что родители не успѣли укрыть ихъ. Берутъ, уводятъ и увозятъ. Отцы большею частью только упрашивали не отнимать у нихъ „чадушекъ“, не оказывая смѣлаго сопротивленія властямъ, но матери львицами встрѣчали полицейскихъ, хватали дѣтей въ объятія и замирали съ ними. Иныя вооружались чѣмъ попало противъ похитителей — такихъ боевыхъ несчастныхъ *въ цѣпяхъ уводили въ холодную*... Далеко слышенъ былъ велій вопль Рахилей. Дѣти плакали не меньше матерей, но они, озадаченныя, будто терялись и покорно отдавали себя чужимъ“ [1])...

Такъ описывалъ эти злыя, чудовищныя дѣла священникъ, одинъ изъ ихъ участниковъ, если не прямыхъ, то косвенныхъ — описывалъ въ оффиціальномъ органѣ епархіальнаго начальства. Естественно, что подобныя мѣры вызвали сильное озлобленіе противъ священниковъ и миссіонеровъ. „Досталось и намъ, священникамъ, немало на память, — пишетъ авторъ цитируемой нами статьи. — „Грозили насъ убить и поджечь. Къ моему товарищу,

[1]) „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1903 г., № 23. „Изъ памятки приходскаго пастыря“, стр. 1209—1211.

отцу І. Р—скому, врывался уже ночью въ домъ убійца съ топоромъ, но Господь не допустилъ. У меня лошадь уворовывали два раза. Окна въ двухъ рамахъ выбили ночью дубиной".

Только „черезъ годъ послѣдовалъ указъ возвратить родителямъ дѣтей". Выше мы уже говорили, чѣмъ вызванъ былъ этотъ указъ. При этомъ обнаружилось, что большая часть отобранныхъ дѣтей была уже дома, такъ какъ многихъ похитили ихъ родители съ помощью подкупа, другихъ увезли съ поля, въ рабочую пору и т. д.

Ужасная мѣра „отчужденія дѣтей отъ родителей" практиковалась по отношенію не однихъ только молоканъ, но и разныхъ другихъ сектантовъ. Она примѣнялась въ 1895-мъ году въ Области Войска Донского по отношенію къ хлыстамъ, извѣстнымъ тамъ подъ именемъ шелапутовъ. Въ „Пріазовскомъ Краѣ", въ концѣ 1897-го года, было напечатано подробное описаніе потрясающихъ сценъ, разыгравшихся въ селѣ Екатериновкѣ, Ростовскаго уѣзда, при отобраніи дѣтей отъ родителей-хлыстовъ. По словамъ автора этого описанія, здѣсь было получено „циркулярное (sic!) распоряженіе" объ отобраніи дѣтей, въ возрастѣ отъ 2-хъ до 11-ти лѣтъ, у сектантовъ завѣдомо вреднаго толка и объ отдачѣ ихъ на воспитаніе „благонадежнымъ жителямъ села, извѣстнымъ своимъ благочестіемъ и доброй нравственностью" [1]).

Наконецъ, были отдѣльные случаи отобранія дѣтей и отъ родителей-толстовцевъ. Особенную извѣстность получилъ случай отобранія дѣтей отъ князя Дмитрія Александровича Хилкова, бывшаго въ то время горячимъ послѣдователемъ идей Л. Н. Толстого. На этотъ разъ отобранныя дѣти не были заключены въ монастыри и не отдавались въ руки чужихъ, постороннихъ людей, а были переданы на воспитаніе родной бабкѣ ихъ, княгинѣ Хилковой.

Такъ „отчуждались" дѣти молоканъ, хлыстовъ, шелапутовъ и другихъ сектантовъ, издавна считавшихся нашей администраціей „особенно вредными". Но не думайте, что старообрядцы въ этомъ отношеніи находились въ лучшихъ условіяхъ. Отнюдь нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, что сообщалось въ 1897-мъ году въ старообрядческой газетѣ „Слово Правды", выходившей въ Румыніи.

„Кто повѣритъ, что на Руси отъ родителей отнимаютъ родныхъ дѣтей для того, чтобы воспитать ихъ въ духѣ господствую-

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этой исторіи приводятся въ книгѣ К. К. Арсеньева: „Свобода совѣсти и вѣротерпимость", Спб., 1905 г., стр. 193—198.

щаго православія!.. Однако на дѣлѣ это такъ. Крестьянинъ деревни Симоновки, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Ѳедоръ Родіоновъ, *отъ рожденія старообрядецъ*, женился на крестьянкѣ деревни Шанихи того же уѣзда, Евдокіи Давыдовой, *тоже старообрядкѣ*. Въ виду того, что родители были противъ этого брака, молодые обвѣнчались въ приходѣ господствующей церкви. Прибѣгая къ такой мѣрѣ, брачущіеся полагали, во-первыхъ, скорѣе закрѣпить бракъ свой со стороны гражданскаго закона, а во-вторыхъ, что такой безнравственный поступокъ ихъ не можетъ вызвать для нихъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. На дѣлѣ же вышло иначе. Въ 1896-мъ году, когда у сказанныхъ супруговъ было трое дѣтей отъ 4-хъ до 8-ми лѣтъ, мѣстный миссіонеръ возбудилъ противъ супруговъ Родіоновыхъ уголовное преслѣдованіе за совращеніе дѣтей „въ расколъ“. Поводомъ для такого обвиненія послужило то обстоятельство, что Родіоновы были обвѣнчаны въ православной церкви. Состоявшійся по этому дѣлу судъ призналъ Родіоновыхъ виновными и приговорилъ ихъ къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ каждаго, а дѣтей постановилъ отобрать и отдать опекуну господствующаго вѣроисповѣданія, чтобы воспитать ихъ въ духѣ такъ называемой „православной вѣры“. Вотъ какое насиліе творится на Руси по милости миссіонеровъ“ [1]).

Вообще мѣры, съ помощью которыхъ русское правительство и православная церковь старались подавить религіозныя движенія, шедшія въ разрѣзъ съ православіемъ, отличались большимъ разнообразіемъ. Тутъ и воинствующее миссіонерство, опирающееся на урядниковъ и становыхъ, тутъ и явный и тайный надзоръ полиціи, тутъ и штрафы, и обыски, и аресты и тюремныя заключенія и изгнанія изъ Россіи, и ссылки цѣлыми семьями, цѣлыми сотнями и даже тысячами людей, и безчисленные судебные процессы, и отобраніе дѣтей отъ сектантовъ и насильственное крещеніе, и церковныя отлученія, проклятія и анаѳемы, и, наконецъ, казацкія плети и нагайки, экзекуціи, наказанія розгами и палками и т. д.

Однако всѣхъ этихъ мѣръ, оказывается, было недостаточно церковной и гражданской администраціи, чтобы остановить все разраставшіяся религіозныя теченія анти-православнаго характера. У церкви и правительства было еще одно по истинѣ страшное наказаніе, которое очень часто примѣнялось по отношенію лицъ, имѣвшихъ несчастье возбудить противъ себя обвиненіе въ томъ

[1]) „Слово Правды“, 1897 г., № 3, стр. 48.

или иномъ проступкѣ или преступленіи противъ церкви или религіи. Мы говоримъ о ссылкѣ въ монастыри и о „заточеніи“ въ монастырскія тюрьмы. Теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „монастырскія заточенія“ широко практиковались у насъ духовными и свѣтскими властями до самаго послѣдняго времени, а именно вплоть до амнистіи 1905-го года. Даже первые годы XX-го столѣтія были опозорены у насъ существованіемъ монастырской крѣпости,—при Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ,—сырые и мрачные казематы которой нерѣдко переполнялись заключенными, попадавшими туда обыкновенно безъ всякаго суда и гнившими тамъ въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, весьма часто—до самой смерти.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что ссылка въ монастыри и заточеніе въ монастырскія тюрьмы примѣнялись у насъ не только за самые разнообразные преступленія и проступки религіознаго, политическаго и обще-уголовнаго характера, но очень часто за дѣянія, совершенно ненаказуемыя никакимъ закономъ, какъ, напримѣръ, за этическіе и религіозные взгляды, мнѣнія и убѣжденія. И все это творилось, повторяемъ, въ административномъ порядкѣ, безъ всякаго суда, а нерѣдко и безъ слѣдствія, иногда же—какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ Рахова [1])—*вопреки*, наперекоръ рѣшенію суда. Слѣдуетъ замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ заключеніе въ монастырскія тюрьмы происходило по представленіямъ св. синода, согласно ходатайствамъ епархіальныхъ архіереевъ.

VII.

О томъ, что происходитъ сейчасъ.

Насъ могутъ упрекнуть, что мы слишкомъ много удѣлили вниманія тому, что̀ осталось уже позади, что̀ пройдено и осуждено. Но мы считали необходимымъ напомнить о печальныхъ и мрачныхъ явленіяхъ, которыя еще такъ недавно, на глазахъ у всѣхъ, происходили у насъ. Вѣдь это не исторія—это вчерашній день, роковыя послѣдствія котораго до сихъ поръ еще слишкомъ болѣзненно заявляютъ о себѣ: раны еще не зажили,

[1]) Исторія ссылки и заключенія Рахова въ Суздальскую тюрьму описана въ книгѣ автора настоящей статьи: „Въ казематахъ“, Спб., 1909 г.

язвы еще сочатся. Правительственная политика и сейчасъ все еще колеблется, все еще не рѣшается прямо и безповоротно порвать съ этимъ мрачнымъ прошлымъ...

„Конечно, съ момента 17-го апрѣля 1905 года открылись новые горизонты; конечно, съ момента 17-го апрѣля 1905 года никакихъ гоненій, никакихъ притѣсненій не можетъ быть". Такъ увѣренно, съ апломбомъ, говорилъ въ Государственной Думѣ 12-го мая одинъ изъ лидеровъ крайнихъ правыхъ... Что это? Сознательный самообманъ, намѣренное нежеланіе знать и видѣть то, что̀ совершается въ жизни, или же что-нибудь другое? Не будемъ доискиваться причинъ и мотивовъ, побуждающихъ людей утверждать очевидную неправду, а вмѣсто того посмотримъ, что̀ происходитъ у насъ сейчасъ на самомъ дѣлѣ въ той области, которая насъ интересуетъ.

Послѣ нѣкотораго перерыва, очень непродолжительнаго, газеты снова начали чуть не ежедневно приносить извѣстія о разныхъ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ опять стали подвергаться у насъ старообрядцы и послѣдователи разныхъ религіозныхъ ученій и сектъ, начиная отъ баптистовъ и кончая толстовцами. Замѣчательно, что въ самое послѣднее время, не смотря на благопріятное разрѣшеніе Государственной Думой вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, случаи подобныхъ стѣсненій происходятъ все чаще и чаще. Обстоятельство это не можетъ, разумѣется, не остановить на себѣ особаго вниманія общества. Отмѣтимъ здѣсь хотя нѣкоторые случаи религіозныхъ преслѣдованій, имѣвшіе мѣсто въ теченіе *только* этого года.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1909-го года въ Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, полиція воспретила старообрядцамъ устраивать молитвенныя собранія, въ чемъ и отобрала отъ нихъ подписку, подъ угрозой „законной отвѣтственности". Старообрядцы принуждены были выбрать представителей отъ каждаго села для хлопотъ предъ губернаторомъ о разрѣшеніи безпрепятственно собираться для молитвы.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ владимірскій губернаторъ циркуляромъ отъ 24-го числа, за № 1303, далъ знать уѣзднымъ исправникамъ, что „крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ послѣдователей *раскола* закономъ воспрещаются", при чемъ онъ ссылался на примѣчаніе къ статьѣ 46-ой устава о пред. преступленій. Въ свою очередь исправники, конечно, не замедлили отъ себя разослать такіе же точно циркуляры становымъ приставамъ „для надлежащаго руководства и исполненія". Такимъ образомъ старообрядцы цѣлой губерніи вдругъ были лишены правъ,

предоставленныхъ имъ закономъ и которыми они пользовались уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, власти запрещаютъ крестьянамъ-баптистамъ собираться въ частныхъ домахъ для совершенія моленій. Жалобы ихъ губернатору на эти стѣсненія не имѣли никакого успѣха; кіевскій губернаторъ „запрещаетъ даже собираться тѣмъ общинамъ, которыя уже утверждены". Дѣйствія кіевской администраціи баптисты обжаловали министру внутреннихъ дѣлъ, который и указалъ на неправильность толкованія губернаторомъ Высочайшаго указа о свободѣ вѣроисповѣданія и „предложилъ ему не чинить препятствій баптистамъ, а только имѣть надъ ними наблюденіе".

Нѣкоторые губернаторы закрываютъ молитвенныя собранія сектантовъ только на томъ основаніи, что на этихъ собраніяхъ присутствовали лица православнаго исповѣданія. Предусмотрительные администраторы никакъ не хотятъ допустить такого соблазна. Многочисленныя жалобы сектантовъ на этотъ грубый произволъ долгое время не имѣли никакого результата. Наконецъ министерство должно было особымъ разъясненіемъ указать губернаторамъ на незаконность ихъ дѣйствій.

Однако подобныя „разъясненія" и „предложенія" что-то плохо дѣйствуютъ на мѣстныхъ администраторовъ, въ числѣ которыхъ, какъ извѣстно, нерѣдко встрѣчаются теперь лица, очень мало считающіяся съ распоряженіями, идущими отъ „конституціоннаго министерства", и предпочитающія придерживаться собственной политики, хотя и несогласной съ конституціей, но за то встрѣчающей надежную поддержку вліятельныхъ сферъ. И вотъ мы видимъ, что обыски, набѣги полиціи на дома сектантовъ, аресты, сажаніе въ холодную и даже ссылки въ административномъ порядкѣ—все это и сейчасъ еще въ широкихъ размѣрахъ практикуется въ Россіи по отношенію религіозныхъ отщепенцевъ.

Въ январѣ этого года „Таганрогскій Вѣстникъ" (№ 24) сообщалъ, что сектанты слободы Матвѣевъ-Курганъ, отправляясь на собесѣдованіе съ православнымъ миссіонеромъ, считаютъ необходимымъ предварительно сдѣлать всѣ распоряженія по хозяйству, такъ какъ вполнѣ увѣрены въ томъ, что „съ собесѣдованія прямымъ путемъ пойдутъ въ холодную". Какъ ни поразительна уже сама по себѣ подобная увѣренность, но еще болѣе поразительно то, что она дѣйствительно оправдывается, и крестьяне-сектанты то и дѣло попадаютъ въ „холодную", гдѣ нерѣдко ихъ держатъ до тѣхъ поръ, пока они не дадутъ „обѣщанія воз-

вратиться въ лоно православія". Газета приводитъ имена и фамиліи тѣхъ крестьянъ-сектантовъ, которые, сидя въ холодной, дали такую подписку и затѣмъ были освобождены, а также фамиліи тѣхъ крестьянъ, которые продолжали оставаться въ холодной, такъ какъ отказывались дать требуемое обязательство.

Во многихъ губерніяхъ мѣстныя власти, особенно уѣздныя, ни за что не хотятъ дѣлать различія между политическими митингами и молитвенными собраніями сектантовъ, и упорно примѣняютъ къ этимъ послѣднимъ законъ 4-го марта 1906-го года. Особенно это наблюдается въ мѣстностяхъ, находящихся на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Здѣсь сплошь и рядомъ сектанты за устройство молитвенныхъ собраній и участіе въ нихъ подвергаются заключенію въ тюрьмѣ или въ холодной. Нынѣшней весной газеты сообщали о цѣломъ рядѣ подобныхъ фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Въ мартѣ мѣсяцѣ въ селѣ Николаевкѣ, Славяносербскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, становой приставъ арестовалъ 11 сектантовъ, „очевидно штундистовъ",—какъ передавали газеты; вся вина ихъ состояла въ томъ, что они хотѣли сообща помолиться Богу.

Особенно широко практикуются такого рода аресты въ мѣстностяхъ, находящихся подъ управленіемъ администраторовъ, принадлежащихъ къ пресловутому „союзу русскаго народа", въ родѣ генераловъ Толмачева или Думбадзе. Въ Одессѣ, напримѣръ, арестуются не только собранія сектантовъ, сошедшихся на общую молитву, но даже цѣлые съѣзды сектантовъ, въ полномъ составѣ. Такъ, 7-го мая этого года, на Жеваховой горѣ полиціей были арестованы 192 баптиста, въ томъ числѣ 30 женщинъ, „за устройство незаконнаго собранія".

Многіе случаи какъ нельзя лучше показываютъ, что наши губернскія и епархіальныя власти до сихъ поръ не хотятъ знать новыхъ законоположеній, относящихся до вѣроисповѣднаго вопроса, не желаютъ считаться съ ними и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаютъ по отношенію къ старообрядцамъ и сектантамъ прежнюю, старую практику, существовавшую задолго до конституціи. Вотъ яркій примѣръ.

Конотопская община евангелическихъ христіанъ — баптисты тожъ—обратилась въ черниговское губернское правленіе съ просьбой о регистраціи. Вмѣсто того, чтобы немедленно удовлетворить вполнѣ законное ходатайство, губернское правленіе обращается, по старому обыкновенію, къ епархіальному начальству, съ просьбой сообщить свое заключеніе по ходатайству конотоп-

ской общины баптистовъ. Въ свою очередь и епархіальное начальство считаетъ долгомъ указать губернскому правленію, что „ученіе евангелическихъ христіанъ несогласно съ ученіемъ православной церкви и оказываетъ пагубное вліяніе на населеніе, почему секта эта признается вредной для сыновъ православной церкви". Получивъ столь компетентное „разъясненіе", губернское правленіе немедленно отказываетъ конотопской общинѣ въ регистраціи. И подобный произволъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ.

Правда, въ самые послѣдніе дни министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщаетъ „Россія", изданъ цѣлый рядъ циркуляровъ, въ которыхъ указывается мѣстнымъ властямъ на полную незаконность разнаго рода стѣсненій и ограниченій, допускаемыхъ ими по отношенію къ старообрядцамъ и сектантамъ. Но помогутъ ли дѣлу эти циркуляры, если общій характеръ отношеній высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей къ религіознымъ отщепенцамъ остается прежній, если правительство старательно подчеркиваетъ свое непремѣнное желаніе идти въ этомъ вопросѣ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ св. синодомъ, взгляды котораго на вѣротерпимость, конечно, слишкомъ хорошо извѣстны русскому обществу.

И вотъ, въ селахъ и деревняхъ снова начинаютъ разыгрываться тѣ же самыя сцены, которыя постоянно и повсюду происходили въ побѣдоносцевскія времена. Во многихъ мѣстностяхъ власти не разрѣшаютъ крестьянамъ „собираться вмѣстѣ для чтенія евангелія, для бесѣдъ о словѣ Божіемъ". Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года къ крестьянину деревни Тетлеги, Зміевскаго уѣзда, Харьковской губерніи, пріѣхали изъ Харькова родственники и знакомые, въ числѣ пяти человѣкъ—двое мужчинъ и три женщины. Такъ какъ у пріѣхавшихъ оказались евангелія и библіи, то началось чтеніе. Объ этомъ узнаетъ мѣстный священникъ, который остается этимъ крайне недоволенъ. Разбранивъ пріѣзжихъ чтецовъ, батюшка напустилъ на нихъ сельскаго старосту. Дѣло кончается тѣмъ, что всѣхъ пятерыхъ пріѣзжихъ арестуютъ, вмѣстѣ съ библіями, и затѣмъ съ десятскимъ отправляютъ въ волостное правленіе, какъ „шатающихся по деревнѣ и развращающихъ народъ". Здѣсь, послѣ цѣлаго ряда непріятностей, съ нихъ взята была подписка о немедленномъ выѣздѣ изъ предѣловъ волости, а библіи были арестованы.

Но и этимъ дѣло не ограничивается. По прежнему въ разныхъ концахъ Россіи начинаются избіенія сектантовъ. Нападенія на баптистовъ и штундистовъ и случаи жестокаго избіенія ихъ

все болѣе учащаются. Въ большинствѣ случаевъ эти избіенія происходятъ, какъ и въ прежнее время, при благосклонномъ содѣйствіи, а иногда и при участіи представителей сельской власти, полиціи и даже духовенства; послѣднему нерѣдко принадлежитъ иниціатива. Въ теченіе 1909-го года газеты сообщали о многихъ фактахъ подобныхъ избіеній; особенно возмутительнымъ характеромъ отличались избіенія, имѣвшія мѣсто въ январѣ этого года въ селѣ Федоровкѣ, Елисаветградскаго уѣзда.

Здѣсь, по обыкновенію, дѣло началось съ того, что мѣстный батюшка счелъ нужнымъ произнести съ амвона нѣсколько проповѣдей о вредѣ и опасности „штундистовъ", подразумѣвая подъ этой кличкой евангелическихъ христіанъ-баптистовъ. Проповѣди эти произвели сильное возбужденіе среди православнаго населенія и вызвали озлобленіе противъ мѣстныхъ баптистовъ, главнымъ образомъ противъ двухъ крестьянъ, братьевъ Герасима и Луки Чайко, которые считались проповѣдниками „евангелическаго ученія". Воспрянули и сельскія власти.

По приказанію сельскаго старосты, Герасимъ и Лука были вытребованы на расправу и подвергнуты жестокому истязанію: ихъ сѣкли розгами „толстыми, съ колючками", при чемъ эта „экзекуція" продолжалась болѣе часа. Истязаніе было прекращено лишь тогда, „когда все тѣло избиваемыхъ покрылось сплошными рубцами и кровь потекла имъ въ сапоги". Послѣ этого избитыхъ сектантовъ отвели, за семь верстъ, въ волостное правленіе, и здѣсь продержали ихъ подъ арестомъ до вечера. Спустя день послѣ этого, Герасима и Луку Чайко вновь потребовали въ волость, гдѣ они застали урядника, своего сельскаго старосту и писаря.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ ихъ урядникъ.

Лука Чайко, вынувъ изъ кармана евангеліе, отвѣчалъ: „Вотъ мы чѣмъ занимаемся; читаемъ евангеліе и слушаемъ нашего Господа Іисуса Христа, который открылъ намъ свѣтъ истины и правды".

Этотъ отвѣтъ почему-то приводитъ урядника въ ярость; онъ начинаетъ топать ногами и кричать: „Что вы понимаете въ евангеліи! Вы — штунды!" и бьетъ по лицу Герасима Чайко. Затѣмъ, обращаясь къ бывшей тутъ же толпѣ крестьянъ, говоритъ имъ: „Я тутъ ничего не могу сдѣлать, на это ваша власть, *вы можете и убить ихъ*, чтобы искоренить (ересь), пока ихъ только трое, чтобы не заражали остальныхъ". Не ограничиваясь подобными поучительными разъясненіями, онъ находитъ нужнымъ, по исконному полицейскому обычаю, „поучить" штундистовъ.

Призвавъ Герасима и Луку Чайко въ писарскую комнату, онъ „съ остервенѣніемъ набрасывается на нихъ и при помощи старосты и писаря наноситъ имъ жестокіе побои по лицу, бросая ихъ головой отъ одной стѣны до другой, сопровождая избіеніе самой отборной площадной руганью и издѣвательствами надъ несчастными сектантами“.

Потерпѣвшіе подали жалобы прокурору и губернатору, а также обратились съ просьбами къ членамъ Государственной Думы: предсѣдателю вѣроисповѣдной коммиссіи П. В. Каменскому и депутату Таврической губерніи З. Д. Захарову. Очень вѣроятно, что на этотъ разъ потерпѣвшіе найдутъ себѣ защиту; но самая возможность подобныхъ возмутительныхъ происшествій является тяжелымъ укоромъ для конституціонной Россіи, свидѣтельствуя о томъ, какъ далека еще отъ насъ даже самая элементарная вѣротерпимость.

На первый взглядъ представляется особенно поразительнымъ то, что многіе изъ приведенныхъ нами фактовъ имѣли мѣсто уже *послѣ* того, какъ Государственная Дума приняла вѣроисповѣдный законопроектъ, отвергнувъ тѣ ограниченія, на которыхъ столь рѣшительно настаивалъ представитель правительства. Чѣмъ же слѣдуетъ объяснить столь странный и непонятный фактъ? Единственно, конечно, тѣмъ, что въ глазахъ нашихъ властей до сихъ поръ рѣшающее значеніе имѣютъ не постановленія Государственной Думы, а заявленія и желанія правительства.

При обсужденіи Думой вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, представитель правительства, настаивая на принятіи разныхъ ограниченій, весьма внушительно подчеркнулъ ту позицію, которую рѣшило занять правительство въ этомъ вопросѣ. „Тѣсное единеніе съ святѣйшимъ синодомъ“—вотъ тотъ лозунгъ, который правительство кладетъ въ основу своихъ отношеній къ вопросу о свободѣ совѣсти. Эта краткая формула говоритъ слишкомъ много уму и сердцу русскаго человѣка и особенно русскаго чиновника, такъ какъ всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, что̀ представляла и представляетъ собою политика св. синода въ области религіозной свободы. Нужно ли удивляться, послѣ этого, что свѣтскія и духовныя власти сочли долгомъ реагировать извѣстнымъ образомъ на заявленіе представителя правительства? Этимъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени слѣдуетъ объяснить замѣтное усиленіе религіозныхъ репрессій именно послѣ рѣшенія вѣроисповѣднаго вопроса въ Государственной Думѣ.

И вотъ, невольно встаютъ тревожные вопросы: что̀ же бу-

детъ тогда, когда вѣроисповѣдные законопроекты будутъ отвергнуты или же пройдутъ съ тѣми урѣзками и ограниченіями, на которыхъ настаивали представитель правительства и депутаты крайней правой? Какъ отразится это на настроеніи епархіальныхъ и губернскихъ властей, на ихъ отношеніяхъ къ старообрядцамъ и сектантамъ? Какимъ тономъ заговорятъ тогда синодальные отцы и господа миссіонеры?

VIII.

Преслѣдованія толстовцевъ.

Въ число сектантовъ и еретиковъ у насъ давно уже попалъ „великій писатель земли русской“, — писатель, геній котораго паритъ на самыхъ идеальныхъ высотахъ человѣческаго духа. Съ 1887-го года Л. Н. Толстой оффиціально числится „ересіархомъ“ и основателемъ особой секты, которая признается властями крайне вредной. За это знаменитому писателю одно время угрожало заключеніе въ Суздальскую крѣпость; однако мѣра эта была рѣшительно отвергнута императоромъ Александромъ III, и нѣкоторое время бюрократія видимо не рѣшалась трогать Толстого [1]).

Преслѣдованія бюрократіи направились на послѣдователей религіозно-этическаго ученія великаго писателя. Многіе изъ нихъ подверглись административной ссылкѣ въ разныя захолустья. Въ результатѣ этихъ преслѣдованій цѣлый рядъ лицъ вынужденъ былъ тогда оставить Россію и уѣхать за границу. Въ числѣ этихъ лицъ были князь Д. А. Хилковъ, В. Г. Чертковъ, П. И. Бирюковъ, И. М. Трегубовъ. Особенно суровыя преслѣдованія выпали въ то время на долю духоборовъ, которые массами принимали ученіе Толстого и спѣшили провести въ жизнь главныя его идеи объ отрицаніи войны, оружія и всякаго насилія. Жестокія, безпощадныя мѣры, принятыя, подъ вліяніемъ Побѣдоносцева, противъ духоборовъ, принявшихъ ученіе Толстого о непротивленіи, закончились массовымъ бѣгствомъ ихъ въ Америку.

Съ введеніемъ у насъ конституціи, отношеніе бюрократіи къ Л. Н. Толстому и послѣдователямъ его ученія ни въ чемъ не

[1]) Вплоть до 1901-го года, когда состоялось опредѣленіе св. синода объ отлученіи Л. Н. Толстого отъ церкви.

измѣнилось къ лучшему. Въ то время, какъ цивилизованный міръ чтитъ въ Толстомъ, помимо его художественнаго генія, великаго философа-моралиста, напоминающаго людямъ о возвышеннѣйшихъ принципахъ жизни, о вѣчныхъ идеалахъ человѣчества, русская бюрократія продолжаетъ третировать его какъ еретика, какъ основателя „особенно вредной“ секты, которую въ интересахъ господствующей церкви и государства необходимо искоренять всѣми средствами.

Конечно, самого Толстого трогать не рѣшаются, но за то его сочиненія подвергаются усиленнымъ преслѣдованіямъ. Правительство принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы лишить Толстого возможности развивать въ печати свое ученіе, свои религіозно-этическіе взгляды. Почти всѣ его произведенія, появляющіяся въ послѣднее время, подвергаются запрещенію, аресту и конфискаціи. Изъ свѣдѣній, опубликованныхъ въ этомъ году главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати [1]), видно, что среди авторовъ, на сочиненія которыхъ наложенъ арестъ, Л. Н. Толстой занимаетъ *первое* мѣсто. Изъ сочиненій великаго писателя арестовано *22 изданія*. Періодическія изданія, рискующія помѣщать статьи „величайшаго изъ современныхъ писателей“, немедленно подвергаются карамъ.

Очевидно русская цензура поставила себѣ цѣлью не давать Толстому говорить. Но этого мало: не даютъ даже другимъ говорить о Толстомъ. Два тома біографіи Л. Н. Толстого, написанные П. И. Бирюковымъ въ самомъ спокойномъ тонѣ и состоящіе главнымъ образомъ изъ сырого матеріала, запрещены цензурой. Запрещенъ цѣлый рядъ изданій „Посредника“, посвященныхъ Толстому. Безпрестанныя, систематическія конфискаціи, которымъ подвергается „Посредникъ“ за послѣднее время со стороны московской цензуры и администраціи, почти разорили эту фирму, немало поработавшую для русской культуры. „Русскія Вѣдомости“ за статью, посвященную Толстому по поводу 81-й годовщины его рожденія, подверглись штрафу въ 500 рублей. Что же касается послѣдователей Толстого, то конституціонное правительство по прежнему расправляется съ ними самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Тѣ изъ „толстовцевъ“, которые, повѣривъ нашему обновленію, вернулись изъ-за границы въ Россію, теперь вѣроятно горько раскаяваются въ этомъ, такъ какъ имъ на первыхъ же

[1]) „Алфавитный указатель книгамъ и брошюрамъ, арестъ на которыя утвержденъ судебными установленіями по 1-ое января 1909 года“. Спб., 1909.

порахъ пришлось убѣдиться, какъ далека еще наша родина отъ свободы совѣсти. Въ теченіе послѣдняго года за распространеніе сочиненій Толстого приговорены къ заключенію въ крѣпости многія лица. Такъ напримѣръ, въ Петербургѣ Н. Е. Фельтенъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на полгода, въ Казани крестьянинъ Григорьевъ—на 8 мѣсяцевъ, въ Новгородѣ В. А. Молочниковъ—на годъ.

Замѣчательно, что при конституціи наши суды проявляютъ гораздо бо́льшую строгость по отношенію къ послѣдователямъ Толстого, чѣмъ это было при прежнемъ режимѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905-го года особое присутствіе харьковской судебной палаты, разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію группы лицъ [1]) въ распространеніи сочиненій Толстого, изданныхъ за границей „эмигрантомъ Чертковымъ", оправдало всѣхъ обвиняемыхъ. Интересны мотивы этого рѣшенія. „Принимая во вниманіе, что по обвинительному акту подсудимымъ приписывается лишь распространеніе сочиненій Л. Н. Толстого, при чемъ сочиненіямъ этимъ придается значеніе одинаковое съ революціонными, возбуждающими къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя; что такой взглядъ на сочиненія Л. Н. Толстого представляется очевидно ошибочнымъ, ибо ни въ одномъ изъ сочиненій Толстого нельзя найти призыва къ ниспроверженію государственнаго строя и въ обвинительномъ актѣ не приведено указаній на такія положенія изъ сочиненій Толстого, которыя подкрѣпляли бы такой взглядъ на эти сочиненія; что Л. Н. Толстой—философъ и моралистъ и никогда въ литературной своей дѣятельности революціонныхъ взглядовъ не проповѣдывалъ", а потому и т. д.

О такихъ приговорахъ при конституціи что-то не слыхать. Наоборотъ, теперь судъ очевидно уже совсѣмъ иначе относится къ сочиненіямъ знаменитаго писателя-моралиста, и людей, обвиняемыхъ въ распространеніи ихъ, неизмѣнно приговариваетъ къ заключенію въ крѣпости. Въ борьбѣ съ „толстовствомъ" конституціонное правительство по прежнему очень охотно прибѣгаетъ и къ административной расправѣ. Высылка В. Г. Черткова изъ Тульской губерніи, гдѣ онъ только что устроился-было по сосѣдству съ Ясной Поляной, обыскъ въ Костромѣ у П. И. Бирюкова, ссылка секретаря Толстого, Н. Н. Гусева, въ одинъ изъ самыхъ глухихъ уѣздовъ Пермской губерніи—всѣ эти факты, конечно, еще свѣжи въ памяти читателей.

---

[1]) Помѣщикъ Воронежской губерніи Н. Д. Ростовцевъ, мѣщане Ивановъ и Лопуховъ и жена личнаго почетнаго гражданина Щепакова.

Представители правительства обыкновенно стараются оправдать необходимость преслѣдованій „толстовцевъ“ якобы крайне вреднымъ характеромъ ученія Толстого, проникнутаго, по ихъ мнѣнію, анархическими тенденціями. Страшное слово „анархизмъ“ дѣлаетъ, конечно, свое дѣло, производя на публику, подобно „жупелу“, извѣстное впечатлѣніе. Но пора же наконецъ понять, что однимъ и тѣмъ же именемъ называются иногда весьма различныя теченія. Анархизмъ князя П. А. Кропоткина существенно отличается отъ мирнаго, построеннаго на евангеліи, религіознаго ученія Л. Н. Толстого. И однако Кропоткинъ свободно проповѣдуетъ свои взгляды въ столицѣ Англіи, издавая съ этой цѣлью собственный органъ печати. Между тѣмъ какъ „великій старецъ“, къ словамъ котораго прислушивается весь цивилизованный міръ—„солнце русской литературы“,—лишенъ возможности у себя на родинѣ дѣлиться съ читателями своими мыслями о религіи и нравственности, а лица, способствующія распространенію его сочиненій на религіозно-этическія темы, подвергаются суровымъ административнымъ преслѣдованіямъ и уголовнымъ карамъ.

IX.

Наше обновленіе.

Безотрадная картина современной русской дѣйствительности въ области вѣротерпимости, бѣгло очерченная нами въ двухъ предыдущихъ главахъ, невольно вызываетъ вопросъ: гдѣ же причина такого печальнаго явленія? Почему всѣ указы, манифесты, рескрипты о водвореніи у насъ вѣротерпимости до сихъ поръ не входятъ въ жизнь, остаются мертвой буквой, не достигаютъ цѣли?

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что виною всему главнымъ образомъ является та самая двойственная, лицемѣрная политика, которая съ давнихъ поръ усвоена нашей бюрократіей и о которой мы уже говорили. Теперь эта политика, прикрываясь лозунгомъ: „сначала успокоеніе, а затѣмъ — реформы“, рѣшительно вступила на путь безпощадныхъ репрессій, совершенно забывъ свои громкія обѣщанія и совсѣмъ не желая считаться съ тѣмъ, что осуществленіе давно назрѣвшихъ реформъ и является лучшимъ и наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ умиротворенія страны.

Между тѣмъ еще такъ недавно былъ моментъ, когда всѣ повѣрили-было въ возможность и близость полнаго обновленія, полнаго возрожденія Россіи — культурнаго, политическаго и соціальнаго. Всѣ ждали, что это обновленіе прежде всего коснется области культуры, религіи, церкви, народнаго просвѣщенія и воспитанія. Ждали пробужденія дремлющихъ силъ русскаго народа, ждали освобожденія отъ полицейско-жандармскаго гнета, отъ назойливой церковно-побѣдоносцевской опеки, освобожденія народнаго духа, народнаго творчества и генія. Печальная дѣйствительность очень скоро безжалостно разрушила всѣ эти надежды.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ колебаній и уступокъ, вынужденныхъ общественнымъ движеніемъ, правительственная политика снова пошла по старымъ, наѣзженнымъ колеямъ. Теперь для всѣхъ уже вполнѣ ясно, что никакого обновленія не произошло. „Успокоеніе“ давно уже наступило, а правительственныя сферы именно теперь не обнаруживаютъ ни малѣйшаго стремленія къ тому, чтобы выполнить данныя обѣщанія.

Что касается духовнаго вѣдомства, то тутъ дѣло обстоитъ еще хуже. Кіевскій миссіонерскій съѣздъ демонстративно показалъ, какъ относится вліятельная часть нашего духовенства къ вопросу о возрожденіи Россіи, въ чемъ она видитъ залогъ ея развитія. Реакціонныя постановленія этого съѣзда вызвали взрывъ общественнаго негодованія; но къ нимъ сочувственно отнесся святѣйшій синодъ. Результаты такой политики не замедлили, конечно, сказаться.

Со времени кіевскаго миссіонерскаго съѣзда, наше воинствующее миссіонерство особенно подняло голову и открыто, рѣшительно выступило на политическую арену, занявъ на ней вполнѣ опредѣленную позицію. Являясь авангардомъ черносотенной части православнаго духовенства, миссіонерство стало въ явную оппозицію какъ къ Государственной Думѣ, такъ и ко всему тому, что̀ связано съ обновленіемъ общественнаго строя.

Шефъ миссіонеровъ г. Скворцовъ, „чиновникъ особыхъ порученій св. синода“, идетъ рука объ руку съ г. Пуришкевичемъ. Айвазовы и Восторговы выбиваются изъ силъ, чтобы занять позицію „правѣе Дубровина“ и Булацеля. Многочисленные органы миссіонеровъ, въ родѣ „Колокола“, „Почаевскихъ Извѣстій“, „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, „Саратовскаго Братскаго Листка“ и т. п., грубо поносятъ все то, что̀ только напоминаетъ свободу совѣсти, издѣваются надъ стремленіями обезпечить вѣротерпимость въ Россіи и ведутъ отчаянную атаку противъ Государ-

ственной Думы за принятіе вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ. Усвоивъ боевой, враждебный тонъ по отношенію ко всему тому, что связано съ обновленіемъ общественнаго строя, миссіонерскіе органы, руководимые чиновниками св. синода, настойчиво твердятъ о необходимости возвращенія Россіи къ тѣмъ старымъ порядкамъ, которые царили у насъ до 17 октября 1905 года, о которыхъ съ такимъ ужасомъ вспоминаетъ населеніе, но при которыхъ такъ хорошо чувствовали себя представители бюрократіи и въ частности господа и отцы миссіонеры.

И вотъ, мы повсюду встрѣчаемъ теперь тѣхъ же самыхъ миссіонеровъ, которые еще такъ недавно производили обыски въ домахъ старообрядцевъ и сектантовъ, отбирали отъ нихъ книги и иконы, разгоняли ихъ молитвенныя собранія, охотились, вмѣстѣ съ урядниками, за старообрядческими священниками и монахами, отбирали дѣтей отъ родителей-сектантовъ, насильно крестили ихъ, запирали въ монастыри и т. д. По прежнему дѣйствуютъ тѣ же церковныя власти, которыя еще недавно заточали въ казематы Суздальской крѣпости людей, виновныхъ лишь въ томъ, что ихъ религіозныя и этическія убѣжденія не согласовались со взглядами Побѣдоносцева и Скворцова. Словомъ, вездѣ и всюду тѣ же самые дѣятели, съ тѣми же настроеніями.

За долгій періодъ своего существованія наши миссіонеры слишкомъ привыкли играть роль полицеймейстеровъ по отношенію старообрядцевъ и сектантовъ. Это вошло у нихъ въ плоть и кровь. По слѣдамъ миссіонеровъ шла значительная часть православнаго духовенства. Благодаря этому между миссіонерами и православнымъ духовенствомъ, съ одной стороны, и населеніемъ, порвавшимъ связь съ господствующей церковью, съ другой— издавна установились крайне ненормальныя, въ высшей степени непріязненныя отношенія. Эти отношенія особенно ярко сказываются на югѣ, гдѣ нерѣдко можно слышать отъ крестьянъ, порвавшихъ связи съ господствующей церковью, такія заявленія: „освободились отъ пановъ, освободимся и отъ поповъ!...“ Въ глазахъ этихъ людей духовенство несетъ съ собой моральное рабство, порабощеніе духа, своего рода духовное крѣпостное право.

Измѣнить къ лучшему эти отношенія врядъ ли возможно. Преобразованія института противосектантскихъ миссіонеровъ, хотя бы и самыя коренныя, едва ли помогутъ дѣлу. Необходимо признать, что этотъ институтъ давно уже отжилъ свой вѣкъ. Для каждаго безпристрастнаго человѣка полная его безполезность не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ и гдѣ выразились результаты его дѣятельности? Какія

заслуги могутъ указать наши миссіонеры, призванные для борьбы съ старообрядчествомъ и сектантствомъ?.. Ихъ нѣтъ. И потому, этотъ институтъ, причинившій Россіи и русскому народу такъ много зла, вызвавшій столько озлобленія даже въ самой мирной средѣ и сдѣлавшійся ненавистнымъ для огромной массы искренно вѣрующихъ людей—долженъ быть упраздненъ.

И чѣмъ скорѣе это произойдетъ, тѣмъ больше, конечно, выиграетъ дѣло религіи вообще и дѣло православія въ частности. Въ то же время это будетъ первымъ крупнымъ шагомъ на пути дѣйствительнаго обновленія.

А пока что, наше ближайшее будущее рисуется въ темныхъ и мрачныхъ тонахъ. И если въ Государственномъ Совѣтѣ вѣроисповѣдные законопроекты пройдутъ съ тѣми ограниченіями и оговорками, которыя подъ давленіемъ синода были выдвинуты въ послѣднее время правительствомъ и которыя такъ рѣшительно отвергнуты даже третьей, столь послушной Государственной Думой, то можно съ полной увѣренностью предсказать, что положеніе старообрядцевъ и сектантовъ въ Россіи существенно не измѣнится къ лучшему, и если не сразу, то постепенно неизбѣжно возродятся многія изъ тѣхъ стѣсненій и преслѣдованій, которыя такъ долго угнетали, такъ долго калѣчили жизнь этихъ людей.

А. Пругавинъ.

„ГОЛУБАЯ КУКУШКА“

(Романъ Эмиля Эртля).

(„Die Leute aus dem Blauen Gukuckshaus“. Roman von Emil Ertl. Leipzig, 1908.)

Окончаніе *).

Вскорѣ въ Вѣнѣ разнеслась печальная вѣсть, что Наполеонъ уже въ Шёнбруннѣ. Въ день Вознесенія Господня старый Пимперъ вышелъ на Маріахильферштрассе погулять и посмотрѣть, что̀ дѣлается въ городѣ. Вернувшись, онъ прошелъ въ верхній этажъ, къ молодымъ, чтобы подѣлиться съ Фанни свѣжими новостями. Фанни не отвѣтила ни звукомъ на его разсказы. Онъ замѣтилъ, что глаза у нея были заплаканы.

— Гдѣ Томасъ?—спросилъ Пимперъ, предчувствуя недоброе.

Фанни расплакалась и протянула ему письмо.

Въ короткихъ, простыхъ словахъ Томасъ извѣщалъ, что идетъ на бастіоны сражаться съ врагомъ, такъ какъ не можетъ больше смотрѣть равнодушно на общую бѣду. Онъ боялся, что не въ состояніи будетъ противиться просьбамъ нѣжно любимой жены и дорогихъ родителей, и потому ничего не говорилъ имъ о своемъ намѣреніи. Въ заключеніе Томасъ просилъ простить его и любить по прежнему, если онъ вернется живымъ.

„Англійскій лордъ“ былъ глубоко потрясенъ. Онъ спросилъ, знаетъ ли объ этомъ жена. Нѣтъ, Фанни не рѣшилась что-либо сказать матери.

---

*) См. октябрь, стр. 574.

Когда Пимперъ и Фанни осторожно сообщили „лэди“ о случившемся, она разразилась жалобами на злосчастный годъ, не принесшій ничего хорошаго. Выговоривъ свое горе, „лэди“ успокоилась и стала утѣшать себя и другихъ тѣмъ, что пули рѣдко попадаютъ, особенно если сидѣть за валомъ или за крѣпостной стѣной.

Фанни воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вернуться къ себѣ въ комнату. Рѣшеніе мужа поразило ее сильнѣе, чѣмъ кто-либо могъ предполагать. Она приписывала его тѣмъ сомнѣніямъ въ ней и въ ея любви, которыя такъ прочно засѣли въ душѣ Томаса. Она не съумѣла найти настоящее слово, которое уничтожило бы его подозрѣнія, и теперь у нея было чувство, точно она прогнала мужа изъ дому. Фанни была глубоко тронута великодушіемъ, съ какимъ Томасъ выставилъ единственной причиной своего рѣшенія военныя бѣдствія, умалчивая обо всемъ, что̀ такъ его мучило.

Полная безпокойства и сердечной муки, Фанни выдумывала фантастическіе планы. Ей хотѣлось броситься за нимъ на бастіоны и сказать ему, какъ она его любитъ и будетъ любить всю жизнь. Но она рѣшила, что лучше послать къ нему гонца съ письмомъ. Она сейчасъ же сѣла за письменный столъ и описала Томасу все, что пережила за послѣднее время. Она признавала, что не любовь привела ее къ браку, но бракъ привелъ къ любви. Теперь она обѣщала быть ему вѣрной женой всегда, все равно, вернется-ли онъ живымъ, или погибнетъ за отчизну.

Оставалось надписать адресъ, и тутъ только Фанни поняла трудность, даже невыполнимость своей затѣи: какъ достать такого гонца, который распозналъ бы Томаса среди тысячъ другихъ солдатъ и разыскалъ бы его на бастіонахъ? Надо придумать что-нибудь другое! Въ отчаяніи Фанни ходила по комнатѣ, охвативъ руками голову.

Въ это время вбѣжала перепуганная горничная съ извѣстіемъ, что пришелъ французскій офицеръ, который хочетъ видѣть барыню. На вопросъ, что̀ ему нужно, онъ назвалъ себя добрымъ старымъ другомъ. Не успѣла Фанни ничего сообразить, какъ послышался звонъ сабли и въ дверяхъ появился офицеръ. Она сразу замѣтила, что форма на немъ была не французская: темно-зеленые съ краснымъ отвороты и красныя полосы на панталонахъ. Офицеръ взялъ горничную за плечи и безцеремонно выпихнулъ ее изъ комнаты, потомъ закрылъ двери и ближе подошелъ къ Фанни. Теперь она его узнала.

— Шакерль!—въ ужасѣ воскликнула она, какъ будто увидя привидѣніе.

— Да, Фанни, вотъ и я!—смѣясь, отвѣтилъ онъ.—Я вѣдь обѣщалъ, что когда-нибудь приду за тобой. Вотъ я и явился!

— Странно, ты все еще помнишь наши дѣтскія шутки! — отвѣтила Фанни, немного оправившись. — Очень печально, что ты приходишь какъ врагъ.

— Какъ врагъ?! Напротивъ! Я бы не пришелъ за тобою, еслибъ не относился къ тебѣ хорошо.

Фанни не знала, какъ себя держать съ Шакерлемъ: какъ съ веселымъ товарищемъ дѣтства или какъ съ врагомъ. Его небрежно-шутливый тонъ злилъ ее и въ то же время чуть-чуть нравился. Между тѣмъ Шакерль усѣлся поудобнѣе и непринужденнымъ жестомъ бросилъ на столъ киверъ и перчатки. Онъ выглядѣлъ красивымъ блондиномъ, и къ его стройной фигурѣ очень шелъ мундиръ.

— Не будь такой непривѣтливой, Фанни,—сказалъ онъ.—Садись поближе и будь какъ дома. И если хочешь быть совсѣмъ милой, распорядись, чтобы мнѣ дали кофе или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Фанни молча вышла и заказала кофе. Потомъ вернулась, послушно сѣла напротивъ и съ любопытствомъ устремила свой взглядъ на Шакерля. Ей казалось, что въ его присутствіи у нея не было своей воли.

— Ты назвала меня врагомъ,—сказалъ Шакерль.—Ты вѣроятно думаешь, что я сталъ французомъ. Я вовсе не французъ!

— Такъ кто же ты?

— Когда я ушелъ изъ дому, я направился въ Баварію. Тамъ мнѣ совсѣмъ не понравилось: баварцы ужасно скучный народъ. Я ушелъ въ Вюртембергъ, — тамъ мнѣ больше понравилось. Швабы, по крайней мѣрѣ, грубы — это дѣлаетъ ихъ болѣе занимательными. Вотъ я и остался у швабовъ, и теперь, если позволишь, я—королевскій вюртембергскій лейтенантъ.

— Какъ же ты очутился среди французовъ? — спросила Фанни.

— Мы принадлежимъ къ Рейнскому союзу.

— Какой позоръ, что ты дѣйствуешь противъ своего же отечества и родного города!—воскликнула Фанни.

Онъ перегнулся черезъ столъ и пристально взглянулъ на нее.

— Фанни, стыдись! Такая красивая, очаровательная женщина,

какъ ты—и возится съ вздорной моралью, какъ будто мы въ домѣ „Голубой кукушки“! Ты должна уйти со мной, Фанни! Ты должна сдержать свое обѣщаніе. Я вознесу тебя на вершину земного счастья. Мой старикъ былъ не такъ неправъ. Счастье человѣка—это главное. Что за пустяки, тамъ или тутъ родина! Для всякой страны счастье, чтобы Наполеонъ ее завоевалъ, потому что онъ—величайшій, геніальнѣйшій человѣкъ въ мірѣ!

Шакерль вытащилъ изъ кармана печатную прокламацію, обращенную къ вѣнскому населенію.

— Прочти это, Фанни, и ты убѣдишься, что мы пришли не какъ враги, а какъ истинные друзья.

Она взяла изъ любопытства листокъ и прочла:

„Побѣды Наполеона Великаго не только составляютъ чудо и гордость вѣка: онѣ являются счастьемъ и благополучіемъ народовъ. Съ момента его побѣды покоренные находятся подъ защитой мудраго героя, который посланъ Провидѣніемъ успокоить народы и освободить ихъ отъ гнета партій и предразсудковъ. Онъ подниметъ ихъ на высшую ступень самостоятельности, дастъ мыслить и дѣйствовать свободно. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ австрійцы перешли Иннъ, побѣдоносная французская армія вернулась въ Вѣну. Сопротивленіе, оказанное въ отвѣтъ на требованіе сдаться, вызвало бы при всякой другой арміи соотвѣтствующія послѣдствія. Но императоръ Наполеонъ относится какъ отецъ даже къ тѣмъ народамъ, чьи войска и правителей онъ покоряетъ“...

Фанни не стала читать дальше. Она вскочила, дрожа отъ возмущенія. Теперь она чувствовала себя свободной отъ воли Шакерля. Онъ понялъ это и быстро перемѣнилъ фронтъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ, пряча листокъ,—въ этомъ пунктѣ мы расходимся. Но это не мѣшаетъ намъ еще лучше сходиться въ другихъ пунктахъ. Не такъ ли, Фанни?

Онъ протянулъ ей руку черезъ столъ. Весь ея гнѣвъ и чувство внутренней свободы исчезли. Въ его улыбкѣ, во всей его манерѣ обращаться было что-то обаятельное, и Фанни не могла ему противиться. Она снова потеряла власть надъ собою; протянувъ ему руку въ отвѣтъ, она съ волненіемъ ощутила его крѣпкое пожатіе.

Горничная внесла кофе.

— Ахъ, какъ здѣсь уютно!—сказалъ Шакерль.—А все-таки намъ скоро надо уходить. Ты пока можешь собираться, Фанни!

— Брось наконецъ свои гадкія шутки!—сказала Фанни, почти дрожа отъ страха.

Онъ поднялъ глаза и обвелъ всю ея фигуру ласкающимъ взглядомъ.

— Ты, кажется, не знаешь, что я замужемъ?—тихо спросила Фанни.

— Еслибъ я этого не зналъ, я не могъ бы найти тебя! Но ты очевидно вышла замужъ не по любви. Вѣдь ты меня любила.

Она не рѣшилась отвѣтить на его полу-вопросъ.

— Если ты знаешь, что я замужемъ... — пролепетала она.

— Ну? Что же дальше?

— Я не понимаю, какъ же ты думаешь...—сказала Фанни, и сердце у нея билось при этомъ такъ сильно, что она задыхалась.

— Ты обѣщала быть моей,—мрачно отвѣтилъ Шакерль.—Но теперь я вижу, что ты не пойдешь за мной. Ты измѣнила свой взглядъ. Быть можетъ, такъ лучше. Я не буду на тебя сердиться, если ты, по крайней мѣрѣ, разрѣшишь мнѣ остаться у тебя, пока я въ Вѣнѣ.

— Гдѣ ты хочешь остаться?!

— Послушай, милая Фанни, — сказалъ, мѣняя тонъ, Шакерль.—Я безумно тебя люблю. То, что ты замужемъ, вѣдь не мѣшаетъ тебѣ хоть немного меня любить. Почему же намъ не быть счастливыми другъ съ другомъ? Хотя бы то короткое время, какое я пробуду въ Вѣнѣ?

Онъ смотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ желанія. Она почувствовала, что Шакерль привыкъ побѣждать женщинъ наполеоновской смѣлостью натиска; теперь онъ и къ ней хотѣлъ примѣнить свою обычную тактику. Это возмутило ея гордость. Особенная власть, которую онъ имѣлъ надъ ней въ первыя минуты, начала исчезать. Окружавшая его таинственность пропала, и прелесть необычайнаго разсѣялась.

— Если хочешь это знать, — холодно отвѣтила Фанни,—я могу сказать тебѣ, что люблю своего мужа.

— Любишь? Или только подчиняешься требованіямъ морали?—насмѣшливо спросилъ Шакерль.

Она вспыхнула.

— Ты можешь допивать свой кофе и уходить!

— Не подумаю даже!—засмѣялся онъ.—Что же мнѣ, по улицамъ разгуливать, что ли? Тебѣ не остается ничего другого, какъ дать мнѣ пріютъ подъ этой кровлей.

— Никогда!—рѣшительно воскликнула она.—Я лучше сама уйду отсюда! Въ Вѣнѣ достаточно домовъ, гдѣ ты можешь жить. Отчего, напримѣръ, ты не идешь къ своему отцу?

— Старику я показываться не хочу. Ничего пріятнаго мы другъ другу сказать не можемъ. Такъ лучше воздержаться отъ визитовъ! Къ тому же я не имѣю права выбирать квартиру по собственному усмотрѣнію. Судьбой солдата распоряжается начальство.

Онъ вытащилъ свою квартирную записку.

— Видишь, тутъ написано ясно: „въ домѣ „Англійскаго лорда“ на Кирхенгассе въ Шоттенфельдѣ“.

Фанни смотрѣла на него въ безмолвномъ негодованіи.

Онъ, значитъ, заранѣе выхлопоталъ приказъ остановиться у нея въ домѣ! И съ перваго шага далъ ей понять, что хочетъ только овладѣть ею, какъ вещью. Такъ вотъ что значитъ „вознести на вершину земного счастья“! Теперь она поняла, въ чемъ секретъ его искусства нравиться: подъ видомъ шутки онъ высказывалъ свои истинныя намѣренія и своимъ балагурствомъ старался пріучить слухъ и совѣсть къ дурному.

— Это нехорошо съ твоей стороны,—сказала Фанни, глубоко возмущенная.—Наши чистыя юношескія отношенія ты оскверняешь солдатской грубостью! Это дурно съ твоей стороны, Шакерль, очень дурно!

Она разразилась слезами. Въ этотъ моментъ она точно потеряла, безвозвратно потеряла человѣка, котораго любила, дорогія воспоминанія, что-то чистое и солнечное изъ своего дѣтства. Теперь только она поняла, какое хорошее чувство сохранялось у нея къ товарищу дѣтства.

Шакерль вскочилъ. Онъ отстегнулъ саблю и бросилъ ее на диванъ.

— Послушай, Фанни, я не считаю себя образцомъ добродѣтели и говорю тебѣ открыто, что любилъ многихъ женщинъ. Но твой образъ всегда былъ передъ моими глазами. Теперь, когда я снова тебя вижу, мои воспоминанія меркнутъ передъ дѣйствительностью. Ты прекраснѣе, очаровательнѣе, чѣмъ я представлялъ себѣ въ мечтахъ,—и я люблю тебя! Люблю такъ, какъ никого не любилъ! Люблю безумно, страстно, до сумасшествія люблю! Если ты не позволишь мнѣ быть вблизи тебя, я прострѣлю себѣ голову!

Безумный страхъ передъ нимъ, передъ самой собою овладѣлъ ею. Она выскочила въ сосѣднюю комнату, закрыла за собою дверь на ключъ и бросилась къ себѣ. Поспѣшно собравъ самое необходимое, она, задыхаясь, сбѣжала внизъ. Въ воротахъ она столкнулась съ денщикомъ въ формѣ полка Шакерля; онъ несъ сундукъ. Это убѣдило Фанни, что записка Шакерля

не подложная и что онъ дѣйствительно думаетъ поселиться у нихъ въ домѣ.

Фанни пробѣжала стремглавъ всю Кирхенгассе, какъ будто спасаясь отъ погони, и свернула у церкви св. Лаврентія въ Циглергассе. Начало смеркаться. Куда же идти? Она вспомнила о домѣ „Голубой кукушки“. Но развѣ Шакерль не будетъ стараться вернуть ее? А гдѣ жъ ее искать, какъ не въ „Кукушкѣ“? Фанни перебирала всѣхъ родныхъ и знакомыхъ и не находила ничего подходящаго. Вдругъ ее осѣнила мысль: безопаснѣе всего укрыться у стараго Толльріана. Тамъ Шакерль не станетъ ее искать, а старый чудакъ никому не разскажетъ. Фанни было пріятно, что она можетъ принести одинокому, безрадостному человѣку радостную вѣсть, что сынъ его живъ и здоровъ.

Толльріанъ самъ открылъ дверь и очень изумился, увидѣвъ Фанни. Онъ выслушалъ ея разсказъ почти съ испугомъ. Она скрыла отъ него, какъ некрасиво поступилъ съ ней Шакерль, и сказала только, что не хотѣла въ отсутствіе мужа оставаться съ нимъ наединѣ въ квартирѣ и подвергаться людскимъ пересудамъ. Толльріанъ вздохнулъ и опечалился. Онъ выразилъ радость, что можетъ предложить ей ночлегъ, такъ какъ много комнатъ стоятъ у него пустыми. Чтобы сдѣлать ему пріятное, она разсказала, съ какимъ воодушевленіемъ относится Шакерль къ Наполеону. Она знала, что Толльріанъ вовсе не патріотъ; сознаніе, что сынъ съ радостью и убѣжденіемъ служитъ своему дѣлу, должно было, по ея мнѣнію, облегчить горе отца. Фанни нечаянно попала въ самое больное мѣсто старика. Все могъ бы онъ простить своему сыну,—только не то, что онъ сталъ слугою насилія. Вся его жизнь и ученіе казались теперь Толльріану безплодными и погибшими.

Фанни не могла понять, почему онъ не радуется. Здоровый и цвѣтущій сынъ все-же пріятнѣе мертваго, а быть королевскимъ вюртембергскимъ лейтенантомъ все-же лучше, чѣмъ бродяжничать. Но Толльріанъ отвѣтилъ, что ему лучше было бы видѣть сына мертвымъ, чѣмъ безвольнымъ орудіемъ имперіи, которая погубила плоды великой революціи — высочайшаго проявленія человѣческаго духа. Фанни рѣшила не возражать ему; она думала, что за ночь онъ успокоится. Она рано ушла въ предназначенную ей комнату и унеслась мыслями къ мужу. Она чувствовала, что особенное очарованіе, которое имѣлъ въ ея глазахъ Шакерль, исчезло—и навсегда.

Въ тотъ вечеръ, когда Шакерль нанесъ непрошенный визитъ Фанни, на бастіонѣ, съ мушкетами въ рукахъ, лежали два человѣка. Одинъ былъ въ бюргерскомъ костюмѣ, на другомъ былъ бѣлый солдатскій мундиръ.

— Посмотрите туда, Винченцъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.— Вотъ туда, за боковой флигель придворной конюшни. Что тамъ: дымъ поднимается, или это пыль?

— Опять цѣлое облако поднялось, — сказалъ Винченцъ. — Это—пыль. Со времени Аустерлица я хорошо различаю пороховой дымъ. Знаете, господинъ Пимперъ, что я думаю? Они ломаютъ домъ — должно быть, на Шоттенфельдѣ, на Широкой улицѣ, приблизительно.

— Кто же станетъ работать и ломать домъ въ день Вознесенія Господня?

— Конечно, не каменщики — отвѣтилъ Винченцъ. — Это— французы. Имъ, вѣрно, нужно очистить мѣсто, чтобы удобнѣе было перевезти ихъ артиллерію изъ Широкой улицы на холмъ за конюшнями. Вѣдь этотъ холмъ — единственное возвышенное мѣсто по близости, которымъ они могутъ воспользоваться. Будь я на мѣстѣ эрцгерцога Макса, я бы всѣ орудія направилъ на то мѣсто и хорошенько бы запалилъ въ нихъ.

— Это невозможно! Тогда всѣ дома и ихъ обитатели къ чорту бы пошли!

— А если французы начнутъ обстрѣливать насъ изъ пушекъ, что же намъ останется, какъ не стрѣлять по нимъ? Будемъ восемь или десять дней стрѣлять въ наши предмѣстья картечью,— и весь Маріахильфъ, Іозефштадтъ и Шоттенфельдъ превратятся въ кучу мусора. Ни одной черепицы на крышѣ не уцѣлѣетъ, камня на камнѣ не останется.

— Я этого не представлялъ себѣ,—тихо сказалъ Томасъ.

Онъ думалъ, что французы будутъ штурмовать валъ и бастіоны, а защитники будутъ стараться отбрасывать ихъ назадъ. Только теперь Томасъ понялъ, что главное—дальній бой орудій.

— Выходитъ, что наши пушки будутъ обстрѣливать наши же дома и нашихъ близкихъ?—озабоченно спросилъ онъ.

— Нашъ хозяинъ всегда говорилъ, что французовъ надо удержать у Куруцценскаго вала! И былъ правъ! Нужно было, чтобы защита вала была своевременно на мѣстѣ.

Внизу, у подножія пушки, расположилась бюргерская милиція. Ихъ капитанъ,—фабрикантъ Баргетти изъ Вендельштадта,—сидѣлъ на лафетѣ и закусывалъ хлѣбомъ съ сыромъ. Томасъ крикнулъ ему внизъ и обратилъ его вниманіе на движеніе, начав-

шееся за конюшнями. Баргетти давно это замѣтилъ; сто тридцать лѣтъ тому назадъ турки поставили свои батареи на томъ же мѣстѣ. Теперь эта позиція стала еще удобнѣе, такъ какъ зданіе конюшенъ скрывало ее и защищало.

— Какъ только стемнѣетъ, батареи заведутъ свою игру,— говорилъ Баргетти, спокойно жуя хлѣбъ.—Намъ онѣ почти не видны, и мы не сможемъ въ нихъ попадать. Придется бомбардировать собственные дома!

— Объ этомъ нужно было заранѣе подумать!—воскликнулъ Томасъ.

— Мы теперь солдаты и исполняемъ свой долгъ, — возразилъ Баргетти.

Вдругъ Винченцъ толкнулъ Томаса въ сторону.

— Смотрите, тамъ внизу, у Бурггассе сверкаютъ штыки. Должно быть, тамъ стоитъ отрядъ французской пѣхоты, который охраняетъ батареи. Смотрите-ка!

Винченцъ высунулся, сталъ на колѣни, приложилъ къ щекѣ мушкетъ и прицѣлился съ увѣренностью опытнаго человѣка. Раздался выстрѣлъ.

— Надо еще разъ, не теряя времени! — крикнулъ онъ Томасу и, толкнувъ его впередъ, принялся снова заряжать свой мушкетъ.

Томасъ колебался одинъ моментъ. Сердце у него сильно билось: первый разъ въ жизни ему приходилось стрѣлять въ своего ближняго. Онъ прицѣлился и выстрѣлилъ. Винченцъ взглянулъ внизъ и сказалъ, что какъ-разъ за угломъ дома кто-то лежитъ безъ движенія. Томасъ дрожащей рукой приблизилъ къ глазамъ свою подзорную трубу. Это была свернутая изъ папки труба, въ которую были вставлены двѣ чечевицы. Да, тамъ лежалъ, не шевелясь, человѣкъ въ военной формѣ.

У Томаса глаза наполнились слезами.—Это врагъ, а не нашъ ближній,—утѣшалъ его Винченцъ.—Къ тому же онъ вовсе не долженъ непремѣнно умереть; большинство невѣроятно быстро поправляется.

Солнце медленно опускалось за далекими вершинами горъ. Золотой крестъ колокольни св. Лаврентія ярко горѣлъ надъ моремъ домовъ. Томасъ думалъ о Фанни. Боится ли она за него? Что съ ней будетъ, если въ него попадетъ вражеская пуля, и онъ будетъ лежать недвижимый, какъ тотъ французъ? Тогда, по крайней мѣрѣ, успокоилось бы его сердце, жаждущее любви.

Сзади бастіона быстрымъ шагомъ двигался отрядъ ополченцевъ. Обернувшись, Томасъ и Винченцъ увидѣли Лебольда, шед-

шаго со своимъ батальономъ. Они окликнули его, и онъ отвѣтилъ имъ привѣтливымъ жестомъ. Онъ не имѣлъ права выйти изъ ряда и прошелъ дальше. Раздалось звучное пѣніе народнаго гимна; это пѣли ополченцы. Ихъ воодушевленное пѣніе и равномѣрный шумъ шаговъ медленно замирали вдали.

Былъ тихій, мягкій весенній вечеръ. Вечерняя звѣзда сверкала мирнымъ свѣтомъ на чистомъ небѣ. Въ вѣтвяхъ цвѣтущаго каштановаго дерева нѣжно пѣлъ дроздъ. Винченцъ дремалъ, сидя на мѣшкѣ съ пескомъ. Тихо спускалась ночь, и на небѣ одна за другой зажигались звѣзды. На башенныхъ часахъ медленно пробило девять часовъ. Вдругъ точно молнія зажглась внизу, по стѣнамъ прокатился глухой грохотъ, и красная полоса, какъ комета, показалась на темно-синемъ небѣ. Сейчасъ же раздался гдѣ-то вблизи ударъ грома, потрясшій землю. Это выстрѣлила пушка городской милиціи. На бастіонахъ то и дѣло вспыхивали огоньки. Ударъ за ударомъ раздавался въ отвѣтъ французамъ съ австрійскихъ батарей. Ужасающій грохотъ и свистъ наполняли воздухъ. Недалеко съ трескомъ разорвалась граната. Сильное сотрясеніе воздуха заставило пошатнуться Винченца и Томаса. Нѣсколько ополченцевъ вскочили и засуетились вокругъ кого-то. Видно было, какъ они уложили на носилки чье-то тѣло и понесли.

— Кто это?—крикнулъ внизъ Винченцъ.

— Капитанъ милиціи Баргетти,—отвѣтили ему.

— Тяжело?

— Обѣ ноги оторваны выше колѣнъ!

— Съ нимъ, значитъ, покончено,—сказалъ Винченцъ.—Жаль, хорошій былъ человѣкъ!

— Смотрите!—крикнулъ Томасъ, указывая на городъ.

Непріятельскіе выстрѣлы достигли своей цѣли. Около бастіоновъ горѣло громадное зданіе, похожее на дворецъ. А вдали пылало зарево пожара.

Кебахъ сидѣлъ съ Веттль въ большой комнатѣ и читалъ старый номеръ „Австрійскаго Вѣстника". Веттль щипала корпію и думала о Лебольдѣ.

Вдругъ, совсѣмъ вблизи, загремѣло: бумъ-бумъ-бумъ..., такъ что стекла задрожали. Отецъ съ дочерью бросились другъ къ другу, не понимая, что̀ случилось. Ударъ за ударомъ, безъ перерыва, раздавались съ ужасной силой. Было ясно: это грохотали пушки. Кебахъ сначала надѣялся, что это сигнальные вы-

стрѣлы, которые скоро прекратятся. Но грохотъ орудій не умолкалъ.

Конечно, о снѣ не могло быть и рѣчи. Веттль стояла у окна, дрожа отъ волненія, и смотрѣла на опустѣвшую улицу. Кебахъ зажималъ уши обѣими руками.

— Какъ это люди могутъ стрѣлять другъ въ друга? — бормоталъ онъ.—Не хотѣлъ бы я быть Наполеономъ! Лучше быть простымъ ткачемъ холста, чѣмъ такимъ кровожаднымъ императоромъ! И что онъ имѣетъ отъ всего этого? Завоюетъ одну страну, сейчасъ же хочетъ завоевать другую! Когда я вытку кусокъ. левантина, я радуюсь, потому что это красиво, это имѣетъ цѣль и значеніе. А онъ!—Все разрушать, убивать людей, опустошать поля, сжигать села и города!.. Развѣ не правду я говорю?

Но Веттль его не слушала. Она потихоньку открыла форточку и высунулась, чтобы видѣть всю улицу.

— Боже мой! Закрой сейчасъ же форточку!—крикнулъ ей Кебахъ.—Еще пуля сюда залетитъ!

— Батюшка, посмотрите! Все небо въ огнѣ! Должно быть, весь городъ горитъ!

— Оставь меня, я ничего не хочу видѣть!—закричалъ Кебахъ, внѣ себя отъ страха.

Онъ повернулъ свой станокъ и началъ прясть шелкъ.

Веттль не могла сдержать любопытства и волненія. Она выскользнула изъ комнаты и быстро спустилась внизъ по лѣстницѣ. Въ воротахъ она увидала Капланекъ, служанку Катю, Рослини и одного изъ подмастерьевъ. Они тихо разговаривали между собой и сокрушенно вздыхали. Капланекъ разсказывала, что въ Маріахильфѣ убитъ пушечнымъ ядромъ портной; ядро пролетѣло черезъ крышу и убило его, когда онъ лежалъ въ постели.

— У турокъ было больше жалости къ намъ, чѣмъ теперь у своихъ! Развѣ не грѣхъ стрѣлять въ собственныя предмѣстья?— жаловалась она.

Небо горѣло пурпуровымъ заревомъ. У Веттль дрожь прошла по спинѣ, и она, задыхаясь, побѣжала обратно къ отцу. Ей жаль было милыхъ старыхъ домовъ и гордыхъ башенъ, которымъ теперь предстояло разрушеніе.

— Пули легко могутъ попасть и въ „Голубую кукушку“!— сказала она.

Но отецъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ и прялъ шелкъ, какъ будто не слыша ея словъ.

— Принеси колесо для мотанія нитокъ! — спокойно приказалъ онъ.

Веттль молча исполнила его приказаніе. Они тихо усѣлись за работу и стали прясть красивый цвѣтной шелкъ. Старательно и со вниманіемъ исполняли они свое дѣло. Нѣжныя, сверкающія нити наматывались на шпульки; мирный шумъ станка еле слышался сквозь грохотъ орудій, сотрясавшій землю и заставлявшій дрожать оконныя стекла. Не произнося ни слова, они проработали всю ночь, пока пушки продолжали гремѣть черезъ правильные промежутки времени, наполняя ужасомъ ясную майскую ночь.

Подъ утро внезапно наступила полная тишина. Кебахъ прислушался и подождалъ минуту. Вокругъ все было спокойно. Тогда онъ поднялся, поцѣловалъ дочь въ лобъ и отправился къ себѣ въ спальню.

На слѣдующее утро мимо дома „Голубой кукушки“ проходилъ портной Купка. Увидѣвъ въ окнѣ Веттль, онъ почти радостно крикнулъ ей:

— Сдались!

— Кто?

— Бѣлый флагъ вывѣшенъ!

— Убирайтесь къ чорту!

Вскорѣ разнеслась вѣсть, что французы окружили городъ плотнымъ кольцомъ, и эрцгерцогу Максимиліану пришлось отозвать войска за Дунай. Извѣстіе о полной капитуляціи было принято горожанами со сдержанной яростью.

Веттль разсказывала отцу, который сидѣлъ за завтракомъ, дурныя вѣсти. Въ это время кто-то окликнулъ ее со двора. Она подошла къ окну и, къ своему изумленію, увидѣла Фанни, растрепанную и безъ шляпы. Фанни была блѣдна какъ полотно. Веттль перепугалась: что-нибудь случилось въ домѣ „Англійскаго лорда“?

— Старый Толльріанъ... Старый Толльріанъ наложилъ на себя руки!—съ трудомъ выговорила Фанни.—Онъ повѣсился около своего окна. Можетъ-быть его еще можно спасти!

Кебахъ пустился бѣгомъ черезъ магазинъ въ рабочія помѣщенія и, захвативъ съ собою двухъ ткачей, бросился въ домъ „Вѣчной жизни“. Капланекъ выскочила во дворъ и распрашивала Фанни о случившемся. На ея причитанія вышелъ изъ своей комнаты Зальцкюфель; услышавъ ужасное извѣстіе, онъ перекрестился, кликнулъ собаку и вышелъ изъ дому съ опущенной головой и похоронным видомъ.

Веттль и Рослини увели Фанни въ комнаты. Немного оправившись, она стала разсказывать. Утромъ, когда она кончала одѣваться, въ комнатѣ Толльріана послышался шумъ, какъ будто

упалъ стулъ. Она постучалась, но отвѣта не было; только слышно было ужасное хрипѣніе. А когда она открыла дверь, онъ висѣлъ... Фанни разразилась истерическими рыданіями. Рослини и Веттль недоумѣвали, какимъ образомъ Фанни попала въ квартиру Толльріана. Но онѣ не хотѣли спрашивать ее объ этомъ.

Когда Фанни пришла въ себя, она сама почувствовала потребность излить душу. Она разсказала все про письмо Томаса и про приходъ Шакерля. Она не скрыла отъ Веттль своей прежней любви къ Шакерлю, которая исчезла окончательно только теперь. Она разсказала, что Толльріанъ былъ глубоко потрясенъ извѣстіемъ о сынѣ, и это, вѣроятно, послужило причиной его покушенія на самоубійство.

Веттль грустно слушала ее.

Между тѣмъ Рослини успѣла сбѣгать къ Толльріану. Она сообщила, что его вынули изъ петли; до сихъ поръ неизвѣстно, живъ ли онъ. Въ запискѣ, оставленной на имя Зальцкюфеля, онъ завѣщаетъ свой трупъ анатомическому институту и проситъ заказать заупокойную обѣдню въ церкви св. Лаврентія; если это и не поможетъ, такъ и вреда не принесетъ во всякомъ случаѣ.

Веттль печально вздохнула.

Фанни заторопилась домой, узнать, что съ Томасомъ. Веттль дала ей шляпу и платокъ и проводила ее вмѣстѣ съ Рослини черезъ дворъ. Въ это время въ ворота входили Кебахъ, Зальцкюфель и отецъ Бонифацій, священникъ церкви св. Лаврентія. Кебахъ разсказалъ съ волненіемъ, что Толльріана удалось привести въ чувство; теперь съ нимъ осталась его прислуга.

— Старикъ плачетъ какъ дитя, но ему, кажется, лучше,— сказалъ Зальцкюфель.

Кебахъ спросилъ у Фанни, какъ она попала къ Толльріану; онъ никакъ не могъ этого понять.

— Потомъ, потомъ, дядюшка! Я разскажу вамъ въ другой разъ, если позволите!—сказала Фанни и поспѣшила домой.

Между тѣмъ священникъ успѣлъ обмѣняться нѣсколькими словами съ Рослини.

— Что подѣлываетъ музыка, фрейлейнъ Энцфельдеръ?—спросилъ онъ, устремивъ на нее глубокій взглядъ.—Знаете: та, особенная, которую никто не слышитъ?

— Она звучитъ по прежнему и приноситъ мнѣ радость,— съ улыбкой отвѣтила Рослини.—А вы играете хоть изрѣдка на органѣ?

— Рѣдко. Только тогда, когда заперты церковныя двери. Да, становишься старымъ, жизнь проходитъ. Много красивыхъ

мелодій мы слышимъ, но прекраснѣе всѣхъ та, что звучитъ только въ грезахъ, будто доносится съ иного берега.

Подошла Капланекъ; она несла пачку длинныхъ восковыхъ свѣчъ, костяное распятіе, кучу искусственныхъ розъ, божественныя картины и тому подобные предметы, которые она почему-то считала относящимися къ смерти.

— Неужели правда? Онъ живъ?

Священникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Но я могу все-таки поставить у него освященную свѣчу?

— Онъ живъ и въ полномъ сознаніи. Я не хочу, чтобы его безпокоили,—строго сказалъ онъ.

Капланекъ ушла къ себѣ, сильно разочарованная.

Онъ протянулъ руку Рослини, привѣтливо раскланялся со всѣми и удалился.

Между тѣмъ Фанни спѣшила домой.

— Есть вѣсти о баринѣ? — спросила она служанку, отворившую дверь.

— Нѣтъ, ничего не слышно о немъ. Какъ только барыня вчера ушла, онъ тоже убѣжалъ, и денщикъ сейчасъ же унесъ его сундукъ. И съ тѣхъ поръ баринъ больше не показывался.

— Да о какомъ баринѣ вы говорите?

— Какъ о какомъ? О господинѣ офицерѣ, который вчера здѣсь былъ.

— Да что мнѣ до него!—нетерпѣливо отвѣтила Фанни.— Я спрашиваю о нашемъ баринѣ, о своемъ мужѣ!

— Нашъ баринъ вернулся съ часъ тому назадъ. Я ужъ и завтракъ ему сготовила.

Когда Фанни вошла, Томасъ сидѣлъ за ея письменнымъ столомъ и читалъ ея любовное посланіе, которое она такъ и не смогла послать на бастіоны. Онъ бросился ей навстрѣчу со слезами на глазахъ и сіяющимъ отъ счастья лицомъ.

— Томасъ! Томасъ! Неужели ты снова со мною? Мой добрый, гадкій, невѣрующій Томасъ!

И она бросилась ему на грудь.

— „Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ“,—молилась Веттль, лежа въ постели. — „Да святится имя Твое, да будетъ воля Твоя“... Ты вѣдь не позволишь застрѣлить Лебольда, это не можетъ быть Твоей волей... Ахъ, какъ трудно такъ молиться, какъ въ Шёнбруннѣ я совѣтовала Лебольду... „Отче нашъ, Иже

еси... Отче нашъ..." Отчего батюшка не приходитъ такъ долго? Хорошо, что въ эту ночь нѣтъ пальбы!

На колокольнѣ св. Лаврентія медленно пробило двѣнадцать часовъ.

Уже полночь! Кебахъ все еще не возвращался изъ кабачка, гдѣ собирались по вечерамъ шоттенфельдскіе ткачи. Веттль серьезно начала безпокоиться. Съ нимъ могло что-нибудь случиться! Ужъ не встрѣтился ли онъ съ французскими мародерами? Полная луна свѣтила въ комнату. Предметы отбрасывали причудливыя тѣни.

Веттль закрыла глаза и старалась ни о чемъ не думать.

Уснуть—это все равно, что пойти по дорогѣ изъ Маріахильферштрассе въ Шёнбруннъ,—думала она. Сначала по мостовой стучатъ повозки, экипажи; дальше шоссе, ѣзды меньше и не такъ слышенъ шумъ колесъ. Выходишь за черту города,—и тамъ тишина, зеленыя поля вокругъ, жаворонки поютъ. Такъ хорошохорошо, среди безконечныхъ зеленыхъ луговъ... среди тихихъ зеленыхъ полей...

Она начала засыпать, но вдругъ услышала крадущіеся шаги на лѣстницѣ. Дверь тихо раскрылась, и она облегченно вздохнула: наконецъ-то отецъ вернулся! Ей было странно, почему не слышно было, какъ онъ затворялъ засовъ на воротахъ.

Вѣроятно онъ подъ хмѣлькомъ и забылъ закрыть ворота.

Веттль рѣшила притвориться спящей. Она знала, что отецъ бывалъ очень болтливъ, когда возвращался на-веселѣ, и боялась, что онъ затѣетъ съ ней длинный разговоръ.

Шаги дѣйствительно приближались къ кровати. Она не открывала глазъ и казалась спящей. Онъ наклонился надъ нею, потомъ тихо отошелъ. Веттль слышала, какъ онъ открылъ дверь, и по звуку опредѣлила, что то была дверь въ магазинъ, а не въ спальню. Что ему дѣлать ночью въ магазинѣ? Бѣдный отецъ, онъ вѣрно озабоченъ отсутствіемъ заказовъ и хочетъ пересмотрѣть бухгалтерскія книги. Но затѣмъ безпокоиться ночью?

Слышно было, какъ въ магазинѣ выдвигались ящики. Веттль снова стала засыпать. Воцарившаяся сразу тишина разбудила ее. Она подняла испуганно голову. Въ это время стоявшій посреди комнаты человѣкъ сдѣлалъ шагъ къ окну, и луна освѣтила его. Передъ Веттль былъ чужой бородатый субъектъ во французской формѣ и въ бѣлыхъ гамашахъ.

— Съ нами крестная сила!—закричала она и, вскочивъ съ кровати, быстро накинула юбку и вдѣла ноги въ туфли. Ея

смѣлое движеніе было такъ неожиданно, что французъ попытался спрятаться въ темнотѣ.

— Постой, трусъ, я проучу тебя!—крикнула Веттль и, схвативъ со станка тяжелый навой, бросилась на врага.

Онъ съ быстротою молніи скрылся въ дверь и стремглавъ побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Веттль гналась за нимъ, продолжая кричать:

— Ахъ, ты, безпутный негодяй! Я проучу тебя! Закаешься разбойничать, какъ Наполеонъ! Я покажу, чего вы оба стоите! Уши тебѣ оборву, чтобы всю жизнь помнилъ вѣнцевъ!

Французъ бѣжалъ черезъ дворъ, какъ безумный, а она, какъ фурія, летѣла за нимъ. Она не задумалась перелѣзть вслѣдъ за нимъ черезъ заборъ сада, хотя была въ одной рубашкѣ и коротенькой юбочкѣ. Дикая гонка продолжалась въ саду. Французъ добѣжалъ до рѣшетки, на которой вился виноградъ, вскарабкался по ней, какъ по лѣстницѣ, на высокую стѣну сосѣдняго сада и скрылся за нею. Въ безсильной ярости Веттль бросила въ догонку свою туфлю и угодила ему прямо въ носъ.

— Vous êtes un lièvre, monsieur, vous n'êtes pas un soldat!— крикнула она вслѣдъ.

Это было единственное, что она могла скомбинировать изъ небольшого запаса французскихъ словъ, которыя знала.

Тутъ только Веттль вспомнила о своемъ костюмѣ и поспѣшила домой. Она была снова въ постели, когда пришелъ Кебахъ и возбужденно крикнулъ ей:

— Дни французовъ сочтены! Генералиссимусъ стоитъ у Бизамберга и скоро выгонитъ французовъ.

Кебахъ долго балагурилъ, пѣлъ національный гимнъ, и только когда онъ вдоволь наболтался, Веттль разсказала ему, что тоже обратила французовъ въ бѣгство. Ея ночное приключеніе перепугало Кебаха, и онъ поспѣшилъ въ магазинъ. Тамъ все было въ полномъ порядкѣ. Тогда онъ вернулся и сталъ распрашивать про подробности. Онъ очень гордился своей дочерью.

На другое утро Веттль гладила бѣлье. Неожиданно раскрылась дверь и вошелъ сынъ заготовщика Войтеха изъ „Краснаго ежа“. На немъ былъ довольно странный костюмъ: узкіе свѣтло-желтые панталоны со шнурами à la houzarde, венгерскіе сапоги, фракъ couleur de terre d'Egypte, жилетъ въ восточномъ вкусѣ, подъ подбородкомъ были повязаны три или четыре галстуха одинъ на другой, такъ что шея казалась шире головы—

и въ рукахъ была цилиндрическая шляпа величиной съ пушечное дуло.

— Можно войти, прелестная фрейлейнъ Ветти?

— Не постучавшись, нельзя. Извольте выйти и постучаться.

— Извольте, маленькая упрямица!—сказалъ онъ такимъ тономъ, какимъ взрослые говорятъ съ дѣтьми. Онъ послушно вышелъ изъ комнаты и постучалъ въ дверь.

— Вы цѣлую вѣчность не хотите сказать „войдите“, фрейлейнъ Ветти!

— Васъ надо наказать. Ну-ка, постучите подольше.

Когда Веттль наконецъ разрѣшила ему войти, онъ низко поклонился ей и съ улыбкой поднесъ букетикъ фіалокъ.

— Позвольте отъ души поздравить васъ, фрейлейнъ Ветти!

— Съ чѣмъ поздравить? Мои именины будутъ 4-го декабря!

— Вы вели себя какъ героиня! Какъ Орлеанская дѣва! — восторженно воскликнулъ Пепи Войтехъ. — Весь Шоттенфельдъ восхищается вашимъ подвигомъ!

— Что такое? Про какой подвигъ вы говорите?

— Вы сами это знаете. Я говорю о томъ, какъ вы прогнали француза!

— Да вѣдь онъ самъ убѣжалъ!

— Ваша скромность дѣлаетъ вамъ честь. Сегодня, когда я услышалъ о вашемъ поступкѣ, я подумалъ: это настоящая австріячка! И я собралъ эти фіалки, чтобы положить къ вашимъ ножкамъ и сказать вамъ...

Въ дверь постучали. Вошелъ старикъ; въ рукахъ у него былъ башмачокъ Веттль. Это былъ сосѣдній садовникъ изъ сада „Веселой тирольки“.

— Это вы, Лукасъ? — Она поставила утюгъ и засмѣялась.

Лукасъ двумя пальцами держалъ ея башмачокъ высоко въ воздухѣ и сіялъ отъ удовольствія.

— Гдѣ же вы нашли этого блуднаго сына?

— Онъ лежалъ на грядкѣ тюльпановъ.

— Лукасъ нашелъ вашу прелестную туфельку среди цвѣтовъ!—воскликнулъ Пепи.—Какъ это поэтично!

Лукасъ подробно разсказалъ, какъ онъ нашелъ туфельку и долго не могъ понять, откуда она явилась, пока сосѣдка не сказала ему про бѣгство француза.

— Вы ничего не скажете мнѣ, фрейлейнъ Ветти?—спросилъ Войтехъ, когда Лукасъ ушелъ.

— Это что?—спросила Веттль, поднявъ на воздухъ туфельку.

— Самая малюсенькая, прелестная, восхитительная туфелька, какую я когда-либо видѣлъ.

— Подъ ней очутится каждый, кто захочетъ стать моимъ мужемъ, если у него не окажется характера больше, чѣмъ у васъ.

— Вотъ новость!—обидѣлся Войтехъ.—У меня нѣтъ характера!—Онъ всталъ и пожиралъ ее влюбленными глазами. — У меня колоссальный характеръ, если ужъ на то пошло! Вы не знаете, на что я способенъ рѣшиться!

— На всякія глупости!—насмѣшливо сказала Веттль.—А для Наполеона у васъ никакой рѣшимости нѣтъ! Вы сами разсказывали, какъ отвертѣлись отъ службы въ ополченіи. Въ ночь на 12-ое, когда всѣ были на бастіонахъ, вы сидѣли подъ маменькинымъ крылышкомъ и кушали бутерброды!

— Вашъ отецъ тоже не былъ на бастіонахъ!—разсердился Пепи.

— Мой отецъ не молодой человѣкъ! А во-вторыхъ, у него parlez-vous отняли оружіе, иначе онъ конечно былъ бы на бастіонахъ!

На это Пепи Войтехъ ничего не могъ возразить.

Онъ грустно замолчалъ.

— Можетъ-быть вы согласитесь, по крайней мѣрѣ, приколоть мои фіалки?—печально спросилъ онъ черезъ минуту.

— Онѣ дѣйствительно прелестны! Но, знаете, въ теперешнее время у молодого человѣка должны быть другія занятія, а не собираніе цвѣточковъ.

— И съ этимъ я уйду? Не получивъ отъ васъ ничего на дорогу?

— Нѣтъ, вы получите! Держите-ка!

Она догладила послѣднюю рубашку и протянула ему пустую бѣльевую корзину.

— Пожалуйста, передайте Катѣ. Пусть она наложитъ снова бѣлья и принесетъ мнѣ.

— Будетъ исполнено! — рѣшительно сказалъ Пепи. — Для меня нѣтъ большей чести, какъ исполнять ваши желанія. До свиданія! Въ другой разъ я надѣюсь застать васъ въ болѣе милостивомъ настроеніи.

Веттль еще разъ погрозила ему туфелькой, и Пепи ушелъ съ большой корзиной въ рукахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ Кебахъ.

— Что это значитъ? Сейчасъ я видѣлъ, какъ молодой Войтехъ тащилъ по двору... бѣльевую корзину! Видъ у него былъ какъ у мокраго пуделя!

— Это я дала ему корзину!—весело сказала Веттль.

— Какъ? молодому Войтеху! Смѣлая дѣвчонка!

Онъ помолчалъ въ раздумьѣ.

— Собственно, почему ты такъ съ нимъ...?

— Онъ мнѣ не подходитъ! Мнѣ нуженъ настоящій мужъ, а не размазня!

— Но его отецъ очень богатъ.

Веттль знала, какой доводъ больше всего подѣйствуетъ на отца.

— Онъ вѣдь только заготовщикъ! — презрительно сказала она.

— Ты права. Только заготовщикъ! Въ сущности, онъ живетъ нами, фабрикантами! Фабрикантъ можетъ обойтись безъ заготовщика, но не наоборотъ. Не наоборотъ! — Онъ заходилъ крупными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. — Къ тому же, мнѣ было бы тяжело съ тобой разстаться. Я такъ привыкъ къ тебѣ съ тѣхъ поръ, какъ скончалась твоя мать.

— Я все равно не могу всю жизнь оставаться у васъ, батюшка.

— Вотъ какъ! У тебя уже есть возлюбленный?

— О, нѣтъ! Объ этомъ и помину нѣтъ! Мы съ нимъ на этотъ счетъ ни словечкомъ не обмолвились. Я даже не знаю, думаетъ ли онъ свататься. Но что-то въ этомъ духѣ я замѣчаю...

— Ну, ужъ если женщина стала замѣчать, значитъ тому и быть. Но кто же онъ? Я знаю его?

— Конечно знаете, батюшка. Лебольдъ изъ „Жесткаго ежа“.

— Лебольдъ изъ „Жесткаго ежа“, на Кейзерштрассе? А ты знаешь, что онъ ушелъ въ ополченіе противъ воли отца?

Она утвердительно кивнула головой. Кебахъ снова заходилъ по комнатѣ.

— Шролль вѣдь только ленточникъ! — сказалъ онъ послѣ паузы.

— Это все-же больше, чѣмъ заготовщикъ!

— Правильно!—отвѣтилъ Кебахъ и опять зашагалъ.

— Не думаю, чтобы Шролль былъ очень богатъ!—черезъ нѣкоторое время заговорилъ онъ, останавливаясь.—Притомъ, у него бездна дѣтей!

— Зато Лебольдъ способный и прилежный.

— Правильно!—сказалъ Кебахъ, продолжая расхаживать.

Вдругъ онъ остановился.

— Старый Шролль очень сердитъ на него за ополченіе.

Онъ знать его не желаетъ; говоритъ, что не передастъ ему своего дѣла.

У Веттль глаза наполнились слезами. Кебахъ бѣшено зашагалъ по комнатѣ.

— Старый Шролль ничего не смыслитъ!—ворчалъ онъ.—Онъ называетъ Лебольда негодяемъ! Никакого понятія у него нѣтъ о военныхъ дѣлахъ! Попробуй онъ хоть одинъ разъ стоять передъ врагомъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ я,—онъ бы не такъ заговорилъ! А теперь никто столковаться съ нимъ не можетъ! Дальше своего носа не видитъ!.. Лебольдъ тебѣ пишетъ? — неожиданно спросилъ онъ.

— Я же говорю, что мы съ нимъ не говорили ни о чемъ такомъ.

— Когда онъ вернется, будетъ же объ этомъ разговоръ.

— Да, *если* онъ вернется,—тихо сказала Веттль.

— Онъ вернется! Господь не дастъ погибнуть храброму юношѣ. Пусть Лебольдъ обучается нашему дѣлу, когда вернется — что ему за радость оставаться ленточникомъ! И если грубый Шролль не возьмется за умъ, Лебольдъ можетъ стать *моимъ* компаньономъ. Нуженъ же мнѣ преемникъ для „Голубой кукушки“.

Веттль бросилась на шею отцу и чуть не задушила его поцѣлуями.

Безоблачно-голубое небо разстилалось надъ необозримымъ Мархфельдомъ. Не смотря на раннее утро, была палящая жара. Истомленные зноемъ солдаты мечтали только о томъ, чтобы утолить мучительную жажду у колодцевъ, встрѣчавшихся на пути. Вокругъ каждаго изъ нихъ расположились отряды праваго крыла австрійской арміи, въ томъ числѣ вольный батальонъ вѣнскаго ополченія. Измученные солдаты сражались наканунѣ до полуночи, чтобы удержать за собою село Асперпъ, пылавшее въ нѣсколькихъ мѣстахъ и почти уничтоженное выстрѣлами. Массена двинулъ туда раннимъ утромъ свѣжіе полки. У каждаго дома, у каждаго амбара шелъ ожесточенный бой. Въ концѣ концовъ важная позиція, рѣшавшая судьбу сраженія, была отвоевана французами.

Лебольдъ вмѣстѣ съ товарищами напился колодезной воды и почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе. Сидя на камнѣ, онъ осматривался кругомъ, точно пробудясь отъ сна. Сквозь исполинскія деревья, склонившіяся надъ Дунайской равниной, виднѣлась вдалекѣ гора — Леопольдсбергъ; подъ нею—въ нѣжно-голубоватой утренней дымкѣ—башни и бастіоны города; позади возвышались

сверкающія снѣжныя вершины горъ. На другой сторонѣ, у подножія холоднаго Бизамберга, разстилались необозримыя поля съ разбросанными селеніями. Вдали дымились развалины Асперна и Эсслинга; между злополучными селами было поле сраженія.

Почти не было слышно грохота орудій, не прекращавшагося уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Вдругъ раскаты пушечныхъ выстрѣловъ снова потрясли землю. Лебольдъ вскочилъ на ноги, забывъ объ усталости. Онъ ясно различилъ, не смотря на дальнее разстояніе, окутанную облакомъ пыли густую колонну французовъ, которая быстро подвигалась впередъ между Асперномъ и Эсслингомъ; очевидно, они хотѣли ударить въ середину австрійской арміи. Ослѣпительно сверкали панцыри и шлемы; казалось, самъ богъ войны двинулъ полки. Лебольдъ слѣдилъ съ затаеннымъ дыханіемъ за страшнымъ видѣніемъ. Безмолвно стояли кругомъ его товарищи. Всѣ сознавали, что если эти полки успѣютъ прорвать центръ, то отъ него будутъ отрѣзаны оба крыла, и корпусъ, къ которому они принадлежали, будетъ загнанъ въ рѣку. Массы всадниковъ приближались уже къ австрійскому центру, который спрятался въ полѣ и не обнаруживалъ себя ни единымъ выстрѣломъ. Самыя мужественныя сердца дрогнули. Черезъ нѣсколько мгновеній австрійскіе полки будутъ смяты и растоптаны копытами бѣшеныхъ коней! Но тутъ началась частая ружейная пальба изъ скрытыхъ рядовъ австрійской пѣхоты. Какъ шелуха отъ вѣтра, разлетѣлись французскіе кавалеристы. Передніе ряды смѣшались, обратились въ бѣгство и разстроили наступавшую сзади кавалерію. Видно было, какъ они падали другъ на друга, какъ скакали по полю оставшіяся безъ всадниковъ лошади и какъ расли груды мертвыхъ тѣлъ. Какъ будто однимъ ударомъ исполинской руки была уничтожена и разсѣяна туча французскихъ кирасировъ. Опасность была устранена, но исходъ сраженія, которое свирѣпствовало второй день, все еще не былъ рѣшенъ. Геройство пѣшаго отряда третьей армейской колонны спасло австрійскую армію отъ полнаго разгрома. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ, безпощадныхъ ходовъ, на какой когда-либо отваживался корсиканецъ, былъ отраженъ хладнокровіемъ и дисциплиной австрійцевъ.

Лебольдъ задумался: на томъ же Мархфельдѣ, гдѣ Рудольфъ Габсбургскій когда-то разбилъ на-голову Оттокара, сегодня были разсѣяны побѣдоносныя войска французовъ. Военная сила своеобразнаго государства, представляющаго смѣсь различныхъ народностей, заключалась въ нѣмецкой культурѣ и нѣмецкомъ языкѣ. Они объединяли всѣхъ жителей страны, связанныхъ,

помимо того, общей исторіей, общими надеждами и желаніями и общей любовью къ старинной, всѣми почитаемой нѣмецкой династіи. Лебольду вспомнились слова отца: прогрессъ создается не внѣшними побѣдами народа, а свободной нравственной силой его. Съ Дунайской равнины слышалось пѣніе австрійскаго національнаго гимна.

Въ это время со стороны Брейтенле показался гонецъ. Бѣлый кирасиръ скакалъ черезъ поле съ донесеніемъ къ командующему корпусомъ. Ополченцы слѣдили за нимъ со стѣсненнымъ сердцемъ. Они были увѣрены, что онъ привезъ приказъ отбить обратно Аспернъ. Исполнивъ свое порученіе, кирасиръ поскакалъ къ колодцу. Очевидно онъ хотѣлъ напоить лошадь. При его приближеніи Лебольдъ различилъ на немъ форму полка, гдѣ служилъ Мельхеръ, и рѣшилъ спросить про него. Каковы же были его изумленіе и радость, когда онъ узналъ въ приближавшемся кирасирѣ самого Мельхера!

— Мельхеръ! — закричалъ онъ въ восторгѣ; передъ нимъ былъ милый Мельхеръ изъ стараго славнаго дома „Голубой кукушки“. Онъ протянулъ Лебольду руку, не сходя съ лошади.

— Видишь, твое желаніе исполнилось, Лебольдъ. Помнишь, ты хотѣлъ, чтобы мы—товарищи дѣтскихъ войнъ „Голубой кукушки“—бились вмѣстѣ противъ корсиканскаго пса!

Они забрасывали другъ друга вопросами. Каждый хотѣлъ узнать отъ товарища, какъ онъ себя чувствовалъ и гдѣ получилъ боевое крещеніе.

— Мнѣ пора ѣхать,—сказалъ Мельхеръ.—Вамъ тоже недолго придется оставаться здѣсь.

— Мы снова пойдемъ на Аспернъ? — тихо спросилъ Лебольдъ.

Въ теченіе двадцати часовъ они трижды брали Аспернъ и трижды были отброшены назадъ послѣ жаркаго боя.

Мельхеръ утвердительно кивнулъ головой на вопросъ Лебольда: онъ только-что передалъ приказъ взять Аспернъ, чего бы это ни стоило.

— Это выше человѣческихъ силъ, — печально сказалъ Лебольдъ. Онъ готовъ былъ броситься ничкомъ на землю, уткнуться въ нее лицомъ и лежать такъ недѣли: только бы не видѣть, не слышать ничего!

— Утѣшься, бѣдный другъ, мнѣ хуже твоего. Я еле держусь на лошади отъ усталости, а между тѣмъ я былъ въ бою одинъ единственный разъ. Ахъ, чортъ! Все время только смотрѣть—это ужасно! Надѣюсь, что вы вышвырнете Массену из

Асперна: тогда мы атакуемъ его между Асперномъ и Эсслингомъ и загонимъ весь этотъ сбродъ въ Дунай. Ну, пока прощай. Храни тебя Богъ, Лебольдъ! Не забывай меня. Мнѣ почему-то кажется, что мы больше не увидимся. Съ тобой ничего не можетъ случиться — у тебя есть ангелъ-хранитель, — а мнѣ сегодня плохо придется, я это чувствую.

— Каждый человѣкъ имѣетъ ангела-хранителя, — отвѣтилъ Лебольдъ.—Значитъ, и у тебя онъ есть.

Мельхеръ разсказалъ, что ему снилось, будто онъ прощался съ матерью и съ Веттль.

— Ты, кажется, становишься суевѣрнымъ? — старался его ободрить Лебольдъ

— Когда ты вернешься, Лебольдъ, поклонись отъ меня Веттль. Теперь я могу сознаться, что любилъ ее. Но я не такой оселъ и отлично понимаю, что изъ этого все равно ничего не могло выйти. Я знаю, что она любитъ другого, и отъ всего сердца желаю ей счастья. Но вотъ чего я желалъ: сдѣлаться подмастерьемъ. — Онъ вздохнулъ. — Ну, да что! Дома „Кукушки“ я все-таки не осрамлю. Смерть на полѣ битвы — прекрасна. Но только пусть это случится во время атаки! Если въ меня сейчасъ попадетъ сзади шальная пуля, когда я буду возвращаться, это будетъ ужасно досадно!

Раздался сигналъ. Они протянули другъ другу руки.

— Лебольдъ, ты позаботишься немного о моей старухѣ?

— Конечно, если только переживу тебя. Не будь ребенкомъ! Пуль достаточно летаетъ кругомъ; могло бы хватить на насъ обоихъ. Но большая часть все-же летитъ мимо. Желаю тебѣ счастья, Мельхеръ, желаю счастья! Впередъ, за императора и отечество!

— За императора и отечество!—Съ этими словами Мельхеръ пришпорилъ лошадь и ускакалъ.

Зазвучали трубы; сигнальный рожокъ слышался во всѣхъ отрядахъ. Войска пришли въ движеніе. Пальба доносилась издали; очевидно бой сосредоточился около Эсслинга. Ополченіе выступило сплоченными колоннами, но, выйдя на открытое мѣсто, разсыпалось по полямъ. Теперь яснѣе вырисовывался Аспернъ съ его колокольней, пасторскимъ домикомъ и хорошо знакомымъ Лебольду кладбищемъ, стѣны котораго были снова укрѣплены французами. Съ восточной стѣны французскія орудія открыли огонь. Артиллерія Гиллерскаго корпуса неожиданно откликнулась съ Дуная и поражала непріятельскія позиціи съ фланга. Бѣшенымъ галопомъ скакали батареи съ долины; съ удивитель-

ной смѣлостью выѣхали онѣ подъ непріятельскій огонь на засѣянныя овсомъ и рисомъ поля, и на село посыпался изъ ихъ мѣдныхъ жерлъ цѣлый дождь гранатъ. Красиво, точно на маневрахъ, на правильныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, блестѣли металлическіе стволы пушекъ; ярко виднѣлись на свѣжей весенней землѣ желтыя и черныя полосы колесъ. Выстрѣлы не умолкали. Лебольдъ съ восторгомъ замѣтилъ, что австрійская артиллерія сильнѣе французской и превосходитъ ее количествомъ орудій.

Онъ видѣлъ, какъ мѣтко попадали австрійскіе выстрѣлы, пробивая бреши въ кладбищенской оградѣ. Нужно было предоставить дѣйствовать тяжелой артиллеріи еще нѣкоторое время. Ополченцы медленно подвигались впередъ, осторожно перебѣгая отъ одного прикрытія къ другому.

Когда кладбище было достаточно близко, они залегли за межой, держа наготовѣ свои ружья. Приказано было стрѣлять только тогда, когда кто-нибудь появится на стѣнахъ.

Сзади села неожиданно показались бѣлые мундиры австрійскаго линейнаго полка и бросились на штурмъ. Пушки умолкли. Лебольдъ почувствовалъ, что наступилъ роковой моментъ. Онъ вскочилъ съ мушкетомъ на перевѣсъ. Въ воздухѣ пронеслось громовое „ура!“. Точно исполинская туча саранчи поднялась съ зеленѣющихъ полей и полетѣла къ кладбищу. Впереди и позади себя Лебольдъ видѣлъ только людей въ бѣлыхъ и коричневыхъ мундирахъ; они стремились впередъ, падали, перескакивали черезъ трупы, карабкались на стѣны кладбища и пролѣзали со штыками черезъ бреши. Онъ самъ карабкался вмѣстѣ съ ними и влѣзъ на стѣну; сзади тѣснились слѣдующіе ряды. Между рвами шелъ дикій рукопашный бой. Французы отступали передъ превосходствомъ австрійскихъ силъ и бѣжали съ кладбища. Изъ оконъ пасторскаго домика, съ колокольни, изъ деревенскихъ избъ— отовсюду раздавались выстрѣлы. Каждый искалъ прикрытія, такъ какъ солдаты были слишкомъ истощены, чтобы штурмовать укрѣпленные дома. Лебольдъ залегъ за надгробный камень.

Въ это время французскіе гренадеры, подкрѣпленные свѣжими силами, отважились на вылазку. Они бросились изъ воротъ пасторскаго дома къ кладбищу съ громовымъ крикомъ: „Vive l'empereur!“. Со всѣхъ сторонъ посыпались выстрѣлы. Молодой, огромнаго роста блондинъ, съ розовымъ, полу-дѣтскимъ лицомъ, замѣтилъ Лебольда и бросился на него со штыкомъ. Лебольдъ выстрѣлилъ. Юный гренадеръ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Лебольда, попытался подняться и снова упалъ.

Вылазка была отбита. Оставшіеся въ живыхъ гренадеры искали защиты въ домахъ и сараяхъ. Сразу стало тихо кругомъ. Ясно и спокойно свѣтило солнце. Ни у кого больше не было силъ возобновить сраженіе. Усталость теперь дала себя знать. Солдаты въ изнеможеніи лежали на землѣ. Лебольдъ снялъ шляпу и отеръ потъ со лба. Вдругъ онъ услышалъ тихій зовъ. Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него лежалъ на спинѣ молодой офицеръ въ бѣломъ, залитомъ кровью мундирѣ.

— Пить! Пить, добрый товарищъ!

У Лебольда не было воды. Во время штурма онъ потерялъ свою походную фляжку. Ему было очень грустно, что онъ не могъ исполнить просьбу умирающаго.

— Тебѣ, можетъ быть, мѣшаетъ солнце, товарищъ? Хочешь, я прикрою тебѣ платкомъ лицо?

— Пожалуйста.

Лебольдъ заботливо прикрылъ платкомъ его лицо. Въ это время надъ головой снова засвистали пули. Пуля ударилась въ землю близко отъ Лебольда. Тогда онъ снова спрятался за надгробный памятникъ. Его вниманіе обратила на себя надпись: „Іоганнъ Гарингъ, бывшій могильщикъ аспернскаго кладбища, род. 1730, сконч. 1803“. Внизу было написано мелкимъ шрифтомъ: „Сорокъ семь съ половиною лѣтъ былъ я здѣсь могильщикомъ въ Асперне,—девять тысячъ четыреста труповъ похоронилъ я,—а теперь я самъ лежу здѣсь мертвый.—Оставшіеся пока въ живыхъ, не забывайте меня!“.

Лебольдъ вздохнулъ и закрылъ глаза рукой. Его тронула безъискусственная надпись на деревенской могилкѣ, и онъ погрузился въ раздумье. Ему пришло въ голову предложить раненому товарищу кусочекъ хлѣба. Но отвѣта не было.

— Товарищъ, ты меня слышишь? Что съ тобой?

Лебольдъ быстрымъ движеніемъ снялъ платокъ съ его лица. Это было лицо мертвеца! Тогда онъ со страхомъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ застрѣленный имъ молодой гренадеръ. Несчастный былъ еще живъ. Отъ времени до времени онъ пытался подняться и падалъ обратно на землю; онъ бился, какъ выброшенная на песокъ рыба. Лебольдъ отвернулся: онъ не могъ вынести вида его страданій. Невольно подумалъ онъ о матери убитаго юноши, розовое, дѣтское лицо котораго кривилось теперь отъ муки, и перенесся мыслями къ своей матери. Какъ тяжело было бы ей видѣть его здѣсь, среди труповъ и умирающихъ!

Жгучая боль пронизала его душу, рыданія потрясли грудь и горячія слезы потекли по щекамъ. Губы невольно шептали:

— Господи! Боже! Непостижимый! Да будетъ воля Твоя!

Вдругъ онъ прислушался:—что это? Съ Штадлау и Хирштеттена, съ Брейтенле и Расдорфа, раскинутыхъ среди тихихъ полей, доносился нѣжный звонъ. Со всѣхъ сельскихъ колоколенъ поднимались къ небу праздничные мѣдные голоса, звучавшіе чистымъ, благочестивымъ хораломъ. Былъ Троицынъ день—праздникъ св. Духа, спустившагося къ людямъ. Лебольдъ почувствовалъ, что у него пробудилась душа. Случилось такъ, какъ говорила Веттль: ему не нужно было вѣрить, онъ ясно ощущалъ, что долженъ быть внутренній смыслъ человѣческой жизни. Каждый изъ насъ долженъ вѣрно играть свою мелодію и вѣрить въ существованіе міровой гармоніи, слышать которую мѣшаетъ намъ ограниченность нашего сознанія. Точно свѣтъ вспыхнулъ въ душѣ Лебольда, и онъ ощутилъ счастье и спокойствіе. Что̀ бы съ нимъ ни случилось теперь—побѣда или смерть,—онъ былъ утѣшенъ, такъ какъ духъ Божій жилъ въ немъ.

— Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя!

Съ кладбищенской стѣны неожиданно раздался громкій призывъ трубы: штурмъ! Это явилась помощь, давно ожидаемое подкрѣпленіе! Какъ бѣлое облако, ринулось на Аспернъ неисчислимое количество бѣлыхъ мундировъ. Они бросились черезъ трупы убитыхъ товарищей, карабкались съ бѣшеной скоростью на прострѣленныя стѣны кладбища, пролѣзали сквозь бреши. Торжественно звучалъ австрійскій гимнъ, какъ послѣдній привѣтъ умиравшимъ товарищамъ.

Лебольдъ бросился впередъ съ новыми силами.—За императора и отечество!

Побѣдители далеко преслѣдовали выгнанныхъ изъ Асперна французовъ. Но не всѣ вернулись назадъ. Многіе погибли въ бою или попали ранеными въ руки врага.

— Что это за дворецъ они такъ усердно обстрѣливаютъ? Вотъ тамъ, около парка.

Мельхеръ, который только-что вернулся въ свой эскадронъ, перегнулся въ сѣдлѣ и указывалъ палашомъ на большое зданіе.

— Это вовсе не дворецъ,—отвѣтилъ ему товарищъ.—Дворецъ гораздо дальше. Это эсслингскій хлѣбный амбаръ.

— Амбаръ? А выглядитъ какъ дворецъ!—удивился Мельхеръ.—Нашимъ очень трудно будетъ его взять. Почему же они не

стараются пройти сначала паркомъ? Тамъ не видно ни одного французскаго штыка.

— Французы спрятаны за стѣной и за деревьями. Наши гренадеры уже четыре раза штурмовали паркъ. И каждый разъ ихъ отбрасывали назадъ.

— А намъ приходится только смотрѣть на все это!

— Мы печемся на солнцѣ ужъ нѣсколько часовъ и не можемъ принять участіе въ сраженіи!

— Навѣрное скоро намъ будетъ сигналъ къ атакѣ!—утѣшался Мельхеръ. Онъ радовался, что освободился отъ службы ординарца, и надѣялся услышать призывъ трубы: впередъ!

Кирасирскій полкъ стоялъ противъ Эсслинга, выстроенный какъ на парадѣ; онъ служилъ прикрытіемъ для гренадеровъ, которые должны были взять Эсслингъ. Мельхеру совсѣмъ не нравилась роль зрителя. Кирасиры слѣдили за разыгрывавшимся сраженіемъ, безпокойно ёрзая въ сѣдлѣ.

Вдругъ надъ ихъ головами пролетѣла граната. Мельхеръ видѣлъ, какъ она пролетѣла по ясному небу и разорвалась далеко позади послѣдняго ряда солдатъ. Онъ усмѣхнулся. Какой позоръ такъ промахнуться, когда цѣлишься въ цѣлый полкъ!

— Они все время цѣлятся слишкомъ далеко,—сказалъ его сосѣдъ.—Но, въ концѣ концовъ, они начнутъ въ насъ попадать.

— Не вѣчно же мы будемъ стоять на мѣстѣ. Если мнѣ еще долго не дадутъ рубить моимъ палашомъ французскій сбродъ, такъ я, кажется, одинъ брошусь въ бой!

Французы не особенно обращали вниманіе на кирасировъ и стрѣляли въ нихъ лишь изрѣдка. Они все еще не могли разсчитать разстояніе, и всякій разъ ихъ снаряды пролетали надъ полкомъ, никому не причиняя вреда.

Мельхеръ услышалъ слѣва тысячеголосое „ура!“: австрійскіе гренадеры въ пятый разъ бросались на стѣны эсслингскаго парка. Кирасиры смотрѣли на своихъ офицеровъ, дрожа отъ нетерпѣнія, но тѣ дали знакъ оставаться на мѣстахъ. Вдругъ въ середину полка упала непріятельская граната. Мельхеръ обернулся и увидѣлъ лежавшихъ на землѣ солдатъ и лошадей. Онъ взглянулъ на полковника. Теперь онъ навѣрное дастъ сигналъ къ атакѣ. Но нѣтъ! Старый полковникъ сидѣлъ въ сѣдлѣ передъ фронтомъ неподвижно, какъ каменное изваяніе.

На этотъ разъ штурмовавшимъ гренадерамъ посчастливилось. Мельхеръ видѣлъ, какъ они влѣзли на стѣны парка и отвоевывали почву, сражаясь изъ-за каждаго дерева. Но всѣ попытки овладѣть хлѣбнымъ амбаромъ оставались безплодными. Громадное

зданіе, которое Мельхеръ принялъ за дворецъ, было сверху до низу окутано пороховымъ дымомъ; изо всѣхъ оконъ и отверстій стрѣляли французскіе мушкеты. Крѣпкія стѣны были неприступны. Засѣвъ за ними, французы могли обстрѣливать всю сѣверную часть села. Проникшіе въ паркъ батальоны гренадеровъ не могли вступить въ рукопашный бой, какъ это предполагалось раньше. Мельхеръ съ грустью смотрѣлъ, какъ они отступали изъ парка, завоеваннаго съ такими тяжелыми потерями. Онъ думалъ, что теперь долженъ придти, наконецъ, чередъ кавалеріи. Онъ снова повернулся къ полковнику, — но въ это время около него раздался оглушительный трескъ, и онъ очутился на землѣ; между ногами у него была убитая лошадь. Граната, упавшая передъ нимъ, разорвала въ куски лошадь; онъ случайно спасся, укрытый тѣломъ животнаго. Потрясенный видомъ лошади и сознаніемъ опасности, Мельхеръ высвободилъ ноги изъ стремянъ и сталъ снимать сбрую. По военнымъ правиламъ, онъ былъ обязанъ доставить ее въ безопасное мѣсто. Руки у него дрожали. Пока онъ возился съ лошадью, нѣсколько гранатъ пролетѣло надъ его головой. Онъ бросился бѣжать, со сбруей въ рукахъ, по направленію къ заднимъ рядамъ своего полка. Онъ думалъ достигнуть кавалерійскаго парка за правымъ крыломъ дивизіи; тамъ ему казалось безопаснѣе. Кругомъ непрерывно свистѣли и съ трескомъ разрывались гранаты. Французы все еще цѣлились слишкомъ далеко; позади, гдѣ не было солдатъ, опасности было больше, чѣмъ въ строю. Недалеко отъ бѣжавшаго Мельхера, какъ-разъ за правымъ крыломъ, падали одна за другой бомбы.

— Возвращайся налѣво! — крикнули ему товарищи.—Бѣги изо всѣхъ силъ!

Мельхеръ послушался, ничего не сознавая отъ страха, и бросился, съ тяжелой сбруей въ рукахъ, въ другую сторону. Онъ бѣжалъ вдоль послѣдняго ряда всадниковъ. Хоть бы скорѣе перебѣжать свободное пространство, куда попадаетъ такъ много снарядовъ! Хоть бы имѣть снова лошадь! Не опоздать бы къ атакѣ; теперь ужъ она не заставитъ себя долго ждать. Дыханіе его прерывалось, а въ душѣ звучало одно: только не такъ умереть! Только не такъ! Ему пришлось покинуть прикрывавшую его колонну всадниковъ. Онъ рѣшительно повернулъ налѣво и пустился со всѣхъ силъ черезъ свободное пространство. Но не пробѣжалъ онъ пятнадцати шаговъ, какъ его настигла граната, и онъ упалъ, раненый на смерть.

— Не геройская смерть! — Это было послѣдней мыслью, промелькнувшей въ его сознаніи.

Онъ увидѣлъ садъ милаго, вѣрнаго дома „Голубой кукушки“, услышалъ шумъ ткацкихъ станковъ и пѣніе воробушекъ въ дикомъ виноградникѣ. Потомъ все заволоклось туманомъ.

Вечеромъ въ Троицынъ день Кебахъ вернулся изъ города съ двумя пріятелями, механикомъ Швейбенрайдеромъ и заготовщикомъ Войтехомъ.

— Принеси вина, Веттль!—сказалъ онъ.—Намъ нужно подкрѣпиться!

— Господи, не случилось ли что?—подумала Веттль. Но спросить отца не рѣшилась.

Когда вино было подано, друзья подняли свои бокалы, и Кебахъ торжественно провозгласилъ:—Многія лѣта императору! Многія лѣта эрцгерцогу Карлу!

— Дай Богъ Лебольду многія лѣта!—подумала Веттль.

Въ это время пришелъ Рекеншусъ. Онъ молча поздоровался со всѣми. Они продолжали грустно сидѣть за своими бокалами.

Рекеншусъ принялъ ихъ угнетенное настроеніе за дурной признакъ и тревожно спросилъ, нѣтъ ли вѣстей съ театра войны. Ему отвѣчали, что было ужасное сраженіе. Наполеонъ со всей арміей отброшенъ на правый берегъ Дуная. Эрцгерцогъ-генералиссимусъ пустился въ погоню за бѣжавшимъ непріятелемъ.

— И вы разсказываете это съ такимъ постнымъ лицомъ?

Всѣ трое тяжело вздохнули.

— Еслибы ты видѣлъ этихъ несчастныхъ раненыхъ, которыхъ французы перевезли въ Вѣну!—сказалъ Кебахъ.

— Развѣ французы не должны возвратить Вѣну, разъ они побиты?—спросилъ Рекеншусъ.

— Имъ незачѣмъ отдавать Вѣны,—сказалъ „Красный ежъ“.—На правомъ берегу Дуная эрцгерцогу Карлу не такъ-то легко будетъ ихъ разбить. Во всякомъ случаѣ они перевезли сюда своихъ раненыхъ, въ томъ числѣ и попавшихся въ плѣнъ австрійцевъ. Мы видѣли на Ландштрассе кровавый поѣздъ—это нѣчто ужасное!

— Безконечная вереница колясокъ, крестьянскихъ тарантаекъ, телѣгъ, всевозможныхъ повозокъ и вездѣ на окровавленной соломѣ раненые, искалѣченные, которые кричатъ отъ боли,—разсказывалъ Швейбенрайдеръ. — У многихъ глаза закрыты: можетъ быть, они уже мертвые. И всѣ лежатъ въ перемежку: офицеры съ солдатами, австрійцы съ французами, въ томъ порядкѣ, какъ ихъ подобрали на полѣ сраженія.

Открылась дверь и вошли дядя Пимперъ и Томасъ. Они тоже были потрясены видомъ раненыхъ.

— За всю свою жизнь не видалъ такого ужаса! — сказалъ „Англійскій лордъ“. Отъ улицы св. Марка и до площади передъ городскимъ валомъ — сплошная полоса крови; это накапало съ повозокъ!

— Хорошо, что parlez-vous съ самаго начала отняли у меня оружіе. Оно бы все равно вывалилось у меня изъ рукъ при видѣ крови! Теперь я чувствую, что не рожденъ солдатомъ. Мнѣ дѣлается нехорошо, какъ подумаю о пролитой крови.

И онъ осушилъ свой бокалъ. Остальные послѣдовали его примѣру. Мало-по-малу вино утѣшило ихъ огорченныя сердца. Все-же была одержана побѣда, хоть и цѣной крови. Первая побѣда надъ корсиканцемъ. Наполеонъ былъ побитъ. Наполеонъ бѣжалъ! Друзья снова подняли свои бокалы:

— За императора! За эрцгерцога Карла!

— И за нашу милую, старую Австрію! — прибавилъ Кебахъ.

„Красный ежъ“ налилъ себѣ еще вина.

— Фрейлейнъ Ветти, соблаговолите зайти сюда на минутку!

Веттль была въ магазинѣ и слышала оттуда весь разговоръ. Она не могла радоваться побѣдѣ: до сихъ поръ она ничего не знала о Лебольдѣ! Веттль вошла въ комнату блѣдная, разстроенная.

— Вы должны со мною чокнуться! — воскликнулъ старый Войтехъ.—Эрцгерцогъ-генералиссимусъ послѣдовалъ вашему примѣру и показалъ всему міру, какъ надо гнать французовъ!

Веттль поблагодарила и чокнулась съ нимъ.

— Въ этомъ нѣтъ моей заслуги, — сказала она, пытаясь улыбнуться.

По лѣстницѣ кто-то бѣжалъ съ такимъ шумомъ, какъ будто шелъ полкъ солдатъ. Въ комнату вошелъ Местроцци.

Веттль воспользовалась случаемъ, чтобы удалиться. Томасъ послѣдовалъ за нею. Онъ разсказывалъ Веттль о своемъ семейномъ счастьѣ.

— Еслибъ еще прогнали къ чорту французовъ и дѣло снова пошло бы на ладъ, такъ мнѣ и желать больше нечего. Я надѣюсь, что ты тоже будешь счастлива,—прибавилъ онъ.

У Веттль глаза наполнились слезами, но она сдержалась и начала распрашивать о Шакерлѣ. Томасъ ничего о немъ не зналъ. Шакерль не показывался съ того вечера, какъ Фанни отъ него убѣжала; вѣроятно онъ оставилъ Вѣну. Томасъ слышалъ, будто вюртембергскіе полки двинулись въ Венгрію.

— Для насъ этотъ интересный герой исчезъ вѣроятно навсегда,—прибавилъ весело Томасъ.

— И никто не пожалѣетъ объ этомъ,—сказала Веттль.

— Какъ грустно, что изъ мальчика, который почти выросъ въ домѣ „Кукушки", вышелъ такой негодяй!

Шумная бесѣда друзей продолжалась еще долго; подвыпившіе гости разошлись поздно ночью, почти убѣжденные въ томъ, что они сами разбили Наполеона.

На слѣдующее утро Веттль разбирала въ магазинѣ присланные красильщикомъ Кицингеромъ мотки прелестныхъ шелковыхъ нитей: красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ.

Вдругъ въ магазинъ ураганомъ влетѣла швея Луиза и крикнула еще въ дверяхъ:—Всѣ бѣды кончились!

Веттль не могла понять, что̀ означаетъ этотъ неожиданный возгласъ. Но Луиза не заставила долго себя распрашивать.—Лебольдъ вернулся! Онъ раненъ, но опасности нѣтъ.

Веттль схватилась рукой за сердце. Гдѣ же онъ лежитъ? Дома, на Кейзерштрассе, въ заведеніи „Жесткаго ежа". Его охотно отдали на родительское попеченіе, такъ какъ госпитали всѣ переполнены.

— Подумайте, фрейлейнъ Веттль: Лебольдъ лежалъ на телѣгѣ, съ восковымъ лицомъ, точно у мертвеца, подъ цѣлой грудой раненыхъ французовъ! Съ поля сраженія поднимали всѣхъ, кто еще шевелился, и сваливали на повозки. Они привезли его на улицу св. Марка, а старый Шролль шелъ въ это время внизъ по дорогѣ; онъ хотѣлъ, какъ всѣ, посмотрѣть поѣздъ раненыхъ. И вдругъ видитъ на окровавленной соломѣ своего Лебольда, который былъ безъ сознанія.

— Онъ тяжело раненъ? — спросила Веттль дрожащимъ голосомъ.

— Онъ раненъ въ плечо французской пулей. Сегодня ночью хирургъ вынулъ пулю. Когда Лебольдъ пришелъ въ себя, онъ первымъ дѣломъ спросилъ у врача, можно ли ему будетъ управлять станкомъ. Докторъ разсмѣялся и отвѣтилъ, что французы должны были бы лучше цѣлиться, если хотѣли избавить ліонскихъ ткачей отъ опаснаго конкурента.

Кебахъ вошелъ въ магазинъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ радостно воскликнулъ:

— Ну что, правду я говорилъ? Господь не дастъ погибнуть такому храбрецу!

Онъ хотѣлъ знать, что̀ говорилъ по этому поводу старый Шролль.

— Старый Шролль шелъ за повозками съ ранеными вплоть до военнаго госпиталя, гдѣ они выгрузили Лебольда. Оттуда онъ послалъ къ женѣ, чтобы она пришла взять сына. Она сейчасъ же отправилась туда, и когда вошла въ зданіе госпиталя—какъ вы думаете, что̀ она увидѣла? Старый Шролль стоялъ на колѣняхъ около сына, который лежалъ на землѣ вмѣстѣ съ другими ранеными. Лебольдъ все еще не приходилъ въ себя, и мать думала только о томъ, какъ бы его подкрѣпить. Только спустя нѣсколько времени, когда Лебольдъ лежалъ уже дома, въ постели, — ей пришло въ голову, что старикъ дѣйствительно стоялъ на колѣняхъ передъ сыномъ, какъ она ему когда-то сказала. Ей вспомнился отвѣтъ Шролля: да, если дѣйствительно дойдетъ до этого, тогда все снова будетъ хорошо.

Въ сердцѣ Веттль точно солнце взошло; ея лицо свѣтилось радостью. Когда Луиза ушла, она бросилась на шею отцу.

— Не надѣйся, Веттль, что между Лебольдомъ и его отцомъ теперь все уладилось, — сказалъ Кебахъ, лаская ее. — Шролль всегда останется вѣренъ себѣ. Его не легко переубѣдить.

Кебахъ оказался правъ. Шролль простилъ своего сына и больше не сердился на него; но когда Лебольдъ сталъ поправляться и зашелъ объ этомъ разговоръ, Шролль объяснилъ ему, что все-таки не можетъ взять его въ свое дѣло. Кто валандался среди солдатскаго сброда, тотъ больше не годится для бюргерскаго труда. Онъ совѣтовалъ Лебольду найти другое занятіе. На всѣ возраженія Шролль отвѣчалъ коротко: — „Я глава дома и рѣшаю по-своему; остальные должны молчать и слушаться. У меня есть еще сыновья; они тоже могутъ побросать станки и опоясаться саблей“.

— Это вовсе не значитъ, что я сержусь на него! — говорилъ онъ, энергично проводя рукой по серебрившимся волосамъ. — Лебольдъ не сдѣлался хуже послѣ солдатчины, это я и самъ вижу. Онъ мой мальчикъ, и я его люблю. Но свое дѣло я тоже люблю. Во всякомъ случаѣ оно не хуже солдатскаго, а вѣдь въ армію не берутъ обратно бѣглецовъ.

Его рѣшеніе оставалось такимъ образомъ непоколебимо.

Лебольдъ послалъ Капланекъ и Веттль сердечный привѣтъ Мельхера. Онъ передалъ имъ, что видѣлъ Мельхера живымъ и здоровымъ на второй день сраженія; изъ него вышелъ бравый ординарецъ. Наконецъ-то Капланекъ могла успокоиться. Сколько разъ ночью, со времени объявленія войны, ей снилось, что ее

давитъ черная кошка! Теперь всѣ ея страхи исчезли. Если Мельхеръ былъ здоровъ на второй день, значитъ Господь не хочетъ его погибели; вѣдь еслибы Господь назначилъ ему смерть, его бы убили въ первый день битвы. Материнское сердце наполнилось сладкими надеждами. Весь міръ казался ей въ розовомъ свѣтѣ. И когда однажды утромъ на крышѣ показалась черная кошка, то свершилось невѣроятное: Капланекъ не увидѣла въ этомъ дурного предзнаменованія! Черная кошка облизала лапки и стала усердно ими мыть ушки и мордочку.— Это означаетъ неожиданное посѣщеніе, — разсказывала она по всему дому. Сегодня долженъ вернуться Мельхеръ; въ этомъ она была увѣрена. Ему навѣрное дадутъ отпускъ послѣ ужаснаго боя, чтобы онъ могъ хорошенько отдохнуть. Если кошка моется, надо ждать неожиданнаго гостя.—Она говорила это такъ убѣдительно и ходила по дому такая сіяющая, что всѣ наконецъ повѣрили, будто Мельхеръ непремѣнно явится въ этотъ день. Кебахъ вызвалъ Веттль въ магазинъ и сказалъ ей, что хочетъ объявить Мельхера подмастерьемъ. Человѣкъ, имѣющій такія заслуги передъ отечествомъ, участвовавшій въ побѣдоносной битвѣ съ Наполеономъ, достоинъ зачисленія въ цехъ. Онъ сговорился съ дочерью насчетъ приготовленій, какія нужно сдѣлать для достойной встрѣчи новоиспеченнаго подмастерья.

Веттль была довольна, что милому, храброму Мельхеру предстоитъ такая радость. Она сейчасъ же обѣжала весь домъ и садъ и собрала все нужное для украшенія станка, какъ это принято было дѣлать при объявленіи ученика подмастерьемъ.

Станокъ Шнауса уже нѣсколько недѣль былъ свободенъ. Когда Винченцъ ушелъ на бастіоны, подмастерье Шнаусъ потребовалъ у хозяина прибавки; гулять или лежать въ шанцахъ было, по его мнѣнію, гораздо веселѣе, чѣмъ сидѣть цѣлыми днями за станкомъ. Кебахъ предложилъ ему уйти, если ему не нравится: его физіономія давно не подходила къ дому „Голубой кукушки“. Шнаусъ соглашался уйти только черезъ полгода, когда кончится срокъ его контракта; у него оказалась на примѣтѣ престарѣлая вдовушка, на которой онъ собирался жениться. Кебахъ каждый разъ сердился, когда видѣлъ у себя въ мастерской Шнауса. Къ счастью вернулся Винченцъ; онъ сталъ дразнить Шнауса вдовушкой и довелъ его до того, что Шнаусъ распрощался съ хозяиномъ и ушелъ, къ общему удовольствію всего дома.

Веттль вмѣстѣ съ Фанни проработала все утро надъ украшеніемъ станка, который предназначался Мельхеру. Онѣ разу-

брали его пестрыми лентами и великолѣпными розами, набранными изъ сада „Кукушки“.

Фанни болтала безъ умолку о своемъ семейномъ счастьѣ; какъ стало уютно въ ихъ квартиркѣ во второмъ этажѣ! Правда, она невелика, но мѣста хватитъ не только для двоихъ, но и для третьяго.

— Развѣ можно ожидать кого-нибудь? — изумилась Веттль.

Фанни утвердительно кивнула головой.

— Помнишь, Веттль, какъ я плакала у тебя на Новый годъ? Кто бы могъ тогда думать, что этотъ тяжелый годъ войны принесетъ мнѣ столько счастья!

— Батюшка говорилъ, что надо подъ Новый годъ вѣрить во все хорошее,—улыбаясь, сказала Веттль.

Когда на станкѣ не оставалось больше мѣста для цвѣтовъ и лентъ, онѣ притащили изъ погреба лучшіе сорта винъ и развѣсили бутылки на перекладинѣ надъ станкомъ. Между каждой парой бутылокъ красовались на яркихъ лентахъ маки и вѣтки орѣшника. Когда все было готово, Веттль и Фанни долго любовались своей работой.

Спустя нѣсколько часовъ Веттль сидѣла у себя въ комнатѣ и оплакивала, какъ брата, погибшаго Мельхера. Въ домъ „Голубой кукушки“, дѣйствительно, пришелъ неожиданный гость: явился посланный изъ воинскаго присутствія и, вызвавъ Капланекъ, вручилъ ей свидѣтельство о смерти Мельхера. Вмѣстѣ со свидѣтельствомъ онъ передалъ ей золотой дукатъ, подаренный Мельхеру при крещеніи, и нѣсколько принадлежавшихъ ему мелочей. Бѣдная Капланекъ была совсѣмъ уничтожена. Вечеромъ пришелъ Толльріанъ, который очень любилъ Мельхера. Но онъ плохо утѣшилъ плачущую мать.

— Мельхеру теперь хорошо,—говорилъ онъ,—онъ ничего не ощущаетъ больше; загробная жизнь, къ счастью, только пустая басня, — было бы ужасно, еслибъ вѣчно не было конца! Когда кто-нибудь рождается на свѣтъ — это все равно, какъ будто въ больницу принесли безнадежно больного. Пока онъ тамъ, онъ все надѣется на выздоровленіе и не находитъ его. Только одно снова дѣлаетъ его здоровымъ — смерть.

Послѣ неудачной попытки самоубійства, Толльріанъ еще больше ударился въ философію. Онъ стыдился, что передъ смертью просилъ отслужить по немъ заупокойную обѣдню и хотѣлъ загладить свою прежнюю ошибку. Шакерля онъ совершенно вычеркнулъ изъ своей памяти. Теперь у него была новая цѣль: доказать, что невѣрующій, отрицающій Бога человѣкъ можетъ достигнуть

глубокой старости и умереть спокойно. Для достиженія своей цѣли онъ всячески оберегалъ себя отъ тяжелыхъ мыслей и, благодаря этому, почти былъ счастливъ въ „больницѣ для безнадежно-больныхъ“.

У Капланекъ было свое утѣшеніе въ горѣ: она, наконецъ, имѣла доказательство, что черная кошка дѣйствительно служитъ предвѣстницей несчастья. Единственный разъ, когда она не подумала этого, ея сомнѣнія были ужаснымъ образомъ опровергнуты.

Однажды ее пригласили въ домъ Шролля къ больному Лебольду, который еще не вставалъ съ постели. Онъ обѣщалъ Мельхеру повидаться съ его матерью и надѣялся, что для старушки будетъ утѣшеніемъ ближе познакомиться съ человѣкомъ, который говорилъ съ ея сыномъ за нѣсколько часовъ до его смерти. Но онъ ошибался: Капланекъ мало обратила вниманія на его разсказъ. Для нея были гораздо важнѣе кошачьи исторіи, и она выкладывала ихъ одну за другой, не давая Лебольду вымолвить ни слова.

Лебольдъ долго горевалъ о смерти Мельхера. Ему тяжела была не только потеря товарища дѣтства; его мучило, что цѣль, за которую они оба проливали свою кровь, не была достигнута. Французы удержали за собою Эсслингъ, и это не давало австрійцамъ возможности использовать взятіе Асперна. Ходъ кампаніи не оправдывалъ надеждъ, какія были вызваны первымъ большимъ пораженіемъ корсиканца. Воинственное возбужденіе улеглось. Наступило затишье. Французы оставались въ Вѣнѣ до тѣхъ поръ, пока не пришли къ концу начатые переговоры о перемиріи. Безпощадныя контрибуціи, выходки французскихъ солдатъ, безденежье, дороговизна хлѣба—все это тяжело отзывалось на мирномъ населеніи.

Къ заботамъ общественнаго характера присоединялось безпокойство о собственной будущности. Отецъ не соглашался на его возвращеніе въ мастерскую, и Лебольду моментами казалось, что правы были Войтехъ-Пепи и „Херувимъ“, воздерживаясь отъ участія въ войнѣ. Но эти настроенія были мимолетны. Чѣмъ болѣе крѣпли его силы и подвигалось выздоровленіе, тѣмъ спокойнѣе и увѣреннѣе думалъ онъ о своемъ будущемъ. Лебольдъ не отдалъ бы за всѣ сокровища міра великое познаніе, которое явилось ему на кладбищѣ въ Асперне. Теперь онъ чувствовалъ, что внутренній миръ, который онъ ощутилъ въ себѣ, не покинетъ его до конца жизни.

Фрау Шролль ухаживала за нимъ съ материнской заботли-

востью. Въ одинъ изъ первыхъ дней, когда у него была еще лихорадка, онъ схватилъ ее за руку и притянулъ къ себѣ.

— Спасибо, матушка, большое тебѣ спасибо! Сколько сердечной мýки пришлось тебѣ изъ-за меня пережить!

Она погладила его по волосамъ и пытливо заглянула ему въ глаза.

— Это было не напрасно, Лебольдъ?

— Въ Троицынъ день меня осѣнилъ духъ Божій, матушка! Ты была права: мы не должны переставать вѣрить въ чудеса нашего сердца—никогда, никогда!

Фрау Шролль со слезами поцѣловала его. Сколько она выстрадала изъ-за этого ребенка! Но на этотъ разъ она плакала отъ счастья.

Лебольдъ возился со своей раной дольше, чѣмъ предполагалъ докторъ. Казалось, она не хотѣла заживать, пока врагъ въ городѣ, пока не закрылись раны отечества. Лѣто прошло; на каштановомъ деревѣ, подъ которымъ часто сидѣлъ выздоравливающій, уже появились желтые листья.

Былъ ясный осенній день. Старый Шролль подсѣлъ на скамейку къ своему сыну и заботливо спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Они говорили о пустякахъ, когда Шролль вдругъ вспомнилъ о полученномъ на имя Лебольда письмѣ. Онъ вытащилъ его изъ кармана и отдалъ сыну. Лебольдъ сломалъ печать, внимательно прочелъ письмо и передалъ его отцу. Письмо было отъ молодого оберъ-лейтенанта Эренштейна, который командовалъ штурмомъ Асперна и за это былъ награжденъ орденомъ Маріи-Терезіи. Онъ случайно узналъ, что Лебольдъ еще не принялъ рѣшенія насчетъ своего будущаго, и предлагалъ ему поступить на военную службу. Съ полковникомъ Эренштейнъ уже переговорилъ, и все зависѣло только отъ согласія Лебольда.

— Гм! Тебѣ надо, какъ слѣдуетъ, обдумать это предложеніе,—сказалъ отецъ, протягивая Лебольду письмо.

— Мое рѣшеніе принято давно,—отвѣтилъ Лебольдъ.

— Ты будешь солдатомъ?—взволнованно спросилъ Шролль.

— Нѣтъ,—сказалъ Лебольдъ,—за лѣто я имѣлъ достаточно времени подумать о своей будущности. Я ткачъ и хочу имъ остаться!

— Мои мастерскія для тебя закрыты, ты это знаешь. Мы объ этомъ достаточно говорили, а если я что говорю...

— Знаю, батюшка, — прервалъ его Лебольдъ. — Но мастерскихъ въ Шоттенфельдѣ достаточно. Пара рабочихъ рукъ не окажется лишней, особенно если наступитъ спокойное время. Вы,

батюшка, сами начали простымъ ткачемъ—отчего же и мнѣ не начать съ того же? Я не рожденъ солдатомъ и хочу быть бюргеромъ. Можетъ быть, я когда-нибудь выдвинусь работой и прилежаніемъ и смогу, какъ вы когда-то говорили, строить вмѣстѣ съ другими бюргерами великій храмъ будущаго.

— Мнѣ очень нравятся твои слова. Я бы, можетъ быть, передумалъ, если бы не объявилъ раньше свое рѣшеніе. — Онъ со вздохомъ поднялся со скамейки и положилъ руку на плечо Лебольда.—Если ты не можешь оставаться у меня, Лебольдъ, то помни, по крайней мѣрѣ, что всегда найдешь у своего отца помощь и дружбу. На это ты можешь положиться!

И онъ медленными шагами ушелъ въ домъ.

Наступили ясные, солнечные осенніе дни. Переговоры приходили къ концу, и миръ можно было считать обезпеченнымъ. Рана Лебольда почти зажила.

— Не хочешь ли сдѣлать визитъ на Циглергассе, чтобы немного развлечься? — однажды сказала ему мать съ легкой усмѣшкой.

Онъ былъ благодаренъ, что она давала ему возможность слѣдовать влеченію сердца, и съ радостью отправился въ домъ „Голубой кукушки“.

Веттль случайно была одна. Они сѣли въ большой комнатѣ около станка и отъ волненія не могли говорить. Веттль съ любовью и восторженнымъ удивленіемъ смотрѣла на своего героя, проливавшаго кровь за отечество. У нея сжималось сердце—такимъ блѣднымъ и печальнымъ выглядѣлъ Лебольдъ! Она думала, какъ тяжело должно было отразиться на Лебольдѣ жестокое рѣшеніе отца, и вздыхала украдкой.

Лебольдъ вынулъ изъ своего бумажника засушенную фіалку.

— Вы узнаёте ее, Веттль? Она сопровождала меня во всѣхъ сраженіяхъ. Но моимъ талисманомъ была не эта фіалочка. Моимъ талисманомъ были слова, которыя вы дали мнѣ на дорогу—помните, въ Шёнбруннѣ?

Она наклонила голову.

— Вѣра, внутренняя сила и душевный миръ, даже въ тяжелое время,—такъ вы мнѣ сказали. И сѣмя, брошенное вами въ мое сердце, взошло, дѣйствительно, въ тягчайшую минуту.

Онъ началъ разсказывать ей о страшной битвѣ при Аспернѣ.

Въ дверяхъ появился Кебахъ съ сіяющимъ лицомъ. Онъ протянулъ Лебольду обѣ руки.

— Да благословитъ васъ Господь, товарищъ по оружію!

— Батюшка тоже досталъ себѣ оружіе изъ цейхгауза,— пояснила Веттль.

— Еще бы! Но о военныхъ дѣлахъ послѣ. Разскажите сначала, какъ поживаете.

Добродушная веселость Кебаха понравилась Лебольду. Онъ разошелся, болталъ свободно и откровенно и признался, на вопросъ Кебаха, что не знаетъ хорошенько, куда дѣваться. Отецъ не беретъ въ свое дѣло, а мѣста онъ пока не нашелъ.

— Въ такомъ случаѣ я знаю, что̀ вамъ дѣлать, — сказалъ Кебахъ и объяснилъ ему, какъ бы мимоходомъ, что нуждается въ помощникѣ, и если Лебольдъ согласится переучиваться...

— Матерія вѣдь не то, что ленты!—прибавилъ онъ.

Лебольдъ густо покраснѣлъ.

— Хорошая лента—это очень красиво!—сказалъ онъ.

— Да, но сколько въ ней шелку!—презрительно сказалъ Кебахъ.

— Въ газовыхъ лентахъ очень много шелку.

— Ужъ лучше не говорите! Много шелку! Можно насквозь смотрѣть черезъ газовыя ленты!

— Черезъ тонкіе шелковые платки тоже можно насквозь смотрѣть, но отъ этого они не становятся хуже!

— Никто и не говоритъ, что они хуже! Я только говорю, что въ лентѣ всегда мало шелку.

— Вы ошибаетесь. Бываютъ, конечно, ленты, въ которыхъ очень мало шелку. Но мы фабрикуемъ и тяжелые товары. Вотъ, напримѣръ, шелковыя ленты: у нихъ основа тоже шелковая и ткутся онѣ какъ самая тяжелая матерія.

— Я говорилъ про газовыя ленты,—смягчился Кебахъ.

— Газовыя ленты тоже бываютъ разныя. Въ нашихъ газовыхъ лентахъ гораздо больше шелку, чѣмъ у другихъ фабрикантовъ; а между тѣмъ онѣ не дороже ни на одинъ крейцеръ. Я это хорошо знаю, потому что самъ устанавливалъ станки для газовыхъ лентъ.

— Я и не говорю ничего! Я не считалъ нитокъ въ вашихъ лентахъ. Изъ чего бы вы ихъ ни дѣлали, это меня не касается... — обиженно сказалъ Кебахъ. Ему казалось, что Лебольдъ отклонилъ его доброжелательное предложеніе, и это злило его и огорчало.

— Конечно, мнѣ все равно. Если вамъ это не подходитъ,— началъ онъ.

Лебольдъ съ улыбкой взялъ обѣими руками его руку и открыто взглянулъ ему въ глаза.

— Съ превеликой радостью согласенъ! Я не могу передать, какъ я вамъ благодаренъ. Я буду такъ стараться, если вы дѣйствительно возьмете меня въ ученіе. Но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ бранить ленты, которыя раньше дѣлалъ. Не правда ли?

— А вѣдь онъ, пожалуй, правъ!—сказалъ Кебахъ.

Стали обсуждать подробности предложенія.

— Лебольдъ начнетъ ученикомъ,—сказалъ Кебахъ.—Потомъ онъ научится ткать гладкія матеріи, затѣмъ полосатыя и наконецъ узорчатыя. Лебольдъ скоро пройдетъ весь курсъ ученія—онъ вѣдь многое знаетъ изъ ленточнаго производства. Тогда мы объявимъ его подмастерьемъ. А потомъ ему нужно будетъ выткать работу на степень мастера. Моей работой была тяжелая бѣлоснѣжная фландрская матерія, съ узоромъ изъ бутоновъ розъ. Да, это была тонкая работа. Моя добрая жена сшила себѣ изъ этой матеріи подвѣнечное платье.

Лебольдъ отъ души поблагодарилъ Кебаха за предложеніе. Но его останавливала одна мысль.

— Какая еще мысль?—съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Кебахъ.

Лебольда безпокоило, не пойдутъ ли разговоры между сосѣдями, если онъ ежедневно будетъ приходить учиться; не будетъ ли это непріятно Веттль?

— Это тебѣ будетъ непріятно, Веттль?—спросилъ Кебахъ.

Она опустила глаза и отвѣтила съ улыбкой:—Нѣтъ!

— Ну, тогда можетъ-быть это вамъ будетъ непріятно?

— Нисколько!—весело сказалъ Лебольдъ.

— Такъ пусть сосѣди болтаютъ на здоровье. Надо же имъ о чемъ-нибудь разговаривать! А въ данномъ случаѣ въ ихъ болтовнѣ будетъ хоть доля правды!

— Хорошо бы, еслибъ дѣйствительно была въ этомъ доля правды,—сказалъ Лебольдъ.—Но ученикъ—не партія для Веттль.

— Я на этотъ счетъ другого мнѣнія, — улыбаясь, сказала Веттль.

Они бросились другъ другу въ объятія.

— Онъ такъ усиленно думалъ, что рта не могъ раскрыть,—добродушно разсмѣялся Кебахъ.—Надо хоть „му-у“ сказать, чтобы что-нибудь вышло! Замѣтьте это себѣ, Лебольдъ.

Грянулъ пушечный выстрѣлъ такъ сильно, что стекла задрожали. Ударъ за ударомъ потрясалъ воздухъ, точно снова началась бомбардировка. Что это? Неужели снова война? Кебахъ раскрылъ окно и увидѣлъ проходившаго по улицѣ Рекеншуса.

— Что случилось?—крикнулъ ему Кебахъ.

— Миръ! Миръ! Заключенъ миръ!

Кебахъ, Веттль и Лебольдъ долго не могли произнести ни слова. Свѣтлыя слезы у нихъ текли по щекамъ, и они ихъ не стыдились.

— Теперь можно заниматься своимъ дѣломъ! Снова насталъ чередъ бюргера и его мирнаго труда!—воскликнулъ Кебахъ.

Руки Лебольда и Веттль соединились.

— Наступаетъ трудовая жизнь, Веттль!—твердымъ голосомъ сказалъ онъ.—Жизнь, полная любви и упованія!

Веттль проводила Лебольда до воротъ; они шли рука объ-руку. Когда Веттль шла назадъ черезъ дворъ, къ ней подбѣжала Рослини.

— Дай обнять тебя, дитя! Я видѣла, какъ вы шли. Ты очень счастлива!

Веттль начала разсказывать про свое счастье, но вдругъ вскрикнула и поблѣднѣла.

— Что съ тобой, Веттль?

Она испуганно указала наверхъ. По крышѣ кралась черная кошка, которая скрылась въ окнѣ чердака.

— Это что-нибудь означаетъ, — тихо сказала Веттль. Событія послѣдняго мѣсяца и постоянные разсказы Капланекъ убѣдили и ее въ суевѣрномъ значеніи черной кошки.

Рослини улыбнулась и повела Веттль на чердакъ.

Они долго пробирались по жуткимъ закоулкамъ темнаго чердака. Наконецъ Рослини остановилась и осторожно отодвинула старую крышку ящика, которая была прислонена въ углу.

Въ устроенномъ съ помощью Рослини гнѣздышкѣ вытянулась, какъ маленькій тигръ, черная кошка, окруженная шестью или семью прелестными котятами.

Они были всѣхъ цвѣтовъ: черные, сѣрые, рыжіе, бѣлые, пятнистые и полосатые. Кошка облизывала ихъ одного за другимъ своимъ розовымъ язычкомъ и спокойно поглядывала на обѣихъ посѣтительницъ.

— Какъ это трогательно!—воскликнула Веттль, всплеснувъ руками.

— Это что-нибудь да означаетъ!—смѣясь, передразнила ее Рослини.

Веттль разсердилась и убѣжала. Рослини поймала ее у лѣстницы.

— Ну что же?—Будешь теперь бояться черной кошки?

— Ахъ, ты, кошачья маменька!—погрозила ей Веттль.—Мы боимся, а она ихъ разводитъ! Да еще подъ крышей „Голубой кукушки“!

Но Рослини увѣряла, что совершенно случайно занялась этимъ.

Ей было жаль бѣднаго животнаго, и она помогла кошкѣ устроить гнѣздышко и спрятаться отъ людскихъ взоровъ.

— Не могла же я прогнать мать семерыхъ дѣтенышей!

— Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего милѣе такой кошечки,— сказала Веттль.—Я бы сама завела такую, еслибъ не дѣдушка... Ахъ, Боже мой, я должна спѣшить къ нему; онъ вѣдь еще ничего не знаетъ.

Она перебѣжала черезъ дворъ къ Зальцкюфелю. Онъ, по обыкновенію, работалъ за своимъ станкомъ. Она тихо опустилась около него на колѣни и положила голову ему на грудь.

— Дѣдушка, сегодня я дала свое согласіе...

— Лебольду? — докончилъ онъ радостно: — я этого давно ожидалъ!—Онъ положилъ свои жесткія руки на ея пышные волосы.—Смѣло иди за него, дитя! Смѣло иди!

Они долго не произносили ни слова, прижавшись другъ къ другу. Веттль казалось, что миръ и упованіе изливались на всю ея будущую жизнь изъ стараго вѣрнаго сердца дѣдушки. Вдругъ она почувствовала, какъ ея коснулось что-то теплое. Это былъ Дивризль; ему стало обидно, что онъ не участвовалъ въ такой нѣжной сценѣ. Онъ вѣдь тоже принадлежитъ къ семьѣ! Веттль любовно погладила его за ушами; Дивризль положилъ голову ей на колѣни и почувствовалъ себя счастливымъ.

— Я не хочу больше отрывать дѣдушку отъ работы,—сказала наконецъ Веттль, поднимаясь съ колѣнъ.

— Ты права, Веттль, у меня много дѣла. Мнѣ приготовили сегодня новую основу. Вечеркомъ, когда у меня будетъ время, мы еще потолкуемъ съ тобой. Хорошо?

Веттль поцѣловала его въ лобъ и вышла.

Зальцкюфель ревностно продолжалъ нажимать на подножку, бросать ткацкій челнокъ и закрѣплять набилками поперечныя нити.

Съ нѣмецкаго Ю. С.

СИНДИКАЛИЗМЪ

ВО ФРАНЦІИ И ВЪ ИТАЛІИ

I.

Синдикализмъ означаетъ, собственно говоря, профессіональное движеніе. Но этимъ именемъ называютъ теперь своеобразную по принципамъ и тактикѣ форму рабочаго движенія во Франціи и въ Италіи, занимающую въ послѣднія пять лѣтъ довольно видное мѣсто въ соціальной жизни этихъ странъ.

Профессіональныя организаціи рабочихъ являются повсемѣстнымъ и, повидимому, необходимымъ послѣдствіемъ развитія крупной капиталистической промышленности, сближающей и объединяющей своихъ рабочихъ и естественно вызывающихъ съ ихъ стороны сперва временныя и слабыя, а затѣмъ все болѣе прочныя и обширныя организаціи для защиты своихъ интересовъ. Въ частности это наблюдается и во Франціи, правда, съ нѣкоторыми отклоненіями, въ силу историческихъ обстоятельствъ. Въ послѣдніе годы правленія Наполеона III рабочее движеніе во Франціи приняло уже довольно значительные размѣры, но разгромъ парижской коммуны въ 1871 г. на нѣсколько лѣтъ задержалъ его ростъ. Профессіональные союзы вновь появляются только въ половинѣ 70-хъ годовъ, и сейчасъ же начинается объединеніе ихъ, сначала въ *федераціи* рабочихъ одинаковой профессіи (въ 1879 г. шляпочниковъ, въ 1881 г. типографщиковъ и т. д.). Съ изданіемъ въ 1884-мъ г. закона, установившаго явочный порядокъ для устройства синдикатовъ (не получившихъ, однако, всѣхъ

правъ юридическаго лица), профессіональные союзы начинаютъ быстро развиваться, и на конгрессѣ въ Ліонѣ (1886 г.) объединяются въ *національную федерацію*.—Другой, параллельно развивавшійся типъ объединяющей организаціи представляли *биржи труда* (съ 1887 г.), охватывавшія рабочихъ различныхъ профессій одного и того же города, въ цѣляхъ урегулированія рынка труда, взаимопомощи, просвѣтительной дѣятельности и т. п.; обыкновенно биржи труда становились, кромѣ того, центрами борьбы рабочихъ. Подобно федераціямъ рабочихъ одинаковой профессіи, биржи труда также объединились, на конгрессѣ въ Сентъ-Этьенѣ (1892 г.), въ *федерацію биржи труда*. Существованіе двухъ отдѣльныхъ центральныхъ организацій было неудобно; національная федерація, притомъ, не процвѣтала. Отсюда рядъ корпоративныхъ конгрессовъ для объединенія всего профессіональнаго движенія. Такимъ высшимъ центромъ стала установленная на лиможскомъ конгрессѣ (1895 г.) *всеобщая конфедерація труда*, получившая окончательное устройство на конгрессѣ въ Монпелье въ 1902 г. Согласно принятому тамъ уставу, конфедерація „объединяетъ, внѣ всякой политической партіи, всѣхъ рабочихъ, сознающихъ необходимость борьбы за уничтоженіе системы наемнаго труда и капитала". Въ составъ ея входятъ національныя (или областныя) федераціи и биржи труда; при ней состоятъ коммиссіи печати, стачекъ—и, въ частности, всеобщей стачки,—и контрольная. По даннымъ 1906 г. конфедерація охватывала 2.399 синдикатовъ, входящихъ въ 64 національныхъ организаціи, и 136 биржъ труда, объединяющихъ 1.609 синдикатовъ; число членовъ ея, по Лагарделлю, 350 тыс. изъ 780 тысячъ организованныхъ рабочихъ Франціи. Профессіональные союзы издаютъ 6 еженедѣльныхъ журналовъ, 8 двухнедѣльныхъ и около 60-ти ежемѣсячныхъ [1]).

Синдикаты примѣняютъ обычные пріемы борьбы: стачки, бойкотъ, саботажъ (дурную работу за дурную плату, иногда съ умышленной порчей матеріала), а также выдачу лэбеля—значка, наклеиваемаго на товары предпринимателей, которые находятся въ хорошихъ отношеніяхъ съ синдикатами. На время рабочихъ стачекъ нерѣдко устраиваются коммунистическія столовыя, а также перевозка дѣтей стачечниковъ въ другія мѣста,—что, какъ показываетъ опытъ, является сильно дѣйствующимъ агитаціоннымъ средствомъ.

---

[1]) Списокъ этихъ изданій приведенъ въ книгѣ Критской и Лебедева: „Исторія синдикальнаго движенія во Франціи 1789—1907 г.", М. 1908, стр. 281—285.

Все это довольно типично для профессіональнаго движенія вообще; своеобразный же характеръ синдикализма обусловленъ прежде всего особенностями французскаго соціалистическаго движенія. Какъ и профессіональные союзы, оно начало развиваться въ 70-хъ годахъ, но, въ противоположность ему, по мѣрѣ своего роста стало подраздѣляться на отдѣльныя, жестоко враждовавшія между собою теченія. Въ 1879-мъ году на конгрессѣ рабочихъ организацій въ Марсели была основана „Федеративная партія рабочихъ-соціалистовъ Франціи", руководимая марксистомъ Гедомъ, ярымъ сторонникомъ централизаціи. Это вызвало реакцію, и на конгрессѣ въ Сентъ-Этьеннѣ (1882) гедисты, оказавшіеся въ меньшинствѣ, были исключены изъ конгресса. Руководящая роль перешла къ Бруссу, сторонніку федеративнаго принципа, стремившемуся къ завоеванію мѣстныхъ самоуправленій. Но затѣмъ и въ этой организаціи выдѣлилась группа Аллемана, предлагавшаго рабочимъ сосредоточиться на экономической борьбѣ и усиленно занимавшагося организаціей синдикатовъ и биржъ труда. Однако въ дальнѣйшемъ аллеманисты, подобно гедистамъ и бруссистамъ, перенесли свою дѣятельность на избирательную борьбу и участіе въ парламентѣ. Къ тому же пришла и сравнительно небольшая группа *бланкистовъ*, имѣвшая сперва заговорщицкій характеръ и ставившая своей цѣлью захватъ центральной власти съ помощью пролетаріата, какъ самой передовой части населенія.

Такимъ образомъ французскіе соціалисты раздѣлились на четыре враждовавшія между собой партіи, ставившія себѣ первоначально различныя задачи, но затѣмъ все болѣе и болѣе склонявшіяся къ неизбѣжному для созрѣвшихъ партій участію въ политической жизни страны. Такая спеціализація столь же понятна, какъ и сосредоточеніе профессіональныхъ организацій на непосредственной экономической борьбѣ; но стройная согласованность этихъ двухъ задачъ была довольно затруднительна, такъ какъ соціалистическая партія, не признавая ихъ равноправными, стремилась подчинить себѣ профессіональное движеніе. Геду удалось было (на конгрессѣ въ Марсели, въ 1879 г.) овладѣть національной федераціей синдикатовъ, выдвинувъ на первый планъ политическую борьбу. „Не въ борьбѣ на экономической почвѣ—говорилъ Гедъ—борющіеся пролетаріи добьются своего освобожденія. Они смогутъ создать свободу для себя и для всего человѣчества только на политической почвѣ, выступивъ на борьбу въ качествѣ гражданъ и овладѣвъ политической властью съ цѣлью экспропріировать своихъ эксплуататоровъ". Однако уже

въ 1888 г., на конгрессѣ въ Бордо, синдикалисты подчеркнули свой особый методъ борьбы — всеобщую стачку, и въ дальнѣйшемъ постоянно отстаивали эту позицію и вообще свою независимость отъ соціалистическихъ партій. Кромѣ того, пока профессіональное движеніе при господствѣ соціалистической партіи отвлекалось отъ своихъ прямыхъ задачъ, оно ослабѣвало, какъ это было съ федераціей синдикатовъ, и искало себѣ другихъ самостоятельныхъ путей, въ видѣ, напр., биржъ труда. Корпоративный съѣздъ въ Нантѣ (въ 1894 г.), охватывавшій какъ федерацію синдикатовъ, такъ и биржи труда, снова подчеркнулъ значеніе всеобщей стачки, вопреки гедистамъ, которые послѣ этого ушли съ конгресса. Основанная затѣмъ *всеобщая конфедерація труда* еще рѣзче отдѣлилась отъ соціалистическихъ партій. Конгрессъ въ Ліонѣ въ 1901 г. постановилъ, что „синдикальное движеніе должно сохранять свою собственную жизнь и направлять свою дѣятельность всецѣло на выполненіе своей собственной роли, объявить себя внѣ всякаго политическаго вліянія“... Амьенскій конгрессъ конфедераціи, въ 1906 г., окончательно отвергъ всякое соглашеніе съ соціалистическими партіями. Несомнѣнно, что первая причина этого разрыва лежала въ расколахъ среди самой соціалистической партіи. „Каждая изъ ея фракцій—говоритъ редакторъ синдикалистскаго журнала, Лагарделль—старалась привлечь на свою сторону рабочее движеніе и этимъ самымъ вносила въ экономическую среду вражду школъ... Именно для того, чтобы реализовать единство рабочаго класса, вдали отъ многочисленныхъ взаимно раздирающихъ другъ друга соціалистическихъ партій, профессіональныя рабочія организаціи требовали полной независимости“ [1]).

Притязанія соціалистическихъ партій на господство надъ синдикатами вызвали со стороны послѣднихъ обычную реакцію—отрицательное отношеніе къ задачамъ и пріемамъ партій и усиленное подчеркиванье своихъ собственныхъ цѣлей и методовъ. Если соціалистическія партіи указывали на необходимость завоеванія государственной власти и участія въ законодательствѣ, то синдикалисты, наоборотъ, отрицали государство и парламентъ, какъ буржуазныя учрежденія. Въ этомъ убѣжденіи, помимо пропаганды анархистовъ, ихъ поддерживало то обстоятельство, что существующее государство нерѣдко выступало противъ рабочихъ, какъ чуждая имъ и враждебная сила. Если даже оставить въ сторонѣ жестокое усмиреніе возстанія рабочихъ въ іюнь-

[1]) Гюберъ Лагарделль, „Революціонный синдикализмъ“, Спб. 1906.

скіе дни 1848 г. и еще болѣе кровавое подавленіе коммуны въ 1871 г., несомнѣнно оставившія слѣдъ въ рабочихъ массахъ, то и при третьей республикѣ стачки не разъ подавлялись войсками, правительство закрывало биржи труда (напр. въ 1893 г. парижскую) и т. п. Даже въ 1898—1900 гг., когда соціалистическія партіи дѣятельно участвовали въ общедемократической борьбѣ съ реакціей по поводу дѣла Дрейфуса, стачки рабочихъ (въ Крезо, Шалонѣ, на о. Мартиникѣ) энергично подавлялись правительствомъ, не смотря на то, что однимъ изъ его членовъ былъ соціалистъ Мильеранъ. Участіе послѣдняго въ кабинетѣ Вальдека-Руссо вызывало особенное негодованіе, такъ какъ его товарищемъ по кабинету былъ усмиритель коммуны Галлифе.

За послѣдніе годы дѣятельность конфедераціи труда выразилась въ борьбѣ противъ такъ называемыхъ конторъ для найма. Соотвѣтствующій законопроектъ 12 лѣтъ лежалъ въ парламентѣ, пока наконецъ, подъ вліяніемъ многочисленныхъ митинговъ рабочихъ, нападеній на конторы и т. п., палата, а затѣмъ и сенатъ провели (въ 1902—1903 гг.) этотъ законъ. Далѣе, съ 1904 г., начинается усиленное движеніе для достиженія восьмичасового рабочаго дня. Законодательный путь проведенія этой реформы былъ отвергнутъ. Конгрессъ въ Буржѣ (1904 г.) рѣшилъ начать агитацію, „чтобы съ 1 мая 1906 г. рабочіе сами перестали работать больше 8 часовъ въ день“. Однако, не смотря на усиленную агитацію, движеніе почти не имѣло успѣха.

Какъ синдикальное, такъ и стачечное движеніе распространилось въ послѣдніе годы на рабочихъ и служащихъ государственныхъ предпріятій, не смотря на то, что законъ не давалъ имъ этого права. Правительственныя преслѣдованія не помѣшали синдикатамъ государственныхъ служащихъ примкнуть ко всеобщей конфедераціи труда. На эпизодахъ борьбы почтово-телеграфныхъ и другихъ служащихъ съ Клемансо, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время, можно не останавливаться, въ виду ихъ общеизвѣстности.

Итакъ, непосредственная борьба съ предпринимателями, какъ основная функція синдикатовъ, и отрицательное отношеніе ихъ къ другимъ формамъ общественной дѣятельности и борьбы—таковы характерныя черты синдикализма. Его теоретики, начиная съ участниковъ движенія и кончая примкнувшими къ нему интеллигентами, развиваютъ эти черты въ цѣлое міровоззрѣніе. Синдикализмъ, по словамъ Лагарделля, „проводитъ въ жизнь клас-

совую борьбу въ ея чистомъ видѣ". Соотвѣтственно этому классовая борьба заполняетъ для синдикалистовъ все содержаніе исторіи. „Исторія какой-либо эпохи—говоритъ Лагарделль въ другомъ мѣстѣ—представляетъ собою не что иное, какъ исторію борьбы двухъ классовъ, заполняющихъ въ данный моментъ арену исторіи" [1]). Послѣдовательно проводя классовую точку зрѣнія, синдикалисты находятъ, что всѣ общественныя явленія и учрежденія имѣютъ опредѣленный классовый характеръ; при этомъ пролетаріатскими учрежденіями являются только профессіональные союзы рабочихъ и ихъ федераціи, все же остальное носитъ буржуазный, т.-е. антипролетарскій характеръ, такъ какъ создано буржуазіей въ ея цѣляхъ и интересахъ. Сюда относится прежде всего государство, со всѣми его институтами, хотя бы и самыми демократическими, и въ особенности парламентъ. „Государство представляетъ изъ себя соціальную надстройку, существующую лишь для того, чтобы стоять на стражѣ капитализма и собственности", говоритъ Латани, секретарь федераціи рабочихъ по металлу [2]). Тотъ же взглядъ постоянно проводится всѣми синдикалистами. „По своему назначенію и по своей сущности государство буржуазно", заявляетъ Э. Бертъ, одинъ изъ ближайшихъ участниковъ синдикалистскаго органа „Le mouvement socialiste". По словамъ теоретическаго вождя синдикализма, Ж. Сореля, „существуетъ безусловный антагонизмъ между революціоннымъ синдикализмомъ и государствомъ" [3]).

Синдикалисты считаютъ буржуазными и демократію, и народовластіе, съ принципомъ рѣшенія вопросовъ по большинству голосовъ. „Демократія по существу своему буржуазна", утверждаетъ Бертъ. „Демократія—по словамъ Э. Пуже, редактора органа конфедераціи труда („La voix du Peuple")—это господство несознательнаго большинства, которое объединяется при посредствѣ всеобщаго голосованія и во имя догмата народнаго суверенитета, давитъ сознательное меньшинство. Синдикализмъ же этому большинству противопоставляетъ права отдѣльной личности, считается только съ ея волей" „Для соціалистовъ—учитъ также Сорель—подчиненный классъ не долженъ признавать верховенства большинства; онъ вѣритъ исключительно въ свои собственные юридическіе тезисы, относящіеся къ экономіи производства". Но такъ какъ синдикалисты не всегда бываютъ

[1]) „Пролетаріатъ и демократія", въ сборникѣ: „Соціальное движеніе въ современной Франціи", М. 1908, стр. 64.

[2]) „Профессіональные союзы во Франціи", въ томъ же сборникѣ, стр. 8, 35 и др.

[3]) „Размышленія о насиліи", М. 1907, стр. 51. См. также стр. 155—156.

единодушны, и такъ какъ рѣшеніе вопросовъ по меньшинству голосовъ или еще какому-нибудь необычайному способу совершенно невозможно, то въ дѣйствительности и они держатся того же принципа большинства. Единственнымъ отклоненіемъ отъ него является прошедшее большинствомъ голосовъ постановленіе, чтобы на конгрессѣ каждый синдикатъ, независимо отъ количества членовъ, пользовался однимъ голосомъ. Въ результатѣ, по новѣйшимъ даннымъ, при голосованіи нѣкоторыхъ вопросовъ, 6 синдикатовъ, съ 2.696 членами, имѣли столько же голосовъ, какъ и другіе 6 синдикатовъ, съ 196 членами [1]).

Особенно нерасположены синдикалисты къ представительной системѣ правленія и къ парламентаризму. Въ то время, какъ въ синдикатахъ рабочіе борются посредствомъ прямого дѣйствія, представительная система—говорятъ они—означаетъ непрямое дѣйствіе, т.-е. бездѣйствіе рабочихъ, убивающее всякую иниціативу и чувство отвѣтственности. Далѣе, въ синдикатахъ дѣло идетъ о вещахъ, извѣстныхъ всѣмъ участникамъ; наоборотъ, „представительная система предполагаетъ некомпетентность гражданина“, который „не можетъ знать тысячи и одного вопроса общаго характера, служащихъ предметомъ политики“. Кромѣ этихъ общихъ несовершенствъ, парламентъ, по мнѣнію синдикалистовъ, имѣетъ еще и спеціальные недостатки съ точки зрѣнія пролетаріата, такъ какъ онъ предполагаетъ не непримиримую борьбу классовъ, а ихъ сотрудничество, и такимъ образомъ увлекаетъ рабочихъ на чуждый имъ путь. „Законодательство, — говоритъ Сорель — бываетъ результатомъ соглашенія между интересами, отчасти противоположными, отчасти солидарными“, а потому „представительный образъ правленія имѣетъ своимъ результатомъ ослабленіе чувства классовой борьбы у всѣхъ тѣхъ, кто играетъ въ немъ какую-либо роль“. „Полное участіе въ политикѣ, въ какой бы формѣ оно ни происходило,—говоритъ Сорель въ другомъ мѣстѣ—приноситъ соціализму одинъ лишь вредъ, ибо такое участіе заставляетъ придавать значеніе только торгу, спекуляціи. Въ немъ затемняется одновременно и правовой, и революціонный духъ“. Соотвѣтственно этому синдикалисты отрицаютъ „предлагаемыя государствомъ мнимыя реформы“. „Мы завоевываемъ реформы непосредственнымъ воздѣйствіемъ на предпринимателей,—говоритъ, напримѣръ, видный агитаторъ и пропагандистъ Дельзаль,—ибо мы знаемъ, что разъ у насъ хватитъ силъ заставить дать ихъ намъ, то мы съумѣемъ и удержать ихъ“.

---

[1]) „Теоретики романскаго синдикализма“, М. 1908, стр. CLXI—CLXII.

Нетрудно видѣть, что отрицаніе государства, народовластія и представительной системы дѣлаетъ синдикализмъ типичной *анархистской* доктриной. Не говоря уже о видныхъ дѣятеляхъ синдикализма, анархистахъ Пуже и Пеллутье, это прямо заявляетъ, напримѣръ, Сорель („Размышленія о насиліи", стр. 138; „Соціальные очерки", стр. 34 и др.). Правда, другіе синдикалисты болѣе или менѣе рѣшительно отдѣляютъ себя отъ анархистовъ; но такія заявленія основаны на недоразумѣніи. Такъ напримѣръ, Э. Бертъ отмежевываетъ себя отъ *индивидуалистическаго* анархизма, тогда какъ большинство теперешнихъ анархистовъ—коммунисты, и провести грань между ними и синдикалистами довольно трудно.

Если синдикализмъ и отличается чѣмъ-нибудь отъ анархизма, то только тѣмъ, что его ученіе носитъ, такъ сказать, эмпирическій характеръ; оно выведено не изъ систематическаго изученія и критики государства, а подсказано текущей дѣятельностью синдикалистовъ, какъ это и признается ими. „Сопротивленіе рабочихъ государству—говоритъ Лагарделль—начинается съ вмѣшательства правительственныхъ силъ въ столкновеніе между производителями и капиталистами"; затѣмъ оно „распространяется на всю государственную машину въ цѣломъ, и рабочіе становятся разрушителями государства" („Соц. движеніе", стр. 83). Очень характерно также, что Дельзаль считаетъ необходимымъ *выбирать* между использованіемъ рабочими государства и непосредственнымъ дѣйствіемъ. Практику дѣйствительно нерѣдко приходится выбирать между тѣмъ и другимъ, но задача теоретика состоитъ именно въ томъ, чтобы указать относительное значеніе обоихъ видовъ дѣятельности. Разумѣется, теоретики синдикализма—по крайней мѣрѣ Сорель, обладающій богатой и разносторонней эрудиціей,—нерѣдко выходятъ, такъ сказать, за предѣлы синдикалистскаго опыта, но въ общемъ для нихъ характеренъ именно эмпиризмъ, съ его обычной узостью и сбивчивостью.

Врядъ ли нужно доказывать односторонность классоваго пониманія исторіи: вѣдь и сами синдикалисты признаютъ, напримѣръ, что нерѣдко борьба ведется не между классами, а между національными группами, объединяющими различные классы. По ихъ мнѣнію, рабочіе при этомъ заблуждаются, и отсюда ихъ проповѣдь антипатріотизма и антимилитаризма; но, тѣмъ не менѣе, національная рознь и солидарность при этомъ классовъ остаются фактомъ. Далѣе синдикалисты, считая государство органомъ господства буржуазіи, признаютъ однако за нимъ и другія

функціи, въ общихъ интересахъ, и прежде всего обезпеченіе неприкосновенности личности и ея правъ. „Преступленіе вѣчно“,— говоритъ Сорель—и потому „уголовное право никогда не исчезнетъ“. Въ другой своей работѣ Сорель признаетъ за государствомъ право вмѣшательства для возстановленія нормальнаго порядка дѣлъ. „Для процвѣтанія производства очень важно—говоритъ онъ,—чтобы преступники наказывались, чтобы частные интересы охранялись и чтобы были независимые суды“ [1]). Синдикалисты не отказываются, собственно говоря, и отъ рабочаго законодательства: они вели, какъ мы уже видѣли, энергичную агитацію для законодательнаго уничтоженія конторъ найма. Сорель въ своей работѣ: „L'avenir socialiste des syndicats“ (Парижъ, 1900) проектировалъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ (надзоръ синдикатовъ за гигіеническими и санитарными условіями, инспекція и т. д.).

Въ своей критикѣ парламентаризма синдикалисты отчасти указываютъ нѣкоторые дѣйствительные его недостатки, неизбѣжные для всякаго человѣческаго учрежденія, отчасти же ихъ нападки преувеличены. Было бы, конечно, гораздо лучше, еслибы каждый заинтересованный, непосредственно и съ полной компетентностью, осуществлялъ свои цѣли; но такъ какъ это очевидно невозможно, то приходится выбирать между народнымъ представительствомъ и случайными господами народа, фактически оказавшимися у власти. Синдикалисты правы, конечно, и въ томъ, что парламентская дѣятельность представляетъ компромиссъ; но, во-первыхъ, избирательная борьба нерѣдко обходится и безъ компромиссовъ, а во-вторыхъ, парламентъ представляетъ изъ себя гигантскую всенародную трибуну для провозглашенія и защиты самыхъ принципіальныхъ требованій (на что указываетъ, между прочимъ, и Лагарделль). Синдикалисты упускаютъ также изъ виду, что хотя проведеніе закона въ парламентѣ обыкновенно довольно трудно и медленно, но за то и результаты его болѣе обширны и прочны и не могутъ быть отняты предпринимателями въ тяжелое для рабочихъ время. Надо думать, напримѣръ, что синдикалисты чувствуютъ себя гораздо спокойнѣе послѣ того, какъ конторы найма запрещены закономъ.

Такимъ образомъ, антигосударственность и антипарламентаризмъ французскаго движенія представляютъ изъ себя чрезмѣрный профессіонализмъ, возведеніе во всеобъемлющій принципъ своихъ спеціальныхъ задачъ и пріемовъ.

---

[1]) „Введеніе въ изученіе современнаго хозяйства“, М. 1908, стр. 146.

II.

Итальянское рабочее движеніе носило нѣсколько иной характеръ. Послѣ общенаціональной борьбы за освобожденіе и единство Италіи,—борьбы, не устранившей, разумѣется, нужды и экономической зависимости массы,—въ Италію проникаютъ (съ 1867 г.) идеи Интернаціонала, нашедшаго себѣ благопріятную почву въ революціонномъ темпераментѣ итальянцевъ. Если вообще Интернаціоналъ, по словамъ историка итальянскаго соціализма, проф. Анджіолини, „научилъ презирать политику и не вѣрить тому, что политическая борьба имѣетъ значеніе для освобожденія пролетаріата“ [1]), то это теченіе въ особенности поддерживалось Бакунинымъ, имѣвшимъ громадное вліяніе въ первую эпоху рабочаго движенія въ Италіи. Его послѣдователи, иногда при прямомъ его участіи (напр. въ Болоньѣ, въ 1874 г.), сдѣлали цѣлый рядъ попытокъ вооруженнаго возстанія, но всѣ онѣ окончились неудачно, вслѣдствіе чего Интернаціоналъ, въ 1871 г. насчитывавшій въ Италіи около 10-ти тысячъ членовъ, постепенно сошелъ на нѣтъ, оставивъ однако замѣтный слѣдъ въ воззрѣніяхъ революціонно настроенныхъ элементовъ.

Преемниками бакунистовъ были, съ одной стороны, небольшія группы соціалистовъ изъ интеллигенціи, державшіяся принциповъ Интернаціонала съ марксистской окраской (соціалистическая партія), съ другой стороны — болѣе многочисленныя и сильныя организаціи рабочихъ, преслѣдовавшія экономическіе интересы. Въ 1880 г., на съѣздѣ въ Болоньѣ, эти послѣднія организовались въ „рабочую партію“, которая также приняла дѣятельное участіе въ политической жизни страны, успѣшно воспользовавшись закономъ 1882 г., допустившимъ къ выборамъ всѣхъ умѣющихъ читать и писать. Такимъ образомъ, для итальянскаго рабочаго движенія характерно сліяніе экономической и политической дѣятельности, — правда, съ нѣкоторыми временными уклоненіями въ сторону антипарламентаризма, подъ вліяніемъ анархистовъ. Окончательно восторжествовало это направленіе на конгрессѣ въ Генуѣ (1892 г.), постановившемъ, что соціалистическая партія должна проявлять свою дѣятельность двояко: въ профессіональной борьбѣ за непосредственныя улучшенія, лежащей на обязанности биржъ труда и другихъ профессіональ-

[1]) Анджіолини, „Исторія соціализма въ Италіи“, т. I, стр. 293.

ныхъ организацій, и въ борьбѣ болѣе широкой, имѣющей въ виду завоеваніе политической власти (государство, коммуны, общественно-административныя учрежденія и т. д.).

Въ этихъ условіяхъ и развивалось въ Италіи широкое профессіональное движеніе, по обычному типу постояннаго роста и объединенія. Объединеніе синдикатовъ началось съ *камеръ труда*, соотвѣтствующихъ по своимъ функціямъ французскимъ биржамъ труда. Распущеніе ихъ Криспи въ 1894 г., послѣ волненій въ Сициліи, и Пеллу въ 1898 г., послѣ возстанія въ Миланѣ, не остановило ихъ роста. Параллельно объединялись также рабочіе отдѣльныхъ производствъ въ *національныя федераціи*. Характерной чертой итальянскаго рабочаго движенія является громадный ростъ союзовъ земледѣльческихъ рабочихъ (Leghe di miglioramento). Первый конгрессъ ихъ въ Болоньѣ, въ 1901 г., объединившій ихъ въ федераціи, охватывалъ 704 группы, съ 152 тыс. членовъ. Національныя федераціи на конгрессѣ въ Миланѣ, въ 1902 г., объединились въ исполнительный комитетъ профессіональныхъ союзовъ.

Между тѣмъ, съ ростомъ соціалистическаго движенія, въ немъ началась обычная дифференціація элементовъ. Въ соціалистической партіи намѣтились три теченія: реформисты, руководимые Турати, революціонеры, вскорѣ назвавшіе себя синдикалистами (Артуро Лабріола, Паннунціо, Леоне, Оливетти и др.), и примирительное среднее теченіе, такъ наз. интегралисты, съ Энрико Ферри во главѣ. Въ духѣ синдикалистовъ было настроено однако только меньшинство, какъ это обнаружилось на конгрессѣ 1906 г.: синдикалистами оказались здѣсь представители 53 тыс. рабочихъ, реформистами — 114 тыс. На этомъ конгрессѣ былъ организованъ высшій объединительный центръ профессіональнаго движенія — *конфедерація труда*. Въ виду ея реформистскаго характера синдикалисты не приняли въ ней участія, сдѣлавъ неудачную попытку (при конгрессѣ въ Пармѣ, въ 1907 г.) организовать другую конфедерацію. За послѣдніе годы синдикалисты выступали отдѣльно (при крупныхъ аграрныхъ стачкахъ въ Феррарѣ и Пармѣ) и вели ожесточенную полемику съ конфедераціей труда.

Теоретическія воззрѣнія итальянскихъ синдикалистовъ аналогичны взглядамъ французскихъ и несомнѣнно сложились подъ ихъ вліяніемъ, въ особенности подъ вліяніемъ Сореля, выпустившаго цѣлый рядъ своихъ работъ на итальянскомъ языкѣ. Итальянскіе синдикалисты—столь же рѣшительные сторонники классовой теоріи общества, приводящей ихъ къ анархическому отрицанію госу-

дарства и парламента. Эта теорія, однако, проводится ими далеко не послѣдовательно. „Государство — говоритъ Леоне — есть политическій органъ господства буржуазіи“ [1]). Для соціализма, по словамъ Оливетти [2]), „государство представляетъ классовый органъ“, а законъ — „простое временное выраженіе интересовъ господствующаго класса въ опредѣленный историческій моментъ“. Соотвѣтственно этому соціалисты, по словамъ Лабріолы, „отрицаютъ всякое участіе какъ въ центральномъ, такъ и въ мѣстномъ управленіи общественной власти“ [3]). „Мысль объ участіи соціалистическихъ депутатовъ въ законодательныхъ трудахъ — говоритъ Оливетти—находится въ полномъ противорѣчіи съ философіей классовой борьбы“.

Но, какъ сказано, и итальянскіе синдикалисты не удерживаются на этой анархической точкѣ зрѣнія. Отрицая государство и его законы, Оливетти въ то же время не можетъ представить себѣ такую общественную систему, которая, при дальнѣйшемъ существованіи промышленнаго хозяйства и интенсивнаго производства, не потребовала бы формальной координаціи труда, слѣдовательно руководящихъ функцій и органовъ, элементовъ, размѣряющихъ и регулирующихъ распредѣленіе произведенныхъ богатствъ“. Онъ говоритъ также о „безплодномъ упрямствѣ, съ которымъ анархисты борются противъ участія въ избирательной кампаніи“. „Я лично не постѣснялся — говоритъ Леоне—предложить въ Италіи законъ объ обязательности стачки для меньшинства и о запрещеніи штрейкбрехерства“. И даже Лабріола, наиболѣе крайній изъ синдикалистовъ, презрительно отзывающійся о реформистской филантропіи, привѣтствуетъ „законы о такъ называемомъ охраненіи труда, препятствующіе эксплуатаціи женщинъ и дѣтей“.

Рабочая масса въ Италіи, въ общемъ, не идетъ за синдикалистами. Послѣдній конгрессъ профессіональныхъ союзовъ въ Моденѣ (сентябрь 1908 г.) одобрилъ антисиндикалистскую дѣятельность конфедераціи труда и заявилъ, между прочимъ, въ своей резолюціи, что „профессіональные союзы только тогда вполнѣ выполнятъ долгъ своей борьбы за освобожденіе рабочихъ, когда они развернутъ энергичную и сознательную дѣятельность въ политической области“. Въ то же время, въ виду руководящаго вліянія въ нѣкоторыхъ профессіональныхъ союзахъ республикан-

---

[1]) „Синдикализмъ“, М. 1907, стр. 100.

[2]) „Проблемы современнаго соціализма“, М. 1908, стр. 41.

[3]) „Реформаціи и синдикализмъ“, Спб. 1907, стр. 108.

ской, т.-е. не-соціалистической партіи, а также, вѣроятно, въ виду раздоровъ внутри самой соціалистической партіи, конфедерація признала себя безпартійной.

Приведемъ, въ заключеніе, нѣсколько цифръ, рисующихъ ростъ и современное положеніе конфедераціи. Въ 1907 г. она охватывала 190 тыс. членовъ, составлявшихъ 49% всѣхъ организованныхъ рабочихъ; въ іюнѣ 1908 г.—306 тысячъ (56% организованныхъ). Къ конфедераціи принадлежатъ 37 камеръ труда, объединяющихъ 1.453 союза, съ 147 тыс. членовъ, 7 центральныхъ союзовъ, съ 140 тыс. членовъ и рядъ мѣстныхъ союзовъ; въ ея составъ входятъ 130 тыс. земледѣльческихъ рабочихъ.

М. Антоновъ.

КЭМБРИДЖЪ и ДАРВИНЪ

(Изъ воспоминаній о празднествахъ 22-24 іюня.)

> Upon the whole, the three years spent at Cambridge were the most joyful in my happy life.
>
> *Ch. Darwin.* Autobiography.

Кэмбриджъ! На всей землѣ—не исключая и Флоренціи—не найдется, конечно, второго уголка, который сыгралъ бы такую роль въ исторіи современной мысли. Кромвель и Мильтонъ, Бэконъ и Байронъ, Ньютонъ и Дарвинъ—однихъ этихъ именъ было бы достаточно, чтобы наполнить славой цѣлый міръ, а не одинъ только университетъ, a university, not only a university. Вотъ что̀ приблизительно сказалъ бы я, съ полнымъ убѣжденіемъ, нашимъ гостепріимнымъ кэмбриджскимъ хозяевамъ, еслибы... еслибы сотнямъ ученыхъ, собравшимся сюда со всѣхъ концовъ міра, пришлось говорить каждому въ свою очередь и растянуть блестящій двухдневный праздникъ на цѣлыя недѣли.

И эти имена величайшихъ Cambridge-men, не смотря на разнообразіе ихъ поля дѣятельности—какъ они между собой сплетаются, какую связь, то близкую, то очень отдаленную, но тѣмъ не менѣе несомнѣнную представляютъ они съ чествуемымъ міровымъ геніемъ и его ученіемъ!

Байронъ, капризнѣйшій изъ поэтовъ, въ самомъ капризномъ изъ своихъ произведеній—„Донъ-Жуанѣ“—не далъ ли онъ самую лаконическую и въ то же время самую высокую, не смотря на ея шутливую форму, оцѣнку міровой роли своего великаго коллеги по Trinity-колледжу:

Man fell with apples
And with apples rose.

„Человѣкъ палъ изъ-за яблока и съ яблокомъ воспрянулъ вновь“—намекаетъ онъ на второе легендарное яблоко: Ньютоново яблоко, благодаря которому человѣкъ сталъ „sicut Deus“, обнаружилъ свой „богоподобный разумъ, проникающій въ тайну движенія планетъ“, — такъ какъ несомнѣнно Ньютонъ, „qui genus humanum ingenio superavit“ [1]), а не кто другой рисовался въ воображеніи Дарвина, когда онъ писалъ эти заключительныя строки своего „Происхожденія человѣка“.

Отъ яблоковъ поэта недалекъ переходъ къ деревьямъ, на которыхъ они росли, и отъ поэта и ученаго Trinity къ ученому и поэту Christ's-колледжа—къ Дарвину и Мильтону. Въ другомъ своемъ произведеніи („Манфредѣ“) Байронъ съ такимъ же мѣткимъ лаконизмомъ высказалъ, можетъ-быть, еще болѣе глубокую мысль—„the tree of knowledge is not that of life“ [2]). Но на этотъ разъ мысль поэта, безусловно вѣрная въ общемъ житейскомъ смыслѣ, оказалась невѣрной въ примѣненіи къ наукѣ. Натуралисты конечно помнятъ то „древо жизни“, картиной котораго заканчивается четвертая глава „Происхожденія видовъ“ [3]). Плоды этого дерева вдохнули новую жизнь не только въ біологію, но и въ отдаленнѣйшія области человѣческой мысли, человѣческой дѣятельности, и тѣмъ не менѣе это „древо жизни“ произошло отъ плодовъ „древа познанія“: примѣръ *мутаціи*, въ сравненіи съ которымъ всѣ *энотеры* и имъ подобныя—ничто. И не любопытно ли слѣдующее сопоставленіе: не далѣе какъ годъ тому назадъ въ стѣнахъ того же Christ's-колледжа, гдѣ чествовалась теперь память Дарвина, чествовался трехсотлѣтній юбилей Мильтона—того самаго Мильтона, на комъ, какъ выяснилъ это недавно профессоръ Поултонъ, лежитъ главная доля отвѣтственности за укорененіе въ умахъ цѣлыхъ поколѣній догмата отдѣльныхъ актовъ творенія. Извѣстно также, что „Потерянный Рай“ былъ любимой книгой Дарвина, съ которой онъ никогда не разставался во время своего путешествія на „Биглѣ“. Такимъ образомъ въ томъ же Christ's-колледжѣ, гдѣ живы преданія поэта, облекшаго въ поэтическую форму космогонію книги Бытія, задумалъ Дарвинъ, по своемъ возвращеніи изъ путеше-

[1]) Надпись на памятникѣ Ньютона въ Trinity-college.

[2]) Древо познанія—не древо жизни.

[3]) По мнѣнію знатоковъ англійской литературы, это одинъ изъ тѣхъ отрывковъ знаменитой книги, которые со временемъ найдутъ себѣ мѣсто на страницахъ англійскихъ хрестоматій.

ствія, ту теорію, которой суждено было измѣнить навсегда воззрѣнія людей на происхожденіе органическаго міра.

Не менѣе этого совпаденія мѣста поразительно и совпаденіе во времени возникновенія основной мысли этого ученія. Въ 1837-мъ году, когда Юэль, знаменитый ученый историкъ индуктивныхъ наукъ, заканчивалъ въ Trinity заключительныя главы своего извѣстнаго труда, гдѣ онъ доказывалъ, что біологія никогда не покинетъ почвы телеологіи, отъ которой Бэконъ навсегда освободилъ физику—въ томъ самомъ 1837-мъ году молодой натуралистъ Christ's-колледжа Дарвинъ заносилъ въ свою записную книжку основной планъ своего будущаго труда, задуманнаго „въ истинно Бэконіанскомъ духѣ“, и показалъ, что этотъ духъ ему былъ знакомъ лучше, чѣмъ ученому историку, статуя котораго красуется рядомъ со статуей самого Бэкона, и что именно этотъ „духъ Бэкона“ освободилъ изъ сѣтей телеологіи науки біологическаго цикла, какъ ранѣе освободилъ отъ нихъ науки физическія. Именно успѣхи физическихъ наукъ зародили въ Дарвинѣ, по его собственному признанію, желаніе вывести на тотъ же путь и науку о живыхъ существахъ. Образъ Ньютона стоялъ передъ нимъ неотступно, и мысль о параллели съ Ньютономъ, высказанная въ заключительныхъ словахъ „Происхожденія видовъ“, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ встрѣчается уже въ самомъ первоначальномъ очеркѣ, отпечатанномъ только теперь, по случаю торжествъ. Такъ переплетаются здѣсь воспоминанія о поэтахъ, мыслителяхъ и ученыхъ—питомцахъ этихъ двухъ самыхъ знаменитыхъ колледжей Кэмбриджа. Не остался конечно безъ вліянія, быть-можетъ отдаленнаго, но несомнѣннаго, и воспитанникъ третьяго колледжа, Сидней-Суссекса—Кромвель. Не онъ ли угадалъ характеръ своей націи, основавъ величіе Англіи на ея морскомъ могуществѣ, и тѣмъ наложивъ извѣстную печать на все ея дальнѣйшее развитіе, отразившееся и на выработкѣ смѣлаго, предпріимчиваго типа ея натуралистовъ? Безъ него, быть можетъ, Англія не имѣла бы своего Кука, своего Фицъ-Роя, въ утлыхъ посудинахъ продѣлывавшихъ свои кругосвѣтныя плаванія, не имѣла бы и „Бигля“, этого плавучаго университета, давшаго Дарвину то, чего не могъ ему дать ни Кэмбриджъ да и ни одинъ университетъ на свѣтѣ, и безъ чего, опять по его собственнымъ словамъ, міръ никогда не увидѣлъ бы его книги. Только англійская нація могла создать этотъ типъ Дарвина, Уоллеса, Лайеля или вотъ этого, явившагося помянуть своего друга, почти столѣтняго старца Гукера, одинаково знакомаго съ флорой всѣхъ пяти частей свѣта и видѣвшаго, какъ о немъ

принято говорить, болѣе растеній въ ихъ естественной обстановкѣ, чѣмъ какой другой смертный.

Такъ, словно въ одномъ фокусѣ, собираются вокругъ виновника этихъ торжествъ и его великаго произведенія славныя воспоминанія Кэмбриджа. Я говорю просто Кэмбриджа, а не его университета, потому что нигдѣ, даже въ Оксфордѣ или Гёттингенѣ, университетъ не поглощаетъ такъ всецѣло своего города, какъ въ Кэмбриджѣ—это бросается въ глаза даже при самомъ бѣгломъ съ нимъ знакомствѣ.

Немногіе изъ туристовъ, посѣщающихъ Англію, заглядываютъ въ Кэмбриджъ, а между тѣмъ едва ли какая поѣздка можетъ дать столько впечатлѣній, какъ по связаннымъ съ нимъ дорогимъ всякому культурному человѣку воспоминаніямъ, такъ и по красотѣ картины историческихъ зданій, тонущихъ въ зелени вѣковыхъ деревьевъ, бархатныхъ лужаекъ и плюща, повсюду взбѣгающаго до крышъ и верхушекъ башенъ. Если прибавить чудную, почти весеннюю погоду, голубое небо, еще болѣе выигрывавшее отъ близкаго сравненія съ обычнымъ и на этотъ разъ сѣренькимъ небомъ всего на полтора часа отстоящаго Лондона, то не покажется удивительнымъ, что собравшіеся со всѣхъ концовъ свѣта поклонники великаго ученаго вынесли, по единодушному приговору, отъ его чествованія въ этой чудной обстановкѣ самое чарующее впечатлѣніе. Оно еще увеличилось удачно задуманной, замѣчательно умѣло выполненной, необременительной, какъ это случается такъ часто, программой празднества.

Всѣмъ приглашеннымъ или делегатамъ приглашенныхъ учрежденій были приготовлены помѣщенія въ различныхъ колледжахъ; но такъ какъ по уставамъ этихъ учрежденій, напоминающимъ ихъ отдаленное монашеское прошлое, жить въ нихъ могутъ только мужчины, то желавшихъ пріѣхать съ семьей комитетъ „Darwin celebration“ просилъ заранѣе о томъ предупредить, чтобы имъ были подысканы помѣщенія „въ городѣ“. Собираясь въ Кэмбриджъ съ семьей и не желая злоупотреблять традиціоннымъ гостепріимствомъ англичанъ, я задолго телеграфировалъ хозяину знакомаго отеля „Университетскаго герба“ (University Arms) и получилъ отвѣтъ, что уже нѣтъ ни одного свободнаго угла, все занято заранѣе, но что онъ постарается добыть мнѣ комнаты по сосѣдству. Комнаты, дѣйствительно, нашлись, и намъ представился случай заглянуть въ идеально чистый и уютный home средней руки буржуазіи маленькаго провинціальнаго го-

родка. Окна квартирки выходили въ тѣнистый садъ какъ разъ того самаго колледжа, гдѣ находилась моя монашеская келія. Колледжъ этотъ—Даунингъ, самый молодой, насчитываетъ всего съ небольшимъ одно столѣтіе существованія; моложе его только Гиртонъ (1869) и Ньюнамъ (1870), но и самое ихъ назначеніе свидѣтельствуетъ о ихъ недавнемъ происхожденіи — это первые колледжи для женщинъ. Построенъ Даунингъ-колледжъ, соотвѣтственно своему возрасту, въ такъ называемомъ у насъ александровскомъ стилѣ: съ колонками и фронтончиками—совсѣмъ какъ въ старыхъ барскихъ имѣніяхъ; только чудный газонъ лужайки, по которому такъ удобно ходить, словно по бархатному ковру, напоминалъ, что вы—въ Англіи [1]). Мой хозяинъ, „master“ [2]) этого колледжа, профессоръ Маршъ, провелъ меня въ предназначенную мнѣ комнату — мою гостиную, такъ какъ мнѣ были отведены двѣ—гостиная и спальня. Признаюсь, никогда въ жизни не приходилось мнѣ жить въ такой обстановкѣ. Обширная, высокая, съ ковромъ, въ которомъ тонула нога, съ массой покойной мебели, диванами, кушетками, глубокими креслами, столами, столиками, шкафами, полками и полочками для книгъ, комната манила къ отдыху, но письменный столъ съ готовой бумагой и конвертами словно приглашалъ отвѣчать на обширную корреспонденцію въ формѣ книгъ, брошюръ, писемъ, пригласительныхъ билетовъ, которыми былъ заваленъ другой, сосѣдній столъ; разставленныя повсюду вазы и вазочки съ цвѣтами сообщали всему необыкновенно уютный и жилой видъ—точно хозяинъ только за минуту вышелъ изъ своего кабинета. А этимъ хозяиномъ, какъ значилось крупными буквами на двери, былъ Professor C. Timiriazeff, а ближайшимъ сосѣдомъ черезъ корридоръ былъ Professor Lotsy—извѣстный профессоръ лейденскаго университета, авторъ самаго обстоятельнаго новаго сочиненія по дарвинизму. Поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ за предназначавшееся мнѣ гостепріимство, я принялъ ихъ любезное приглашеніе воспользоваться чудной погодой для прогулки по университетскимъ „backs“, или попросту „задамъ“ или „задворкамъ“.

Для небывавшихъ въ Кэмбриджѣ непонятно, сколько красоты и поэзіи заключается въ этомъ тривіальномъ словѣ. Нужно

---

[1]) Припоминается отвѣтъ оксфордскаго университетскаго садовника на вопросъ одного американца: „Какъ добиваетесь вы такихъ газоновъ?“—„Очень просто, мы ихъ постоянно подстригаемъ, а отъ времени до времени подсѣваемъ; попробуйте все это продѣлать, и лѣтъ черезъ сто и у васъ получатся такіе же“.

[2]) Не знаю, какъ передать это названіе главы, настоятеля, старосты, управляющаго колледжемъ. Въ нѣкоторыхъ колледжахъ его зовутъ „президентомъ“.

сказать, что весь университетскій Кэмбриджъ занимаетъ пространство въ какую-нибудь версту длиною и двѣ трети версты шириною. Эта площадь пересѣкается вдоль двумя главными улицами, а съ западнаго края примыкаетъ къ тянущейся почти параллельно этимъ улицамъ рѣкѣ или, вѣрнѣе, рѣчкѣ Каммъ, которой и самъ городъ обязанъ своимъ названіемъ [1]). На эту Каммъ выходятъ своими задами самые извѣстные историческіе колледжи; ея берега представляютъ одинъ сплошной зеленый паркъ съ вѣковыми рощами и изумрудными лугами (сама она служитъ ареной гребныхъ гонокъ), почему эти „backs“ и составляютъ красу и гордость Кэмбриджа и его преимущество передъ Оксфордомъ и какимъ бы то ни было университетомъ въ мірѣ. И дѣйствительно, если многіе колледжи Оксфорда превосходятъ своимъ великолѣпіемъ кэмбриджскіе, за то большая часть изъ нихъ—за исключеніемъ, конечно, Модлинскаго (т.-е. св. Магдалины), съ его чудными садами и прислоненнаго къ рѣкѣ—какъ-то стиснуты городомъ, современнымъ пошлымъ городомъ съ его безвкусными, прозаическими постройками, магазинами и трамваями [2]).

Первый колледжъ на нашемъ пути былъ Queen's—колледжъ королевы, одинъ изъ самыхъ старыхъ. Но, можетъ быть, для многихъ читателей не совсѣмъ ясенъ смыслъ этого слова: „колледжъ“, безъ чего немыслимо историческое пониманіе уклада старыхъ англійскихъ университетовъ. И нельзя сказать, чтобы легко было объяснить дѣйствительное содержаніе этого понятія. Всего менѣе объяснило бы его всего ближе передающее его выраженіе: „университетское общежитіе“. Это выраженіе имѣетъ для современнаго русскаго слуха какой-то полицейски-зубатовскій привкусъ, между тѣмъ какъ для англичанина оно звучитъ преданіемъ исторической свободы и служитъ предметомъ справедливой народной гордости. Припоминается мнѣ, какъ много лѣтъ тому назадъ Франсисъ Дарвинъ послѣ обзора Christ's-колледжа, за-

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые историки утверждаютъ, что послѣдовательность была обратная. Какъ бы то ни было, настоящее названіе Кэмбриджъ должно бы быть Камбриджъ, что и сохранилось въ народномъ произношеніи: Кіамбриджъ. Любопытно, что оба знаменитые университетскіе города Англіи обязаны своимъ происхожденіемъ своему положенію на переправѣ: одинъ значитъ мостъ на Каммѣ, а другой, Оксфордъ—воловій бродъ. Историкъ кэмбриджскаго университета видитъ въ этомъ фактѣ причинную связь: по его мнѣнію, мостъ создалъ ярмарку, на ярмаркѣ появились странствующіе профессора, что и было первымъ началомъ университета.

[2]) Любопытна переданная мнѣ профессоромъ Вайземъ оцѣнка Оксфорда однимъ американцемъ: „A funny old town, but the buildings rather out of repair“ (Потѣшный старый городишко, только постройки плохо ремонтируются). И эти люди еще недавно хотѣли скупить Колизей, чтобы свезти его въ Чикаго!

кончившагося обѣдомъ въ его Hall'ѣ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Понимаете ли вы теперь, что̀ такое нашъ колледжъ, представляющійся чѣмъ-то совершенно чуждымъ всѣмъ иностранцамъ?“—Мой отвѣтъ былъ: „По мнѣ, это что-то среднее между средневѣковымъ монастыремъ и современнымъ клубомъ“,—на что̀ онъ поспѣшно добавилъ: „А по-нашему это—швейцарскій кантонъ, а весь университетъ—подобіе швейцарской республики“. Англійскій колледжъ—это прежде всего экономическая единица, это совершенно независимая преемственная община, въ которой не порывается связь поколѣній, наглядным символомъ чего являлся этотъ чудный готическій „Hall“, гдѣ происходилъ нашъ разговоръ, эта общая „трапеза“, украшенная портретами Мильтона и Паллея [1]), въ мирномъ сосѣдствѣ съ которымъ красуется теперь и портретъ Дарвина. Впечатлѣніе „трапезы“ еще болѣе увеличивается мантіями собирающихся подъ общій кровъ учащихъ и учащихся этой средневѣковой обители. Любопытны слова одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Кэмбриджа, профессора Кларка, о происхожденіи кэмбриджскаго университета, подчеркивающія, какъ измѣнилось вообще представленіе объ университетѣ. „Не подумайте, чтобы кто-нибудь когда-нибудь сказалъ себѣ: давайте оснуемъ университетъ. Ни одинъ старинный университетъ, насколько намъ извѣстно, не былъ никогда основанъ. Каждое такое учрежденіе возникало изъ самыхъ скромныхъ началъ, и только переходя отъ прецедента къ прецеденту превращалось въ тѣ величественныя ассоціаціи ученыхъ людей, послѣдними пережитками которыхъ являются два англійскихъ университета“. Этими скромными начатками, а не новѣйшими надстройками—какъ наши недоброй памяти общежитія—и были колледжи, сначала служившіе убѣжищами для учащихъ, а затѣмъ уже и для учащихся.

Я ранѣе не былъ знакомъ съ Queen's-колледжемъ, но на этотъ разъ, въ сопровожденіи master'а другого колледжа, мы могли даже увидѣть историческіе покои здѣшняго master'а, почему-то величаемаго „президентомъ“. Я говорю: покои, потому что слово: комнаты какъ-то не идетъ къ этимъ помѣщеніямъ, стѣны которыхъ сверху до низу покрыты чудной рѣзьбой почернѣвшаго отъ времени дуба, на полкахъ стоятъ прикованные цѣпями фоліанты въ пергаментныхъ переплетахъ, изъ потускнѣвшихъ рамъ съ

---

[1]) Извѣстнаго богослова восемнадцатаго вѣка, теологическими произведеніями котораго искренно восхищался Дарвинъ, давшій впослѣдствіи его блестящей аргументаціи совершенно иной оборотъ.

удивленіемъ глядятъ на васъ бывшіе обитатели, словно живые, благодаря кисти, если и не самого Гольбейна, то его послѣдователей, а о современной жизни только напоминаютъ хотя и стилистая, но по своему комфорту принадлежащая другому вѣку мебель и всюду разставленныя заботливою рукою хрустальныя вазочки съ цвѣтами. Колледжъ королевы, какъ и всѣ знаменитѣйшіе колледжи, связанъ съ той удивительной эпохой возрожденія, когда образованная Европа говорила на одномъ языкѣ—но не на волапюкѣ, способномъ удовлетворить только скромныя потребности комми-вояжера, когда различіе между образованной женщиной и образованнымъ мужчиной было значительно менѣе, чѣмъ въ нашъ вѣкъ суффражистскихъ скандаловъ,—когда спокойствіе градовъ и весей не возмущалось современными вонючими трещотками, а люди странствовали верхомъ, а то и пѣшкомъ по лицу всей Европы, разнося свои идеи и поучаясь чужимъ—словомъ, когда Кэмбриджъ давалъ пріютъ Эразму, какъ позднѣе Оксфордъ—Джордано Бруно. Имя Эразма встрѣчается въ колледжѣ на каждомъ шагу: вонъ по ту сторону Каммы, за этимъ диковиннымъ горбатымъ мостикомъ, было любимое мѣсто его прогулки; тѣнистая аллея сохранила и по сей день его имя; а вотъ въ этой башнѣ, совершенно заполоненной плющемъ, онъ сидѣлъ за своей провѣркой текста Новаго Завѣта, въ ожиданіи того времени, когда, переведенный на современные языки, онъ „станетъ достояніемъ и пахаря въ полѣ, и ткача въ мастерской“. Mutatis mutandis, не та же ли это была идея, которая въ наши дни возникла, въ томъ же Кэмбриджѣ, въ призывѣ къ University extension—къ распространенію въ народѣ завоеваній современной науки?

За колледжемъ королевы, среди чуднаго луга, разбросаны постройки колледжа короля—king's. Прямо по травѣ мы направились къ его замѣчательной капеллѣ, которую, въ сердитую минуту, Рёскинъ обозвалъ „скамейкой, брошенной четырьмя ножками вверхъ“. Но Рёскинъ—какъ справедливо замѣтилъ мой спутникъ, когда я ему напомнилъ это изреченіе—такой писатель, съ которымъ порою очень пріятно и не согласиться, и остроуміе этихъ словъ не мѣшаетъ любоваться красотой особенно внутренности этой капеллы, одного изъ изящнѣйшихъ произведеній позднѣйшей англійской готики. Вѣерчатые своды потолка даже несвѣдущему въ архитектурѣ напомнятъ потолокъ знаменитой капеллы Генриха VII въ Вестминстерѣ и тѣмъ обличатъ имя короля, строителя этого колледжа. Полюбовавшись живописными стеклами, подлинными старинными, а не позднѣйшей мюнхенской фабри-

каціи, послушавъ прекрасный органъ, на которомъ студентъ Дарвинъ изощрялъ, хотя и безуспѣшно, свой музыкальный вкусъ—мы круто свернули въ городъ и въ его узенькой уличкѣ остановились передъ тѣмъ, что составляетъ гордость иныхъ временъ, иного вѣка. Эта новѣйшая постройка—на нашъ глазъ маленькая, такъ называемая Кавендишская лабораторія или, на языкѣ студентовъ, просто „the lab“. Она еще полна воспоминаній о геніальномъ Максуэлѣ, творцѣ современнаго ученія объ электричествѣ, еще такъ мало извѣстномъ широкой публикѣ хотя бы въ своей самой лаконической формулѣ: свѣтъ—это то же электричество! Мало того: можетъ быть въ эту самую минуту, заканчивая свой дневной трудъ, работаетъ здѣсь величайшій изъ живущихъ физиковъ, „тотъ человѣкъ, о которомъ каждый прохожій знаетъ, что онъ раскололъ атомъ“ [1])—сэръ Джозефъ Томсонъ. Войдите внутрь, и вашъ глазъ, привыкшій къ роскоши нѣмецкихъ дворцовъ-лабораторій, будетъ пораженъ простотой: стѣны кирпичныя, даже не штукатуренныя, а самыя драгоцѣнныя реликвіи — самодѣльные инструменты и модели Максуэля. И тѣмъ не менѣе здѣсь бьется пульсъ самой передовой изъ современныхъ наукъ о природѣ—новѣйшей физики; отсюда каждый день можно ожидать вѣстей объ открытіяхъ, раскрывающихъ новые горизонты, „о которыхъ и не снилось нашимъ мудрецамъ“.

Солнце уже заходило за неуклюжую, какого-то циклопическаго вида, еще до норманновъ сложенную изъ неотесанныхъ камней, самую старинную церковь св. Бенедикта. Пришлось подумать о возвращеніи домой, чтобы пообѣдать и отдохнуть передъ снаряженіемъ себя на раутъ, которымъ должны были начаться Дарвиновскіе дни.

Главное назначеніе такихъ собраній, какъ этотъ раутъ — встрѣча старыхъ знакомыхъ и завязываніе новыхъ знакомствъ—на этотъ разъ, по очень простой причинѣ, могло быть осуществлено только отчасти. Хотя для него было выбрано обширное, двухэтажное помѣщеніе художественнаго музея Фицъ-Уильяма, по своимъ размѣрамъ и коллекціямъ очень значительное для такого маленькаго города какъ Кэмбриджъ [2])—оно оказалось недоста-

[1]) Какъ остроумно выразился на дняхъ одинъ англійскій научно-популярный журналъ.

[2]) Одно зданіе музея стоило около милліона рублей. На его коллекціяхъ (особенно гравюръ) воспитывалъ свой художественный вкусъ въ студенческіе годы Дарвинъ. Здѣсь

точнымъ для свободнаго движенія всѣхъ приглашенныхъ, число которыхъ доходило до 1.500. Хозяиномъ, принимавшимъ гостей отъ имени университета, былъ лордъ Рэйлей, знаменитый физикъ, а на этотъ разъ торжественный канцлеръ университета, въ черной мантіи, сплошь расшитой золотомъ. Костюмъ этотъ, также какъ и университетскіе костюмы англичанъ, многимъ пріѣзжимъ казались чѣмъ-то комическимъ; но какъ бы въ отвѣтъ на это были открыты сообщавшіяся съ музеемъ помѣщенія старѣйшаго изъ колледжей, Питеръ-гауза, основаннаго *въ 1284 году!* Когда со стѣнъ на васъ смотрятъ если и не сорокъ, то по крайней мѣрѣ семь вѣковъ, тогда каждый остатокъ этой сѣдой старины, выражается ли онъ въ лежащей изящными складками старинной мантіи, или въ серебряномъ жезлѣ, несомомъ передъ канцлеромъ, вызываетъ совершенно иное чувство, чѣмъ, напримѣръ, наши мундиры съ ихъ подпирающими подбородки воротниками, исторически напоминающіе вѣкъ Аракчеева, а эстетически — развѣ только Держиморду. Остальные гости сообразовались съ приглашеніемъ, гласившимъ, что „habit et décorations“ признаются „de rigueur“. Дамы, конечно, по англійскому обычаю были въ бальныхъ платьяхъ. Лордъ Рэйлей простоялъ весь вечеръ на верхней площадкѣ красивой мраморной лѣстницы, и передъ нимъ непрерывной вереницей тянулась эта пестрая толпа, молча пожимая ему руку. Все прибывавшія живыя волны сначала разливались по заламъ, но задніе ряды все болѣе и болѣе нагнетали на ранѣе прибывшихъ, и вскорѣ двигаться стало возможно лишь мѣняясь мѣстами съ ближайшими сосѣдями. При такихъ условіяхъ найти знакомаго, а тѣмъ болѣе разойдясь встрѣтиться съ нимъ снова, было почти невозможно. Но вотъ мелькнули издали

имѣются Рембрандты и Тиціаны, Рюисдали и Тёрнеры. Великолѣпною коллекціей этихъ послѣднихъ, пожертвованной Рёскиномъ, я имѣлъ случай любоваться въ одно изъ предшествовавшихъ посѣщеній Кэмбриджа, благодаря любезности того же профессора Сюарда, который былъ главнымъ распорядителемъ Дарвиновскихъ торжествъ. На этотъ разъ, какъ и всегда, онѣ были заперты въ своихъ шкафахъ. Эта мудрая забота о Тёрнерахъ простирается до того, что, напримѣръ, по волѣ жертвователя, въ эдинбургскомъ музеѣ ихъ показываютъ только въ январѣ мѣсяцѣ. Имена Тёрнера и Рёскина невольно напоминаютъ одинъ эпизодъ изъ жизни Дарвина, разсказанный его сыномъ. Дарвинъ любилъ проводить лѣто на Конистонскомъ озерѣ и, конéчно, бывалъ часто въ Брантвудѣ у Рёскина. Какъ-то разъ, Рёскинъ, заманивъ его въ свою спальню съ ея замѣчательными Тёрнерами, прочелъ ему о нихъ цѣлую лекцію. Дарвинъ со всѣмъ соглашался и поддакивалъ—но, вернувшись домой, покаялся своимъ, что ровно ничего не понялъ изъ восторженныхъ объясненій Рёскина. Это не помѣшало однако Рёскину потомъ говорить, что онъ не ожидалъ найти въ Дарвинѣ такого знатока картинъ. „Это былъ вѣроятно единственный разъ въ жизни, когда отецъ покривилъ душою“,—добавляетъ Франсисъ Дарвинъ.

знакомыя черты нашего недавняго московскаго гостя, Ильи Ильича Мечникова, переносящія мысль въ далекое, далекое прошлое петербургскихъ шестидесятыхъ годовъ. Его неизмѣнно сопровождаетъ нѣсколько грузная, но типическая фигура Рэй-Ланкэстера, который будетъ завтра, отъ имени всей англійской науки, ломать копья за дарвинизмъ съ его лицемѣрными цѣнителями, выражающими свое кисло-сладкое сочувствіе, въ ожиданіи момента, когда, не нарушая приличія, можно будетъ вовсе сбросить маски. Только что неимовѣрными усиліями, рискуя каждую минуту наступить на дамскій шлейфъ, пролагаю дорогу къ старымъ знакомымъ, какъ на другомъ концѣ залы въ такой же неприступной позиціи появляется Франсисъ Дарвинъ, котораго—не смотря на то что я видѣлъ еще такъ недавно—воображеніе также рисуетъ цвѣтущимъ юношей въ Даунѣ. А вотъ наконецъ и great attraction вечера, запрятавшійся въ укромномъ уголкѣ за большой моделью изъ слоновой кости Таджи въ Агрѣ, напоминающей ему далекіе годы молодости, когда онъ изучалъ флору Индіи—93-лѣтній старецъ, сэръ Джозефъ Гукеръ, охраняемый кружкомъ заботливыхъ дамъ отъ всѣхъ желающихъ пожать ему руку и пожелать еще многихъ лѣтъ процвѣтанія [1]). По прекрасному распорядку программы, выдаваемой гостямъ, къ слову сказать, въ двухъ экземплярахъ: одномъ обиходномъ на простомъ листѣ и другомъ переплетенномъ и роскошно иллюстрированномъ въ качествѣ keepsake—раутъ долженъ былъ окончиться къ 11-ти часамъ.

Со второго дня началось собственно чествованіе Дарвина (Darwin celebration). Въ залѣ или, вѣрнѣе, въ зданіи сената университета (Senate house) съ десяти часовъ утра назначенъ былъ пріемъ делегацій и чтеніе рѣчей заранѣе намѣченными лицами. Впрочемъ на этотъ разъ понятія „залъ“ и „зданіе“ оказывались тождественными. Все зданіе состоитъ изъ одной обширной залы; ничего соотвѣтствующаго лѣстницѣ, сѣнямъ или передней не существуетъ—прямо со двора входишь въ обширный двухсвѣтный залъ съ хорами. Какое наглядное выраженіе сравнительной мягкости

---

[1]) Не знаю почему онъ показался И. И. Мечникову такимъ жалкимъ. Послѣдняя фотографія изображаетъ его года два тому назадъ, окруженнаго любимыми гербаріями, а еще не такъ давно появилась его монографія одной тропической группы растеній, гдѣ онъ устанавливаетъ цѣлыхъ 24 новыхъ вида! Мнѣ онъ напомнилъ другого старца, Шеврёля, въ первый день своего второго столѣтія съ юношескимъ жаромъ развивавшаго въ назиданіе 70—80-лѣтнихъ молодыхъ людей свой излюбленный остроумный тезисъ: Il faut toujours tendre à l'infaillibilité sans jamais y prétendre.

климата! Что бы стали мы дѣлать въ этой залѣ съ нашими калошами и енотовыми шубами? Постройка, если прилагать къ ней обычный для Кэмбриджа историческій масштабъ—очень недавняя, такъ какъ относится къ началу XVIII-го вѣка. Очень красивый рѣзной деревянный потолокъ и возвышеніе въ концѣ залы для сената, съ кресломъ, чуть не тономъ, для канцлера. Всѣ приглашенные при входѣ снабжались маленькимъ планомъ съ №№ стульевъ, а такъ какъ билеты были нумерованные, зала, открытая только за десять минутъ до начала засѣданія, была, безъ малѣйшей суеты, занята прибывшими ровно къ сроку гостями, не нуждавшимися въ содѣйствіи какихъ бы то ни было распорядителей—одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ удивительнаго порядка и предусмотрительности, которыми непрерывно любовались всѣ пріѣзжіе. Согласно программѣ и англійскому обычаю, одинаковому для всѣхъ утреннихъ собраній, на этотъ разъ всѣ были въ сюртукахъ или въ мантіяхъ. Едва успѣли всѣ занять мѣста, какъ началось торжественное шествіе. Во главѣ его шелъ канцлеръ во вчерашней, расшитой золотомъ, мантіи и четырехугольной шапочкѣ; но на этотъ разъ длинный шлейфъ несъ изящнаго вида молодой человѣкъ (студентъ?) въ черномъ фракѣ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. За нимъ слѣдовали такихъ же двое, одинъ съ какой-со старинной книжкой съ массивными застежками (вѣроятно это былъ уставъ университета, а можетъ быть и the book, т.-е. библія), а другой—съ какимъ-то окованнымъ серебромъ ковчежцемъ, заключавшимъ вѣроятно какія-то хартіи. За ними шелъ вице-канцлеръ, т.-е. собственно ректоръ университета, профессоръ теологіи Мэзонъ. На немъ была красная одежда и широкая горностаевая палатинка — цвѣта университетскаго герба. Съ тонкими чертами лица, тщательно выбритый, съ живымъ румянцемъ на щекахъ и коротко обстриженной, курчавой, сѣдой, словно напудренной головой—недоставало только голубой ленты Святого Духа, чтобы дополнить картину изящнаго французскаго прелата XVII-го или XVIII-го вѣка. За нимъ, по два въ рядъ, то въ черныхъ съ бѣлымъ, то въ красныхъ мантіяхъ и черныхъ бархатныхъ беретахъ, шли члены университетскаго сената, занявшіе мѣста амфитеатра за канцлеромъ и вице-канцлеромъ.

Засѣданіе открылось краткою, сжатою, но очень выразительною рѣчью канцлера, подчеркнувшею міровой характеръ дѣятельности ученаго, почтить чью память и въ то же время пятидесятилѣтнюю годовщину со времени появленія его великаго произведенія стеклись сюда ученые со всѣхъ концовъ свѣта. „Я достаточно старъ,—сказалъ онъ,—чтобы помнить всеобщее возбужденіе, вы-

званное этимъ послѣднимъ событіемъ. Для многихъ выводы его ученія, особенно въ примѣненіи къ человѣку, были очень нежелательны, да пожалуй и остались таковыми. Еслибы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ кто-нибудь предсказалъ сегодняшнее чествованіе, то это пророчество сочли бы просто нелѣпымъ. Но мы, кажется, въ правѣ сказать: Кэмбриджъ доказалъ, что онъ уже болѣе не связанъ цѣпями средневѣковья, въ существованіи которыхъ кое-кто хотѣлъ бы еще и теперь насъ убѣдить. Мы смѣло привѣтствуемъ все то, что̀ строгій методъ научнаго изслѣдованія призываетъ насъ признать за истину. Не стану и пытаться предложить вамъ хотя бы самый краткій обзоръ его трудовъ. Мы услышимъ ихъ оцѣнку изъ устъ людей науки, по праву могущихъ насъ поучать. Насъ всѣхъ касается прежде всего личный характеръ человѣка, любимаго всѣми, кто только приближался къ нему, уважаемаго всѣми, въ комъ теплится хоть искра истиннаго научнаго духа. Сорокъ одинъ годъ тому назадъ я имѣлъ счастье видѣть его въ обстановкѣ его труда, и меня, какъ и другихъ, поразили его почти невѣроятная скромность и его энтузіазмъ. Какъ отрадно, какъ ободрительно представлять себѣ его, вопреки постоянной болѣзни и вынужденному ею уединенію, изъ затишья своего кабинета, теплицы или сада, приводящаго умы всѣхъ мыслящихъ людей въ такое движеніе, которому едва ли найдется второй примѣръ въ исторіи“ [1]).

За краткимъ вступительнымъ словомъ канцлера начался пріемъ депутацій. Вереница ихъ тянулась, вѣроятно, болѣе часа, прерываясь на половинѣ для рѣчей, которыми также и закончилось засѣданіе. Четыре оратора, которымъ было предоставлено слово, были заранѣе намѣчены. Число депутацій и привезенныхъ адресовъ было такъ велико, что, также заранѣе, было рѣшено, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ читаться, а всѣ будутъ только передаваться канцлеру. Уже вчерашній раутъ показалъ, что представлены будутъ всѣ страны свѣта, но на этотъ разъ смѣшеніе „одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“ превзошло ожи-

[1]) Эти замѣчательныя слова рѣчи лорда Рэйлея легли въ основу появившейся на слѣдующее утро прекрасной передовой статьи „Times“'а. Оцѣнка дѣятельности Дарвина однимъ изъ самыхъ строгихъ математическихъ умовъ въ Европѣ невольно напомнила мнѣ одного молодого нашего математика, который, будучи увѣренъ въ сочувствіи ближайшаго своего математическаго начальства и во славу какой-то идеальной философіи, ничего не смысля въ біологіи, ухарски, въ нѣсколькихъ строкахъ, раздѣлывалъ Дарвина. Впрочемъ лордъ Рэйлей не стоитъ одиноко: такіе математики, какъ Гельмгольтцъ, Больцманъ и Пирсонъ, высказывали въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ свое сочувствіе его теоріи.

данія. Самыми подходящими для обстановки были, на мой взглядъ, все же историческія мантіи англійскихъ университетовъ, пожалуй еще свободные, расшитые зелеными пальмами фраки-мундиры временъ не то директоріи, не то первой имперіи у французскихъ академиковъ; но чѣмъ-то parvenu отзывались вновь изобрѣтенные костюмы нѣмецкихъ университетовъ, особенно торчавшая коломъ тяжелая лиловая бархатная, расшитая золотомъ пелерина почтеннаго ректора боннскаго университета, и уже совершенно комичнымъ показался всѣмъ (можетъ-быть для носившаго—также историческій?) костюмъ и особенно головной уборъ португальскаго профессора, имѣвшій видъ опрокинутаго цвѣточнаго горшка, увѣшаннаго блестящими шелковыми висюльками изъ того матеріала, изъ котораго дѣлаются различные чертики, столь популярные у насъ подъ вербами. Содержаніе адресовъ, вѣроятно, станетъ извѣстнымъ позднѣе, когда появится—кажется, предположенное—описаніе „celebration“. Читателямъ, можетъ быть, интересно узнать содержаніе единственныхъ извѣстныхъ мнѣ московскихъ адресовъ, тѣмъ болѣе, что высказанныя въ нихъ мысли, какъ будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія, оказались общимъ лозунгомъ, повторяясь въ главныхъ рѣчахъ и тостахъ. Вотъ, въ русскомъ переводѣ, адресъ старѣйшаго изъ русскихъ ученыхъ обществъ—Испытателей природы [1]).

„Сенату кэмбриджскаго университета. „Между тѣмъ какъ эта планета совершаетъ свой путь по опредѣленному закону тяготѣнія, на основаніи такого простого начала развились и продолжаютъ развиваться безчисленныя формы изумительнаго совершенства и дивной красоты“.

„Эти знаменательныя строки опредѣляютъ то мѣсто, которое потомство отведетъ книгѣ и ея автору, память которыхъ мы собрались сюда чествовать. Законъ всемірнаго тяготѣнія и законъ естественнаго отбора сохранятся въ памяти грядущихъ поколѣній, какъ два важнѣйшихъ шага въ истолкованіи природы, неорганической и органической. Болѣе того — случай безпримѣрный въ исторіи — торжествующее эволюціонное ученіе сохранитъ на вѣки имя его автора. Дарвинизмъ обезпечилъ безсмертіе имени Чарлза Дарвина.

„Московское императорское общество испытателей природы приноситъ свою дань уваженія памяти великаго человѣка и при-

[1]) Не могу не отмѣтить утѣшительнаго признака сближенія нашихъ двухъ національностей. На этотъ разъ адресы были на англійскомъ языкѣ. Еще лѣтъ десять тому назадъ считалось оскорбительнымъ для національной гордости писать иначе какъ по латыни.

вѣтствуетъ кэмбриджскій университетъ, чье славное имя навсегда будетъ сочетано съ именами Ньютона и Дарвина".

А вотъ адресъ нашего старѣйшаго университета:

„Сенату кэмбриджскаго университета.—Въ этотъ достопамятный день, когда біологи всего свѣта спѣшатъ принести дань восторженнаго удивленія передъ трудомъ цѣлой жизни величайшаго біолога всѣхъ временъ — московскій университетъ шлетъ свой братскій привѣтъ славному кэмбриджскому университету.

„Университетъ, чье имя связано съ далекими воспоминаніями о Бэконѣ, краснорѣчивомъ „герольдѣ", возвѣстившемъ приходъ „новой философіи", „философіи экспериментальной",—университетъ, въ наши дни стоящій въ первыхъ рядахъ великаго научнаго движенія, начатаго Максуэлемъ, — университетъ, чье имя неразлучно связано съ именами творцовъ „Principia" и „Origin of species", этихъ двухъ важнѣйшихъ точекъ отправленія въ изученіи природы, такой университетъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать „qu'elle a bien mérité de la patrie".

„Но великіе люди не принадлежатъ отдѣльному университету, даже отдѣльной націи; они—достояніе всего человѣческаго рода, они—связующія звенья между отдаленнѣйшими народами и въ этомъ смыслѣ величайшіе миротворцы, величайшіе благодѣтели человѣчества.

„Московскій университетъ, старѣйшій разсадникъ просвѣщенія въ своей странѣ, не можетъ упустить этого торжественнаго случая—привѣтствовать наступленіе новой эры взаимнаго пониманія и братскаго сближенія между двумя дружественными народами".

Основная мысль, высказанная въ московскихъ адресахъ, повторялась, какъ увидимъ, во всѣхъ почти рѣчахъ. Параллель съ Ньютономъ была особенно умѣстна въ виду извѣстной фракціи нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ, желающихъ видѣть въ Дарвинѣ даже не Кеплера, а скорѣе Тихо де-Браге біологіи. Что кэмбриджскій университетъ является какъ бы вторымъ юбиляромъ—эта мысль была особенно подчеркнута Королевскимъ обществомъ, присудившимъ въ этомъ году свою Дарвиновскую медаль не отдѣльному лицу, а всему кэмбриджскому университету въ совокупности. Наконецъ, мысль о наукѣ, какъ источникѣ мира на землѣ и благоволенія между людьми, развитая (какъ увидимъ далѣе) Осборномъ, Ареніусомъ и др., была встрѣчена особенно сочувственно всѣми присутствующими на банкетѣ; исходя же отъ русскаго университета, она совершенно неожиданно совпала съ сочувственнымъ Россіи настроеніемъ значительной части англійскаго общества.

Депутаты молча кланялись канцлеру и передавали адресы, которыхъ вскорѣ нагромоздились цѣлыя груды. Вопросъ о мѣстничествѣ, волновавшій нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, разрѣшался очень просто, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, строгимъ соблюденіемъ алфавита сначала странъ, а въ ихъ предѣлахъ—городовъ. Впрочемъ, это касалось только гостей. Сами хозяева—и не только Великобританія, но и Величайшая Британія (Greater Britain), т.-е. со включеніемъ всѣхъ колоній—шли внѣ алфавита, въ концѣ списка. Однообразіе нѣмого церемоніала, какъ уже сказано, нарушалось въ серединѣ и въ концѣ заранѣе назначенными привѣтственными рѣчами. Роли были распредѣлены такъ: Германія была представлена Оскаромъ Гертвигомъ, Франція, а въ силу личной уніи и Россія—Мечниковымъ, Америка—Осборномъ, авторомъ извѣстной книги: „Отъ грековъ до Дарвина". Наконецъ, представителемъ англійской науки выступилъ Рэй-Ланкэстеръ, по строптивости своего характера не такъ давно покинувшій мѣсто директора извѣстнаго кенсингтонскаго естественно-историческаго музея [1]).

Нѣмецкая рѣчь Гертвига, прочитанная вяло и безцвѣтно, произвела всего менѣе впечатлѣнія [2]). Да и говорилось въ ней болѣе о томъ, какъ ораторъ, студентомъ, довольно-таки поздно, ознакомился съ дарвинизмомъ, какую роль сыгралъ въ этомъ движеніи Геккель и т. д., и очень мало о самомъ Дарвинѣ и сдѣланномъ имъ переворотѣ. Между тѣмъ его рѣчь по существу и должна была касаться именно общаго научнаго значенія дарвинизма, такъ какъ слѣдующій ораторъ, въ качествѣ представителя Пастёровскаго института, отмѣтилъ другую сторону ученія о борьбѣ за существованіе: его значеніе для практической жизни, для медицины, иллюстрируя это положеніе собственными блестящими изслѣдованіями въ области сравнительной патологіи воспалительныхъ процессовъ и теоріи фагоцитоза. Рѣчь, прочитанная на прекрасномъ французскомъ языкѣ съ увѣренностью и умѣньемъ опытнаго оратора, слышная во всѣхъ концахъ громадной залы, была

[1]) Громадный музей, какъ извѣстно, составляетъ все же только отдѣленіе Британскаго музея, управленіемъ котораго завѣдуетъ цѣлый „Board of trustees", съ премьеромъ, спикеромъ парламента, епископомъ кэнтербюрійскимъ и прочими нотаблями во главѣ. Ланкэстеръ не могъ признать компетентность этого уважаемаго собранія въ вопросахъ зоологіи и ботаники, и его сторону приняли многіе выдающіеся ученые Англіи; но оказалось, что возникшее разногласіе можетъ быть разрѣшено только новымъ актомъ парламента—и Ланкэстеръ отказался отъ директорства.

[2]) Можно было пожалѣть, что слово не было предоставлено проф. Плате, находившемуся въ числѣ депутатовъ и несомнѣнно лучшему знатоку дарвинизма въ Германіи.

покрыта громкими рукоплесканіями. Послѣ этихъ рѣчей слѣдовали снова депутаціи, а въ заключеніе выступили ораторы отъ Америки и Великобританіи.

Глубокой симпатіей и благороднымъ сознаніемъ долга признательности по отношенію къ бывшей метрополіи звучала рѣчь представителя заатлантической науки Осборна [1]). „Явившись сюда изъ-за океана чествовать Дарвина, мы прежде всего желаемъ принести нашу дань благодарности кэмбриджскому университету. Ни въ одной странѣ, ни одно учрежденіе не вызываетъ въ насъ такихъ чувствъ сыновней любви и благодарности. Питомецъ кэмбриджскаго Эманюэль-колледжа, Джонъ Гарвардъ, основалъ первый американскій университетъ—Гарвардскій. Эманюэль роди Гарварда, Гарвардъ роди Іэль, Іэль роди Принстонъ—а отъ нихъ родились всѣ остальные университеты вплоть до третьяго и четвертаго поколѣнія. Не одна наука, мало-по-малу и политика переходитъ въ руки питомцевъ университетовъ, и у насъ, какъ и у васъ, университеты ведутъ за собой всю націю. Но не одно только преемство учрежденій связываетъ насъ съ нашей общей Alma mater на Каммѣ. Великіе питомцы Тринити и Крайстсъ-колледжей связываютъ насъ еще тѣснѣе. Благодаря Максуэлю, мы ведемъ между собою бесѣду, пользуясь волнами эѳирнаго океана. Ньютонъ открылъ намъ новыя небеса, а Дарвинъ—новую землю. Это—наши вожди въ борьбѣ съ окружающими насъ тайнами природы, а когда мы ищемъ отдыха нашимъ усталымъ умамъ, мы находимъ его въ поэзіи Мильтона и Байрона, Уордсворта и Теннисона, въ прозѣ Тэккерея и Маколея—все также питомцевъ Кэмбриджа. Вдали отъ игры колоссальныхъ силъ нашей республики, отъ оглушающаго рева машинъ и сутолоки рынка мы еще болѣе сознаемъ значеніе такихъ тихихъ уголковъ, какъ этотъ, вѣчно создающихъ новыя поколѣнія вождей въ наукѣ, въ литературѣ, въ государственной жизни, все крѣпче и крѣпче завязывающихъ узы дружбы и единенія между народами“.

Осборнъ перешелъ затѣмъ къ воспоминаніямъ о своихъ собственныхъ учебныхъ годахъ въ Кэмбриджѣ, когда въ одинъ счастливый день, занимаясь въ лабораторіи, онъ увидѣлъ передъ собою Дарвина и даже пожалъ ему руку! Замѣтивъ, что послѣ всего, что было сказано за этотъ годъ о Дарвинѣ, трудно прибавить что-нибудь новое, онъ указалъ, что „едва ли какой

[1]) Всѣ вообще рѣчи приводятся здѣсь въ сокращеніи, но каждая высказываемая мысль передается въ буквальныхъ выраженіяхъ.

ученый такъ побуждалъ идти впередъ, намѣчая путь, которымъ слѣдуетъ подвигаться, неизмѣнно подвергая себя самого безпощадной самокритикѣ. Этотъ примѣръ благороднаго отношенія къ задачѣ ученаго—едва ли не такое же драгоцѣнное наслѣдіе, какъ и само безсмертное содержаніе „Происхожденія видовъ".

Въ заключеніе Осборнъ упомянулъ, что американская депутація привезла съ собою въ даръ Christ's-колледжу бронзовый бюстъ Дарвина, „чтобы отдаленныя поколѣнія кэмбриджскихъ студентовъ сохранили хотя бы приблизительное представленіе о запечатлѣнномъ строгой простотой и умственнымъ величіемъ образѣ человѣка, котораго мы почитаемъ, передъ которымъ мы преклоняемся". Понятно, что рѣчь представителя Америки не только сопровождалась, но и не разъ прерывалась горячими аплодисментами.

Но самымъ выдающимся моментомъ засѣданія была, конечно, энергическая рѣчь-манифестъ сэра Рэй-Ланкэстера. Чтобы вполнѣ понять ея значеніе и то напряженное вниманіе, съ которымъ присутствующіе, знакомые съ различными теченіями научной мысли въ Англіи, ловили его энергично подчеркнутыя фразы, его очень прозрачные намеки, прежде всего любопытно отмѣтить, какъ мѣнялись роли двухъ англійскихъ университетовъ по отношенію къ дарвинизму. Между тѣмъ какъ въ былое время Кэмбриджъ былъ на сторонѣ Дарвина, а Оксфордъ былъ оплотомъ антидарвинизма—стоитъ вспомнить знаменитый диспутъ Гёкели съ епископомъ Вильберфорсомъ,—теперь Оксфордъ насчитываетъ такихъ выдающихся представителей дарвинизма, какъ профессоръ Поултонъ, покойный профессоръ Уэльдонъ и самъ сэръ Рэй-Ланкэстеръ. Въ Кэмбриджѣ, между тѣмъ, свила себѣ гнѣздо если не особенно выдающаяся по своимъ заслугамъ, то довольно крикливая и умѣющая себя рекламировать партія антидарвинистовъ. Главою ея считается профессоръ Бэтсонъ; его подголосками выступили значительно позднѣе какъ нашъ академикъ Коржинскій, такъ и амстердамскій профессоръ Де-Фризъ. Основная мысль Бэтсона: „нашъ вѣкъ—не вѣкъ великихъ задачъ". Стоитъ прочесть введеніе въ его книгу „Materials for the study of variation"; вся она какъ будто сводится къ основному лозунгу: „non possumus". Вопросъ о происхожденіи видовъ—неразрѣшимъ. Вопросъ о приспособленіяхъ—неразрѣшимъ. Вопросъ о причинахъ измѣнчивости—неразрѣшимъ. Остается, какъ нѣкогда похвалялся по этому же поводу Бланшаръ, „только опредѣлять и описывать, описывать и опредѣлять". Бэтсонъ выступилъ первымъ защитни-

комъ измѣнчивости скачками, а какъ своеобразно понималъ онъ эволюціонный процессъ—безъ малѣйшей двусмысленности выражено эпиграфомъ его книги: „Вся плоть не та же плоть: но одна плоть у людей, иная плоть у скотовъ, иная же у рыбъ и еще иная у птицъ“ [1]). Убѣдившись, однако, что однимъ составленіемъ каталоговъ анатомическихъ аномалій—къ чему собственно и сводились его „матеріалы“—въ наукѣ далеко не уйдешь, и не будучи въ состояніи самъ придумать что-нибудь болѣе плодотворное, онъ съ жаромъ ухватился за повтореніе опытовъ такъ кстати открытаго Менделя, словно не понимая, что менделизмъ составляетъ только маленькій эпизодъ въ необъятномъ цѣломъ, называемомъ дарвинизмомъ, и къ тому же эпизодъ, не оставшійся неизвѣстнымъ Дарвину, какъ это было превосходно разъяснено Уоллесомъ. Но это не мѣшаетъ Бэтсону и его поклонникамъ „съ „трубными звуками“ [2]) провозглашать, что менделизмъ также важенъ, если еще не важнѣе дарвинизма. Какъ упорно ведется эта реклама, можно судить на основаніи слѣдующихъ мелкихъ фактовъ. Расходясь изъ зданія сената послѣ засѣданія, публика на окнахъ противоположной университетской книжной лавки могла видѣть не произведенія Дарвина, даже не выпущенный комитетомъ сборникъ „*Дарвинъ и современная наука*“ [3])—нѣтъ, всѣ стекла были залѣплены узенькими полосками съ объявленіемъ о выходѣ въ свѣтъ новой книги Бэтсона: „*Менделизмъ*“. А когда, на слѣдующій день, въ „Times“ появилась прекрасная передовая статья о міровомъ значеніи дарвинизма, въ приложенномъ къ тому же номеру газеты маленькомъ литературномъ прибавленіи развивалась мысль, что дарвинизмъ не достигъ своей цѣли, т.-е. объясненія происхожденія видовъ, но что оно будетъ, можетъ быть, достигнуто менделизмомъ, при чемъ расхваливается новая книга Бэтсона. Присутствіе бэтсоніанцевъ въ засѣданіи обнаруживалось сочувственнымъ отношеніемъ, съ какимъ если не многочисленная, то очень энергичная часть собранія подчеркивала каждую фразу, въ которой говорилось, что Дарвинъ былъ не только творцомъ геніальной теоріи, но и кропотливымъ собирателемъ отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій.

[1]) Бэтсонъ почему-то скрылъ источникъ, откуда онъ заимствовалъ этотъ текстъ, но его клерикальный складъ очевиденъ и едва ли примиримъ съ какимъ бы то ни было эволюціонизмомъ.

[2]) Выраженіе Уоллеса.

[3]) Я далъ своевременно краткій разборъ этой книги въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ немедленно по ея выходѣ, и могу съ удовольствіемъ указать, что совершенно сходный о ней отзывъ былъ данъ позднѣе, на страницахъ „Nature“, извѣстнымъ химикомъ и въ то же время знатокомъ дарвинизма, профессоромъ Мельдола.

Послѣ этихъ замѣчаній читателямъ будетъ понятенъ боевой тонъ рѣчи сэра Рэй-Ланкэстера съ ея нѣсколько лапидарнымъ, очевидно умышленнымъ слогомъ. Съ первыхъ же словъ онъ объяснилъ, что говоритъ не отъ своего только имени, а отъ имени британскихъ натуралистовъ. „То, что громадное большинство британскихъ натуралистовъ прежде всего желаетъ провозгласить сегодня, по поводу Дарвина, и безъ всякихъ колебаній, безъ всякихъ двусмысленныхъ фразъ—сводится къ слѣдующему: по ихъ мнѣнію, основанному на пятидесятилѣтнемъ изученіи и провѣркѣ, „теорія происхожденія видовъ посредствомъ естественнаго отбора или сохраненія благопріятствуемыхъ породъ въ борьбѣ за существованіе“ остается цѣлой, неуязвимой и вполнѣ убѣдительной, не смотря на всѣ попытки ее опрокинуть.

„Я выскажу только голую истину, заявивъ, что, по мнѣнію тѣхъ, кому наилучше извѣстны живыя существа въ ихъ современной жизненной обстановкѣ, „естественный отборъ“ сохраняетъ то положеніе, которое признавалъ за нимъ Дарвинъ, т.-е. главнаго средства измѣненія органическихъ формъ.

„Удивленіе громадному числу отдѣльныхъ наблюденій и любопытныхъ изслѣдованій, произведенныхъ Дарвиномъ въ теченіе его долгой жизни, не должно заставлять насъ забывать, что всѣ они были имъ придуманы съ цѣлью провѣрки истинности его теоріи или отраженія дѣлаемыхъ противъ нея возраженій, и что съ этой точки зрѣнія они были неизмѣнно успѣшными и служили къ вящему торжеству его ученія. Съ другой стороны ни одна попытка ввести сколько-нибудь существенную поправку въ его теорію не оказывалась удачной“.

„Природа органической измѣнчивости и характеръ тѣхъ измѣненій, исходя изъ которыхъ естественный отборъ можетъ дѣйствовать и дѣйствуетъ, не были ни упущены изъ виду, ни превратно истолкованы Дарвиномъ — какъ насъ порою въ томъ хотѣли бы увѣрить [1]). Понятіе о томъ, что эти измѣненія могутъ быть значительны и внезапны, было имъ принято во вниманіе и отвергнуто на основаніи соображеній, подробно имъ развитыхъ. Это понятіе было въ недавнее время вновь воскрешено, но истинность его не была сдѣлана болѣе вѣроятною какими бы то ни было доказательствами, точность или убѣдительность которыхъ могла бы понудить насъ отказаться отъ основного пред-

[1]) Намекъ, главнымъ образомъ, на совершенно произвольное утвержденіе Де-Фриза въ книгѣ „Darwin and modern science“, противъ котораго редакторъ ея профессоръ Сюардъ и Франсисъ Дарвинъ сочли себя вынужденными протестовать.

ставленія Дарвина о важномъ значеніи мелкихъ и повсемѣстныхъ измѣненій.

„Далѣе, по поводу того, что касается важныхъ фактовъ наслѣдственности въ связи съ перекрестнымъ оплодотвореніемъ культурныхъ разновидностей, въ особенности же въ отношеніи сліянія и несліянія признаковъ въ ихъ потомствѣ и значенія преобладанія однихъ надъ другими—по моему мнѣнію, необходимо въ этотъ моментъ и съ этого мѣста напомнить, что всѣ эти вопросы были подвергнуты Дарвиномъ полному и тщательному обсужденію. Мы не можемъ сомнѣваться, что Дарвинъ былъ бы глубоко заинтересованъ числовыми и статистическими результатами, связанными съ именемъ Менделя. Эти результаты направлены къ разъясненію механизма наслѣдственной передачи признаковъ, но невозможно было бы показать, чтобы они находились въ какомъ-нибудь противорѣчіи съ основной мыслью теоріи Дарвина, съ его ученіемъ о происхожденіи видовъ.

„Таково, по моему мнѣнію и, я убѣжденъ, по мнѣнію громаднаго большинства моихъ собратій натуралистовъ, положеніе теоріи Дарвина теперь, послѣ пятидесяти лѣтъ ея тщательной провѣрки и многочисленныхъ ея приложеній [1]).

„Трудъ Чарлза Дарвина составитъ славу кэмбриджскаго университета, какъ трудъ Лайеля составилъ гордость Оксфорда. Отмѣчу истинно англійскія особенности характера Дарвина: его любовь къ природѣ и сельской жизни и прежде всего ту неотступающую ни передъ какими трудностями рѣшимость, ту храбрость, я готовъ сказать—доходящую до дерзости смѣлость, съ которою, уже покинувъ университетъ, онъ достигъ полнаго совершенства въ отдѣльныхъ отрасляхъ той необъятной области знанія, не овладѣвъ которой вполнѣ, онъ не могъ бы приступить къ своей основной задачѣ. Уже на склонѣ лѣтъ, обозрѣвая свой жизненный трудъ, онъ говорилъ: „мнѣ кажется, я исполнилъ свой долгъ, посвятивъ всю свою жизнь упорному служенію наукѣ“. Стремиться исполнить свой долгъ, измѣрять жизненный успѣхъ степенью осуществленія этого стремленія — вотъ признакъ и лучшая проба истиннаго величія характера. Мы, англичане, всегда цѣнили эту благородную черту въ нашихъ національныхъ герояхъ“.

Излишне говорить, что эта рѣчь была покрыта общими, долго несмолкавшими аплодисментами всѣхъ присутствовавшихъ.

[1]) Читатели „Вѣстника Европы“ могутъ замѣтить, что именно такова точка зрѣнія, высказанная мною (февраль 1909 г.) какъ на дарвинизмъ, такъ и на мутацію и менделизмъ.

Начавшись ровно въ десять, засѣданіе окончилось около часа. Промежутокъ времени между окончаніемъ засѣданія и назначенной въ пять часовъ garden-party въ Крайстсъ-колледжѣ—колледжѣ Дарвина—долженъ былъ быть посвященъ по программѣ посѣщенію другихъ колледжей. Мы съ сыномъ успѣли осмотрѣть только что упомянутую выше Кавендишевскую лабораторію, на студенческомъ языкѣ просто: „the Lab“. И дѣйствительно, въ ней сосредоточена современная слава Кэмбриджа. Это его лабораторія par excellence. Прекрасныя новыя зданія ботаническаго института, въ которомъ помѣщаются Сюардъ, извѣстный фитопалэонтологъ, Франсисъ Дарвинъ и Блакманъ, молодой талантливый физіологъ, мнѣ привелось увидать ранѣе урывками.

На garden-party въ Крайстсъ-колледжѣ, имя котораго на вѣки будетъ связано съ именемъ Дарвина, какъ имя Тринити-колледжа съ именемъ Ньютона—снова собралось все многочисленное общество, которое было вчера на раутѣ и сегодня на засѣданіи.

Уступая въ роскоши построекъ Тринити и Кингсъ-колледжу, Крайстсъ принадлежитъ къ числу типичнѣйшихъ зданій Кэмбриджа. Какъ большая часть произведеній эпохи Ренессанса, онъ сохранилъ однако національный готическій стиль и общій строй, свойственный всѣмъ колледжамъ. Красивыя ворота съ башней, нѣсколько дворовъ, капелла и трапеза (Hall), въ которой первоначально происходили и лекціи, и диспуты, и всѣ церемоніи—вотъ ихъ обычныя черты. Основательницей была лэди Маргарита Бофоръ, „пятнадцатилѣтняя вдова и мать королей“, одна изъ типичныхъ представительницъ эпохи Возрожденія: она не только создала этотъ колледжъ, гдѣ сама поселилась, оберегая своихъ питомцевъ отъ слишкомъ крутой дисциплины университетскихъ властей, но и снабжала только что возникшую университетскую типографію [1]) своими переводами съ французскаго и итальянскаго. Память о ней сохранилась и въ архитектурныхъ орнаментахъ—маргариткахъ и въ какомъ-то рыцарскомъ культѣ даже современныхъ обитателей колледжа къ своей Lady Margaret. Ея изящный, строгій профиль сохранился въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, благодаря рѣзцу современнаго ей итальянскаго ваятеля Торреджіано, болѣе прославившагося, однако,

[1]) Къ слову сказать: какой контрастъ представляетъ современная кэмбриджская университетская типографія съ нашей злосчастной московской! Это одно изъ изящныхъ зданій въ городѣ отстроено по подпискѣ въ память Вильяма Питта, студента Пэмброкъ-колледжа; она выпускаетъ научныя и другія изданія, могущія служить образцомъ типографскаго искусства. Въ ней были отпечатаны и всѣ роскошныя изданія, вышедшія въ свѣтъ по случаю юбилея.

тѣмъ, что его кулакъ сокрушилъ другой и болѣе знаменитый живой профиль, т.-е., выражаясь вульгарнѣе, расквасилъ носъ Микель-Анджело, наложивъ печать не только на внѣшнія черты, но, можетъ быть, и на весь нравственный обликъ угрюмаго нелюдима и величайшаго изъ художниковъ. И не одно это случайное совпаденіе напоминаетъ здѣсь о старинной связи между Италіей и Англіей. Славный питомецъ Крайстсъ-колледжа, Мильтонъ, сохранилъ о себѣ память не только во Флоренціи, но и въ живописной и уединенной Вальомброзѣ, когда-то монастырѣ, а теперь самой поэтической лѣсной академіи—не исключая Таранда и покойной Петровской академіи. Мильтонъ же, какъ извѣстно, прозвалъ „Il penseroso“ Микель-Анджеловскую статую жалкаго дегенеранта Лоренцо Медичи, котораго капризъ генія навѣки обезсмертилъ—и, конечно, отдаленное потомство не отмѣнитъ этого прозвища, тогда какъ съ хохотомъ отвергнетъ кличку „penseur“, которою кривляка Родэнъ окрестилъ своего кафе-шантаннаго атлета съ головой идіота.

Въ прошломъ году Крайстсъ-колледжъ помянулъ своего великаго поэта-пуританина выставкой, на которой были собраны всѣ изданія его сочиненій, ихъ переводы и т. д. На этотъ разъ была собрана еще болѣе интересная выставка въ память Дарвина.

Хотя я еще за два дня пріѣзжалъ въ Кэмбриджъ, чтобы на просторѣ изучить эту выставку, я зашелъ еще разъ, чтобы воспользоваться присутствіемъ Франсиса Дарвина для нѣкоторыхъ разъясненій. По всеобщему признанію, выставка была очень удачна: собрано было почти все, что можно было собрать. И прежде всего, всѣ сохранившіеся портреты, начиная съ полотенъ извѣстныхъ художниковъ Коліера и Оулеса, всѣмъ знакомыхъ по безчисленнымъ фотографіямъ, и кончая превосходно сохранившеюся пастэлью, изображающею Дарвина въ возрастѣ семи лѣтъ, съ его сестрою [1]). Копія съ портрета Оулеса теперь красуется по сосѣдству, въ Hall'ѣ колледжа между портретами Мильтона и Паллея, поэтическими и богословскими произведеніями которыхъ Дарвинъ такъ искренно восхищался въ молодости, чтобы въ болѣе зрѣломъ возрастѣ всею своею дѣятельностью доказать ихъ полную несостоятельность.

Рядомъ съ этими портретами бросается въ глаза отвратительный портретъ въ красной мантіи почетнаго доктора, кисти сэра Уильяма Ричмонда, исполненный по подпискѣ членовъ кэмбридж-

[1]) Діапозитивъ съ этого любопытнаго портрета былъ мною показанъ по случаю чествованія столѣтія дня рожденія Дарвина въ Москвѣ, 31-го января.

скаго философскаго общества и украшающій библіотеку общества. Можно подумать, что художникъ былъ скрытымъ антидарвинистомъ и вмѣсто всѣмъ знакомаго образа кротко-величаваго старца изобразилъ какого-то homo delinquente, съ искривленнымъ злобою ртомъ и перекосившимися глазами — это Дарвина-то, мягкость и доброта котораго невольно поражали каждаго, кому приходилось съ нимъ встрѣчаться [1]).

Но, конечно, интереснѣе портретовъ по извѣстнымъ фотографическимъ и другимъ воспроизведеніямъ были коллекціи рукописей и предметовъ (простой микроскопъ, барометръ, геологическій молотокъ, пороховница и пр.), служившихъ Дарвину въ его путешествіи на „Биглѣ“ и позднѣе, при его работахъ въ Даунѣ. Рукописи и записныя книжки наглядно показывали, что онъ не преувеличивалъ, говоря въ своей автобіографіи, что первоначально въ спѣху набрасывалъ свои мысли, порою не совсѣмъ даже связно и самымъ небрежнымъ почеркомъ (in a vile hand), и уже потомъ отдѣлывалъ ихъ, достигая порой той стилистической красоты, о которой было упомянуто выше. Любопытно, съ другой стороны, что нѣкоторыя основныя положенія уже за двадцать лѣтъ до появленія „Происхожденія видовъ“ вылились у него въ ту же литературную форму, въ которой получили потомъ всемірную извѣстность. Всѣ делегаты и гости получили отъ синдиковъ кэмбриджской университетской типографіи изданную къ юбилею изящную книжечку подъ заглавіемъ: „The foundations of the origin of species“ — первый набросокъ теоріи, относящійся къ 1842-му году. Онъ оканчивается, какъ это отмѣчаетъ редакторъ изданія, Франсисъ Дарвинъ, тѣми самыми словами, которыми заканчивается „Происхожденіе видовъ“ [2]). Не доказываетъ ли это, что Дарвинъ могъ повторить извѣстныя слова Гауса: „Мои результаты у меня давно готовы; не знаю я только, какъ я до нихъ доберусь“. Послѣ всего лично касающагося Дарвина не лишены были интереса и портреты ближайшихъ его родственниковъ и предковъ—до шестого поколѣнія, а также фотографіи

[1]) Должно замѣтить, что въ послѣднее время многіе ораторы даже злоупотребляли этими ссылками на личное знакомство, хотя бы оно ограничивалось только тѣмъ, что они имѣли случай пожать ему руку. А одинъ такъ даже заявилъ, что, кажется, видалъ его на улицѣ, хотя не совсѣмъ въ томъ увѣренъ. Любопытно, что къ сыну издателя Дарвина, Муррею, обращались съ просьбой, не найдется ли въ перепискѣ его отца съ Дарвиномъ какого-нибудь письма послѣдняго съ выраженіемъ досады или нетерпѣнія по поводу печатанія, корректуръ и т. п. По словамъ Муррея-сына, въ нихъ не оказалось однако ничего кромѣ самой изысканной вѣжливости и выраженій трогательной благодарности за каждую малѣйшую услугу.

[2]) И которыми начинается одинъ изъ нашихъ московскихъ адресовъ.

и гравюры, изображающія Даунъ. Особенно интересенъ портретъ дѣда его Эразма, типичнѣйшаго англичанина добраго стараго времени, напоминающаго Бэна Джонсона.

Не лишенъ интереса былъ и обширный отдѣлъ каррикатуръ, поражавшій убожествомъ ихъ общаго замысла: не смотря на различіе національностей авторовъ и времени появленія ихъ произведеній, ни одна изъ нихъ не шла далѣе избитаго остроумничанья на ту же тему происхожденія отъ обезьяны—всего проще и безобиднѣе выраженную, фигурировавшей здѣсь большой куклой обезьяны, которую кэмбриджскіе студенты спустили на веревочкѣ съ хоровъ Senate-house'а передъ Дарвиномъ, во время церемоніи полученія имъ званія почетнаго доктора правъ, въ 1878-мъ году. Предположенный, какъ на прошлогодней Мильтоновской выставкѣ, библіографическій отдѣлъ, т.-е. собраніе всѣхъ изданій, переводовъ и т. д., повидимому не состоялся; обращало на себя вниманіе только выставленное на видномъ мѣстѣ, русское „юбилейное“ изданіе сочиненій Дарвина, нашего московскаго издателя Ю. И. Лепковскаго. Въ общемъ, выставка, хотя небольшая, была очень интересна и производимое ею впечатлѣніе дополнялось близкимъ сосѣдствомъ комнаты Дарвина-студента [1]).

Garden-party, съ прогулками подъ музыку по шелковистому газону и съ обычными угощеніями въ шатрахъ, на этотъ разъ разбитыми очень кстати, такъ какъ принимавшійся нѣсколько разъ дождь загонялъ въ нихъ гостей, на столько многочисленныхъ, что, какъ наканунѣ вечеромъ на раутѣ, трудно было свободно двигаться. За то въ тѣ минуты, когда выглядывало солнце, картина пестрыхъ группъ въ университетскихъ костюмахъ, разбросанныхъ на фонѣ свѣжей зелени вѣкового сада или взбирающихся до крышъ плющей и другихъ ползучихъ растеній, скрашивающихъ дворы колледжей, была очень живописна, хотя увѣковѣчена она крайне прозаично фотографомъ, построившимъ всѣхъ присутствовавшихъ обычнымъ сомкнутымъ фронтомъ, да еще въ заключеніе съ заранѣе заготовленными номерками, для того чтобы впослѣдствіи легче можно было опознать who's who. Въ числѣ многочисленныхъ посѣтителей снова, понятно, обращалъ на себя вниманіе старикъ Гукеръ, здѣсь, на чистомъ воздухѣ, болѣе бодрый, чѣмъ въ душной атмосферѣ вчерашняго раута. Особенно тѣснились около него, когда онъ проходилъ по

---

[1]) Фотографіи внѣшняго и внутренняго вида помѣщенія, которое занималъ Дарвинъ въ колледжѣ, помѣщены въ первомъ томѣ только что упомянутаго русскаго изданія.

выставкѣ, дѣлая замѣчанія по поводу всего, такъ живо напоминавшаго ему его славнаго друга.

Время летѣло незамѣтно, благодаря встрѣчамъ со старыми знакомыми и завязыванію знакомствъ съ новыми молодыми представителями науки. Преобладающая тема разговора, особенно съ людьми, не бывавшими здѣсь ранѣе, съ главнаго повода этихъ торжествъ невольно переходила на восторженныя похвалы вѣчно юному въ своей старческой красотѣ—Кэмбриджу.

К. Тимирязевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НОВЫЙ ГОРОДЪ

Paul Adam, „Autour de la Porcherie“.

IV *).

Эрикуръ и м-мъ Эрнандесъ направились къ работамъ у водопада. Охваченный стальными и бронзовыми кольцами, блестящій отъ масла насосъ, производящій энергію, направлялъ вращающіеся буравы въ глубь галлереи. Со всѣхъ сторонъ сыпался известнякъ. По знаку Кальдаса, прежніе бродяги ловко собирали куски лопатой и нагружали ихъ на тачки, быстро увозимыя рабочими. Стоя въ галлереяхъ, гдѣ прежде приходилось пробираться ползкомъ, Эрикуръ говорилъ своей пріятельницѣ о томъ, какъ ему радостно видѣть свою мысль воплощенной, превратившейся въ двигательную силу, какое счастье—шевелить мозгами цѣлаго народа, управлять ихъ душами, двигать ихъ руками. Поэтесса укоризненно говорила ему о морщинахъ на лицѣ негра, нагружавшаго тачку золой локомобиля, о прищуренныхъ глазахъ рабочихъ, всаживавшихъ буравы въ разсыпчатый камень, о кашлѣ полудикарей, работавшихъ лопатой среди бѣлой пыли.—А развѣ лучше,—спрашивалъ Эрикуръ,—когда дикари гонятся за дикими звѣрями подъ ледянымъ дождемъ и знойнымъ солнцемъ, когда морщины являются отъ карабканія по скаламъ, когда глаза щурятся отъ того, что свѣтъ утомляетъ вѣки, а кашель—отъ того, что жажда изсушила горло? — М-мъ Эрнандесъ не усту-

*) См. октябрь, стр. 699.

пала, даже когда веселые штукатурщики стали разглядывать ее, шепотомъ высказывая другъ другу одобреніе и обнажая здоровые зубы.

Эрикуръ увелъ ее. Они снова сѣли на лошадей. Чтобы окончательно убѣдить ее, онъ поѣхалъ съ нею на верхнее плоскогорье. Дикари, которые минувшей зимой разбѣжались при ихъ появленіи, теперь спокойно продолжали стоять у своихъ хижинъ по обѣ стороны красной дороги. Женщины торопливо плели корзины для рыбъ, выловленныхъ при помощи динамита, для плодовъ и лѣсныхъ корней. Дѣвочки предложили пріѣхавшимъ нѣсколько мангъ; онѣ нагружали эти плоды, вмѣстѣ съ травами, на сѣдло лошади. Толстогубыя дѣвочки съ лоснящимися волосами гордились желтыми и лиловыми платками, повязанными у нихъ вокругъ шеи. Онѣ поднимали длинными руками корзины съ индійскимъ перцемъ, устанавливая ихъ на головахъ, покрытыхъ соломой. Онѣ шли бокъ о бокъ съ своими лошадьми, рядомъ съ амазонкой, гордясь своей гибкостью.

Эрикуръ спросилъ ихъ, не жалѣютъ ли онѣ о прежней жизни. Поэтесса стала хвалить дикую жизнь, пространно развивая этотъ вопросъ. Онѣ отъ робости не знали сначала, что̀ сказать. Заговоривъ, онѣ стали разсказывать о томъ, что имъ обѣщанъ балъ съ музыкой плотниками изъ Альта-Вега, въ ближайшее воскресенье. Всѣ уже радуются близкому веселью. Дѣвочки заранѣе восторгались грамофономъ и стали распрашивать про этотъ волшебный инструментъ. Эрикуръ далъ имъ пезо для покупки обновокъ. Онъ торжествовалъ. Разболтавшись, обрадованныя неожиданнымъ подаркомъ дѣвочки стали говорить съ пренебреженіемъ о своихъ пріятельницахъ, которыя, не имѣя цѣльныхъ платьевъ, не рѣшались пойти продавать фрукты и зарабатывать такимъ образомъ деньги. Имъ придется собирать ягоды въ лѣсу, никогда не видавъ ни танцевъ, ни кинематографа. Проявивъ свою приверженность къ цивилизаціи, босоногія дѣвочки въ узкихъ юпкахъ и пестрыхъ блузахъ побѣжали за своими лошадьми, держа шеи такъ прямо, что корзинки съ перцемъ стояли неподвижно на ихъ курчавыхъ головкахъ.

Амазонка сказала, что онѣ—порочныя, жадныя дѣвчонки. Она вдругъ хлестнула лошадь, и Эрикуру пришлось поскакать за нею, хотя это ему было очень вредно.

Торговки поглядѣли вслѣдъ ускакавшимъ и перевели духъ. Неизвѣстно вѣдь, угождаешь ли такимъ особамъ. Онѣ стали упрекать другъ друга въ дерзости и неумѣніи вести себя. Ссора ихъ кончилась только подъ навѣсомъ китайца, куда онѣ

отправлялись съ товаромъ. Оживленіе, царившее у китайца, приводило ихъ всегда въ восторгъ.

Одной рукой китаецъ поджаривалъ на огнѣ сосиски, а другой мѣнялъ на кубанскую мѣдь доллары Гарта и Самсона Гиля, стоявшихъ съ дерзкимъ видомъ, въ черныхъ фланелевыхъ рубахахъ и шерстяныхъ панталонахъ съ нагрудниками. Китаецъ пересчитывалъ глазами сосиски, которыя отбирали себѣ Карлотта и Мануэла. Въ то же время онъ отвѣчалъ улыбкой на нетерпѣливыя требованія проголодавшихся итальянскихъ водопроводчиковъ, которые съ шумомъ тащили по неровному полу свои ящики съ инструментами. Мяукающій голосъ Лао-Ти умолялъ, кромѣ того, шесть всадниковъ, не сходившихъ все время съ лошадей, чтобы они не смяли дѣтвору, которая подбѣгала къ прилавку съ пустыми бутылками за водкой для родителей, складывавшихъ въ груды щебень по дорогѣ. Подъ навѣсомъ поднялся шумъ и споръ на трехъ языкахъ и шести нарѣчіяхъ. Всадники вмѣшались въ споръ и разглагольствовали, сидя верхомъ и сильно жестикулируя. Китаецъ тѣмъ временемъ продалъ двѣ сосиски Мануэлѣ, которая сунула ихъ сразу въ ротъ, чтобы не слишкомъ долго обжигать себѣ горло. Лао-Ти заинтересовался торговкой, которая пришла продавать панталоны изъ полосатой холстинки, справился объ имени поставщика и записалъ адресъ, продолжая въ то же время прислуживать гостямъ. Онъ налилъ водки странствующимъ музыкантамъ, отобралъ гвоздей покупательницѣ-дѣвочкѣ, заказалъ коммиссіонеру изъ Матанзаса цѣлый ассортиментъ англійскихъ консервовъ и заплатилъ акцизный сборъ, который пришли требовать отъ него за доставленныя наканунѣ четыре бочки.

Эліасъ Регасъ тщетно вербовалъ итальянцевъ на работу. Старая женщина на костыляхъ, служившая имъ переводчицей, отвѣтила, что они не желаютъ дѣлать иного дѣла кромѣ своего; они пріѣхали изъ Флориды, гдѣ копали колодцы, спеціально для того, чтобы рыть бассейны въ гротѣ. На другую работу они не желаютъ наниматься. Наконецъ одинъ изъ всадниковъ какъ будто сдался на увѣщанія Регаса. Онъ сталъ уговаривать товарищей; но они, посовѣтовавшись между собой, отказали. Изъ спавшихъ четверо проснулись; но они потребовали по цѣлому песо въ день и часть жалованья впередъ. Регасъ выругалъ ихъ. Они отвѣтили тоже бранью и снова легли, непоколебимые, заявляя, что не будутъ работать за такую плату, какъ негры. Эліасъ сталъ опасаться, что ему не удастся приготовить помѣщенія для землемѣровъ въ свиномъ загонѣ, а тѣмъ болѣе не удастся устроить

рынокъ. Въ этой толпѣ, которая курила, плевала, подтягивала панталоны, зашнуровывала сапоги, пила, смѣялась, ссорилась, въ этой толпѣ изъ сотни людей въ широкихъ мягкихъ панталонахъ, въ полосатыхъ рубахахъ, въ безформенныхъ шляпахъ, уже не было покорности первыхъ дней. Сто ворчливыхъ упрямцевъ перестали признавать авторитетъ Регаса. Они поняли, что въ нихъ нуждаются, и стали требовать вознагражденія, соотвѣтствующаго шансамъ предпріятія. Регасъ чувствовалъ, что за этими низкими упрямыми лбами таится враждебность къ нему. Его властные жесты не оказывали болѣе такого воздѣйствія, какъ во время войны за независимость, когда по его знаку пастухи въ Лосъ-Дадосъ и Лосъ-Палаціосъ готовы были идти на смерть. Эліасъ Регасъ не понималъ, почему все такъ перемѣнилось.

Все же, когда онъ направился къ выходу, пять всадниковъ послѣдовали за нимъ. Изъ спавшихъ человѣкъ двѣнадцать тоже поднялись, ворча, и забрали свои инструменты и свертки. Вся компанія направлялась уже къ свиному загону, какъ вдругъ изъ-за обвалившихся камней появился Анхель Ортисъ, на своей бѣшеной лошади. Онъ заявилъ, что Эрнандесъ ждетъ всѣхъ на береговой дорогѣ. Можетъ ли Эліасъ сейчасъ же доставить двадцать человѣкъ рабочихъ? Изъ-за этой перемѣны работы опять начался споръ; всадники тоже спустились съ лошадей и заявили, что не поѣдутъ дальше, пока имъ не обѣщаютъ прибавки.

По дорогѣ пришлось остановиться; дорогу преградили стада барановъ, свиней и быковъ, посланныхъ семьей Альвина. На озерахъ ждали прибытія янки, которые ѣдятъ много мяса. Блеющее, ревущее шествіе будущихъ бараньихъ жаркихъ и окороковъ развеселило рабочихъ. Толпа стала шумно вышучивать толстый животъ погонщика быковъ, худобу пастуха, который науськивалъ своихъ собакъ на отставшихъ барановъ, надъ хромымъ Трельзимино, который съ большимъ трудомъ справлялся со своими хрюкающими, строптивыми поросятами. Но курчавыя старухи, которыя погоняли лошадей съ кладью, отругивались такъ бойко, что всадники предпочли смѣяться надъ неграми.

Скученные партіями, плечо къ плечу, африканцы лѣниво копали землю на дорогѣ, подъ звуки однообразной заунывной пѣсни. Ихъ массивныя фигуры подъ соломенными шляпами, казалось, какъ бы не замѣчали напряженія оголенныхъ рукъ, высовывавшихся изъ жилета. Они равнодушно глядѣли на небо и на прохожихъ; фарфоровые зубы виднѣлись изъ-за потрескавшихся черныхъ губъ. Казалось, что эти мускулистыя, лоснящіяся тѣла, вытягивавшіяся, чтобы мѣрно поднимать и опускать

заступъ, принадлежатъ другимъ головамъ. И Регасъ обратилъ вниманіе Трельзимино на то, что негры умѣютъ лѣниться головой въ то время какъ тѣло ихъ въ работѣ.

Эліасъ продолжалъ браниться съ рабочими. Въ это время показался Эрнандесъ, казавшійся гигантомъ на своей бѣлой кобылѣ. Съ высоты этой живой, подвижной трибуны онъ заговорилъ во всеуслышанье. Его мощный глухой голосъ точно билъ молотомъ воздухъ, дрожь котораго достигала уха слушателей. Они всегда любили слушать своего героя. Они послѣдовали за нимъ, почти не ворча. Высоко поднявъ голову, прижимая руку къ сердцу, Эрнандесъ съумѣлъ воодушевить ихъ. Тогда Анхель Ортисъ разсортировалъ людей, покоренныхъ краснорѣчіемъ Эрнандеса, и повелъ ихъ на мѣсто работы.

Когда они явились на береговую дорогу къ Эрикуру, послѣдній горячо поблагодарилъ инспектора Ортиса. Ортисъ ухмыльнулся въ бороду, чувствуя его полную искренность, и посмѣялся надъ французскимъ легкомысліемъ, которое такъ легко удовлетворяется внѣшностью. Эрикуръ сообщилъ, что огромный возъ споткнулся о выступъ скалъ и свалился, подъ своимъ грузомъ въ пять тоннъ металлическихъ трубъ. Рабочіе Эліаса, вмѣстѣ съ управляющимъ и директоромъ, дошли до мѣста несчастья. Тамъ, на поворотѣ, накренился надъ пропастью возъ съ трубами. Наскоро устроено было сооруженіе, чтобы поддержать съ одной стороны цилиндръ, лежавшій надъ двумя другими. Нижніе цилиндры сдерживались металлическимъ кабелемъ, а верхній грозилъ обрушиться внизъ въ долину Парахасъ, гдѣ онъ разбилъ бы въ дребезги новыя турбины. Анхель Ортисъ разсчиталъ, что подобная катастрофа стоила бы Франко-кубанской компаніи двѣсти или триста тысячъ франковъ. Эрикуръ понималъ, что этотъ несчастный случай оправдалъ бы опасенія банка Фохта, синдиката плантаторовъ, семейства Альвина; работы вѣроятно были бы пріостановлены, и Лосъ-Дадосъ достался бы даромъ трёсту, который избавился бы, такимъ образомъ, отъ конкурирующаго съ нимъ предпріятія.

Все это казалось неизбѣжнымъ. У Эрикура начались нервныя боли въ желудкѣ. Чтобы предупредить катастрофу, кучка негровъ ухватилась за кабель, который еще прикрѣплялъ къ возу три огромныхъ цилиндра. По приказу Кеннеди, чернокожіе, напрягая плечи, осторожно натягивали кабель, чтобы возстановить равновѣсіе цилиндра, наклоненнаго надъ пропастью, и помѣстить его поверхъ двухъ другихъ. Поднявшись однимъ концомъ вверхъ, онъ грозилъ оторваться окончательно. Лѣвая сторона

воза, поддаваясь усиліямъ, медленно поднималась, отдаляясь отъ опаснаго шатающагося утеса. Анхель Ортисъ вдругъ замѣтилъ чрезмѣрную напряженность мускуловъ у негровъ, натягивавшихъ кабель, и понялъ, что они утомлены. Онъ незамѣтно сталъ смѣнять каждаго въ отдѣльности, и призывъ къ отдыху раздался раньше, чѣмъ рабочіе замѣтили сами, что ослабѣли.

Забравшись подъ ось, Кальдасъ вмѣстѣ со своими рабочими, лежа на животѣ, пытался проложить мостъ изъ досокъ, по которому возъ могъ бы проѣхать на твердую почву. Стоило бы неустойчивому цилиндру пошатнуться и упасть на лѣвый бокъ воза—и эти семь человѣкъ были бы раздавлены пятью тоннами металла. Этого и боялась взволнованная толпа, скучившаяся, съ лопатами въ рукахъ, съ ватерпасами за плечомъ, или таща за собой тачку. Эліасъ Регасъ съ трудомъ удерживалъ напоръ толпы. Не смотря на мощь своихъ мускуловъ подъ черной или смуглой кожей, негры, обливаясь потомъ, стали задыхаться, напирая на металлическій кабель. Вся тяжесть явно падала влѣво, что̀ сейчасъ же обезпокоило Форстера и Колингуда, взобравшихся на возъ, чтобы укрѣпить шатающійся цилиндръ втулками. Боясь, что онъ упадетъ, они быстро соскочили на земь. Къ кучкѣ негровъ присоединились нѣсколько кубанцевъ и всунули обратно въ кабель соскальзывавшій цилиндръ. Рабочіе Анхеля Ортиса опрокинули третій телеграфный столбъ. Онъ мѣшалъ прокладывать дощатый мостъ черезъ пропасть. Эрикуръ вмѣстѣ съ другими торопилъ Кальдаса кончать спасительный мостъ. Къ несчастью, за недостаткомъ мѣста трудно было сколачивать доски. Толпа задыхалась отъ волненія, слѣдя за движеніями и окриками Эліаса Регаса. Упадетъ ли вся эта масса на шатающійся утесъ, рухнувъ вмѣстѣ съ нимъ въ пустоту, раздавивъ Кальдаса и его рабочихъ, а внизу—турбины и всѣ новыя строенія? Со всѣхъ сторонъ сбѣгались любопытные. Всѣ давали совѣты, какъ удержать возъ отъ паденія. Кто-то сказалъ, что нужно опрокинуть возъ вмѣстѣ съ грузомъ на правый бокъ. Но Форстеръ запротестовалъ. Это разрушило бы водопроводныя трубы, черезъ которыя вода озеръ должна была черезъ мѣсяцъ течь на турбины. Колингудъ засучилъ рукавъ своей черной фланелевой блузы. Онъ предложилъ подпереть цилиндръ въ наклонномъ положеніи, обвернуть конецъ металлическимъ жгутомъ, наклонять его постепенно и отодвинуть назадъ, вглубь воза. Тогда можно будетъ укрѣпить мостъ. Жумильякъ не разрѣшилъ сдѣлать такую попытку, считая ее слишкомъ опасной. Дрожа отъ холода, не смотря на ослѣпительное солнце, Эрикуръ думалъ о трехъ стахъ тысячахъ убыт-

ковъ, о комитетѣ своего общества. Малодушные сейчасъ будутъ дѣлать обобщенія по этому поводу. Интриганы будутъ выѣзжать на пессимизмѣ, будутъ говорить, что этотъ несчастный случай типиченъ для сотни другихъ. Конечно, будутъ убѣждать правленіе, что слѣдуетъ опасаться такихъ рисковъ, что слѣдуетъ отказать въ дальнѣйшемъ кредитѣ и содѣйствовать скорѣйшему поглощенію компаніи трёстомъ. Эрикуръ чувствовалъ, какъ лицо его становится старымъ. У него пересохло во рту. Онъ отиралъ потъ съ лица.

Точно чувствуя эту чисто нравственную опасность, негры и бѣлые, носильщики и надсмотрщики выбивались изъ силъ. Они хотѣли бы отвратить несчастье. Единодушный гнѣвъ противъ судьбы охватилъ всѣхъ. Они бранили другъ друга, вмѣсто того, чтобы нападать на неуловимую судьбу. Кальдасъ, работая подъ возомъ, ругался и не соглашался уйти. Его рабочіе тоже не уходили. Они съ окровавленными пальцами работали у оси. Колингудъ, вопреки всѣмъ протестамъ, взбирался на лѣвое колесо. Онъ ползъ по двумъ устойчивымъ цилиндрамъ и обматывалъ вокругъ нихъ желѣзный жгутъ, поднимая кверху свое лицо, бритое какъ у каноника. Изумленный такой храбростью, Эрикуръ радовался, что рабочіе преисполнились его страстью, что они, какъ и онъ, чувствуютъ необходимость послѣдняго усилія, быть-можетъ даже смертельнаго. Подъ возомъ началась драка. Слышна была ругань Кальдаса, восклицанія: „Por Dios!“ дровосѣка и крикъ боли кого-то, котораго укусили, чтобы заставить уступить мѣсто.

Вокругъ негровъ, ухватившихся за цѣпь съ вздутыми венами подъ мрачными лбами, толпилось человѣкъ двадцать. Колингудъ требовалъ, чтобы во что бы то ни стало сдвинули нижніе два цилиндра. Безстрашная кучка людей, не спѣша, упорно налегла на металлическій кабель, въ то время какъ подъ скрытыми отъ взоровъ рабочими Кальдаса обваливался край дороги. Двое рабочихъ поскользнулись, выкапывая телеграфный столбъ. Повиснувъ на минуту надъ бездной, они ухватились за панталоны товарищей и выкарабкались. Всѣ еще болѣе напряглись, чтобы спасти цилиндры. Рабочіе яростно и отважно боролись за вчера лишь пріобрѣтенное, еще столь непрочное благосостояніе. Стоя въ опасной позѣ подъ наклоненнымъ цилиндромъ, Колингудъ говорилъ съ Форстеромъ по-англійски. Разстояніе между цилиндрами не уменьшалось. По приказу Анхеля Ортиса собирали вьючныхъ лошадей, снявъ корзины съ овощами, которыя они везли на себѣ. Выброшенные овощи разсыпались, покрывая всю

землю вокругъ. Рабочіе сняли съ себя красные пояса, скрутили ихъ и привязали къ металлическому кабелю. Затѣмъ они погнали рядъ клячъ, ударявшихъ копытами о скалы среди сыплющихся искръ. Эрнандесъ скакалъ бѣшенымъ галопомъ во всѣ стороны. Онъ убѣждалъ однихъ, останавливалъ другихъ, опуская тяжелый кулакъ то на какую-нибудь курчавую голову, то на чью-нибудь камышевую шляпу. Невозмутимый, но съ помертвѣвшимъ лицомъ, Жумильякъ высчитывалъ, записывая цифры золотымъ карандашикомъ на манжеткѣ, силу сопротивленія кабеля, разсчитывалъ, на сколько хватитъ силъ у рабочихъ. Слишкомъ длинныя доски для моста трудно было сплотить. Колингуду не удавалось укрѣпить подпору подъ наклоненнымъ цилиндромъ. Два всадника, посланные за инструментами въ Кинта-Эрнандесъ, гдѣ были магазины, все еще не возвращались. За ними послали еще нѣсколькихъ. Эрикуръ и м-мъ Эрнандесъ тщетно высматривали ихъ по дорогѣ, гдѣ въ это время выкапывали телеграфный столбъ. Партіи рабочихъ напѣвали псалмы, выравнивая каменистое русло. Наверху навѣсъ Лао-Ти казался центромъ суетливаго муравейника. Все стекалось туда, всѣ партіи рабочихъ, спустившихся съ лѣсныхъ вершинъ, поднявшихся изъ города, прибѣжавшихъ съ полей къ водопаду, который подъ самыми вершинами разсыпался сверкающими парами.

Неужели русалка опять выскользнетъ изъ его объятій? Эрикуръ уже готовъ былъ покориться своей участи, какъ вдругъ появился Пуктонъ. Онъ сказалъ по-англійски, что у него есть съ собой локомобиль и топливо, и что онъ сможетъ равномѣрно тянуть кабель, не рискуя сломать его. У Эрикура снова проснулась надежда. Ортисъ одобрилъ планъ англичанина. Жумильякъ разрѣшилъ сдѣлать попытку. Въ одинъ моментъ Пуктонъ и Самми, при помощи другихъ, ослѣпленныхъ пылью, привезли машину. Сквозь желѣзныя стѣнки виденъ былъ огонь топки. Машина была старая, но дѣйствовала исправно. Колингудъ пересталъ противиться. Маленькій локомобиль тотчасъ же засвистѣлъ, запыхтѣлъ, тронулся съ мѣста. Регуляторъ выбрасывалъ изъ спаекъ горячія капли, но кабель сталъ наворачиваться; мало-по-малу, среди молчанія, нарушаемаго только тяжелымъ дыханіемъ сотни человѣкъ, наклоненный цилиндръ сталъ опрокидываться назадъ, поддерживаемый подпорками Колингуда и Форстера. Кальдасъ и его рабочіе смогли спокойно укрѣпить доски для моста, по которому долженъ былъ проѣхать драгоцѣнный грузъ, обезпечивая будущность Лосъ-Дадосъ.

Эрикуръ далъ волю нервамъ, широко вдыхая свѣжій воздухъ,

и выдыхая излишній теперь страхъ. Толпа поздравляла его. Всѣ смѣялись, шутили. Нѣкоторые уѣзжали, увозя за собой тачки. Многіе снова опоясывались своими красными и синими кушаками; всѣ обмѣнивались шутками и похлопывали другъ друга дружески по плечу. Одни поднимали овощи съ земли и нагружали ихъ снова на лошадей, ласково касаясь ихъ ноздрей; другіе хватали за рога быковъ и снова вывозили на дорогу скрипящіе возы. Форстеръ и Колингудъ, громко споря, заботливо застегивали рукава черныхъ блузъ. Негры присѣли на корточки, скрестивъ руки на колѣняхъ. Они обливались потомъ и видимо радовались миновавшей опасности.

Все это удивляло Мануэля Эрикура. Почему вдругъ общее довольство смѣнило обычную скуку рабочихъ, ихъ недавнія вспышки, ихъ крики и ссоры? Что имъ до предотвращеннаго несчастья? Большинство даже не подозрѣвало, какому риску подвергалось все предпріятіе. А между тѣмъ всѣ прыгали отъ радости, оживленно жестикулировали; чернокожіе, бѣлые, желтые братались между собой въ порывѣ внезапной радости.

Всѣ угощали другъ друга, столпившись вокругъ мулатокъ, которыя развозили водку въ боченкахъ, нагруженныхъ на лошадей. Торговокъ брали за талію, получая за это пощечины. Двадцать паръ различныхъ усовъ поочередно обмакивались въ тотъ же стаканъ. Мелкія деньги, центавосы, вынимались изъ кожаныхъ кошельковъ и переходили въ свѣтлыя ладони квартеронокъ. Почуявъ общее радостное возбужденіе, торговки захотѣли воспользоваться имъ. Онѣ явились съ табакомъ, зеркалами, эспадрильями. Продавцы бичей щелкали ими по воздуху. Вблизи еще пыхтѣвшаго локомобиля восторженные зрители поздравляли молодыхъ его владѣльцевъ, гладко причесанныхъ, довольныхъ крупной суммой, заплаченной имъ за помощь въ критическій моментъ. Всѣ разсматривали раскаленныя желѣзныя стѣнки машины, спасшей турбины и всѣ надежды на будущее.

Эрикуръ хотѣлъ бы, какъ и вся толпа въ цвѣтныхъ рубахахъ, холщевыхъ панталонахъ и камышевыхъ шляпахъ, пить, смѣяться, щелкать по воздуху бичемъ отъ восторга. Онъ радовался пораженію враждебной силы, которая коварно навалила тяжесть на поддавшійся утесъ. Геній толпы побѣдилъ эту силу. Торжество возбуждало толпу рабочихъ, сказываясь въ смѣхѣ всѣхъ, направлявшихся подъ навѣсъ китайца; всѣ были воодушевлены торжествомъ общихъ усилій, направленныхъ на то, чтобы завладѣть верхушками Лосъ-Дадосъ.

Мануэль Эрикуръ сталъ инстинктивно искать, кому бы по-

вѣрить волновавшія его мысли. Его идея создала силу самопожертвованія, и она охватила душу всего народа. Всѣ эти люди, касавшіеся его лошади, привѣтствовавшіе его хриплыми звуками, смутно, быть можетъ, сознаютъ торжество ихъ общаго генія надъ грубой силой природы. Ясно понимать его они, конечно, не могутъ. Жумильякъ насмѣшливымъ взоромъ наблюдалъ за волненіемъ Эрикура, желая сбавить съ него спѣси какой-нибудь слишкомъ хвалебной и тѣмъ самымъ уничижающей фразой. Эрикуръ не рѣшался говорить ему о своей невинной радости, и чувство одиночества причиняло ему страданіе. Онъ позавидовалъ экспансивности Эрнандеса, который пространно разсказывалъ своей женѣ о всѣхъ своихъ приключеніяхъ и опасностяхъ. Эрикуръ пожалѣлъ объ ушедшей молодости, о потерянномъ времени, объ утраченной вѣрѣ въ любовь.

Но въ сущности зачѣмъ ему дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими чувствами? Не лучше ли по прежнему смѣяться про себя? Пусть эта толпа со своими чувствами, своимъ героизмомъ, своимъ гнѣвомъ, опередитъ творца своей новой жизни!

Онъ долженъ никому не довѣрять. Между нимъ и его женой уже цѣлыхъ шесть лѣтъ ничего не было, кромѣ общихъ дѣловыхъ интересовъ. Кларисса Габи въ теченіе цѣлой недѣли не только увлекала его своей красотой, но и была его подругой по духу. Все же онъ былъ лишь однимъ изъ стада, которое капризная актриса собирала вокругъ себя.

Въ первый разъ Мануэль Эрикуръ понялъ, что духовное одиночество—большая печаль. Онъ вывелъ изъ этого заключеніе, что духъ его слабѣетъ. По близости отъ него топтались любопытные. Всѣ останавливались вокругъ Кальдаса и его помощниковъ. Освѣдомлялись и уходили. Толпа шумно жила своими интересами. Эрикуръ сталъ вспоминать глаза Концепціонъ Ціенфуэнтесъ, шлемъ черныхъ волосъ вокругъ страстнаго, блѣднаго лица, ея смѣхъ, когда онъ соблазнялъ ее какими-нибудь эротическими разсказами. Безсмысленный смѣхъ, такой же, какъ смѣхъ этой толпы, которая шла въ облакахъ пыли въ знойный часъ, вдоль колючихъ алоэ и кактусовъ, босоногой толпы, которую возбуждала побѣда.

Шесть дней спустя нѣсколько человѣкъ изъ этой толпы очутились передъ Эрикуромъ, окровавленные, страшные, израненные на работахъ въ большомъ туннелѣ. Водяная труба лопнула подъ утесомъ. Потокъ воды и камней затопилъ галлерею и всѣхъ находившихся въ ней. Потокъ мчался къ водопаду, таща съ собой грязь, обломки скалъ и раздавленные члены. Че-

ловѣческое мясо, на половину прикрытое обрывками одежды, катилось вмѣстѣ съ глыбами камней. Среди потока грязи показался торсъ въ стоячемъ положеніи, съ откинутой назадъ, какъ капюшонъ, головой. Борясь противъ потока, все увлекавшаго къ водопаду, спасающіеся хватались за лавировавшій буравъ. Ихъ ревъ смѣшивался съ шумомъ вздымавшихся водъ. Эрикуру было страшно глядѣть на эти судорожныя, растерянныя лица, вопившія среди гула, въ то время какъ потокъ бросалъ имъ въ лицо свои волны и острые камни. Какъ могъ Анхель Ортисъ, ухватившись за веревку, висѣвшую въ глубинѣ у строительныхъ лѣсовъ, устоять противъ стихіи, высунувъ бороду поверхъ воды, какъ могъ онъ уберечься отъ напора воды, отъ камней въ водоворотѣ? Какъ могъ онъ знаками убѣдить Кальдаса слѣдовать его примѣру? Какъ далъ понять несчастнымъ, ухватившимся за машины, что машины могутъ быть снесены къ водопаду, что необходимо поэтому укрѣпить ихъ на мѣстѣ, схватить перекладины и цѣпи, установить балки, укрѣпить крюки, не обращая вниманія на разбитыя кости вокругъ, на утопленниковъ, окровавленныхъ, одного съ алебастромъ на спинѣ, другого съ запекшимися кусками мозга на лицѣ, съ оскаленными зубами?

Эрикуръ натѣнулся на доску краснаго дерева, нагнулся, чтобы поднять ее, и хотѣлъ спасти ее. Никто вѣдь, кромѣ него, не будетъ рисковать жизнью, чтобы спасти машины Компаніи. Онъ одинъ—заинтересованное лицо. Въ эту минуту волна прошла подъ его ботинками, подняла его и сбила его съ ногъ вмѣстѣ съ его ношей. Зеленая скатерть застлала ему глаза, зажала ему ротъ, душа его. Стоя на колѣняхъ, Эрикуръ попытался оттолкнуть спиной сводъ давившей на него воды. Онъ не смогъ. Уши, ротъ были полны водой. Доска покачнулась и уплыла отъ него. Онъ съ остаткомъ благоразумія ухватился за нее, чтобы спасти жизнь. Доска отъ толчка поднялась, потомъ погрузилась. Эрикуръ очутился около насоса, за который держалась кучка людей. Они какъ могли боролись съ волнами, падали, погружались въ воду, потомъ опять выплывали, чтобы прикрѣпить у стѣны подпорки и спасти машины.

— Твой сынъ... Вытащи сына!—крикнули отцу мальчика, котораго залила вдали волна.

Отецъ поддерживалъ плечами фашину, чуть-чуть не уплывшую. Онъ не двинулся съ мѣста и закрылъ глаза, чтобы не видѣть гибели сына. Къ счастью мальчикъ ухватился за веревку. Возлѣ бурава неистовствовалъ весь покрытый грязью Анхель Ортисъ. Кальдасъ, огромный, весь въ крови, плылъ, держась за

багоръ. Его тащилъ къ себѣ Эліасъ, который кричалъ на толпу, ворочавшую глыбы, выгружавшую камни, наваливавшую вѣтки, чтобы устроить плотину и укротить чудовищную гидру, уже поддававшуюся власти человѣка.

Ногтями, ногами, зубами Эрикуръ взобрался на насосъ. У него горѣла грудь отъ астмы. Наконецъ онъ сталъ колѣнями на тумбу. Тяжесть воды спала съ его плечъ на бедра, на ноги. И онъ восторгался сотней людей, яростно жаждавшихъ спасти дѣло, боровшихся съ потокомъ, толкавшихъ его назадъ, къ сверкающему водопаду, гдѣ преломлялись семь цвѣтовъ радуги.

Властный и невозмутимый, Жумильякъ направлялъ знаками однихъ направо, съ полными тачками, другихъ налѣво, съ пустыми тачками, на середину—носильщиковъ досокъ. Онъ увѣреннымъ движеніемъ направлялъ въ русло безуміе толпы. Онъ расчистилъ дорогу шествію раненыхъ, пропустилъ Кальдаса, который призывалъ свою возлюбленную, Пахиту Ниньесъ. Плачущихъ мулатокъ и дѣтвору держали вдали. Эрикуръ невольно удивлялся Жумильяку. Самъ онъ весь дрожалъ, растерянный, изнывая отъ боли раненаго пальца. Все же онъ смогъ приказать, чтобы заперли воду бассейна. Жумильякъ поспѣшилъ передать приказаніе.

Потомъ онъ сталъ его хвалить.

— Какъ вы обо всемъ думаете! Только благодаря вамъ они спаслись. Эти люди обязаны вамъ жизнью.

— А я обязанъ имъ еще большимъ... Они любятъ мое дѣло больше жизни.

— Чѣмъ это объяснить?

— Это ихъ единственная надежда на счастье.

Дѣйствительно, единодушный крикъ восторга встрѣтилъ Эрикура, когда онъ объявилъ, что опасность устранена, что трубу поправятъ и машины снова привинтятъ. Послѣдняя новость привела въ восторгъ толпу, собравшуюся отовсюду. Новая шляпа Форстера взлетѣла на воздухъ. Кеннеди провозгласилъ:

— He is a man!

— Настоящій человѣкъ.

— Онъ умѣетъ справляться со стихіями.

Ему устроили овацію, когда онъ уѣзжалъ, весь покрытый грязью, въ промокшемъ костюмѣ, съ котораго стекала вода.

На носилкахъ уносили тѣмъ временемъ въ лазаретъ убитыхъ и раненыхъ, среди стоновъ родственниковъ, сопровождавшихъ носилки.

— Пахита! Пахита!..—кричалъ Кальдасъ, лицо котораго покрыто было запекшейся кровью.

— Они любятъ дѣло не менѣе насъ,—повторялъ Эрикуръ.— Они охотно умираютъ за него. Правда вѣдь, Жумильякъ? Что вы скажете?

V.

Ко дню открытія желѣзнодорожной линіи, соединяющей, проходя черезъ хлопчатобумажныя плантаціи, Парахасъ съ Альта-Вега, маркизъ Моро добился того, что генералу Родригесу поручили быть оффиціальнымъ представителемъ президента. По настоянію м-мъ Альвина, епископъ гаваннскій согласился самъ освятить временную церковь въ Лосъ-Палаціосъ. Община св. Терезы, къ которой принадлежали молодыя дѣвушки изъ лучшихъ кубанскихъ семей, торжественно принесла въ даръ новой церкви статую Мадонны, со всѣми предметами католическаго культа Мадонны, отчасти найденными въ мексиканскихъ соборахъ, отчасти работы испанскихъ ювелировъ.

Два поѣзда, разукрашенныхъ флагами, поднимались одинъ за другимъ, когда наступила прохлада, по рельсамъ, еще плохо укрѣпленнымъ, на скатѣ горы, между зіяющими каменоломнями и отдѣльными разбросанными глыбами, мимо рабочихъ, привѣтствовавшихъ поѣзда восторженными кликами. Въ одномъ изъ поѣздовъ, всѣ въ кружевахъ и бѣломъ тюлѣ, Инеса Альвина, Филомена Діацъ, Карменъ Такешель, Анита Лопецъ, Концепціонъ Ціенфуэнтесъ оберегали отъ толчковъ статую Мадонны, обвернутую въ тонкую бумагу. Статую положили на коверъ между вертящимися креслами, такъ какъ высота ея превышала размѣры вагона и поставить ее нельзя было. Карменъ Такешель раскрыла футляръ, въ которомъ хранилась чаша, подарокъ ея тетокъ; остальныя дѣвушки восхищались блескомъ золота, орнаментами изъ платины, древней эмалью. Мерседесъ Хименесъ нарочно заставила Карменъ повторить цѣну чаши: пять тысячъ долларовъ, чтобы вышутить ея смѣшную кичливость богатствомъ. Филомена Діацъ, болѣе богатая, едва скрывала презрительную гримасу. Она принесла въ даръ только „пустяки“: „Скорбную Матерь“ Веласкеза, добытую у знаменитаго лондонскаго эксперта; она хотѣла, чтобы Джимъ Кламорганъ оцѣнилъ ея любовь къ искусству. Она не позволила вынуть картину изъ кожанаго чехла. Мерседесъ Хименесъ небрежно упомянула о своемъ дарѣ—ризѣ XIV-го вѣка, которая хранилась все время въ провинціи Валладолидъ, въ аббатствѣ, гдѣ младшіе сыновья въ родѣ

вотъ уже пять вѣковъ какъ носятъ митру и посохъ. Она самодовольно поднялась послѣ своего разсказа, потомъ опять сѣла въ кресло, съ сіяющимъ лицомъ, и стала обмахивать вѣеромъ свои раскраснѣвшіяся щеки и пушокъ на губахъ. Марія-Антуанетта Лагардэръ стала восхищаться ея благородствомъ, чтобы досадить другимъ, чьи ироническіе комплименты зло выпучивали скупость ея семьи, проявившуюся въ жалкихъ канделябрахъ, которые она везла въ даръ церкви. Молодая француженка коварно сама критиковала свои канделябры, но прибавляла, что ихъ выбрала графиня Басснэвъ, ненавидящая растакуэрскую пышность и любовь евреевъ къ украшенію своихъ домовъ старинными тканями и вещами, точно они не могли забыть своей привычки торговать старымъ тряпьемъ. Предвидя рѣзкіе отвѣты, Инеса Альвина старалась смягчить смыслъ слишкомъ рѣзкихъ словъ подруги; затѣмъ, чтобы успокоить вскипѣвшую Филомену, она стала восхвалять красоту испанскаго ренессанса. Концепшіонъ Ціенфуэнтесъ старалась, напротивъ того, еще больше раздразнить заспорившихъ подругъ. Она подсказывала недалекой Карменъ Такешель желчные доводы противъ извѣстнаго всѣмъ невѣжества французской аристократіи. Анита Лопецъ примирила ихъ, прося одолжить ей пудры для носа, покраснѣвшаго во время недавнихъ поѣздокъ верхомъ съ американцами Западныхъ штатовъ, обожающими экскурсіи такого рода. Она объѣздила съ ними всѣ горы Пиньясъ-дель-Ріо, охотясь на ланей. Они убили сто семьдесятъ три лани. Анита сдѣлала себѣ ожерелье изъ сорока четырехъ когтей отъ убитыхъ ею самой ланей. Мерседесъ и Концепшіонъ обѣ сразу посовѣтовали ей подарить ожерелье генералу, который, изъ желанія понравиться ей, казался на двадцать лѣтъ моложе въ своемъ парадномъ мундирѣ. Анита запротестовала. Она сказала, что покажетъ эти когти Джиму Кламоргану. Вѣдь онъ отрицалъ въ ней всякую вѣрность взгляда, потому что въ гольфѣ она перебрасывала иногда мячъ черезъ ямку, въ которую цѣлилась. Имя Джима Кламоргана вытѣснило всякіе другіе предметы разговора. Даже Клотильда Діацъ, которая сидѣла, заткнувъ уши пальцами, упершись локтями въ колѣни, и читала вслухъ геометрическія формулы, нужныя ей для предстоявшаго вскорѣ экзамена, даже она вынула пальцы изъ ушей и насторожила свое дѣтское личико. Если Филоменѣ удастся увлечь Джима, она тоже сможетъ выйти замужъ. Изъ тетради ея выпали служившія закладками фотографическія карточки близнецовъ Альвина, склеенныя оборотными сторонами. Отъ быстраго движенія, чтобы поднять ихъ, у нея

отстегнулась подвязка. Пришлось встать, застегнуть ее, и Клотильда сочла это достойнымъ наказаніемъ за свое легкомысліе. Она снова усѣлась въ креслѣ, повернула его къ стѣнѣ и стала старательно учить каждое слово, чтобы сдѣлаться такой же умственной силой, какъ Кламорганъ.

Хотя денежная аристократія сама затѣяла эту манифестацію въ знакъ своихъ симпатій къ Лосъ-Дадосъ, хотя она объявила участіе въ ней для себя честью и старалась выдѣлиться великолѣпными дарами своихъ дочерей, все-таки ясно было, что все это дѣлается для Джима. Всѣ семьи согласны были проявить щедрость, чтобы показать ему, сколько богатства и честолюбія сосредоточено вокругъ м-мъ Альвина, ея помѣстья и ея предпріятія. Отцы повторяли это много разъ своимъ дочерямъ. Дѣло шло уже не о маленькомъ французскомъ предпріятіи, какъ сначала, не о взращиваніи плодовъ и раннихъ овощей для трехъ пароходовъ, увозящихъ ихъ на ньюіоркскіе рынки. Возникло національное предпріятіе, которое должно было показать всему міру, какъ плодородна Куба. Въ предпріятіи этомъ участвовалъ синдикатъ плантаторовъ въ Тальдеро, компанія мексиканскихъ портовъ въ Парахасъ и Лосъ-Палаціосъ, затѣмъ правительство, строившее желѣзную дорогу въ Альта-Вега. Непочатый край кубанской территоріи вдругъ обработали, покрыли посѣвами, въ пять лѣтъ застроили фабриками. Союзъ съ крупнымъ сѣвероамериканскимъ трёстомъ долженъ былъ доказать міровымъ банкамъ несомнѣнность результатовъ. Конечно Джимъ Кламорганъ не могъ самъ заключить союзъ. Но его благопріятное мнѣніе должно было подѣйствовать на друзей его отца. Атлетъ Джимъ казался живымъ символомъ всемогущества, которое превратило бы Кубу въ богатую страну. Для всѣхъ этихъ дѣвушекъ онъ могъ рѣшить, будетъ ли ихъ жизнь свѣтлой или тусклой. Сравнительно бѣдная Анита Лопецъ получила отъ одной своей тетки гербовый щитокъ изъ стершагося золота—можетъ-быть принадлежавшій еще Франциско Пизарро—чтобы повѣсить его на шею Мадоннѣ въ церкви Лосъ-Палаціосъ. Семья рѣшилась пожертвовать семейной драгоцѣнностью въ виду особыхъ обстоятельствъ. Вся жизнь этихъ дѣвушекъ, получившихъ тщательное образованіе, съ трудомъ усвоившихъ себѣ хорошія манеры, научившихся наконецъ одѣваться и разговаривать въ обществѣ, направлена была къ цѣли, которая осуществилась бы какъ нельзя болѣе блестяще при выходѣ замужъ за такого могущественнаго человѣка, какъ Джимъ Кламорганъ. Только Инеса и Концепціонъ питали другія желанія. Гордость и чувственность влекли ихъ къ знатнымъ прин-

цамъ, къ смѣлымъ ухаживателямъ. Но онѣ, какъ и ихъ подруги, повернули кресла къ остальнымъ дѣвушкамъ, въ виду интереснаго разговора. Пейзажъ, работы на скалистомъ берегу — все утратило интересъ для нихъ, когда имя Кламоргана внесло оживленіе въ разговоръ.

Онѣ знали, что Магги Фуллеръ догнала Джима въ Пуэрто Принчипе, и считали это совмѣстное путешествіе полнымъ скандаломъ. И какъ это м-ссъ Фуллеръ исполняетъ всѣ капризы дочери, какъ она согласилась ѣхать на одномъ пароходѣ съ Джимомъ, поселиться съ нимъ въ Мирамаре, обѣдать за его столомъ въ платьѣ декольтэ, осматривать съ нимъ пещеры въ Беламаре и Юмури, участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ процессіи въ Лосъ-Палаціосъ, быть при освященіи работъ, при иллюминаціи туннелей! Эти янки положительно не знаютъ приличій! А Магги прямо убиваетъ себя. Она научилась править автомобилемъ, любила опасные повороты, безумно усиливала скорость, въ надеждѣ увлечь кузена своимъ хладнокровіемъ и ловкостью — качествами, которыя онъ умѣлъ цѣнить. Магги всегда выбирала худшія дороги и мчалась по нимъ на своей шести-цилиндровой машинѣ. Когда постоянныя волненія чрезмѣрно утомляли сердце влюбленной Магги, Джимъ, въ восторгѣ отъ смѣлости этого спорта, не отходилъ отъ дочери и отъ матери, одинаково сумасшедшихъ. Филомена Діацъ встрѣтила ихъ во время своего плаванія на яхтѣ. Она стала разсказывать подробности о беззастѣнчивости этого тріо. Джимъ не отказывалъ себѣ въ удовольствіи флирта съ креолками. И вмѣсто того, чтобы отбивать его у каждой, Магги и ея мать представляли его самымъ легкомысленнымъ женщинамъ, устраивали званые завтраки и катанья на лодкахъ. При ихъ посредничествѣ Джимъ покорилъ сердце одной красавицы. Вмѣстѣ съ Магги, возившей ихъ въ автомобилѣ, парочка исчезла на цѣлый вечеръ, при чемъ мужъ спрашивалъ у всѣхъ, гдѣ его жена. Филомена нарочно преувеличивала пикантность своего разсказа. Инеса Альвина пристыдила ее. И всѣ стали ее спрашивать, зачѣмъ она ѣздила на яхтѣ въ то время, какъ Джимъ Кламорганъ развлекался въ Пуэрто Принчипе? Удалось ли ей по крайней мѣрѣ скрыться съ нимъ куда-нибудь въ автомобилѣ?—А Магги допустила это?—спросила Концепціонъ Ціенфуэнтесъ.

Всѣ стали громко смѣяться, къ великому смущенію полной, бѣлой Филомены Діацъ, которая вдругъ повернула кресло къ окну, точно ее заинтересовало зрѣлище океана и всего виднѣ-

вшагося въ концѣ береговой дороги, вверхъ по которой оба поѣзда взбирались со свистомъ и ревомъ, выбрасывая дымъ.

Опьяненная коварствомъ, Концепшіонъ размахивала по воздуху своими большими руками. Она такъ растатала прекрасно сооруженное зданіе своей прически, что изъ-за уха упала орхидея. Инеса Альвина боялась гнѣва Филомены Діацъ. „Мексиканскіе порты“ заслуживали большого вниманія. Наслѣдница Лосъ-Дадосъ подсѣла, поэтому, къ наслѣдницѣ портовъ и стала восхищаться хлопчатобумажными и сахарными плантаціями, расположенными надъ плодоносной равниной и океаномъ. Говоря о лазури, объ утесахъ, о золотистомъ воздухѣ, о великолѣпіи пейзажа, Инеса подсчитывала состояніе въ милліоны долларовъ, песосъ, франковъ, франко-кубанскихъ акцій, акцій „Электрикъ-Стандартъ“. Соблазнительное приданое для принца, для лорда, если старикъ Кламорганъ включитъ въ свой трёстъ жемчужину этой горы, съ Порто Бланко внизу, гдѣ высился строевой лѣсъ за пальмовыми кущами, съ Тальдеро, гдѣ сыпались искры изъ трубъ сахарныхъ заводовъ, съ Парахасъ, гдѣ бумагопрядильни обрабатывали все, что доставляли плантаціи горнаго склона, съ Лосъ-Палаціосъ, гдѣ звонили колокола м-мъ Альвина, съ береговой дорогой, гдѣ кишѣли толпы, гдѣ праздничный поѣздъ встрѣчали трубы мулатовъ и хоръ негровъ, распѣвавшихъ кантаты.

Весь въ черномъ съ золотомъ, генералъ Родригесъ, очень величественный, едва успѣлъ взглянуть на Аниту. Монсиньоръ Серено, столь величественный въ своей грузности, маркизъ Моро, любезный и патріархальный, встрѣчали, подъ аркой изъ свѣжихъ пальмовыхъ вѣтвей, Эрнандеса, комитетъ національныхъ кавалеровъ, одѣтыхъ на французскій ладъ, общество ветерановъ Лосъ-Дадосъ съ знаменами, трубами, медалями на нѣмецкій ладъ, пожарныхъ въ синихъ рубахахъ и кожаныхъ каскахъ, съ красными лѣстницами на американскій ладъ, конную полицію въ костюмахъ хаки, съ ремнемъ подъ подбородкомъ на англійскій ладъ.

На поворотѣ, гдѣ второй поѣздъ ждалъ своей очереди, община св. Терезы возмущалась этимъ глупымъ подражаніемъ Европѣ, ревомъ тромбоновъ, фальшивыми нотами толстогубыхъ баритоновъ и нескончаемой рѣчью, которую декламировалъ гигантъ Эрнандесъ въ черномъ сюртукѣ, въ полотняныхъ панталонахъ, со шляпой въ рукѣ, обтянутой перчаткою.

Джимъ Кламорганъ еще не появлялся. Между докторомъ Розасомъ и Такешелемъ, передъ санитарной коммиссіей стоялъ Эрикуръ, приземистый, въ сѣромъ сюртукѣ, въ ботинкахъ съ

бѣлыми гетрами. Концепціонъ смотрѣла на все, избѣгая только смотрѣть на него, чтобы не вызвать замѣчаній. Косвеннымъ образомъ добродѣтельная Инеса Альвина осуждала ее, упрекая Эрикура за то, что онъ не входитъ въ переговоры съ агентами „Электрикъ-Стандартъ“. М-мъ Альвина прямо не понимала этого человѣка, котораго она считала умнымъ. Зачѣмъ онъ заупрямился и черезъ жену, при помощи средствъ жены, сталъ уговаривать Жака Лирисса, Фохта, самый банкъ отказаться отъ дѣла?—Онъ снимаетъ у васъ съ головы княжескую корону...—злорадно сказала Концепціонъ.

Въ то время какъ дѣвицы оправляли юпки, пудрились и готовились спуститься, въ то время какъ носильщики начинали развертывать статую Мадонны, всѣ стали говорить объ удачахъ Эрикура. Филомена Діацъ знала всю его исторію. Ея отецъ чуть было не соединилъ „мексиканскіе порты“ съ „левантинскими портами“, которые Теодоръ Хирамъ хотѣлъ присоединить къ компаніи „большихъ морскихъ предпріятій“. Во время своего путешествія, еще школьницей, въ Римъ, Дельфина Рюисъ знала Роланду, красавицу сирійку, царившую въ виллѣ Брандовизи надъ цѣлымъ дворомъ поэтовъ, прерафаэлитовъ, художниковъ-нѣмецкихъ археологовъ, философовъ-монархистовъ, графинь, принцессъ, подлинныхъ, но слишкомъ прославленныхъ своими приключеніями. Анна Фохтъ, сестра банкира, удивляла римское общество своими туалетами по картинамъ Гоццоли, Филиппо Липпи, и своимъ макіавеллистическимъ прославленіемъ войны, какъ единственной силы, будящей человѣческій геній. Это она представила Эрикура Роландѣ. Марія-Антуанетта Лагардэръ увѣряла, съ чьихъ-то словъ, что Роландѣ Хирамъ хотѣлось отнять у актрисы Клариссы Габи ея тогдашняго лучшаго друга, и что все дѣло было въ соперничествѣ между двумя женщинами. Филомена Діацъ со свойственной ей разсудительностью отрицала, что это было такъ. Она полагала, что дѣло происходило иначе, что Фохтъ хотѣлъ найти капиталы, нужные для Лосъ-Дадосъ, гдѣ-нибудь помимо кассы своего банка, и что его кліентъ, Жакъ Лириссъ, замѣтивъ его нежеланіе рисковать собственными деньгами, тоже изъ осторожности не захотѣлъ вложить состояніе въ дѣло, которымъ должны были владѣть сообща онъ, м-мъ Альвина и Эрикуръ. Тогда Анна Фохтъ и придумала матримоніальную комбинацію. Братъ и сестра объяснили ей, какъ велико будетъ богатство Лосъ-Дадосъ, т.-е. Эрикура. Вдова Хирамъ тотчасъ же согласилась вступить въ дѣло, которое могло удвоить доходы въ рукахъ финансиста, друга Фохта. Вилла Брандовизи, парижскій

дворецъ въ паркѣ Монсо, странствующій дворъ красавицы-сирійки поглощали всѣ доходы левантинскихъ портовъ, не смотря на великолѣпное управленіе банка Фохтъ.

— Что за люди!—воскликнула Мерседесъ Хименесъ.

Филомена Діацъ, чтобы похвастать своимъ знаніемъ дѣлъ, стала повторять сужденія отца о стоимости орудій, рабочихъ рукъ и перевозки. Полная дѣвушка съ бѣлымъ лицомъ увѣренно излагала положеніе дѣлъ. Анита Лопецъ и Инеса Альвина слушали ее съ почтительнымъ вниманіемъ; Концепціонъ Ціенфуэнтесъ почти не слушала, и стала разглядывать себя въ зеркало, которое вынула изъ дорожнаго несессера; Марія-Антуанетта Лагардэръ и Мерседесъ Хименесъ были возмущены этимъ торгашескимъ разговоромъ.—Красавица сирійка, — говорила Филомена, — будетъ по прежнему устраивать въ виллѣ Брандовизи и въ Парижѣ празднества для поэтовъ-декадентовъ, для философовъ монархистовъ, для сицилійскихъ графовъ и австрійскихъ баронессъ, для художниковъ, ученыхъ, а также для толпы ихъ учениковъ. Инеса спросила, не среди нихъ ли выискалъ Эрикуръ Жумильяка, который осмѣливается обращаться съ нею, какъ съ равной? Да, представьте себѣ, какъ къ равной!.. Чтобы дать понять, что она принимаетъ подарки только отъ равныхъ, Инеса каждый разъ посылала черезъ братьевъ дерзкому ухаживателю ящикъ сигаръ тройной стоимости сравнительно съ его подаркомъ. А онъ все не понималъ и продолжалъ оказывать ей вниманіе, посылалъ книги съ иллюстраціями... Прямо непріятно. Монтиньякъ отпускалъ шутки по этому поводу, къ неудовольствію м-мъ Альвина. Если Жумильякъ ищетъ невѣсты, то одной только Сарѣ Леви стоитъ выходить за него, чтобы избавиться отъ своего еврейства. Сама Инеса очень быстро отвадила охотника за богатыми невѣстами и сдѣлала это остроумно и зло.

— Совершенно напрасно,—рѣшила Мерседесъ Хименесъ.— Жумильякъ, потерявъ надежду, укрѣпитъ Эрикура въ его рѣшеніи не уступать Лосъ-Дадосъ агентамъ „Электрикъ-Стандартъ“, а послать въ Нью-Іоркъ лишь такой контрактъ, который можно очень легко уничтожить. Трёстъ Кламоргана откажется отъ союза и убьетъ Лосъ-Дадосъ методичной конкуренціей, вмѣсто того чтобы обмѣнять франко-кубанскія акціи на акціи „Электрикъ-Стандартъ“.

— Что будетъ съ нашими придаными! — воскликнула Концепціонъ Ціенфуэнтесъ.

— А только въ приданомъ наша надежда на независимость,— со вздохомъ сказала Анита Лопецъ, уклоняясь отъ взглядовъ генерала.

— Концепціонъ, вы бы воспользовались вашимъ вліяніемъ на Эрикура. Поговорили бы съ нимъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ.

— Въ уголкѣ? Что это значитъ, Мерседесъ?

Концепціонъ посмотрѣла ей въ лицо и сказала бы ей рѣзкость, еслибы въ это время не загремѣли трубы мулатскаго оркестра, который привѣтствовалъ конецъ рѣчи Эрнандеса. Клотильда Діацъ еще глубже засунула пальцы въ уши, чтобы еще разъ громче перечесть теоремы.

Въ платьѣ изъ старинныхъ серебряныхъ кружевъ, стянутомъ у пояса эмалевымъ кушакомъ, съ серебрянымъ вѣнцомъ на большомъ парикѣ, Мадонна съ Младенцемъ въ золотомъ платьицѣ и въ золотой коронѣ выступила изъ снятой бумажной оболочки. Поѣздъ медленно подходилъ къ деревянной платформѣ, навстрѣчу толпѣ, овапіямъ, музыкѣ. За гаваннскимъ епископомъ въ митрѣ, съ посохомъ, за его доминиканцами слѣдовали дѣвушки Лосъ-Палаціосъ, подъ предводительствомъ м-мъ Эрнандесъ. Въ бѣломъ, чисто вымытыя, подъ покрывалами, въ перчаткахъ, босоногія, онѣ поднесли къ вагону носилки изъ огромныхъ цвѣтовъ и свѣжихъ пальмовыхъ вѣтвей. Долоресъ и Магдана въ вагонѣ, Карлотта и Нина на платформѣ собирались вынести Мадонну съ Младенцемъ.

— За ноги? Нѣтъ! — кричитъ Карлотта, отказываясь коснуться филигранныхъ туфель. — За ноги!.. Это принесло бы несчастье всему краю.

Обѣ мулатки блѣднѣютъ, поднявъ руки къ небу, въ своихъ кисейныхъ корсажахъ, уже лопнувшихъ въ рукавахъ. Сверкающія пестротой платьевъ Пахита и Мануэла опускаются на колѣни. Сложивъ руки, бѣлая процессія курчавыхъ дѣвушекъ тоже становится на колѣни подъ благословляющей рукой монсиньора Серено, грузнаго и неподвижнаго въ тяжеловѣсной ризѣ и митрѣ. Изъ послѣдняго вагона шумно выходитъ графиня Басснэвъ, дерзкая и развязная, а вслѣдъ за нею м-мъ Альвина. Монтиньякъ, съ порученными ему зонтиками, подражая благочестивому движенію молящихся, тоже становится на колѣни въ пыли, которую морской вѣтеръ поднимаетъ вмѣстѣ съ перьями шляпъ и завитками волосъ.

Плечо къ плечу, снявъ шляпы, съ синѣющими на солнцѣ волосами на яйцевидныхъ черепахъ, орфеонисты начинаютъ медленно пѣть псаломъ. Звуки, исходящіе изъ толстыхъ растресканныхъ губъ, возносятъ славу божественной воли, которая нѣкогда претворила въ озера сокровища сатаны, а теперь превращаетъ воды въ сокровища. Пѣніе покрываетъ свистки локо-

мотивовъ и стукъ вагоновъ. Серебряная Мадонна и золотой Младенецъ покачиваются между головами босоногихъ носильщицъ. Нина, Магдана, Долоресъ слѣдуютъ за раздувающимися вуалями Инесы и Филомены, Мерседесъ и Концепціонъ, за зажженными восковыми свѣчами Клотильды и Аниты, вдыхая ароматъ ихъ платьевъ и вѣтра.

Трубачи-мулаты ждутъ начала процессіи, гордясь своими американскими шапочками съ вертикальными козырьками, защищающими смуглые лбы, и коричневыми мундирами съ красными обшивками. Своими вѣнцами Мадонна и Младенецъ касаются флаговъ, аркъ изъ пальмовыхъ вѣтвей и лампіоновъ. Разносится запахъ ладана. Женщины бросаются впередъ, пряча свои сигары въ сложенныя молитвенно руки; онѣ опускаются на колѣни въ широкихъ, раздувающихся платьяхъ, въ цвѣтныхъ косынкахъ, съ лоснящимися волосами, убранными цвѣтами. Благословенна Мадонна, вернувшая вѣрующимъ сокровища дьявола, отнынѣ благословенныя! Улица съ шалашами изъ сухихъ пальмовыхъ вѣтвей, съ магазинами изъ трубчатаго листового желѣза, сдавливаетъ благочестивое шествіе всадниковъ и пѣшеходовъ, у которыхъ мухи облѣпляютъ уши и глаза. Новоиспеченный поселокъ Альта-Вега привѣтствуетъ статую Мадонны множествомъ разноцвѣтныхъ афишъ, англійскихъ, испанскихъ и французскихъ, выхваливающихъ разныя желудочныя лекарства, пиво различныхъ заводовъ, водки и грамофоны. Предшествуемая нарядомъ полиціи—шестью молодыми всадниками, изящными и застывшими подъ своими касками, въ сопровожденіи пожарныхъ, шествующихъ по обѣ стороны съ красными топорами за плечами, Мадонна взбирается по подъему къ выступамъ Лосъ-Дадосъ, среди тишины, едва нарушаемой сотнями мягкихъ шаговъ, дыханіемъ носильщицъ, шепотомъ молитвъ, скользящими шагами покорныхъ лошадей. Выражая общее благочестивое настроеніе, члены хора, покрываясь потомъ, поютъ гимны, чередуясь съ бурными и короткими вступленіями трубъ. Надсмотрщики-янки и землемѣры, сидя въ маленькихъ вагончикахъ временной желѣзной дороги, смотрятъ на процессію какъ съ трибуны. Вѣжливые, хотя и скептики, Форстеръ и Кеннеди сняли шляпы при появленіи епископа. Гартъ и Симсонъ Гиль, не вынимая трубокъ изо рта, говорятъ объ угрюмомъ видѣ доминиканцевъ, о смѣшныхъ негритятахъ въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ розъ, о маленькихъ кармелиткахъ въ пыльныхъ платьяхъ, съ плохо раскрашеннымъ знаменемъ въ рукахъ. Кольгудъ и Картеръ, обливаясь потомъ въ своихъ фланелевыхъ блузахъ, смѣются надъ толстыми торговками, слѣдующими за процессіей съ чет-

ками въ рукахъ, надъ всадниками съ одной шпорой, ѣдущими на своихъ заморенныхъ клячахъ. Но при всѣхъ своихъ насмѣшкахъ надъ процессіей они одобряютъ стройность мулатокъ въ ангельскихъ одеждахъ и въ особенности одежды общины св. Терезы, а также талію Клотильды Діацъ, горящіе какъ угли глаза Концепціонъ Ціенфуэнтесъ. Жумильякъ кланяется по направленію къ старомодной коляскѣ съ серебряными ступицами, съ кучеромъ съ золотыми галунами; въ коляскѣ сидятъ м-мъ Альвина, строгая, съ сѣдыми волосами, и графиня Басснэвъ въ прическѣ той королевы, которую обезглавили французы—по словамъ Пуктона и Самми. Группа французскихъ землемѣровъ злословитъ объ Эрикурѣ, говоря, что при всемъ своемъ идейномъ фанатизмѣ онъ отлично умѣетъ быть эксплуататоромъ. Разсказываютъ, что изъ вырытаго въ гротахъ известняка дѣлаютъ циферблаты для часовъ. Ихъ окончательно отдѣлываютъ въ Луизіанѣ, придавая имъ старинный видъ, и продаютъ ихъ въ Нью-Орлеанъ за старинные, въ качествѣ образцовъ колоніальнаго стиля. Это—выдумка Жумильяка, умѣющаго пролѣзть въ люди на всѣ лады. Управляющаго привѣтствуютъ почтительно, но безъ чрезмѣрной угодливости. Всякій, конечно, на его мѣстѣ дѣйствовалъ бы какъ онъ, говорятъ всѣ. Но кто-то возражаетъ.—Нѣтъ, истребить динамитомъ рыбу въ озерахъ и рѣкахъ, для того, чтобы рыбаки шли работать за грошъ—все-таки не всякій бы на это рѣшился. Форстеръ пожалъ плечами. —Рыбаки зарабатываютъ теперь по доллару въ день вмѣсто двадцати центовъ — такъ чего же! И онъ съ убѣжденнымъ видомъ всовываетъ снова трубку въ ротъ. Одно интересуетъ его и Кеннеди. Тутъ во всемъ царитъ американскій методъ; Эрикуръ подражаетъ Кламоргану, и всѣ подражаютъ Нью-Іорку. Городъ Лосъ-Палаціосъ выростаетъ такъ же быстро, какъ Монтана, гдѣ самъ Форстеръ вмѣстѣ съ Гартомъ устанавливали машины на первыхъ фабрикахъ земледѣльческихъ орудій. Какое они тамъ пили пиво!

— Когда дѣло попадетъ въ руки нашего Кламоргана, все пойдетъ на ладъ.—Они указывали на недавно построенныя хижины, на навѣсы съ новыми кабачками, на цѣлый городъ, выросшій на мѣстѣ свиного загона, на лавки съ обувью, шляпами, бѣльемъ, на рестораны, гдѣ хорошо готовятъ тушеное мясо, супъ изъ крабовъ, оладьи съ краснымъ перцемъ. Еслибы дѣтвора не лѣзла подъ ноги, можно было бы чудесно играть въ шары. Сегодня предстоитъ бой пѣтуховъ. Будутъ состязаться чэмпіоны изъ Матанзаса и Карденаса. Какое волнующее будетъ зрѣлище! За входъ — пезо. Пахита заработаетъ цѣлый милліонъ. Ея сго-

рѣвшій загонъ даетъ ей теперь больше дохода, чѣмъ новый загонъ до войны. Имѣть постояльцами землемѣровъ, монтеровъ, механиковъ—выгоднѣе, чѣмъ держать свиней. Пахита плачетъ, потому что докторъ Розасъ велитъ ей штукатурить стѣны, закапывать мусоръ на три метра подъ землей и спускать грязную воду въ желоба изъ кирпичей. — Она, конечно, предпочитала бы, чтобы мы всѣ умирали отъ желтой лихорадки.—А все-таки она на свои средства соорудила алтарь на улицѣ для процессіи.

Процессія останавливается у алтаря. Красивыя дѣвушки обмахиваются подъ покрывалами кружевными платочками.—Смотрите, Мадонна шатается.—Это м-мъ Эрнандесъ дала свои серебряныя вазы для орхидей и магнолій. — А негры голосисты, что и говорить. Послушайте ихъ, Кольгудъ... — Не дурно бы увидать голову этой старой дамы на палкѣ, которую несла бы волосатая рука рабочаго, показывая голову санкюлотамъ. Какъ вы думаете, Бріонъ?.. — Такъ и будетъ когда-нибудь, Лебланъ, не безпокойся... — А французы думаютъ, что это было бы выгодно. Французское легкомысліе!—Прежде всего, организуйтесь. Вы неспособны правильно вносить взносы въ синдикаты, а еще хвастаете... что уничтожите все, что̀ есть.—Слова, слова, какъ говорятъ актеры. — Рабочіе союзы противъ патронскихъ трёстовъ — вотъ какъ слѣдуетъ вести борьбу вплоть до того дня, когда трёсты и союзы соединятся на принципахъ равенства. А то ваши революціи... Ничего кромѣ чувствительныхъ фразъ.—Французы—это кое-что.—Вчера—да. Завтра—нѣтъ.

Повѣрщики смѣются. Эти янки забавны своей наглостью. Дюпону надоѣло смотрѣть на процессію, на все маскарадное шествіе. Генералъ Родригесъ проѣзжаетъ, весь въ черномъ съ золотомъ. За нимъ его адъютантъ, депутатъ Эрнандесъ и эскадронъ комитета.

— Все это, вся эта толпа въ пыли—созданіе Эрикура,—бормоталъ Лебланъ.—Это больше, чѣмъ всѣ трёсты Рокфеллеровъ, Карнегги, Кламорганов.—Промежъ себя землемѣры сравниваютъ то, что видятъ, съ тѣмъ, что̀ было вначалѣ на этой дорогѣ, которая была еще на ихъ глазахъ узкой тропинкой.

Издали донесся смутный, быстро нароставшій гулъ. Онъ шелъ изъ Альта-Вега и врывался въ общее веселье. Шумъ и клики раздавались справа и слѣва дороги. Головы обернулись туда, гдѣ нарасталъ гулъ опьяненнаго восторга, безъ возгласовъ, но тѣмъ болѣе искренняго, сказывавшагося въ радостномъ, прерывистомъ дыханіи множества людей. Раздался продолжительный

гудокъ автомобиля, который жужжалъ, направляясь на толпу. На автомобилѣ сидѣли четыре пыльныхъ призрака. У руля, сбросивъ плащъ, снявъ очки, показалась Магги, тонкая въ зеленомъ полосатомъ платьѣ. За нею Джимъ Кламорганъ тоже снималъ плащъ, появляясь во всей мощи своихъ крѣпкихъ мускуловъ.

Анхель Ортисъ судилъ о популярности Джима по радостнымъ кликамъ дѣтей, которыхъ матери и отцы поднимали, чтобы показать того, на кого всѣ возлагали надежды.

Чтобы досадить Эрнандесу, Такешель сталъ высмѣивать самонадѣянность кубанцевъ. Онъ превозносилъ энергію янки, которые спрячутъ себѣ въ карманъ всѣ антильскіе острова, начиная съ Лосъ-Дадосъ.—Вся Куба будетъ въ скоромъ времени маленькимъ отдѣленіемъ „Электрикъ Стандартъ“. А эти наивные люди, Эрикуръ и м-мъ Альвина, такъ и попались въ просакъ. Неужели никто не открылъ имъ глаза?.. А банкъ Фохта и его агенты?.. Ужъ навѣрное они всѣхъ ихъ подкупили за большія деньги. Янки умѣютъ подмазать, гдѣ нужно. Удивительно приспособленные къ духу времени типы.—Эрнандесъ притворился очень занятымъ своей лошадью и отвѣчалъ только неопредѣленными звуками. Къ нему присоединился Розасъ. Онъ говорилъ о невообразимой энергіи Магги Фуллеръ, которая рискуетъ жизнью, чтобы покорить Кламоргана; обожая его, она облегчаетъ ему интриги съ авантюристками и, не смотря на свою хрупкость, отличается въ чисто мужскомъ спортѣ, возитъ атлета въ автомобилѣ по самымъ опаснымъ дорогамъ, поражая его тѣмъ, что онъ цѣнитъ больше всего: хладнокровіемъ, храбростью и настойчивостью. Каково теперь ея больное сердце послѣ столькихъ волненій и нервныхъ потрясеній? Жена Анхеля Ортиса, француженка, не смогла побѣдить страсть и навѣрное скоро лишитъ себя жизни. А Магги Фуллеръ, какъ американка, преодолѣла всѣ свои чувства, всю свою нервность. Она навѣрное сдѣлается женой Кламоргана, который будетъ гордиться тѣмъ, что благодаря ему она проявила такую силу воли. Розасъ съ нетерпѣніемъ ждалъ свиданія, которое отдаляла толпа, ставшая между нимъ и автомобилемъ, чтобы слушать звонъ новыхъ колоколовъ, гимны и гулъ, доносившіеся изъ церкви. Докторъ увидѣлъ издали сіяніе Мадонны на алтарѣ, между сверкающими свѣчами, цвѣты гирляндъ и цвѣты на волосахъ мулатокъ. Хрустально-чистые голоса негритянокъ, стоявшихъ на колѣняхъ, раздавались среди облаковъ ладана. Послушный знаку м-мъ Фуллеръ, подозвавшей его, Розасъ пробрался къ молодой дѣвушкѣ. Она подняла вуаль и показала ему маленькую

ранку — разсѣченную бровь, на которой виднѣлась запекшаяся кровь. Вокругъ нихъ стали толпиться люди. Розасъ, чтобы избавиться отъ любопытныхъ, быстро провелъ дочь и мать въ садъ госпиталя Эрнандеса.

Переводъ съ рукописи З. В.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БОЛѢЗНЬ И КОНЧИНА
А. И. ГЕРЦЕНА

Надгробная рѣчь Г. Н. Вырубова.

Лицо, близко стоявшее къ А. И. Герцену, оставило записку о болѣзни и смерти великаго писателя. Изъ этой записки заимствованы нижеслѣдующія данныя.

Въ пятницу 2—14 января (1870-го года) пріѣхалъ къ Герцену Тургеневъ. Герценъ разсказывалъ Тургеневу о статьѣ въ „Голосѣ“ противъ него; Тургеневъ шутилъ, говорилъ, что Краевскій отослалъ назадъ переводъ, сдѣланный Тургеневымъ, находя его недовольно дурнымъ. Всѣ смѣялись. — Тургеневъ, уходя, спросилъ Герцена:—Ты бываешь дома по вечерамъ?—Всегда.—Ну, такъ я завтра вечеромъ приду.

Передъ обѣдомъ въ послѣдній разъ мы вышли на улицу вмѣстѣ съ Герценомъ.

Не помню, что говорилось за обѣдомъ: кажется—больше о Тургеневѣ. —Послѣ обѣда Герценъ опять вышелъ, сказавъ, что хочетъ походить. Ольга, когда онъ вышелъ, сказала серьезно и въ то же время комично: „Je ne veux pas que mon père sorte

tous les soirs, qu'il s'habitue à courir les rues". Я улыбнулась. —Не бойся за него, Ольга, онъ только читаетъ газеты въ café.

Герценъ вернулся около девяти или половины десятаго.—Мнѣ все нехорошо,—сказалъ онъ:—колетъ въ бокъ; я выходилъ, чтобъ расходиться, да не помогло". Иногда онъ и раньше говорилъ о боляхъ въ боку, но я все же испугалась. Онъ легъ при мнѣ, и тотчасъ началась сильная дрожь. — Какъ бы тебя согрѣть? — спросила я.—Дай мнѣ немного коньяку.—Онъ выпилъ и дрожь стала проходить.—Хотѣлось бы курить, но такъ дрожу, что не могу набить трубки. — А ты думаешь, что я не могу набить трубку? — Я вычистила ее, продула, набила и даже закурила сама. Онъ былъ очень доволенъ и просилъ меня идти спать. Ночью я слышала, что онъ стонетъ, ворочается. Я вставала безпрестанно и приходила въ его комнату. Онъ жаловался, что не можетъ спать, что ноги ломитъ нестерпимо. Мы клали горчишникъ на бокъ, и боль стала легче; потомъ приложили горчицы къ одной ногѣ, но къ другой онъ ни за что не хотѣлъ. Начался жаръ; какъ скоро онъ засыпалъ, то постоянно говорилъ громко и стоналъ. Я съ трудомъ могла дождаться утра. Еще не свѣтало, когда я вошла къ Ольгѣ и просила ее снести телеграмму Шарко. Онъ долженъ былъ насъ навѣстить въ пять часовъ вечера, но я боялась ждать такъ долго. Однако Шарко пріѣхалъ только въ одиннадцать часовъ. Герценъ ему обрадовался, разсказалъ, что̀ чувствуетъ. Выслушавъ больного, Шарко сказалъ: „Ничего не слышно до сихъ поръ, но въ первые дни болѣзни аускультація мало даетъ. Вамъ надо тотчасъ поставить банки, потомъ пить сиропъ и пр. Я заѣду вечеромъ". Вечеромъ мы сказали Шарко о старой болѣзни Герцена (діабетѣ). „Это мы потомъ будемъ лечить",—замѣтилъ Герценъ. Однако докторъ велѣлъ тотчасъ же произвести анализъ. На другой день онъ вновь выслушалъ больного и сказалъ: „Надо опять банки ставить; у васъ воспаленье въ лѣвомъ легкомъ, но это не важно, воспалено очень маленькое мѣсто". Мнѣ было очень больно, что онъ сказалъ это при Герценѣ. Я помнила, что онъ говорилъ всегда: „Я умру или отъ паралича, или отъ воспаленія въ легкихъ". Начиная съ этого дня, каждый разъ Герценъ спрашивалъ: „Est-ce que l'inflammation s'étend?"

Въ понедѣльникъ Герцену было немного лучше; ставили шпанскую мушку, но она не натянула; онъ велѣлъ поставить выше другую; она немного соскользнула и произвела только малень-

кіе пузыри [1]). Жаръ спадалъ — докторъ былъ доволенъ; однако я вызвала его и спросила насчетъ Саши. — „Я вамъ скажу, если нужно будетъ его предупредить; до сихъ поръ я не вижу неминуемой опасности". Этотъ разговоръ меня немного успокоилъ.

Во вторникъ докторъ нашелъ, что жаръ еще спалъ, и когда вечеромъ пріѣхалъ, сказалъ мнѣ: „Сегодня даже вечеромъ пульсъ не ускоренъ; это шагъ впередъ". Надежда опять вернулась. Во вторникъ ночью больной былъ ужасно взволнованъ, не могъ найти мѣста, сердился. Я была очень поражена. Онъ говорилъ: „Нестерпимая боль". Послали за докторомъ; тотъ ничего не могъ понять; ожидалъ ли онъ этого — не знаю. Онъ сказалъ, что хуже. — „Теперь вы можете вызвать сына; если онъ даромъ пріѣдетъ, онъ можетъ порадоваться съ нами, а все же лучше его выписать". — Велѣлъ поставить шпанскую мушку на грудь; больной согласился съ трудомъ. — Это все вздоръ, — говорилъ онъ. Докторъ пріѣхалъ среди дня; жаръ не убавлялся; дыханье было тяжело.

Съ тѣхъ поръ какъ докторъ зналъ, что у Герцена діабетъ, онъ велѣлъ ему давать поминутно бульонъ, кофе, крѣпкій чай, малагу. Но силы падали. Ему давали пилюли, чтобы онъ спалъ, но онъ спалъ съ перерывами и все бредилъ.

Вырубовъ былъ у насъ во время второго визита Шарко. Я сказала: „Не лучше ли сдѣлать консультацію?.. Шарко отвѣчалъ: „Я понимаю ваше положеніе и согласенъ; но, собственно говоря, консультаціи не нужно. Тутъ нѣтъ ничего спорнаго; лѣвое легкое поражено; если силъ хватитъ, чтобы снова возстановить что уже исчезло, тогда все спасено. Но я долженъ сказать, что діабетъ очень мнѣ мѣшаетъ. Въ пять часовъ я буду опять у васъ".

Вырубовъ предложилъ привезти на консультацію своего друга, д-ра de Brézé. Мы долго ждали Шарко; наконецъ онъ пріѣхалъ. По видимому онъ не былъ доволенъ присутствіемъ другого врача. Я вошла къ Герцену и сказала ему съ веселымъ видомъ: — Вырубовъ здѣсь съ своимъ другомъ de Brézé; я бы очень желала знать его мнѣніе о твоемъ леченьѣ; хочешь ли ты видѣть его ради меня? — „Но Шарко что скажетъ?" — Шарко согласенъ. — „Тогда скажи Вырубову, что я очень радъ, а Шарко скажи, что я

[1]) Вырубовъ помогалъ намъ снимать вторую мушку. Онъ говорилъ, что нашелъ больного уже тогда очень взволнованнымъ. Герценъ ему сказалъ: „Меня держатъ въ невѣдѣніи; что, Рошфора отдали подъ судъ?" — Да. — „Какимъ числомъ голосовъ?" — 234.

очень огорченъ". Доктора вошли вмѣстѣ. De Brézé выслушалъ больного. По моей просьбѣ, онъ хотѣлъ при больномъ сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ. Но Шарко сталъ утверждать, что бо́льшая часть легкаго поражена. Мнѣ это было мучительно. Я перебила его, сказавъ:—M-r Charcot trouve que tu as moins de fièvre aujourd' hui—и взглянула на Шарко такъ выразительно, что онъ подтвердилъ мои слова. Врачи прописали пилюли съ хининомъ и мускусомъ. Консультація кончилась ничѣмъ. De Brézé подошелъ ко мнѣ съ заявленіемъ, что все сдѣлано хорошо, что слѣдуетъ продолжать леченье.

Была рѣчь о томъ, послали ли за Огаревымъ? — Вырубовъ не совѣтовалъ; я положительно требовала; телеграфировали.

Ночь на четвергъ была очень безпокойная; больной поминутно просыпался, просилъ пить. Въ четыре часа онъ сталъ очень тревоженъ, не могъ болѣе спать и все мнѣ говорилъ, зачѣмъ я такъ рано одѣлась. Я была одѣта какъ и въ другія ночи, только накинула мантилью, потому что озябла. Онъ сказалъ мнѣ какъ-то торжественно: — Ну, доктора дураки, чуть не уморили меня этими старыми средствами и діэтой; сегодня я самъ буду лечить себя; я лучше знаю, что̀ мнѣ надо; я чувствую страшный голодъ; позвони поскорѣй, чтобъ мнѣ дали кофе съ молокомъ и хлѣбомъ.

— Да еще рано, нѣтъ пяти часовъ.

— Ахъ, какая ты шалунья! Зачѣмъ же ты одѣлась такъ рано?—Я не возражала.

Въ эту послѣднюю ночь онъ мнѣ сказалъ, когда я ему что-то подавала и цѣловала его руки и лобъ: „Развѣ ты думаешь, что я околѣю"? Я вышла къ Татѣ и сказала ей, что онъ требуетъ хлѣба и пр., а Шарко запретилъ. Герценъ насъ позвалъ съ нетерпѣніемъ. „Дай франкъ гарсону, чтобъ сдѣлалъ кофе". Я позвонила и заказала café complet. Принесли черный кофе. Было такъ рано, что еще не было ни молока, ни хлѣба. Мы просили гарсона достать. Больной былъ очень нетерпѣливъ: онъ думалъ, что я боюсь дать ему ѣсть безъ позволенья доктора. Мы наконецъ дали ему немного молока и крошечный кусокъ хлѣба; но ѣсть хлѣбъ онъ не могъ — говорилъ, что хлѣбъ дуренъ. „Теперь поскорѣе мыться и одѣваться; согрѣй рубашку и фуфайку; я хочу перемѣнить бѣлье и вымыться до пріѣзда Шарко; я хочу его удивить". Онъ волновался; мы уступили. Перемѣна бѣлья его ужасно утомила. Тата позвала Моно̀, который постоянно былъ у насъ. Онъ намъ помогъ его поднять, чтобы надѣть фуфайку.

Герценъ сказалъ ему нѣсколько словъ. Шарко пріѣхалъ.

Герценъ его встрѣтилъ не очень дружески. „Я пилъ кофе, смѣнилъ бѣлье,—вымылся немного одеколономъ“. Шарко на все изъявлялъ согласіе.

— Теперь я хочу ѣсть; я чувствую, что мнѣ необходимо ѣсть; я хочу рябчика и хорошаго вина. Малага слишкомъ крѣпка.

— Но вы ѣсть рябчика не можете?

— Можно жевать и выплюнуть,—предложила я.—Да, да—сказалъ Герценъ. Я побѣжала за рябчикомъ и виномъ. Уходя, я слышалъ, какъ онъ сказалъ Татѣ:—Бери карандашъ и пиши телеграмму Тхоржевскому: „Grand danger passé. Mécontent des médecins comme partout. Demain tâcherai d'écrire“.

Когда принесли рябчика, Тата нарѣзала кусочки и кормила его; онъ жевалъ и выплевывалъ, но видимо уставалъ. Ольга помогала тоже; потомъ онъ просилъ всѣхъ выйти и дать ему заснуть. Сонъ мало-по-малу перешелъ въ бредъ съ открытыми глазами.

За кроватью было зеркало, которое стало его все болѣе и болѣе занимать; въ немъ отражалось окно. „Какъ же мы два мѣсяца живемъ въ этой комнатѣ и не знаемъ, что здѣсь все видно—и все дамы тутъ“. Я успокоила его, говоря, что никого нѣтъ и что это не окно, а зеркало,—но думаю, что онъ не ясно уже понималъ.—Я позвала Тату и мы завѣсили зеркало черной шалью. Это его успокоило; но онъ все тревожно смотрѣлъ на карнизъ и все хотѣлъ что-то достать руками, а иногда показывалъ пальцемъ куда-то вдаль. Безпокойство усиливалось; уже поутру онъ говорилъ доктору, что хочетъ перейти въ другую комнату. Теперь онъ мнѣ сказалъ достать все, что нужно, чтобы встать. Онъ говорилъ, что это не его комната, что это комната въ пансіонѣ на улицѣ Ровиго, и хотѣлъ встать, чтобы взглянуть, куда выходятъ окна: на улицу или на дворъ. Я просила его успокоиться, звала Тату на помощь, но безпокойство росло. Онъ потребовалъ свой портфель, пересчиталъ ассигнаціи дрожащими руками и опять отдалъ Татѣ: „Положи все въ шкафъ, запри и дай ключъ Натали“. Потомъ онъ безпокоился о часахъ. „А если часы у меня украли? Что я сдѣлаю“? Я сказала ему, что часы въ шкафу, но онъ не слышалъ. Онъ часто бредилъ по-нѣмецки, такъ живо, что я сказала:—Можетъ ты хочешь видѣть Мейзенбугъ? позвать ли ее? — „Что ты“, — отвѣчалъ онъ,—„она давно умерла—ты забыла“.

Наконецъ, безпокойство достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ

былъ увѣренъ, что возлѣ него дамы, и требовалъ, чтобъ я объяснила имъ, что онъ не можетъ встать. Я выходила въ другую комнату, чтобы его успокоить; но онъ не вѣрилъ. „Нѣтъ, ты не такъ скажешь, я самъ пойду“.—Тата сѣла около кровати и тихо клала ноги его на постель, когда онъ спускалъ ихъ, чтобы уйти. Я сѣла на другую сторону кровати и тоже старалась удержать его; я цѣловала его руку, лобъ—онъ смотрѣлъ равнодушно. Тата не знала, что̀ означаетъ желанье уйти. Она на минуту вышла; тогда онъ сказалъ мнѣ твердо: „Ну, Натали, не удерживай меня болѣе, пусти.—Куда же ты хочешь идти?—Я только хочу уѣхать отсюда. — Другъ мой, но Лиза и Ольга спятъ; подождемъ до утра и всѣ вмѣстѣ поѣдемъ. — Нѣтъ, до утра нельзя; да зачѣмъ же брать Лизу? Вѣдь мы никуда не ѣдемъ. Пусти же меня!.. Дай руку, если хочешь, и пойдемъ: предстанемъ передъ судомъ Господа...“ Бредъ усилился. Онъ кричалъ кому-то на верхъ: „Monsieur, arrêtez l'omnibus, je vous en prie, ou une voiture à quatre places... Pardon, madame, que je ne me lève pas, j'ai des jambes rheumatismales. Pouvons-nous profiter de votre voiture, monsieur? Cela ne vous fâche pas? Пусти меня, Натали, никто не любитъ пріѣзжать послѣднимъ“.

— Подождемъ Лизу,—говорила я ему. Я позвала ее. „Ты мало бываешь у меня“—и онъ поцѣловалъ ее очень нѣжно.—„Ты должна помогать. Дай мнѣ чаю, возьми у Ольги бисквитъ—Шарко позволилъ“. Лиза подала ему, но мучительно было видѣть, какъ онъ ѣлъ, задыхаясь.—„Нѣтъ, не удерживайте меня, я боюсь, что Ольга и Мейзенбугъ сдѣлаютъ esclandre — весь Парижъ узнаетъ, имъ нечѣмъ будетъ платить... Надо поскорѣе взять омнибусъ“—и онъ кричалъ сильнымъ, твердымъ голосомъ: „Arrêtez-vous: Pavillon Rohan 249“ (№ Огарева). Онъ продолжалъ разговоръ съ господиномъ наверху: „Monsieur, me voyez-vous de là-haut; moi je vous vois très bien d'ici. — Какіе огромные агенты теперь.—Я давно его знаю. Ѣздилъ съ нимъ въ омнибусѣ“. Онъ просилъ шляпу какъ у Лели. Она отвѣчала, что шляпа въ шкафу. Собиралъ одѣяло въ кучу и давалъ ему форму шляпы. Руки его дрожали; онъ мнѣ передавалъ одѣяло и говорилъ: „Натали, держи! Я только возьму вещи въ газетѣ и пойдемъ, возьмемъ Тату, я готовъ“—и опять онъ требовалъ омнибусъ или карету.

Дыханье становилось все труднѣе, слова менѣе ясны. Онъ пересталъ говорить—было за-полночь. Вѣроятно жажда его му-

чила; онъ нѣсколько разъ хотѣлъ взять въ ротъ одѣяло. Я поняла и сказала Татѣ:—Дай ему съ ложечки выпить.—Раза два онъ взялъ охотно, потомъ не могъ или не хотѣлъ. Дыханье все становилось тяжелѣе [1]). Монò помогъ намъ положить его повыше—такъ было легче дышать. Монò позвалъ Ольгу и Лизу, которыя не могли заснуть. Мы всѣ стояли кругомъ. Тата держала его руку и стояла въ той сторонѣ, куда глаза его были обращены. Я держала его другую руку. Ольга и Лиза стояли возлѣ, Мейзенбугъ сзади; Монò—не помню гдѣ. Такъ пробило два часа. Дыханіе становилось рѣже. Тата предлагала дать ему пить, но я качала головой—боялась его тревожить, мучить. Тише, рѣже—и наконецъ наступила та страшная тишина, которую слышно. Мы всѣ молчали, какъ будто боясь нарушить ее...

Монò, кажется, первый сказалъ: „C'est fini".—Дѣти, рыдая, выбѣжали въ другую комнату. Монò привелъ ко мнѣ Лизу. Я тихо погладила ее и поцѣловала. Я думала о Татѣ—я боялась взглянуть на нее, но потомъ какъ будто забыла всѣхъ и, держа Лизу и Тату за руки, вскрикнула: „Герценъ умеръ! Герценъ умеръ!"—и слова эти дико звучали для меня самой. Обнявши Лизу, я сказала: „И навсегда мы однѣ". Тата бросилась къ намъ и прижала насъ къ сердцу. „Я никогда васъ не оставлю"—сказала она.—И я повѣрила.

При погребеніи Герцена, 12—24 января, надъ его могилой была произнесена Г. Н. Вырубовымъ рѣчь, которую мы приводимъ въ подлинникѣ и въ переводѣ.

Citoyens!

La famille de Herzen, se conformant au vœu qu'il a maintes fois exprimé, ne désire pas qu'il soit prononcé de discours sur sa tombe. Malgré tout ce qu'il y a d'inusité, et j'ajouterai—de pénible, dans ces adieux muets à un homme qui a été une des person-

---

[1]) Наканунѣ его кончины военная музыка проходила по нашей улицѣ. Герценъ ее очень любилъ. Онъ улыбнулся и билъ тактъ рукой по моей рукѣ. А мнѣ трудно было удержаться отъ слезъ.

nalités les plus marquantes de la démocratie européenne, respectons ce désir. C'est honorer les morts que de les enterrer comme ils ont voulu être enterrés.

Je ne ferai donc pas de discours, je refoulerai en moi les sentiments qui me débordent et que j'aurais voulu exprimer. Je dirai seulement que la Russie, ce pays si éprouvé déjà par la persécution d'un despotisme sans bornes, ne pouvait faire une plus grande perte. A la Russie libérale, décimée par les proscriptions, il ne restait qu'une voix, qu'une grande voix pour protester contre l'intolérable régime qui la gouverne... Cette voix vient de s'éteindre, et je n'ai pas besoin de vous dire que nulle autre voix ne pourra la remplacer.

De ce grand citoyen qui a tant fait pour sa patrie et auquel nous venons rendre les derniers devoirs, la Russie ne prendra pas le deuil; seuls quelques amis restés fidèles le porteront dans leur cœurs. Mais un jour viendra où ses compatriotes, comprenant mieux leur histoire, se rappelleront cette tombe solitaire. Sur sa pierre sépulcrale ils viendront élever un monument et sur ce monument ils graveront ces mots: „Au grand citoyen, au grand proscrit, la Russie reconnaissante".

Et maintenant, citoyens, au nom de la famille du défunt et aussi au nom de quelques compatriotes, ses amis, qui sont venus ici, je remercie tous ceux qui ont accompagné son cercueil; je remercie surtout la démocratie parisienne qui l'a accueilli avec tant de cordialité il y a de cela vingt ans et dans laquelle il a conservé tant d'amis, d'être venue lui rendre un dernier témoignage de sympathie.

Au milieu des vicissitudes sociales que nous traversons, au milieu de ce triomphe de toutes les mauvaises causes, c'est un noble et consolant spectacle que celui de cette alliance de tous les démocrates de l'Europe. Ces manifestations qui ne sont encore que des faits isolés, mais qui deviennent de plus en plus fréquentes, sont un gage pour l'avenir. Et si, me laissant aller à l'espérance, cette religion de tous les vaincus, je parcourais par la pensée cet avenir, j'apercevrais peut-être dans le lointain un âge plus heureux que le nôtre, où les peuples, détruisant les frontières, ces obstacles opposés au courant civilisateur, oubliant les haines de races et les préjugés de nationalités, se réuniront dans une immense fraternité. Alors, sur le monument que la Russie

élèvera à Herzen, on pourra aussi ajouter ces mots: „Il a bien mérité de l'humanité“ [1]).

---

[1]) Граждане! Семья Герцена, согласно выраженному имъ много разъ желанію, не желаетъ произнесенія рѣчей надъ его могилой. Отнесемся съ уваженіемъ къ этому желанію, не смотря на все необычное и тяжелое, заключающееся въ такомъ нѣмомъ прощаньѣ съ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей европейской демократіи. Хоронить умершихъ такъ, какъ они того хотѣли, значитъ воздать честь ихъ памяти.

Итакъ, я не стану говорить рѣчь, я сдержу чувства, которыми я полнъ и которыя я хотѣлъ бы выразить. Я скажу только, что Россія—эта страна, такъ много уже претерпѣвшая отъ неограниченнаго деспотизма,—не могла понести болѣе тяжкой потери. Либеральной Россіи, съ ея рядами, порѣдѣвшими отъ преслѣдованій, оставался только одинъ голосъ, великій голосъ, для протеста противъ невыносимаго правительственнаго режима. Этотъ голосъ только-что умолкнулъ, и мнѣ незачѣмъ объяснять вамъ, что никакой другой замѣнить его не можетъ.

Въ трауръ по великомъ гражданинѣ, которому мы отдаемъ послѣдній долгъ, Россія не облечется; его будутъ носить въ своихъ сердцахъ только немногіе вѣрные друзья. Настанетъ, однако, день, когда его соотечественники, яснѣе понявъ свое прошлое, вспомнятъ объ этой одинокой могилѣ. Надъ его надгробнымъ камнемъ они воздвигнутъ памятникъ, и на этомъ памятникѣ будутъ начертаны слова: „великому гражданину, великому изгнаннику—благодарная Россія“.

Теперь, граждане, отъ имени семьи покойнаго, какъ и отъ имени пришедшихъ сюда соотечественниковъ—друзей его, благодарю всѣхъ, сопровождавшихъ его гробъ; благодарю въ особенности парижскую демократію, которая такъ радушно встрѣтила его двадцать лѣтъ тому назадъ и въ средѣ которой онъ сохранилъ столько друзей; благодарю ее за принесенное сюда послѣднее выраженіе сочувствія ея къ нему.

Среди переносимыхъ нами тяжелыхъ общественныхъ испытаній, въ виду торжества всѣхъ неправыхъ дѣлъ, утѣшительное, высокое зрѣлище представляетъ собою этотъ союзъ всѣхъ европейскихъ демократовъ. Въ манифестаціяхъ, теперь еще разрозненныхъ, но повторяющихся все чаще и чаще — залогъ лучшаго будущаго. И еслибы я, отдавалсь падеждѣ — этой религіи всѣхъ побѣжденныхъ, — перенесся мысленно въ это будущее, я увидѣлъ бы вдали, быть можетъ, время болѣе счастливое чѣмъ наше, когда народы, уничтоживъ границы — эти преграды, задерживающія движеніе цивилизаціи, — позабывъ расовую ненависть и національные предразсудки, соединятся въ одномъ огромномъ братствѣ. Тогда въ надпись на памятникѣ, который Россія поставитъ Герцену, можно будетъ включить слова: „велики его заслуги передъ человѣчествомъ“.

„ФЛОТЪ“ и „МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“

II. *).

Если засилье „вѣдомства“ надъ „флотомъ“ такъ пагубно отразилось на подготовкѣ личнаго состава послѣдняго, то, какъ и слѣдовало ожидать, вліяніе этого засилья въ дѣлѣ созданія и содержанія въ боевой готовности матеріальной части, гдѣ „вѣдомство“ не въ обходъ закона, а „почти“ по закону, было полнымъ хозяиномъ,—сказалось еще разрушительнѣе.

Прошу извинить, что статью о такомъ важномъ вопросѣ начну... анекдотомъ; но анекдотъ этотъ кажется мнѣ достойнымъ къ ней эпиграфомъ.

Это было осенью 1903-го года, въ домѣ главнаго командира Кронштадтскаго порта, С. О. Макарова. По окончаніи обѣда, пошли курить въ кабинетъ радушнаго хозяина. Надо замѣтить, что покойный адмиралъ, оправдываясь „средствами“—онъ жилъ на жалованье,—курилъ такія сигары, запахъ которыхъ не только дамы, но даже вообще люди непривычные не всегда выдерживали.

Компанію составляли три-четыре человѣка изъ числа тѣхъ, что „сору изъ избы не вынесутъ“, хотя въ этомъ отношеніи адмиралъ, вообще, не отличался осторожностью и не стѣснялся высказывать свое „крайнее мнѣніе“ даже въ присутствіи завѣдомыхъ наушниковъ.

Заговорили о текущихъ дѣлахъ. Вполнѣ естественно, капитаны не упустили случая ввернуть словечко о нуждахъ своихъ кораблей, которыя остаются неудовлетворенными изъ-за канцелярской волокиты.

— А знаете ли вы: какая собачья порода самая противная?— неожиданно спросилъ адмиралъ.

---

*) См. октябрь, стр. 733.

(Знакъ вопроса на лицахъ собесѣдниковъ.)

— Шпицъ!

Не всѣ сразу поняли, а понявши, разсмѣялись; однако одинъ изъ присутствовавшихъ, старый капитанъ, за словомъ въ карманъ не лазившій, нашелся чѣмъ „перешибить“ адмирала:

— Не одна собака, а двѣ, ваше превосходительство! и живутъ въ большой дружбѣ...

— Какая же еще?

— Такса... и, въ противность законамъ природы, довольно высокая...

Тутъ всѣ сразу поняли и, выражаясь языкомъ безсмертнаго Кузьмы Пруткова, „сему много смѣялись“.

Такса была, дѣйствительно, высокая.

Позволю себѣ привести фактъ изъ личной моей практики.

Въ 1893-мъ году мнѣ довелось принять участіе въ извѣстной „Енисейской Экспедиціи“. Суда этой экспедиціи—винтовой пароходъ „Лейтенантъ Овцынъ“, колесный пароходъ „Лейтенантъ Малыгинъ“ и баржа со шхунскимъ вооруженіемъ „Лейтенантъ Скуратовъ“—строились на заводѣ Братьевъ Дени, въ Думбартонѣ (въ западной Шотландіи). Правили заводомъ трое братьевъ: старшій былъ главнымъ директоромъ, второй—главнымъ инженеромъ, третій—главнымъ механикомъ. Премилый народъ, отличавшійся истинно-шотландскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Мы прибыли, когда наши посудины еще достраивались, и, конечно, горячо занялись наблюденіемъ за окончательнымъ ихъ оборудованіемъ.

Надо замѣтить, что фирма „Братья Дени“ достаточно извѣстна не только въ Англіи, но и за границей. „Русское Общество Пароходства и Торговли“ большую часть своихъ пароходовъ построило на этой верфи, да и въ 1893-мъ году для него достраивался тамъ пароходъ „Ольга“. Вѣроятно въ виду постоянныхъ заказовъ и сношеній, заводъ охотно принималъ къ себѣ „на практику“ инженеровъ и механиковъ „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“. Одинъ изъ нихъ, фамиліи котораго въ точности не упомню, но котораго шотландцы перекрестили въ „Mak-Larn“ и утверждали, что онъ ихъ соотечественникъ,—работалъ на заводѣ, когда и мы туда объявились для пріема нашихъ судовъ.

Строили и снабжали насъ „прижимисто“, не въ примѣръ другимъ, а между тѣмъ всякому было извѣстно, что, по разсчету на тонну водоизмѣщенія, съ насъ взято въ полтора раза болѣе, чѣмъ съ прочихъ.

Однажды, неоффиціально, но въ дружеской бесѣдѣ (напомню о шотландскомъ гостепріимствѣ) я „насѣлъ“ на старшаго Дени, упрекая

его въ скаредности, въ строгомъ слѣдованіи пунктамъ спецификаціи, вопреки здравому смыслу.

Онъ ёжился, пробовалъ отшучиваться, но подъ конецъ неожиданно заявилъ: „Вы, видимо, этихъ дѣлъ совсѣмъ не знаете, а я васъ прошу вѣрить слову джентльмена; я даю все, что могу, за тѣ деньги, какія получилъ!“—и послѣ того куда-то заторопился...

Если ужъ англичанинъ сдѣлалъ такую декларацію, то явно, что бо̀льшаго изъ него никакими клещами не вытянешь... Обратился за разъясненіями къ Макъ-Лэрну. Былъ посрамленъ и вынужденъ признать себя, дѣйствительно, „въ этихъ дѣлахъ“ ничего не понимающимъ.

Инженеръ прямо глумился, а я... терпѣлъ и поучался.

— Вы думаете, онъ такъ и выложитъ вамъ „коммерческую тайну“? Онъ этотъ подрядъ взялъ только для рекламы, какъ заказъ „русскаго морского министерства“! Это не шутка!.. Наживетъ не много, а чего добраго, и въ убытокъ сработаетъ...

— Какъ въ убытокъ, когда ваша же „Ольга“ строится, по цѣнѣ за тонну, на цѣлую треть дешевле?

— Треть!.. такъ вѣдь треть—это 33$^1/_3$ процента, а въ вашемъ дѣлѣ заключеніе контракта и утвержденіе спецификаціи обошлись ему въ 35, если не въ 40 процентовъ съ номинальной стоимости!..

Тогда я не хотѣлъ ему вѣрить, даже разсердился, но впослѣдствіи... особенно теперь, когда мы имѣемъ оффиціальныя свѣдѣнія, что американцы строятъ броненосцы новѣйшаго типа по 700 рублей за тонну, а у насъ нѣчто много худшее обѣщаютъ соорудить по 1.700 рублей—приходится вѣрить...

Какъ было спорить, когда самъ покойный З. П. Рожественскій вотъ что разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Англіи, въ должности морского агента:

— Получаешь предписаніе: экстренно заказать и выслать то-то и то-то. Ѣдешь на заводъ. Полная готовность исполнить заказъ, выслать немедленно и т. д., но относительно цѣны—вопросъ: „Кто будетъ платить? Вы, чекомъ изъ кредитива посольства, или разсчетъ будетъ съ Главнымъ Управленіемъ Кораблестроенія и Снабженій?“—„Да не все ли равно?“—„Большая разница. Если вы будете платить—цѣна по прейскуранту, какъ для всѣхъ; если не вы—цѣна по особому соглашенію“.

Тоже не хотѣлось вѣрить; думалось—шутитъ...

Впрочемъ оставимъ воспоминанія и обратимся къ цифрамъ и документамъ.

Симоносакскій мирный договоръ, разорванный подъ угрозой вооруженнаго вмѣшательства европейской коалиціи, руководимой Россіей,

конечно, не могъ вызвать въ Японіи иного чувства, кромѣ жажды реванша.

Положимъ, потери японцевъ за время войны съ Китаемъ исчислялись двумя-тремя тысячами убитыхъ; но развѣ право побѣднаго господства опредѣляется размѣромъ потерь? Развѣ мы, напримѣръ, отступимся отъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній въ силу того, что обветшалыя ханства покорялись не арміями, а отрядами изъ нѣсколькихъ батальоновъ?

Японцы (нельзя этого не признать) были глубоко правы, возмущаясь совершённымъ надъ ними насиліемъ. Они побѣдили врага въ открытомъ бою; этотъ врагъ, потерявшій надежду на успѣшное сопротивленіе, поспѣшилъ замириться, уступивъ часть своей территоріи, de facto уже у него отнятой,—и вдругъ является новый врагъ (бывшіе друзья), который говоритъ: „Это досталось вамъ слишкомъ дешево! Уходите, не то... выведемъ!..“

Они ушли, но ушли, затаивъ злобу, въ надеждѣ посчитаться, когда настанетъ время, болѣе благопріятное.

Единственнымъ ихъ утѣшеніемъ являлась мысль, что „было почти ничьимъ—ничьимъ и осталось“.

16 марта 1898 г. и это слабое утѣшеніе было разбито: Россія заняла Портъ-Артуръ и мало-по-малу начала прибирать къ своимъ рукамъ всю Манчжурію. Пусть на квадратную милю Манчжуріи приходилось всего по нѣскольку капель японской крови, цѣною которой она была занята; но вѣдь японцы шли на рискъ, могли пролить рѣки крови. Вѣдь до японо-китайской войны Китай считался грозной силой, которую боялись расшевелить...

Только слѣпые не видѣли и не понимали, противъ кого такъ лихорадочно вооружается Японія. Впрочемъ, какъ будто и не было совсѣмъ слѣпыхъ. Кое-что соображали: строили флотъ, создавали эскадру Тихаго океана, словно предвидя, что побѣдителемъ окажется тотъ, кто будетъ владѣть моремъ...

И что же? Готовясь къ рѣшительной борьбѣ, за тотъ же промежутокъ времени, мы израсходовали на усиленіе флота и его содержаніе вдвое больше, нежели Японія, и были—не просто побѣждены, но *разгромлены*!..

Съ 1896 по 1904 г. на содержаніе и усиленіе флота израсходовано (въ милліонахъ рублей):

	Содержаніе существующаго флота.	Новое судостроеніе.	Всего.
Россія	405,6	355,3	760,9
Японія	168,0	219,2	387,2

Цифры удручающія, говорящія сами за себя; комментировать ихъ, въ виду всѣмъ извѣстныхъ результатовъ, кажется излишнимъ.

Полный разгромъ флота...

Но вѣдь чины этого „флота“ вынуждены были сражаться съ врагомъ тѣмъ оружіемъ, которое было дано имъ въ руки чинами „морского вѣдомства“, всегда твердо памятовавшими, что не имъ придется нести тяжесть кровавой расплаты.

Миноносцы: съ ходомъ 20—25 узловъ противъ 30-узловыхъ, со снарядами въ $13^1/_2$ золотниковъ разрывного заряда противъ снарядовъ въ $2^1/_2$ фунта... Броненосцы: съ ходомъ 12 узловъ противъ 16-узловыхъ, со снарядами въ 15 фунтовъ разрывного заряда противъ снарядовъ въ 106 фунтовъ... Крейсера...—Ну, объ этихъ и говорить нечего!..

Какъ бы ни былъ плохъ личный составъ, но тотъ фактъ, что при Цусимѣ наша эскадра была истреблена, непріятельская же не потеряла ни одного корабля, а въ личномъ составѣ понесла уронъ совершенно ничтожный (113 убитыхъ, 382 раненыхъ и 42 контуженныхъ), не можетъ быть объясненъ исключительно неподготовленностью экипажей. Вѣдь это не бой—а бойня...

Ясно, что матеріальная часть того, что именовалось „русскимъ флотомъ“, созиданіе и содержаніе коего въ исправности всецѣло лежало на обязанности „морского вѣдомства“, было весьма далеко отъ совершенства. Вспомнимъ хотя бы сдѣлавшуюся исторической фразу, произнесенную Небогатовымъ на судѣ: „*Я спросилъ: почему мы не отвѣчаемъ?—а фламанскій артиллеристъ говоритъ:—Наши снаряды не долетаютъ.—Это меня сокрушило...*“—Есть отъ чего „сокрушиться“! Вѣдь сблизиться на дистанцію, на которой *снаряды могли бы долетать*, средствъ не было—непріятель обладалъ преимуществомъ въ скорости хода!..

Похоже на то, какъ еслибы сошлись два врага: одинъ—пѣшій и съ гладкоствольнымъ пистолетомъ, бьющимъ на двадцать шаговъ, другой—верхомъ на лошади и съ добрымъ браунингомъ въ рукахъ.

Откуда же взялось такое... возмутительное неравенство въ вооруженіи? гдѣ корень зла?

Источникъ его все тотъ же: исконное засилье „вѣдомства“ надъ „флотомъ“.

Казалось бы, что чины перваго должны имѣть назначеніе чисто служебное, должны „обслуживать“ флотъ, такъ какъ не имъ, а ему придется схватиться съ врагомъ грудь съ грудью—и кто же, какъ не онъ самъ, наилучшій судья въ дѣлѣ оцѣнки оружія, даннаго ему въ руки?

На дѣлѣ выходило иначе.

Донесенія моряковъ-практиковъ (этихъ „ремесленниковъ“) въ лучшихъ случаяхъ пріобщались „къ дѣламъ“, а иной разъ вызывали даже репрессіи по адресу лицъ „сующихся не въ свое дѣло“ или „пытающихся чему-то учить“ непогрѣшимыхъ „sous-flèchistes“ (какъ ихъ окрестилъ мой добрый знакомый).

До чего доходило торжество централизаціи и полноты власти—покажутъ примѣры.

Обнаруживался такой сюрпризъ, что въ Кронштадтѣ надо готовить суда къ плаванію, а необходимыхъ матеріаловъ въ порту не имѣется. Почему они не доставлены поставщиками? Потому что въ контрактѣ, заключенномъ Главнымъ Управленіемъ Кораблестроенія и Снабженій, сказано: „въ началѣ года“ (понятіе крайне растяжимое)—и поставщикъ, съ полнымъ правомъ, ждетъ открытія навигаціи, когда доставка матеріаловъ водою (изъ Петербурга) обойдется ему во много разъ дешевле, нежели перевозка по желѣзной дорогѣ до Ораніенбаума и дальнѣйшая—гужемъ, по льду. А работы-то надо закончить къ моменту *открытія* навигаціи, и матеріалы для этого надо имѣть въ рукахъ не „*въ* началѣ года“, а „*къ* началу года“!..

Можно ли думать, что подобнаго рода недомолвки въ контрактахъ являлись чисто случайными?..

Въ 1895-мъ году признано было необходимымъ поставить новые котлы на крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ“, спущенный на воду въ 1887-мъ году. Надо замѣтить, что крейсеръ этотъ строился въ Сенъ-Назерѣ (близъ Нанта), при чемъ довѣреннымъ лицомъ морского вѣдомства являлся г. Алексѣевъ, бывшій тогда нашимъ морскимъ агентомъ во Франціи. Онъ же оказался и первымъ командиромъ вновь построеннаго крейсера, который (крейсеръ, а не Алексѣевъ) отличался отъ своихъ сверстниковъ прочихъ флотовъ отсутствіемъ двойного дна.

Котлы рѣшено было, въ видѣ опыта, мѣнять во Владивостокѣ, не возвращая крейсеръ въ Кронштадтъ; но такъ какъ мѣстный портъ не могъ построить ихъ своими средствами, то они были присланы готовыми. Вскочило въ копеечку. Но это цвѣточки, а ягодки будутъ впереди...

Старые котлы, снятые съ крейсера, негодные для боевыхъ цѣлей, оказались въ такомъ состояніи, что еще десятки лѣтъ могли бы служить на любомъ грузовикѣ, совершающемъ свои рейсы со скоростью восьми узловъ. При бѣдности, на Дальнемъ Востокѣ, частныхъ судостроительныхъ заводовъ, охотниковъ сдѣлать покупку „по случаю“ появилось множество. Не продали. Почему? Да потому, что котлы были „удостоены въ ломъ“, подлежали разлому и отсылкѣ въ Петербургъ, гдѣ Главное Управленіе Кораблестроенія и Снабженій распорядится съ ними по закону.

И разломали (недешево стоило), и отослали (тоже за хорошія деньги) и... распорядились выводомъ въ расходъ...

Какъ назвать такое... хозяйство?

Въ „Расплатѣ“ я привелъ уже немало примѣровъ тому, какъ господа изъ-подъ „шпица“ закрывали глаза на результаты боевого опыта, какъ они въ оффиціозныхъ изданіяхъ, при посредствѣ людей, обладающихъ бойкимъ перомъ и оттуда же (изъ-подъ „шпица“) полученнымъ патентомъ на званіе ученаго моряка,—вѣщали русскому обществу, что „къ непосредственному боевому опыту надо относиться съ тщательной критикой“ и что не оправдались „преувеличенныя ожиданія отъ боевого опыта“.

Не хочу повторяться; скажу лишь, что если, во время самой войны, къ свидѣтельству непосредственныхъ ея участниковъ, учившихся на горькомъ и кровавомъ опытѣ, могли относиться съ такимъ великолѣпнымъ пренебреженіемъ, то что же дѣлалось въ мирное время, въ періодъ подготовки къ войнѣ? Какъ третировались мнѣнія истинныхъ тружениковъ моря тѣми стратегами, что въ тиши кабинета изучали высокое военно-морское искусство, чуждаясь морского ремесла, какъ несвойственнаго, по ихъ мнѣнію, „человѣку изъ общества“, а по просту — непригоднаго для бѣлоручекъ, желающихъ носить морской мундиръ, но вовсе не желающихъ плавать иначе, какъ въ Біаррицѣ и въ пріятной компаніи особъ „своего круга“.

Начальники эскадръ и отрядовъ, командиры кораблей, даже морскіе агенты, могли писать что угодно; ихъ донесенія либо не получали никакого движенія, оставаясь (часто даже нераспечатанными) въ шкафахъ главнаго морского штаба, либо направлялись по принадлежности въ морской техническій комитетъ или въ Главное Управленіе Кораблестроенія и Снабженій. Въ первомъ говорили: „кажется, учить вздумали?“ и, въ зависимости отъ настроенія, либо просто клали въ шкафъ, либо писали строгую отповѣдь на тему: „яйца курицу не учатъ“. А во второмъ, хитро подмигивая, подшивали „къ дѣламъ“, какъ пожеланіе, несоотвѣтствующее дѣйствующимъ законоположеніямъ, согласно которымъ ни одинъ расходъ не можетъ пройти мимо рукъ центральнаго учрежденія, дабы къ другимъ рукамъ ничего не прилипло.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ вѣчной борьбѣ между броней и снарядомъ наступилъ моментъ, когда побѣда, казалось, была на сторонѣ первой. Круппу удалось выработать такой образецъ плиты, о поверхность которой разбивалась головная часть наилучшаго, имъ же изготовленнаго, снаряда...

Инспекторомъ морской артиллеріи былъ въ то время покойный

адмиралъ С. О. Макаровъ, посаженный на это мѣсто потому что другого подходящаго назначенія не нашлось, а можетъ быть и не безъ тайной мысли — утопить безпокойнаго человѣка въ канцелярскомъ болотѣ морского техническаго комитета.

Вышло иначе: не только не удалось задушить бумагами, но, какъ всегда въ жизни выдающихся дѣятелей, и самъ „случай“ пришелъ на помощь.

Испытывались на полигонѣ броневыя плиты и снаряды.

По недосмотру (происшествіе прямо невѣроятное) одну изъ плитъ установили задомъ напередъ, т.-е. обративъ ее къ орудію не лицевой, по крупповскому способу закаленной, стороной, а мягкой (незакаленной) изнанкой, въ которой долженъ былъ „завязнуть“ уже раздробившійся (деформированный) снарядъ.—Случилось чудо.—Снаряды пронизывали плиту, какъ слой масла (выраженіе излюбленное техниками), не претерпѣвая сами никакой деформаціи: хоть опять клади въ пушку.

Представьте себѣ эту картину: смятеніе и растерянность съ одной стороны, ликованіе (тѣмъ болѣе восторженное, что совершенно неожиданное) съ другой...

Ошибку замѣтили, и новая плита, поставленная „какъ слѣдуетъ“, оказалась непроницаемой.

Въ чемъ же заключался секретъ? Ученые техники не замедлили разъяснить, что „такъ и слѣдовало ожидать“. Живая сила снаряда при встрѣчѣ съ закаленной поверхностью плиты разрушала снарядъ, какъ обладающій меньшей массой (инерція преодолѣвала скорость). Когда же закаленный снарядъ шелъ съ изнанки, то онъ безъ труда врѣзывался въ сравнительно мягкую толщу, пронизывалъ ее и выламывалъ передъ собою тонкую закаленную кору лицевой стороны. Шутники утверждали, что онъ, „начавши съ легкаго, успѣвалъ привыкнуть къ исполненію болѣе труднаго“—и, пожалуй, это объясненіе говоритъ уму непосвященнаго больше, чѣмъ какія бы то ни было формулы.

Ученые мужи „констатировали фактъ“ и успокоились (въ родѣ того доктора, который больше всего интересовался: икалъ ли его паціентъ передъ смертью?); но С. О. Макаровъ, не принадлежавшій къ этому цеху, чрезвычайно заинтересовался самымъ фактомъ, и не съ научной, а съ практической точки зрѣнія.

— Мнѣ пришло въ голову (такъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ), что если закаленную поверхность плиты легко пробить съ изнанки, такъ нельзя ли эту изнанку насадить на головную часть снаряда?

Будучи инспекторомъ морской артиллеріи, приказать произвести опытъ и лично присмотрѣть за выполненіемъ приказанія — не было трудно.

Сказано—сдѣлано. С. О. проволочекъ не терпѣлъ.

Насадили на головную часть снаряда нашлепку изъ незакаленной брони, выпалили — дыра! попробовали еще и еще — какъ въ масло!..

Это и была идея бронебойныхъ снарядовъ „съ колпачками“, идея, немедленно ставшая извѣстной за границей и (повторяю — это былъ періодъ увлеченія бронебойными снарядами) повсюду принятая къ руководству и исполненію.

Повсюду, кромѣ... Россіи.

Еслибы С. О. оставался еще нѣкоторое время главнымъ инспекторомъ морской артиллеріи, то, несомнѣнно, при его энергіи ему удалось бы провести свою идею въ жизнь въ самый короткій срокъ; но тутъ какъ-разъ онъ получилъ новое назначеніе, и ученые мужи, нѣсколько шокированные тѣмъ, что идея дана „строевикомъ и не-спеціалистомъ“, занялись на досугѣ выработкой наилучшаго типа колпачка и наилучшаго способа его прикрѣпленія.

Въ результатѣ... Лѣтомъ 1902-го года посѣтило Кронштадтъ учебное судно Аргентинской республики „Presidento Sarmiente“, командиръ котораго, со свойственной южанамъ экспансивностью называя адмирала великимъ учителемъ, именовалъ его также и „побѣдителемъ брони“, такъ какъ снаряды съ колпачками — его изобрѣтеніе.

Боюсь, что читатели не повѣрятъ, но все же скажу: въ это время у насъ все еще вырабатывался „наилучшій типъ колпачка и наилучшій способъ его прикрѣпленія“...

Окончательно выработали и то и другое чуть-ли не наканунѣ японской войны, когда за границей (и въ Японіи, конечно) давно уже увлеклись новой идеей: фугаснаго снаряда, снаряда-мины.

„Nous arrivons toujours trop tard!“... Въ опереткѣ это выходитъ очень смѣшно; но въ дѣлѣ обороны государства „упущеніе времени смерти невозвратной подобно“. Такой завѣтъ данъ великимъ преобразователемъ Россіи.

Можетъ быть, люди снисходительные, склонные къ всепрощенію, скажутъ: „не судите строго... Ну, увлеклись бронебойностью, въ ней полагали залогъ побѣды... Чистосердечно заблуждались“... а шутники добавятъ: „работали надъ колпачками—и оказались колпаками“.—Но это будетъ несправедливо. Идея фугаснаго снаряда, снаряда-мины, зародилась давно. Еще въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ испытывались длинные (4,2 калибра длины) снаряды съ тонкой оболочкой и огромнымъ разрывнымъ зарядомъ. Снаряды эти оказались слишкомъ дорогими, а при изготовленіи „на-дешевку“ ничего хорошаго не выходило. При полномъ зарядѣ орудія снарядъ, изъ-за не-

совершенства выдѣлки, ломался при вылетѣ изъ дула, а иногда и въ самомъ каналѣ орудія, вызывая если не разрывъ, то серьезныя поврежденія самой пушки. Приступили къ всестороннимъ испытаніямъ и къ изысканію наилучшаго типа, при чемъ вмѣсто того, чтобы требовать отъ заводовъ приспособленія ихъ средствъ къ новому снаряду, начали приспособлять снарядъ къ средствамъ заводовъ. Попробовали уменьшить начальную скорость, чтобы снарядъ не раскалывался въ дулѣ; не вышло, ибо при малой начальной скорости не получалось достаточной быстроты вращенія, и снарядъ „опрокидывался“. Утолстили стѣнки—снарядъ оказался тяжелъ для полнаго заряда: пушка не выдерживаетъ. Нѣсколько укоротили, нѣсколько утолстили стѣнки и нѣсколько уменьшили зарядъ... Много лѣтъ трудились и наконецъ выработали. Къ началу русско-японской войны мы имѣли „фугасные“ снаряды, разрывной зарядъ которыхъ составлялъ 2—3 процента отъ ихъ общаго вѣса, тогда какъ въ японскихъ „бронебойныхъ“ снарядахъ онъ былъ въ $5^1/_2$ процентовъ, а въ „фугасныхъ“—13%.

Я вообще не поклонникъ адмирала Бирилева, но въ остроуміи ему отказать нельзя, а вѣдь это онъ (еще не достигши адмиральскихъ чиновъ) пустилъ въ оборотъ крылатое изреченіе: „Не техническій комитетъ, а несчастное учрежденіе моей бѣдной родины“...

Тоже смѣшно, еслибы... было въ опереткѣ.

Читатели вѣрно помнятъ громады строящихся броненосцевъ, занимавшія и правый, и лѣвый берега Невы въ концѣ XIX-го вѣка? Знаютъ ли они избитую остроту, которою обмѣнивались между собою „моряки“ (настоящіе), проходя мимо нихъ на кронштадтскомъ пароходѣ?

— Кладбище мертворожденныхъ младенцевъ!

Да, впрочемъ, что̀ остроты досужихъ людей!.. Что̀ можетъ быть острѣе приводимой ниже замѣтки „Кронштадтскаго Вѣстника“ — газеты субсидируемой морскимъ министерствомъ, въ которой каждая строчка, касающаяся морского вѣдомства, идетъ на предварительную цензуру къ начальнику штаба Кронштадтскаго порта? Тамъ, въ 1902 г., было напечатано, что „сегодня броненосецъ „Ослябя“, ходилъ въ море на оффиціальную пробу машинъ“; далѣе сообщалось, что все прошло вполнѣ благополучно, а что касается подробностей, то за позднимъ временемъ онѣ не могли попасть въ этотъ номеръ, но будутъ напечатаны завтра, хотя (какъ простодушно отмѣтила газета, и не замѣтилъ начальникъ штаба) „особаго интереса эти свѣдѣнія не имѣютъ“, ибо машины броненосца, спроектированныя „десять лѣтъ тому назадъ“, являются уже „устарѣлыми“...

Можно сказать—„росписались“.

Во избѣжаніе излюбленнаго казенными критиками упрека въ голо-

словности, въ несерьезности статьи и самого автора, пробавляющагося анекдотами, основанными на личныхъ воспоминаніяхъ, постараюсь въ заключеніе быть строго документальнымъ.

Документъ, которымъ я буду пользоваться, это — „Записка вице-адмирала С. Макарова о программѣ судостроенія на двадцатилѣтіе 1903—1923 гг.“, въ свое время „весьма секретная“, а нынѣ, особенно въ той части, откуда я беру свои данныя (предисловіе), утратившая всякую секретность: вѣдь русско-японская война сказала много больше того, что̀ адмиралу оказывалось возможнымъ изложить оффиціальнымъ языкомъ въ 1902-мъ году.

Составленіе записки было вызвано разсылкой старѣйшимъ адмираламъ флота соображеній о судостроительной программѣ на будущія двадцать лѣтъ, съ изрядной книгой „матеріаловъ“, собраннымъ главнымъ морскимъ штабомъ.

По всей справедливости и записку, и, въ особенности, предисловіе къ ней слѣдовало бы напечатать полностью, какъ доказательство, что „были люди въ наше время“, но сила была не въ ихъ рукахъ, а въ рукахъ людей другого сорта.

Стѣсненный размѣрами статьи, я вынужденъ ограничиться кратким пересказомъ главнѣйшихъ положеній записки.

Боюсь, какъ бы и тутъ не сказали съ пренебреженіемъ: „анекдоты“... Замѣчу лишь, что „анекдоты“ эти изложены вице-адмираломъ С. О. Макаровымъ въ „весьма секретной“ запискѣ, представленной имъ „по командѣ“.

Послѣ нѣсколькихъ словъ „о цѣляхъ, для которыхъ назначается русскій военный флотъ“, и краткаго обзора современнаго состоянія флотовъ нашихъ возможныхъ враговъ и союзниковъ, стоимости ремонта и поддержанія боевой готовности судовъ, авторъ записки неожиданно приводитъ таблицу: „Отношенія водоизмѣщенія флота къ бюджету“.

	Россія.	Германія.	Англія.	Японія.
Размѣръ флота.	459.000	395.371	1.626.800	249.425
Бюджетъ (рубли)	116.255.417	68.835.600	260.088.000	39.676.700
Стоимость содержанія одной тонны.	253,3	174,1	160,0	159,0

„Таблица показываетъ, что содержаніе нашего флота обходится гораздо дороже, чѣмъ содержаніе германскаго и, въ особенности, англійскаго и японскаго“ — замѣчаетъ авторъ записки, высказывая предположеніе, что главная разница зависитъ отъ „дороговизны нашего кораблестроенія и отъ отсутствія у насъ системы резерва“ (изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что подъ словомъ „резервъ“ адмиралъ разумѣлъ не „превращеніе кораблей въ плавучія казармы“

чего онъ былъ горячимъ противникомъ, но „резервъ“ въ томъ смыслѣ этого слова, какой придается ему за границей).

Разобравшись затѣмъ (на основаніи данныхъ, полученныхъ съ различныхъ заводовъ) въ попудной стоимости различнаго рода металлическихъ издѣлій и пользуясь таблицей стоимости судовъ различныхъ типовъ, построенныхъ въ Россіи и за границей, адмиралъ приходитъ къ выводу, что „Ретвизанъ“, строившійся въ Америкѣ, обошелся на 21% дешевле „Пересвѣта“, строившагося на Балтійскомъ заводѣ, а „Богатырь“ (Штетинъ) — на 24,5% дешевле „Діаны“ (Спб. портъ). Между тѣмъ, „Богатырь“ на три узла быстроходнѣе „Діаны“, а увеличеніе скорости хода увеличиваетъ стоимость постройки не въ прямой пропорціи, а въ геометрической прогрессіи [1]).

Причину такой дороговизны адмиралъ видитъ въ отсутствіи системы, въ отсутствіи единотипности не только судовъ, но и мелкихъ механизмовъ и предметовъ снабженія. „Для каждаго корабля все должно быть спеціальное“; нѣтъ однообразія даже въ якоряхъ, канатахъ, рулѣ, рулевыхъ приводахъ, винтахъ и пр. „При введеніи единотипности“ заводъ, предусматривающій постоянную работу, значительно понизитъ стоимость предметовъ... Для примѣра приведу, что еслибы мы гильзы къ 6″ орудіямъ заказывали разнымъ заводамъ, для каждаго судна отдѣльно, то мы переплачивали бы огромныя деньги. Только устроивъ на Ижорскихъ заводахъ спеціальное приспособленіе для выдѣлки вполнѣ однообразныхъ гильзъ, мы могли понизить ихъ стоимость до благоразумныхъ предѣловъ“.

Приводится и еще примѣръ изъ личнаго опыта покойнаго: „Когда я поступилъ на должность главнаго инспектора морской артиллеріи, то снаряды каждаго калибра орудій были разнообразны. Каждый заводъ, выдѣлывавшій снаряды, придавалъ свою форму головной части и внутренней пустотѣ, также дну, донному винту и пр. Это вело къ разнообразію снаряженія и даже вызывало разнообразіе таблицъ стрѣльбы“. Когда адмиралъ поднялъ вопросъ объ однообразіи снарядовъ (объ этомъ приходилось „поднимать вопросъ“!), то ему возразили, что заводы „не согласятся взять на себя отвѣтственность за то, что снаряды, сдѣланные не по ихъ чертежамъ, выдержатъ требуемыя испытанія“ (возражали, конечно, не сами заводы, а тѣ, въ чьихъ рукахъ были заказы и пріемка снарядовъ).

„Мнѣ однако удалось настоять, чтобы принятъ былъ одинъ чертежъ и даже введено было геометрическое подобіе снарядовъ всѣхъ

---

[1]) При этомъ надо имѣть въ виду, что судостроительные заводы „Крампъ и К°“ и „Вулканъ“ — коммерческія предпріятія, работающія съ выгодой для своихъ владѣльцевъ; значитъ, такъ называемая „своя цѣна“ была еще ниже.

калибровъ. Это сейчасъ же повело къ однообразію въ снаряженіи"— скромно (чтобъ не дразнить гусей) заканчиваетъ адмиралъ и переходитъ къ своимъ наблюденіямъ и замѣткамъ въ должности главнаго командира порта, стоящаго не такъ близко къ техникѣ, чтобы „быть въ состояніи повліять на однообразіе въ типахъ". Мягко сказано, особенно принимая во вниманіе дальнѣйшія строки. Что дѣлать? Въ то время даже С. О. Макарову приходилось изъясняться эзоповскимъ языкомъ...

„Въ 1900-мъ году я поднялъ вопросъ о томъ, что мы имѣли *семьдесятъ шесть* образцовъ водомѣрныхъ стеколъ, и что полезно было бы свести это число къ десяти. Дѣло это мнѣ рѣшительно не удалось. Однообразіе можно ввести лишь подъ давленіемъ значительной силы. Въ настоящее время существуетъ разнообразіе во всемъ, до болтовъ включительно, такъ что рѣзьба и гайка $^5/_8$ дюйм. болта одного завода не подходятъ къ рѣзьбѣ и гайкѣ другого завода. Мы, въ порту, имѣемъ множество особыхъ соединительныхъ гаекъ, для того, чтобы имѣть возможность соединять шланги, выдѣланные на разныхъ заводахъ".

Но если разнообразіе типовъ, заказъ каждаго предмета, для каждаго корабля „насвой образецъ", удорожаетъ постройку, то еще болѣе оно удорожаетъ починку.—„При ремонтѣ различныхъ механизмовъ всякій разъ приходится составлять чертежъ поврежденной части и по нему выдѣлывать модель для одной отливки, тогда какъ при гуртовой изготовкѣ предметовъ одна модель служитъ для сотенъ отливокъ, и стоимость ея ложится на каждый предметъ копейками.— То же можно сказать про отковки: при единичной выдѣлкѣ приходится производить ручную отковку изъ желѣза, какое случится подъ рукой, тогда какъ при гуртовой выдѣлкѣ берется желѣзо спеціальноподходящее и употребляются соотвѣтствующіе штампы".

Какъ на иллюстрацію этой идеи, адмиралъ указываетъ на ружье, „въ которомъ, благодаря единотипности, выгоднѣе замѣнить испорченную часть новой, которая стоитъ копейки, нежели производить починку, которая обойдется въ рубли".

Казалось бы, даже совсѣмъ штатскаго, не только не-моряка, но даже не-военнаго, можно убѣдить подобными доводами—а между тѣмъ самъ же адмиралъ „доносилъ по командѣ", что попытки этого рода ему „рѣшительно не удавались", за исключеніемъ того случая, когда онъ располагалъ „давленіемъ значительной силы".

Почему?—По недоразумѣнію техническаго комитета (что касается подозрѣнія въ злонамѣренности — отвергнемъ самую возможность такого предположенія) — или въ интересахъ заказчиковъ, заводовъ, пріемщиковъ?.. Вотъ въ чемъ вопросъ.

Далѣе адмиралъ говоритъ о „резервѣ“ (въ заграничномъ смыслѣ этого слова) и о вредѣ обычая содержать часть офицеровъ и команды на строящихся судахъ, что̀ за границей не принято.

„Во всѣхъ заграничныхъ портахъ можно увидѣть множество военныхъ кораблей, которые стоятъ вовсе безъ экипажей, но въ полной готовности къ мобилизаціи. При постройкѣ судовъ экипажа также не имѣется, и я самъ былъ на пробѣ американскаго броненосца „Масачузетъ“, который былъ вполнѣ готовъ, но на немъ не было не токмо военной команды, но даже не было командира и механика. Отъ военнаго флота на броненосцѣ, во время постройки, были „пріемщики“, т.-е. спеціальные люди, приставленные для контроля надъ доброкачественностью постройки, которые и несутъ отвѣтственность за тщательность выполненія работы. За границей принято, что какъ только судно возвращается изъ плаванія, оно всецѣло передается въ руки порта, который производитъ ремонтъ и завѣдуетъ сбереженіемъ судовъ“.

Назначеніе командира (допустимъ, свѣдущаго моряка, но никакъ не корабельнаго инженера) снимаетъ съ завода „большую долю отвѣтственности“, да и „сама отвѣтственность раздваивается“, а при невозможности провести точную границу—создается безотвѣтственность. Назначеніе экипажа на строящееся судно (какъ это у насъ принято) даетъ заводу еще больше случаевъ слагать съ себя отвѣтственность и переносить ее на строевой составъ.

„Съ этимъ дѣломъ—продолжаетъ адмиралъ—мнѣ пришлось считаться въ первый же годъ моей бытности главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, когда заводы, сдававшіе миноносцы, постоянно заявляли, что поврежденія, случающіяся на пробахъ, происходятъ отъ неумѣлости нашихъ командъ.—По моему представленію, управляющій морскимъ министерствомъ разрѣшилъ на сдающихся миноносцахъ не имѣть военнаго экипажа, и потому за послѣдніе два года не было никакихъ недоразумѣній при сдачѣ отъ завода.—Миноносцы сдаются подъ коммерческимъ флагомъ, и отъ этого никакихъ неудобствъ не происходитъ. Вполнѣ увѣренъ, что и большія суда могутъ сдаваться подъ коммерческимъ флагомъ и что, вмѣсто содержанія военнаго экипажа на строящихся судахъ, выгоднѣе поручить наблюденіе за постройкой спеціальнымъ пріемщикамъ, въ числѣ которыхъ должны быть и опытные (спеціально для постройки) командиры“.

Корабль неплавающій, находящійся въ порту, долженъ быть сданъ всецѣло на попеченіе и на отвѣтственность порта. Это была idée fixe адмирала, но, какъ самъ онъ сознается, ему „въ этомъ отношеніи удалось сдѣлать очень немного, ибо требуется кореннымъ образомъ измѣнить систему“.

Какая же это система, безъ коренного измѣненія которой оказыва-

лись неосуществимыми никакія благія начинанія, о которую разбивалась даже энергія такого выдающагося дѣятеля, какъ покойный С. О. Макаровъ? Система кормленія чиновъ морского вѣдомства, за счетъ флота. Гдѣ же процвѣтали бы сухопутные моряки, еслибы не было вакансій на строящихся и ремонтирующихся судахъ, служба на которыхъ отнюдь не препятствовала „наколачиванію ценза“ при посредствѣ зачисленія... хотя бы на миноноску пристрѣлочной станціи. Къ слову сказать... (опять упрекнутъ, что анекдотъ, но вѣдь анекдотъ историческій!)—не могу не упомянуть объ этой миноноскѣ. Согласно разъясненію адмиралтействъ-совѣта, миноносцамъ и миноноскамъ, хотя бы стоящимъ въ гавани, считался полнымъ днемъ плаванія каждый день, въ который „разводили пары“ (безъ разводки паровъ—какъ и всѣмъ прочимъ—стояніе въ гавани исчислялось шесть дней за одинъ). Довольно ясно, что адмиралтействъ-совѣтъ подразумѣвалъ въ данномъ случаѣ разводку паровъ для хода. Разводили пары—значитъ, снимались съ якоря или со швартововъ, куда-то ходили, маневрировали, вообще „были въ плаваніи“.

Вышеупомянутая миноноска никуда не ходила; въ теченіе всей навигаціи (когда шесть, когда семь мѣсяцевъ) она стояла неподвижно у пристани пристрѣлочной станціи въ Кронштадтѣ, но каждый день, кромѣ праздниковъ, „разводила пары“... для работы воздушнаго насоса, накачивающаго воздухъ въ пристрѣливаемыя мины, и каждый такой день, для лицъ, на ней числившихся, считался за день плаванія въ морѣ, а не въ $^1/_6$ дня...

Возвращаюсь къ запискѣ С. О. Макарова. По его мнѣнію, содержаніе на лицо лишь такого числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которое необходимо для обслуживанія дѣйствительно плавающихъ судовъ, дало бы значительную экономію, а въ случаѣ мобилизаціи, при наличіи такого кадра „настоящихъ моряковъ“, все остальное могло бы быть пополнено изъ запаса (офицеровъ и нижнихъ чиновъ); на то этотъ запасъ и существуетъ. Запасъ офицеровъ и механиковъ, конечно, долженъ быть созданъ по образцу, принятому за границей. Въ запасѣ (въ резервѣ) должны числиться не тѣ, что уволены въ запасъ по непригодности къ дѣйствительной службѣ, а „моряки“ (хотя бы отставные военные), предпочитающіе службу на коммерческихъ судахъ. „Лица состоящія въ спискахъ (такого резерва заграничнаго образца) должны имѣть свои преимущества, за которыя имъ ставится въ обязанность, въ опредѣленные сроки, плавать на военныхъ судахъ для практики. Въ минувшую (адмиралъ разумѣетъ русско-турецкую) войну всѣ машинныя команды судовъ активной обороны на Черномъ морѣ состояли изъ „вольныхъ“ механиковъ и машинистовъ, и я никогда не помню большей исправности по машинѣ, чѣмъ я имѣлъ на

пароходѣ „Великій Князь Константинъ“. Люди эти оказались вполнѣ подходящими, и никакихъ нареканій не было на отсутствіе между ними дисциплины или военнаго мужества. Также у меня на пароходѣ были и вольные штурмана. Съ вольными же штурманами я имѣлъ дѣло на „Ермакѣ“ и нахожу, что эти привычные къ морю люди въ самый короткій срокъ осваиваются съ особенностями военной службы и что флотъ можетъ на нихъ разсчитывать... Намъ стоитъ только пожелать, чтобы списки резервовъ были съ лихвой заполнены людьми самыми отборными“.

Добавлю на основаніи личнаго моего опыта, что за время русско-японской войны многіе прапорщики запаса флота (моряки коммерческаго флота, призванные на военную службу) показали себя героями, а что касается ихъ достоинствъ какъ моряковъ и спеціалистовъ своего дѣла, то врядъ ли ихъ станутъ оспаривать даже мичмана и молодые механики, считавшіеся надъ ними старшими.

Въ подтвержденіе своей идеи адмиралъ Макаровъ указывалъ, что вѣдь было же время (до введенія положенія о морскомъ цензѣ), „когда портовыми баркасами командовали офицеры флота“ (и, добавлю отъ себя, дослуживались до адмиральскихъ чиновъ), а „теперь это дѣло передано вольнонаемнымъ изъ отставныхъ боцмановъ и другихъ имъ равноцѣнныхъ людей. Надо идти въ томъ же направленіи дальше и завести вольную команду на всѣхъ транспортахъ и, по возможности, на всѣхъ вообще небоевыхъ судахъ“.

Не могу не напомнить еще разъ, что цитированное мною—оффиціальный документъ, писанный въ 1902-мъ году для представленія высшему начальству. По тому времени онъ былъ смѣлъ до дерзости, и потому многое (что я намѣтилъ въ своихъ примѣчаніяхъ) слѣдовало читать между строкъ...

На представленіе такого доклада (содержаніе котораго далеко мною не исчерпано) могъ рискнуть лишь С. О. Макаровъ, герой русско-турецкой войны, адмиралъ, пользовавшійся широкой популярностью во флотѣ, создатель „Ермака“, котораго знала вся Россія. Всякаго другого съѣли бы за такую дерзость...

И вотъ, все „весьма секретное“, написанное и въ строкахъ, и между строкъ, послѣ пережитого нами разгрома, послѣ Артура и Цусимы—стало явнымъ.

И что же?—Использовали мы горькій, кровавый опытъ минувшей войны?..

Вл. Семеновъ.

КОНТРАСТЫ РИМСКОЙ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ.

(Письмо изъ Рима.)

Съ морскихъ пляжей, съ горъ, съ живописныхъ загородныхъ виллъ, синьоры и ихъ семейства переселяются въ города, ибо лѣтній сезонъ кончился. Въ порядочномъ обществѣ жизнь разбита на сезоны, что̀ очень удобно. Кончился лѣтній — начался зимній; дамы различаютъ еще весенній и осенній. Такъ какъ въ Италіи нѣтъ такого контраста между временами года, какъ на сѣверѣ, то сезоны узнаются лучше всего по шляпамъ и шляпкамъ. Съ 1-го октября, въ то время, какъ прочіе borghesi донашиваютъ еще солому, signori надѣваютъ котелки, цилиндры и мягкія шляпы, причемъ послѣднія болѣе приличествуютъ лицамъ свободныхъ профессій; эти же лица иногда отпускаютъ и бородку, тогда какъ оффиціальное чиновничество брѣется.

Вовсе это не пустяки! Всѣ эти мелочи—мелочи лишь на первый взглядъ; итальянецъ же знаетъ, что это чрезвычайно важно. Не забудьте, что Италія желаетъ быть страной цивилизованной, а въ цивилизованной странѣ все предусмотрѣно. Итальянскому офицеру извѣстно, что нѣмецкій офицеръ носитъ усы à la Вильгельмъ II, заостренными кверху; поэтому и онъ носитъ усы à la Викторъ Эммануилъ II, распушонными на концахъ. Подражательное искусство офицеровъ доходитъ до того, что кажется, будто они и ростъ себѣ искусственно понижаютъ до королевскихъ 1 метра 60 сантиметровъ; и у всѣхъ ихъ такой же серьезный и нѣсколько хмурый видъ. Инглезированные же штатскіе старательно слѣдятъ за послѣднимъ костюмомъ Эдуарда VII-го и послѣдней породой цвѣтка въ его петличкѣ, а болѣе смѣлые разстегиваютъ послѣднюю пуговицу жилета.

Говорятъ, что Римъ — искусственный центръ и не представляетъ Италіи. Въ этомъ есть значительная доля правды. Итальянская промышленность—въ Туринѣ и Миланѣ, итальянская торговля—въ Генуѣ, нищета—въ Неаполѣ, безграмотность—на югѣ; въ Римѣ нѣтъ ничего характернаго для современной Италіи, кромѣ экстерриторіальной ватиканской твердыни. Но для меня Римъ представляется съ бытовой стороны прекраснѣйшей иллюстраціей къ контрасту былого и настоящаго, того, чѣмъ прекрасна Италія—и того, чѣмъ она скучна. Контрастъ тоги Цицерона и заглаженной складки на брюкахъ министер-

скаго депутата, въ томъ или иномъ видѣ, повторяется на каждомъ шагу. И когда въ воскресный день, часа за два до заката солнца, весь Римъ высыпаетъ на улицу,—я съ удовольствіемъ смотрю этотъ живой кинематографъ противорѣчій. За картиной развертывается картина; нигдѣ въ мірѣ не найти такого дивнаго фона для сегодняшнихъ группъ и сценъ, какъ фонъ древнихъ развалинъ, уцѣлѣвшихъ монументальныхъ античныхъ зданій и средневѣковыхъ церквей. Каждый камень здѣсь имѣетъ исторію, и въ каждомъ извозчикѣ есть капля крови auriga, побѣдителя въ бѣгѣ колесницъ. Полководцы обратились въ полковниковъ, дискоболы въ футболистовъ, народные трибуны въ соціалистическихъ лидеровъ, тріумфаторы въ велосипедистовъ, великое въ смѣшное,—а все-таки великое чувствуется, и „не будь я русскимъ, я желалъ бы быть итальянцемъ“; по крайней мѣрѣ можно хоть предками похвастаться.

Въ воскресный день открыты безплатно музеи: Форумъ, Палатинъ, замокъ святого Ангела, термы Каракаллы и другіе памятники старины. Итальянецъ любитъ мраморъ, въ особенности когда можно любоваться имъ безплатно. Праксителя, Бернини, Канова — для него не важно различіе, но богатство старины ему импонируетъ. Въ этотъ день чиновникъ ведетъ жену и дѣтей продефилировать по заламъ національнаго музея, побродить среди бѣлыхъ камней Форума, посидѣть на Бельведерской площадкѣ Палатинскаго холма, откуда развертывается чудный видъ на пригороды, на начало аппіевой дороги, на кудрявую зелень садовъ, кипарисы кладбища, римскую Кампанью и панораму горъ вдали. И когда онъ объясняетъ эту картину пріѣхавшему изъ провинціи родственнику—лицо его торжественно и горделиво: съ такимъ же выраженіемъ, съ того же пункта, такимъ же провинціаламъ и дальнимъ гостямъ, тѣ же холмы показывали много вѣковъ назадъ его предки-цезари.

Идетъ въ музеи и священникъ. Обреченный всю жизнь носить на лицѣ маску благочестія, перелистывать молитвенникъ и шептать губами Sancta Madonna, обреченный на безбрачіе и отказъ отъ человѣческихъ радостей, онъ идетъ „съ образовательной цѣлью“ въ Капитолій и, въ сладкомъ изумленіи, смотритъ на мраморныя прелести Венеры. Взгляните на него—онъ смутится и удалится съ покраснѣвшимъ и посерьезнѣвшимъ лицомъ, а потомъ, когда вы отойдете, снова вернется на то же мѣсто. Кто знаетъ, быть можетъ въ эту минуту, лаская похотливымъ взглядомъ безчувственный мраморъ, онъ сожалѣетъ о своей доходной карьерѣ.

Идетъ въ музеи и солдатъ—и это, безусловно, самый любопытный изъ посѣтителей. Пріѣхалъ онъ изъ деревни, грамота ему неизвѣстна, воскресное утро некуда дѣвать. По музеямъ онъ бродитъ съ открытымъ

ртомъ, отыскивая статуи менѣе искалѣченныя. Его интересуетъ мечъ въ рукахъ Марса, какъ предметъ болѣе знакомый, барельефъ битвы, какъ сюжетъ, заслуживающій вниманія военнаго человѣка. Курьезную фигуру представляетъ маленькій, безусый, тщедушный итальянскій пѣхотинецъ, одѣтый въ свой синій мишурный балахонъ, съ помпономъ на лакированномъ кепи — передъ гигантской фигурой мраморнаго воина, съ грозными мускулами и кудрявой бородой. Оживи его всемогущій Юпитеръ—и онъ одной рукой расшвыряетъ батальонъ такихъ солдатъ, вмѣстѣ съ ихъ пушками и съ ихъ офицерами, похожими на своего короля. И потомокъ смотритъ на предка съ недоумѣвающимъ благоговѣніемъ. Это не австріякъ, котораго мы шапками закидаемъ!

Въ Россіи я никогда не встрѣчалъ солдатъ въ музеѣ; въ Италіи они составляютъ значительный процентъ воскресной публики. Мало того: спеціальный законъ разрѣшаетъ нижнимъ чинамъ, наряду съ художниками, профессорами и воспитанниками художественныхъ школъ, посѣщать музеи безплатно, хотя тотъ же законъ не даетъ такого права, напримѣръ, учителямъ народныхъ школъ. Почти каждое воскресенье на залитомъ солнцемъ Форумѣ можно видѣть группы солдатъ и учениковъ военныхъ школъ, которымъ предлагается здѣсь образовательная лекція. Какъ характерно это для Италіи, покровительницы искусства, гдѣ недавно отмѣнена обязательность обученья солдатъ грамотѣ, гдѣ теперь, по буквѣ регламента, „ротный командиръ долженъ заниматься со своей ротой „словесностью“, когда имѣетъ для этого свободное время, и гдѣ процентъ грамотности среди выпускныхъ солдатъ замѣтно понизился. Но другое дѣло—разсказать имъ о былой военной доблести предковъ! Это для Франческо Джузеппе (Франца Іосифа, императора австрійскаго) будетъ поопаснѣе!

Традиція приказываетъ, чтобы итальянецъ любилъ искусство. Поэтому въ воскресные дни въ нѣкоторыхъ музеяхъ читается нѣчто въ родѣ лекцій. Приходитъ профессоръ, останавливается передъ картиной или осколкомъ и начинаетъ говорить тремъ-четыремъ слушателямъ. По интеллигентному лицу видно, что это не простой гидъ; публика останавливается и прислушивается. Образуется кучка человѣкъ въ двадцать-тридцать, съ постоянно мѣняющимся составомъ, и, вслѣдъ за добровольнымъ ораторомъ, блуждаетъ по заламъ. Рѣчь его проста, популярна, довольно красива и интересна. Передъ нами искренній любитель искусства, хорошо знающій его исторію, придерживающійся старой школы, понимающій, съ какими слушателями онъ имѣетъ дѣло, умѣющій говорить со случайной толпой. Если лекція его происходитъ гдѣ-нибудь среди развалинъ Палатина, ораторъ пересыпаетъ свою рѣчь лирическими отступленіями по поводу красоты открывающихся видовъ, или шутками по адресу современности. Онъ никогда не

упуститъ по поводу водопроводныхъ трубъ въ домикѣ Ливіи сказать два слова о состояніи городскихъ водопроводовъ и о дѣятельности римскаго муниципальнаго совѣта; онъ не углубляется въ детали споровъ ученыхъ археологовъ по поводу того или другого камня, а предпочитаетъ легкое изложеніе теоріи господствующей или своей собственной, не стѣсняясь откровенно пояснить, что тонкости разномыслій ученыхъ „вы все равно не поймете“. Онъ правъ: всѣ понимаютъ, что онъ правъ, и всѣ имъ довольны. И результаты на лицо: живописныя развалины оживаютъ, заселяются тѣнями древнихъ патриціевъ и плебеевъ, бытъ которыхъ и служитъ главной темой объясненій оратора. Своимъ случайнымъ слушателямъ онъ внушилъ интересъ къ старинѣ—къ лучшему, что̀ есть въ Италіи. Завтра этотъ интересъ заглушится интересами дня, но сегодня благодушные обыватели вкусили пищи духовной. И благо имъ и ихъ учителю!

Гдѣ, кромѣ Рима, съ его 44% безграмотныхъ, можно присутствовать при такой картинѣ: заходитъ солнце, освѣщая золотомъ верхи громаднаго Колизея; внутри, лицомъ къ аренѣ, стоитъ молодой человѣкъ съ тетрадкой въ рукѣ передъ маленькой сѣрой кучкой слушателей—рабочихъ, мастеровыхъ, приказчиковъ, обывателей близлежащихъ кварталовъ; отъ читаетъ имъ Иліаду въ итальянскомъ переводѣ и поясняетъ темныя мѣста; онъ толкуетъ имъ романъ Елены и Париса, характеры Ахилла и Аяксовъ, восторженно декламируетъ прощанье Гектора съ Андромахой. И всѣ серьезны, внимательно слушаютъ, вставляютъ замѣчанія, задаютъ вопросы. Дома, за вечернимъ обѣдомъ, они будутъ излагать прослушанное своими словами женѣ и зашедшему въ гости сосѣду. Потомъ сядутъ играть въ лото или римскія карты, гдѣ масти называются палками, саблями, чашами и деньгами. Какіе чудные контрасты обывательской идилліи!

Въ безплатные дни музеи закрываются рано. Подъ вечеръ городская публика собирается въ садахъ виллы Боргезе, на площадкѣ Монте Пинчьо, у памятника Гарибальди на Джаниколо. Гарибальди величественъ; верхомъ на конѣ, онъ повернулъ голову въ сторону Ватикана, который только отсюда виденъ внизу, тогда какъ съ другихъ пунктовъ онъ доминируетъ надъ Римомъ. Если другіе римскіе холмы возсоздаютъ предъ нами Римъ древній, то Яникульскій холмъ говоритъ о величіи идеи объединенной Италіи. Новая эпоха, эпоха романтизма и прекрасныхъ патріотическихъ фразъ, чувствуется во всемъ, начиная отъ панорамы города и кончая вѣнками и эффектными надписями на пьедесталѣ памятника: „Гарибальди — Италія и Викторъ Эммануилъ“, „Римъ или смерть“. Здѣсь въ мирномъ обывателѣ просыпается воинъ, здѣсь онъ держитъ голову прямо, отсюда показываетъ „рогулю“ Ватикану и кулакъ въ томъ направленіи, гдѣ приблизи-

тельно должна находиться страна этого изверга Франческо Джузеппе, владѣющаго нашимъ Тренто и нашимъ Тріестомъ. Но не однихъ патріотическихъ поэтовъ можетъ вдохновлять Джаниколо. Влюбленный студентъ также идетъ сюда и, спустившись площадкой ниже, садится на каменной скамейкѣ подъ дубомъ Торквато Тассо, точнѣе—подъ сгнившимъ и источеннымъ червями старымъ пнемъ, дупло котораго заштукатурено, бока обмазаны варомъ, а на каменной подпоркѣ красуется трогательная надпись на мраморной доскѣ: „Подъ тѣнью этого дуба сидѣлъ Торквато Тассо, близкій къ дыханью славы и смерти“... Отсюда, сквозь зелень молодого дубка, подсаженнаго къ старому пню, виденъ весь Римъ въ его величіи. Кто здѣсь не съумѣетъ написать вдохновенныхъ стиховъ, тому лучше всего оставить это безполезное занятіе.

Меньше поэзіи въ виллѣ Боргезе—любимомъ мѣстѣ прогулокъ; но зато здѣсь есть звѣринецъ, состоящій изъ десятка разбросанныхъ по саду клѣтокъ: медвѣдь, ягуаръ, газели, шакалы, ворона съ галкой, да клѣтка съ мартышками. Послѣднія привлекаютъ толпу больше всего. Медвѣдь итальянцамъ чуждъ, пантера имъ непонятна,—мартышка же какъ-то роднѣе. И по цѣлымъ часамъ они стоятъ передъ клѣткой, обмѣниваясь замѣчаніями и серьезно обсуждая семейныя отношенія обезьянъ: это—мужъ, та—его жена, а этотъ маленькій, вѣроятно, ихъ сынъ. Обезьяньи ужимки невольно повторяются впечатлительной публикой, и порою кажется, что подлинными зрителями являлись бы мартышки, не будь онѣ такъ заняты чисткой каштановъ. Положительно, даже съ этими наиболѣе отдаленными предками у современниковъ сохранилось немало общаго, какъ въ способности къ мимикѣ, такъ и въ живости характера.

За горой садится солнце; вилла пустѣетъ. Воскресная жизнь переносится въ кабачки и балаганы. Сортомъ кабачка баринъ рознится отъ простого человѣка. Баринъ идетъ прежде всего въ кафе Араньо, занимающее очень опредѣленную позицію: центръ вселенной. „Центръ міра—Римъ, центръ Рима—кафе Араньо“,—говорятъ римляне. Сюда, къ моменту выхода вечернихъ газетъ, стягивается вся римская „политика“: министры, кандидаты въ министры, депутаты, бывшіе депутаты, будущіе депутаты, адвокаты съ практикой, адвокаты безъ практики, лидеры партій и ихъ штабъ, редакторы, фельетонисты, хроникеры и пр. Всѣ постоянные посѣтители между собой знакомы, имѣютъ свои постоянныя залы, свои столики и свои разговоры. Это—мѣсто свиданій, дѣловыхъ бесѣдъ, обмѣна новостями дня, завязыванія нужныхъ знакомствъ и выгодныхъ дружескихъ отношеній. Сюда изъ палаты посылаются курьеры, если для голосованія не хватаетъ законнаго числа депутатовъ, и сюда же вновь немедленно уда-

ляются проголосовавшіе; здѣсь интервьюеры набрасываютъ черновики для завтрашняго номера; здѣсь, однимъ словомъ, рѣшаются судьбы отечества.

Художники, иностранцы, беллетристы, музыканты имѣютъ свое особое кафе. Охотнѣе всего посѣщается „Antico Café Greco“, гдѣ нѣкогда сидѣли Вагнеръ, Францъ Листъ, нашъ Гоголь и много великихъ, чьи медальоны украшаютъ стѣны этого довольно плохонькаго ресторана. Здѣсь же учредили свой обычный наблюдательный постъ сыскные агенты польскаго и русскаго происхожденія, поле дѣятельности которыхъ въ Римѣ вообще весьма ограничено, за отсутствіемъ демократической колоніи. Среди посѣтителей преобладаютъ нѣмцы, шведы, норвежцы и поляки; итальянцевъ, сравнительно, мало.

Сѣрая публика разбредается по кабачкамъ попроще. Въ странѣ винограда и винодѣлія — кабачки на каждомъ шагу, и каждый изъ нихъ имѣетъ свой постоянный контингентъ посѣтителей. Это—также маленькіе центры міра; въ нихъ также собирается цвѣтъ квартала и обсуждаются вопросы дня. Многіе изъ нихъ оказываются резиденціей одного изъ безчисленныхъ народныхъ кружковъ, и въ такихъ случаяхъ за прилавкомъ стоитъ древко отъ знамени кружка, картонъ съ девизомъ, а на шкапу навалены грудой бумажные фонари. Въ дни юбилейные кружокъ, при свѣтѣ этихъ фонарей, засѣдаетъ въ полномъ составѣ и пьетъ торжественно; въ дни будничные засѣдаютъ и пьютъ только наиболѣе дѣятельные члены. Цѣли кружковъ неясны, писанныхъ уставовъ не имѣется, дѣятельность проявляется въ дружескихъ бесѣдахъ и игрѣ въ карты и домино, названія же всегда очень эффектны и неожиданны: „Лгуны затибрской стороны“, „Голубая кисть“, „Основатели весны“, „Молодчики съ моста“, „Счастье“, „Лунное свѣтило“, „Лучше всѣхъ“, „Идеальное царство“, „Пробужденіе молодости“, „Любопытные съ Прати“, „Владѣльцы лачужки“ и т. п. Есть названія еще болѣе изысканныя: „Профессора радикальной химіи“, „Молодые маркизы мира“, „Три сосны и одни клещи“. Наконецъ, цѣлый рядъ маленькихъ обществъ открываетъ свои задачи самымъ своимъ наименованіемъ: „Обжорная звѣзда“, „Дай намъ другой литръ“, „Противъ алкоголизма“ (ироническое названіе) и пр. Нѣкоторые изъ этихъ кружковъ присоединяютъ къ своимъ задачамъ спортъ всякаго рода и въ дни народныхъ традиціонныхъ праздниковъ участвуютъ въ состязаніяхъ за воротами города. Иные имѣютъ даже форму, по крайней мѣрѣ особыя шапочки, и подъ вечеръ маршируютъ по городу подъ звуки собственнаго маленькаго оркестра мандолинистовъ и гитаристовъ, съ собственнымъ знаменемъ, въ составѣ пятнадцати—двадцати членовъ, но съ сознаніемъ важности своей задачи.

Кабацкіе кружки — достояніе не однихъ демократическихъ квар-

таловъ. Я знаю, напримѣръ, кружокъ „Эллинистовъ“, засѣдающій въ особой комнатѣ дорогого ресторана; цѣли этого кружка совершенно сходны съ цѣлями „Обжорной звѣзды“, но членами его состоятъ пара депутатовъ, министръ, нѣсколько артистовъ, драматурговъ, журналистовъ и художниковъ. Нѣсколько времени тому назадъ распался любопытный „Кружокъ толстовцевъ“, въ составъ котораго входили видные литераторы и общественные дѣятели, самаго разнообразнаго политическаго направленія, а цѣлью котораго была выпивка. Члены кружка получали „по выслугѣ лѣтъ“ степени Peter, Vera Paulovna, il Pope, il gran Dimitrich, il gran Mugik, il vecchissimo lavoratore; лакей ресторана, гдѣ бы ни происходило засѣданіе, неизмѣнно звался Nikita. Идеальной резиденціей кружка считалась Москва, обычной же резиденціей была „изба“ (isba), при чемъ этимъ именемъ звалось всякое мѣстонахожденіе не менѣе трехъ дѣйствительныхъ членовъ, при условіи соблюденія установленныхъ шутовскихъ обрядовъ.

Роль постояннаго развлеченія играетъ, конечно, кинематографъ. Какое огромное просвѣтительное значеніе могъ бы онъ имѣть, не находись онъ въ рукахъ простыхъ барышниковъ, которымъ до просвѣщенія нѣтъ никакого дѣла. Странно, что въ странѣ кооперацій и общественныхъ предпріятій до сихъ поръ никто не додумался взять въ свои руки движущуюся ленту и использовать ее въ цѣляхъ образовательныхъ или цѣляхъ пропаганды. Единственный серьезный проектъ исходилъ отъ католическаго духовенства, которое хотѣло использовать кинематографъ для преподаванія священной исторіи; но и этотъ проектъ остался неосуществленнымъ. Между тѣмъ кинематографъ въ короткое время сдѣлался потребностью демократическихъ слоевъ населенія, чему способствуетъ очень низкая входная плата: отъ 3-хъ до 8-ми копеекъ за часъ наслажденья, за четыре—шесть великолѣпныхъ пьесъ, и смѣшныхъ, и глупыхъ, и трогательныхъ. Но, Боже мой, сколько морали, скучнѣйшей морали, сколько кающихся изверговъ, исправляющихся негодяевъ, благородныхъ сердецъ и самопожертвованій! И нужно сказать правду—итальянцамъ не очень нравятся эти морализующія пьесы; случается, что какая-нибудь чувствительная матрона прослезится при послѣднемъ актѣ мелодрамы, но тѣмъ громче она хохочетъ, когда наступаетъ scena comica finale, гдѣ неизмѣнный дурачокъ Beoncelli падаетъ съ крыши прямо на лотокъ зеленщицы и получаетъ отъ нея десятокъ подзатыльниковъ.

Для изученія психологіи итальянской толпы кинематографъ—незамѣнимое мѣсто. Вотъ, напримѣръ, сцена изъ французской революціи. На домъ благородной дворянской семьи нападаетъ шайка бунтующихъ крестьянъ и вдребезги разноситъ всю обстановку. Публика неистово апплодируетъ. Семья благородныхъ дворянъ спасается бѣгствомъ, а

вѣрному ихъ слугѣ удается спасти шкатулку съ драгоцѣнностями. Публика свиститъ. Въ другой сценѣ, изъ быта парижскихъ апашей, ихъ дресированный песъ нагоняетъ панику на городовыхъ, которые вмѣстѣ съ делегатомъ спасаются на крышу, а въ это время двое апашей грабятъ полицейскій участокъ. Радость публики непередаваема! Любопытно также отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. На одной недѣлѣ мнѣ случилось присутствовать при двухъ длинныхъ пьесахъ въ одномъ и томъ же театрѣ. Сначала жизнь Христа—очень мишурная лента, съ неуклюжей звѣздой, ведущей волхвовъ, съ раскрашенными ангелами, съ желтыми кругами надъ головами дѣйствующихъ лицъ. Публика смотрѣла съ почтительнымъ уваженіемъ, но безъ особаго удовольствія. Другая пьеса изображала модернизированнаго Фауста наизнанку: въ концѣ дѣйствія Фаустъ съ Маргаритой отправились на автомобилѣ въ рай; у дверей рая ихъ встрѣтилъ каррикатурный апостолъ Петръ и проводилъ до подъемной машины на небо, а въ самомъ раю на встрѣчу имъ сбѣжалъ съ лѣстницы добродушнѣйшій старенькій Саваоѳъ, съ трубкой въ зубахъ, и дѣйствіе закончилось канканомъ архангеловъ. Въ трехъ шагахъ отъ Ватикана, въ демократическомъ кварталѣ—тема довольно опасная! Апплодисментовъ нѣтъ, но мужчины смотрятъ торжествующе, а женщины смущенно хихикаютъ въ платокъ. Пьеса очень понравилась, но публика еще не привыкла къ такимъ смѣлымъ выходкамъ кинематографической ленты; какъ бы не согрѣшить слишкомъ явнымъ одобреніемъ...

Къ десяти часамъ рабочая публика расходится по домамъ. Въ десять часовъ во всемъ городѣ запираются ворота, тушится на лѣстницахъ электричество и газъ, и попасть домой можетъ только тотъ, кто имѣетъ ключъ отъ главнаго входа. Въ десять часовъ во всѣхъ казармахъ играетъ послѣдній рожокъ, и рабочее населеніе укладывается спать. На улицѣ остаются только загулявшіе мужья и неблагоразумная молодежь. Улица остается шумной, но не общимъ гуломъ, а отдѣльными голосами и пьянымъ пѣньемъ. Прислушайтесь внимательно—и до уха вашего непремѣнно донесется странный, равномѣрный лай человѣческихъ голосовъ: вау, вау, вау... Что-то подобное солдатскому „здравія желаемъ“. Это играютъ въ „морру“. При свѣтѣ фонаря, вблизи кабачка, по возможности—въ пустынномъ переулкѣ, рѣжутся въ морру четыре субъекта; двое играютъ—двое наблюдаютъ за правильностью игры; затѣмъ роли мѣняются. Игра заключается въ одновременномъ выбрасываньѣ пальцевъ и выкрикиваньѣ чиселъ, по принципу карточной игры „макао“ или „желѣзки“, хорошо знакомыхъ русскимъ „дворянскимъ собраніямъ“ и „литературнымъ кружкамъ“. Начинаютъ тихо; затѣмъ страсти разгораются, го-

лоса возвышаются, и громкій лай оглашаетъ кварталы до глубокой ночи. Выигравшій нѣсколько сольди угощаетъ всѣхъ въ ближнемъ кабачкѣ, послѣ чего игра вновь возобновляется на улицѣ, такъ какъ внутри помѣщенія она запрещена. Сильно проигравшійся хватается за ножъ; ударъ ножемъ ждетъ и шулера. Чуть не половина итальянскихъ кровавыхъ драмъ такъ или иначе связываются съ моррой, самой азартной игрой на свѣтѣ, не требующей къ тому же ни картъ, ни особой обстановки, ни помѣщенія: только пальцы и голосъ.

Морра—преобладающая ночная серенада; но и въ другихъ пѣвцахъ нѣтъ недостатка. Сколько запоздалыхъ прохожихъ, столько и пѣвцовъ. Есть нѣсколько любимыхъ римскихъ мотивовъ, далеко не музыкальныхъ, которые ежеминутно тревожатъ ночной покой. Искусство исполненія ихъ заключается въ томъ, чтобы орать какъ можно громче и фальшивить какъ можно больше во славу итальянской музыкальности. Слова же ихъ, поющіяся на мѣстномъ діалектѣ „романеско“, довольно однообразны: bella ragazza пронзила сердце giovanotto, который изнываетъ отъ тоски; чиновникъ, получающій сто лиръ въ мѣсяцъ, женился на бабищѣ въ атласномъ платьѣ, которая еще въ родной деревнѣ поставила ему рога, и т. д. Но чаще всего слова импровизируются на одинъ и тотъ же безконечно однообразный и невѣроятно скучный мотивъ. Происходятъ при этомъ и любопытныя состязанья двухъ, случайно встрѣтившихся подвыпившихъ пѣвцовъ; они становятся другъ передъ другомъ по серединѣ дороги и, съ серьезнѣйшими лицами, по очереди вытягиваютъ пронзительнымъ голосомъ самые изумительные куплеты. Населеніе привыкло къ ночнымъ звукамъ; полиція также не считаетъ это нарушеніемъ тишины и спокойствія. Традиціи приказываютъ Италіи покровительствовать музыкальнымъ упражненіямъ населенія. Въ Генуѣ мнѣ приходилось слыхать серенады еще интереснѣе: тамъ ихъ пѣла по ночамъ толпа молодцовъ, человѣкъ въ десять, при чемъ предварительно бросалась на мостовую петарда, разрывавшаяся съ оглушительнымъ грохотомъ. И ни одно окно не открывалось, никто не проявлялъ любопытства,—настолько населеніе привыкло къ ночнымъ забавамъ.

Минуло воскресенье, начался трудовой день. Въ шесть часовъ утра поднимаются хозяйки и главы семействъ, гремятъ первые трамваи, кричатъ первые разносчики. Прежде всего оживаютъ, конечно, кварталы демократическіе.

Вотъ огромный доходный домъ въ новой части города, заселенный семьями мелкихъ чиновниковъ, маленькихъ рентьеровъ, торговцевъ средняго достатка, содержательницъ меблированныхъ комнатъ для студентовъ и художниковъ. Утро. Мужское населеніе уже ушло добывать средства для прокормленія женскаго. Въ итальянской, еще очень

патріархальной семьѣ обязанности мужчинъ и женщинъ строго разграничены и смѣшенію не подлежатъ. Женщина—прежде всего хозяйка; ея утро занято уборкой комнатъ и стряпней. Съ 12-ти до 2-хъ часовъ весь городъ жуетъ, глотаетъ и переваривaетъ; къ этому перерыву въ рабочемъ времени часть мужчинъ возвращается домой, и потому уборка и стряпня должны оканчиваться къ полудню. Мужчинѣ не подобаетъ видѣть неубранныя постели, нестертую пыль и обрѣзки пищевыхъ продуктовъ; его гнѣздо должно быть чистымъ и опрятнымъ, насколько, конечно, это возможно по итальянскому характеру. И вотъ, съ ранняго утра слышится перекликаніе хозяекъ, развѣшивающихъ за окнами одѣяла, коврики, юбки, бѣлье, тряпки. У каждаго окна сдѣлано приспособленіе для этой цѣли, а у болѣе старательныхъ хозяекъ веревки и проволоки приводятся въ движеніе цѣлой системой блоковъ, металлическихъ колецъ и длинныхъ тростниковыхъ палокъ. Солнце работаетъ во всю: слѣпитъ глаза, сушитъ бѣлье, убиваетъ микробовъ и заглядываетъ въ комнаты. Во всю работаютъ и языки хозяекъ: громко обсуждаются цѣны квартиръ, вздорожаніе припасовъ, достоинства мужей и жильцовъ; нѣсколько тише перемываются косточки отдаленнымъ сосѣдкамъ. Но таковы свойства итальянской рѣчи, въ особенности римскаго діалекта, что даже шепотъ итальянки звучитъ ясно, раздѣльно и отчетливо. Маленькая дѣвочка лѣтъ десяти тоже кокетничаетъ своей хозяйственностью: все утро она суетится у окна, передергиваетъ и перевѣшиваетъ на протянутой веревкѣ платочки, косыночки, чулочки, перчатки... И ей грозитъ та же судьба быть заѣденной хозяйственной pulizia, и въ угоду ей пожертвовать интеллектомъ. А вотъ въ окнѣ виденъ юноша per bene, снимающій у какой-то матроны компату съ мебелью и бѣльемъ. Онъ, очевидно, не служитъ, такъ какъ встаетъ сравнительно поздно, часовъ въ девять. Стоя въ брюкахъ и выпущенной изъ нихъ сорочкѣ, онъ поливаетъ и мажетъ голову какой-то дрянью, расчесываетъ яркій бѣлый проборъ, брѣется, пощипываетъ усы, долго разсматриваетъ носъ, ротъ, глаза, за ушами, на шеѣ. Затѣмъ медленно и внимательно одѣвается, снимая пылинки и наводя щеткой лоскъ на платье. Затѣмъ—процессъ надѣванья жилета и завязыванья галстуха. Далѣе—процедура облаченія въ сюртучокъ. Наконецъ—священнодѣйствіе съ пальто и шляпой. Всѣ складки разглажены, всѣ пылинки сняты, осмотрѣны въ ручное зеркало спина и затылокъ, тросточка въ рукахъ. И онъ уходитъ, уступая мѣсто квартирной хозяйкѣ, которая уже тащитъ въ окно покровы и подушки и заворачиваетъ колесомъ тюфякъ на его огромной кровати. Кто этотъ юноша? Я думаю—студентъ. Жизнь итальянскаго студента разбивается на два періода. Въ началѣ года онъ fa l'amore, въ концѣ года fa l'esame. Такъ какъ до экзаменовъ

еще далеко, то онъ, очевидно, идетъ дѣлать мистическіе глазки какой-нибудь полненькой и грубоватой ragazz'ѣ въ короткой гофрированной юбочкѣ и на высокихъ каблукахъ, почему и облекается въ свой лучшій желтоватый сюртучокъ съ такимъ усердіемъ.

Полдень. Трамваи развозятъ по домамъ тѣхъ счастливыхъ мужей, которые имѣютъ возможность не обѣдать въ ресторанахъ. Сквозь жалюзи закрытыхъ отъ солнца оконъ пробиваются ароматическіе струйки жаренаго лука, пригорѣлаго оливковаго масла, роскошнаго минестроне,—полная симфонія итальянской кухни. Жизнь на улицахъ замираетъ, часть магазиновъ закрывается. Дома уже накрытъ столъ, разставлены полулитры вина, отцѣжены макароны, готова къ нимъ чрезвычайно сложная подливка съ помидорами. Итальянская обыденщина знаетъ два таинства: таинство вкушенія пищи и таинство сна. Обѣденный столъ, равно какъ и кровать—предметы культа. По качеству постельнаго бѣлья, по цѣнности широкой пуховой подушки въ ногахъ и по вкусу подливки къ тѣсту всевозможныхъ родовъ—опредѣляется и достоинство человѣка.

Итальянецъ вкушаетъ. Пасташюта, сладкія почки, минестроне, вареное мясо, салатъ, жареная рыба, фрукты сезона, кусочекъ сыру. Все это запивается полулитромъ экономическаго вина, пріобрѣтаемаго маленькими боченками. Заобѣденный разговоръ ведется на тему о цѣнѣ и качествѣ съѣстныхъ припасовъ. Если хозяинъ римлянинъ, а жена его сѣверянка, то завязывается маленькая патріотическая полемика о свойствахъ продуктовъ тамъ-то и тамъ-то; но побѣдителемъ остается, конечно, хозяинъ, авторитетъ котораго не терпитъ долгихъ возраженій. Къ концу обѣда, когда начинаетъ чувствоваться тяжесть макаронъ и сила пикантныхъ приправъ, разговоръ неизмѣнно сводится на преимущества англійской соли передъ касторкой. Если за столомъ присутствуетъ гость, то хозяинъ за дессертомъ разсказываетъ пикантный анекдотъ, по художественной тонкости и легкости не уступающій нѣмецкимъ и нѣсколько напоминающій основательное блюдо недоваренныхъ макаронъ съ помидорнымъ соусомъ. Но вообще гости бываютъ болѣе по вечерамъ, а за обѣдомъ ихъ не полагается.

Часъ на обѣдъ, полчаса на газету—и отдыхъ главы семьи оконченъ. Съ половины второго трамваи уже опять полны; въ два часа оживаетъ магазинная жизнь. Послѣ обѣда итальянецъ еще добродушнѣе: онъ переваривaетъ... Во рту у него половина длинной сигары Верджинія; другая половина спрятана на вечеръ, и ею воздухъ будетъ отравляться послѣ ужина.

Быстро вымыты тарелки, и для итальянской хозяйки наступаетъ пора свободы и скуки. Нужно чѣмъ-нибудь наполнить день до шести часовъ, когда собственно и начинается настоящая общественная жизнь.

Читать газеты — утомительно скучно; книги вообще не въ модѣ у итальянцевъ; объясненіе сна прочтено еще утромъ, между дѣломъ, и записано его значеніе, съ соотвѣтствующими номерами для игры въ банколотто. Все наиболѣе важное уже обсуждено съ сосѣдками и косточки перемыты. Правда, интересно сойтись небольшой компаніей на общей лѣстницѣ, съ шитьемъ въ рукахъ, каждая близъ раскрытой двери своей квартиры—но и это утомительно послѣ сытнаго обѣда. Можно также пойти посмотрѣть въ окна магазиновъ и купить на сбереженія кусокъ матеріи или какую-нибудь хозяйственную вещь. И вотъ итальянка долго одѣвается, нацѣпляетъ на себя всѣ украшенія, какія только имѣются въ ея скромномъ комодѣ, и съ зонтикомъ и ридикюлемъ, лѣтомъ съ вѣеромъ, подъ пристальными взорами сосѣдокъ, отправляется „по дѣламъ“, а кстати заходитъ и на почту, отложить на сберегательную книжку съэкономленныя на хозяйствѣ три лиры.

Вечерній обѣдъ съ тѣми же аттрибутами и разговорами, маленькая прогулка для пищеваренія около воротъ дома—и однимъ днемъ стало меньше. Въ десять часовъ трубитъ рожокъ въ казармахъ и засыпаетъ все, кромѣ обычныхъ ночныхъ звуковъ, для которыхъ нѣтъ различія между праздниками и буднями.

Мирная обывательщина! Присмотришься къ ней—и кажется, что никакое внѣшнее, не задѣвающее шкуры событіе не можетъ нарушить ея трудовой, но безмятежный покой. Что̀ можетъ взволновать, что̀ можетъ встряхнуть это макаронное бытіе? Полтора мѣсяца назадъ было въ Римѣ небольшое землетрясеніе—но и оно не нарушило обывательскаго покоя. И напрасно газеты стараются заинтересовать обывателя новымъ министерскимъ скандаломъ, проектомъ морскихъ соглашеній, пріѣздомъ въ Римъ представителя эмигрантскихъ интересовъ за океаномъ, пріобрѣтеніемъ за полмилліона чудной античной статуи „дѣвочки изъ Анціо“ и т. п. Морскія соглашенія касаются портовыхъ городовъ, эмигрантскій вопросъ задѣваетъ интересы Калабріи, „дѣвочка изъ Анціо“—дѣло художниковъ, а не приказчиковъ изъ демократическаго квартала, какъ бы ни была она прекрасна.

Но итальянская обывательщина полна контрастовъ. Вчера благодушные граждане — сегодня они обратились въ бунтарей. Далекое, казалось бы, событіе, убійство испанскими іезуитами человѣка, имя котораго римскій обыватель узналъ только вчера—перевернуло вверхъ дномъ весь городъ, лучше всякаго землетрясенія. Забастовали трамваи; обыватель насторожилъ уши: что случилось? И нужно было лишь четыре слова: „Попы казнили невиннаго человѣка“,—чтобы онъ понялъ все и превратился въ революціонера. Ожилъ и доходный домъ въ демократическомъ кварталѣ; рабочіе и ремесленники отправились на собраніе, женщины обсуждаютъ событіе дома.

Дѣло Франческо Феррера—не чужое дѣло для римлянъ. У нихъ подъ бокомъ Ватиканъ, хоть и спасающій отъ землетрясенія, хоть и доставляющій доходъ своими пилигримами, но все же олицетворяющій собою мракъ,—а нужду въ свѣтѣ итальянцы отчетливо понимаютъ. У нихъ подъ бокомъ десятки конгрегацій, духовныхъ орденовъ, монастырей, братствъ, семинарій, гдѣ изъ ватиканской тьмы выдѣлываются позлащенныя пилюли для населенія. На фонѣ римскаго неба неизмѣнно чернѣетъ силуэтъ Гарибальди, видный со всѣхъ концовъ города, того Гарибальди, который „боролся противъ поповъ и австрійцевъ". На площади въ населенномъ бѣднотой кварталѣ стоитъ другой, мрачный и выразительный памятникъ—Джордано Бруно, сожженнаго живымъ на этой самой площади тѣми самыми іезуитами, которые теперь, спустя три вѣка, легально убили проповѣдника свѣтской школы и вдохновителя лучшихъ идей молодой Испаніи. Нѣтъ, это не чужое дѣло!

Но не одинъ антиклерикализмъ, годъ отъ году растущій въ римскомъ населеніи, зоветъ его къ протесту. Руководитъ имъ и другой мотивъ, быть-можетъ еще болѣе цѣнный: мотивъ человѣчности. Есть старая итальянская картина, изображающая женщину, которая кормитъ грудью голоднаго, изможденнаго старика; картина называется: „Carita Romana"—Римское Милосердіе. Именно римское милосердіе и говоритъ въ отзывчивомъ итальянцѣ.

— Да кто онъ такой? Итальянецъ что ли?—бесѣдуютъ двѣ римлянки!

— Говорятъ—испанецъ. Да все равно: онъ—сынъ матери, бѣдняжка.

Che importa! È un figlio di madre, poveretto! Въ какомъ языкѣ найдется еще такое выраженіе, наивное, трогательное и великое по человѣчности!? Есть ли что-нибудь, чего нельзя бы простить итальянскому народу за это простое слово простой женщины. È un figlio di madre—и это достаточный резонъ, чтобы имя poveretto Франческо Феррера собрало десятки тысячъ народа, наполовину организованныхъ рабочихъ, наполовину случайныхъ обывателей, на сходку протеста, наводнило толпою улицы, взбудоражило вѣчный городъ, закрыло фабрики и магазины, прекратило движеніе трамваевъ, автомобилей и извозчиковъ и заставило испанское посольство разсчитывать лишь на отряды войска всѣхъ родовъ оружія, которыми заперты всѣ ведущіе къ посольству переулки. Третій день—когда я пишу эти строки—жизнь Рима выбита изъ колеи; и послѣдній день—день всеобщей политической стачки протеста. Если въ авангардѣ идутъ рабочіе, то единодушіе массоваго протеста создано лишь участіемъ обывателя. На улицѣ, въ кабачкѣ, за домашнимъ обѣдомъ—вездѣ прежніе обыч-

ные разговоры смѣнились недвусмысленными пожеланіями по адресу поповъ и предположеніями о томъ, какъ должна теперь страдать бѣдная дочка казненнаго, эта povera creatura! Огромное впечатлѣніе на обывателя произвело, конечно, печатное объявленіе синдака города, расклеенное на всѣхъ перекресткахъ; авторитетнымъ голосомъ онъ призываетъ Римъ къ трауру по мученикѣ инквизиціи—лишнее подтвержденіе обывательскаго характера движенія.

Эти дни даютъ много эффектныхъ картинъ обывательской метаморфозы. Куда дѣвались спокойные граждане, погруженные въ заботы своего маленькаго бытія? Толпа выборщиковъ и муниципальныхъ совѣтниковъ идетъ въ Капитолій требовать, чтобы на историческомъ холмѣ, надъ зданіемъ городской муниципіи, былъ вывѣшенъ траурный флагъ. Синдака нѣтъ въ городѣ; его замѣститель не рѣшается исполнить просьбу гражданъ. Тогда граждане идутъ въ ближайшій магазинъ, покупаютъ кусокъ черной матеріи, лѣзутъ на башню и своими руками водружаютъ самодѣльный флагъ. Это не революціонеры, не соціалисты, даже не партійные люди: это простые обыватели. И та же сила влечетъ ихъ къ испанскому посольству, не смотря на заставы изъ кавалеріи и артиллеріи и на троекратный звукъ рожка, означающій начало „военныхъ дѣйствій“. Итальянской полиціи извѣстно, легко ли было отстоять неприкосновенность дипломатическихъ лицъ и избѣжать дипломатическихъ осложненій. И я не знаю, цѣлы ли въ данную минуту стекла въ зданіи посольства...

Но обывательскіе контрасты идутъ дальше. Отзывчивый, чуткій итальянецъ—въ сущности большой ребенокъ. Его пылъ, его восторгъ, его негодованіе преходящи. Маленькій эпизодъ—и вниманіе отвлечено; маленькое событіе—и онъ изъ грознаго протестанта становится клоуномъ, чтобы черезъ минуту опять потрясать кулаками. Собраніе на Orto Agricola, огромномъ пустырѣ, огороженномъ заборомъ, съ развалиной на одномъ концѣ, служащей каѳедрою ораторамъ. Ораторы потрясаютъ кулаками, кричатъ до хрипоты и горятъ священнымъ огнемъ негодованія, въ искренности котораго нельзя сомнѣваться; прости имъ, Боже—итальянецъ не умѣетъ чувствовать безъ фразы, фраза подкрѣпляетъ чувство. И вся публика возбуждена, кричитъ, рычитъ, проклинаетъ, грозитъ. Но вотъ на фонѣ яснаго неба рѣдкое зрѣлище: дирижабль военнаго вѣдомства, аллюминіевый любимецъ римской публики. И тотчасъ вся толпа обращается въ восторженнаго ребенка,—машетъ платками, кричитъ привѣтствія, кое-кто свиститъ, всѣ отвернулись отъ трибуны, гдѣ ораторъ только-что началъ рѣчь. Дирижабль отдалился—и прерванный имъ ораторъ, извѣстный антиклерикалъ Гвидо Подрекка, спѣшитъ использовать настроеніе:

— Вотъ на ясномъ небѣ надъ нами показатель побѣды человѣческаго генія. Онъ составляетъ еще предметъ страха, такъ какъ можетъ служить орудіемъ смерти. Еслибы въ мірѣ не вѣялъ еще духъ имперіализма, военщины и католичества, еслибы идеи Франческо Феррера получили господство надъ большинствомъ человѣчества,—эти чудесныя воздушныя машины были бы не орудіями смерти, но проводниками радости и братства!

И публика опять въ восторгѣ, и опять горитъ негодованіемъ, и опять готова идти приступомъ на Ватиканъ.

Густая толпа валитъ изъ Трастевере въ городъ. Настроеніе дружное и боевое: держись, испанское посольство! Берегитесь, попы! Трепещи, папа! Ибо теперь идетъ не одинъ пролетаріатъ—идетъ обыватель! А навстрѣчу обывателю движется отрядъ карабинеровъ. И вотъ, духъ воинственный смѣняется духомъ мальчишества. Итальянецъ не боится полиціи и не уважаетъ ее, но бороться съ ней онъ не любитъ; онъ предпочитаетъ дурачиться, дразнить ее, пробираться сквозь наряды хитростью, появляясь неожиданно на только что очищенномъ отъ толпы мѣстѣ и снова удирая при первой возможности. Достоинства у итальянской толпы нѣтъ: она копируетъ авангардъ изъ подростковъ, которые всегда ей предшествуютъ. И такимъ образомъ народный протестъ немедленно обращается въ комедію и забаву мальчишекъ, которые начинаютъ свистать, какъ только оказываются на почтительномъ разстояніи отъ тѣхъ, съ кѣмъ не рѣшаются вступать въ рукопашную. А корреспонденты, конечно, бѣгаютъ, тщательно протоколируютъ „событія“ дня; иные записываютъ номера городовыхъ, черезчуръ усердно раздающихъ подзатыльники демонстрантамъ. И всѣ довольны.

— Видите, какъ у насъ полиція дѣйствуетъ?—обращается ко мнѣ корреспондентъ-итальянецъ.—Не хуже, чѣмъ у васъ въ Россіи!

И въ голосѣ его слышится нѣкоторая доля торжества.

— Ваши русскія картинки! — подходитъ другой.—Не правда ли?

И я вижу по лицу, что ему очень хочется слышать подтвержденіе, чтобы раздуть мальчишество въ революцію.

— А стачка сегодня удалась полная! Что, могутъ у васъ такъ забастовать?—спрашиваетъ третій съ несказанной гордостью.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ намъ!—успокаиваю я его. И онъ сіяетъ.

Милые, наивные фанфароны! И все-таки много непосредственности и глубокаго чувства, внѣшне раскрашеннаго фразами и выходками, вкладываютъ они въ свой протестъ. Ихъ отзывчивость безпредѣльна, хотя стихійна и непостоянна. Сегодня они бушуютъ во имя Феррера, завтра будутъ апплодировать національному дирижаблю,

послѣ-завтра освищутъ министра-президента, а затѣмъ будутъ сгибать спину подъ тяготами своего маленькаго бытія, безмятежно напѣвая:

Шире дорогу! Мы—римляне!
Мы—лучшіе цвѣты итальянскихъ садовъ!

Сейчасъ въ центрѣ города, на piazza Colonna, говорятся рѣчи, происходятъ стычки. Префектъ полиціи, съ національной лентой черезъ плечо, бросается на толпу въ сопровожденіи городовыхъ, карабинеровъ и штатскихъ агентовъ; выхватываютъ изъ толпы отдѣльныхъ лицъ, награждаютъ ихъ тумаками, тащатъ въ ближайшій участокъ, записываютъ имена и выпускаютъ героями и мучениками. Но рожокъ въ казармахъ уже оповѣстилъ десять часовъ; привычка возьметъ свое, и послѣ трехъ шумныхъ дней обыватели разойдутся на покой. Завтра загремятъ конки, потянется въ мастерскія рабочій людъ, будутъ отдыхать карабинеры и солдаты, легче вздохнетъ Донъ-Жуанъ Перецъ Кабаллеро—испанскій посолъ...

Но для заключительнаго аккорда нужна еще одна красивая фраза—и ее скажетъ муниципальный совѣтъ, вдохновитель сегодняшняго обывательскаго движенія. По его иниціативѣ улица Игнатія Лойолы переименовывается въ улицу Франческо Феррера. И нигдѣ, какъ въ Римѣ, чуткомъ и отзывчивомъ вѣчномъ городѣ, воздвигнется первый памятникъ жертвѣ испанской инквизиціи, мученику идеи, предсмертныя слова котораго такъ созвучны съ насущной нуждой современной Италіи:

— Да здравствуетъ Новая Школа!

Мих. Осоргинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ

Государственный бюджетъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ со времени испано-американской войны росъ чрезвычайно быстро, главнымъ образомъ благодаря увеличенію военныхъ и морскихъ издержекъ, постройкѣ Панамскаго канала и постоянному повышенію жалованья почти всѣхъ федеральныхъ чиновъ, начиная съ президента и кончая послѣдними писцами и почтальонами. За время президентства Рузевельта составъ постоянной арміи увеличился вчетверо, а флотъ по тоннажу, вмѣсто восьмого, занялъ второе мѣсто въ средѣ военныхъ флотовъ всѣхъ странъ міра. Въ основѣ государственныхъ доходовъ

Союза всегда лежали таможенные сборы, доставлявшіе не меньше половины, а обыкновенно около трехъ пятыхъ всего дохода. Два послѣдніе бюджетные года были сведены съ постепенно возраставшими дефицитами, пополнявшимися изъ громадной наличности государственнаго казначейства, въ настоящій моментъ превышающей шесть сотъ милліоновъ долларовъ золотомъ, за вычетомъ всѣхъ обслуживаемыхъ ею требованій и обезпеченій. Не смотря на дефициты, простирающіеся, въ среднемъ, до десяти милліоновъ долларовъ въ мѣсяцъ, президентская кампанія прошлаго года принесла съ собой общенародное требованіе пониженія таможенныхъ тарифовъ и, слѣдовательно, уменьшенія основы бюджетныхъ доходовъ. Президентъ Тафтъ созвалъ спеціальную сессію новаго, выбраннаго въ прошломъ ноябрѣ конгресса, и палатой представителей принятъ новый таможенный билль Пэйна, понизившій многія пошлины и совершенно ихъ отмѣнившій по нѣкоторымъ важнымъ предметамъ ввоза, какъ напр. шерсть, кожа, тесъ, лѣсъ, каменный уголь и т. д. Предвидя неизбѣжное паденіе доходовъ, билль этотъ предлагаетъ для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ нѣкоторые новые налоги, между прочимъ — налогъ на наслѣдства. Въ сенатѣ, куда билль Пэйна перешелъ по принятіи его палатой, финансовая коммиссія ввела въ него существенныя поправки. Ея предсѣдатель, маститый Альдричъ, внося проектъ коммиссіи въ общее собраніе сената, доложилъ, что въ этой усовершенствованной формѣ билль Пэйна несомнѣнно удовлетворитъ вполнѣ всѣ требованія доходной стороны бюджета; если же, паче чаянія, этого не будетъ, то слѣдуетъ обратиться къ сокращенію расходовъ, а никакъ не къ введенію новыхъ отяготительныхъ налоговъ. Финансовая коммиссія сената и Альдричъ пользуются большимъ довѣріемъ и вліяніемъ и въ конгрессѣ, и во всей странѣ; тѣмъ не менѣе могутъ пройти мѣсяцы, прежде чѣмъ билль Пэйна сдѣлается закономъ, и налогъ на наслѣдства все-таки, можетъ быть, будетъ принятъ. Что бы, однако, ни случилось, уже одинъ тотъ фактъ, что такой налогъ былъ оффиціально предложенъ, имѣетъ огромное значеніе. Федеральное финансовое законодательство до сихъ поръ было чрезвычайно консервативно: идея о возможности государственнаго налога на наслѣдства, да еще прогрессивнаго, громко говоритъ о прогрессѣ даже въ такомъ незыблемомъ учрежденіи, какъ сѣверо-американскій конгрессъ. Эволюція дѣлаетъ свое дѣло, медленно, но неудержимо, и безъ насильственныхъ скачковъ.

Въ отдѣльныхъ штатахъ Америки налогъ на наслѣдства давно не новость: онъ функціонируетъ съ успѣхомъ въ тридцати шести штатахъ и двухъ территоріяхъ, принося, напримѣръ, штату Нью-Іоркъ свыше пяти милліоновъ долларовъ въ годъ. Налогъ этотъ принялъ въ разныхъ штатахъ самыя разнообразныя, существенно различествую-

щія между собой формы. Разница заключается главнымъ образомъ въ дѣленіи наслѣдствъ на прямыя и боковыя, въ опредѣленіи размѣра наслѣдствъ, освобождаемыхъ отъ налога, въ процентахъ обложенія и въ его прогрессивности. Прямыми наслѣдствами считаются достающіяся прямому нисходящему потомству—дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ, а также законно усыновленнымъ и удочереннымъ, если при этомъ не было намѣренія избѣжать платежа налога. Сюда же причисляются наслѣдства отъ дѣтей къ родителямъ и отъ родныхъ братьевъ и сестеръ. Всѣ другія наслѣдства, какъ отъ родственниковъ въ дальнѣйшихъ колѣнахъ родства, такъ и отъ постороннихъ лицъ, считаются боковыми (collateral). Это опредѣленіе, съ самой незначительной разницей въ немногихъ деталяхъ, одинаково во всѣхъ штатныхъ законахъ. Въ четырехъ штатахъ облагаются налогомъ всѣ наслѣдства, независимо отъ ихъ размѣра; во всѣхъ остальныхъ установлены minimum'ы, отъ 100 до 25.000 долларовъ. Процентъ обложенія варьируетъ отъ полупроцента до пятнадцати, прогрессивность—отъ одного до трехъ процентовъ или отъ полутора до пятнадцати.

Билль Пэйна дѣлитъ наслѣдства на прямыя и боковыя и установляетъ minimum размѣра подлежащаго обложенію въ 10 тысячъ долларовъ для первыхъ и въ 500 долларовъ для вторыхъ. Для первыхъ онъ вводитъ прогрессивный налогъ въ 1% при размѣрѣ наслѣдствъ отъ 10 до 100 тысячъ, въ 2%—отъ 100 до 500 тысячъ, и въ 3%—свыше 500 тысячъ. Для боковыхъ наслѣдствъ, безъ различія размѣровъ—прямой налогъ въ 5%.

Такъ какъ билль Пэйна обнимаетъ всю страну, то принятіе его предложенія о налогѣ на наслѣдства вызоветъ двойное ихъ обложеніе въ тридцати шести штатахъ и двухъ территоріяхъ, при чемъ въ трехъ изъ нихъ нѣкоторыя наслѣдства будутъ обложены налогомъ въ 20%, т.-е. въ одну пятую всей ихъ стоимости.

Чтобы показать наглядно финансовое значеніе этихъ налоговъ для страны, достаточно сказать, что наслѣдникамъ Рокфеллера по его смерти придется заплатить 24 милл. долл., наслѣдникамъ Карнеги—16 м. д., Вильяма Рокфеллера—8 м. д., Моргана—6 м. д., Гетти Гринъ—4 м. д., Астора—3 м. д., и т. д. Изъ этихъ суммъ одна четверть пойдетъ въ пользу штата Нью-Іорка, три четверти—въ пользу федеральнаго казначейства.

Аргументація pro и contra налоговъ на наслѣдства чрезвычайно разнообразна и за послѣднее время серьезно занимала наше общественное мнѣніе. Ея сущность pro заключается въ слѣдующихъ доводахъ: 1) это — налогъ, соотвѣтствующій матеріальнымъ средствамъ плательщика; 2) его трудно обойти, такъ какъ собирается онъ по даннымъ судовъ, вѣдающихъ наслѣдственныя дѣла; 3) онъ обни-

маетъ денежную наличность и бумажныя цѣнности всевозможныхъ родовъ, обыкновенно ускользающія отъ какого бы то ни было обложенія во время жизни владѣльцевъ; 4) онъ необременителенъ для плательщика, потому что взыскивается послѣ его смерти, и 5) стремленіе избѣжать уплаты вызоветъ распредѣленіе крупныхъ богатствъ еще при жизни ихъ владѣльцевъ, что̀ на практикѣ всегда даетъ болѣе широкое и разумное ихъ распредѣленіе, чѣмъ указываемое закономъ. Доводы contra сводятся къ слѣдующему: 1) формы, принятыя въ большей части уже функціонирующихъ законовъ, какъ и билля Пэйна, дѣлаютъ изъ налога на наслѣдства законодательство классовое и неравномѣрное; 2) это будетъ одновременное двойное обложеніе одного и того же имущества; 3) налогъ отзовется особенно тяжело на семьяхъ, въ которыхъ или вслѣдствіе случайностей, или вслѣдствіе наслѣдственной недолговѣчности членовъ, сроки перехода учащаются сравнительно съ нормальными; 4) это налогъ главнымъ образомъ на вдовъ и сиротъ.

Я обойду аргументацію pro и contra принципа прогрессивности въ обложеніи налогами вообще, будь это налогъ на наслѣдства, подоходный или какой-либо другой, такъ какъ верховный судъ Союза уже призналъ его безусловно противоконституціоннымъ. Конституція Союза гарантируетъ каждому гражданину равенство передъ закономъ и упоминаетъ спеціально о равенствѣ въ обложеніи налогами. Хотя, какъ изложено выше, тринадцать штатовъ и ввели уже прогрессивный налогъ на наслѣдства, наши юристы думаютъ, что все это законодательство было бы признано незаконнымъ, еслибъ взысканіе налога было оспорено плательщиками и доведено до верховнаго суда Союза. Много сторонниковъ имѣетъ, однако, и предположеніе, что, въ виду общей эволюціи идей, въ томъ числѣ и юридическихъ, верховный судъ теперь, вѣроятно, измѣнилъ бы свой взглядъ на конституціонность идеи прогрессивности налоговъ вообще. Его вышеупомянутое рѣшеніе поставлено двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, большинствомъ только одного голоса—пяти противъ четырехъ. Съ тѣхъ поръ личный составъ суда существенно измѣнился.

Время отъ времени неугомонная спекулятивная натура американскаго народа производитъ острыя осложненія въ нашей жизни. Надежда на легкую и быструю наживу вызываетъ громадные риски, ставящіе иногда на карту десятки и сотни милліоновъ частныхъ состояній и приносящіе острыя, ничѣмъ необъяснимыя и неоправдываемыя колебанія въ прочно установившихся цѣнностяхъ. Въ Америкѣ ничто не обезпечено отъ разнообразнѣйшихъ набѣговъ спекуляціи: ни многіе милліарды бумажныхъ цѣнностей громаднѣйшихъ промышленныхъ предпріятій, ни главные продукты земледѣлія и промышленности —

хлѣбъ, хлопокъ, мясо, лѣсъ, металлы, каменный уголь и т. д. Только весьма немногіе посвященные, спеціалисты по разнымъ отраслямъ, чутко слѣдящіе за международнымъ и внутреннимъ рынками, способны своевременно отдѣлять результаты спроса и предложенія отъ воздѣйствій спекуляціи — да и они часто бываютъ поставлены въ тупикъ разными неожиданностями; народныя же массы обыкновенно оказываются пассивными жертвами, и вовлекаются своими собственными спекулятивными наклонностями въ огромные убытки. Созданное спекуляціей слово corner (буквально: уголъ, тупикъ) имѣетъ какую-то магическую притягательную силу. Не проходитъ мѣсяца, чтобы спекуляція не пыталась устроить его тамъ или здѣсь, съ тѣмъ или другимъ продуктомъ, съ той или другой отраслью земледѣлія, промышленности и торговли. Corner означаетъ контроль на биржѣ надъ извѣстнымъ предметомъ, фактическую возможность опредѣлять его цѣну въ данный моментъ. Corner in wheat—значитъ контроль надъ цѣнами на пшеницу, надъ тѣмъ ея количествомъ, которое можетъ быть доставлено на рынокъ въ теченіе мѣсяца, недѣли или дня. Извѣстная фирма—обыкновенно комбинація фирмъ, цѣлая клика или крыло въ извѣстной спеціальности—обязывается доставить или принять извѣстное количество извѣстнаго продукта по извѣстной цѣнѣ въ извѣстный день, опредѣленный впередъ, иногда за три, за шесть, за девять мѣсяцевъ, даже за годъ до срока. Сдѣлки совершаются конечно секретно, посредствомъ маклеровъ; биржа не знаетъ, кто именно и въ какихъ количествахъ заключаетъ ихъ. Такія сдѣлки имѣютъ объектомъ огромныя цифры, въ десятки и сотни разъ превышающія дѣйствительную наличность продукта, и не имѣютъ къ ней ни малѣйшаго отношенія: это не что иное, какъ бумажныя фантазіи, подкрѣпленныя однако задатками и желѣзнымъ правиломъ, въ силу котораго неспособность выполнить ихъ ведетъ за собой не только банкротство, но и остракизмъ съ биржи навсегда. Съ приближеніемъ срока появляются слухи, что наличность находится въ твердыхъ рукахъ и что спекуляція будетъ соотвѣтственно прижата — т.-е., что искусно манипулированный corner приближается къ осуществленію. Спекуляція, всегда и вездѣ трусливая, бываетъ обыкновенно вынуждена къ расплатѣ, сообразно тому, насколько рынокъ въ данный моментъ находится въ рукахъ руководителей corner'а. Очень часто случается, что и они ошибаются въ своихъ разсчетахъ: параллельно съ ихъ тайной игрой на повышеніе шла тайная игра противъ нихъ; на рынкѣ появляются невѣдомые имъ запасы, и въ убыткѣ оказываются они сами. Не разъ устраивались такіе corner'ы даже на наличныя деньги, на золото въ обращеніи. Знаменитая „Черная Пятница“ 1873-го года, потрясшая весь Союзъ и разорившая массу народа, была именно такимъ успѣш-

нымъ corner'омъ на курсъ золота, устроеннымъ Гульдомъ и Фискомъ. Года три тому назадъ былъ устроенъ нѣкоимъ Сюлли, дотолѣ мелкимъ маклеромъ, извѣстный corner на хлопокъ, поднявшій его цѣну на 50% и потрясшій хлопчато-бумажную промышленность во всемъ свѣтѣ, хотя онъ былъ основанъ на мошеннической подтасовкѣ оффиціальныхъ свѣдѣній американскаго министерства земледѣлія о состояніи урожая хлопка. Немало было попытокъ устроить corner и на пшеницу, но до сихъ поръ онѣ были неизмѣнно неуспѣшны; оказывалось, что производство пшеницы такъ широко распространено по всему земному шару, и дѣйствительная ея наличность во многихъ странахъ настолько не поддавалась сколько-нибудь вѣрному опредѣленію, что въ рѣшительную минуту corner срывался невѣдомо откуда выбрасывавшимися на рынокъ запасами, и поддержка искусственно поднятыхъ цѣнъ оказывалась не подъ силу спекуляціи. Только два года тому назадъ громадныя состоянія Лейтера—тестя бывшаго остъ-индскаго вице-короля Керзона — и многихъ другихъ извѣстныхъ нашихъ богачей, его сподвижниковъ, въ общей суммѣ представлявшія собой нѣсколько сотъ милліоновъ долларовъ, были сметены до послѣдняго гроша неудачнымъ corner'омъ на пшеницу на чикагской биржѣ. Хотя corner'омъ 1898 г. цѣна на нее и была поднята на одинъ день до 1 долл. 85 цент. за бушель, она весьма скоро опустилась до восьмидесяти центовъ, и крутое повышеніе, не успѣвъ повліять на потребителя, разорило только самихъ вызвавшихъ его спекуляторовъ. Вообще биржевая игра на „будущее“ съ зерновыми хлѣбами до сихъ поръ считалась опасной только для спекулятивныхъ же элементовъ и весьма рѣдко и незначительно отзывалась на нашей фактической внутренней хлѣбной торговлѣ, на мукомолахъ и на потребителяхъ; другими словами, она ограничивалась почти исключительно бумажными сдѣлками въ спеціальныхъ биржевыхъ сферахъ, и мало или совсѣмъ не вліяла на дѣйствительную цѣну потребляемаго народомъ хлѣба.

Совсѣмъ другой характеръ приняло повышеніе цѣнъ на пшеницу и всѣ другіе хлѣба, происшедшее здѣсь въ теченіе прошлой зимы и весны; майская пшеница стоила въ Чикаго долларъ и тридцать центовъ за бушель, іюльская — долларъ и двадцать центовъ, сентябрьская и даже декабрьская — около доллара и десяти центовъ; мукомолы во многихъ мѣстностяхъ вынуждены платить полтора доллара за бушель; цѣна за бочку муки поднялась до семи долларовъ двадцати центовъ; обычный пятицентовый каравай хлѣба или стоитъ семь центовъ, или соотвѣтственно уменьшенъ булочниками въ вѣсѣ. Проданная Дальнему Востоку прошлой осенью по девяносто центовъ за бушель пшеница тихоокеанскаго побережья везется теперь изъ Китая и Японіи обратно въ Санъ-Франциско и Портлэндъ по цѣнѣ въ

полтора доллара. И замѣчательнѣе всего то, что трудно опредѣлить, есть ли этотъ подъемъ цѣнъ на 50% результатъ недостатка пшеницы на всемірномъ рынкѣ—или только послѣдствіе искусственнаго corner'а, устроеннаго въ Чикаго нѣкоимъ Джэмсомъ Паттеномъ, мгновенно преобразившимся изъ мелкаго спекулятора въ биржевые Наполеоны? Извѣстно, что Паттенъ, съ поддержкой чрезвычайно сильной въ финансовомъ смыслѣ биржевой клики, скупилъ прошлой осенью громадныя количества майской и іюльской пшеницы по цѣнамъ ниже доллара за бушель, и что клика эта систематически гнала все время пшеницу на повышеніе. Иностранные импортные рынки, въ особенности Ливерпуль и Антверпенъ, не только не проявили ни малѣйшей самостоятельности, но слѣпо шли все время въ поводу у Чикаго и подкрѣплявшихъ его Буэносъ-Айреса и Виннипега. Какая-то невидимая сила точно парализовала обычную способность импортныхъ центровъ охлаждать пылъ спекуляціи экспортныхъ. Когда повышеніе цѣнъ очевидно сдѣлалось затяжнымъ, утратило биржевой характеръ и стало повышать цѣну на потребляемый народомъ хлѣбъ, на Паттена и его клику свирѣпо напали со всѣхъ сторонъ, упрекая ихъ въ пользованіи искусственнымъ corner'омъ на пшеницу. Паттенъ сталъ получать тысячи писемъ, грозившихъ ему смертью, и вынужденъ былъ нанять охрану и для своего дома, и для своей особы и семьи. Отвѣчая на эти нападки въ печати, онъ утверждалъ, что его спекулятивная дѣятельность на пшеничномъ рынкѣ не имѣла и не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на пшеничныя цѣны; онѣ являются результатомъ законовъ спроса и предложенія, и хлѣбные эксперты всемірнаго рынка промигали тотъ фактъ, что производство пшеницы существенно сократилось во всемъ мірѣ за послѣдніе годы. Въ связи съ неурожаемъ прошлаго лѣта въ Россіи и Аргентинѣ, это настолько урѣзало запасы пшеницы, что въ Союзѣ, напримѣръ, ея не хватитъ до будущаго урожая. Онъ, Паттенъ, и его друзья дѣйствительно нажили большія деньги на повышеніи цѣнъ, но повысились онѣ не вслѣдствіе ихъ дальновидности, а потому что американскій фермеръ сталъ сѣять меньше пшеницы и въ настоящемъ году ея было выращено недостаточно не только для экспорта, который, однако, шелъ своимъ обычнымъ чередомъ, но и для внутренняго потребленія страны. Не смотря на эти объясненія, общественное возбужденіе противъ Паттена стало проявляться въ Чикаго такъ бурно, что онъ былъ вынужденъ бѣжать и скрыться на время въ самой дикой и недоступной мѣстности штата Колорадо, въ охотничьемъ ранчо одного изъ своихъ друзей. Противъ объясненій Паттена выступилъ съ оффиціальнымъ опроверженіемъ министръ земледѣлія Вильсонъ, объявившій во всеобщее свѣдѣніе, что урожай пше-

ницы въ Союзѣ въ сезонъ прошлаго 1908-го года былъ слишкомъ на тридцать милліоновъ бушелей больше предшествовавшаго; запасъ пшеницы въ предѣлахъ Союза на первое марта простирался до ста сорока трехъ милліоновъ бушелей, опять таки гораздо больше того же запаса на то же число въ 1908-мъ году; запаса этого гораздо больше чѣмъ достаточно, чтобъ и поддерживать обычный экспортъ, и удовлетворить всѣ потребности страны до новаго урожая; настоящій подъемъ цѣнъ на пшеницу рѣшительно ничѣмъ не оправдывается; ни всемірному, ни внутреннему рынку не грозитъ недостатка въ ней. Ergo—Паттенъ и чикагская биржа всецѣло отвѣтственны за этотъ острый corner на пшеницу; потребитель хлѣба расплачивается за ихъ неестественные барыши. Не смотря, однако, на это оффиціальное и, повидимому, авторитетное опроверженіе—министръ Вильсонъ пользуется всеобщимъ довѣріемъ и огромной популярностью во всей странѣ—цѣны на пшеницу поколебались только очень немного и на короткое время. Иностранные импортные рынки отказались отозваться на пониженіе; высокія цѣны проявили непонятную устойчивость, вызывающую всяческія сомнѣнія.

Corner Паттена вызвалъ энергичное всеобщее требованіе государственнаго законодательства противъ биржевой игры „будущими“ земледѣльческими продуктами. Я, однако, не думаю, чтобы какое-либо законодательство могло оказать практическое воздѣйствіе на спекулятивную натуру кровнаго американца. Онъ—азартный игрокъ по своей природѣ, и всегда съумѣетъ найти объектъ для удовлетворенія этой самой живучей своей потребности.

Коммиссаръ Хитчкокъ, разсматривавшій дѣло о выдачѣ русскому правительству Яна Пурена, о которомъ я писалъ въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ писемъ, постановилъ отказать въ выдачѣ и освободить обвиняемаго подсудимаго. Постановленіе это, уже приведенное въ исполненіе, вопреки прецедентамъ въ дѣлахъ этого рода мотивировано и объявлено во всеобщее свѣдѣніе. Хитчкокъ считаетъ установленнымъ внѣ сомнѣній, что мѣстность, въ которой были совершены преступленія Пурена—прибалтійскій край,—находилась въ состояніи революціи, такъ какъ въ ней господствовало чрезвычайное положеніе и дѣйствовали не обыкновенные, а спеціальные суды; Пуренъ былъ членомъ соціалъ-демократической партіи, партіи революціонной и боровшейся съ правительствомъ; всѣ совершенныя имъ преступленія были учинены по приказамъ исполнительнаго комитета партіи, а не съ какими-либо личными цѣлями.

Въ виду такого исхода дѣлъ Рудовича и Пурена, русское прави-

тельство отказалось отъ своего требованія о выдачѣ Софіи Бергеръ, недавно арестованной въ городѣ Филадельфіи, и она тоже освобождена.

Отозваніе американскаго посла въ Петербургѣ Ридля и его замѣщеніе посломъ въ Пекинѣ Рокхиллемъ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся и способныхъ нашихъ дипломатовъ, объясняется недостаточнымъ успѣхомъ Ридля въ переговорахъ о пересмотрѣ трактата 1832-го года. Союзъ настаиваетъ на признаніи русскимъ правительствомъ американскихъ паспортовъ, выданныхъ натурализованнымъ его гражданамъ изъ русскихъ евреевъ. Русское правительство отказываетъ въ этомъ, утверждая, что такое признаніе невозможно безъ законодательной санкціи Государственной Думой, а это недостижимо безъ общаго пересмотра всего еврейскаго вопроса, который она считаетъ несвоевременнымъ.

П. А. Тверской.

БЕРНСКІЙ СОЦІОЛОГИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ

(Письмо изъ Парижа.)

Въ Бернѣ засѣдалъ въ этомъ году седьмой конгрессъ международнаго соціологическаго института. Всѣ великія націи прислали на конгрессъ своихъ представителей. Россія имѣла трехъ представителей: Гальперина, Новикова и де-Роберти. Конгрессъ былъ созванъ по иниціативѣ Бернскаго кантона и бернскаго университета. Незадолго до конгресса французское правительство признало международный соціологическій институтъ общественно-полезнымъ учрежденіемъ. Тема конгресса—„общественная солидарность“—представляла большой интересъ, и теоретическій, и практическій. Многіе соціологи посвятили свои изслѣдованія классификаціи формъ солидарности. Различіе, установленное Дюркгеймомъ [1]) между солидарностью механической и солидарностью органической, стало классическимъ, какъ и различіе, проведенное Теннисомъ между общиной и обществомъ [2]). Рене Вормсъ видѣлъ въ солидарности, въ „содѣйствіи“, сущность, и характерный признакъ соціальнаго факта [3]). Но практическое значеніе вопроса—

[1]) „Division du travail social“, 1893 (2-е изд. 1902).

[2]) „Gemeinschaft und Gesellschaft“, Лейпцигъ, 1887; „Das Wesen der Soziologie“, Дрезденъ, 1907.

[3]) „Philosophie des sciences sociales“, I, 1903, стр. 78—85.

а вслѣдствіе этого и значеніе конгресса, — еще болѣе велико: вокругъ этого вопроса во Франціи въ послѣдніе годы идутъ страстные споры. Вся доктрина соціальныхъ реформъ, получившая названіе „солидаризма“, клонится къ тому, чтобы извлечь изъ принципа солидарности практическія послѣдствія. Сторонникъ этой доктрины, Леонъ Буржуа, возлагаетъ на личность, во имя солидарности, „соціальный долгъ“, который долженъ быть уплаченъ наиболѣе обездоленнымъ членамъ общества. Обсужденіе практическаго примѣненія принципа солидарности не было, однако, главной цѣлью конгресса: она заключалась въ объективномъ и описательномъ изученіи факта солидарности.

Въ сферѣ теоріи конгрессъ остановился на болѣе точномъ опредѣленіи самаго понятія солидарности. Обыкновенное опредѣленіе слишкомъ широко: принято считать проявленіемъ солидарности всякій фактъ группировки или организаціи. Противъ неясности этого опредѣленія возсталъ де-Роберти, въ своемъ интересномъ докладѣ о „соціологической концепціи солидарности“. Понятіе „солидарности“, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь, показываетъ, по словамъ докладчика, что соціологія все еще находится въ стадіи эмпирической и не перешла въ стадію экспериментальную. Слово „солидарность“ означаетъ слишкомъ многое, одновременно относясь и къ области мысли, и къ области дѣйствія: между тѣмъ, солидарность, подобно свободѣ и справедливости, всецѣло относится къ области дѣйствія [1]). По своей природѣ она противополагается истинѣ, которая относится къ области мысли. Идея солидарности—понятіе прагматическое, а не научный принципъ.

Другіе члены конгресса пользовались иными критеріями для опредѣленія солидарности. Гольдшейдъ, предсѣдатель соціологическаго общества въ Вѣнѣ, полагаетъ, что истинная солидарность создается международными группами, какова, напримѣръ, соціалъ-демократія. По мнѣнію Фурньера, только ассоціаціи, преслѣдующія спеціальную и опредѣленную цѣль—напримѣръ профессіональныя ассоціаціи,—осуществляютъ истинную солидарность. Не смотря на эти разногласія, всѣ соглашались, что понятіе солидарности должно быть точно опредѣлено, и что этотъ терминъ долженъ примѣняться только къ извѣстнымъ соціальнымъ явленіямъ, относящимся къ области дѣйствія, а не къ области мысли.

Подвергались критикѣ и тѣ выводы, которые дѣлались изъ понятія о солидарности въ связи съ доктриной „солидаризма“. Ивъ

---

[1]) Та же точка зрѣнія развивается въ книгѣ де-Роберти: „Sociologie de l'action“, Парижъ, 1908.

Гюйо особенно возставалъ противъ этихъ выводовъ. Доктрина Леона Буржуа требуетъ вмѣшательства законодателя, съ цѣлью исправлять и компенсировать соціальныя неравенства. Возлагать на государство такую задачу, значитъ подвергать серьезной опасности индивидуальную свободу и справедливость. „Солидаризмъ"—ничто иное, какъ смягченная форма соціализма. Идея „соціальнаго долга" приводитъ къ расхищенію, а это является полнымъ уклоненіемъ отъ солидарности. Леонъ Буржуа не присутствовалъ на конгрессѣ и не могъ отвѣтить на замѣчанія; вмѣсто него это сдѣлалъ Фурньеръ.

Затѣмъ были выяснены, съ теоретической точки зрѣнія, причины солидарности. Онѣ раздѣляются на двѣ категоріи: причины физическія и причины соціальныя. Лоріа, какъ всегда вѣрный историческому матеріализму, изложилъ причины первой категоріи: онъ показалъ прямую связь между плодородіемъ почвы и развитіемъ организацій, основанныхъ на принципѣ солидарности (кооперативныя общества, общества взаимопомощи). Онъ призналъ, однако, что изъ этого закона существуетъ очень много исключеній. Что касается причинъ соціальныхъ, то было признано преобладающее вліяніе двухъ изъ нихъ: юридическаго принужденія и, въ особенности, *борьбы*. Въ настоящее время борьба является наиболѣе могущественнымъ факторомъ солидарности. Классовой борьбѣ соотвѣтствуетъ классовая солидарность. Это доказывали въ своихъ докладахъ представитель Австріи, Гольдшейдъ, и, главнымъ образомъ, представитель Германіи, Робертъ Михельсъ. На связь между борьбой и солидарностью указывалъ въ своемъ докладѣ на предыдущемъ конгрессѣ (въ Лондонѣ, въ 1906 г.) русскій членъ Соціологическаго Института—Абрикосовъ.

Доклады и дебаты конгресса дали также весьма цѣнныя фактическія данныя, касающіяся развитія солидарности въ различныхъ странахъ. Работы конгресса освѣтили общее стремленіе современныхъ націй къ развитію учрежденій, покоящихся на принципѣ солидарности. На ряду съ этой общей тенденціей были указаны и различія. Въ Англіи мы встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, кооперативныя потребительныя общества, во Франціи — общества взаимопомощи, въ Италіи — кооперативныя общества труда. Въ Германіи солидарность выражается въ очень сложныхъ формахъ: мы находимъ здѣсь одновременно и потребительныя общества, и кредитныя общества, и три огромныя партіи, представляющія собою три различныхъ вида солидарности: соціалистическая партія — выразительница классовой солидарности, католическая партія, представительница вѣроисповѣдной солидарности, и партія аграрная, выражающая солидарность профессіональную. Въ Россіи, наконецъ, характерными формами солидарности являются „міръ" и „артель".

Надъ всѣми этими національными различіями возвышается международная солидарность, вызывающая еще много сомнѣній, но нашедшая блестящаго защитника на бернскомъ конгрессѣ въ лицѣ Новикова. Извѣстный соціологъ еще разъ заявилъ о своей вѣрѣ въ будущую федерацію народовъ. Онъ горячо доказывалъ, что ассоціація, для отдѣльнаго лица—условіе и источникъ жизни, и чѣмъ обширнѣе ассоціація, тѣмъ большее благо извлекаетъ изъ нея каждый [1]).

По вопросу о развитіи „солидарности“ въ Россіи докладъ былъ представленъ профессоромъ М. Ковалевскимъ, бывшимъ предсѣдателемъ международнаго института соціологіи. Солидарность въ Россіи отличается особымъ характеромъ. Въ другихъ странахъ она—плодъ недавняго развитія и выражается въ кооперативныхъ организаціяхъ, исторія которыхъ еще очень коротка. Въ Россіи, наоборотъ, эти организаціи мало развиты: по свѣдѣніямъ Лоріа, число жителей на одинъ кооперативный магазинъ равняется въ Россіи 226.575, тогда какъ въ Италіи одинъ магазинъ приходится на 62.306, во Франціи—на 42.528, въ Германіи—на 36.899, въ Австріи—на 33.548, въ Англіи—на 24.496, и, наконецъ, въ Даніи—на 2.325 жителей. Изъ этого слабаго развитія въ Россіи новыхъ организацій дѣлали поспѣшный выводъ о почти полномъ отсутствіи духа солидарности въ Россіи. Профессоръ Ковалевскій утверждаетъ, наоборотъ, что стремленіе къ солидарности очень сильно въ Россіи, но оно проявляется въ старыхъ формахъ „міра“ и „артели“. По отношенію къ этимъ организаціямъ совершаютъ большую несправедливость, не извиняемую даже невѣдѣніемъ, такъ какъ давно уже русскіе историки познакомили Западъ съ древними учрежденіями своей страны въ трудахъ на французскомъ языкѣ. „Міръ“ извѣстенъ очень давно, и не вчера переведена на французскій языкъ классическая книга Апостола [2]) объ артели. Ковалевскій прослѣдилъ происхожденіе міра и артели и показалъ ихъ непосредственную связь съ старой семейной организаціей. Онъ опровергаетъ теорію искусственнаго созданія общины въ XVI-мъ вѣкѣ и находитъ слѣды артели уже въ текстахъ XV-го столѣтія. Онъ указалъ, затѣмъ, на упадокъ этихъ организацій въ наше время и разсмотрѣлъ послѣдствія такого упадка. Во Франціи иногда считали уничтоженіе подобныхъ организацій благомъ. Поль Леруа-Больё, напримѣръ, высказываетъ очень строгій приговоръ относительно „міра“. Ковалевскій не раздѣляетъ этого мнѣнія. Онъ думаетъ, наоборотъ, что распаденіе „міра“ и артели приводитъ, въ результатѣ, къ ослабленію духа солидарности въ Россіи.

[1]) Развитіе этой идеи находимъ въ послѣдней книгѣ Новикова: „Le problème de la misère et les phénomènes économiques naturels“, Парижъ. 1908.

[2]) Apostol, „L'artèle et la coopération en Russie. Histoire, état actuel“, перев. E. Castelot.

Трудно себѣ представить, какія новыя организаціи могли бы замѣнить эти слабѣющія основы общественной самодѣятельности. Вмѣсто того, чтобы систематически работать надъ разрушеніемъ этихъ старыхъ учрежденій, нужно было бы поддерживать и охранять ихъ. Государственность въ Россіи носитъ слишкомъ внѣшній характеръ, чтобы содѣйствовать тѣсному объединенію жителей страны.

Итакъ, бернскій соціологическій конгрессъ далъ много цѣнныхъ результатовъ, и теоретическихъ, и практическихъ. Соціологія на этомъ конгрессѣ явилась наукой, интересующей не однихъ лишь ученыхъ; она приблизилась къ практической дѣятельности, и авторитетъ ея только выигралъ отъ этого. Безъ сомнѣнія, она должна остаться научной дисциплиной, но необходимо также участіе ея въ разрѣшеніи практическихъ задачъ, встающихъ передъ общественнымъ сознаніемъ. Она должна намѣчать не только цѣли, но и средства.

Самыми цѣнными результатами конгресса были тѣ, которые имѣютъ научный характеръ. Конгрессъ показалъ единство соціальной науки и констатировалъ усиленіе и расширеніе соціологическаго движенія въ странахъ, которыя еще недавно почти совсѣмъ не знали его. Большіе его успѣхи были отмѣчены въ Румыніи, Венгріи, Австріи, Швейцаріи и даже въ Перу.

Рене Монье.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КИТАЙЦЕВЪ ВЪ СѢВЕРНУЮ МАНЧЖУРІЮ

Значительные поселки китайцевъ въ Хэйлунцзянской провинціи Манчжуріи были основаны одновременно съ учрежденіемъ провинціи (1683 г.), когда на Амуръ и Нони были переселены „ханцзюни“ (китайцы, помогавшіе манчжурамъ утвердиться въ Китаѣ) и ссыльные китайцы, въ качествѣ фермеровъ казенныхъ земель. Другимъ китайцамъ, не принадлежавшимъ къ названнымъ классамъ, былъ запрещенъ доступъ въ Манчжурію. Этотъ законъ былъ особенно суровъ въ отношеніи китаянокъ: имъ никоимъ образомъ нельзя было переходить за Великую Стѣну.

Китайскіе переселенцы появляются въ Хэйлунцзянской провинціи въ значительномъ количествѣ только въ 1831-мъ году, и то лишь въ южной ея части (въ нынѣшнемъ Хуланчэнскомъ фудутунствѣ). Бродячій элементъ, въ поискахъ за средствами къ существованію, нанимался сначала въ работники, потомъ снималъ землю въ аренду, упла-

чивая подати. Мѣстныя власти прекрасно это знали, но дѣлъ не возбуждали, довольствуясь взятками. Благодаря слухамъ о плодородіи земли, сюда шло много народа.

Постоянный приростъ населенія и столкновенія, обусловливаемыя юридическою недѣйствительностью права на землю, вызвали необходимость упорядочить это дѣло. Въ 1831 г. 2 милл. шанъ земли (1.176.500 дес.) въ Хуланѣ были открыты для поселенцевъ. Въ 1878 г. китаянкамъ было разрѣшено переходить за Великую Стѣну и селиться въ Манчжуріи. Съ этого времени переселенческая волна съ большой силой ринулась сюда. Въ 1900-мъ году было вспахано $1^1/_2$ м. шанъ земли. Въ 1905-мъ году здѣсь было введено управленіе по образцу внутреннихъ провинцій Китая.

Одновременно съ заселеніемъ Хулана былъ поднятъ вопросъ о заселеніи долины р. Тункэнь, но окончательно этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ 1895 г., когда здѣсь было учреждено фудутунство. Сначала предполагалось привлечь на новыя земли знаменныхъ; но, избалованные частыми подачками, они оказались плохими піонерами въ дѣлѣ землеустройства. Въ виду этого, часть земель была пущена въ продажу китайцамъ въ полную собственность, часть отдана въ аренду, при чемъ кромѣ обычной подати, съ нихъ взималась еще дополнительная плата въ пользу знаменныхъ, какъ (фиктивныхъ) владѣльцевъ. Къ осени 1905-го года всѣ земли фудутунства были уже распроданы.

Съ 1901 г. переселенческая волна китайцевъ направляется на линію желѣзной дороги и на сѣверъ Хэйлунцзянской провинціи. Провинціальныя власти старались использовать естественный притокъ китайцевъ для заселенія тѣхъ мѣстъ, которыя, по мнѣнію властей, могли бы быть заняты въ скоромъ времени русскими. Большое вліяніе на ходъ китайской колонизаціи имѣлъ слухъ, проникшій въ русскую и иностранную печать, что С. Ю. Витте представилъ правительству докладъ, относительно поселенія 600 тыс. русскихъ поселенцевъ вдоль Китайской Восточной жел. дороги. Во время оккупаціи Манчжуріи русскими войсками произошло знакомство монгольскихъ князей съ русскими. Старинная ненависть монголовъ къ китайцамъ, эксплуатирующимъ ихъ довѣрчивость и миролюбіе, начала проявляться рѣзче, чѣмъ раньше; монгольскіе князья открыто начали заявлять свои симпатіи русскимъ. Это обстоятельство заставило китайское правительство обратить вниманіе на Монголію, насадить тамъ китайскую государственность путемъ усиленія китайскаго элемента и тѣмъ создать плотину для русскаго нашествія. Съ этого времени всѣ колонизаціонныя мѣры получили оффиціальное названіе мѣръ „по укрѣпленію границъ“. Въ декабрѣ 1901-го года цзянь-цзюнь Сабаго представилъ проектъ заселенія придорожной линіи отъ Харбина до Хайлара. Весною докладъ былъ

утвержденъ богдыханомъ. Въ 1905-мъ году всѣ земли по линіи дороги были распроданы. Китайское правительство проявило тогда поспѣшность въ заселеніи сѣверо-западной части Цицикарскаго фудутунства, между р.р. Инъ и Алунь. Въ 1906-мъ году начинается заселеніе Хайларскаго фудутунства въ бассейнахъ р.р. Мергень и Упуръ. Начиная съ конца 1906-го и начала 1907-го года китайское правительство обращаетъ особенное вниманіе на заселеніе Мергенскаго и Айгунскаго фудутунствъ, а также сѣверо-восточной части Хэйлунцзянской провинціи.

Во главѣ учрежденнаго переселенческаго управленія Шань-хоуцзюй былъ поставленъ молодой, энергичный дао-тай Цинъ, который перенесъ свою резиденцію изъ Цицикара во вновь основанный имъ городъ Синь-дунъ-чэнъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1907-го года было учреждено особое даотайство Синь-дунъ-дао. Этотъ огромный округъ простирается отъ устьевъ Сунгари до р. Курай-хо. Раздѣленъ этотъ округъ на три уѣзда. Главный городъ округа основанъ на правомъ берегу Амура, на самомъ перекатѣ, гдѣ въ мелководье не пройдетъ ни одна канонерка. Въ мартѣ 1908-го года на колонизацію въ Синь-дунъ-дао было асигновано 160 т. ланъ. Въ то же время даотаемъ Циномъ рѣшено было устроить и оборудовать торговый трактъ отъ Синь-дунъ-чэна на Самсинъ. Приняты мѣры къ пріученію орочоновъ къ земледѣлію, съ цѣлью сдѣлать ихъ осѣдлыми: рѣшено строить для нихъ фанзы, выдавать имъ земледѣльческія орудія, лошадей и скотъ. На берегу Амура участки для торговли продаются по 3 цяня (60 к.) за 1 кв. саж. Земля для поселенія продается по 3 цяня за 1 шанъ ($1411^{13}/_{17}$ д.) земли. Земельный налогъ поселенцы начнутъ уплачивать лишь черезъ шесть лѣтъ. Результатомъ дѣятельности молодого и энергичнаго даотая было быстрое заселеніе этого края. Уѣздъ Таунъ-сянъ, между Янтушанемъ и р. Туанъ-хэ, въ настоящее время уже представляется колонизированнымъ; въ немъ насчитывается 30—35 тысячъ жителей. Янтушань менѣе заселенъ: въ немъ насчитывается до 15 тыс. жителей. Синь-дунъ-сянъ еще мало заселенъ; тамъ устроены поселенія по торговому тракту Синь-дунъ-чэнъ—Сансинъ и по берегу Амура. Мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ поселеній, главнымъ образомъ, противъ русскихъ станицъ Екатерино-Никольской, Пузиной, Михайловско-Семеновской и др. Причина такого, сравнительно слабаго заселенія—худшія земледѣльческія условія и опасность со стороны хунхузовъ. Можно думать, что въ ближайшемъ будущемъ и этотъ уѣздъ будетъ заселенъ, такъ какъ въ немъ много минеральныхъ богатствъ (золото, каменный уголь, мраморъ).

Что касается Айгунскаго фудутунства, то оно въ настоящее время уже густо населено, по крайней мѣрѣ въ долинѣ р. Амура. Здѣсь мы

встрѣчаемъ не только большія села, но и города — Айгунъ и Сахалянъ. Приходится удивляться быстротѣ, съ которой возникаютъ города и селенія. Такъ, Айгунъ, начавъ отстраиваться 27-го мая 1908-го года, въ настоящее время уже имѣетъ 400 домовъ, болѣе 70 лавокъ, военный институтъ, подготовительную школу и школу дозорныхъ. Жителей около 1.500, войска—300 чел. Солдаты обучены прекрасно. Оружіе у нихъ нѣмецкаго образца: трехъ-линейныя ружья Маузеровской системы, приготовленныя на заводѣ въ Хань-янѣ (Хубейской провинціи). Другимъ значительнымъ городомъ является Сахалянъ. Въ немъ имѣется до 300 домовъ. Это чисто торговый городъ. Главный начальникъ города — полицеймейстеръ, изъ манчжуръ. Онъ до 1900-го года былъ полицейскимъ надзирателемъ города Благовѣщенска. Въ Сахалянѣ до 50 лавокъ, изъ которыхъ торгуютъ спиртомъ 10. Такъ какъ въ Манчжуріи не взимается съ спиртныхъ напитковъ акцизъ, то на китайскомъ берегу они удивительно дешевы: такъ, ведро спирта стоитъ 12 рублей (на русскомъ берегу — 18 рублей). Такая дешевизна повела къ контрабандной торговлѣ спиртомъ, съ которой весьма трудно бороться, въ виду недостаточнаго количества служащихъ и неимѣнія катера, на которомъ можно было бы преслѣдовать контрабандистовъ. Въ Сахалянѣ устроены притоны, гдѣ пропиваются русскія деньги. Китайцы пользуются этимъ и наживаются. Сахалянъ развивается также благодаря тому, что продукты земледѣлія и огородничества находятъ хорошій сбытъ въ Благовѣщенскъ и на зейскіе пріиски.

Села Айгунскаго фудутунства также быстро развиваются, благодаря близости Благовѣщенска и зейскихъ пріисковъ, куда требуется масса хлѣба и овощей, а мѣстное населеніе (казаки) не можетъ въ достаточномъ количествѣ доставлять то и другое. Населеніе Айгунскаго фудутунства—главнымъ образомъ за-зейскіе манчжуры. Это тѣ самые манчжуры, которые жили до 1900 года въ мѣстности отъ лѣваго берега Зея до ст. Низменной, откуда въ 1900-мъ году ихъ выселяли, а ихъ земли Высочайшимъ указомъ 27-го ноября 1901 г. были пожалованы казакамъ за ихъ службу въ 1900 г. Вотъ этихъ-то манчжуръ, какъ наиболѣе враждебно настроенныхъ противъ русскихъ, китайское правительство поселило вдоль русской границы.

До апрѣля 1908-го года всякій поселенецъ въ округѣ Синь-дунъ-дао получалъ безплатно землю (сколько могъ обработать). Въ теченіе шести лѣтъ онъ освобождался отъ несенія податей и налоговъ. Перевозились переселенцы на счетъ казны. Каждому поселенцу выдавали быка и субсидію въ 150 ланъ (225 руб.). Теперь даромъ не даютъ земли, а продаютъ по 3 цяня шанъ земли. Безплатную перевозку и выдачу скота рѣшено сохранить. Въ Мергенскомъ, Цицикарскомъ и

Айгунскомъ фудутунствахъ поселенцамъ строятъ фанзы и колодцы. Для лучшей постановки дѣла и скорѣйшаго использованія колонизаціоннаго фонда правительство приглашаетъ капиталистовъ содѣйствовать въ трудномъ дѣлѣ колонизаціи окраины. Образуются компаніи, первой заботой которыхъ является приспособленіе участка для приложенія малыхъ силъ бѣдняка. Степь приводится въ удобный для обработки видъ; устраиваются хутора.

Существуетъ два вида аренды: первый—сдача съ инвентаремъ, заведеннымъ въ первый годъ; урожай въ такомъ случаѣ пополамъ. При второмъ видѣ аренды арендаторъ уплачиваетъ $1^1/_2$ даня ($8^4/_7$ пуд.) каждаго зерна и 100 сноповъ чумизной соломы. Если перевести на русскія деньги, это составитъ 5 — 8 руб. съ десятины. Чрезъ шесть лѣтъ хозяинъ можетъ возвратить затраченный капиталъ. Лишь только арендаторъ окрѣпнетъ и устроится, онъ покупаетъ либо участокъ, гдѣ работалъ, либо цѣлину.

Въ дѣятельности китайскаго правительства замѣчается удивительная цѣлесообразность. Такъ, сначала заселяются мѣста, важныя въ стратегическомъ отношеніи, затѣмъ—мѣста, могущія привлечь вниманіе сосѣдей своей плодородной землей. Всѣ вновь основанные города построены на перекатахъ, гдѣ стоитъ насыпать нѣсколько возовъ камня — и ни одна канонерка не пройдетъ. Торговый трактъ Цицикаръ-Мергень-Айгунъ, имѣющій стратегическое значеніе, спѣшно заселяется. Обращено вниманіе на плодородную долину Амура, могущую привлечь вниманіе русскихъ. Менѣе плодородныя мѣстности поставлены во вторую очередь. Стремясь къ быстрому заселенію края, китайское правительство всѣми силами стремится къ его колонизаціи, къ созданію и упроченію на окраинѣ китайской культуры и промышленности. Съ этой цѣлью во всѣхъ основанныхъ поселеніяхъ вводится самоуправленіе, въ лицѣ выборныхъ старостъ. Въ городахъ и селеніяхъ устраиваются китайскія школы. Школьное дѣло поставлено хорошо и ведется безъ всякихъ окриковъ и побоевъ. Въ Айгунѣ съ новаго учебнаго года открывается школа и для дѣвочекъ, по иниціативѣ мѣстнаго фудутуна, который прекрасно сознаетъ, что страна бываетъ тѣмъ, чѣмъ ее сдѣлаетъ женщина. Въ деревняхъ открываются пока только мужскія школы. На открытіе ихъ немало жертвуетъ китайская интеллигенція. Въ школахъ преподаваніе ведется исключительно на китайскомъ языкѣ. Это, конечно, дѣлается съ цѣлью окитаянія манчжуръ. Вызываютъ прежде всего земледѣльцевъ изъ внутренняго Китая, гдѣ земледѣліе идеально поставлено. Благодаря поселенію въ Хэйлунцзянской провинціи этого культурнаго элемента, край оживился. Всѣ проѣзжающіе по Амуру невольно обращаютъ вниманіе на

правый берегъ, гдѣ виднѣется масса поселковъ, съ прекрасными огородами, а вокругъ поселеній—чудно вспаханныя поля.

Для развитія судоходства и рыболовства приглашаются моряки изъ Чжифу. Благодаря поселенію ихъ по берегу Амура, здѣсь начинаетъ развиваться прибережное судоходство. Почти у каждаго прибережнаго селенія можно видѣть фынъ-чуань, т.-е. огромную китайскую парусную лодку, зачастую вмѣщающую до 200 пудовъ груза. Ежедневно цѣлый караванъ этихъ фынъ-чуаней съ овощами направляется въ Благовѣщенскъ, гдѣ овощи, вслѣдствіе этого, весьма дешевы. Рыболовство пока мало развито: мѣстное населеніе не нуждается въ его продуктахъ, а на русскомъ берегу оно также сбыта не имѣетъ, такъ какъ тамъ это дѣло лучше поставлено.

Для развитія торговли приглашаются купцы изъ внутренняго Китая. Благодаря прибытію этихъ юркихъ и энергичныхъ людей, торговля начинаетъ развиваться. Въ лавкахъ Айгуна имѣется много русскихъ товаровъ: сахаръ, мука, конфекты, стекло, кожа, папиросы, кровельное желѣзо. Изъ японскихъ товаровъ здѣсь въ ходу соя, спички и вѣера.

Новые тракты соединяютъ сѣверную часть Хэйлунцзянской провинціи съ богатымъ югомъ, откуда можно доставлять товары не только для мѣстнаго потребленія, но и для вывоза на русскій берегъ.

Изъ Цицикара выѣхала партія бельгійскихъ и нѣмецкихъ инженеровъ съ цѣлью произвести развѣдку для постройки жел. дороги Цицикаръ-Мергень-Айгунъ, съ вѣткой на каменно-угольныя копи въ долинѣ Ганъ. Если изысканія будутъ утверждены китайскимъ правительствомъ, то постройка дороги будетъ сдана бельгійской акціонерной компаніи, подъ условіемъ, что чернорабочими будутъ только китайцы. Прекрасно сознавая значеніе тракта Цицикаръ-Мергень-Айгунъ, китайское правительство въ прошломъ году приняло мѣры къ его охранѣ. Въ настоящее время вдоль тракта разставлены регулярныя войска для защиты купеческихъ каравановъ отъ нападенія хунхузовъ. Благодаря этому, значеніе тракта возросло и провозъ товаровъ въ минувшемъ году былъ огромный. Такъ, ранѣе, въ Благовѣщенскъ прибывало не болѣе 7 т. подводъ, а въ 1908 г. прибыло 15.183. Товаровъ на нихъ было привезено 394.826 пудовъ. Кромѣ того, было прогнано 10 т. головъ скота и 50 т. барановъ.

Наконецъ, китайское правительство обращаетъ вниманіе на развитіе горнаго дѣла. Въ Цицикарѣ учреждено главное контрольное управленіе для разработки богатствъ провинціи. Оно будетъ вѣдать производство изысканій и развѣдки горныхъ богатствъ. Въ настоящее время въ Хэйлунцзянской провинціи добываютъ золото, серебро и каменный уголь. Дѣло пока поставлено плохо.

Итакъ, мы видимъ, что пробужденный Китай принимаетъ всѣ мѣры къ устройству сильной колоніи, способной выдержать экономическую борьбу съ могущественными сосѣдями. Китайское правительство твердо вѣритъ, что надежную плотину противъ вторженія можно создать только путемъ развитія и упроченія на окраинѣ китайской культуры.

Ульяницкій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Больше всего нужны сейчасъ здоровый оптимизмъ, свѣжая энергія и упорная вѣра въ будущее. Остальное приложится. И теоретически оптимизмъ правъ, когда разсуждаетъ: „Не можетъ громадная страна быть нѣсколько лѣтъ въ параличѣ. Народъ — организмъ, а въ организмѣ ни на минуту жизнь не прекращается. Ужъ навѣрное въ тканяхъ народной жизни бродятъ сейчасъ новые соки, идетъ неслышное движеніе впередъ". И дѣйствительно, если проѣхаться по Россіи, то можно подслушать, какъ шелеститъ жизнь, двигаясь обходными и мелкими тропами: переполнены школы, усиленно разростается волна самообразованія, развивается мелкая кооперація, поднимается общее гражданское самосознаніе.

Но на взглядъ петербургскаго наблюдателя всѣ эти оптимистическіе признаки кажутся слишкомъ мелкими и сомнительными. Изъ столицы жизнь страны представляется унылой, вялой, безрадостной и почти безнадежной. „Не жизнь, а всеобщее удушье—грустятъ пессимисты;—не только нѣтъ никакихъ надеждъ на большой поворотъ къ лучшему, но и вообще нѣтъ ничего новаго, свѣжаго. Все замерло. Третья дума вступаетъ въ третій годъ длинныхъ словопреній, а упала ли съ этого законодательнаго верха хоть одна освѣжающая капля въ страну? И общество застыло. И народъ обмеръ. Плохо".

Въ смыслѣ законодательнаго воздѣйствія на жизнь въ провинціи наиболѣе замѣтны два акта: вѣротерпимость и законъ 9 ноября. Ни въ томъ, ни въ другомъ третья дума неповинна. Вѣротерпимость (конечно, условная и ограниченная) все еще опирается на указъ 17 апрѣля, а законъ 9 ноября все еще обязанъ своимъ существованіемъ 87-ой статьѣ. Оба явленія—новыя. Но насколько и въ какомъ смыслѣ подвинутъ они русскую жизнь, точно сказать едва ли кто рѣшится. Религіозные запросы народнаго духа — слишкомъ интимная,

сложная и таинственная область. Указъ 17 апрѣля только вывелъ ближе къ свѣту внѣшнюю жизнь старообрядчества и сектантства. Внутренній укладъ этихъ религіозныхъ общинъ развивался помимо и даже вопреки законамъ государства. Противодѣйствіе свѣтской власти часто не только не задерживало, а скорѣе способствовало развитію и сплоченію общинъ. Къ тому же старообрядцы и сектанты, при всей ихъ многочисленности, все-же составляютъ особый уголокъ русской жизни. Внутренніе уклоны и перевороты въ ихъ средѣ не могутъ замѣтно отразиться на общихъ порядкахъ страны. Законъ 9 ноября производитъ всероссійскую перетряску въ крестьянскомъ быту. Явленіе безусловно новое. Но результаты его подсчитаетъ только будущее.

Что же, помимо этого, даетъ новаго русская жизнь? Если слѣдить за жизнью страны только по провинціальнымъ газетамъ, то, дѣйствительно, можно сильно загрустить. Унылое затишье. Нужно по цѣлымъ недѣлямъ внимательно читать газеты и копить мелкіе, разрозненные факты, чтобы, въ концѣ концовъ, скопить ихъ горсточку и почувствовать, что кое-какая жизнь шевелится въ провинціи.

Къ числу если не „отрадныхъ“, то все-же новыхъ фактовъ слѣдуетъ отнести примѣненіе новаго закона о досрочномъ освобожденіи. Конечно, съ горькой улыбкой приходится смотрѣть на этотъ законъ, когда читаешь почти ежедневно о смертныхъ казняхъ и смертныхъ приговорахъ, о переполненныхъ тюрьмахъ, о голодовкѣ тысячъ ссыльныхъ, о постройкѣ новыхъ и новыхъ тюремъ. Законодательная гуманность въ странной обстановкѣ. Нѣсколько напоминаетъ человѣка, который разбилъ бы кому-либо голову и сталъ у него же заботливо вынимать занозу изъ пальца на рукѣ... Естественно даже подумать, что администрація, озабоченная необычайнымъ переполненіемъ тюремъ, склонна изъ двухъ для себя золъ избрать меньшее: освобождать безопасныхъ съ узкой полицейско-государственной точки зрѣнія уголовныхъ преступниковъ, чтобы очищать побольше мѣста для политическихъ заключенныхъ. Но какъ бы ни было, все-же законъ о досрочномъ освобожденіи примѣняется сейчасъ повсемѣстно въ Россіи, и на этомъ пути мы все-таки дѣлаемъ маленькій шагъ вслѣдъ за Западной Европой.

Извѣстія о примѣненіи закона являются въ газетахъ въ краткомъ и скудномъ видѣ. Сообщается главнымъ образомъ цифра освобожденныхъ. Кое-гдѣ рисуется, однако, и обстановка, въ которой приходится прокладывать тропинку новому закону. „На первомъ же засѣданіи мѣстнаго комитета по досрочному освобожденію—пишутъ „Одесскимъ Новостямъ“ изъ Тирасполя — выяснились, между прочимъ, дефекты новаго закона: нѣкоторые изъ представителей общественныхъ учрежденій высказались за необходимость — въ интересахъ ближайшаго

ознакомленія съ нравственнымъ уровнемъ заключенныхъ—систематически посѣщать тюрьму. Однако, со стороны начальника тюрьмы послѣдовалъ отвѣтъ, что безъ особаго разрѣшенія губернатора онъ никого изъ членовъ совѣщанія допустить въ тюрьму не можетъ. Создается, такимъ образомъ, нѣчто несуразное: на членовъ совѣщанія возлагается рѣшеніе вопроса о томъ, заслуживаетъ ли тотъ или иной изъ заключенныхъ досрочнаго освобожденія, но препятствія къ ближайшему знакомству съ поведеніемъ заключенныхъ не устраняются, и естественно, что члены совѣщанія этимъ самымъ ставятся въ крайне затруднительное положеніе".

Изъ Вятки „Русскому Слову" сообщаютъ объ условіяхъ, которыми обязываютъ освобожденныхъ заключенныхъ: „18 сентября въ вятскомъ исправительномъ отдѣленіи впервые былъ примѣненъ новый законъ. Всего выпущено 26 человѣкъ, большинство которыхъ политическіе—мѣстные уроженцы и присланные сюда для отбыванія наказанія матросы. Всѣ освобожденные дали слѣдующую подписку: „Обязуюсь не только не совершать преступныхъ дѣяній, за которыя можетъ грозить наказаніе по суду, но и не позволять себѣ ничего такого, что подводится закономъ подъ понятіе „порочнаго поведенія", могущаго угрожать личной или общественной безопасности или порядку (ст. 20-ая закона 22 іюня), а именно: пьянства, распутства, тунеядства, праздношатанія, общенія съ порочными людьми, дерзкаго обращенія съ властями и пр., а, напротивъ, долженъ безпрекословно выполнять всѣ работы, которыя будутъ мнѣ указаны лицомъ или учрежденіемъ, которыя будутъ имѣть за мной наблюденіе и попеченіе". Одинъ изъ выпускаемыхъ отказался дать такую подписку и былъ оставленъ отбывать срокъ наказанія до конца".

Требуется, конечно, большое смиреніе духа и заглушенное самолюбіе, чтобы дать подобное обѣщаніе. Ставится на первый планъ „поведеніе". Такое же „поведеніе" требуется, чтобы заслужить предварительное одобреніе тюремнаго начальства и попасть въ списокъ намѣченныхъ къ досрочному освобожденію. А наружное „поведеніе" иной разъ легче для лицъ, умѣющихъ надѣть почтительную маску предъ тюремщиками. Изъ Илецка пишутъ „Оренбургской Газетѣ": „Интересно отмѣтить, что изъ лицъ, подлежащихъ досрочному освобожденію, громадный процентъ падаетъ на убійцъ и людей, покушавшихся на изнасилованіе. Процентъ же конокрадовъ, которые составляютъ подавляющее большинство отдѣленія, равенъ почти нулю". Почему убійцы и насильники болѣе заслуживаютъ довѣрія и досрочнаго освобожденія, чѣмъ конокрады? Только потому, что ихъ „поведеніе" получило одобреніе начальника тюрьмы. Причина случайная и поверхностная. Тираспольскій комитетъ правъ, добиваясь, чтобы

члены комитета получили доступъ въ тюрьму и сами рѣшали, кто изъ заключенныхъ болѣе заслуживаетъ освобожденія.

Еще важнѣе вопросъ: гдѣ и какъ должны досрочно-освобожденные доказывать свое новое, примѣрное „поведеніе"? Очевидно, въ административно-судебномъ мірѣ все еще господствуетъ архаическій взглядъ, что всякое преступленіе проистекаетъ исключительно изъ „злой воли", и что стоитъ только преступнику покрѣпче захотѣть да искренно подписать клятвенное обѣщаніе, то ужъ будетъ онъ на вѣрномъ пути исправленія. Между тѣмъ сколько тысячъ случаевъ воровства, грабежа, увѣчій, убійствъ происходятъ помимо всякой злой и доброй воли, подъ неотразимымъ вліяніемъ нужды, безработицы, дурной среды и многихъ другихъ какъ будто бы случайныхъ, побочныхъ причинъ! Поэтому вполнѣ справедливо „Уральская Жизнь" пишетъ слѣдующія строки: „Законъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи во многихъ мѣстахъ началъ уже примѣняться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не слышно, чтобы возникали общества патроната. Особыя коммиссіи, рѣшающія вопросъ объ освобожденіи, и администрація могутъ только выполнять функціи надзора за бывшими сидѣльцами тюремъ, но не въ состояніи оказать ту поддержку, ту помощь, въ которой, особенно первое время, они нуждаются. Иниціатива покровительства досрочно-освобожденнымъ должна исходить отъ самого общества. Когда былъ поднятъ вопросъ о введеніи у насъ, по примѣру Запада, досрочнаго освобожденія, онъ встрѣтилъ такое общее сочувствіе, что, казалось, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что общество не замедлитъ создать условія, благопріятныя для нравственной и матеріальной поддержки выпущенныхъ на свободу случайныхъ преступниковъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не произошло".

Къ той же сторонѣ дѣла „Сѣверо-Западный Голосъ" подходитъ съ еще большимъ пессимизмомъ. „Новый законъ — говоритъ виленская газета — встрѣтилъ на практикѣ неожиданное препятствіе, во многихъ случаяхъ уничтожающее значеніе новеллы, базирующейся на принципѣ нравственнаго возрожденія освобожденнаго. Дѣло въ томъ, что по новому закону большинство освобождаемыхъ высылается на новыя мѣста жительства, гдѣ имъ приходится устраивать свою жизнь, примѣняясь къ новымъ условіямъ. Благодаря этой „ссылкѣ", досрочно освобожденные оказываются поставленными въ невозможность пріискать себѣ средства къ жизни, такъ какъ на чужой сторонѣ, при отсутствіи знакомыхъ, клеймо „острожника" заставляетъ „благонамѣренныхъ" гражданъ сторониться отъ освобожденнаго. Далѣе: большинство освобожденныхъ фактически оказываются внѣ сферы наблюденія патроната или другихъ органовъ, вѣдающихъ дѣло исправленія освобожденныхъ. Поставленный въ условія, исключающія возможность

добывать средства къ жизни легальнымъ путемъ, освобожденный до срока арестантъ волей-неволей начинаетъ обращать свои взоры по ту сторону законности, а это въ конечномъ результатѣ ведетъ снова къ тюремному каземату. Человѣку надо ѣсть; къ тому же не слѣдуетъ забывать, что прежняя дѣятельность, приведшая къ тюрьмѣ, тюремная среда и преступная атмосфера успѣли оставить въ душѣ слѣды, которые могутъ быть стерты только при полной перемѣнѣ обстановки и предоставленіи освобожденному средствъ для борьбы за существованіе".

Эта маленькая реформа, которая такъ криво и неумѣло входитъ въ русскую жизнь, можетъ послужить урокомъ на двѣ стороны: правительству и обществу. Для перваго должна сдѣлаться ясной неполнота и бюрократичность закона, дающаго много правъ тюремному начальству даже и въ этой попыткѣ, намекающей на гуманность западно-европейскаго образца, и по прежнему не довѣряющаго общественнымъ силамъ. А обществу маленькій урокъ въ томъ смыслѣ, что никакая реформа, ни микроскопическая, ни самая громадная, не войдетъ въ жизнь съ творческой, обновляющей силой, если само общество встрѣтитъ ее праздно и выжидающе сложивъ руки. Разумѣется, нельзя ожидать большой охоты къ такимъ малымъ и скромнымъ дѣламъ, когда общественная энергія только-что стала-было загораться предъ грандіозными возможностями. Нѣтъ особеннаго желанія, притомъ, помогать сотнямъ калѣченныхъ, когда условія жизни сейчасъ же на глазахъ калѣчатъ новыя тысячи людей. Но все же всякая реформа—какъ ничтожная, такъ и величественная—одинаково безсильна и безжизненна, входя въ ткань унылаго, бездѣятельнаго общества.

Довольно новое явленіе представляютъ въ русской жизни правильно организованныя стачки. Въ настоящее время о стачкахъ почти ничего не слышно. Недавняя грозная волна прокатилась какъ будто бы безслѣдно. И дѣйствительно, массовыхъ, многотысячныхъ стачекъ съ широкими экономическими и политическими требованіями сейчасъ нѣтъ. Но, подбирая въ провинціальныхъ газетахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мелкія, случайныя извѣстія о стачкахъ, приходишь къ довольно неожиданному выводу: забастовка, какъ средство борьбы труда противъ капитала, не только не исчезла изъ русской жизни, но входитъ въ глубокіе и разносторонніе слои населенія. Стачка только потеряла сейчасъ шумный, демонстративный характеръ, но за то дѣлается привычнымъ и довольно успѣшнымъ орудіемъ рабочихъ и ремесленниковъ въ борьбѣ за улучшеніе своего положенія. Вотъ одно изъ обычныхъ теперь мелкихъ извѣстій фабричной жизни:

„24 сентября на фабрикѣ т-ва „В. Моргунова сыновей", — пишутъ „Русскому Слову" изъ с. Озеры, Московской губерніи, — забастовали, послѣ неудачныхъ переговоровъ съ администраціей фабрики, рабочіе прядильнаго отдѣла. Забастовавшіе указываютъ, что мастера стали отпускать въ машины плохо очищенный хлопокъ. Машины часто останавливаются, и рабочіе, благодаря существующей сдѣльной платѣ, терпятъ „прогулы". Рабочіе просятъ администрацію объ увеличеніи сдѣльной платы".

Извѣстіе сѣренькое, привычное для фабричной администраціи. И свидѣтельствуетъ оно только о томъ, что рабочіе научаются довольно тонко разбираться въ сложныхъ условіяхъ своей работы и умѣло организовать забастовку на маленькихъ, но точно обоснованныхъ причинахъ, предъявляя при томъ и требованія умѣренныя, исполнимыя. Рядомъ съ этимъ можно привести другое извѣстіе, освѣщающее, такъ сказать, моральную сторону стачекъ. „Недавно здѣсь — сообщаютъ „Сѣв.-Зап. Голосу" изъ Бѣлостока — происходила забастовка на суконной фабрикѣ Вернера, поводомъ къ которой послужило намѣреніе администраціи фабрики уволить нѣсколькихъ рабочихъ. Забастовка продолжалась 10 дней. Когда на работу были поставлены посторонніе рабочіе, явились рабочіе изъ разныхъ фабрикъ и заставили уйти штрейкбрехеровъ, одинъ изъ которыхъ отъ стыда повѣсился. На днѣхъ ночью арестованы, по предложенію охраны, около 20 рабочихъ".

Здѣсь уже чувствуется намекъ на серьезную, значительную профессіональную этику въ средѣ рабочихъ. Идти на рискъ стачки, подвергаться заключенію въ тюрьмѣ только потому, что нѣсколькимъ товарищамъ угрожало увольненіе—это свидѣтельствуетъ о живой организованной сплоченности и крѣпкомъ духѣ товарищества. А трагическое самоубійство штрейкбрехера новой, яркой чертой подчеркиваетъ, что забастовка уже прочно вошла въ рабочую жизнь и зиждется на крѣпкихъ моральныхъ основаніяхъ. Къ такому же порядку явленій относится слѣдующее извѣстіе изъ Ѳеодосіи: „Недоразумѣнія между мѣстными экспортерами — сообщаетъ харьковское „Утро"—и портовой артелью грузчиковъ въ настоящее время считаются улаженными. Какъ мы уже сообщали, отъ рабочихъ потребовали производства воскресныхъ работъ въ виду того, что управленіе дорогъ взимаетъ плату за простой вагоновъ. Портовые рабочіе отказались подчиниться этому требованію, и экспортерами была выписана изъ Одессы южнобережная артель въ 200 человѣкъ, съ которой и былъ заключенъ контрактъ. Прежніе рабочіе оставили работу, и изъ Одессы стали прибывать вновь приглашенные. Готовился серьезный конфликтъ... Къ счастью, прибывшіе рабочіе отказались приступить къ работамъ, заявивъ, что при наймѣ имъ сообщили, что въ Ѳеодо-

сіи недостача въ рабочихъ рукахъ. Начались снова переговоры со старыми рабочими, и тѣ, приступивъ къ выгрузкѣ хлѣба, согласились, наконецъ, работать и по воскресеньямъ". Артель изъ чужого города отказывается отъ заработка—штрихъ значительный для характеристики моральнаго значенія забастовки среди современнаго рабочаго люда.

Но, конечно, большинство стачекъ производится совсѣмъ не для нравственныхъ демонстрацій. Ближайшая цѣль—увеличеніе заработка, улучшеніе положенія. И еслибы всѣ безъ исключенія забастовки вели къ арестамъ, штрафамъ и увольненіямъ, не принося никакой практической пользы, то, вѣроятно, забастовка съ трудомъ прививалась бы къ русской жизни. Однако, не смотря на сѣрое, унылое безвременье, забастовки очень часто кончаются полнымъ, хорошимъ для рабочихъ результатомъ. „Забастовали рабочіе завода бр. Донскихъ—кратко сообщаютъ „Одесскимъ Новостямъ" изъ Николаева;—большинство требованій удовлетворено, и рабочіе приступили къ работамъ". Такая микроскопическая замѣтка, ничего не значащая для обыкновеннаго читателя, имѣетъ большое значеніе для рабочаго міра. Она поднимаетъ духъ, окрыляетъ надежды. „На той фабрикѣ удалось—почему бы и намъ не попробовать?" Даже и неудачники могутъ утѣшаться посторонними удачами. „Намъ не удалось, а вотъ на той фабрикѣ вышло. Значитъ, мы не съумѣли. Въ другой разъ надо умненько".

Изъ Кривого Рога „Кіевскимъ Вѣстямъ" пишутъ: „Администрація забастовавшаго „Рохмановскаго" рудника приняла рѣзкія мѣры, чтобы сорвать забастовку и начать прерванныя работы, но ей это не удалось въ виду упорной стойкости рабочихъ. Тогда администрація вынуждена была пойти на компромиссъ, такъ какъ дальнѣйшая забастовка явилась бы гибелью для рудника и, къ тому же, „резервной арміи" рудокоповъ, на которую она все время полагалась, не оказалось на мѣстѣ, такъ какъ „армія" эта была занята на полевыхъ срочныхъ работахъ. Волею неволею, скрѣпя сердце, рудничная администрація пошла на уступки. Главное требованіе, выставленное забастовщиками—именно уничтоженіе новыхъ незаконныхъ расцѣнокъ работъ,—администрація удовлетворила, заявивъ, что въ силѣ остаются прежнія расцѣнки. Что же касается другихъ требованій, какъ-то: отдачи обратно рабочимъ выработаннаго лѣса, уничтоженіе высокихъ штрафовъ, улучшеніе обращенія и т. д., администрація пообѣщала ихъ удовлетворить. На другой же день забастовка прекратилась. Рудникъ ожилъ, и сотни рабочихъ выбиваютъ уже руду въ темныхъ, сырыхъ штрекахъ. Кстати, на телеграмму рабочихъ на имя главнаго окружного инженера о незаконныхъ дѣйствіяхъ администраціи рудника и

о желательности пріѣзда его для разбора конфликта, окружный инженеръ прислалъ рудничной администраціи строгій выговоръ за игнорированіе ею горныхъ правилъ".

Въ данномъ случаѣ рабочіе даже въ узко-законномъ смыслѣ оказались правы, такъ какъ горныя правила были нарушены не ими, а рудничной администраціей. И все же имъ грозило увольненіе, не прояви они стойкости и не будь случайныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Такая побѣда еще болѣе должна подкрѣплять духъ не только забастовщиковъ, но и всѣхъ смежныхъ рабочихъ.

Вотъ еще одна изъ удачныхъ забастовокъ. „На желѣзнодорожной вѣткѣ у хлѣбныхъ амбаровъ—сообщаютъ „Саратовскому Вѣстнику" изъ сл. Покровской,—прекратили работы по разгрузкѣ хлѣба изъ вагоновъ около 300 рабочихъ. Забастовавшіе выставили слѣдующія требованія: плата за разгрузку хлѣба изъ вагона должна быть установлена въ 2 р. 40 к. отъ вагона (вмѣсто 1 р. 50 к.) и, во-вторыхъ, при разгрузкѣ вагона должно быть не 5, а 6 рабочихъ. Эти требованія согласились удовлетворить лишь нѣкоторые изъ хлѣбопромышленниковъ. Вся вѣтка на большомъ пространствѣ была запружена вагонами съ хлѣбомъ: въ этотъ день было подано по ней 271 вагонъ. Утромъ 8 августа въ слободу было подано еще 170 вагоновъ. Требованія грузчиковъ были приняты, и работы возобновились. Идетъ броженіе среди таскальщиковъ хлѣба въ амбары".

Еще внушительнѣе прошла забастовка грузчиковъ въ Царицынѣ. „Среди грузчиковъ лѣса въ вагоны желѣзной дороги—разсказываетъ „Саратовскій Вѣстникъ" — давно уже наблюдалось раздраженіе на лѣсниковъ и подрядчиковъ. 26-го и 27-го іюля раздраженіе проявилось въ формѣ отказа работать. На ст. Царицынъ рабочіе-грузчики въ видѣ протеста за то, что ихъ заставили работать въ воскресенье 26 іюля (спѣшно грузили 138 вагоновъ), заявили, что въ понедѣльникъ они работать не выйдутъ. Заявленію этому со стороны лѣсопромышленниковъ не было придано значенія, и на этотъ день на ст. Волжской было заказано 143 вагона. Оказалось, что 1.500 человѣкъ не вышли на работу не только на ст. Волжской, но и на станціяхъ Сарепта, Бекетовка и Елшанка. Выяснилось, что помимо нежеланія работать въ праздники общая причина недовольства рабочихъ—уменьшеніе лѣсопромышленниками заработной платы: рабочимъ было заявлено, что вмѣсто 22 рублей за тысячу пудовъ они будутъ получать 16 рублей. Рабочіе твердо стоятъ на исполненіи своихъ требованій. Ихъ поддерживаетъ и часть рабочихъ на лѣсопильныхъ заводахъ. 28 іюля работъ не было какъ на пристаняхъ, такъ и на станціяхъ: Царицынъ, Елшанка, Бекетовка и Сарепта. 29 іюля стачка закончилась. Хозяева согласились удовлетворить главнѣйшія требо-

ванія рабочихъ—объ отмѣнѣ праздничныхъ работъ и о повышеніи платы. На нѣкоторыхъ пристаняхъ плата повышена на 30 процентовъ—до нормы, установленной коллективнымъ договоромъ 1905 года".

Забастовка, какъ обычный пріемъ борьбы, входитъ уже въ обиходъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ трудового населенія. Изъ Ревеля, напримѣръ, сообщаютъ о забастовкѣ маляровъ, добившихся незначительныхъ прибавокъ отъ работодателей, изъ Астрахани—о забастовкѣ бондарей, изъ Кременчуга—рабочихъ-каменщиковъ. Особый и довольно любопытный случай, похожій на забастовку, произошелъ въ Кишиневѣ. „Не имѣвшій у насъ прецедента случай коллективной подачи въ отставку столоначальниковъ, секретаря и казначея бессарабскаго губернскаго правленія — пишетъ корреспондентъ „Одесскихъ Новостей"—вызвалъ много толковъ въ городѣ, особенно въ чиновничьихъ кругахъ. Вызванъ этотъ фактъ недовольствомъ установившимся въ послѣднее время въ губернскомъ правленіи режимомъ,—главнымъ образомъ, требованіемъ чрезмѣрныхъ дневныхъ и вечернихъ занятій. Хотя подававшихъ въ отставку удалось уговорить остаться на своихъ мѣстахъ и инцидентъ, видимо, считается исчерпаннымъ, тѣмъ не менѣе настроеніе среди служащихъ очень подавленное".

Даетъ намекъ на настроеніе, близкое къ забастовочному, и слѣдующее сообщеніе въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ" изъ Краснинскаго уѣзда: „Приблизился срокъ осенняго частичнаго взноса податей, а у многихъ крестьянъ платить нечѣмъ. Начинается опись и продажа послѣдняго скота. Въ деревнѣ Горюньковѣ, Мигновичской волости, на 9 августа было объявлено крестьянамъ-недоимщикамъ: везти въ волостное правленіе овецъ на продажу для погашенія недоимки. Но въ теченіе почти всего года въ волостное правленіе на торги никто изъ покупателей не является, и скотъ крестьяне везутъ обратно. Бывшіе прежде главными покупателями съ торговъ торговцы изъ мѣстечекъ Кадина и Татарска теперь изъ-за могущихъ отъ этого возникнуть дрязгъ съ крестьянами рѣдко на торги показываются. На этотъ разъ покупателей также не нашлось, и крестьяне своихъ овецъ привезли назадъ". Въ полномъ смыслѣ такой фактъ, конечно, нельзя назвать забастовкой. Но сплоченность крестьянъ въ отношеніяхъ къ скупщикамъ и кулакамъ и вынужденное воздержаніе послѣднихъ отъ участія въ торгахъ все-же говоритъ о нѣкоторой внутренней борьбѣ слабыхъ группъ населенія съ тяжелыми условіями жизни, и форма борьбы отчасти напоминаетъ забастовочную психологію.

Если припомнить случаи забастовокъ сельскихъ рабочихъ въ экономіяхъ помѣщиковъ, а также чисто стачечную постановку цѣнъ сплоченными косцами и жнецами на лѣтнихъ наемкахъ, что теперь практикуется во многихъ мѣстахъ, то сдѣлается несомнѣннымъ, въ

какомъ широкомъ и глубокомъ смыслѣ начинаетъ развиваться въ трудовомъ населеніи забастовочный характеръ борьбы съ утѣсненіями работодателей.

Въ этой области жизнь явно идетъ впереди законодательства. И когда, наконецъ, законъ о свободѣ экономическихъ стачекъ выйдетъ изъ законодательныхъ палатъ и подойдетъ къ жизни, то трудовые слои населенія встрѣтятъ его съ богатымъ практическимъ опытомъ, и не потребуется патронатовъ или другихъ общественно-попечительныхъ учрежденій для обученія рабочихъ элементарнымъ пріемамъ мирной, экономической стачки...

Микроскопическій, но все-же положительный и новый фактъ отмѣчаетъ слѣдующее сообщеніе изъ г. Вольска, Саратовской губ. „Уполномоченнаго мѣщанскаго общества Ф. П. Кваскова—говоритъ корреспондентъ „Сарат. Листка“—увѣдомили по телеграфу изъ Петербурга, что ходатайство вольскаго мѣщанскаго об-ва и городской думы о пониженіи избирательнаго ценза для выбора гласныхъ городской думы съ 1.000 рублей до 300 р. министерствомъ уважено. Ходатайство это возбуждалось мѣщанскимъ об-мъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ пять разъ, и каждый разъ въ немъ отказывалось. Наконецъ, въ шестой разъ его возбудили одновременно гор. дума и мѣщанское об-во, и на этотъ разъ оно получило удовлетвореніе. Теперь вмѣсто 100—150 избирателей будутъ участвовать въ выборахъ 2.000 человѣкъ“. Едва ли, конечно, найдется оптимистъ, который, прочитавъ это извѣстіе, радостно воскликнетъ: „Ну, наконецъ-то! „Успокоеніе“ окончилось, начались реформы!“ Однако, и такіе факты приходится заносить въ активъ нашей общественно-государственной жизни, безмѣрно богатой всяческими пассивами. Любопытны вмѣстѣ съ тѣмъ подробности этого маленькаго перелома въ жизни уѣзднаго города. По извѣщенію, полученному представителемъ мѣщанскаго о-ва отъ чиновника министерства, чувствуется, что петербургская бюрократія какъ будто склонилась благосклонно къ голосу вольскаго общественнаго мнѣнія, такъ согласно попросившаго для своего города маленькой реформы. И кстати корреспондентъ „Сарат. Листка“ сообщаетъ такой штрихъ: „Честь того, что ходатайство о пониженіи ценза, наконецъ, уважили, оспаривается: городское самоуправленіе приписываетъ ее себѣ, союзъ русскаго народа—себѣ“. Разумѣется, нѣсколько странно, что союзъ русскаго народа начинаетъ выступать съ такими полудемократическими ходатайствами (хотя это вполнѣ возможно, и при моемъ проѣздѣ черезъ Вольскъ нынѣшней весной я самолично слышалъ отъ мѣстнаго союзника, что они хлопочутъ о пониженіи ценза); но за то

ничуть не странно, что петербургская бюрократія особенно чутка къ такимъ ходатайствамъ, гдѣ голосъ общественнаго мнѣнія сливается съ голосомъ союза русскаго народа. Отъ такого оборота дѣла оптимистическія надежды на вступленіе бюрократіи на путь реформъ должны значительно померкнуть: не въ каждомъ же городѣ отдѣленіе союза русскаго народа будетъ такъ демократично, какъ въ Вольскѣ.

И случай съ выборами городского головы въ Курскѣ наглядно показалъ, что администрація усердно прислушивается къ голосамъ союзниковъ, когда они говорятъ совершенно не такъ, какъ въ Вольскѣ. Курская городская дума весьма умѣреннаго—октябристскаго—состава два раза выбирала въ головы прогрессиста А. В. Алехина, потому что онъ для этой общественной должности единственное подходящее лицо въ городѣ. Оба раза выборы не были утверждены. Въ третій разъ собрались гласные и опять повели рѣчь о томъ же г. Алехинѣ. Засѣданіе носило даже торжественный характеръ. „Мы дали присягу—говорилъ гл. Сапуновъ — защищать городскіе интересы, и эта присяга обязываетъ насъ хлопотать объ утвержденіи Алехина. Намъ ясно, почему послѣдовало это неутвержденіе, а министръ, можетъ быть, и не знаетъ, что̀ тутъ дѣлается. Неутвержденіе послѣдовало вслѣдствіе постороннихъ вліяній, и ихъ надо лично выяснить передъ министромъ. Какъ же такъ? Два раза дума выбираетъ голову, и два раза администрація не утверждаетъ“. Послѣ долгихъ дебатовъ—говоритъ корреспондентъ „Южнаго Края“,—дума большинствомъ двадцати девяти голосовъ противъ девятнадцати постановила послать въ Петербургъ особую депутацію, въ составѣ пяти гласныхъ, для личнаго ходатайства передъ П. А. Столыпинымъ объ утвержденіи курскимъ городскимъ головой А. В. Алехина“.

Депутація, вѣроятно, горѣла гражданскимъ усердіемъ разсказать въ Петербургѣ о непомѣрномъ засильѣ союзниковъ въ Курскѣ. Но съ депутаціей расправились очень просто: губернское присутствіе отмѣнило постановленіе думы о посылкѣ депутаціи. Дума постановила жаловаться на губернское присутствіе въ сенатъ. Но когда еще и какъ сенатъ скажетъ свое слово, а борьба городской думы съ союзниками и администраціей кончилась слѣдующимъ печальнымъ аккордомъ: „Вмѣсто избранника думы А. В. Алехина—сообщаетъ корреспондентъ „Южнаго Края“ — городскимъ головой назначенъ членъ мѣстнаго окружнаго суда г. Толубѣевъ. Такимъ образомъ, кандидатъ союзниковъ, провалившись на выборахъ, получилъ должность городского головы по назначенію. Это называется—„не мытьемъ, такъ катаньемъ“. Нужно ли говорить, что союзники въ восторгѣ отъ свалившагося на нихъ счастья. Захватить въ свои руки городское самоуправленіе—это ихъ давняя мечта“.

Такъ прислушалась курская и петербургская администрація къ голосу общественнаго мнѣнія г. Курска.

Недурнымъ и характернымъ дополненіемъ къ изложенной курской были можетъ служить вятская быль. Здѣсь съ облегченіемъ и нѣкоторыми надеждами встрѣтили новаго губернатора Камышанскаго, смѣнившаго прославившагося на всю Россію кн. Горчакова. „Все-таки законникъ,—говорили мѣстные прогрессивные дѣятели о новомъ губернаторѣ:—не будетъ, вѣроятно, такого явнаго произвола". И вотъ теперь „Русскимъ Вѣдомостямъ" сообщаютъ изъ Вятки: „Губернаторомъ Камышанскимъ не утверждены избранные въ предсѣдатели управъ: малмыжской—Батуевъ, вятской—Поскребышевъ. Первый былъ избранъ большинствомъ двадцати противъ одного голоса, и все собраніе обратилось къ губернатору съ ходатайствомъ объ утвержденіи Батуева въ должности. Вятскій, Поскребышевъ, былъ приглашенъ г. Камышанскимъ „для бесѣды", при чемъ губернаторъ предложилъ г. Поскребышеву „отказаться", ибо онъ его не утвердитъ, какъ человѣка молодого и неопытнаго. Г. Поскребышевъ не отказался... и въ тотъ же вечеръ предсѣдатель собранія получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что г. Поскребышевъ не утвержденъ. Не утверждены также два выбранные въ члены управы крестьянина гг. Калининъ и Самыловъ, также безъ объясненія причинъ. Между тѣмъ оба неутвержденные—умѣреннаго направленія. Въ Малмыжѣ не утвержденъ членомъ управы г. Одинцовъ, въ Уржумѣ — Басовъ и Перминовъ, въ Слободскомъ—Ясюнинъ, въ Нолинскѣ—Шабалинъ".

Вотъ какое трогательное соотвѣтствіе велѣній администраціи съ общественнымъ мнѣніемъ! Хорошо, что Вятская губернія, не смотря ни на что, ни на князя Горчаковаго, ни на „законника" г. Камышанскаго, бодраго духа не теряетъ. „Въ губернскіе гласные—говоритъ та же корреспонденція — всюду проходятъ прогрессисты. Изъ одиннадцати уже выбранныхъ губернскихъ гласныхъ только двое незначительнымъ числомъ голосовъ прошли изъ праваго лагеря. Многіе изъ правыхъ еще раньше не прошли даже въ уѣздные гласные".

Разумѣется, повсюду обществу главнѣйшія надежды и нужно возлагать на собственный бодрый духъ.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1909 г.

Общее положеніе дѣлъ.—Бесѣда П. А. Столыпина съ журналистомъ и предлагаемый реакціонной печатью пересмотръ основныхъ законовъ.—Первый думскій запросъ.—Вѣроисповѣдные законопроекты.—Земство въ западномъ краѣ и городское самоуправленіе въ царствѣ польскомъ.—Post-scriptum.

Глубоко скорбное чувство овладѣваетъ, въ настоящую минуту, всякимъ, кто желалъ бы видѣть Россію свободной и счастливой—и вѣрилъ въ безповоротное вступленіе ея на путь, ведущій къ этой цѣли. Уроки прошлаго какъ бы забыты. Можно подумать, что русско-японская война окончилась для насъ благополучно, что народнаго движенія, тѣсно съ нею связаннаго, не было вовсе, что бюрократія стояла и стоитъ на высотѣ самыхъ трудныхъ положеній, что вся задача будущаго сводится къ кое-какимъ реформамъ, ничѣмъ не отличающимся отъ тѣхъ, которыя были исполнены или задуманы въ послѣдніе годы стараго режима. Имѣются на лицо, правда, народные представители; но они разсматриваются какъ „сотрудники“, главною добродѣтелью которыхъ должна служить умѣренность и аккуратность. Имѣются партіи, но для закономѣрной ихъ дѣятельности требуется административная санкція; однимъ позволено почти все, другимъ — почти ничего. Имѣется видимость свободы и реальность произвола. Положеніе окраинъ не лучше, а хуже, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. На глазахъ „объединеннаго правительства“ совершаются такія отступленія отъ элементарныхъ требованій служебнаго долга, какія были немыслимы въ эпоху вѣдомственной розни: достаточно припомнить телеграмму генерала Думбадзе на имя финляндскаго генералъ-губернатора. И что всего важнѣе, всего печальнѣе: изъ положенія, ухудшающагося съ каждымъ днемъ, не предвидится выхода. Его считаютъ нормальнымъ; имъ готовы гордиться. Громко и назойливо звучатъ только тѣ голоса, которые требуютъ еще болѣе крутого поворота къ прежнимъ порядкамъ. И нѣтъ увѣренности въ томъ, что эти голоса не будутъ услышаны, эти требованія не будутъ исполнены.

Сопоставимъ, съ этой точки зрѣнія, ту часть извѣстной бесѣды предсѣдателя совѣта министровъ съ редакторомъ саратовской газеты, которая касается характера нашего государственнаго строя—и рядъ

статей, появившихся на дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. „Какъ будто трудно понять“—сказалъ П. А. Столыпинъ,—„что манифестомъ 17-го октября предуказано съ высоты престола развитіе чисто-русскаго, отвѣчающаго и народному духу, и историческимъ преданіямъ государственнаго устройства. Государю угодно было призвать народныхъ представителей себѣ въ сотрудники. Можно ли, послѣ того, говорить, что народное представительство что-либо *урвало* отъ царской власти“? Между началомъ и концомъ этого разсужденія нѣтъ внутренней связи: ставится вопросъ о томъ, *что* именно дано манифестомъ 17-го октября, а разрѣшается вопросъ о томъ, *какъ* оно дано—добровольно или недобровольно. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать разрѣшеніемъ перваго вопроса накопленіе эпитетовъ („чисторусское“, „отвѣчающее народному духу и историческимъ преданіямъ“), изъ которыхъ каждый допускаетъ различныя, даже противоположныя толкованія. Есть ли у насъ конституція, ограничена ли власть монарха—это остается неяснымъ; можно только угадывать мысль П. А. Столыпина, но нельзя фиксировать ее съ полною опредѣленностью. И вотъ, точки надъ *і* берутся поставить „Московскія Вѣдомости“—берутся не такъ грубо, не такъ аляповато и топорно, какъ это дѣлаютъ другіе органы правой печати, а съ претензіей на юридическую точность и тонкость. Менѣе, можетъ быть, зависимая отъ министерства, чѣмъ „Россія“, газета г. Тихомирова далеко несвободна отъ оффиціозной окраски. Высказываемые ею взгляды заслуживаютъ вниманія какъ отголосокъ теченій, существующихъ въ высшихъ сферахъ.

Справедливо находя, что „вопросъ объ устройствѣ верховной власти долженъ перестать быть *вопросомъ*“ — и въ этомъ, только въ этомъ болѣе приближаясь къ правдѣ, чѣмъ сбивчивыя и недостаточно прямыя министерскія декларації,—„Московскія Вѣдомости“ настаиваютъ на *пересмотрѣ* основныхъ законовъ, изданныхъ въ 1906-мъ году. Это значитъ, что основные законы неясны или несовершенны, что они требуютъ либо аутентичнаго толкованія, либо измѣненія и дополненія. Въ какомъ же порядкѣ должно быть произведено то или другое? Очевидно—въ порядкѣ, установленномъ дѣйствующимъ правомъ. Этотъ порядокъ не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Совершенно точно и опредѣленно ст. 94-ая устраняетъ возможность отмѣны закона иначе, какъ только силою закона; очень ярко подчеркивается вытекающій отсюда выводъ, что существующій законъ сохраняетъ полную свою силу, пока онъ положительно не отмѣненъ новымъ закономъ. Столь же ясно ст. 86-ая перечисляетъ условія, внѣ которыхъ или вопреки которымъ не можетъ послѣдовать и воспріять силу никакой новый законъ. Отъ обыкновенныхъ законовъ законы основные отличаются, въ этомъ отношеніи, исключительно тѣмъ, что могутъ подлежать пересмотру только

по почину Государя Императора; самый же пересмотръ ихъ, какъ и пересмотръ всякаго другого закона, долженъ происходить въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ (ст. 8). Что же, за такой ли пересмотръ, единственный правильный и легальный, стоятъ „Московскія Вѣдомости"? Нѣтъ; онѣ предлагаютъ нѣчто совсѣмъ другое, запутывая простой вопросъ въ цѣлую сѣть не особенно искусно придуманныхъ софизмовъ.

„Если мы возьмемъ въ совокупности" — такъ начинается статья, посвященная рѣшенію раньше поставленной задачи,—„учредительные акты верховной власти, какъ кодифицированные въ сводѣ 1906-го года, такъ и остающіеся донынѣ внѣ кодификаціи, то должны будемъ придти къ несомнѣнному убѣжденію, что власть эта остается въ рукахъ монарха *неограниченною*. Это, конечно, и естественно, ибо всякая *верховная* власть по существу *неограничена* юридически, и если бы власть русскаго монарха была ограничена, то это лишь показывало бы, что она перестала быть верховною... Всѣ другія власти подлежатъ ограниченію *извнѣ*, верховная же власть—только *изнутри* себя, посредствомъ *самоограниченія*, причемъ она для всѣхъ другихъ властей остается все-таки неограниченною". Несостоятельность этой аргументаціи очевидна. Еслибы терминъ: *верховная* считался синонимомъ термина: *неограниченная*, то какой же смыслъ имѣло бы исключеніе послѣдняго эпитета изъ новой редакціи основныхъ законовъ? Московская газета утверждаетъ, что такое исключеніе совершено „кодификаторами" безъ всякаго къ тому основанія и безъ всякаго на то права; но вѣдь *кодификація* основныхъ законовъ состоялась позднѣе, когда постановленія, въ которыхъ отразилась перемѣна государственнаго строя, были соединены съ другими, этою перемѣной не затронутыми. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ 23-го апрѣля 1906-го года утвержденные въ тотъ же день основные законы названы „начертанными по предуказаніямъ" Государя Императора, и въ ихъ составъ введены новыя положенія, „точнѣе разграничивающія область нераздѣльно принадлежащей" монарху „власти верховнаго государственнаго управленія отъ власти законодательной". Это, очевидно, актъ законодательнаго творчества, зрѣло обдуманный и планомѣрно исполненный—актъ, въ которомъ болѣе чѣмъ странно видѣть чью-то ошибку, чье-то „кодификаціонное" легкомысліе. Если, при такихъ условіяхъ, въ новый законъ не было перенесено изъ стараго указаніе на неограниченность царской власти, то это было сдѣлано, безъ сомнѣнія, не безъ „основанія" и не безъ „права", а въ силу совершенно естественной потребности согласовать форму—съ фактомъ, текстъ закона—съ измѣнившимися обстоятельствами, съ измѣнившимся распредѣленіемъ власти. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, въ указѣ 23-го апрѣля *нераздѣльно*

принадлежащей монарху названа только власть верховнаго управленія—и она противопоставлена власти законодательной, какъ раздѣленной между монархомъ и другими законодательными установленіями... Что̀ слѣдуетъ понимать подъ именемъ *верховной* власти—этого вопроса мы касаться не будемъ: спорный въ теоріи, онъ разрѣшается на практикѣ во всякомъ случаѣ не тѣмъ упрощеннымъ способомъ, за который стоятъ „Московскія Вѣдомости“. Согласиться съ ними, значило бы совершенно отрицать возможность *ограниченной монархіи*, т.-е. идти въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ бо̀льшей части западно-европейскихъ государствъ.

Не въ ссылкѣ на теорію верховной власти и на кодификаціонныя прегрѣшенія заключается, однако, главная суть аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“. Ея краеугольный камень—манифестъ 3-го іюня 1907-го года. Онъ подразумѣвается уже въ началѣ статьи, когда идетъ рѣчь объ „учредительныхъ актахъ верховной власти, остающихся донынѣ внѣ кодификаціи“. Дальше говорится прямо, что онъ составляетъ „несомнѣнное дополненіе къ ранѣе изданнымъ манифестамъ о преобразованіи русскаго государственнаго строя, а слѣдовательно является изъяснительнымъ дополненіемъ и къ узаконеніямъ 1906-го года объ основныхъ законахъ“. Это совершенно невѣрно. Манифестъ 3-го іюня ничего не установляетъ, ничего общаго и постояннаго не создаетъ: относясь всецѣло къ одному частному случаю, онъ къ разряду „учредительныхъ актовъ“ не принадлежитъ и предметомъ кодификаціи, слѣдовательно, служить не можетъ. Изъ манифеста 17-го октября легко было извлечь опредѣленіе способа, какимъ должны быть впредь издаваемы законы; но какое правило, подлежащее исполненію въ будущемъ, можно извлечь изъ манифеста 3-го іюня? Мы желали бы знать, какая часть его должна, по мнѣнію московской газеты, войти въ составъ свода законовъ? По всей вѣроятности—слѣдующая: „только власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической власти русскаго царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ“. Но, во-первыхъ, эти слова тѣснѣйшимъ образомъ связаны со всѣмъ предшествовавшимъ и, отдѣльно взятыя, пріобрѣтаютъ смыслъ, котораго вовсе не имѣли въ моментъ ихъ произнесенія; во-вторыхъ, они относятся только къ избирательному закону и не могутъ быть, безъ явной натяжки, распространены за его предѣлы. Что представляетъ собою, на самомъ дѣлѣ, манифестъ 3-го іюня — объ этомъ нашъ журналъ говорилъ подробно и вслѣдъ за его изданіемъ, и позднѣе [1]). Текстъ манифеста свидѣтельствуетъ о томъ, что измѣ-

[1]) См. внутреннія обозрѣнія въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1907-ой и № 4 за 1909-ый годъ, а также статью В. А. Маклакова въ № 5 текущаго года.

неніе, не въ установленномъ основными законами порядкѣ, положенія о выборахъ разсматривалось какъ нѣчто чрезвычайное, вызываемое исключительными обстоятельствами. Это былъ, въ сущности, государственный переворотъ—а государственный переворотъ не можетъ служить прецедентомъ, не можетъ быть возведенъ въ систему. Наши основные законы остались, послѣ 3-го іюня, тѣмъ же, чѣмъ они были до него.

Иначе рѣшаетъ вопросъ газета г. Тихомирова. Она считаетъ актъ 3-го іюня соединяющимъ въ себѣ всѣ условія, которымъ долженъ удовлетворять законъ, и видитъ въ немъ прототипъ *чрезвычайнаго* законодательства, столь же нормальнаго, какъ и законодательство *обычное*. Первая часть этого тезиса доказывается тѣмъ, что Сенатъ распубликовалъ манифестъ 3-го іюня и сопровождавшее его положеніе о выборахъ въ Государственную Думу, вся Россія произвела выборы на основаніи этого положенія, и наконецъ, какъ Государственный Совѣтъ, такъ и Государственная Дума новаго созыва не заявили никакого протеста противъ способа, какимъ былъ измѣненъ порядокъ выборовъ. Слабость этого доказательства совершенно очевидна: слишкомъ хорошо извѣстенъ характеръ Сената и Государственнаго Совѣта, исключающій всякую мысль о возможности какого-либо съ ихъ стороны протеста—и слишкомъ понятно, почему Государственная Дума не протестовала противъ акта, которому значительное ея большинство было обязано своимъ существованіемъ. Отсутствіе протеста — неизбѣжная принадлежность всякаго государственнаго переворота, сразу, безъ борьбы достигшаго своей цѣли. Болѣе чѣмъ странно, притомъ, говорить, по поводу выборовъ въ третью Государственную Думу, о *всей* Россіи или, какъ мы читаемъ нѣсколько дальше, о *народѣ* Россіи.

Установивъ, что отмѣна прежнихъ и изданіе новыхъ законовъ „самоличною волею монарха, по внушенію единоличнаго его разумѣнія“, составляетъ *фактъ русскаго государственнаго права*, „Московскія Вѣдомости“ стараются объяснить этотъ фактъ съ точки зрѣнія „юридическаго разума“ и находятъ такое объясненіе... въ ст. 4-ой основн. зак., т.-е. въ томъ самомъ постановленіи, которое, въ виду исключенія изъ него термина: *неограниченный*, составляетъ одну изъ главныхъ опоръ противоположнаго, общепринятаго мнѣнія. Сопоставляя его въ ст. 84-ой („имперія россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ законовъ, изданныхъ въ установленномъ порядкѣ), газета г. Тихомирова приходитъ къ заключенію, что „единственный *порядокъ*, по которому могъ явиться актъ 3-го іюня, какъ актъ правовой, есть непосредственное проявленіе верховной власти Государя Императора“. Напомнивъ, далѣе, слова манифеста 3-го іюня: измѣненія (избирательнаго закона) „не могутъ быть проведены *обычнымъ* законо-

дательнымъ путемъ", вслѣдствіе чего и понадобилось обратиться къ пути непосредственнаго дѣйствія верховной власти, газета восклицаетъ: „итакъ, въ мысли законодателя имѣется не одинъ, а два пути законодательнаго дѣйствія—*обычный* и *чрезвычайный*". Но вѣдь чрезвычайный путь указанъ уже въ ст. 87-ой основныхъ законовъ. Кромѣ чрезвычайнаго образа дѣйствій, заранѣе предусмотрѣннаго законодателемъ, есть, значитъ, еще экстра- или ультра-чрезвычайный? И этотъ совершенно необыкновенный, никѣмъ, въ моментъ обновленія нашего государственнаго строя, не предусмотрѣнный путь долженъ быть закрѣпленъ новою редакціею основныхъ законовъ?... Мы готовы думать, что „Московскія Вѣдомости" не понимаютъ всей чудовищности своего предложенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ согласить, въ благоустроенномъ государствѣ и въ высоко развитомъ правѣ, двѣ системы, взаимно исключающія одна другую? Зачѣмъ создавать сложный законодательный аппаратъ, удовлетворяющій требованіямъ времени, отвѣчающій степени развитія народа, если онъ во всякую данную минуту можетъ быть устраненъ и замѣненъ другимъ, заимствованнымъ изъ закончившейся эпохи, изъ не существующей больше обстановки? Вѣдь даже въ до-конституціонной Россіи изданіе законовъ было поставлено въ извѣстныя условія, обезпечивавшія хоть сколько-нибудь ихъ обдуманность и цѣлесообразность. Эти условія очень часто нарушались, но самое установленіе ихъ свидѣтельствовало о пониманіи трудности и отвѣтственности законодательнаго творчества. Г. Тихомирову и его единомышленникамъ до всего этого нѣтъ дѣла: ихъ вѣра въ чрезвычайность все превозмогаетъ — и они, не колеблясь, отстаиваютъ порядокъ, равносильный безпорядку. Возможна ли увѣренность въ твердости и устойчивости законовъ, разъ что каждый изъ нихъ во всякое время можетъ быть отмѣненъ или измѣненъ однимъ почеркомъ пера? Какую цѣну можетъ имѣть, при такихъ условіяхъ, *обычное* законодательство? Еслибы и было возможно намѣтить демаркаціонную черту между обоими законодательными „путями", то чѣмъ можно было бы обезпечить ея соблюденіе? Исключеніе, возведенное на степень самостоятельнаго юридическаго института, слишкомъ легко обращается въ общее правило. Съ другой стороны, что было бы выиграно съ введеніемъ системы „двухъ путей"? Она знаменовала бы собою возвращеніе къ прошлому — къ тому прошлому, разрывъ съ которымъ оказался неизбѣжнымъ, неотвратимымъ. Россія опять очутилась бы въ томъ положеніи, изъ котораго ее долженъ былъ вывести манифестъ 17-го октября — и тяжелую, мучительную работу пришлось бы опять возобновить съ начала, напрасно потративъ массу силъ и поколебавъ вѣру въ будущее.

Сторонники „чрезвычайнаго“ законодательства—или, еще проще, прямого отказа отъ всего возвѣщеннаго манифестомъ 17-го октября—составляютъ какъ бы крайній правый флангъ въ арміи враговъ конституціоннаго строя. Нѣсколько менѣе боевую позицію занимаютъ тѣ, чьей задачей является не разрушеніе, сразу, всего зданія, а уничтоженіе тѣхъ или другихъ его составныхъ частей. Прямое посягательство на Государственную Думу, какъ на законодательное учрежденіе, уступаетъ здѣсь мѣсто попыткамъ ограничить ея права, съузить кругъ ея дѣятельности. Мы видѣли недавно, что̀ сдѣлано, въ этомъ направленіи, въ области военнаго и морского законодательства. Государственной Думѣ предстоитъ показать — при обсужденіи запроса, внесеннаго вслѣдъ за открытіемъ новой сессіи, — какъ она относится къ правиламъ, „разъясняющимъ“ ст. 96-ую основн. законовъ. Что они „не устранятъ тревогъ и сомнѣній“, вызванныхъ, въ свое время, вопросомъ о штатахъ морского генеральнаго штаба—это призналъ, въ засѣданіи 12-го октября, даже представитель октябристовъ; но на эту почву не согласятся вступить крайніе правые, сразу взявшіе кричащую ноту. Ихъ представитель, г. Замысловскій, отказался прочесть текстъ запроса, когда это было ему, какъ старшему товарищу секретаря, предложено предсѣдателемъ Думы: онъ заявилъ, что не можетъ, „въ качествѣ вѣрноподданнаго“, огласить запросъ, противный закону. Какому закону — этого г. Замысловскій не объяснилъ; не объяснилъ онъ и того, почему онъ взялъ на себя роль предсѣдателя, отвѣтственнаго за законность всего происходящаго въ Думѣ. Его товарищи по партіи приняли его сторону, демонстративно оставивъ залу засѣданія. Весьма вѣроятно, что пренія по существу запроса не пройдутъ безъ „инцидентовъ“. Принципіальные враги новаго режима едва ли упустятъ случай заявить свою преданность старымъ традиціямъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить Думу между двухъ огней, принудивъ ее сдѣлать выборъ между неудовольствіемъ власти и осужденіемъ общественнаго мнѣнія.

Значенію Думы и нормальному развитію законодательства угрожаетъ другая, еще болѣе серьезная опасность. Правительство взяло обратно два вѣроисповѣдныхъ законопроекта, уже разсмотрѣнныхъ думскою коммиссіею и подлежавшихъ, въ ближайшемъ будущемъ, обсужденію въ общемъ собраніи Думы. Одинъ изъ нихъ касался смѣшанныхъ браковъ, другой — права пропаганды инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій. Составляя эти законопроекты и внося ихъ въ Думу, правительство, очевидно, считало ихъ входящими всецѣло въ область свѣтскаго законодательства. Теперь оно, на сколько можно судить по словамъ „Россіи“, усомнилось въ правильности такого взгляда. Едва ли можно отрицать—читаемъ мы въ

„Россіи“,—что вопросы, составляющіе предметъ обоихъ законопроектовъ, „слишкомъ существенно затрогиваютъ православную церковь... Ни въ какой мѣрѣ не стремясь лишать исповѣданія права проповѣдыванія, правительство и раньше настаивало на необходимости такихъ законодательныхъ нормъ, которыя обезпечивали бы первенствующее и господствующее значеніе въ православной странѣ церкви православной... Государство должно оставить за церковью самостоятельность въ вопросахъ догмата, въ вопросахъ каноническихъ, въ области собственно церковнаго законодательства“. Переработка законопроектовъ дастъ правительству возможность „представить ихъ Думѣ, въ такой формѣ, при которой устранятся многіе спорные пункты, или, во всякомъ случаѣ, въ такой, при которой съ бо̀льшей точностью можно будетъ разграничить область гражданскаго законодательства отъ области, принадлежащей компетенціи православной церкви“.

Слабость защиты всегда заставляетъ предполагать шаткость защищаемаго тезиса. Въ данномъ случаѣ аргументація „Россіи“ не поднимается даже до невысокаго уровня, обычно свойственнаго оффиціозной газетѣ. Почему она думаетъ, что новая переработка законопроекта устранитъ многіе спорные его пункты? Гдѣ ручательство въ томъ, что ихъ не окажется, на оборотъ, еще гораздо больше? При составленіи первоначальнаго законопроекта правительство дѣйствовало по собственному усмотрѣнію; теперь оно, безъ сомнѣнія, будетъ сообразоваться съ желаніями и видами православнаго духовенства—или, выражаясь точнѣе, вѣдомства православнаго исповѣданія. Трудно ожидать, чтобы это способствовало послѣдовательности и цѣльности законопроекта и увеличило его пріемлемость для большинства Думы, обнаружившаго, весною, довольно широкій взглядъ на вѣроисповѣдные вопросы. И въ какія противорѣчія запутываются уже теперь присяжные апологеты власти! Въ одной и той же фразѣ они говорятъ о самостоятельности, которою должна пользоваться церковь—и признаютъ, что вѣроисповѣдные вопросы не могутъ подлежать „*самостоятельному*, единоличному вершительству церкви“? Что же означаетъ эта не совсѣмъ самостоятельная самостоятельность? Что дѣлать въ случаѣ разномыслія между свѣтскою и духовною властями? Которой изъ нихъ должно принадлежать послѣднее, рѣшающее слово? Или, быть можетъ, при несогласіи между ними все должно остаться по старому? Но вѣдь это было бы равносильно сохраненію порядка, несовершенства котораго столько разъ были признаны верховною властью. Скажемъ болѣе: это было бы равносильно отступленію отъ началъ, провозглашенныхъ указами 12-го декабря 1904-го и 17-го апрѣля 1905-го года — началъ, реальное осуществленіе которыхъ немыслимо безъ изданія цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ имъ законовъ.

Что православной церкви должна принадлежать самостоятельность въ области догматовъ православной вѣры—этого никто не отрицаетъ; но на эту самостоятельность не посягаетъ ни одинъ изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ. Самостоятельной церковь можетъ быть и въ вопросахъ каноническаго права, но лишь на столько, на сколько идетъ рѣчь о церковной жизни членовъ церкви. Если каноническое право не допускаетъ браковъ между православными и неправославными, то подобный бракъ церковь можетъ считать недѣйствительнымъ, заключившій его православный можетъ быть отлученъ отъ церкви или исторгнутъ изъ ея среды; но дѣйствительность или недѣйствительность брака съ государственной точки зрѣнія должна быть опредѣляема свѣтскимъ законодательствомъ, по соображеніямъ свѣтскаго, государственнаго характера. Не случайно же и теперь сводъ законовъ гражданскихъ (т. X ч. 1) содержитъ въ себѣ издавна такія постановленія, какъ запрещеніе брачныхъ сопряженій лицъ православнаго исповѣданія съ нехристіанами (ст. 37 пун. 7) или разрѣшеніе браковъ между лицами всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданій (ст. 61). Каковъ бы ни былъ источникъ этихъ постановленій—церковный или не-церковный,—силу закона они получали лишь чрезъ санкцію свѣтской власти. Этимъ же путемъ они, въ виду измѣнившихся условій, могутъ быть измѣнены или вовсе отмѣнены. А условія измѣнились безспорно, и весьма значительно. Пока для всѣхъ числящихся православными были закрыты всѣ легальные пути выхода изъ православной церкви, хотя бы они перестали принадлежать или даже никогда къ ней не принадлежали, до тѣхъ поръ естественно было запрещеніе смѣшанныхъ браковъ или предъявленіе къ нимъ строгихъ требованій, обезпечивающихъ православіе будущаго ихъ потомства. Совершенно инымъ положеніе дѣла является теперь, когда свободно можно переходить изъ православія въ другую, хотя бы и нехристіанскую вѣру. Конечно, православное духовенство нельзя принудить къ вѣнчанію всѣхъ браковъ между православными и неправославными; но на обязанности правительства лежитъ установленіе такихъ формъ брака, которыя были бы дѣйствительны и безъ участія православнаго духовенства. Само собою разумѣется, что согласія на то со стороны православной церкви ожидать нельзя—но нельзя признавать за нею права veto, выходящаго за предѣлы нормальнаго круга дѣйствій церковной власти. Узаконенію гражданскаго брака церковь противилась вездѣ и всегда — но это не помѣшало ему появиться и окрѣпнуть почти во всѣхъ культурныхъ христіанскихъ государствахъ. Нельзя забывать, что для старообрядцевъ гражданскій бракъ былъ введенъ у насъ еще въ 1874-мъ году.

Еще меньше основаній для сомнѣній представляетъ, съ занимаю-

щей насъ точки зрѣнія, законопроектъ о правѣ пропаганды. Онъ не затрогиваетъ ни каноническаго права, ни области „собственно церковнаго законодательства". Само собою разумѣется, что всякая церковь, въ особенности—церковь признаваемая господствующею, расположена къ возможно большему ограниченію свободы всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданій; но опредѣлять мѣру этой свободы должна государственная власть, руководствуясь государственными соображеніями. Въ странѣ, достигшей извѣстной степени умственнаго развитія и политической свободы, нельзя наложить молчаніе на цѣлыя группы населенія, по вопросамъ, играющимъ важную роль въ ихъ духовной жизни. Нельзя, безъ явнаго насилія надъ совѣстью, запретить проповѣдь во время богослуженія—а какъ провести демаркаціонную линію между проповѣдью и пропагандой? Нельзя запретить сравнительный разборъ, въ печати, различныхъ вѣроученій—а какъ предусмотрѣть и какъ предупредить дѣйствіе его на читателей, которые не всѣ же принадлежатъ къ числу единовѣрцевъ автора? Нельзя положить конецъ частнымъ бесѣдамъ о вѣрѣ—а какъ различить простое изложеніе взглядовъ отъ стремленія убѣдить собесѣдника? И здѣсь запретительная система была понятна только до тѣхъ поръ, пока каждый, записанный православнымъ, считался безповоротно прикрѣпленнымъ къ православной церкви. Теперь выходъ изъ нея открытъ—и, слѣдовательно, потеряла смыслъ прежняя усиленная ея охрана. Наказуемой пропаганда можетъ считаться только тогда, когда преступны, въ силу общихъ уголовныхъ законовъ, ея способы и пріемы.

Если вѣрить „Россіи", вѣроисповѣдные законопроекты взяты изъ Думы только для переработки и, слѣдовательно, должны вновь получить движеніе въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Медлить съ этимъ нельзя; безъ того уже слишкомъ много времени прошло между провозглашеніемъ религіозной свободы и проведеніемъ ея въ жизнь. Слишкомъ часто дѣйствія властей—въ особенности мѣстныхъ—идутъ въ разрѣзъ съ намѣреніями, выраженными въ актахъ первостепенной важности. Этому можетъ положить конецъ только стройное законодательство, проникнутое глубокимъ уваженіемъ къ требованіямъ совѣсти. На пути къ нему предстоитъ преодолѣть, кромѣ колебаній министерства, еще одно существенно важное препятствіе: противодѣйствіе, болѣе чѣмъ вѣроятное, Государственнаго Совѣта, консервативное большинство котораго значительно усилено послѣдними выборами. Все зависитъ здѣсь отъ общаго хода дѣлъ. Наша верхняя палата не представляетъ собою самостоятельной силы: съ перемѣной господствующаго настроенія уменьшится или исчезнетъ опасность, грозящая вѣроисповѣднымъ законопроектамъ со стороны Государственнаго Совѣта.

Общей земской реформѣ, проектъ которой все еще не законченъ и не поставленъ на очередь, будетъ предпослано, по видимому, введеніе земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ. Основой для нихъ послужитъ дѣйствующее положеніе 1890-го года, съ двумя только крупными отступленіями: земство въ девяти западныхъ губерніяхъ будетъ безсословнымъ, и въ его организаціи будетъ отведено большое мѣсто національному принципу. Остановимся на послѣднемъ нововведеніи, аналогію которому можно было найти до сихъ поръ только въ положеніи о выборахъ въ Государственную Думу.

„Земскія учрежденія"—читаемъ мы въ рѣчи, которою П. А. Столыпинъ открылъ, 6-го октября, осеннюю сессію совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства,—„учрежденія не политическія, а хозяйственныя; правильность и успѣшность ихъ дѣйствій обусловливается участіемъ въ нихъ всѣхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ правильной экономической жизни края. Но точно также несомнѣнно, что преобладаніе какой-нибудь народности въ хозяйственной жизни края не можетъ не придать опредѣленной племенной окраски всей мѣстности, такъ какъ хозяйственные интересы глубже проникаютъ въ народную толщу, чѣмъ даже интересы политическіе. Между тѣмъ ясно, что вѣковое громадное усиліе государства въ сторону обезпеченія преобладанія въ западномъ краѣ русской государственности не можетъ быть сведено на нѣтъ, сведено на нѣтъ даже безъ всякой борьбы, просто въ порядкѣ законодательнаго просмотра или вслѣдствіе теоретическаго бездушнаго государственнаго творчества. Поэтому министерство поставило себѣ цѣлью застраховать будущія земскія учрежденія отъ крупной опасности превратиться въ колонизаціонную сѣть, разносящую по краю начала если не враждебныя, то несовпадающія съ государственными. Не желая никого озлоблять, не желая противопоставлять одну часть населенія другой, министерство, просто въ силу существующаго положенія вещей, сочло необходимымъ провести опредѣленную государственную черту, переступать которую было бы, по его мнѣнію, опасно. Опасность, по мнѣнію министерства, заключается не только въ возможности поглощенія русскаго элемента въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ находится въ меньшинствѣ, но и въ рискованности предоставленія свободнаго состязанія народности русской и народностей иныхъ, тамъ, гдѣ первая преобладаетъ численно, а другія—экономически. Отсюда понятно, почему законопроектъ считаетъ необходимымъ закрѣпить не только извѣстное русское меньшинство въ земствѣ по губерніямъ виленской, ковенской, въ шести уѣздахъ гродненской и въ трехъ уѣздахъ витебской губерніи, но также въ самомъ законѣ опредѣлить степень участія въ земствѣ для сильной экономической группы польской тамъ, гдѣ преобладаетъ численно населеніе русское".

Ни одно изъ общихъ положеній, приведенныхъ въ рѣчи премьеръ-министра, не можетъ считаться доказаннымъ. Изъ хозяйственнаго характера земскихъ учрежденій слѣдуетъ сдѣлать выводъ прямо противоположный тому, къ которому приходитъ П. А. Столыпинъ. Въ хозяйственныхъ дѣлахъ элементъ національный отражается сравнительно слабо. Всѣ мѣстные жители и землевладѣльцы, къ какой бы народности они ни принадлежали, одинаково заинтересованы въ исправномъ состояніи дорогъ, въ доступности врачебной помощи, въ широкомъ распространеніи и точномъ соблюденіи противопожарныхъ и санитарныхъ мѣръ, въ удешевленіи кредита, въ наличности организацій, способствующихъ развитію сельско-хозяйственныхъ и другихъ промысловъ. Яблокомъ раздора могло бы послужить развѣ народное образованіе—но оно должно и можетъ быть регулировано закономъ, въ смыслѣ удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ требованій, отъ какой бы народности они ни исходили. Лучшее средство возбудить или поддержать недовѣріе между составными частями населенія—искусственное обособленіе ихъ, отправляющееся отъ предвзятой мысли о неизбѣжномъ между ними антагонизмѣ. Явясь въ земское собраніе не какъ представители своей мѣстности, а какъ представители національныхъ курій, гласные принесутъ съ собою сѣмена розни, которыя не могутъ не повредить земскому дѣлу. Въ рѣчи П. А. Столыпина много говорится о государственности, о государственныхъ интересахъ; но развѣ къ числу послѣднихъ не принадлежитъ сближеніе народностей, входящихъ въ составъ государства? Министерство „не желаетъ противопоставлять одну часть населенія другой“—но фактически дѣйствуетъ именно въ этомъ смыслѣ, подчеркивая, обостряя, увѣковѣчивая все то, что̀ желательно было бы смягчить и сгладить. Именно въ той „народной толщѣ“, о которой говоритъ предсѣдатель совѣта министровъ, могла бы найтись благопріятная почва для объединенія народностей, одинаково выгоднаго и для нихъ самихъ, и для государства. „Вѣковое громадное усиліе“ государственной власти не достигло своей цѣли; къ чему же продолжать его, новыми по внѣшности, но въ сущности старыми средствами? И какимъ образомъ земство западнаго края, при отсутствіи національныхъ курій, могло бы обратиться въ „колонизаціонную сѣть, разносящую по краю начала, не совпадающія съ государственными“? Развѣ назначеніе земства—насаждать государственность, понимаемую сегодня — такъ, завтра—иначе? Привязать населеніе къ государству оно можетъ только однимъ способомъ: подъемомъ благосостоянія народной массы—а для этого оно должно быть свободно отъ національныхъ и сословныхъ предубѣжденій, отъ внѣшняго культа механически понимаемой и примѣняемой государственности.

Допустимъ, однако, что необходимо принять особыя мѣры для

огражденія малоимущаго и мало развитаго русскаго крестьянства отъ слабаго численно, но сильнаго экономически польскаго меньшинства. Для достиженія этой цѣли можно было бы избрать средство гораздо болѣе простое, чѣмъ устройство національныхъ курій: введеніе въ западномъ краѣ всеобщей подачи голосовъ или по возможности близкаго къ ней вида голосованія. Менѣе просто, но еще болѣе правильно было бы установленіе пропорціональнаго представительства. Намъ могутъ сказать, что и то, и другое было бы слишкомъ рѣзкимъ отступленіемъ отъ земскаго положенія 1890-го года; но развѣ этому положенію извѣстна организація національныхъ курій? Рано или поздно—и нужно надѣяться, что скорѣе рано, чѣмъ поздно—всеобщее голосованіе будетъ введено во всей Россіи; ему принадлежитъ будущее, чего, конечно, нельзя сказать о системѣ, построенной на разъединеніи національностей... Можно было бы, наконецъ—если ужъ признается необходимымъ не слишкомъ рѣзко расходиться съ дѣйствующимъ земскимъ положеніемъ,—увеличить число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и этимъ путемъ уменьшить вліяніе поляковъ-землевладѣльцевъ. Или это послужило бы опаснымъ прецедентомъ, опаснымъ умаленіемъ престижа, подобающаго крупному землевладѣнію?.. Характерно, для переживаемой нами эпохи, что проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ не встрѣчаетъ одобренія ни въ правой печати, ни въ такихъ собраніяхъ, какъ происходившій недавно въ Кіевѣ западно-русскій съѣздъ. Ограниченія, которымъ подвергается польскій элементъ, признаются здѣсь недостаточными. Удовлетворить крайнихъ „патріотовъ“ могло бы, по видимому, только пріуроченіе всѣхъ политическихъ и общественныхъ правъ къ двумъ условіямъ: русскому происхожденію и православному исповѣданію. Это не означаетъ, конечно, полной равноправности *всѣхъ* русскихъ, *всѣхъ* православныхъ. Различія между ними остались бы очень большія; все дѣло въ томъ, чтобы какъ можно хуже было правовое положеніе инородцевъ и иновѣрцевъ.

Устройствомъ „національныхъ отдѣленій“ (образуемыхъ для избранія не только уѣздныхъ, но и губернскихъ гласныхъ) не ограничиваются особенности земства, проектируемаго для западнаго края. „Принятая проектомъ постановка вопроса“ — читаемъ мы въ рѣчи П. А. Столыпина—„обезпечиваетъ, казалось бы, справедливое участіе въ земствѣ всѣхъ группъ населенія западнаго края [1]). Она, можетъ быть, обез-

[1]) Не знаемъ, какъ совмѣстить съ этими словами — а также съ приведенными нами выше, признающими необходимость участія въ хозяйственныхъ учрежденіяхъ „всѣхъ элементовъ населенія, заинтересованныхъ въ экономической жизни края“,— полное устраненіе евреевъ и отъ активнаго, и отъ пассивнаго земскаго избирательнаго права. Вѣдь едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что они „не заинтересованы“ въ земскомъ хозяйствѣ западныхъ губерній. Правда, устраненіе имѣетъ

печивала бы окончательно и интересы государственные, еслибы въ составъ западнаго края не входило нѣсколько мѣстностей, весьма слабыхъ составомъ русскаго населенія. Для обезпеченія главнымъ образомъ этихъ мѣстностей отъ подчиненія ихъ чуждымъ имъ и новымъ до сихъ поръ племеннымъ вліяніямъ, необходимо еще ввести въ проектъ нѣсколько привходящихъ минимальныхъ требованій. Минимумъ—это предсѣдатель губернской земской управы изъ лицъ русскаго происхожденія, всѣ главнѣйшія должности по найму, не менѣе половины выборныхъ должностей и не менѣе половины мелкихъ служащихъ по найму также изъ русскихъ. Если это не будетъ сдѣлано, то въ нѣкоторыхъ частяхъ западнаго края, особенно въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, вводить земство было бы, быть можетъ, неосмотрительнымъ, такъ какъ на государствѣ лежитъ обязанность въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ государственныя начала недостаточно еще окрѣпли, поддерживать ихъ силой самого закона". „Минимальныя" требованія оказываются, такимъ образомъ, весьма высокими. Обязательство замѣщать цѣлый рядъ должностей непремѣнно лицами русскаго происхожденія можетъ до крайности затруднить выборъ и привести къ сосредоточенію значительной части земскихъ дѣлъ въ рукахъ лицъ, не пользующихся довѣріемъ населенія или недостаточно знакомыхъ съ поручаемою имъ отраслью хозяйства. И здѣсь опять мы видимъ ссылку на „государственныя начала", какъ будто бы необходимымъ условіемъ ихъ проведенія — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточной гарантіей умѣнья и знанія, безъ которыхъ безсильна самая патентованная благонамѣренность—служило русское или, точнѣе, непольское происхожденіе (къ русскимъ предполагается, по видимому, приравнять нѣмцевъ). Невольно, хочется воскликнуть, пародируя извѣстное изреченіе madame Роланъ: „о государственность, сколько ошибокъ совершается во имя твое"!

Менѣе замѣтно, чѣмъ въ проектируемомъ устройствѣ земскихъ учрежденій западнаго края, недовѣріе къ полякамъ проявилось въ проектѣ введенія городового положенія въ царствѣ польскомъ—и въ рѣчи, произнесенной П. А. Столыпинымъ при внесеніи этого проекта въ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства. И здѣсь, однако, немаловажную роль играютъ національныя куріи—а дѣятельность депутата, посланнаго въ Государственную Думу русскимъ населеніемъ Варшавы, заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы искусственно организованное

какъ бы временный характеръ („впредь до пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о евреяхъ"); но когда будетъ приведенъ къ концу пересмотръ, о которомъ идетъ рѣчь уже четверть вѣка? Почему, притомъ, незаконченность пересмотра, не мѣшающая евреямъ участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу, составляетъ препятствіе къ допущенію ихъ на земскіе выборы?

представительство русскаго меньшинства могло привести къ сближенію его съ кореннымъ населеніемъ края. Обязательно смѣщанный составъ городскихъ думъ усиливаетъ опасность чрезвычайнаго права, предоставляемаго правительству—право „замѣнять по особымъ соображеніямъ, на срокъ не болѣе трехъ лѣтъ, общественныя самоуправленія непосредственнымъ управленіемъ правительственнымъ". Широкое примѣненіе этого права можетъ въ корнѣ подорвать значеніе самоуправленія—а поводомъ къ принятію экстраординарной мѣры легко могутъ стать пререканія между польско-еврейскимъ большинствомъ и русскимъ меньшинствомъ, поддержаннымъ администраціею.

Такова печальная участь нашей западной окраины: преобразованія, даже предпринимаемыя въ ея интересахъ, заключаютъ въ себѣ зародышъ новыхъ усложненій и столкновеній. Еще печальнѣе, конечно, положеніе Финляндіи. Здѣсь конфликтъ уже наступилъ, и трудно предвидѣть, до какихъ онъ дойдетъ размѣровъ. Хорошо еще, что въ послѣднее время замолкли слухи объ отдѣленіи выборгской губерніи. Опроверженія и увѣренія оффиціозной газеты не внушаютъ, вообще говоря, большого довѣрія; но на этотъ разъ они, можетъ быть и соотвѣтствуютъ дѣйствительности. По словамъ „Россіи", никакихъ аггрессивныхъ намѣреній у правительства по отношенію къ Финляндіи нѣтъ. Ближайшее будущее, тѣмъ не менѣе, представляетъ и здѣсь мало утѣшительнаго.

P.-S.—Наше обозрѣніе было уже отдано въ печать, когда въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появились двѣ новыя статьи объ основныхъ законахъ. Въ одной изъ нихъ (№ 239) услужливо предлагается даже цѣлый проектъ новой редакціи важнѣйшихъ узаконеній. Диковинки этого проекта не исчерпываются установленіемъ различія между *обычнымъ* порядкомъ осуществленія законодательной власти и порядкомъ *чрезвычайнымъ*, опредѣляемымъ какъ „непосредственное дѣйствіе верховной власти" (при чемъ не требуется даже *совпщанія* съ какимъ бы то ни было учрежденіемъ, т.-е. дѣлается шагъ назадъ даже сравнительно съ прежними основными законами). Отмѣнѣ, по мнѣнію газетнаго прожектера, подлежитъ ст. 11-ая, обусловливающая изданіе указовъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, соотвѣтствіемъ съ законами. Другими словами, въ актахъ верховнаго управленія, какъ и въ актахъ чрезвычайнаго законодательства, возстановляется отмѣненная въ 1906 г. неограниченность верховной власти. Этого мало: на степень *правила*, утвержденнаго основными законами, предполагается возвести такія проявленія верховной власти, какія при старомъ государственномъ строѣ встрѣчались лишь въ видѣ *исключенія* и носили внѣ-законный характеръ. „Государь Императоръ"—

читаемъ мы въ проектируемой ст. 17-ой—„назначаетъ и увольняетъ всѣхъ должностныхъ лицъ на службѣ государственной и *на службѣ общественныхъ самоуправленій*, дѣйствуя или непосредственными Высочайшими повелѣніями, или въ порядкѣ Его Величествомъ указанныхъ уставовъ службы, *доколѣ не заблагоразсудитъ прибѣгнуть къ непосредственному Высочайшему повелѣнію*“. Ничего подобнаго, какъ извѣстно, не установляли земское и городовое положенія, не только въ ихъ первоначальномъ видѣ, но и въ той измѣненной формѣ, какую они получили въ эпоху „преобразованій на оборотъ“. Въ довершеніе всего замышляется возстановленіе „кабинетной юстиціи“, de jure переставшей существовать со времени изданія судебныхъ уставовъ 1864-го года, да и de facto, даже въ до-реформенное время, примѣнявшейся крайне рѣдко. „Судебная власть“ — гласитъ проектируемая статья 22-ая — „осуществляется отъ имени Государя Императора установленными Имъ судебными учрежденіями, по усмотрѣнію же верховной власти— непосредственно Государемъ Императоромъ“. Московскую газету можно поблагодарить за ея откровенность: сбросивъ всѣ маски и покровы, она показала намъ истинное лицо той партіи или котеріи, которая хотѣла бы отбросить Россію далеко назадъ, не только за 17-ое октября, не только за 12-ое декабря, но и за 1-ое января и 20-ое ноября 1864-го года, и подчинить ее деспотизму, какого теперь нѣтъ ни въ Персіи, ни въ Турціи, и скоро не будетъ въ Китаѣ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА

„Почти незамѣченнымъ прошло“ — говорили мы на этомъ мѣстѣ четверть вѣка тому назадъ—двадцатипятилѣтіе общества литературнаго фонда“ [1]). Ближайшіе дни покажутъ, можно ли сказать то же самое о его пятидесятилѣтіи.

Обстоятельства, при которыхъ наступалъ первый юбилей фонда, существенно отличны отъ нынѣшнихъ. Тогда въ тѣхъ слояхъ русскаго общества, которымъ близка и родственна литература, господствовало

[1]) См. „Обществ. Хронику“ въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1884-ый годъ. О литературномъ фондѣ намъ приходилось говорить, въ общественныхъ хроникахъ, много разъ, большею частью для того, чтобы отражать совершенно незаслуженныя на него нападки (1894 г., 3, 4, 9; 1900, 2; 1902, 1; 1903, 10).

унынiе, граничившее съ безнадежностью. Позади лежалъ рядъ тяжкихъ испытанiй; впереди не виднѣлось ничего, кромѣ сгущенiя тьмы и обострения гнета. Въ такое время иногда усиливается интересъ къ печатному слову, какъ къ единственному, хотя и глухо звучащему будильнику среди всеобщаго сна; но въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ даже этотъ интересъ чувствовался сравнительно слабо, отчасти—подъ вліяніемъ жестокихъ ударовъ, только что нанесенныхъ журналистикѣ (припомнимъ, сколько періодическихъ изданій, съ „Отечественными Записками“ во главѣ, въ эти годы сошло со сцены). Литература больше чѣмъ когда-либо нуждалась въ сочувствіи, въ поддержкѣ — и меньше чѣмъ когда-либо ихъ находила. Теперь Россія также переживаетъ періодъ разочарованій, также стоитъ на наклонной плоскости, по которой трудно подниматься, легко скользить и падать; но въ ней не угасла бодрость духа, не изсякла вѣра въ скорую перемѣну къ лучшему. Общество, широко раздвинувшее свои границы, не такъ изолировано, какъ прежде, не такъ лишено соприкосновенiя съ народной массой; не смотря на рядъ неудачъ, оно полно жизненной силы. Больше ли прежняго, однако, оно дорожитъ литературой, больше ли сознаетъ свою глубокую связь съ нею? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Не литературѣ принадлежала главная роль въ недавно совершившихся событiяхъ. Въ ея средѣ нѣтъ, въ данную минуту, такихъ „властителей думъ“, какими были еще недавно наши великiе художники слова и наши богатыри критической мысли. Даже помимо внѣшнихъ причинъ, крайне для нея неблагопрiятныхъ, она находится не въ авантажѣ, меньше прежняго пользуется вниманiемъ и почетомъ. Не отзовется ли это на чествованiи литературнаго фонда, какъ отозвалась на немъ апатiя 1884-го года?

Можно ли, однако, ставить судьбу фонда въ зависимость отъ судебъ литературы? За утвердительное рѣшенiе этого вопроса давно уже высказался Салтыковъ. Вотъ что онъ писалъ въ началѣ 1884-го года, за нѣсколько мѣсяцевъ до двадцатипятилѣтiя фонда [1]): „Общества для пособiя нуждающимся литераторамъ и ученымъ никто знать не хочетъ. А право, вѣдь это учрежденiе сотни Шпильгагеновъ стоитъ! Подумайте! Оно одно поддерживаетъ (на сколько можетъ) интересы пишущаго пролетарiата, одно, которое безъ ужимокъ признаетъ свою солидарность съ русской литературой. Какихъ еще больше правъ на вниманiе общества! Бѣдный русскiй литературный фондъ! Онъ, всецѣло раздѣляетъ судьбы русской литературы. Подобно ей, онъ нахо-

[1]) Статья Салтыкова, откуда мы заимствуемъ эти слова, появилась первоначально (въ „Отечественныхъ Запискахъ“) въ то время, когда въ Петербургѣ чествовали пріѣздъ Шпильгагена. Она вошла въ составъ „Неоконченныхъ бесѣдъ“.

дится въ забвеніи; подобно ей, влачитъ унылое и скудное существованіе. Коли хотите, это логично; но какъ-то горько мириться съ этой логикою. Все думается: куда было бы лучше, еслибъ благоденствовала литература и вмѣстѣ съ нею благоденствовалъ бы и литературный фондъ".

И дѣйствительно, подобно тому, какъ государство обезпечиваетъ инвалидовъ своей арміи, общество должно было бы обезпечивать инвалидовъ своей литературы. Нѣтъ человѣка сколько-нибудь образованнаго—скажемъ болѣе: человѣка хорошо грамотнаго,—въ жизни котораго не играли бы роль книга, журналъ или газета, который бы не былъ имъ чѣмъ-нибудь обязанъ, не состоялъ бы въ долгу передъ ними. И это столь же несомнѣнно теперь, какъ и тогда, когда писалъ Салтыковъ. Еслибы даже и можно было допустить, что въ послѣднее время активъ текущей литературы пересталъ превышать ея пассивъ, то неприкосновеннымъ осталось бы то громадное значеніе, которое имѣли и продолжаютъ имѣть для каждаго изъ насъ великія произведенія прошлаго, и близкаго, и болѣе отдаленнаго. Ихъ свѣтъ падаетъ на настоящее и обязываетъ помнить ихъ завѣты. „Литература не умретъ" — воскликалъ Салтыковъ,—„не умретъ во вѣки вѣковъ". Надо расчищать передъ ней дорогу и, помогая многимъ, сберегать тѣмъ самымъ тѣ немногія дарованія, которыя, оставленныя безъ поддержки, могли бы не вынести тяжелой борьбы за существованіе. И не одни дарованія имѣютъ право на помощь: оно принадлежитъ всякому, кто честно вноситъ свой трудъ, хотя бы и мало производительный, и свои силы, хотя бы и небольшія, въ дѣло, требующее не только вождей, но и рядовыхъ рабочихъ. Такъ всегда понималъ свою задачу литературный фондъ — и именно потому въ его помощи никогда не было ничего унизительнаго для тѣхъ, кто ею пользовался. Дѣйствуя отъ имени общества, фондъ какъ бы уплачиваетъ должное, оказываетъ не милость, а справедливость.

Съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Салтыковъ, капиталъ литературнаго фонда возросъ, приблизительно, въ семь разъ; соотвѣтственно этому поднялась цифра расходовъ фонда — и все-таки его по прежнему можно назвать „бѣднымъ литературнымъ фондомъ". Онъ бѣденъ потому, что удовлетворяетъ только малую часть нужды, постоянно растущей въ постоянно увеличивающейся литературной средѣ; онъ бѣденъ потому, что въ его дѣлѣ участвуетъ только крайне незначительная часть русскаго общества. Его семисотъ-тысячный капиталъ образовался, главнымъ образомъ, изъ крупныхъ пожертвованій отдѣльныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ его дѣятельностью [1]); его доходы слагаются, главнымъ

[1]) Замѣчательно, что двое изъ самыхъ крупныхъ жертвователей (Г. З. Елисеевъ

образомъ, изъ процентовъ съ этого капитала и изъ выручки отъ продажи изданій фонда, между которыми первое мѣсто занимаютъ стихотворенія Надсона, ставшія литературною собственностью фонда по завѣщанію покойнаго поэта [1]). Рядомъ съ этими двумя доходными статьями, давшими въ 1908-мъ году, въ круглыхъ цифрахъ, 29 и 17½ тысячъ рублей, совершенно ничтожную роль играютъ членскіе взносы, составившіе въ томъ же году менѣе 2½ тысячъ рублей. Всѣхъ членовъ фонда было къ 1 января 1909-го года 409, въ томъ числѣ 78 пожизненныхъ (т.-е. внесшихъ единовременно не менѣе 100 рублей) и 331 (въ томъ числѣ 42 иногородныхъ) *дѣлающихъ*, какъ сказано въ отчетѣ, ежегодные взносы. Правильнѣе было бы сказать: *обязанныхъ дѣлать*. Еслибы эта обязанность всѣми исполнялась, сумма членскихъ взносовъ не могла бы быть меньше 3.300 рублей; но на самомъ дѣлѣ она была бы значительно больше, такъ какъ нѣкоторые пожизненные члены фонда продолжаютъ единовременные взносы, а изъ не-пожизненныхъ иные вносятъ ежегодно больше десяти рублей. Отсюда ясно, что недоимщики составляютъ около трети всѣхъ не-пожизненныхъ членовъ. И это повторяется изъ года въ годъ, не смотря на всѣ напоминанія комитета! Какъ ничтожна, затѣмъ, общая цифра членовъ фонда, особенно иногородныхъ! Она почти равна той, при которой началась дѣятельность фонда (368), и значительно уступаетъ, напримѣръ, цифрамъ 1866-го, 1877-го, 1883-го, 1891-го, 1897-го гг. (643—576—781—752—491). Существуютъ и другія формы содѣйствія фонду (напр. „дружининская копейка“, „читательскій рубль“), вполнѣ доступныя для тѣхъ, кому обременителенъ десятирублевый ежегодный членскій взносъ; но онѣ получили крайне слабое развитіе и даютъ совершенно ничтожныя цифры.

Не недостатками ли самого учрежденія, не ошибками ли и погрѣшностями его дѣятелей объясняется, однако, слабость связи между литературнымъ фондомъ и русскимъ обществомъ? Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ данъ, безъ сомнѣнія, очеркомъ дѣятельности литературнаго фонда за пятьдесятъ лѣтъ, приготовляемымъ для юбилейнаго изданія. Ограничимся немногими замѣчаніями. Стоитъ только взглянуть на группу первыхъ членовъ комитета фонда, изображеніе которой приложено къ настоящей книжкѣ нашего журнала, чтобы понять,

---

и В. О. Михневичъ) принадлежали сначала къ числу самыхъ строгихъ порицателей дѣятельности фонда, но совершенно перемѣнили свое мнѣніе о ней, когда ознакомились съ нею поближе. Многіе другіе жертвователи (В. П. Гаевскій, А. А. Краевскій, А. Н. Плещеевъ) подолгу были членами комитета фонда.

[1]) С. Я. Надсонъ получилъ отъ фонда, во время болѣзни, около тысячи рублей—а капиталъ, вырученный отъ продажи его стихотвореній, составлялъ къ 1-му января 1909-го года болѣе 124-хъ тысячъ.

подъ какою счастливою звѣздою началось его существованіе. Передъ нами редакторы трехъ журналовъ, между которыми уже тогда начиналась борьба, еще сдержанная, сравнительно мягкая, но предвѣщавшая неминуемость вражды: „Современника“ (Н. Г. Чернышевскій), „Отечественныхъ Записокъ“ (С. С. Дудышкинъ и А. А. Краевскій) и „Библіотеки для чтенія“ (А. В. Дружининъ). Рядомъ съ художникомъ слова (Тургеневъ) мы видимъ скромныхъ служителей его, глубоко преданныхъ литературѣ (П. В. Анненковъ, А. С. Галаховъ). Университетская наука представлена заходящей звѣздой (А. В. Никитенко) и свѣтиломъ, находящимся въ зенитѣ (К. Д. Кавелинъ). Остальныя три мѣста заняты людьми, одинаково близкими къ ученой дѣятельности и къ оффиціальному міру (Е. П. Ковалевскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Е. И. Ламанскій). Этотъ составъ можетъ считаться типичнымъ для послѣдующихъ комитетовъ. Иногда—въ послѣднее время рѣже, чѣмъ прежде—выражалось удивленіе, почему членами комитета *литературнаго* фонда являются далеко не одни только профессіональные литераторы. По этому поводу достаточно напомнить полное, оффиціальное названіе фонда: общество для пособія нуждающимся *ученымъ и литераторамъ*. Присутствіе лицъ, не играющихъ боевой роли въ литературѣ, способствовало установленію въ комитетѣ фонда того безпристрастія, которое всегда было и до сихъ поръ остается чрезвычайно цѣнной его чертой. Безпартійность усвоена имъ сознательно и твердо, какъ необходимое условіе справедливаго исполненія его отвѣтственной задачи. Она руководила и руководитъ и выборомъ кандидатовъ въ члены комитета (зависящимъ, по уставу, отъ самого комитета), и раздачей пенсій, ссудъ и пособій. Сфера, изъ которой избирались и избираются кандидаты, никогда не была замкнутой и неподвижной. Были, правда, лица, подолгу состоявшія почти безсмѣнными членами комитета (съ годовыми, конечно, перерывами, требуемыми уставомъ фонда), и это много содѣйствовало устойчивости традицій, столь важной въ подобномъ дѣлѣ; но рядомъ съ ними постоянно проходили въ комитетъ и новые люди, предупреждая опасность обращенія традицій въ рутину. Благодаря этому комитетъ фонда прожилъ полвѣка безъ катастрофъ, безъ кризисовъ, въ полномъ согласіи и единеніи. Масса труда, затрачиваемаго его членами—особенно предсѣдателемъ, секретаремъ и казначеемъ,—непрерывно растетъ, тяжелымъ бременемъ ложась на людей безъ того достаточно занятыхъ; и тѣмъ не менѣе всегда находятся люди, готовые взять на себя эту тяжесть. Отмѣтимъ одну подробность, съ перваго взгляда мелкую, но въ сущности очень характерную: вопреки распространенной у насъ привычкѣ опаздывать всегда и всюду, члены комитета аккуратно собираются въ назначенное время, и неизмѣннымъ изъ года въ годъ

остается какъ день засѣданія (понедѣльникъ), такъ и часъ его открытія (8 ч. веч.).

Чему же приписать часто повторявшіяся—но никогда не подтверждавшіяся — нарекапія на комитетъ фонда? Ихъ внушала нерѣдко вражда—вражда тѣхъ небольшихъ литературныхъ или политическихъ группъ, которыя, систематически держась вдали отъ фонда, ничѣмъ ему не помогая, всегда готовы бросать палки подъ его колеса, взводить на него вздорныя, иной разъ прямо безсмысленныя обвиненія. Таково, напримѣръ, неоднократно повторявшееся увѣреніе, что фондъ стоитъ внѣ всякаго правительственнаго контроля, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ полный отчетъ комитета, съ поименованіемъ всѣхъ получавшихъ отъ него какую-либо помощь, представляется ежегодно министру народнаго просвѣщенія. Другой источникъ нападеній—простое незнаніе. Упускается изъ виду, что какъ въ силу устава, такъ и по самому смыслу своей задачи, комитетъ обязанъ держать въ тайнѣ имена лицъ, къ нему обращающихся, открывая ихъ, кромѣ министерства, только избираемой ежегодно ревизіонной коммиссіи. Отсюда рядъ произвольныхъ догадокъ и неосновательныхъ предположеній, опровергать которыя комитетъ не въ правѣ. Только по прошествіи многихъ лѣтъ является иногда возможность возстановить истину. Обязанность молчанія снимается съ комитета смертью лицъ, пользовавшихся его поддержкой. Теперь можно сказать, что къ ихъ числу принадлежали, между прочимъ, вдова Бѣлинскаго, декабристъ М. А. Бестужевъ, Достоевскій, П. В. Павловъ, Н. А. Серно-Соловьевичъ, Щаповъ, Лажечниковъ, В. Ѳ. Коршъ, Надсонъ, Хвощинская-Заіончковская (Крестовскій-псевдонимъ), вдова Рѣшетникова, Глѣбъ и Николай Успенскіе, Левитовъ, жена Н. Г. Чернышевскаго, А. И. Эртель. Эти имена не требуютъ комментаріевъ.

Въ своей защитѣ „бѣднаго литературнаго фонда“ Салтыковъ отмѣтилъ двѣ категоріи лицъ, прежде и больше всего обязанныхъ придти къ нему на помощь: это—писатели, вполнѣ обезпеченные благодаря своимъ литературнымъ успѣхамъ, и книгопродавцы, „на костяхъ литературы создавшіе свои болѣе или менѣе значительныя состоянія“. Въ обѣихъ категоріяхъ найдется и теперь немало людей, игнорирующихъ призывъ великаго сатирика. Просматривая списокъ членовъ фонда, приложенный къ послѣднему отчету комитета, мы были поражены отсутствіемъ въ немъ именъ почти всѣхъ беллетристовъ, выдвинувшихся на первый планъ въ послѣдніе годы. Исключеніе составляетъ чуть ли не одинъ А. И. Купринъ. Мало, также, именъ издателей и книгопродавцевъ. Но еслибы къ фонду примкнули всѣ тѣ, кто непосредственно соприкасается съ литературой и многимъ непо-

средственно ей обязанъ, этого было бы еще слишкомъ мало. Нормальнымъ положеніе фонда можно будетъ признать только тогда, когда число его членовъ и постоянныхъ жертвователей будетъ считаться не сотнями, а тысячами и десятками тысячъ, когда онъ найдетъ прочную и широкую опору во всѣхъ концахъ Россіи, во всѣхъ слояхъ читающей публики. Случится это, по всей вѣроятности, тогда, когда литература, освобожденная отъ внѣшнихъ стѣсненій, освободившаяся отъ внутреннихъ пороковъ — остатковъ переходнаго времени,—займетъ подобающее ей мѣсто въ умахъ и сердцахъ русскаго общества. Да будетъ такъ хотя бы къ концу второго полустолѣтія существованія русскаго литературнаго фонда!

К. Арсеньевъ.

ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

На очереди стоитъ въ настоящую минуту старый вопросъ о выставочныхъ помѣщеніяхъ. Снова придется многимъ выставкамъ ютиться по частнымъ квартирамъ, и художники будутъ мечтать, какъ о какихъ-то Эльдорадо, о помѣщеніяхъ въ родѣ Михайловскаго манежа. А что же дѣлаетъ наша академія художествъ? О, она давно знаетъ, какъ трудно теперь художникамъ находить помѣщенія для выставокъ, знаетъ, что нѣсколько интересныхъ выставокъ изъ-за этого не состоялось, благодаря полной невозможности найти хоть сколько-нибудь сносное помѣщеніе. И для рѣшенія вопроса о постройкѣ при академіи спеціальнаго выставочнаго помѣщенія (на что имѣется около ста тысячъ рублей спеціальнаго капитала) избрана особая коммиссія. Я думаю, что въ числѣ многихъ нашихъ анекдотическихъ коммиссій она занимаетъ исключительное мѣсто. Скоро пять лѣтъ, какъ организована она, и никто не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о ходѣ и результатѣ ея трудовъ. Промелькнуло-было извѣстіе, что коммиссія нашла возможнымъ приспособить къ устройству выставочнаго зала помѣщеніе, гдѣ расположилось Императорское мозаическое отдѣленіе (что было бы довольно удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса); но дальше разговоровъ дѣло не пошло. Между тѣмъ, въ обширномъ участкѣ, занимаемомъ академіей художествъ, всегда можно найти нужное количество земли для выставочнаго зданія. Но академія не торопитъ свою типичную для всего

академическаго строя коммиссію. Что ей до нуждъ художниковъ! Художники—сами по себѣ, академія—сама по себѣ.

Существуетъ предположеніе устроить отдѣленіе академіи художествъ въ Римѣ, по образцу отдѣленія французской академіи и учредить такія же, какъ и во Франціи, „prix de Rome“ для наиболѣе успѣвающихъ питомцевъ. Какимъ непониманіемъ теперешняго положенія нашей академіи надо обладать, чтобы проектировать еще новое отдѣленіе этого разрушающагося учрежденія! Если въ Россіи, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, наша художественная молодежь находится подъ гнетомъ чиновниковъ-профессоровъ, систематически убивающихъ въ ней все живое, искреннее и непосредственное, то гдѣ же основаніе думать, что подъ небомъ Италіи отдѣленіе академіи будетъ не калѣчить, а воспитывать и развивать молодыя дарованія? Нѣтъ, надо имѣть мужество прямо и опредѣленно сказать, что основанія къ такой метаморфозѣ никакого не имѣется. Еслибы на лицо имѣлись, въ числѣ профессоровъ академіи, талантливые и энергичные руководители молодежи, то почему бы имъ не показать себя на берегу Невы, а непремѣнно надо ѣхать къ берегамъ Тибра? Академическое собраніе, съ горячностью, достойной лучшаго дѣла, схватилось за этотъ проектъ и, не смотря на многое множество срочныхъ и спѣшныхъ дѣлъ, ставитъ его на первую очередь. Весьма возможно, поэтому, что бюджетъ академіи отяготится новымъ, тяжелымъ и совершенно безполезнымъ расходомъ. При нашей системѣ назначенія на художественныя должности за выслугу лѣтъ, на должность завѣдующаго русской „виллой Медичи“ посадятъ вѣроятно, какого-нибудь старца, иначе сказать — создадутъ новую синекурную должность, какихъ такъ много въ нашемъ художественномъ вѣдомствѣ.

Даже если предположить нѣчто необычайное, а именно, что академическое начальство захочетъ поручить римское отдѣленіе какому-нибудь изъ молодыхъ художниковъ, талантливому, энергичному, преданному дѣлу, сознающему тѣ задачи, которыя должны проводиться учрежденіемъ подобнаго рода, то толку опять-таки никакого нельзя ждать. Вѣдь центральное учрежденіе не допуститъ, чтобы въ „отдѣленіи“ все шло не по рутинѣ, не по разъ выработанному для всѣхъ индивидуальностей пути. Это сознаютъ отлично всѣ, кто знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ нашей академіи, и, слѣдовательно, никто изъ молодыхъ художниковъ не откликнется на зовъ академическаго собранія.

Петербургскій художественный сезонъ открытъ. Въ залахъ Пассажа, такихъ неуклюжихъ, съ такимъ неудобнымъ размѣщеніемъ свѣта, открылась очередная „осенняя“ выставка, устраиваемая однимъ изъ

столичныхъ художественныхъ магазиновъ. Казалось бы, что общаго между художественной выставкой и торговымъ предпріятіемъ? Но наши художники не любятъ сами устраиваться, подыскивать подходящее помѣщеніе, и рады идти по первому зову того или иного предпринимателя. Но если художники идутъ къ такимъ предпринимателямъ, какъ напримѣръ Дягилевъ, С. Маковскій, или, для провинціальныхъ выставокъ, А. Филипповъ, то это еще понятно, такъ какъ выставки ихъ организуются исключительно съ культурно-художественной цѣлью. Не то представляетъ собой „осенняя выставка". Ея характеръ—исключительно коммерческій; выставка представляетъ собой ничто иное, какъ временное отдѣленіе художественнаго магазина на бойкомъ мѣстѣ столицы. И все-таки, наряду съ бездарностями, въ „безпартійной" осенней выставкѣ считаютъ возможнымъ принимать участіе художники несомнѣнно талантливые, съ будущностью, какъ напримѣръ Бродскій. Имъ выставлено всего пять вещей, но эти работы—единственное, на чемъ можно остановить свое вниманіе послѣ своеобразной живописи художниковъ Ауэра, Лоренса, Зайцева и многихъ другихъ. О Бродскомъ мнѣ приходилось уже обстоятельно писать. Повидимому, онъ все совершенствуется въ техникѣ и палитра его пріобрѣтаетъ все большую характерность и опредѣленность. Выставленное имъ теперь привлекаетъ интимностью, задушевностью, нѣжной деликатностью исполненія. Мнѣ думается, что по характеру своего таланта Бродскій по преимуществу пейзажистъ; въ этомъ родѣ живописи у него наиболѣе интересныя, наиболѣе привлекательныя работы. Особенное вниманіе привлекаетъ „Облачный день", въ которомъ художникъ вернулся къ излюбленной своей темѣ—къ эффекту сѣти вѣтвей на фонѣ яснаго неба. Много настроенія въ „Старомъ домѣ"; хороша по краскамъ, такимъ правдивымъ и живымъ, „Осень". Въ этюдномъ портретѣ, не смотря на нѣкоторую плосковатость, чувствуется превосходная техника рисунка. — Но неужели на всей выставкѣ ничего не вспоминается иного, кромѣ работъ Бродскаго? — спроситъ читатель. Увы, ничего. Можно было бы со спокойной совѣстью на этомъ покончить съ „осенней" выставкой, еслибы не хотѣлось сказать нѣсколько словъ о шаржахъ С. Заборовскаго и Л. Злотникова, особенно же послѣдняго. У насъ въ Россіи искусство этого рода стоитъ на очень невысокой ступени развитія. Единственный художникъ большого, чисто художественнаго таланта, злого, остраго и ѣдкаго сатирика, бьющаго по истинѣ не въ бровь, а прямо въ глазъ—П. Щербовъ. Этотъ во всемъ своеобразный человѣкъ создалъ совершенно новую манеру художественной каррикатуры-шаржа и не имѣетъ соперниковъ въ своемъ жанрѣ. Но въ широкихъ кругахъ публики извѣстность его не велика, не смотря на долголѣтнее участіе его въ юмористическомъ журналѣ

„Шутъ". Происходитъ это оттого, что Щербовъ сюжетами своихъ бичующихъ шаржей бралъ почти исключительно дѣятелей тѣснаго кружка художниковъ и близкихъ къ нимъ людей. Великолѣпная работа нерѣдко оставалась для огромнаго большинства загадкой, ибо рѣшительно не знали, противъ кого направилъ художникъ свое жало. Щербовъ не интересуется, повидимому, политикой; даже парламентская жизнь не привлекла его вниманія. Въ этомъ — причина его малой извѣстности. Кромѣ Щербова, художниковъ-юмористовъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія, у насъ почти нѣтъ. Единственный сатирическій журналъ „Сатириконъ" — совсѣмъ не то, что, напримѣръ, „Симплициссимусъ", въ которомъ молодыя дарованія воспитываются и развиваются. Есть въ числѣ сотрудниковъ „Сатирикона" художникъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, наблюдательностью и юморомъ—Ре-Ми; но годъ отъ году его работы не улучшаются, а все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ анекдотовъ, „разсказываемыхъ" все съ меньшимъ успѣхомъ. На теперешней „осенней" выставкѣ есть двое художниковъ, о которыхъ мы только-что упомянули. И первый, и второй— съ несомнѣнными способностями, но бѣдность темъ, неглубокій юморъ и неряшливость рисунка заставляютъ пожалѣть о томъ, что они, повидимому, мало работаютъ надъ своимъ художественнымъ саморазвитіемъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что на „осенней" выставкѣ есть и скульптурный отдѣлъ, но, строго выдержанный въ общемъ стилѣ выставки, художественнаго значенія онъ никакого не имѣетъ.

Библіотекаремъ академіи художествъ, художникомъ-архитекторомъ Ѳ. Г. Беренштамомъ—едва ли, къ слову сказать, вмѣстѣ съ хранителемъ академическаго музея Э. О. Визелемъ, не единственнымъ съ пользой работающимъ членомъ академіи—нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришла счастливая мысль время отъ времени устраивать въ помѣщеніи зала періодической печати при академической библіотекѣ выставки тѣхъ художественныхъ сокровищъ, что хранятся въ папкахъ библіотеки. Большая ихъ часть не только мало доступна для осмотра, но даже мало кому извѣстна, такъ какъ ни описи, ни каталога ихъ не опубликовано. Нѣсколько разъ были показаны подлинные рисунки цѣлаго ряда выдающихся русскихъ художниковъ прежняго времени, а также продемонстрированы драгоцѣнныя художественныя изданія. Теперь въ академической библіотекѣ выставлены рисунки талантливаго художника Горшельта. Въ его кавказскихъ рисункахъ ярко выразился далеко не дюжинный талантъ художника, скончавшагося еще молодымъ. Въ нихъ столько смѣлости, столько вѣрно и мѣтко схва-

ченныхъ характерныхъ чертъ, что только диву можно даваться, когда узнаешь, что Горшельтъ родился и воспитывался далеко отъ кавказскихъ горъ, что выросъ онъ не среди боевыхъ горныхъ племенъ Кавказа, а въ тихой, спокойной обстановкѣ баварца средняго класса. Гористыя мѣста Баваріи давали ему лишь нѣкоторое представленіе о горныхъ громадахъ Кавказа. Біографическія свѣдѣнія объ этомъ интересномъ художникѣ дошли до насъ въ отрывочныхъ и немногихъ замѣткахъ. Трудно сказать, что̀ именно влекло Горшельта на Кавказъ, куда онъ стремился еще изъ мастерской своего профессора въ Мюнхенѣ. Вѣроятно, начитавшись въ нѣмецкихъ газетахъ о легендарныхъ походахъ Шамиля и о его непобѣдимости, художникъ сталъ рисовать себѣ необыкновенныя картины края, гдѣ дѣйствовали такіе герои. Но Горшельтъ былъ небогатъ. Путешествіе на Кавказъ было сопряжено съ большими расходами, и прошло сравнительно немало времени прежде чѣмъ онъ смогъ исполнить свою мечту. Сначала онъ предпринималъ путешествія по Испаніи и сѣверной Африкѣ, и только сколотивъ нужную сумму поѣхалъ на Кавказъ. Тутъ его дѣйствительность такъ захватила, что онъ выступалъ не только какъ художникъ, но и какъ воинъ въ рядахъ русскихъ войскъ и за самоотверженіе и храбрость получилъ нѣсколько русскихъ орденовъ. Князь Барятинскій съ большимъ вниманіемъ отнесся къ молодому художнику, и все, что̀ было въ его средствахъ, предоставлялось Горшельту. Художникъ былъ въ высшей степени плодовитъ; набросковъ и рисунковъ онъ сдѣлалъ великое множество. Немало походныхъ альбомовъ и блокъ-потовъ было имъ раздарено по листамъ отдѣльнымъ лицамъ и теперь погибло для насъ; но къ счастью немалое число листовъ попало и въ академическую библіотеку и сохранено въ отличномъ порядкѣ.

Пересматривая Горшельтовскіе рисунки, поражаешься проникновенностью въ духъ той эпохи, въ полную суровыхъ лишеній безропотную жизнь русскаго солдата, гибнувшаго на кручахъ и въ пропастяхъ кавказскихъ горъ. Если не измѣняетъ мнѣ память, Горшельтъ—единственный художникъ-иностранецъ, изумительно правдиво, даже проникновенно изобразившій жизнь и типы Россіи. По техникѣ исполненія, Горшельтовскіе рисунки настолько совершенны и безукоризненны, что теперешнюю ихъ выставку въ академіи я горячо совѣтовалъ бы посѣтить не только любителямъ искусства, но и самимъ художникамъ: на рисункахъ Горшельта есть чему поучиться.

Ив. Лазаревскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Это—старый споръ, давно терзающій ищущее человѣчество и особенно близкій русскимъ искателямъ истины: споръ между Христомъ и Великимъ Инквизиторомъ, между Соней Мармеладовой и Родіономъ Раскольниковымъ. Спорятъ идеалисты-человѣколюбцы двухъ типовъ. Зрѣлище всемірнаго и повседневнаго страданія человѣческаго уязвило и возмутило ихъ сердца, и они встали на спасеніе людей отъ боли и ужаса жизни. Близкихъ или дальнихъ, немногихъ или всѣхъ—это все равно; суть спора не въ этомъ, а въ томъ, на какомъ пути, какимъ методомъ можно достигнуть спасенія. Одни говорятъ: спасеніе—въ кроткомъ подвигѣ всеобъемлющей любви и самопожертвованія до конца, пусть даже не дающемъ немедленныхъ, осязаемыхъ, числомъ и мѣрой опредѣляемыхъ результатовъ. Другіе говорятъ: любовь и самоотреченіе только множатъ зло и страданіе; лишь властный и мудрый, ставшій выше любви и состраданія, спасетъ людей. Одни говорятъ: всякій человѣкъ богоподобенъ и прекрасенъ въ основѣ своей; спасетъ людей и міръ тотъ, кто заставитъ всѣхъ увѣровать въ эту истину. Другіе говорятъ: ничтоженъ и смраденъ человѣкъ, и лишь тотъ, кто постигъ эту истину, разрѣшитъ мучительную загадку бытія. Но и говорящій такъ гдѣ-то въ глубинѣ души своей чуетъ ложность своего утвержденія, предчувствуетъ, что въ новый, быть-можетъ еще болѣе ужасный тупикъ заведетъ его путь. Однако за него говоритъ вся мудрость евклидовскаго ума, вся исторія человѣчества, вся спокойно наблюдаемая и анализомъ разсѣкаемая дѣйствительность. Онъ страстно желаетъ, чтобы его мрачная правда оказалась ложью; но честная, безтрепетная мысль на каждомъ шагу находитъ лишь новыя подтвержденія. И наростаетъ въ душѣ гнѣвное возмущеніе противъ мірового порядка за то, что онъ поставилъ человѣка между истиною, которую хочется проклясть, какъ ложь, и ложью, передъ которою хочется преклониться, какъ передъ истиною.

На почвѣ этой трагедіи Ивана Карамазова развиваются и исканія Леонида Андреева.

„Нѣтъ звѣря жесточе человѣка“,—говоритъ царь Иродъ въ драмѣ „Савва“. И цѣлый рядъ образовъ, созданныхъ Андреевымъ, начиная съ „Бездны“, иллюстрируетъ эту мысль. Но человѣкъ не только

жестокъ: онъ пошлъ, тупоуменъ, грязно эгоистиченъ. И это положеніе подтверждается другой серіей Андреевскихъ типовъ. Что, какъ не низменность людской породы, должна показать хотя бы вся эта вереница злыхъ и уродливыхъ гротесковъ, которыми заполнены „Жизнь Человѣка“, „Царь Голодъ“ и т. п.? Въ познаніи такой именно природы человѣка и заключается верховная истина, отрицаемая наивною или трусливою любовью. Безконечною, неутолимою тоскою наполняетъ эта истина душу, но для правдиваго и мужественнаго сердца эта тоска драгоцѣннѣе всѣхъ восторговъ, покупаемыхъ цѣною лжи или тупости. Самый великій моментъ въ исторіи земли—появленіе на ней воплотившагося Бога Любви—имѣлъ именно тотъ смыслъ, чтобы разъ навсегда уничтожить розовую повязку оптимизма, заволакивающую взоры любви, чтобы передъ самой Божественной Любовью разоблачить истинную гнусность человѣчества.

— Пока ходилъ Онъ по землѣ,—вѣщаетъ царь Иродъ,—былъ Онъ человѣкъ такъ себѣ, хорошій, думалъ то да се, то да се. Вотъ человѣки, вотъ поговорю, да вотъ научу, да устрою. Ну, а какъ эти самые человѣки потащили Его на крестъ, да кнутьями его, *тутъ Онъ и прозрѣлъ*: „ага, говоритъ, такъ вотъ оно какое дѣло“. И взмолился: „не могу Я такого страданія вынести. Думалъ Я, что просто это будетъ распятіе, а это что же такое“... А отецъ Ему: ничего, ничего, потерпи, сынокъ, *узнай правду-то*, какова она. Вотъ Онъ и затосковалъ, да... да до сихъ поръ и тоскуетъ.

— Ахъ, больно, очень больно, сыночекъ мой, сыночекъ, сыночекъ. Больно, очень больно!—бормочетъ Іуда изъ Каріота, видя страданія Христа, преданнаго имъ именно для того, чтобы Онъ понялъ, наконецъ, то, что отрицалъ упорно—понялъ бы безнадежную мѣру жестокости, тупости и дрянности людей.

Ту же, собственно, тему, но въ иномъ символѣ и въ новой постановкѣ разрабатываетъ Андреевъ въ новой своей трагедіи: „Анатэма“.

Между Іудой и Анатэмой есть несомнѣнная и близкая связь, которая сказывается уже въ ихъ внѣшнихъ признакахъ. У обоихъ огромный, уродливо развитой черепъ—очевидно, символъ ненормальнаго перевѣса логической способности надъ всѣми другими. У обоихъ разбросистыя, извилистыя, пресмыкающіяся движенія—символъ внутренней растерянности и неустойчивости. Оба они не умѣютъ найти настоящаго тона и постоянно прячутся за лживую, двоящуюся личину. Оба, вопреки видимости, настаиваютъ на своей силѣ, смѣлости, красотѣ и честности—и оба жалуются, что ихъ кто-то безчестно обманываетъ.

Но сродство двухъ замысловъ идетъ и глубже. Анатэма, какъ и

Іуда, богоборствуетъ и, для доказательства Предвѣчному своей правды, ставитъ на землѣ страшный опытъ, который даетъ предвидѣнный экспериментаторомъ результатъ. Суровымъ побѣдителемъ, владыкой земли стоитъ на Голгоѳѣ Іуда, также точно какъ и Анатэма надъ трупомъ замученнаго Давида Лейзера. Обоимъ кажется въ этотъ моментъ, что передъ очевидностью ихъ правоты долженъ преклониться Владыка міра.

Есть и еще много чертъ и черточекъ, символовъ и эпитетовъ, которые роднятъ Іуду и Анатэму, какъ двухъ братьевъ-близнецовъ. Но есть и существенные пункты различія, которые обнаруживаютъ эволюцію, пережитую мыслью художника въ промежутокъ между созданіемъ этихъ двухъ образовъ.

Въ „Іудѣ“ трагедія совершается на землѣ, въ земныхъ условіяхъ. Борется человѣкъ противъ Другого, котораго авторъ трактуетъ тоже какъ человѣка, тщательно устраняя изъ евангельской легенды весь мистическій элементъ. Съ тѣхъ поръ космическія силы стали все болѣе и болѣе вторгаться въ символику Леонида Андреева. Надъ Жизнью Человѣка уже царитъ Нѣкто въ сѣромъ; его рожденіе и смерть окружены таинственными мистическими старухами. Въ „Анатэмѣ“ уже вся трагедія перенесена въ космическія сферы, на „предѣлъ умопостигаемаго міра“. Богоборцемъ является на сей разъ не человѣкъ, а извѣчный „Нѣкто, преданный заклятію“, т.-е. космическое начало зла, Сатана. Нѣкоего въ сѣромъ замѣнилъ теперь „Нѣкто, ограждающій входы“. Но этотъ Нѣкто, на которомъ прежде останавливалась мистическая символизація Андреева, теперь оказывается уже только гранью двухъ міровъ: за желѣзными вратами, которыя охраняетъ Нѣкто, обитаетъ еще болѣе таинственное мистическое начало—„Начало всякаго бытія, Великій Разумъ вселенной“.

Освободивъ борющіяся силы отъ земной оболочки, Леонидъ Андреевъ ставитъ свой коренной вопросъ въ болѣе заостренной формѣ. И въ этой новой постановкѣ заключается уже опредѣленный, категорическій отвѣтъ, приговоръ надъ Іудою-Анатэмой.

Уходя съ земли, Іуда былъ убѣжденъ, что его экспериментъ былъ исчерпывающимъ, что полученный имъ результатъ является окончательнымъ. Если до Голгоѳы онъ могъ еще колебаться между своей правдой и Іисусовой, если передъ Крестомъ онъ могъ еще ожидать, что вотъ-вотъ люди преклонятся передъ поруганной ими Истиной, то послѣ смерти Іисуса онъ уже твердо знаетъ, что „люди—собаки“, что Христосъ долженъ, значитъ, повѣрить мудрому Іудѣ и вернуться на землю не иначе, какъ „обнявшись съ нимъ“. Это настолько очевидно для Іуды, что онъ спокойно готовъ ожидать признанія его истины. Пусть Христосъ и теперь еще не повѣритъ Іудѣ, пусть разсердится

на Іуду и пошлетъ его въ адъ. Все равно—рано или поздно истина восторжествуетъ. Іуда „и на огнѣ ада будетъ ковать желѣзо и разрушитъ небо“ Іисусово.

Но когда Іуда отрѣшился отъ бреннаго тѣла и сталъ въ аду Анатэмой, тогда передъ его безсмертнымъ взоромъ встало нѣчто такое, чего не видѣли его смертныя очи. Всѣ его прежнія логическія выкладки оказались никуда негодными, ибо онъ рѣшалъ задачу въ слишкомъ упрощенномъ видѣ, безъ ряда существеннѣйшихъ данныхъ. Онъ думалъ, что охватилъ все мірозданіе, а между тѣмъ теперь передъ нимъ раскрывается, что кромѣ умопостигаемаго міра есть иной, отдѣленный отъ него наглухо закрытыми воротами, и у Анатэмы нѣтъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что̀ таится за этими воротами. Мало того: даже по сю сторону воротъ, въ предѣлахъ умопостигаемаго, стоитъ Нѣкто загадочный и таинственный, и его не можетъ объять и учесть познавательная способность Анатэмы. При такихъ условіяхъ задачи рѣшать нельзя. Анатэму явно обманываютъ: заставляютъ вычислять уравненіе—и утаиваютъ, что впереди стоитъ какой-то коэффиціэнтъ, очевидно мѣняющій все значеніе уравненія. Онъ требуетъ, чтобы ему позволили „заглянуть въ щелку“ таинственныхъ вратъ, но безмолвіемъ и неподвижностью отвѣчаетъ Нѣкто, ограждающій входы, на его требованіе.

Честный Анатэма обиженъ. Онъ не желаетъ быть одураченнымъ и отказывается дѣлать вычисленіе, разъ отъ него скрываютъ коэффиціэнтъ.

— Не хочешь, не надо—драться я не стану,—бормочетъ онъ „какъ бы про себя“.—Развѣ я за этимъ пришелъ сюда? Просто я гулялъ по міру, и совершенно случайно забрелъ сюда—мнѣ нечего дѣлать, и я гуляю...

Говоря такъ, Анатэма лжетъ: онъ не можетъ отказаться отъ познанія истины, ибо весь онъ сотканъ изъ пытливости. Онъ раздѣляетъ ту жажду великаго ожиданія, которая томитъ весь міръ. „Все въ мірѣ хочетъ добра—и не знаетъ, гдѣ найти его; все въ мірѣ хочетъ жизни—и встрѣчаетъ только смерть“. Но чтобы „освѣтить путь Діаволу и Человѣку“, Анатэмѣ необходимо знать таинственный коэффиціэнтъ. И вотъ, то льстиво пресмыкаясь, то яростно угрожая, онъ старается вырвать у Ограждающаго входы тайну тяжелыхъ вратъ, „имя добра, имя вѣчной жизни“. Однако, не словами и не числами, орудіями ума, познается скрытое отъ Анатэмы, а сердцемъ, котораго „нѣтъ у преданнаго заклятію“. Это сердце, ищущее и обрѣтающее пути истины, есть у человѣка, у Анатэмы же есть только „умъ, ищущій правды“, но безсильный охватить ее.

— Мое лицо открыто,—говоритъ Нѣкто,—но ты его не видишь.

Моя рѣчь громка—но ты ея не слышишь. Мои велѣнія ясны—но ты ихъ не знаешь, Анатэма. И не увидишь никогда—и не услышишь никогда—и не узнаешь никогда, Анатэма, несчастный духъ...

Не мирится Анатэма съ этимъ безнадежнымъ приговоромъ и поднимаетъ бунтъ. Онъ какъ бы вспоминаетъ обѣщаніе Іуды: „На огнѣ Твоего ада я буду ковать желѣзо и разрушу Твое небо"—и направляетъ въ „гордое небо" новый ударъ, воздвигаетъ новую Голгоѳу.

На этотъ разъ воплотителемъ любви на землѣ является Давидъ Лейзеръ. Движимый состраданіемъ къ бѣдствующему человѣчеству, онъ хочетъ до конца выполнить все, чего требуетъ голосъ любви. Онъ отдаетъ людямъ всѣ свои средства и все свое сердце. Категорическій императивъ любви требуетъ, однако, чтобы помощь была оказана всѣмъ страждущимъ безъ изъятія и всѣмъ страданіямъ, каковы бы они ни были. Любовь не можетъ успокоиться на томъ, что будутъ накормлены сотни, а милліоны останутся голодными, что утолятся страданія нищеты, а останется неутоленнымъ страданіе матери надъ трупомъ ребенка. И вотъ Давидъ, повинуясь голосу абсолютной любви, скликаетъ къ себѣ всѣхъ страждущихъ, но въ результатѣ оказывается безсильнымъ передъ океаномъ людскихъ бѣдствій. Его милліоновъ не хватаетъ даже на то, чтобы дать всѣмъ нищимъ хотя бы по копейкѣ, а калѣки и потерявшіе близкихъ требуютъ отъ него невозможныхъ чудесъ. Голосъ любви обманулъ Лейзера и всѣхъ, кто ей вѣрилъ. Отчаяніе овладѣваетъ обманутыми. Лейзеръ теряетъ вѣру въ любовь и трусливо бѣжитъ изъ встревоженнаго имъ кошмара страданій, а толпа приходитъ въ ярость и побиваетъ несчастнаго человѣколюбца камнями. Однако въ послѣднюю минуту Лейзеръ опять обрѣтаетъ прежнюю силу любви къ страждущимъ и, умирая, порывается вернуться къ нимъ.

Этого послѣдняго обстоятельства Анатэма не учитываетъ какъ слѣдуетъ. Какъ и Іуда, онъ торжествуетъ побѣду. Онъ доказалъ вѣдь, что ложны претензіи Любви на царственный тронъ. Она не только никого не спасаетъ, но сама запутывается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ и доходитъ до внутренняго банкротства.

— Не утоливъ голода голодныхъ,—кричитъ Анатэма Всевѣдущему,—не давъ зрѣнія слѣпымъ—не вернувъ жизни безвинно умершимъ—произведя раздоры и споръ, и кровопролитіе жестокое, ибо уже поднялись люди другъ на друга и во имя Давида производятъ насилія, убійства и грабежъ—не проявилъ ли Давидъ безсилія любви и не сотворилъ ли онъ великаго зла?

Туманной символикой закутанъ отвѣтъ Всевѣдущаго: есть невѣдомый огонь, имени котораго никто не знаетъ; погибшій въ числахъ Давидъ достигъ безсмертія въ безсмертіи огня. Это, по видимому,

тотъ же огонь, который очищаетъ и просвѣтляетъ въ концѣ „Черныхъ масокъ“ смятенную душу герцога Лоренцо Спадарскаго.

Но мнѣ сейчасъ нѣтъ надобности расшифровывать эту путаную символику. Достаточно только отмѣтить, что Леонидъ Андреевъ, склонявшійся доселѣ въ своихъ исканіяхъ въ сторону скепсиса и дуализма, въ „Анатэмѣ“ категорически поворачиваетъ къ монизму и оптимизму. Этотъ поворотъ намѣчался у него уже и раньше—въ „Повѣсти о семи повѣшенныхъ“ (синтетическія прозрѣнія Вернера), въ „Черныхъ маскахъ“ (заключительный аккордъ драмы — „у Лоренцо герцога Спадары нѣтъ въ сердцѣ змѣй“). Но нигдѣ еще такъ категорически, какъ въ „Анатэмѣ“, не признавалъ авторъ ложью отрицаніе богоподобной сущности человѣка и религіознаго значенія любви.

Къ сожалѣнію, до этого новаго вывода Андреевъ дошелъ не художественно-психологическимъ анализомъ, а отвлеченнымъ, головнымъ путемъ. Скелетъ логической схемы слишкомъ ясно просвѣчиваетъ въ „Анатэмѣ“ на каждомъ шагу сквозь напряженную, холодную символику, откровенно переходящую подчасъ въ аллегоризмъ. Та же печать разсудочной схематизаціи лежитъ и на отдѣльныхъ фигурахъ трагедіи. Художественно-законченнѣе и богаче другихъ образъ самого Анатэмы; нѣсколько сильныхъ штриховъ дано Давиду Лейзеру—напримѣръ, его монологъ, призывающій несчастныхъ, отмѣченъ печатью настоящаго яркаго подъема. Но уже у того же Лейзера слишкомъ грубо сработаны переломы въ ходѣ его настроеній и мыслей. Вообще, въ художественномъ отношеніи „Анатэма“ отнюдь не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Андреева. Да и въ психологическомъ отношеніи переходъ отъ живыхъ людей къ безплотнымъ духамъ сопрягся у автора съ нѣкоторымъ оскудѣніемъ и упрощеніемъ стоявшей передъ нимъ задачи. Съ этой точки зрѣнія такія повѣсти, какъ „Мысль“ и „Іуда“, представляются мнѣ гораздо болѣе сложными, жизненными и потому поучительными, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Если къ „Анатэмѣ“ можно отнестись, не смотря на всѣ недостатки этой трагедіи, съ вниманіемъ, то послѣдняя пьеса Андреева, поставленная въ одномъ изъ петербургскихъ театровъ, „Анфиса“, является новымъ подтвержденіемъ грустныхъ мыслей о пагубной склонности талантливаго автора къ расточенію своего дарованія на рыночныя подѣлки. Какъ и во всѣхъ Андреевскихъ произведеніяхъ этого сорта, въ „Анфисѣ“ чувствуется зародышъ самостоятельной и интересной мысли, но этотъ зародышъ потопленъ въ массѣ шаблоннаго хлама и даже пошлости.

Передъ авторомъ начинала вырисовываться какая-то проблема, въ родѣ Карамазовской страшной власти пола. Но эта проблема свелась у Андреева къ послѣдовательной влюбленности трехъ сестеръ въ нѣ-

коего Костомарова. Первая сестра, Саша, законная жена Костомарова—типъ будничной, безсодержательной самки; вторая сестра, Анфиса—инфернальная женщина; третья, Ниночка—воплощеніе дѣвственной чистоты и самоотверженія. Самъ Костомаровъ долженъ былъ изобразить нѣкоего сверхчеловѣка. Но въ результатѣ ни одна изъ этихъ фигуръ не доросла до надлежащей силы и яркости. Саша характеризуется рѣжущими ухо разговорами о беременности и откровенностями о сношеніяхъ мужа съ ней, носящей уже седьмой мѣсяцъ. Анфиса то демонически молчитъ, то впадаетъ въ самыя недемоническія истерики. Чистая Ниночка умоляетъ Костомарова „взять ее всю", подчеркивая, что ее „еще ни одинъ мужчина не цѣловалъ". Отталкивающей пошлостью звучатъ въ устахъ дѣвушки, долженствующей воплотить самоотверженное цѣломудріе, эти подчеркиванія, естественныя только въ распаленномъ воображеніи износившагося и пресытившагося развратника... Герой же, покоритель всѣхъ сердецъ, оказывается на повѣрку просто безвольнымъ, распущеннымъ неврастеникомъ, да еще съ сильнымъ пристрастіемъ къ спиртному...

Ни къ селу, ни къ городу вплетенъ въ драму цѣлый рядъ совсѣмъ ненужныхъ персонажей: родители трехъ сестеръ, выскочившіе прямо изъ комедій Островскаго, каррикатура на начинающаго адвоката—Розенталь, которому авторъ силится придать какое-то таинственно-роковое значеніе, пьяный таперъ, уродливый, спившійся лакей изъ Шато-Флёри, вегетаріанецъ Татариновъ. Не обошлось дѣло и безъ таинственной бабушки, которая чуть ли не приходится родной сестрой Нѣкоему въ сѣромъ... Весь этотъ случайный наборъ персонажей, съ четырьмя основными фигурами во главѣ, толчется на сценѣ, то производя грубые скандалы и истерическіе вопли, то загадочными рѣчами и даже безмолвіемъ стараясь создать настроеніе, которое тутъ же и перебивается умышленнымъ вторженіемъ комическаго элемента. Не пренебрегаетъ авторъ и примитивнѣйшими эффектами, особенно подъ занавѣсъ. Разсчетъ на раёкъ проступаетъ по временамъ до обидности неприкровенно... Пьеса, думаю, будетъ дѣлать сборы. Но горько, что даровитому автору не претитъ успѣхъ, покупаемый такою цѣною...

Не удалась и послѣдняя вещь Бориса Зайцева — драма „Вѣрность", поставленная на той же сценѣ, гдѣ идетъ „Анфиса". Задумана была пьеса очень интересно и оригинально, совсѣмъ въ своеобразномъ духѣ ея автора. У критика Константина Ивановича и его жены Марьи Григорьевны начинаетъ пробиваться сѣдина; вмѣстѣ съ уходомъ молодости въ ихъ душахъ поселяется предзакатная грусть, и глубокое, нѣжное чувство, связывающее ихъ, подергивается дымкой жалости и печали. Въ это самое время въ ихъ семьѣ появляется молодая, полная предчувствій расцвѣта дѣвушка Даля, и горячая

волна настоящей влюбленности захлестываетъ ее и Константина. Но Константинъ не можетъ отдаться всецѣло новому чувству, не можетъ купить счастье цѣною страданій Марьи Григорьевны, къ которой остается прикованъ истинной, неумирающей любовью. Не можетъ онъ и остаться въ лонѣ семьи, растоптавъ счастье Дали и свое чувство къ ней, въ которомъ есть своя большая правда. Да и сама Марья Григорьевна стоитъ уже на той высотѣ, на которой жертва мужа не вернула бы ей счастья. Пошлая мысль о счастьѣ втроемъ далека отъ всѣхъ, захваченныхъ этимъ трагическимъ конфликтомъ. Миръ душевный разрушенъ для всѣхъ троихъ безвозвратно. Надо заботиться уже не о возстановленіи былой гармоніи, а о томъ, чтобы подъ ударами судьбы удержаться на высотѣ истинной человѣчности, не погрязнувъ въ тинѣ лжи, хотя бы и благочестивой, и не погнавшись за призракомъ счастья, попирающаго святыню чьего-то сердца. И Константинъ находитъ выходъ: онъ разстается съ обѣими. Всѣ трое несчастны, но зато души ихъ не запятнаны ни жестокостью, ни лицемѣріемъ...

По тонкости нравственнаго чувства, по благородству и изяществу настроеній, этотъ замыселъ замѣчательно совпадаетъ съ основными свойствами дарованія Бориса Зайцева, и было естественно ожидать, что „Вѣрность“ будетъ новой, прекрасной побѣдой молодого писателя. На самомъ же дѣлѣ вышло нѣчто неожиданное и непонятное: пьеса до такой степени слаба, что при самомъ доброжелательномъ отношеніи и напряженномъ вниманіи я не могъ подмѣтить въ ней рѣшительно ни одного достоинства. Характеры дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ не очерчены; при невозможной растянутости драмы, всѣ ея перипетіи остаются неясными и немотивированными; безконечные діалоги состоятъ изъ шаблонныхъ, невыразительныхъ фразъ, и душевныя переживанія дѣйствующихъ лицъ не находятъ себѣ никакого словеснаго выраженія. Сценическая техника изъ рукъ вонъ плоха; нѣтъ даже примитивнаго умѣнья выпустить на сцену новое лицо и убрать съ нея персонажъ, болѣе ненужный. А заключительный аккордъ пьесы прямо въ отчаяніе повергаетъ своимъ безвкусіемъ и шаблонностью: Константинъ Ивановичъ застрѣливается. Вѣдь этимъ убивается послѣднее, что есть въ пьесѣ: тонкость и красота замысла. Стоило подниматься герою на такую этическую высоту для того только, чтобы сорваться съ нея самымъ бездарнымъ, мелодраматическимъ способомъ. Впрочемъ, говорятъ, что этотъ аляповатый финалъ придѣланъ Зайцевымъ по настоянію труппы, а первоначально герой оставался живъ. Охотно этому вѣрю, но какъ же можетъ авторъ такъ калѣчить свой замыселъ въ угоду случайнымъ исполнителямъ? Впрочемъ, и безъ такого финала пьеса совсѣмъ плоха и является сплошной и безпросвѣтной наивностью. Прямо непонятно, какимъ

образомъ у писателя, обладающаго несомнѣннымъ и крупнымъ дарованіемъ, могла получиться такая насквозь бездарная вещь. И еще удивительнѣе, что Зайцевъ самъ не понялъ, насколько неудачна его пьеса, и пустилъ ее на подмостки...

Послѣ этихъ невеселыхъ впечатлѣній прямо отдыхаешь душой на только что вышедшемъ VI-мъ томѣ „Сочиненій“ А. И. Куприна. Вотъ книжка непретенціозная, но зато отмѣченная печатью настоящаго, сочнаго художественнаго дарованія. Ничего крупнаго въ ней нѣтъ: нѣсколько литературныхъ характеристикъ, двѣ-три веселыхъ, легкихъ пародіи на современныхъ русскихъ писателей, путевые очерки, рядъ небольшихъ разсказовъ. Но все, за что ни берется Купринъ, оживаетъ передъ читателемъ, благодаря яркому изобразительному таланту этого писателя. Воспоминанія Куприна объ А. П. Чеховѣ, въ свое время напечатанныя въ одномъ изъ сборниковъ „Знанія“—едва ли не самое удачное изъ всего, посвященнаго русскими писателями памяти почившаго художника. Съ рѣдкимъ мастерствомъ, любовью и проникновеніемъ вычерчиваетъ Купринъ мягкій, хрупкій, деликатный обликъ этой изящной души, застигнутой суровымъ безвременьемъ и знавшей такъ мало радости въ своей недолгой, подвижнической жизни. Остальныя характеристики, вошедшія въ VI-й томъ, гораздо слабѣе, и я даже думаю, что авторъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы не вводилъ эти случайные, по внѣшнему поводу написанные очерки въ собраніе своихъ сочиненій.

Зато „Листригоны“—настоящій художественный шедевръ. Это—рядъ очерковъ изъ жизни балаклавскихъ рыбаковъ, картинки изъ зимней жизни южнаго берега Крыма. Когда „курортные гости потянулись въ Севастополь со своими узлами, чемоданами, корзинами, баулами, золотушными дѣтьми и декадентскими дѣвицами“, на улицу „выползаетъ исконное, древне-греческое населеніе“, и „въ Балаклавѣ становится просторно, свѣжо, уютно и по домашнему дѣловито“. Съ рѣдкимъ художественнымъ совершенствомъ развертываетъ Купринъ передъ читателемъ сцены и типы изъ этой невѣдомой туристамъ жизни. Безудержная удаль и отвага почти первобытныхъ людей, вырастающихъ въ борьбѣ съ морскими бурями, размахъ ихъ своеобразнаго героизма, несокрушимое здоровье ихъ тѣлъ и душъ — вотъ элементы, изъ которыхъ слагается бодрящая атмосфера разсказовъ Куприна о „Листригонахъ“—атмосфера, такъ счастливо отличающаяся отъ пряныхъ, тепличныхъ, нервныхъ темъ, царящихъ въ современной литературѣ. Отъ этихъ страницъ вѣетъ хорошей, крѣпкой традиціей Толстовскихъ „Казаковъ“ и „Холстомѣровъ“. И перечитывая разсказы Куприна, испытываешь радостное чувство увѣренности, что эта плодотворная традиція не исчезла еще изъ нашего искусства.

Изъ юбилейной литературы, вызванной столѣтіемъ со дня рожденія А. В. Кольцова, особеннаго вниманія заслуживаетъ „Полное собраніе сочиненій“ поэта, изданное Разрядомъ изящной словесности Академіи наукъ, подъ редакціей А. І. Лященка, и составляющее первый выпускъ предпринятой Разрядомъ „Академической Библіотеки Русскихъ Писателей“. Редакторъ этого выпуска занимается Кольцовымъ уже давно: еще въ 1893 г., въ приложеніи къ журналу „Сѣверъ“, вышло подъ его же редакціей собраніе сочиненій Кольцова, самое полное по тому времени. И теперешнее академическое изданіе отмѣчено печатью глубокой компетентности редактора, любовнаго отношенія къ писателю, вниманія даже къ мелочамъ и стройной обдуманности всѣхъ деталей. Текстъ строго выработанъ и включаетъ все, что осталось отъ Кольцова; есть даже кое-какія новинки, впрочемъ не очень существенныя. Вступительный біографическій очеркъ, не смотря на сжатость, обладаетъ фактической полнотой. Въ приложеніи даны описаніе Кольцовскихъ рукописей, обзоръ изданій Кольцова, литературы о немъ и т. п. Есть даже спеціальная замѣтка объ языкѣ Кольцова, при чемъ особенное вниманіе обращено на элементы народные, которыми этотъ языкъ такъ обиленъ. Эту замѣтку, при переизданіи, необходимо будетъ тщательно пересмотрѣть, такъ какъ въ ней есть кое-что лишнее и спорное, а попадаются и совсѣмъ ошибочныя вещи. Какъ, напримѣръ, можно утверждать, что „полночный“ въ народномъ языкѣ значитъ „южный“, когда всѣмъ извѣстно, что „полночный“ значитъ „сѣверный“? Правда, что Кольцовъ въ томъ стихотвореніи, изъ котораго извлечено это слово, называетъ „тихимъ краемъ земли полночной“ Одессу. Но вѣдь эти слова скорѣе всего слѣдуетъ толковать такъ, что Кольцовъ подъ „землей полночной“ разумѣетъ, какъ то и обычно для того времени, полуночную державу, т.-е. Россію, и называетъ Одессу тихимъ краемъ Россіи.

Внѣшность изданія такъ же хороша, какъ и текстъ: изящный форматъ, прекрасный шрифтъ, хорошая бумага, недурныя иллюстраціи и факсимиле. Особенно удачно воспроизведенъ въ краскахъ портретъ Кольцова, писанный въ 1838 г. К. А. Горбуновымъ. Невысокая цѣна дѣлаетъ изданіе общедоступнымъ. Если и послѣдующіе выпуски „Академической Библіотеки“ будутъ издаваться такъ же, какъ изданъ Кольцовъ, то успѣхъ „Библіотеки“ можно считать обезпеченнымъ.

С. Адріановъ.

НИЦШЕ О САМОМЪ СЕБѢ

Frédéric Nietzsche. *Ecce Homo*, suivi des Poésies. Traduit par Henri Albert. Paris, 1909.

Послѣднее произведеніе Ницше, написанное осенью 1888-го года, появилось въ свѣтъ только недавно—сначала на нѣмецкомъ языкѣ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, потомъ во французскомъ переводѣ, для большой европейской публики. Авторъ не разсчитывалъ на нѣмецкихъ читателей и въ свое время выразилъ желаніе, чтобы его книга нашла широкое распространеніе во Франціи. Это желаніе отчасти исполнилось, и французскій переводъ „Ecce Homo" въ сравнительно короткое время разошелся въ трехъ изданіяхъ.

Яркая индивидуальность Ницше отражается во весь ростъ въ этихъ откровенныхъ, страстныхъ и смѣлыхъ проявленіяхъ и характеристикахъ мучительной умственной работы, одолѣвавшей философа въ послѣдній періодъ его жизни. Ницше чувствовалъ себя вполнѣ одинокимъ въ мірѣ; онъ презиралъ человѣческую толпу, отвергалъ и высмѣивалъ тѣ идеи и понятія, которыми живетъ современное общество, и обращался всѣми своими помыслами къ будущему; поэтому онъ совершенно не стѣснялся высказывать свои искреннія мнѣнія о людяхъ и о самомъ себѣ. Ницше поражаетъ самобытною свободою своихъ взглядовъ; для него не существуетъ никакихъ условностей, никакихъ шаблоновъ и традицій; онъ говоритъ прямо о томъ, о чемъ говорить не принято,—и многіе его отзывы могутъ казаться ненормальными именно потому, что они слишкомъ откровенны. Онъ разсуждаетъ о значеніи своей личности и своихъ трудовъ въ такомъ тонѣ, который соотвѣтствуетъ заглавію книги: „Ecce homo!"

Отдѣльныя части трактата носятъ такія заглавія: „Почему я такъ уменъ", „Почему я пишу такія хорошія книги", „Почему я представляю собою нѣчто роковое". Онъ дѣйствительно убѣжденъ не только въ своемъ превосходствѣ предъ другими, но и въ исключительной важности своихъ идей для всего человѣчества. Это не простая манія величія, а глубоко обоснованное сознаніе своей внутренней цѣнности. Онъ не сомнѣвается въ величіи тѣхъ откровеній, которыя даны имъ въ „Заратустрѣ", и замалчиваніе этой книги въ литературѣ объясняетъ только низкимъ уровнемъ критики.

„Противоположность между величіемъ моей задачи и ничтожествомъ моихъ современниковъ—пишетъ Ницше—проявилась въ томъ, что меня не слышали и даже не видѣли. Я живу кредитомъ, который я самъ себѣ даю, и, быть можетъ, надо считать предразсудкомъ самую мысль о томъ, что я живу. Достаточно мнѣ поговорить съ случайно встрѣтившимся мнѣ „образованнымъ“ человѣкомъ, чтобы убѣдиться, что я не живу. При такихъ условіяхъ для меня возникаетъ обязанность, противъ которой въ сущности протестуетъ моя обычная сдержанность и еще болѣе гордость моихъ инстинктовъ,—обязанность сказать: „выслушайте меня, ибо я такой-то. Прежде всего не смѣшивайте меня съ другими!“

И Ницше по-своему подробно объясняетъ, кто онъ такой и какія мысли и чувства выражалъ онъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ по натурѣ не принадлежитъ къ числу людей добродѣтельныхъ; онъ „скорѣе предпочелъ бы считаться сатиромъ, чѣмъ святымъ“. Онъ не воздвигаетъ новыхъ кумировъ; его дѣло низвергать кумиры, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть всякаго рода идеалы. „Въ той мѣрѣ, какъ создавался ложный идеальный міръ, дѣйствительность утрачивала свою цѣнность, свое значеніе, свою правдивость. Ложь идеала была до сихъ поръ проклятіемъ, тяготѣвшимъ надъ реальностью. Само человѣчество, проникаясь этой ложью, извращалось въ своихъ глубочайшихъ инстинктахъ и доходило до поклоненія цѣнностямъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя обезпечивали бы развитіе, будущность, высшее право на будущее“. Свобода естественной жизни—жизни стихійныхъ инстинктовъ, не стѣсненныхъ никакою моралью,—представляетъ единственный путь къ усовершенствованію человѣческаго рода. Отъ этого пути отвернулось человѣчество, подъ разслабляющимъ вліяніемъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій, и Ницше дѣлаетъ героическую попытку направить весь ходъ историческаго развитія въ другую сторону. Онъ далъ человѣчеству „Заратустру“, эту книгу необычайныхъ „высотъ и глубинъ“, „господствующую надъ тысячелѣтіями“ и служащую „неисчерпаемымъ источникомъ“ истины. Ницше исполнилъ главную часть своей задачи и имѣлъ основаніе проникнуться чувствомъ гордости. „Въ этотъ день лучъ солнца освѣтилъ мою жизнь: я оглянулся назадъ и посмотрѣлъ впередъ, и никогда я не видѣлъ заразъ столько хорошихъ вещей. Не напрасно похоронилъ я сегодня свой сорокъ-четвертый годъ, ибо я имѣлъ право похоронить его: что въ немъ было жизненнаго, могло быть спасено и сдѣлалось безсмертнымъ. Первая часть „Перестановки всѣхъ цѣнностей“, „Пѣсни Заратустры“, „Помраченіе кумировъ“, моя попытка философствовать ударами молота—все это дары, принесенные мнѣ этимъ годомъ и даже только послѣднею четвертью этого года. Почему же мнѣ не быть признатель-

ымъ по отношенію ко всей моей жизни? Вотъ почему я разсказываю свою жизнь самому себѣ".

Разсказъ Ницше ведется въ тонѣ объективнаго наблюдателя, но остается въ высшей степени субъективнымъ. Анализируя элементы своего духовнаго существа, авторъ находитъ въ себѣ соединеніе двухъ началъ—восходящаго, унаслѣдованнаго отъ отца, и низшаго, упадочнаго, доставшагося отъ матери. Отецъ умеръ въ возрастѣ тридцати шести лѣтъ. Онъ былъ болѣзненнымъ, нѣжнымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ, какъ будто призваннымъ къ мимолетному существованію. Когда сынъ его достигъ того же возраста, онъ также вступилъ въ періодъ физическаго упадка. Въ 1879-мъ году Ницше покинулъ профессорскую каѳедру въ Базелѣ и не зналъ что̀ съ собою дѣлать; онъ проживалъ какъ тѣнь въ Сенъ-Морисѣ, потомъ въ Наумбургѣ. Онъ „дѣйствительно сталъ тогда тѣнью" и какъ бы въ соотвѣтствіе своему состоянію написалъ книгу: „Странникъ и его тѣнь". Годъ спустя, въ Женевѣ, онъ испыталъ тотъ родъ смягченія и одухотворенія, который почти всегда является послѣдствіемъ крайняго малокровія и слабости мускуловъ; тогда появилась „Утренняя Заря". Разстроенный и больной физически, онъ сохранялъ замѣчательную ясность мысли и обнаруживалъ большое искусство діалектики; постепенное исцѣленіе сопровождалось однако обратными кризисами, періодами упадка. Тогда стали ему доступны всѣ тонкости декадентства—острота чувства и наблюденія, психологія оттѣнковъ и изгибовъ, живая образность и символичность представленій. Разсматривать болѣе здравыя понятія и цѣнности, становясь на точку зрѣнія больного, и наоборотъ, въ сознаніи полноты жизни и чувства опускать свой взоръ въ таинственную лабораторію упадка—это была практика, въ которой долго упражнялся Ницше. Онъ выработалъ въ себѣ такимъ образомъ способность легко измѣнять перспективы; оттого, быть можетъ, онъ одинъ только былъ способенъ создать „Перестановку всѣхъ цѣнностей".

Смѣшанное происхожденіе отъ польскихъ и нѣмецкихъ предковъ освобождало Ницше отъ узко-національныхъ чувствъ и традицій. Онъ сознавалъ себя нѣмцемъ до-имперской эпохи; въ то же время онъ унаслѣдовалъ отъ польскаго дворянства инстинктъ расы и даже, быть можетъ, принципъ *liberum veto*. Его мать, Франциска Элеръ, была чистокровной нѣмкой, также точно какъ и бабушка по отцу, Эрдмута Краузе. Послѣдняя провела всю свою молодость въ Веймарѣ, гдѣ находилась отчасти въ сношеніяхъ съ кружкомъ Гёте; братъ ея, профессоръ теологіи въ Кенигсбергѣ, былъ приглашенъ въ Веймаръ на должность генеральнаго суперинтендента послѣ смерти Гердера. Возможно, что его мать, прабабка Ницше, фигурировала въ дневникѣ юнаго Гёте подъ именемъ „Мутгенъ". Она вышла вто-

рично замужъ за суперинтендента Ницше въ Эйленбургѣ. Въ октябрѣ 1813-го года, въ самый день вступленія Наполеона съ его штабомъ въ Эйленбургъ, она родила сына. Отецъ будущаго философа, посвятившій себя также духовному званію, дожилъ только до 1849-го года. Прежде чѣмъ вступить въ отправленіе своихъ пасторскихъ обязанностей въ общинѣ близъ Люцена, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался обученіемъ четырехъ принцессъ въ Альтенбургѣ; его ученицами были королева Ганноверская, супруга великаго князя Константина Николаевича, великая герцогиня Ольденбургская и принцесса Тереза Саксенъ-Альтенбургская. Консервативный по убѣжденіямъ и по обстановкѣ, онъ былъ почтительно преданъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, который назначилъ его въ свой приходъ. Событія 1848-го года огорчили его свыше всякой мѣры. Своему сыну, родившемуся въ день рожденія короля, 15 октября, онъ далъ двойное имя Фридриха-Вильгельма, наиболѣе употребительное въ домѣ Гогенцоллерновъ. Ницше думаетъ, что для него было большимъ преимуществомъ имѣть такого отца; этимъ объясняетъ онъ не только свое положительное отношеніе къ жизни, но и тѣ качества своего ума, которыя позволяли ему чувствовать себя совершенно свободно, какъ у себя дома, въ мірѣ высшихъ и тонкихъ вопросовъ человѣческаго существованія.

Личный характеръ Ницше обрисовывается имъ въ довольно симпатичныхъ чертахъ. Онъ никогда не умѣлъ возбуждать противъ себя предубѣжденія или вражду; напротивъ, ему кажется, что люди вообще относились къ нему слишкомъ доброжелательно. Самые рѣзкіе и неподатливые типы дѣлались ручными при частомъ общеніи съ нимъ. Въ теченіе семи лѣтъ своей преподавательской дѣятельности въ старшихъ классахъ базельскаго лицея онъ ни разу не имѣлъ случая подвергать учениковъ какимъ-либо взысканіямъ; лѣнивые и небрежные превращались у него въ прилежныхъ и аккуратныхъ. Каковы бы ни были попадавшіеся ему человѣческіе экземпляры, онъ извлекалъ изъ нихъ нѣчто хорошее и полезное; многіе сознавались ему, что до встрѣчи съ нимъ не считали себя способными къ проявленіямъ и порывамъ извѣстнаго рода. Прусскій поклонникъ Вагнера и Дюринга, Генрихъ фонъ-Штейнъ, проведя съ Ницше три дня въ Швейцаріи, говорилъ ему, что чувствуетъ себя преобразованнымъ отъ нахлынувшаго на него урагана свободы, какъ будто его внезапно подняли и придѣлали ему крылья. Ницше увѣрялъ его, что это происходитъ отъ чистаго горнаго воздуха, но тотъ не хотѣлъ этому вѣрить.

Тѣмъ не менѣе Ницше рѣшительно высказывается противъ всякихъ попытокъ вліять на другихъ людей подъ предлогомъ безкорыстнаго сочувствія или такъ называемой любви къ ближнему. Эта

любовь къ ближнему, всегда готовая оказывать помощь или давать совѣты, представлялась ему слабостью, послѣдствіемъ пассивнаго подчиненія случайнымъ побужденіямъ. Состраданіе есть добродѣтель только для представителей упадка. Сострадательные люди легко переступаютъ границы въ отношеніяхъ съ другими, нарушаютъ чувства стыдливости, уваженія и деликатности. Вмѣшательство сострадающихъ лицъ можетъ оказывать разрушительное дѣйствіе на исключительныя натуры, мѣшать намѣренному одиночеству, подрывать основы настроенія, вызваннаго тяжкою ошибкою. Преодолѣть состраданіе—это для Ницше благородная добродѣтель. Съ другой стороны, ему одинаково чуждо противоположное чувство — озлобленіе, раздраженіе, стремленіе къ оборонѣ и возмездію. Онъ не отмалчивается, когда на него нападаютъ; молчаніе онъ считаетъ гораздо болѣе обиднымъ, чѣмъ самый рѣзкій словесный отвѣтъ. Тѣ, которые молчатъ, большею частью обнаруживаютъ этимъ недостатокъ вѣжливости и сердечности. Молчаніе есть тоже возраженіе; готовность проглотить обиду или неудовольствіе — признакъ дурного характера. Мстительность и вражда вредятъ слабымъ и излишни для сильныхъ; воинственность свойственна крѣпкимъ организмамъ, ищущимъ сопротивленія. Склонность къ нападенію есть принадлежность силы, тогда какъ чувство мести и злопамятность сопутствуютъ слабости. Напримѣръ, женщины мстительны; это зависитъ отъ ихъ безсилія, точно также какъ чувствительность ихъ къ чужой бѣдѣ. Достоинство нападающаго измѣряется качествами противника. Равенство передъ непріятелемъ или равноправность съ нимъ — первое условіе добросовѣстности единоборства. Кто презираетъ, тотъ не долженъ воевать; если командующій видитъ предъ собою нѣчто ниже его, онъ не вступаетъ въ бой.

Въ своей собственной „военной практикѣ“ Ницше держится немногихъ правилъ: прежде всего, онъ нападаетъ только на то, что̀ достигло побѣды и успѣха, и только тогда, когда у него нѣтъ и не можетъ быть никакихъ союзниковъ; онъ любитъ компрометировать лишь себя одного. Во-вторыхъ, онъ никогда не нападаетъ на личности; онъ пользуется личной полемикою только какъ увеличительнымъ стекломъ, при помощи котораго становится явственнымъ публичное бѣдствіе, пока еще скрытое и трудно уловимое. Такъ, онъ въ свое время предпринялъ атаку противъ Давида Штрауса или, вѣрнѣе, противъ успѣха его книги въ массѣ образованнаго нѣмецкаго общества; въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду разоблачить самую эту образованность нѣмецкую. Позднѣе онъ выступилъ противъ Вагнера, чтобы вѣрнѣе направить свои удары противъ лживаго и двуличнаго характера цивилизаціи, смѣшивающей утонченность съ изобиліемъ, запоздалое—съ великимъ. Въ-третьихъ, онъ нападаетъ только тамъ, гдѣ

исключены всякія непріятныя личныя впечатлѣнія и испытанія. Для него, напротивъ, нападеніе есть доказательство благосклонности; въ извѣстныхъ случаяхъ это даже знакъ благодарности. Если онъ возстаетъ противъ христіанства, то онъ можетъ дѣлать это свободно, потому что лично никогда не испытывалъ со стороны религіи никакихъ посягательствъ, никакихъ препятствій или затрудненій. Убѣжденные христіане относились къ нему доброжелательно, и самъ онъ, будучи по принципу врагомъ христіанства, былъ всегда далекъ отъ непріязни къ отдѣльнымъ лицамъ изъ-за явленія, пріобрѣвшаго для человѣчества роковое значеніе на нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Ницше отмѣчаетъ въ себѣ еще одну черту, крайне неудобную при сношеніяхъ съ людьми: это—необыкновенно чуткая и тревожная впечатлительность, заставляющая физіологически угадывать внутреннія свойства окружающихъ. Всякая скрытая душевная гниль, замаскированная воспитаніемъ, чувствовалась имъ съ перваго взгляда; онъ не выносилъ близости подобныхъ натуръ и невольно давалъ имъ понять остроту своего нравственнаго обонянія. Онъ имѣлъ потребность въ абсолютной духовной чистотѣ; оттого обычныя сношенія съ людьми были для него тягостны. Его человѣчность заключалась не въ сочувствіи къ ближнему, а въ рѣшимости терпѣть около себя присутствіе этого ближняго. Онъ нуждался въ одиночествѣ, которое было для него равносильно возврату къ здоровью, къ самому себѣ. Его „Заратустра“ есть сплошной диѳирамбъ въ честь одиночества или чистоты. Люди, въ большинствѣ, возбуждали въ немъ отвращеніе; онъ цѣнилъ только немногихъ избранныхъ.

Гигіена личной жизни занимала весьма замѣтное мѣсто въ заботахъ и размышленіяхъ Ницше. Онъ не тратилъ своихъ силъ на вопросы безплодные или фантастическіе; между прочимъ, ему были незнакомы истинныя религіозныя переживанія; онъ не зналъ ни боязни грѣха, ни угрызеній совѣсти. Онъ не задумывался надъ проблемами о Богѣ, о безсмертіи души, о загробномъ мірѣ; атеизмъ не былъ у него результатомъ какого-нибудь умственнаго кризиса, а утвердился самъ собою, какъ нѣчто естественное или инстинктивное. Для мыслящаго существа понятіе о божествѣ сводится къ запрещенію мыслить—и на этой почвѣ Ницше былъ неуязвимъ. Онъ гораздо больше интересовался способами укрѣпленія и развитія человѣческой породы, для выработки максимума силы, свободной отъ „моралина“. Господствующая въ Германіи система или, вѣрнѣе, безсистемность питанія, по словамъ Ницше, противорѣчитъ здравому смыслу; она направлена какъ будто къ тому, чтобы отнять у людей способность и желаніе жить. Нѣмецкая пища дѣлаетъ умъ тяжелымъ и неповоротливымъ; варварская привычка запивать ѣду пивомъ довершаетъ дѣло отупѣнія.

Въ юности самъ Ницше грѣшилъ по этой части, но впослѣдствіи онъ сталъ рѣшительнымъ противникомъ спиртныхъ напитковъ. Любопытны его замѣчанія о пищѣ: плотный обѣдъ легче переваривается, чѣмъ легкій; для хорошаго пищеваренія нужно, чтобы весь желудокъ участвовалъ въ работѣ; надо только знать размѣры своего желудка. Не слѣдуетъ пить кофе,—оно омрачаетъ настроеніе; чай полезенъ только утромъ, но очень крѣпкій и въ небольшомъ количествѣ. Сидѣть надо какъ можно меньше: только на свѣжемъ воздухѣ, при свободномъ движеніи, приходятъ идеи, достойныя довѣрія. Кромѣ питанія, мѣсто и климатъ рѣшаютъ судьбу человѣка. Маленькой неисправности кишечника достаточно, чтобы превратить генія въ посредственность, сдѣлать изъ него нѣчто „нѣмецкое". Климатъ Германіи самъ по себѣ можетъ парализовать сильнѣйшія и даже героическія натуры. Сухой воздухъ и ясное небо наиболѣе способствуютъ процвѣтанію талантовъ. Важенъ также способъ пользованія отдыхомъ; чтеніе книгъ въ свободное время доставляетъ удовольствіе, когда содержаніе ихъ не входитъ въ кругъ нашихъ собственныхъ работъ. Ницше не допускалъ около себя книгъ и не заглядывалъ въ нихъ въ періодъ своего напряженнаго самостоятельнаго творчества; онъ боялся, чтобы чужія мысли не вторгались въ ходъ его мышленія. Зато послѣ этихъ періодовъ усиленнаго труда онъ охотно обращался, въ видѣ отдыха, къ пріятнымъ, остроумнымъ и содержательнымъ книгамъ, преимущественно французскимъ. Онъ любилъ перечитывать старыхъ авторовъ — Паскаля, Монтэня, Мольера, Корнеля, Расина, но слѣдилъ и за новой французскою литературою, интересовался Мопассаномъ, Анатолемъ Франсомъ, Полемъ Бурже, Пьеромъ Лоти, Лемэтромъ. Чрезвычайно высоко ставилъ онъ Стендаля, какъ тонкаго психолога-реалиста. Изъ нѣмецкихъ писателей онъ особенно превозноситъ Генриха Гейне. „Когда-нибудь скажутъ,— замѣчаетъ онъ—что Гейне и я были величайшими артистами нѣмецкаго языка и что мы оставляемъ за собою далеко позади все сдѣланное въ этомъ отношеніи тѣми, которые были только нѣмцами". Въ Шекспирѣ онъ выше всего цѣнитъ типы Цезаря и Гамлета; онъ инстинктивно вѣритъ, что всѣ мучительныя откровенія Шекспировскаго генія могли быть созданы только Бэкономъ. Возвращаясь къ своей личной біографіи, Ницше съ теплою признательностью говоритъ о близкихъ отношеніяхъ съ Рихардомъ Вагнеромъ, доставлявшихъ ему много радости; онъ разошелся съ нимъ, когда тотъ сдѣлался патріотомъ Германской имперіи.

Отзывы Ницше о главныхъ его сочиненіяхъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, представляютъ поучительный матеріалъ для психолога; нѣкоторые его комментаріи, быть можетъ, очень цѣнны для критики, но общій ихъ характеръ производитъ впечатлѣніе болѣзненности, и

мы на нихъ останавливаться не будемъ. Вторая часть книги занята „поэзіею“ — стихотворными разсужденіями и воззваніями въ духѣ Заратустры, афоризмами и эпиграммами.

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1909.

Русскій визитъ въ Италіи.—Тройственный союзъ и сближеніе Италіи съ Россіею.—Свиданіе монарховъ въ Раккониджи. — Оффиціальные тосты и ихъ значеніе. — Процессъ Феррера.—Паденіе реакціоннаго министерства въ Испаніи.—Ростъ оппозиціи въ Германіи.—Князь Ито †.

Западно-европейской печати приходится въ послѣдніе годы очень часто говорить о разъѣздахъ, визитахъ и свиданіяхъ монарховъ. Эти разъѣзды и свиданія сдѣлались существеннымъ элементомъ международной дипломатіи не только для „путешествующаго императора“ (Reisekaiser) Вильгельма II, воплощающаго въ себѣ традиціи личнаго режима, но и для строго-конституціоннаго короля Эдуарда VII и даже для республиканской Франціи. Личныя встрѣчи правителей и ихъ министровъ закрѣпляютъ собою извѣстные моменты внѣшней политики государствъ, даютъ санкцію достигнутымъ результатамъ и наглядно выясняютъ для общественнаго мнѣнія совершившіяся перемѣны въ группировкѣ державъ. Именно въ послѣдніе годы замѣчается какой-то переломъ въ области международныхъ отношеній Европы: дѣло идетъ о судьбѣ германской военно-политической гегемоніи, связанной съ системою союзовъ, унаслѣдованныхъ отъ Бисмарка.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1879-го года, заключенъ былъ между Германіею и Австро-Венгріею формальный союзъ, надолго обезпечившій владычество прусской системы вооруженнаго мира въ Европѣ. Этотъ союзъ долженъ былъ, по мысли Бисмарка, обезвредить Россію и образовать могущественное центральное ядро, къ которому постепенно присоединились бы всѣ самостоятельныя европейскія державы, за исключеніемъ Англіи и Франціи. Италія, подъ вліяніемъ честолюбиваго Криспи, легко соблазнилась обманчивыми перспективами внѣшняго величія и охотно пошла по пути, указанному ей Берлиномъ. Тому же прусскому руководству пассивно подчинилась русская дипломатія, вдохновляемая закулисными придворно-фамильными

соображеніями и интересами. Та самая Россія, противъ которой былъ прежде всего направленъ австро-германскій договоръ 1879-го года, продолжала служить оплотомъ и орудіемъ германской политики еще въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Позднѣйшее франко-русское сближеніе положило начало новой комбинаціи политическихъ силъ; оно подготовило соглашеніе Англіи съ Франціею и Россіею и поставило на очередь вопросъ о дальнѣйшей международной роли Италіи. Крупные національные интересы итальянскаго народа отталкиваютъ его отъ Австро-Венгріи и дѣлаютъ союзъ съ нею крайне тягостнымъ и непопулярнымъ для большинства итальянскихъ патріотовъ. Вѣнскій кабинетъ, опираясь на прочную близость съ Германіею, довольствовался поддержаніемъ оффиціальныхъ связей съ Италіею и вовсе не пытался пріобрѣсти симпатіи итальянской націи; напротивъ, во многихъ случаяхъ австро-венгерское правительство обнаруживало полное невниманіе къ національнымъ чувствамъ союзниковъ, которые съ своей стороны не скрывали своей старинной непріязни къ австрійцамъ. Положеніе итальянской части Тироля и Далмаціи давало поводъ къ постоянному взаимному неудовольствію; австрійскія притязанія на господство въ балканскихъ земляхъ, прилегающихъ къ Адріатическому морю, обостряли антагонизмъ, который выражался иногда въ шумныхъ публичныхъ демонстраціяхъ и столкновеніяхъ. Союзъ Италіи съ Австро-Венгріею находился въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительными отношеніями обѣихъ державъ; онъ былъ нуженъ для Германіи и представлялъ нѣкоторыя гарантіи для австрійцевъ, но не приносилъ никакой реальной пользы итальянцамъ. Тѣмъ не менѣе союзъ возобновлялся періодически и считался почти обязательнымъ для Италіи, какъ необходимая составная часть того фундамента, на которомъ держится вооруженный миръ въ Европѣ. Охрана тройственнаго союза стала важнѣйшей задачей германской дипломатіи; берлинскій кабинетъ своимъ заботливымъ ухаживаніемъ за Италіею по возможности восполнялъ недостатки и погрѣшности австрійской политики относительно итальянцевъ. Подавляющій авторитетъ Германіи въ международныхъ дѣлахъ является, въ сущности, главнымъ мотивомъ и оправданіемъ вѣрности Италіи тройственному союзу; но съ тѣхъ поръ какъ существуетъ другая могущественная группа союзныхъ державъ, для Италіи все болѣе усиливается соблазнъ — отдѣлиться отъ Австро-Венгріи и примкнуть къ тройственному англо-франко-русскому соглашенію. Трудность этой операціи заключается лишь въ томъ, что нельзя порвать съ Австро-Венгріею безъ ущерба для германской дружбы, а послѣдняя все-таки необходима для спокойнаго международнаго положенія Италіи. Итальянскіе патріоты стараются, однако, мало-по-малу пріучить германскую дипломатію къ

мысли о сохраненіи тѣсной взаимной дружбы и союза безъ участія Австро-Венгріи—и въ концѣ концовъ придется примириться съ этимъ превращеніемъ тройственнаго союза въ двойственный. При современныхъ политическихъ обстоятельствахъ попытка такого превращенія не представляла бы уже прямой опасности для Италіи; но реальные итальянскіе политики допускаютъ также возможность измѣненія условій союза, съ цѣлью выторговать какія-либо положительныя выгоды для Италіи, и союзъ съ австрійцами могъ бы сохраниться на новыхъ основаніяхъ. Чтобы подготовить эту перемѣну, Италія должна заручиться содѣйствіемъ державъ, группирующихся около Франціи; а для отпаденія отъ Австро-Венгріи она имѣетъ только одинъ путь—соглашеніе съ естественною соперницею и противницею Австріи на ближнемъ Востокѣ—Россіею. Слишкомъ тѣсная дружба съ Франціею и Англіею могла бы быть направлена лишь противъ Германіи и неизбѣжно возбуждала бы въ ней враждебныя подозрѣнія; только сближеніе съ Россіею непосредственно задѣвало бы Австро-Венгрію, безъ явной обиды для берлинскаго кабинета.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Италіею лѣтомъ 1902-го года, когда король Викторъ-Эммануилъ пріѣзжалъ въ Россію и гостилъ въ Петергофѣ; отвѣтный визитъ ожидался весною слѣдующаго года, но не состоялся вслѣдствіе угрожающихъ протестовъ передовыхъ итальянскихъ партій, для которыхъ тогдашнее русское правительство было воплощеніемъ тиранніи и беззаконія. Либеральная часть итальянскаго общественнаго мнѣнія не отличала самодержавнаго русскаго режима отъ турецкаго или персидскаго; въ этомъ отношеніи прогрессисты были солидарны съ радикалами и соціалистами. Въ палатѣ депутатовъ соціалистъ Моргари обращался къ министру иностранныхъ дѣлъ съ запросомъ о предположенномъ визитѣ, при чемъ предупреждалъ заранѣе, что его единомышленники позаботятся объ устройствѣ соотвѣтственной встрѣчи; затѣмъ въ газетахъ напечатано было рѣзкое воззваніе отъ имени крайнихъ лѣвыхъ. Поѣздка изъ Россіи въ Италію была отложена до лучшихъ временъ. Печальная репутація нашихъ внутреннихъ порядковъ служила непреодолимой преградою искреннему политическому сближенію съ западно-европейскими культурными націями. Союзъ съ Франціею осуществился потому, что французы чувствовали себя подъ постоянною угрозою нападенія и не видѣли предъ собою другой гарантіи, кромѣ формальнаго соглашенія съ Россіею. Наше военное могущество не было еще тогда подвержено никакому сомнѣнію, и французскіе республиканцы должны были по неволѣ оставить въ сторонѣ щекотливые внутренніе вопросы ради внѣшней безопасности страны. Ни Англія, ни Италія не находились въ такомъ положеніи, и онѣ вовсе не имѣли повода стре-

миться во что бы то ни стало къ союзу съ до-конституціонною Россіею.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства кореннымъ образомъ измѣнились. Японская война подорвала вѣру въ наши военныя силы и вызвала необходимость преобразованія всего нашего государственнаго строя въ конституціонномъ духѣ. Германія и Австро-Венгрія дали намъ ясно понять, что съ обезсиленною Россіею онѣ церемониться не будутъ; но при этомъ упущено было изъ виду, что наша военная несостоятельность зависитъ исключительно отъ устарѣлой системы безконтрольнаго правительственнаго самовластія и, слѣдовательно, имѣетъ лишь временный характеръ. Возстановленіе нашихъ военныхъ силъ должно неизбѣжно сопутствовать спасительной общей реформѣ политическаго быта, въ связи съ укрѣпленіемъ началъ народнаго представительства. Обновленная—хотя бы только въ принципѣ—оффиціальная Россія пріобрѣла способность привлекать союзниковъ въ Западной Европѣ. Англо-русская конвенція, положившая конецъ вѣковымъ несогласіямъ и пререканіямъ, подготовила почву и для соглашенія Россіи съ Италіею. Когда въ газетахъ появились извѣстія о предположенномъ свиданіи монарховъ, либеральная печать Италіи заговорила объ этомъ событіи уже въ совершенно иномъ тонѣ, чѣмъ въ 1903-мъ году. Особыя симпатіи къ русскому народу вызывались самоотверженіемъ нашихъ моряковъ при оказаніи помощи жителямъ Мессины, пострадавшимъ отъ землетрясенія. Нашъ самобытный режимъ, прикрытый, по крайней мѣрѣ формально, конституціей, пересталъ быть пугаломъ для итальянцевъ; одни только соціалисты продолжали стоять на своемъ и по прежнему протестовали противъ русскаго визита—но они дѣлали это безъ увлеченія, какъ бы исполняя партійную повинность, для очистки совѣсти. На всѣ возраженія и протесты получался простой политическій отвѣтъ: русскій визитъ крайне непріятенъ австрійцамъ, и кто высказывается противъ него, тотъ доставляетъ удовольствіе вѣнскому кабинету. Маршрутъ, избранный для поѣздки въ Италію, самъ по себѣ имѣлъ значеніе яркой демонстраціи противъ Австро-Венгріи. Наглядно подчеркнутое желаніе миновать австрійскую территорію сразу подкупило итальянцевъ въ пользу русскаго визита и показало имъ всю важность событія съ точки зрѣнія международныхъ интересовъ Италіи.

Истинный смыслъ двухдневнаго пребыванія обоихъ монарховъ въ замкѣ Раккониджи, 23 — 25 октября (нов. ст.), былъ совершенно ясенъ для публики. Общему настроенію соотвѣтствовали и политическіе тосты, которыми обмѣнялись монархи на парадномъ обѣдѣ 23-го октября. Приводимъ здѣсь эти тосты въ переводѣ „Спб. телеграфнаго агентства“. Король Викторъ-Эммануилъ произнесъ слѣдующее:

„Я съ радостью привѣтствую Ваше Величество, какъ гостя Италіи и моего гостя, ибо пріѣздъ Вашего Величества соотвѣтствуетъ искренней дружбѣ и общности взглядовъ, связывающихъ наши Дома, наши правительства и наши страны. Общность интересовъ и чувства симпатіи, которыя еще болѣе усилились, благодаря порыву и самоотверженію, проявленнымъ славными русскими моряками во время постигшаго насъ недавно великаго несчастья, способствуютъ все болѣе и болѣе тѣсному сближенію Россіи и Италіи. Русскій и итальянскій народы узнали и оцѣнили другъ друга. Наши правительства явились выразителями этого, прилагая, совмѣстно съ другими державами, свои усилія къ сохраненію мира. Я твердо убѣжденъ, что могу трудиться совмѣстно съ Вашимъ Величествомъ, дабы обезпечить блага мира нашимъ народамъ. Я сердечно благодарю Ваше Величество за Ваше посѣщеніе и сожалѣю, что рядомъ съ Вами нѣтъ Вашей Августѣйшей Супруги, Которой я горячо желаю здоровья. Я поднимаю свой бокалъ въ честь Вашего Величества и за славу Вашего царствованія, за благополучіе Ихъ Императорскихъ Величествъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Императрицы Александры Ѳеодоровны и всего Императорскаго Дома, за величіе и благоденствіе Россіи“.

Государь Императоръ отвѣтилъ слѣдующее:

„Я искренно тронутъ сердечностью, съ которой ваше величество только-что Меня привѣтствовали. Прибывъ въ вашу прекрасную страну, Я осуществляю дорогое Моему сердцу желаніе, которое Я уже давно лелѣялъ. Я сожалѣю лишь объ одномъ, что здоровье Государыни Императрицы не позволило Ей предпринять вмѣстѣ со Мною это путешествіе и поблагодарить вмѣстѣ со Мною ваше величество за визитъ, который вы Намъ сдѣлали въ Петергофѣ и о которомъ Мы сохраняемъ самое пріятное воспоминаніе. Столь радушный пріемъ, оказанный Мнѣ въ Италіи, соотвѣтствуетъ искренней дружбѣ и общности взглядовъ и интересовъ, связывающихъ Наши Дома, Наши правительства и Наши страны. Искреннее участіе, принятое всей Россіей въ несчастьѣ, постигшемъ въ минувшемъ году Италію, и отголосокъ, который эти чувства нашли здѣсь, въ Италіи, являются краснорѣчивымъ доказательствомъ все возростающей симпатіи между Нашими обоими народами. Я твердо увѣренъ, что Наши правительства приложатъ всѣ свои старанія къ укрѣпленію этихъ симпатій и, благодаря постоянному, основанному на взаимномъ довѣріи, сотрудничеству, будутъ содѣйствовать не только сближенію Италіи и Россіи, столь соотвѣтствующему взаимнымъ интересамъ обѣихъ странъ, но и дѣлу всеобщаго мира. Мнѣ особенно пріятно находиться здѣсь сегодня, въ годовщину бракосочетанія вашихъ величествъ, и Я отъ всей души поднимаю бокалъ за здоровье вашего

величества, за здоровье ихъ величествъ королевы Елены и королевы Маргариты и всего королевскаго дома, пью за величіе и за благоденствіе прекрасной страны, гостепріимствомъ которой Я пользуюсь въ настоящее время".

Какъ видно изъ подлиннаго французскаго текста этихъ рѣчей, итальянскій король говорилъ не о „соотвѣтствіи" визита „искренней дружбѣ и общности *взглядовъ*, связывающихъ" обѣ страны, а о „подтвержденіи искренней дружбы и однородности *цѣлей*, соединяющихъ" и пр. („...la confirmation de la sincère amitié et de la conformité des *buts* unissant nos maisons, nos gouvernements et nos pays"). Оба народа, какъ выразился король, научились „уважать другъ друга" („ont appris... à s'estimer"), и ихъ правительства „истолковали ихъ мысли въ предпринятомъ, совмѣстно съ другими державами, дѣлѣ сохраненія мира". Въ отвѣтной рѣчи высказана увѣренность, что оба правительства „приложатъ дѣйствительныя мѣры для поддержанія этихъ симпатій и постояннымъ довѣрчивымъ сотрудничествомъ будутъ способствовать не только сближенію между Италіею и Россіею". Въ тостахъ не упоминалось ни о какихъ союзныхъ обязательствахъ относительно другихъ державъ; нѣтъ намека ни на тройственный союзъ съ Германіею и Австро-Венгріею, ни на франко-русскій союзъ. Обѣ стороны какъ будто признаютъ себя вполнѣ свободными въ установленіи новыхъ дружескихъ связей, и этотъ оттѣнокъ независимости представляетъ нѣчто новое для внѣшней политики Италіи. Итальянская дипломатія впервые за многіе годы вступаетъ въ секретные переговоры съ другими великими державами помимо участія и одобренія Германіи. Итальянскій министръ-президентъ Джіолитти и министръ иностранныхъ дѣлъ Титтони долго и неоднократно совѣщались съ А. П. Извольскимъ и, по свѣдѣніямъ компетентныхъ газетъ, пришли къ опредѣленнымъ соглашеніямъ относительно балканскихъ дѣлъ, вопросовъ критскаго и греческаго. Эти соглашенія, клонящіяся къ сохраненію *status-quo* въ Турціи и къ обезпеченію самостоятельности и нормальнаго мирнаго развитія балканскихъ государствъ, едва ли совпадаютъ съ намѣреніями и планами Австро-Венгріи, хотя оффиціально соотвѣтствуютъ, конечно, общимъ задачамъ миролюбія. Достигнутые результаты обсуждались затѣмъ при свиданіи съ прибывшимъ на французскую границу министромъ иностранныхъ дѣлъ Пишономъ, на обратномъ пути изъ Раккониджи.

Быть можетъ, обстановка русскаго визита вызывала нѣкоторыя излишнія стѣсненія для публики и особенно для газетныхъ корреспондентовъ; многіе жаловались на чрезмѣрное охранительное усердіе, приводившее иногда къ забавнымъ инцидентамъ. Случалось, что несомнѣнные придворные сановники и генералы задерживались по

подозрѣнію въ самозванствѣ, тайные полицейскіе агенты подвергались аресту въ качествѣ революціонеровъ; говорили, что русской охраной распоряжался будто бы извѣстный Ландезенъ-Гартингъ, разоблаченный Бурцевымъ. Но неудобства и стѣсненія встрѣчались вообще спокойно и отчасти насмѣшливо, такъ какъ принимаемыя мѣры не соотвѣтствовали общему благодушному настроенію; сами монархи совершали свои прогулки вполнѣ свободно, и публика сочувственно отмѣчала проявляемое при этомъ пренебреженіе къ чрезмѣрнымъ заботамъ охранителей. Любопытно, что въ числѣ безобидныхъ наблюдателей праздничнаго съѣзда въ Раккониджи находился и депутатъ Моргари, авторъ соціалистическихъ протестовъ противъ русскаго визита.

Общественное мнѣніе Италіи круто измѣнилось за послѣднее время по вопросамъ международной политики, и совершившаяся перемѣна выразилась какъ нельзя яснѣе въ Раккониджи. Вопросъ о сближеніи съ Россіею въ ущербъ формальной австрійской дружбѣ перешелъ для Италіи въ область реальныхъ практическихъ задачъ. Оффиціозная пресса, какъ итальянская, такъ и нѣмецкая, можетъ доказывать неприкосновенность тройственнаго союза и на будущее время; но прежняя вѣра въ обязательную необходимость этого союза для спокойствія и безопасности Италіи сильно поколеблена даже среди самыхъ консервативныхъ элементовъ итальянскаго общества. Сомнительно только, съумѣетъ ли наша дипломатія воспользоваться обстоятельствами для дѣйствительнаго привлеченія Италіи на сторону англо-франко-русской группы державъ, съ сохраненіемъ лишь союза съ Германіею. Такіе крупные положительные успѣхи не достигаются политикою, построенною на традиціяхъ личнаго режима и лишенною широкаго національнаго характера; а наша дипломатія дѣйствуетъ еще въ атмосферѣ случайностей и никогда не можетъ быть увѣрена въ твердости своего курса даже въ ближайшіе дни. Прискорбные опыты недавняго прошлаго краснорѣчиво показали намъ, какую рѣшающую власть имѣютъ еще надъ внѣшнею политикою Россіи авторитетныя заграничныя внушенія, исходящія изъ Берлина. Наша международная политика должна сдѣлаться національною въ истинномъ смыслѣ этого слова, опираясь на чувство отвѣтственности предъ страною и предъ народнымъ представительствомъ; только тогда она можетъ получить точное и ясное направленіе, соотвѣтствующее интересамъ Россіи—и только тогда она пріобрѣтетъ подобающую силу и авторитетъ въ глазахъ Европы. А пока мы можемъ разсчитывать только на случайные частичные успѣхи, болѣе или менѣе эфемерные, лишенные завтрашняго дня...

Испанія справилась кое-какъ съ полчищами кабиловъ въ Марокко, но пострадала отъ своей жалкой внутренней политики. Ничтожное реакціонное правительство, съ министромъ-президентомъ Маурою во главѣ, возбудило противъ себя негодованіе всего культурнаго міра юридическимъ убійствомъ, жертвою котораго палъ выдающійся дѣятель и организаторъ новыхъ свѣтскихъ школъ въ Испаніи, пятидесятидвухлѣтній Франциско Ферреръ. Арестованный по доносу своихъ политическихъ враговъ, онъ былъ преданъ военному суду за мнимое участіе въ лѣтнихъ барцелонскихъ безпорядкахъ и разстрѣлянъ 13 октября (нов. ст.) на основаніи заранѣе составленнаго обвинительнаго приговора, не смотря на многочисленныя ходатайства о помилованіи, поддержанныя единодушнымъ голосомъ западно-европейскаго общественнаго мнѣнія.

Министерство Мауры пожелало показать примѣръ энергіи и твердости въ дѣлѣ „успокоенія“; оно упорно стояло на точкѣ зрѣнія законномѣрности и независимости военнаго суда, ссылалось на точное соблюденіе установленныхъ правилъ и высокомѣрно отклоняло заступничество иностранцевъ за „революціонера“, попавшаго въ руки испанскихъ властей. Судъ выслушалъ только голословныя заявленія доносчиковъ и полицейскихъ агентовъ, оставилъ безъ вниманія просьбы о провѣркѣ этихъ показаній и не допустилъ никакихъ свидѣтелей защиты—и все это будто бы на точномъ основаніи законовъ военнаго судопроизводства. Франциско Ферреръ прибылъ въ Барцелону по дѣламъ своего книгоиздательства; онъ печаталъ заказанныя къ сроку учебныя книги, имѣлъ по этому поводу сношенія съ мѣстными типографіями и во время вспыхнувшаго возстанія долженъ былъ скрываться въ городѣ, чѣмъ и воспользовались его противники. Не трудно было собрать косвенныя доказательства виновности Феррера, въ родѣ тѣхъ, которыя изложены въ обвинительномъ актѣ: во-первыхъ, такіе-то свидѣтели видѣли подсудимаго разговаривавшимъ на улицѣ съ неизвѣстными личностями, похожими по внѣшнему виду на революціонеровъ; во-вторыхъ, нѣкоторыя лица слышали, какъ подсудимый высказывалъ свое сочувствіе дѣлу революціи; въ-третьихъ, кто-то получилъ отъ кого-то свѣдѣнія о руководящей роли Феррера въ возстаніи, въ подтвержденіе чего указывалось на усиленіе безпорядковъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ передъ тѣмъ, по агентурнымъ справкамъ, побывалъ Ферреръ; въ-четвертыхъ, подсудимый въ своихъ рѣчахъ проводилъ опасныя революціонныя идеи, совпадающія будто бы съ принципами и стремленіями барцелонскихъ анархистовъ.

Правда, Ферреръ категорически заявлялъ, что онъ ни прямо, ни косвенно не участвовалъ въ безпорядкахъ, что въ показаніяхъ свидѣтелей нѣтъ ни слова правды, что знающія его лица могутъ удо-

стовѣрить, гдѣ и какъ онъ проводилъ время въ роковые дни, и что по существу своихъ убѣжденій и по характеру всей своей дѣятельности онъ не могъ сочувствовать насиліямъ и поджогамъ, совершавшимся въ Барцелонѣ;—но указанные имъ свидѣтели не были вызваны въ судъ, подъ предлогомъ пропуска законнаго срока, который, кажется, истекъ чуть ли не до ознакомленія подсудимаго и его защитника съ актами законченнаго предварительнаго слѣдствія. По обвинительному акту подсудимому ставились въ вину заявленія и рѣчи, сказанныя имъ много лѣтъ тому назадъ и не имѣвшія, слѣдовательно, никакого отношенія къ барцелонскимъ событіямъ; между тѣмъ цитаты изъ этихъ рѣчей истолковывались въ смыслѣ подстрекательствъ къ послѣднему возстанію. Обвинитель откровенно началъ свою рѣчь словами: „Мы докажемъ, что Франциско Гвардія Ферреръ былъ предводителемъ барцелонскаго возстанія“ — и затѣмъ столь же откровенно ограничился приведеніемъ цѣлаго ряда непровѣренныхъ судомъ указаній, предположеній, слуховъ и мнѣній, сообщенныхъ разными лицами и составившихъ весь фактическій фундаментъ обвиненія.

Даже оффиціальный защитникъ Феррера, капитанъ Франциско Гальцеранъ, не скрывалъ своего возмущенія по поводу явной недобросовѣстности и неправильности процесса. „Во время разбирательства на судѣ—сказалъ онъ, между прочимъ,—говорили всѣ враги Феррера, выставлены противъ него всѣ анонимныя обвиненія, собраны мнѣнія людей, считаемыхъ почему-то компетентными въ данномъ дѣлѣ; но всѣ тѣ, которые могли бы сообщить намъ положительныя свѣдѣнія о жизни и привычкахъ Феррера, объ его взглядахъ и работахъ, были заблаговременно высланы изъ страны. Послѣ того какъ я ознакомился съ производствомъ, заключающимъ въ себѣ около шестисотъ страницъ, въ предоставленный мнѣ суточный срокъ, мнѣ было отказано въ допущеніи какихъ бы то ни было доказательствъ; я не могъ добиться вызова и допроса свидѣтелей, которые сами желали быть выслушанными, и я вижу предъ собою законченное дѣло, полное неясностей и противорѣчій. При собраніи матеріала принимались въ разсчетъ исключительно лица и заявленія враждебной партіи; но обвиненіе настолько несостоятельно, что оно падаетъ само собою при первой попыткѣ критическаго разбора“. Капитанъ Гальцеранъ выражалъ надежду и даже увѣренность, что судьи отнесутся къ дѣлу съ подобающими „чувствами справедливости, благородства и доброжелательности“ и что они не примутъ лживыхъ доносовъ и сплетенъ за серьезныя улики. И дѣйствительно, фактическіе доводы защитника не допускаютъ возраженій. Одинъ свидѣтель, напр., давъ свое показаніе противъ подсудимаго, пояснилъ, что въ точности онъ ничего не знаетъ, потому что не былъ въ Барцелонѣ во время

безпорядковъ. Другой сознался, что ничѣмъ не можетъ подтвердить свои разсказы; третій, цирюльникъ, сообщаетъ дословно содержаніе преступныхъ разговоровъ Феррера ночью въ какомъ-то кафе́, но не можетъ указать, гдѣ это кафе́ находится и кто при этомъ разговорѣ присутствовалъ. При обыскѣ въ квартирѣ подсудимаго найдены будто бы двѣ прокламаціи, никѣмъ не подписанныя, безъ означенія времени и мѣста; этихъ бумагъ раньше не было у Феррера, и онъ не признаетъ ихъ своими, такъ какъ онѣ обнаружены полиціею въ его отсутствіе; тѣмъ не менѣе онѣ фигурируютъ въ дѣлѣ въ качествѣ очень серьезныхъ доказательствъ. Капитанъ Гальцеранъ открыто заявилъ, что процессъ Феррера умышленно подстроенъ его врагами, рѣшившими погубить его за пропаганду новыхъ идей въ школьномъ дѣлѣ, за многолѣтнюю умственную борьбу противъ народной тьмы, поддерживаемой духовенствомъ и реакціонными партіями. Франциско Ферреръ, по словамъ защитника, не слагаетъ и не сложитъ оружія въ этой легальной борьбѣ; онъ не сдается противникамъ и не проситъ снисхожденія или перемирія—но ни въ чемъ другомъ онъ не повиненъ.

Еще задолго до суда, не зная еще подробностей обвиненія, Ферреръ успѣлъ послать изъ тюрьмы письмо къ одному изъ своихъ парижскихъ друзей; въ письмѣ этомъ, напечатанномъ въ газетѣ „Humanité“, онъ предупреждаетъ, что его собираются судить за чужія преступленія, единственно лишь изъ вражды къ дѣлу школьнаго обученія трудящихся классовъ, которому онъ посвятилъ свою жизнь. Его разъ уже привлекали къ суду по поводу того, что какой-то знакомый ему наборщикъ стрѣлялъ въ короля въ день его бракосочетанія; но тогда вздорность обвиненія была до того очевидна, что судъ вынужденъ былъ оправдать его. Въ барцелонскомъ дѣлѣ „внутренняя политика“ консервативнаго кабинета сыграла свою рѣшающую роль, и несчастный Ферреръ былъ принесенъ въ жертву тупоумію и жестокости корыстныхъ охранителей монашескаго режима въ Испаніи.

Это судебное убійство, совершенное сознательно, въ отвѣтъ на всѣ ходатайства и протесты, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми призывами къ человѣчности и справедливости, произвело сильное впечатлѣніе въ Европѣ и вызвало въ разныхъ городахъ шумныя уличныя демонстраціи противъ Испаніи и ея оффиціальныхъ представителей. Въ Парижѣ волненіе дошло до того, что полиціи едва удалось остановить многочисленную толпу, направлявшуюся къ дому испанскаго посольства, и это столкновеніе не обошлось безъ кровопролитія. Вся европейская печать, представители всѣхъ политическихъ партій, кромѣ узко-реакціонныхъ, и наконецъ всѣ засѣдавшіе въ данное время пар-

ламенты съ одинаковымъ чувствомъ протеста откликнулись на преступный актъ испанскаго правительства.

Въ самой Испаніи, очевидно, ни министерство, ни оппозиція не отдавали себѣ яснаго отчета въ важности случившагося факта. Въ собраніи кортесовъ 18 октября, предводитель либеральнаго меньшинства, Моретъ, въ довольно умѣренныхъ выраженіяхъ мотивировалъ свой запросъ объ общей политикѣ правительства, при чемъ останавливался болѣе на военныхъ событіяхъ въ Марокко, чѣмъ на практикуемыхъ способахъ внутренняго „успокоенія". Министръ-президентъ Маура спокойно, съ сознаніемъ своего достоинства и авторитета, оправдывалъ военныя и карательныя мѣры, принятыя въ Марокко и въ Каталоніи. О процессѣ и казни Феррера почти не говорилось въ палатѣ. Депутаты-прогрессисты и радикалы прерывали министра-президента шумными возгласами, но консервативное большинство выражало ему свое одобреніе. Маура давалъ понять, что онъ останется у власти и что заграничные протесты его не смущаютъ, пока онъ находитъ поддержку въ парламентѣ. На слѣдующій день, 19-го числа, передъ началомъ засѣданія глава кабинета сообщилъ обращавшимся къ нему журналистамъ, что „въ Испаніи господствуетъ полное спокойствіе"; но вскорѣ положеніе измѣнилось. Моретъ произнесъ новую обвинительную рѣчь, въ которой категорически требовалъ отставки министерства во имя интересовъ внутренней и внѣшней безопасности государства. Маура отвѣчалъ въ самоувѣренномъ и даже вызывающемъ тонѣ; по его словамъ, военные суды дѣйствовали въ Барцелонѣ еще слишкомъ снисходительно, и въ сущности слѣдовало бы всѣхъ участниковъ возстанія судить по законамъ военнаго времени. Правительство не предлагало королю пользоваться правомъ помилованія относительно осужденныхъ, такъ какъ считало ихъ преступленія слишкомъ опасными. Маура имѣлъ успѣхъ, и большинство ему апплодировало; но въ защиту системы репрессіи выступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Лачерва—и испортилъ все дѣло излишествомъ своего охранительнаго краснорѣчія. Въ засѣданіи 20-го числа, послѣ оживленныхъ пререканій между Лачервою и Моретомъ, выяснилась уже неизбѣжность министерскаго кризиса; кабинетъ Маура подалъ въ отставку, и 21-го октября организовалось новое либеральное правительство, съ Моретомъ во главѣ.

Вожди реакціи въ Испаніи получили надлежащее возмездіе за свою мнимо-успокоительную тактику, взволновавшую не только всѣ либеральные элементы внутри страны, но и значительную часть общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Политическая болѣзнь, симптомомъ которой была казнь Феррера, вызвала своевременное и достаточно энергическое противоядіе, въ видѣ перемѣны министерства, и возникшій

кризисъ, грозившій испортить международное положеніе Испаніи, разрѣшился скорѣе, чѣмъ можно было думать, благодаря правильному дѣйствію конституціонныхъ учрежденій.

Въ Германіи замѣчается все болѣе значительный ростъ передовыхъ оппозиціонныхъ партій, особенно соціалъ-демократической. Частичные выборы въ имперскій сеймъ, происходившіе недавно въ Кобургѣ, доставили торжество соціалъ-демократамъ, точно такъ же, какъ предшествовавшіе выборы въ Нейштадтъ-Ландау и Штольбергъ-Шнеебергъ. Въ четырехъ избирательныхъ округахъ Берлина, гдѣ выборы въ прусскую палату депутатовъ были ею кассированы, вновь одержали верхъ соціалъ-демократы. Въ Баденѣ и Саксоніи, гдѣ 21-го октября предстояло обновленіе мѣстныхъ парламентовъ, господствовавшія въ нихъ консервативныя партіи потерпѣли рѣшительное пораженіе.

Въ Саксоніи изъ общаго числа 82 депутатовъ состояло 46 консерваторовъ, 31 національ-либералъ, 3 свободомыслящихъ и 1 соціалъ-демократъ, такъ что абсолютное большинство принадлежало консерваторамъ, которые во многихъ случаяхъ могли также разсчитывать на содѣйствіе части національ-либераловъ. Послѣдніе выборы происходили уже по новому избирательному закону, основанному на принципѣ множественности голосовъ, въ зависимости отъ имущественнаго и образовательнаго ценза. Изъ общаго числа 91 выбрано сразу 34 депутата, а именно 16 соціалъ-демократовъ, 14 консерваторовъ и 4 національ-либерала; въ 57 округахъ предстоитъ перебаллотировка, съ участіемъ 53 соціалъ-демократовъ, 27 національ-либераловъ, 17 консерваторовъ, 9 свободомыслящихъ, 3 членовъ союза сельскихъ хозяевъ и 1 антисемита. Во главѣ идутъ соціалъ-демократы, а въ хвостѣ—прежніе хозяева положенія, консерваторы.

Въ Баденѣ, гдѣ съ 1904-го года введено всеобщее избирательное право, выбрано сразу, при общемъ числѣ 73 депутатовъ, 21 членъ партіи центра, 10 соціалъ-демократовъ, 5 либераловъ и прогрессистовъ,—тогда какъ при выборахъ 1905-го года прошло сразу 28 членовъ центра, 17 либераловъ и прогрессистовъ и только 3 соціалъ-демократа; баллотировка предстоитъ въ 37 округахъ, при участіи 29 соціалъ-демократовъ, 29 членовъ центра и 14 консерваторовъ. Владычество аграріевъ, консерваторовъ и клерикаловъ еще далеко не сломлено, но оно начинаетъ встрѣчать сознательный отпоръ въ массѣ трудящихся. Искусственныя избирательныя системы, въ родѣ саксонской, не обезпечиваютъ успѣха высшихъ классовъ; привилегіи образованія, богатства и поземельнаго владѣнія не помѣшали въ Саксоніи побѣдѣ кандидатовъ, лишенныхъ этихъ привилегій.

Ростъ оппозиціоннаго настроенія проявляется въ Германіи и въ отдѣльныхъ эпизодахъ, болѣе или менѣе характерныхъ. Въ баварской палатѣ депутатовъ былъ неожиданно возбужденъ вопросъ, задѣвающій политическую репутацію Россіи. Либеральный депутатъ Гюнтеръ, въ засѣданіи 13 октября, пожелалъ узнать, думаетъ ли правительство отказаться отъ сохраненія силы договора о выдачѣ преступниковъ, заключеннаго въ 1885-мъ году съ Россіею. Ораторъ напомнилъ, что этотъ договоръ въ свое время вызывалъ чрезвычайно вѣскія возраженія и что на практикѣ онъ приводитъ или можетъ приводить къ тягостнымъ послѣдствіямъ, въ виду исключительныхъ условій русской юстиціи. Министръ-президентъ баронъ Подевильсъ объяснилъ, что прекращеніе дѣйствія договора съ иностранною державою безъ достаточной уважительной причины могло бы повлечь за собою серьезныя политическія затрудненія и неудобства. Никакихъ причинъ для прекращенія договора не существуетъ; съ 1885-го года Россія только въ четырехъ случаяхъ требовала выдачи, и только по одному дѣлу о простомъ убійствѣ требованіе было удовлетворено; Баварія же за этотъ періодъ дважды требовала выдачи, и оба раза требованіе ея было исполнено. Существованіе договора предохраняетъ страну отъ наплыва преступныхъ элементовъ изъ-за границы. Выдавать кого-либо для суда и расправы по исключительнымъ законамъ или по произволу администраціи вообще не принято, и Баварія никогда бы этого не допустила; но правительство обѣщаетъ еще заботливѣе прежняго руководствоваться національнымъ правосознаніемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выдачи. Доводы министра однако не убѣдили палату. Либеральные и консервативные депутаты—не говоря уже о соціалъ-демократахъ—настаивали на томъ, что въ странѣ существуетъ несомнѣнно враждебное отношеніе къ русскому договору и что послѣдній долженъ быть отмѣненъ. Это предложеніе было принято палатою единогласно.

Такимъ образомъ всѣ нѣмецкія политическія партіи въ Баваріи, не исключая и реакціонныхъ, весьма недвусмысленно высказали свой взглядъ на практику исключительныхъ законовъ и порядковъ, уничтожающихъ довѣріе къ правосудію. Косвенно рѣшеніе баварскаго парламента направлено и противъ прусскаго правительства, которое, какъ извѣстно, относится довольно снисходительно, а иногда какъ будто даже сочувственно, къ судебно-полицейскимъ недостаткамъ и злоупотребленіямъ сосѣднихъ государствъ.

Одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Японіи, князь Ито, убитъ въ Харбинѣ, на вокзалѣ, 26 (13) октября, во время встрѣчи

съ нашимъ министромъ финансовъ, В. Н. Коковцевымъ. Убійца оказался корейскимъ патріотомъ, мстителемъ за несчастную страну, завоеванную японцами и находившуюся въ управленіи князя Ито.

Покойный принималъ близкое и отчасти руководящее участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ японской исторіи за послѣднее тридцатилѣтіе. Онъ былъ министромъ-президентомъ въ 1889-мъ году, когда микадо даровалъ народу конституцію и созвалъ первый національный парламентъ, собравшійся въ ноябрѣ 1890-го года; онъ былъ премьеромъ и во время войны съ Китаемъ, и при заключеніи трактата въ Симоносеки. Въ концѣ 1901-го года онъ ѣздилъ въ Европу для устройства выгоднаго союза, потерпѣлъ неудачу въ Петербургѣ и нашелъ сочувственный откликъ въ Англіи, съ которою и состоялся союзный договоръ въ январѣ 1902-го года. Какъ высшій представитель Японіи въ Кореѣ, князь Ито вовсе не былъ сторонникомъ крутыхъ мѣръ, а напротивъ, настойчиво проводилъ идеи мирнаго культурнаго развитія и широкихъ либеральныхъ реформъ. Неожиданная смерть его отъ руки корейца не измѣнитъ, конечно, общаго направленія политики Японіи относительно Кореи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1909.

I.

— Письма Владиміра Сергѣевича Соловьева. Т. II. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Чистый доходъ предназначается на стипендію имени Вл. С. Соловьева. Спб., 1909. Ц. 2 рубля.

Второй томъ писемъ Владиміра Сергѣевича Соловьева, какъ и первый, даетъ немало важнаго и интереснаго для исторіи внутренней жизни покойнаго философа-поэта. Особенно богатъ матеріалъ, заключающійся въ письмахъ къ А. А. Кирѣеву и Ф. Б. Гецу; за ними, по значенію, слѣдуютъ письма къ кн. Д. Н. Цертелеву. Письма къ А. А. Кирѣеву свидѣтельствуютъ о томъ, какъ рано зародился въ В. С. разладъ съ той средой, въ которую его ввели раннія его произведенія. Уже въ 1883 г. онъ возстаетъ рѣшительно и рѣзко противъ

отрицательнаго національнаго [1]) или народнаго эгоизма, противъ „самообожанія народности, которое въ сущности такъ же отвратительно, какъ и самообожаніе личности". Онъ признаетъ народность только какъ „положительную силу, служащую вселенской (сверхнародной) идеѣ". „Что можетъ быть менѣе самобытно"—говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—„какъ эти вѣчные толки о самобытности, которымъ предаются патріоты всѣхъ странъ? Не хотятъ они понять той простой вещи, что для показанія своей національной самобытности *на дѣлѣ* нужно и думать о самомъ этомъ дѣлѣ, нужно стараться рѣшить его самымъ *лучшимъ*, а никакъ не самымъ *національнымъ* образомъ".—Мы видимъ здѣсь первые проблески тѣхъ идей, которыя онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, съ такою поразительною силой и такимъ художественнымъ мастерствомъ проводилъ въ „Вѣстникѣ Европы". Задолго до окончательнаго разрыва съ „старовѣрами славянофильства" онъ видимо тяготится узкостью ихъ взглядовъ и безграничностью ихъ самомнѣнія. Въ 1884 г. онъ называетъ „глупыми" статьи Данилевскаго и Гилярова о нигилистахъ. Въ 1887 г. онъ радуется тому, что публичная лекція, прочитанная имъ въ Москвѣ, „доставила большое неудовольствіе московской славянофильствующей публикѣ". Онъ доволенъ, что его противники ничего, кромѣ неудовольствія, не могли противопоставить его мысли, и видитъ въ этомъ признакъ, что будущее принадлежитъ ему. Ему ненавистны полицейскія стѣсненія мысли, которыя онъ называетъ „системой нашего церберизма" и которыми такъ охотно пользуются ревнители косности и неподвижности. „Мои богословствующіе противники"—пишетъ онъ въ 1887 г.—„пришли къ слѣдующему рѣшенію: съ одной стороны—черезъ журналы и газеты предать меня всевозможному священноябедничеству и благоклеветанію, а съ другой стороны, черезъ духовную цензуру, препятствовать мнѣ печатать что-либо въ Россіи... И какъ только я вернулся въ Москву, такъ немедленно же обнаружилось дѣйствіе принятой противъ меня священномошеннической благосистемы". До чего доходило усердіе духовной цензуры—объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій, по истинѣ невѣроятный фактъ: въ фразѣ „дѣйствительное явленіе Богочеловѣка Христа" цензорская рука зачеркнула слово „Богочеловѣка". „Эту рѣдкость"—пишетъ В. С.—„я не довѣряю почтѣ, а буду бережно хранить для потомства... Впрочемъ я не понимаю, какой смыслъ могутъ имѣть какіе бы то ни было аргументы съ моей стороны, когда рѣшено относительно меня употреблять исключительно лишь argumentum baculinum" (аргументъ „палочный", т.-е. насиліе). А отъ палки въ переносномъ смыслѣ слова недалеко иногда до палки на-

[1]) Мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника.

стоящей; около того же времени Соловьевъ пишетъ, что органы архіепископа Амвросія стращаютъ его избіеніемъ со стороны московскихъ мясниковъ. Уже тогда (т.-е. въ началѣ второй половины восьмидесятыхъ годовъ, до перехода Соловьева въ либеральный лагерь) Побѣдоносцевъ признавалъ *всякую* дѣятельность Соловьева вредной для Россіи и, слѣдовательно, недопустимой. Наложить молчаніе на уста великаго писателя, къ счастію, не удалось; но сколько ему пришлось пережить тяжелыхъ лишеній и горькихъ испытаній! Какая глубокая меланхолія, облеченная въ полушутливую форму, слышится въ письмѣ его къ графинѣ С. А. Толстой, написанномъ осенью 1886-го года: „я становлюсь въ родѣ памятника надъ несбывшимися мечтами и разрушенными иллюзіями. Впрочемъ отрадно спать, отраднѣй камнемъ быть". Немного позже онъ пишетъ кн. Д. Н. Цертелеву: „О себѣ скажу только, что нахожусь въ весьма выгодномъ положеніи, а именно: мнѣ теперь *во всѣхъ* отношеніяхъ такъ скверно, что ужъ хуже быть не можетъ".

Какъ горячо Соловьевъ принималъ къ сердцу печальную судьбу русскихъ евреевъ—это видно изъ всей переписки его съ Ф. Б. Гецемъ. Къ числу *грѣховъ Россіи* онъ относитъ, наряду съ обрусеніемъ Польши и отсутствіемъ религіозной свободы, положеніе еврейства, къ числу обязанностей Россіи—дарованіе русскимъ евреямъ полныхъ гражданскихъ правъ. „Вы желаете"—пишетъ онъ г. Гецу,—„чтобы я еще разъ высказался о еврейскомъ вопросѣ по поводу вашей книжки. Охотно это дѣлаю, не только для васъ, но и для себя—для очищенія своей совѣсти относительно нашихъ проповѣдниковъ антисемитизма. Ибо, какъ сказано у пророка Іезекіиля, если не возвѣстишь нечестивому, да обратится отъ пути своего и живъ будетъ... взыщу кровь его отъ руки твоей. Если же возвѣстишь ему, и не обратится отъ нечестія своего и отъ пути нечестиваго своего,—въ беззаконіи своемъ умретъ онъ, ты же душу свою избавилъ"... „Пусть благочестивые евреи"—читаемъ мы въ другомъ письмѣ—„усиленно молятъ Бога, чтобы Онъ отдалъ судьбы Россіи въ руки религіозныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разумныхъ и смѣлыхъ людей, которые и хотѣли бы и умѣли, и смѣли сдѣлать добро обоимъ народамъ". Между письмами къ г. Гецу напечатанъ текстъ протеста противъ антисемитическаго движенія въ печати, составленнаго Соловьевымъ въ маѣ 1890-го года. Жаль, что въ сборникѣ нѣтъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ этого протеста. Если мы не ошибаемся, онъ не былъ оглашенъ въ печати; но почему? Вслѣдствіе ли внѣшнихъ непреодолимыхъ препятствій, или потому, что не удалось собрать достаточнаго числа подписей? Нужно надѣяться, что во второмъ изданіи писемъ мы встрѣтимъ отвѣты редакціи на этотъ вопросъ и на многіе другіе.

Очень интересны тѣ письма къ А. А. Кирѣеву (6-ое, 12-ое и 18-е), гдѣ идетъ рѣчь о соединеніи церквей. Въ одномъ изъ писемъ къ Ф. Б. Гецу любопытенъ отзывъ о книгѣ Ренана: „Histoire du peuple d'Israël". „Эту исторію Израиля" Соловьевъ находитъ „и не историчной, и, если можно такъ выразиться, не израильной. Можно ли писать о Саулѣ и Давидѣ такимъ фельетоннымъ тономъ, точно о Баттенбергѣ или Кобургѣ"? Нѣкоторыя письма (напримѣръ начало 12-го письма А. А. Кирѣеву или 47-ое письмо кн. Д. Н. Цертелеву) брызжутъ веселостью, такъ своеобразно чередовавшеюся у Соловьева съ мрачнымъ, тоскливымъ настроеніемъ. Совершенно неправильное толкованіе дано въ одной газетѣ тому письму къ А. А. Кирѣеву (№ 9), въ которомъ идетъ рѣчь о книгѣ Л. Н. Толстого: „Въ чемъ моя вѣра?". Рѣзкій отзывъ объ этой книгѣ принадлежитъ не самому Соловьеву, который тогда еще не читалъ ея, а одному изъ его пріятелей. Изъ того,что Соловьевъ, задумавъ вышеупомянутый протестъ противъ антисемитизма, прежде всего обратился къ содѣйствію Толстого, и изъ отвѣта, даннаго ему Толстымъ (см. примѣчаніе къ 23-му письму на имя Ф. Б. Геца), видно, что оба писателя, не смотря на все различіе взглядовъ, относились другъ къ другу съ любовью и уваженіемъ.

Укажемъ, въ заключеніе, на нѣкоторые недосмотры, которые легко будетъ исправить во второмъ изданіи. Въ примѣчаніи редакціи на стр. 132-ой сказано, что министромъ юстиціи съ 1885 по 1894 годъ былъ Н. В. Муравьевъ. Это, очевидно, опечатка: во главѣ министерства юстиціи стоялъ въ это время Н. А. Манасеинъ, котораго въ 1894 г. замѣнилъ Н. В. Муравьевъ. 7-ое письмо къ гр. С. А. Толстой, гдѣ идетъ рѣчь о неизлечимой болѣзни отца Владиміра Сергѣевича, помѣчено 1883-мъ годомъ; между тѣмъ С. М. Соловьевъ скончался въ 1879-мъ году. 14-ое письмо къ А. Н. Аксакову помѣчено 1886-мъ годомъ; между тѣмъ въ немъ сказано: „вчера умеръ А. И. Кошелевъ"— а Кошелевъ скончался въ 1883-мъ году. 13-ое письмо къ Ф. Б. Гецу, безъ даты, должно быть поставлено послѣ 14-го, помѣченнаго 1887-мъ годомъ: послѣднее написано, очевидно, еще при жизни Каткова, а первое, столь же очевидно — послѣ его смерти.—К. А.

II.

— Проф. А. Л. Погодинъ. Исторія Сербіи. Изд. „Брокгаузъ-Ефронъ". Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. Стр. 164.

Новая книга проф. Погодина даетъ популярно изложенную, доступную для всякаго интеллигентнаго читателя исторію Сербіи отъ образованія сербскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ и до

нашихъ дней. Объемъ книги позволилъ автору остановиться главнымъ образомъ лишь на такъ называемой внѣшней, иначе — политической исторіи сербскаго народа, въ результатѣ чего книга его распадается на двѣ, приблизительно равныя части, изъ которыхъ въ одной излагается исторія былой независимой Сербіи, въ другой — исторія Сербіи за послѣднія сто съ небольшимъ лѣтъ, когда она въ борьбѣ съ Турціей снова завоевываетъ себѣ независимое государственное существованіе. Промежуточному періоду въ нѣсколько столѣтій, когда Сербія находилась подъ турецкимъ игомъ, посвящена одна сравнительно небольшая глава. Такое неравномѣрное распредѣленіе частей книги отнюдь не слѣдуетъ ставить въ вину автору, такъ какъ оно продиктовано прежде всего его задачей и, кромѣ того, современнымъ состояніемъ научной разработки исторіи Сербіи. Не будучи самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, чего нельзя и требовать отъ общаго курса, книга проф. Погодина является, тѣмъ не менѣе, цѣннымъ вкладомъ въ русскую научную литературу по исторіи славянскихъ народовъ, и ее можно рекомендовать читателю, интересующемуся исторіей родственнаго намъ народа. По первой главѣ новой работы проф. Погодина, посвященной общему очерку не только современной Сербіи, но и современной Болгаріи, можно предположить, что вслѣдъ за исторіей Сербіи авторъ намѣренъ выпустить въ свѣтъ и исторію Болгаріи. Подобное намѣреніе почтеннаго автора можно только привѣтствовать.

III.

— Історія України — Руси. Написав Михайло Грушевський. Томъ VII. Козацькі часи — до р. 1625. Київ — Львив. 1909 р. Стор. 628 + X. Ціна 3 р. 50 коп.

Седьмой томъ монументальнаго труда проф. Грушевскаго является вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ томомъ исторіи украинскаго козачества, въ которой почтенный историкъ обѣщаетъ изобразить „великую трагедію народной жизни, описаніе того, какъ впервые на памяти исторіи украинскій народъ выступаетъ активно, творцомъ собственной доли, подымаетъ борьбу на жизнь и смерть за осуществленіе своихъ идеаловъ; какъ потомъ, послѣ вѣковыхъ напряженій, облитый кровью и обезсиленный, онъ падаетъ въ борьбѣ съ непреодолимыми препятствіями“. Изображенію этой трагедіи проф. Грушевскій предполагаетъ посвятить, кромѣ даннаго тома, еще слѣдующіе два, изъ которыхъ одинъ уже печатается.

Историческій фонъ, на которомъ выступило украинское козачество, данъ авторомъ въ двухъ предшествующихъ томахъ (V и VI) его

„Исторіи". Въ нихъ подробно описаны и развиты тѣ общественныя, экономическія, культурныя и политическія условія, въ которыхъ росла и назрѣвала народная реакція Украины XVI и XVII вв. противъ насильственно водворяемой чуждой (польской) государственности и чуждаго права — та реакція, которая нашла свое яркое выраженіе и свою силу въ козачествѣ. Описаніе доведено до конца первой четверти XVII вѣка, когда и матеріально, и формально изъ явленія чисто бытового, изъ характерной особенности Понизовья, украинское козачество претворилось въ мощный соціально-политическій и національный факторъ, способный ввести въ кругъ своего вліянія и даже покрыть собою весь народъ.

Первая половина седьмого тома обнимаетъ собою анализъ происхожденія украинскаго козачества. Авторъ подробно излагаетъ условія колонизаціи украинскаго Понизовья въ концѣ XV и въ XVI вв., останавливаясь съ особымъ вниманіемъ на явленіи уходничества, въ организаціонныхъ формахъ котораго видитъ зачатки грядущей организаціи козачества. Исторію козачества проф. Грушевскій разсматриваетъ въ связи со всею совокупностью предшествовавшихъ ему историческихъ явленій, ибо „органическая непрерывность народной жизни не прекращается вполнѣ ни при какихъ измѣненіяхъ и переломахъ, пока данный народъ существуетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, авторъ рѣшительно отрицаетъ непосредственную связь организаціонныхъ формъ козачества съ общественными традиціями княжескаго періода. Сложившіяся въ княжескомъ періодѣ формы общественнаго самоуправленія, по мнѣнію автора, угасли въ дезорганизованности промежуточнаго періода, подъ гнетомъ литовско-польскаго режима, и козачество наново возродило ихъ изъ первичныхъ основъ общественнаго строя, уцѣлѣвшихъ въ періодъ упадка и медленно укрѣплявшихся въ свободной атмосферѣ украинскаго Понизовья.

Анализируя понятіе козачества, проф. Грушевскій различаетъ, съ одной стороны, козачество, какъ явленіе бытовое и какъ правовой институтъ, съ другой стороны — самое явленіе козачества и то имя, которое укрѣпилось за нимъ въ исторіи. Какъ явленіе бытовое, козачество такъ же старо, какъ исторія народа, среди котораго оно возникло: „это результатъ непрерывающейся борьбы осѣдлаго, земледѣльческаго населенія съ дикимъ, разбойническимъ, кочевымъ населеніемъ степей, борьбы, которая вѣками тянулась, все въ новыхъ и новыхъ формахъ, въ новыхъ видоизмѣненіяхъ, на той же территоріи Украины". Черноморскіе Бродники, галицкіе Берладники, Поршане Владиміра Святого—все это прототипы козачества, какъ бытового явленія, со временъ княжескаго періода исторіи. Имя козачества явленіе это пріобрѣтаетъ во второй половинѣ XV вѣка, но еще долго, почти до конца

XVI вѣка козачество — гораздо больше „занятіе, чѣмъ общественное положеніе“. Лишь съ этого времени о козачествѣ можно говорить, какъ о нѣкоторой соціальной группѣ, имѣющей свое особое правовое положеніе и свое самоуправленіе.

Вторую половину седьмого тома авторъ посвящаетъ анализу соціальныхъ и политическихъ условій жизни Украины въ началѣ XVII в. которыя способствовали тому, что козачество съ первыхъ же шаговъ своего организованнаго существованія явилось представителемъ своего народа въ борьбѣ за его соціальныя и національныя нужды и требованія. Правовой иммунитетъ, достигнутый козаками на протяженіи второй половины XVI в. не безъ невольной помощи польскаго правительства, къ началу XVII-го в. втягиваетъ въ козацкіе ряды значительныя крестьянскія и мѣщанскія массы, благодаря чему дѣйствія козачества, усиливаясь въ размахѣ и энергіи, пріобрѣтаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, черты соціальнаго протеста противъ польско-шляхетскаго режима. Дальнѣйшее движеніе роста козачества шло въ направленіи сближенія его съ тогдашнимъ національнымъ духовенствомъ и остатками помѣстнаго боярства. Въ 20-хъ годахъ XVII-го вѣка козачество заканчиваетъ первую стадію своего объединенія съ народомъ, взявъ подъ свою „протекцію“ культурно-просвѣтительныя и религіозныя нужды и требованія украинскаго народа (кіевское братство, возобновленіе православной іерархіи и т. д.). На Курукувскомъ договорѣ, явившемся печальнымъ результатомъ перваго организованнаго выступленія козачества, заканчивается первый томъ новой исторіи козачества.

Явленіе козачества издавна привлекало историческое любопытство, но многочисленные труды въ этой области русскихъ, польскихъ и украинскихъ писателей носятъ монографическій характеръ и не даютъ ни общей картины этого явленія, ни общепризнаннаго и утвердившагося въ наукѣ генезиса его. Работа проф. Грушевскаго, основанная въ значительной мѣрѣ на неизвѣстныхъ ранѣе первоисточникахъ, является началомъ перваго прагматическаго изложенія всей исторіи козачества, полагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые твердое научное основаніе для дальнѣйшихъ работъ по изслѣдованію происхожденія самого явленія козачества. И если теорія происхожденія козачества, предложенная проф. Грушевскимъ, и явится предметомъ научнаго спора, то, во всякомъ случаѣ, отнынѣ onus probandi возложенъ имъ на возможныхъ противниковъ ея.—М. Славинскій.

IV.

— Н. Карѣевъ. — Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI. Послѣдняя треть XIX вѣка. Часть I (1867—1880 гг.). Цѣна 2 р. 50 коп. С.-Петербургъ, 1909 г.

Обширный трудъ проф. Карѣева, посвященный западно-европейской исторіи новаго и новѣйшаго времени, занялъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Можно сказать, что и въ западной литературѣ не найдется труда, столь полно и всесторонне охватывающаго многообразныя и сложныя перипетіи исторической эволюціи Западной Европы въ XVI — XIX вв. Если сравнить, напримѣръ, трудъ проф. Карѣева съ „Histoire Générale“ Лависса и Рамбо или съ „Geschichte Europas“ Альфреда Штерна, то нельзя не отдать предпочтеніе русскому ученому, одинаково освѣтившему и политическую, и культурную, и соціально-экономическую сторону изучаемыхъ эпохъ. Въ названныхъ выше книгахъ, какъ и въ болѣе популярномъ трудѣ Сеньобоса, главное вниманіе обращено на политическую исторію, съ перенесеніемъ центра тяжести или на внѣшнюю политику, или на борьбу политическихъ партій. Сочиненіе проф. Карѣева—болѣе систематичное и опредѣленное цѣлое. Не будучи сторонникомъ экономическаго матеріализма, авторъ придаетъ первостепенное значеніе соціальной и экономической исторіи, а по мѣрѣ приближенія къ современности совершенно справедливо отмѣчаетъ громадную важность междуклассовыхъ отношеній и классовой борьбы.

Живой и непосредственный интересъ представляетъ содержаніе вновь вышедшаго тома; вѣдь дѣло идетъ здѣсь о времени, съ которымъ мы связаны тѣсными и неразрывными узами. Многое изъ того, что происходитъ передъ нашими глазами, есть лишь продолженіе, развитіе или даже настойчивое повтореніе недавнихъ событій. Но если великъ интересъ, то тѣмъ труднѣе и сложнѣе представляется научное изученіе эпохи. Здѣсь трудно удержаться на высотахъ объективной истины; мѣсто спокойнаго лѣтописца легко можетъ заступить партійный борецъ, сводящій свои счеты за настоящее въ прошломъ. Еще бо̀льшимъ камнемъ преткновенія для изслѣдователя является количество и качество источниковъ. Для временъ давнопрошедшихъ произведенъ и критическій, и аналитическій разборъ документовъ; изслѣдователю приходится стоять на прочномъ и расчищенномъ фундаментѣ. Новѣйшая исторія поражаетъ громадной массой матеріаловъ, ихъ разбросанностью, несистематичностью и разнообразіемъ. Для детальнаго труда по какому-либо періоду или

какому-либо вопросу необходима колоссальная затрата энергіи. Отъ такого общаго обзора, какимъ является трудъ проф. Карѣева, нельзя, конечно, ожидать исчерпывающей черновой работы; но замѣчательно умѣнье автора сохранять спокойный тонъ и искусно комбинировать матеріалъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя положительныя и отрицательныя особенности первой половины шестого тома. Начинается эта часть краткими главами о западно-европейскихъ конституціяхъ къ концу шестидесятыхъ годовъ, объ основаніи Интернаціонала и о началѣ анархизма. Нѣкоторые вопросы въ исторіи Интернаціонала остаются невполнѣ выясненными, что̀ зависитъ отчасти отъ плана автора, говорящаго то объ общихъ явленіяхъ, то объ историческомъ развитіи отдѣльной страны. Такъ напр., объ отношеніи французскихъ рабочихъ къ Интернаціоналу говорится въ трехъ мѣстахъ. Вообще эволюція французскаго рабочаго класса въ эпоху второй имперіи очерчена недостаточно; о многомъ сказано въ самыхъ общихъ чертахъ, о многомъ не сказано вовсе. Попытки „цезаристскаго соціализма“, съ несомнѣнной провокаціонной окраской, и заигрыванья Наполеона III-го съ рабочими объясняютъ первоначальное терпимое отношеніе французскаго правительства къ съѣздамъ Интернаціонала; проф. Карѣевъ обходитъ это молчаніемъ. Въ противоположность отдѣлу объ общественномъ движеніи въ эпоху второй имперіи, чрезвычайно подробны и обильны фактическимъ матеріаломъ главы о франко-прусской войнѣ и о парижской коммунѣ; то же можно сказать и о главѣ шестой: „Борьба за утвержденіе республики“. Можетъ быть только въ этой главѣ нужно было бы подчеркнуть классовый составъ французскихъ политическихъ партій въ начальный періодъ третьей республики. Подъ этимъ угломъ зрѣнія прекрасно очерчены партіи въ германскомъ рейхстагѣ (въ главѣ VII). Нашли полное освѣщеніе и „культуркампфъ“, и Бисмарковская борьба съ соціалистами. Наряду съ обстоятельными очерками Англіи и Италіи въ 70-хъ годахъ особеннаго вниманія заслуживаетъ глава одиннадцатая, посвященная борьбѣ національностей въ Австро-Венгріи. Здѣсь авторъ даетъ интереснѣйшій очеркъ, близко подводящій насъ къ событіямъ недавно пережитымъ. Заканчиваетъ первую часть настоящаго тома опять общая глава объ отношеніи Западной Европы къ балканскимъ дѣламъ. Этотъ отдѣлъ не даетъ яснаго представленія о комбинаціяхъ международной политики Западной Европы въ то знаменательное время. Трудно умѣстить разсказъ объ этихъ событіяхъ, да еще съ общимъ введеніемъ по исторіи восточнаго вопроса, на 33-хъ страницахъ. О странахъ славянскихъ послѣ освободительной войны 1877 г. сказано лишь нѣсколько словъ.

Крупнымъ достоинствомъ настоящаго тома, какъ и предъидущихъ, являются обширныя библіографическія указанія, приводимыя въ подстрочномъ примѣчаніи къ каждой главѣ. Можно лишь пожалѣть, что авторъ не всегда отмѣчаетъ русскій переводъ того или другого иностраннаго сочиненія (такъ напр. нѣтъ указанія на переводъ „Исторіи Европы въ концѣ XIX вѣка“ Эд. Дріо, помѣщенный въ журн. „Міръ Божій“ за 1901 г.). Отмѣчая переводы, и притомъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, авторъ не указываетъ ихъ достоинствъ и недостатковъ; лишь въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ ошибки перевода брошюры Бакса о коммунѣ. Между тѣмъ этимъ грѣшитъ переводъ многихъ книгъ по исторіи общественнаго движенія въ XIX-мъ вѣкѣ. Укажемъ, кстати, что попытку разобраться въ вышедшей въ 1905—1906 г. оригинальной и переводной литературѣ по исторіи XIX в. представляетъ третій выпускъ издаваемаго московской исторической комиссіей „Библіографическаго Сборника“ (подъ заглавіемъ „Обзоръ литературы по новѣйшей исторіи Западной Европы“).—И. Бороздинъ.

V.

— Х. М. Лебедь-Юрчикъ. Сахарная промышленность въ Россіи. Кіевъ, 1909.

Акціонерныя общества, какъ извѣстно, обязаны публиковать финансовые отчеты о ходѣ своихъ дѣлъ, а въ „Ежегодникѣ Министерства Финансовъ“ мы находимъ и сводку соотвѣтствующихъ данныхъ по отдѣльнымъ предпріятіямъ, соединяемымъ въ болѣе или менѣе крупныя группы, съ итогами для послѣднихъ. Этотъ важный матеріалъ, однако, разрабатывается очень недостаточно. Книга г. Лебедь-Юрчика интересна уже тѣмъ, что отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ. Интересъ ея усугубляется свойствомъ акціонерныхъ предпріятій, обратившихъ на себя вниманіе автора: сахарная промышленность принадлежитъ къ числу особенно покровительствуемыхъ властью и имѣетъ весьма важное значеніе въ народно-хозяйственномъ отношеніи.

Авторъ даетъ намъ рядъ таблицъ о различныхъ сторонахъ сахарной промышленности за трехлѣтіе 1904—6 гг., пользуясь не только данными, публикуемыми во всеобщее свѣдѣніе, но и массой цифровыхъ матеріаловъ, заключающихся въ подробныхъ рукописныхъ отчетахъ предпріятій и извлеченныхъ изъ дѣлъ казенныхъ палатъ. Благодаря этому обстоятельству, г. Лебедь-Юрчикъ получилъ возможность показать такія стороны сахарной промышленности, какъ стоимость каждому заводу пуда сахара, расходы заводовъ на свеклу (и, слѣдо-

вательно, доходы сельскаго хозяйства отъ сахарной промышленности), на администрацію, на рабочую силу, на врачебную и благотворительную часть, сумму уплачиваемыхъ заводами налоговъ и т. п. Эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ мало доступныхъ источниковъ, естественно даются не для всѣхъ заводовъ, иногда даже для небольшого ихъ числа. Но намъ непонятно, почему авторъ ограничился 98-ью заводами въ части своей работы, касающейся состава капиталовъ предпріятій или дивиденда, свѣдѣнія о которыхъ публикуются, и не привелъ соотвѣтствующія данныя всѣхъ 135-ти заводовъ. Это упущеніе, впрочемъ, хотя и отразилось на полнотѣ работы, но врядъ-ли можетъ существенно повліять на вытекающія изъ нея заключенія. Послѣднія—нужно замѣтить—рисуютъ положеніе сахарной промышленности далеко не тѣми мрачными красками, какими оно закрашено въ оффиціальныхъ запискахъ самихъ сахарозаводчиковъ, Пользуясь своими матеріалами, авторъ не упускаетъ случая смягчить тѣни въ ихъ ламентаціяхъ.

Интересная статистическая работа Х. М. Лебедь-Юрчика безъ сомнѣнія обратитъ на себя вниманіе лицъ, серьезно интересующихся, научно и практически, даннымъ вопросомъ. Жаль только, что авторъ не указываетъ губерніи, въ какой находится каждый изъ изслѣдуемыхъ имъ заводовъ: географическое положеніе завода отражается на многихъ сторонахъ его дѣятельности.

VI.

— Юрій Ларинъ. Рабочіе нефтянаго дѣла. Москва, 1909 г.
— Забастовки бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ въ 1908 г. Баку, 1909 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ небольшой Апшеронскій полуостровъ на берегу Каспійскаго моря представлялъ для насъ интересъ лишь какъ мѣсторожденіе нефти, употребляемой для топлива и для полученія важнаго освѣтительнаго матеріала, а періодически публикуемыя свѣдѣнія о промышленной жизни бакинскаго района касались производства нефтяныхъ продуктовъ и торговли ими. Наряду съ свѣдѣніями о нефтяныхъ скважинахъ, фонтанахъ, трубахъ, нефтехранилищахъ и т. п., фигурировали краткія данныя о живомъ средствѣ производства — о рабочихъ. Нынѣ положеніе существенно измѣнилось. Жестокая національная, а затѣмъ соціальная борьба повела къ признанію рабочаго населенія бакинскихъ промысловъ, наряду съ классомъ предпринимателей, за самостоятельную соціальную единицу, съ которою нужно считаться и которую нужно изучать. Внѣшнимъ признакомъ перемѣны слу-

житъ одна изъ названныхъ выше книгъ, представляющая очередной отчетъ о забастовочномъ движеніи бакинскихъ рабочихъ, составляемый завѣдующимъ статистическимъ бюро совѣта нефтепромышленниковъ, В. И. Фроловымъ, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ предпринимателями. Матеріалъ этотъ, конечно, односторонень, но составитель, по видимому, относится къ предмету довольно объективно. „До 1907 г.—говоритъ г. Фроловъ—забастовочное движеніе носитъ исключительно наступательный характеръ и сопровождается завоеваніями рабочихъ. Въ 1907 г. забастовочное движеніе продолжаетъ быть наступательнымъ, но успѣшность его значительно падаетъ. 1908-й годъ долженъ быть названъ годомъ почти полныхъ неудачъ забастовокъ рабочихъ, и въ этомъ году были случаи конфликтовъ, которые можно назвать наступленіемъ со стороны предпринимателей". Самыя забастовки этого года не отличаются ни прежней распространенностью, ни былой энергіей, и выражающійся въ этомъ упадокъ боевого настроенія рабочихъ продолжается и въ текущемъ году. Характернымъ знакомъ этого служитъ отношеніе рабочихъ къ первомайской забастовкѣ; въ 1908 г. на Биби-Эйбатѣ 1-го мая бастовало 95% рабочихъ, а въ 1909 г.—всего 30%. Авторъ объясняетъ это явленіе не только естественной эволюціей настроенія и усиленіемъ правительственныхъ репрессій, но и фактомъ пониженія доходности нефтяныхъ промысловъ, не располагающаго хозяевъ къ уступкамъ.

Тотъ же самый фактъ—экономическая борьба рабочихъ, составляетъ предметъ содержанія и другой изъ вышеназванныхъ книжекъ, принадлежащей одному изъ партійныхъ дѣятелей въ рабочей средѣ; но трактуется этотъ предметъ здѣсь, конечно, иначе. Книга носитъ подзаголовокъ: „изъ быта и движенія 1903—1908 годовъ"; но большая ея часть посвящена 1907—1908 гг., т.-е. періоду, когда предприниматели выражали готовность къ мирнымъ совѣщаніямъ съ представителями всѣхъ бакинскихъ рабочихъ, „для урегулированія взаимныхъ отношеній и заключенія договора объ условіяхъ прекращенія забастовокъ на срокъ договора", а рабочіе, подъ вліяніемъ своихъ партійныхъ руководителей, тянули съ этимъ дѣломъ и дотянули его до того момента, когда, съ измѣненіемъ экономической конъюнктуры, предприниматели нашли излишнимъ церемониться съ рабочими. Въ описаніи г. Ларина столь громко заявившее о себѣ движеніе бакинскихъ рабочихъ и дѣятельность ихъ партійныхъ руководителей съ классовой точки зрѣнія представляются, вообще говоря, мало сознательными. И это сдѣлается понятнымъ, если принять во вниманіе молодость движенія и преобладаніе среди рабочихъ весьма мало развитаго магометанскаго (персидскаго) населенія. „Въ зиму 1907—08 гг. только впервые началось

осознаніе передовыми слоями рабочихъ своей тактики" — говоритъ авторъ. Для посторонняго наблюдателя создавалась иллюзія „вышедшаго непосредственно изъ самыхъ нѣдръ рабочей толщи движенія". Въ дѣйствительности же орудовала небольшая группа лицъ, пытавшаяся „развить сложную европейскую тактику, соотвѣтствующую высокому уровню классоваго сознанія, на основѣ въ большинствѣ своемъ совершенно неподготовленнаго къ такой задачѣ пролетаріата, въ части своей, можно сказать, почти полудикаго". Между тѣмъ, успѣхи рабочаго движенія были громадны. Рабочихъ призывали къ составленію коллективнаго договора съ предпринимателями; „администрація передавала въ руки рабочихъ веденіе ихъ дѣла (и это въ Россіи!)". Окончилось же все это нарушеніемъ предпринимателями прежнихъ соглашеній и постепеннымъ возвращеніемъ къ первобытному состоянію. Но полное возстановленіе послѣдняго, конечно, невозможно. Самымъ цѣннымъ результатомъ притихшаго движенія является развитіе самосознанія бакинскихъ рабочихъ и пріобрѣтеніе ими опыта классовой борьбы.

Важнымъ условіемъ первоначальныхъ успѣховъ и послѣдующаго пораженія бакинскихъ рабочихъ г. Ларинъ считаетъ мѣнявшуюся конъюнктуру нефтяной промышленности. Пока цѣны нефти были высоки и нефтепромышленники получали высокіе барыши, они спѣшили прекращать возникавшія забастовки уступкою требованіямъ рабочихъ и имѣли даже намѣреніе ограничить забастовочное движеніе путемъ коллективнаго договора съ рабочими. Когда же, весною прошлаго года, обнаружилось прочное сокращеніе внутренняго спроса на нефть и выгодность нефтянаго промысла значительно уменьшилась, предприниматели прервали переговоры съ рабочими и изъ обороняющейся стороны превратились въ наступающую. Сообразно этому измѣнилось отношеніе къ рабочимъ и администраціи. „Все это вызвало въ рабочей средѣ чрезвычайный упадокъ настроенія" и развитіе „все заполнившаго пьянства, разврата, угодничества передъ фирменной администраціей". — В. В.

VII.

— *Friedrich Dukmeyer.* Korb's Diarium itineris in Moscoviam und Quellen die es ergänzen. Berlin, 1909.

Не будучи спеціалистомъ по русской исторіи, позволяю себѣ обратить вниманіе лицъ, ею интересующихся, на нѣмецкую книгу, касаю-

щуюся нашего прошлаго. Дѣло идетъ о весьма основательномъ изслѣдованіи извѣстнаго „Дневника путешествія въ Московію", составленнаго секретаремъ „цесарскаго" посольства въ Москву въ концѣ XVII в., Іоганномъ-Георгомъ Корбомъ. Изданный въ Вѣнѣ безъ даты, этотъ трудъ, по требованію русскаго правительства, былъ истребленъ; сохранилось лишь самое ничтожное количество его экземпляровъ, что̀ сдѣлало его настоящею библіографическою рѣдкостью. Это—одинъ изъ важныхъ источниковъ исторіи Россіи конца XVII в., т.-е. начала петровской эпохи. На русскомъ языкѣ существуютъ его переводы, изъ которыхъ послѣдній совсѣмъ недавно сдѣланъ прив.-доц. петербургскаго университета А. І. Малеинымъ.

Въ нынѣшнемъ году, лѣтомъ, вышелъ въ свѣтъ первый томъ (почти въ тридцать печатныхъ листовъ) названнаго выше изслѣдованія о „Дневникѣ" Корба. Авторъ его, нѣмецкій ученый Фридрихъ Дукмейеръ, знаетъ русскій языкъ и знакомъ съ русской исторической литературой, какъ человѣкъ, когда-то учившійся въ петербургскомъ университетѣ. Ему извѣстно все наиболѣе важное, что̀ у насъ было написано какъ о самомъ Корбѣ и его сочиненіи, такъ и объ эпохѣ. Русскимъ обработкамъ и переводамъ „Діарія" онъ посвящаетъ одну изъ главъ первой части вышедшаго въ свѣтъ тома (стр. 34—41), гдѣ даетъ и кое-какія поправки или поясненія къ послѣднему переводу. Но не въ этомъ, разумѣется, самое главное. Важно то, что Дукмейеръ имѣлъ возможность воспользоваться черновиками написанныхъ рукою самого Корба донесеній, писемъ и замѣтокъ, хранящихся въ амбергскомъ (въ Верхнемъ Пфальцѣ) окружномъ архивѣ и описанныхъ авторомъ на стр. 53—68 его труда. Эти „концепты" служатъ во многихъ отношеніяхъ дополненіями и объясненіями къ „Дневнику" и даютъ матеріалъ для рѣшенія нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ. Кромѣ того, г. Дукмейеръ работалъ въ берлинскомъ тайномъ королевскомъ государственномъ архивѣ, гдѣ равнымъ образомъ нашелъ немаловажные источники, и въ королевской библіотекѣ, доставившей ему большой матеріалъ по части современной Корбу литературы.

Книга Дукмейера является первымъ и пока единственнымъ изслѣдованіемъ, спеціально посвященнымъ Корбу, что̀, конечно, сообщаетъ ей особо важное значеніе. Пока изъ этого труда мы имѣемъ, какъ сказано выше, первый томъ, первая, болѣе спеціальная часть котораго (стр. 1—68) посвящена самому Корбу и его „Дневнику", вторая же, болѣе общая — событіямъ описываемой въ немъ эпохи до 1711—1712 г. Здѣсь рѣчь идетъ, между прочимъ, о религіозныхъ дѣлахъ въ Московскомъ государствѣ, о карловицкомъ мирѣ, о царскихъ министрахъ, объ иностранныхъ посольствахъ въ Москву, о се-

мейныхъ дѣлахъ Петра Великаго и т. п. Все это составляетъ обширнѣйшій комментарій къ Корбу и вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе фактовъ для исторіи Россіи въ столь важный моментъ начала ея европеизаціи.

Н. Карѣевъ.

Въ теченіе октября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, В. П.—Разсказы изъ русской исторіи. Вып. I. Москва, 1910 г. Цѣна 70 к.

Андреевъ, Леонидъ.—Анатэма. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Базаровъ, В.—На два фронта. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Бархинъ, К.—Поэзія А. В. Кольцова (1809—1909). Одесса, 1909 г. Цѣна 10 коп.

Беккеръ, Р. Б.—Есть ли право предмета общаго образованія. Историко-педагогическій этюдъ. Спб., 1909 г. Цѣна 50 коп.

Бируковъ, Б. І.—Критическій обзоръ пособій по географіи. Изд. Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1909 г. Цѣна 70 коп.

Вергунъ, Дмитрій.—Червонорусскіе отзвуки. Изд. 2. Львовъ 1909 г. Цѣна 1 руб.

Веретенниковъ, С. А.—Путеводитель по Швейцаріи. Спб., 1909 г. Цѣна 75 коп.

Войничъ, Э.—Оводъ. Пер. съ англійскаго З. Венгеровой. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Вульфсонъ, Э. С.—Персы въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Москва, 1909 г. Цѣна 75 коп.

Вульфсонъ, Э. С.—Черногорія и черногорцы. Москва, 1909 г. Цѣна 60 к.

Гамсунъ, Кнутъ.—Собраніе сочиненій. Т. IV. Новъ. Пер. А. Острогорской. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Гамсунъ, Кнутъ.—Собраніе сочиненій. Томъ VIII. Редакторъ Люнге. Пер. М. Благовѣщенской. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гершензонъ, М.—Историческія записки. (О русскомъ обществѣ). Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Голубковъ, В.—Новый путь изученія художественныхъ произведеній и составленія письменныхъ работъ. Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. Пособіе для самообразованія родителей и преподавателей. Москва, 1909 г. Цѣна 70 к.

Гудванъ, А.—Въ царствѣ тьмы и эксплоатаціи. Къ вопросу о нормировкѣ труда приказчиковъ. Спб., 1909 г. Цѣна 35 коп.

Жиркевичъ, А. В.—Ив. Ив. Орловскій. Біографическій очеркъ. Вильна, 1909 г. Ц. 1 р.

Зотовъ, А.—Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Измайловъ, А. А.—Помраченіе божковъ и новые кумиры. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Караскевичъ, С. (*Юшенко*).—Повѣсти и разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Кафенгаузъ, Л. Б.—Синдикаты въ русской желѣзной промышленности. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Коварскій, Б.—Н. К. Михайловскій и общественное движеніе 70-хъ годовъ. Спб., 1909 г. Цѣна 40 коп.

Колабуховъ, А.—Фирма Животовыхъ. Пьеса въ 5-ти картинахъ. Рязань, 1909 г. Цѣна 65 коп.

Колосовъ, С.—Въ погонѣ за сельско-хозяйственными знаніями. (Изъ воспоминаній нар. учителя 70-—80 гг.). Гжатскъ, 1909 г. Цѣна 25 коп.

Кольцовъ, Ник.—Къ университетскому вопросу. Москва, 1909 г. Цѣна 35 к.

Коротковъ, К. (Рокотковъ).—Въ вихрѣ мысли. Соч. т. VII. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Кречетовъ, Сѣрый.—Летучій голландецъ. Вторая книга стиховъ. Москва, 1910 г. Цѣна 80 коп.

Кулябко-Корецкій, М. Н.—Краткій курсъ исторіи музыки. Вып. I. Исторія музыки до Баха. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Лагерлефъ, Сельма.—Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Сказка о сказкѣ. Сказаніе объ Іестѣ Берлингѣ. Пер. со шведскаго М. Благовѣщенской. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Лагерлефъ, Сельма.—Чудесное путешествіе мальчика по Швеціи. Пер. съ шведскаго Л. Б. Хавкиной. Спб., 1909 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Лазари, де, Н. К.—Любовь человѣка. Спб., 1909 г. Цѣна 40 коп.

Лебонъ, Густавъ.—Зарожденіе и исчезновеніе матеріи. Пер. Б. Бычковскаго. Спб., 1909 г. Цѣна 20 коп.

Леласе, Л., и *Маркъ, Р.*—Проблема воздухоплаванія. Пер. Ю. Н. Лавриновича. Спб., 1910 г. Цѣна 80 коп.

Меріанъ, Гансъ.—Симфоническая поэма Рихарда Штрауса: „Такъ говорилъ Заратустра". Пер. съ нѣм. Н. Грушке. Спб., 1909 г. Цѣна 20 коп.

Мижуевъ, П. Г.—Англійскіе рабочіе союзы. Спб., 1909 г. Цѣна 40 коп.

Натинъ, С.—Болѣзнь нашей жизни и др. разсказы. Москва, 1909 г. Цѣна 75 коп.

Нистромъ, Антонъ.—Половая жизнь и ея законы. Пер. съ нѣм. Л. А. Золотарева. Москва, 1909 г. Цѣна 90 коп.

Олигеръ, Н.—Разсказы. Томъ III. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Осиповъ, В. П., проф.—Можно ли говорить о физіологическомъ слабоуміи женщины? Казань, 1909 г.

Остроглазовъ, А. И.—Пѣсни наболѣвшей души. Стихотворенія. Съ біограф. очеркомъ А. П. Новицкаго. Москва, 1910 г. Цѣна 60 коп.

Павловъ-Сильванскій, Н. П.—Очерки по русской исторіи XVIII и XIX вв. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Плехановъ, Г. В.—Н. Г. Чернышевскій. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Пришвинъ, М.—У стѣнъ града невиданнаго. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Пустовойтенко, К. П.—Дневникъ эгоистки. Варшава, 1909 г. Цѣна 1 р.

Пфлейдererъ, Отто.—О религіи и религіяхъ. Переводъ А. Мейера, подъ ред. П. Юшкевича. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пфендеръ, Александръ.—Введеніе въ психологію. Пер. съ нѣм. І. А. Давыдова. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Пшибышевскій, Ст.—Полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Обрученіе. Поэмы. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Райковъ, Б. Е.—Практическія занятія по зоологіи для начинающихъ. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Ревиль, Альберъ.—Іисусъ Назарянинъ. Переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Родіоновъ, И. А.—Наше преступленіе. Изъ современной народной жизни. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Семеновъ, С. Т.—Крестьянскіе разсказы. Т. I. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. 3-ье „Посредника", № 735. Москва, 1909 г. Цѣна 90 коп.

Стекловъ, Ю. М.—Н. Г. Чернышевскій. Его жизнь и дѣятельность (1828—1889). Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Теодоровичъ, К.—Педагогическая и психологическая хрестоматія. Вып. I. Воспитаніе. Лодзь, 1909 г. Цѣна 35 коп.

Тимковскій, Н.—Повѣсти и разсказы. Т. VI. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Толстой, Л. Н.—Воскресеніе. Романъ. Изданіе „Посредника", № 734. Москва, 1909 г. Цѣна 40 коп.

Франсъ, Анатоль.—На бѣломъ камнѣ. Собр. сочиненій. Т. VI. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Чертополохъ, Гур.—На бую. Летучка съ орфографіей свободы. Спб., 1909 г. Цѣна 15 коп.

— Библіотека „Свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей". Подъ ред. И. И. Горбунова-Посадова. Выпускъ 27. I. Памяти Н. В. Гоголя. II. Н. В. Гоголь о дѣтствѣ, юности, школѣ и воспитаніи. III. Что дала Н. В. Гоголю школа? Москва, 1909 г. Цѣна 25 к.

— Географическій словарь Россіи. Подъ ред. Д. И. Рихтера. Вып. 2. Бабица—Большія Соли. Спб., 1909 г. Цѣна 35 коп.

— Дешевая книга.—Библіотека „Жизнь на Западѣ". 1. П. Фордъ. Другъ народа. Цѣна 50 к. 2. Е. Войничъ. Джекъ Реймондъ. Цѣна 30 коп. 3. Г. Трэверсъ. Студентка. Цѣна 50 коп. 4. Л. Весткирхъ. Чертово Болото. Цѣна 20 к. 5. К. Терстонъ. Членъ парламента. Цѣна 35 коп. 6. Р. Киплингъ. Наулаки. Цѣна 35 коп. 7. Б. Ибаньесъ. Кровь и песокъ. Цѣна 25 коп. Ростовъ-на-Дону, 1909 г.

— Испытанія на званіе начальнаго учителя и учительницы. Составилъ В. Чарнолускій. Спб., 1909 г. Цѣна 50 коп.

— Краткій статистическій обзоръ тургайско-уральскаго переселенческаго района за 1908 г. Оренбургъ, 1909 г.

— Обзоръ дѣятельности уѣздныхъ землеустроительныхъ коммиссій (1907—1908 гг.). Изд. гл. упр. земледѣлія и землеустройства. Спб., 1909 г.

— Очеркъ дѣятельности Болгарскаго земледѣльческаго банка. Изд. главн. упр. земледѣлія и землеустройства. Спб., 1909 г.

— Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный фондъ). Отчетъ за 1908 г. Спб., 1909 г.

— Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній.—Памяти Чарльса Дарвина. Рѣчи на торжественномъ засѣданіи отдѣла естествознанія 21 февраля 1909 г. Спб., 1909 г. Цѣна 50 к.

— „Посредника" изданія. № 10. Житіе св. Филарета Милостиваго. № 14. В. Савихинъ. Дѣдъ Софронъ. № 19. В. Гюго. Братъ на брата. № 204. Ю. Безродная. Великодушный Голіафъ. Москва, 1909 г.

— Родоначальники соціологіи.—Выпускъ I. М. Кондорсэ. Прогрессъ человѣческаго разума. Пер. съ франц. І. А. Шапиро, подъ ред. В. Н. Сперанскаго, съ вступительнымъ очеркомъ М. М. Ковалевскаго. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина. Записки И. Р. Географическаго О-ва, т. XXXIV. Ред. А. Д. Руднева. Спб., 1909 г.

— „Свободное воспитаніе".—Годъ второй. № 7. Москва, 1909 г. Цѣна 25 коп.

— Труды II съѣзда представителей учрежденій мелкаго кредита Уфимской губ. Уфа, 1909 г.

— Универсальная библіотека, № 188. Г. Манъ. Актриса. Пер. съ нѣм. Виктора Гофмана. Москва, 1909 г. Цѣна 10 коп.

— 1909 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ IV. Спб., 1909 г.

— Дипломатъ.—Албанското възражданіе. София, 1909 г. Цѣна 20 сот.

— Роспись на лекцнитѣ за зимното полугодие на 1909—1910 учебна година. София, 1909.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 ноября 1909 г.

О „покоѣ" на двадцать лѣтъ, о бодромъ оптимизмѣ и о неисправимомъ пессимизмѣ.—„Реформы" послѣ успокоенія.—Партійная рознь.—День 17 октября.—Телеграмма ялтинскаго главноначальствующаго финляндскому генералъ-губернатору. — Двѣ мѣрки пастырскаго долга. — Харьковское дворянское собраніе. — Открытіе памятника доктору Гаазу.—А. Н. Никитинъ и А. И. Введенскій †.

„Дайте государству двадцать лѣтъ покоя, внутренняго и внѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россіи". Этими словами П. А. Столыпинъ закончилъ свою бесѣду съ редакторомъ саратовской газеты „Волга".

Таковъ итогъ трехлѣтней практики „успокоенія". Три года русскому обществу говорили: „сперва успокоеніе — потомъ реформы". Успокоеніе наступило, и ему говорятъ: „дайте двадцать лѣтъ покоя".

Внутренній „покой“ трактуется уже не какъ предпосылка для реформъ, не какъ условіе, а какъ самостоятельный факторъ государственнаго прогресса — какъ зиждущая, творческая сила обновленія страны. Дайте только покоя въ теченіе двадцати лѣтъ—и все, чѣмъ страна болѣетъ, залечится само собою, а что нужно для блага народа и чего народу не хватаетъ — само собою явится. И не полицейскій „покой“ въ тѣсномъ смыслѣ понятія имѣлъ при этомъ въ виду П. А. Столыпинъ. Бесѣда свидѣтельствуетъ, что онъ говорилъ о покоѣ другого рода—о томъ покоѣ, который характеризуется „бодрымъ оптимизмомъ“ провинціи, забвеніемъ, „по безплодности“, спора о самодержавіи и о конституціи, признаніемъ, что чиновникъ „не такъ ужъ плохъ“, а культурный землевладѣлецъ и впредь долженъ оставаться „яркой лампадой, распространяющей на далекое разстояніе свой живительный свѣтъ“, и отнесеніемъ сокращенія потребленія водки на счетъ проповѣди депутата Челышева, „смуты“ въ учебныхъ заведеніяхъ — на счетъ „инородческаго элемента“. Словомъ, глава правительственной власти требуетъ, чтобы русское общественное сознаніе на двадцать лѣтъ успокоилось на томъ, что опять возведено въ незыблемую государственную истину, и чтобы оно оставило недавнія исканія, получившія выраженіе въ формулѣ: „свобода и право“. Общественному сознанію предлагается на двадцать лѣтъ вотировать чиновнику, который „не такъ ужъ плохъ“, абсолютное довѣріе и заснуть—или, по терминологіи П. А. Столыпина, перейти въ состояніе „бодраго оптимизма“.

Въ провинціи наблюдается „бодрый оптимизмъ“. Въ столицѣ оптимизмъ „не находитъ достаточнаго отклика“. „Даже исключительный урожай не въ состояніи подбодрить нашихъ неисправимыхъ столичныхъ пессимистовъ“. Такъ опредѣляетъ П. А. Столыпинъ общественное настроеніе даннаго момента. Этому опредѣленію нельзя отказать въ вѣрности, если подъ „бодрымъ оптимизмомъ“ разумѣть именно то, что наблюдается въ провинціи. Предсѣдатель совѣта министровъ минувшимъ лѣтомъ былъ въ двухъ-трехъ южныхъ губерніяхъ. Ему показывали „хутора“, ему, конечно, представлялись мѣстныя власти, онъ видѣлъ депутаціи благодарныхъ начальству за отеческую о нихъ заботливость мужичковъ-хуторянъ. Но видѣлъ ли онъ провинцію—ту провинцію, въ которой дѣйствительно сейчасъ царитъ по внѣшности полицейское благополучіе? Идейная жизнь въ провинціи замерла. Власть снова встрѣчаетъ одно безропотное повиновеніе. Общественный интересъ утратился. Ни на что провинція не реагируетъ — ни на казни, ни на распоряженія Толмачевыхъ и Думбадзе. Газетъ въ провинціи не читаютъ. О сидящихъ въ тюрьмахъ и ежедневно ссылаемыхъ плачутъ только родственники и личные друзья. Вездѣ и

всюду ярко бросается въ глаза, что люди отдались непосредственнымъ личнымъ интересамъ. Въ деревнѣ „земельная реформа“ въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ стремленія создать свое личное благополучіе на разрушеніи хотя бы полуголоднаго, но, все-таки, коекакого возможнаго существованія слабыхъ элементовъ, имѣла успѣхъ несомнѣнный. Сильные—эти будущіе „крѣпкіе единоличные собственники“, экономически-независимые „свободные хлѣбопашцы“, „бодрые и увѣренные въ себѣ“—тамъ откровенно давятъ слабыхъ. Реальный успѣхъ реформы, не выдуманной чиновниками, по словамъ П. А. Столыпина—„это—говорилъ онъ—было бы слишкомъ высокой честью для нихъ“, а отвѣтившей потребностямъ „самой жизни“,—пока исчисляется только въ семь милліоновъ десятинъ, т.-е. площадь, равную территоріи „иного европейскаго государства“. Но ея психологическій успѣхъ если еще не распространился, то готовъ распространиться на сотни милліоновъ десятинъ самаго большого государства Европы.

Если все это считать не показателемъ апатіи провинціи, въ массѣ отдавшейся слѣпому теченію въ руслѣ „глубоко жизненной реформы“, охранъ, начальственной опеки и властнаго усмотрѣнія, то, конечно, П. А. Столыпинъ правъ. Но, въ такомъ случаѣ, онъ неправъ, противополагая провинцію Петербургу. Здѣсь тоже немало признаковъ такого же точно „бодраго оптимизма“. Здѣсь газеты читаютъ, но моментально, по окончаніи процесса чтенія, прочитанное забываютъ. Здѣсь возмущались казнью испанца Феррера и сочувствовали уличнымъ демонстраціямъ по этому поводу въ Парижѣ, а къ своимъ ежедневно казнимымъ неизвѣстнымъ — одинъ въ Харьковѣ, три въ Екатеринославѣ, два въ Варшавѣ—такъ привыкли, что никогда даже не стараются узнать, кто казненъ и за что. Здѣсь въ выборѣ члена Государственной Думы изъ 80-ти тысячъ избирателей участвовало менѣе третьей части. Здѣсь на предвыборныя собранія разсылалось до десяти тысячъ повѣстокъ, а являлись когда сто, когда двѣсти, когда—самое бо̀льшее—пятьсотъ человѣкъ. Здѣсь въ ресторанахъ съ музыкой нельзя найти свободнаго стола, на оперетку надо заранѣе записываться, а собранія благотворительныхъ, ученыхъ и т. п. обществъ происходятъ въ пустыхъ на три четверти залахъ. Здѣсь тоже торжествуетъ личный интересъ, конечно не въ деревенскихъ проявленіяхъ, а въ специфически-столичныхъ—въ карьеризмѣ всякаго рода, въ погонѣ за непосредственными успѣхами жизни, за обезпеченіемъ и за комфортомъ.

Наблюдаемая въ данный моментъ разница между провинціей и столицей заключается не въ томъ, что общественная апатія въ массѣ охватила только провинцію. Столица все-таки, какъ-ни-какъ, дышетъ

свободнѣе. Такъ всегда было у насъ въ моменты реакціи: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ труднѣе жить, — чѣмъ ниже по рангу регулирующее общественную жизнь начальство, тѣмъ болѣе оно рѣшительно въ своихъ дѣйствіяхъ. Столица имѣетъ возможность говорить и мыслить на людяхъ. Столица можетъ если не протестовать полнымъ голосомъ противъ политики, намѣревающейся строить государственное обновленіе на общественной апатіи, то хотя бы заявлять о своемъ несогласіи съ этой политикой. Столица никогда не погружалась такъ поголовно въ состояніе „бодраго оптимизма"; здѣсь „неисправимые пессимисты" виднѣе и отсюда они слышнѣе. Обратно: отсюда, какъ изъ центра, виднѣе наростаніе общественной апатіи. Въ столицѣ, наконецъ, сконцентрированы политическія теченія, здѣсь происходитъ смѣна курсовъ и вліяній, здѣсь непосредственно дѣйствуютъ „сферы", здѣсь арена борьбы. Здѣсь ресторанно-опереточная атмосфера не въ силахъ все покрыть дымомъ „бодраго оптимизма".

Да, Петербургъ, поскольку онъ живетъ идейной жизнью, настроенъ въ настоящіе дни крайне пессимистично. И бесѣда П. А. Столыпина не только не способствовала измѣненію этого настроенія, но напротивъ, она его углубила. „Дайте двадцать лѣтъ покоя!" Отдайте судьбы страны на цѣлыхъ двадцать лѣтъ въ тѣ самыя руки, которыя ихъ держали столѣтіе и привели къ Цусимѣ, Мукдену и къ революціонному взрыву! Къ тому же—отдайте добровольно, покрывайте въ теченіе двадцати лѣтъ штампомъ общественнаго содѣйствія все, что̀ будетъ дѣлать бюрократія. Предсѣдателю совѣта министровъ уже мало „послушной" Думы. Ему нужно „послушное" общественное мнѣніе. Развѣ это не тѣ самыя мысли, которыя возводилъ въ принципъ государственной мудрости Побѣдоносцевъ и которыя проводилъ Плеве? Разница лишь въ томъ, что Побѣдоносцевъ и Плеве не называли общественнаго „угнетенія" бодрымъ оптимизмомъ и отказъ отъ реформъ не выдавали за программу обновленія.

Подъ флагомъ „чисто-русской", „отвѣчающей народному духу и историческимъ преданіямъ" конституціи, которую, по словамъ П. А. Столыпина, одно „партійное политиканство" противополагаетъ самодержавію, у насъ создался совершенно безпримѣрный государственный строй. Основныя его черты: всеобщая безотвѣтственность и неограниченныя возможности. Для покрытія отвѣтственности правительства есть Дума. Для покрытія отвѣтственности Думы есть угроза новаго избирательнаго закона. Чуть повѣяло среди октябристовъ „полѣвѣніемъ" и почуялся конфликтъ, сейчасъ же появились толки о роспускѣ и о новыхъ выборахъ на основаніи закона, суть котораго „Рѣчь" (№ 289) передаетъ слѣдующими словами: „Большіе города будутъ наказаны за неблагонадежность лишеніемъ прямыхъ выборовъ,

а выборщики меньшихъ городовъ будутъ выбирать въ особыхъ съѣздахъ, чтобы не давать либеральнаго большинства уѣздамъ. „Крѣпкіе“ крестьяне-собственники, эти будущіе „граждане“, получатъ въ кредитъ особое избирательное право. Наконецъ, тотъ элементъ населенія, который хорошими избирательными законами отстраняется, какъ слишкомъ зависимый, а у насъ на томъ же основаніи пользуется особымъ покровительствомъ—духовенство, будетъ призванъ къ еще большему и непосредственному участію въ выборахъ“. А „Колоколъ“ уже предлагаетъ счетно-голосовую систему выборовъ замѣнить болѣе „цѣлесообразной“, при которой выборы сочетались бы съ жребіемъ и съ назначеніемъ со стороны верховной власти.

Мы не думаемъ, чтобы такая крайняя мѣра была близка. Но суть въ томъ, что она не кажется намъ близкой не по своей невозможности, а по ненужности. Какъ заявилъ сотруднику „Figaro“ „самый видный изъ русскихъ политическихъ дѣятелей“, въ настоящій моментъ вѣроятности конфликта нѣтъ. Другими словами, видный дѣятель ожидаетъ, что Дума останется на высотѣ послушанія и подчинится разъясненію 96-ой статьи основныхъ законовъ и обратному взятію вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ. Но кто имѣетъ увѣренность въ томъ, что новый избирательный законъ—конечно, не черезъ Думу,—не будетъ изданъ черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ? Кто безъ возмущенія, а со смѣхомъ только, какъ къ явно нелѣпому, отнесся къ предложенію г. Шечкова измѣнить основные законы въ *кодификаціонномъ* порядкѣ? Развѣ не достаточно октябризмъ „пріучилъ“ къ конституціи въ томъ смыслѣ, что исчерпывающая задача Думы и основное условіе ея существованія—„послушаніе“? Октябристы мечтали цѣною послушанія въ настоящемъ обезпечить неотъемлемость права Думы на непослушаніе въ будущемъ. Два года практики привели къ обратному результату. Они показали правительству, насколько удобно имѣть послушную Думу. Даже крайніе правые, повидимому, въ этомъ убѣдились. На страницахъ ихъ органовъ уже появляются иной разъ слова: „воля народа“ въ приложеніи къ сужденіямъ и рѣшеніямъ Думы, конечно въ желательномъ для нихъ смыслѣ.

Изъ очередныхъ „реформъ“, которыми должно начаться двадцатилѣтіе требуемаго отъ общественнаго сознанія „покоя“, П. А. Столыпинъ отмѣтилъ реформы мѣстнаго управленія и земскую. И та, и другая, были предметами общественнаго безпокойства пока ни провинція, ни столица не находились въ состояніи „бодраго оптимизма“. И та, и другая, подъ прямымъ воздѣйствіемъ этого безпокойства, обрисовывались всего два года назадъ и въ правительственныхъ пред-

положеніяхъ широкими контурами, дѣйствительно намѣчавшими то, что должно было кореннымъ образомъ перестроить мѣстное управленіе и самоуправленіе. Что же осталось отъ этихъ контуровъ? Въ строй административнаго управленія предполагается ввести одного новаго чиновника — уѣзднаго начальника, но безъ умаленія авторитета „исторически, традиціонно сложившейся крупной мѣстной силы"—предводителей дворянства. Новое земство „должно перестать быть сословнымъ"—но „землевладѣльцы (дворяне?) должны сохранить въ немъ все свое вліяніе". Неужели же предсѣдатель совѣта министровъ серьезно считаетъ, что мѣстная жизнь идетъ плохо потому, что въ губерніи, въ лицѣ губернатора, есть объединяющій представитель власти, а въ уѣздѣ его нѣтъ? Неужели общественная мысль можетъ раздѣлить такое упрощенное воззрѣніе на обновленіе и, въ ожиданіи объединяющаго уѣздныя власти чиновника и номинальнаго упраздненія сословности въ земствѣ, отказаться отъ мучительнаго безпокойства?.. Въ области финансово-экономической въ основу требованія двадцатилѣтняго „покоя" положенъ „огромный урожай нынѣшняго года". Но развѣ урожаевъ въ Россіи никогда не бывало? Развѣ не было въ восьмидесятыхъ годахъ цѣлаго ряда исключительно урожайныхъ лѣтъ, въ результатѣ которыхъ за первымъ же неурожаемъ послѣдовалъ жестокій голодъ? Развѣ недостаточно извѣстны наши обычные пріемы „реализаціи" урожая путемъ усиленнаго выкачиванія денегъ на броненосцы, на крѣпости и на дальневосточныя авантюры?..

Однѣхъ отмѣченныхъ П. А. Столыпинымъ „реформъ" вполнѣ достаточно, чтобы послѣ пережитыхъ надеждъ впасть въ пессимизмъ. Но онъ лишь мелькомъ коснулся инородческаго вопроса. Онъ не говорилъ ни о проектѣ университетскаго устава, ни о проектѣ исключительныхъ положеній, ни объ отдѣленіи Холмщины отъ Царства Польскаго. Послѣдній проектъ особенно характеренъ, какъ практическій итогъ перехода къ конституціонному строю. Изъ представленія министерства внутреннихъ дѣлъ узнаемъ, во-первыхъ, что главное основаніе проектируемыхъ для населенія Холмщины весьма существенныхъ правоограниченій обусловлено археологическими изысканіями. Первая фраза представленія напоминаетъ, что холмско-подлѣсскій край „является издревле русскою землею". Слѣдующая — что „уже Владиміръ Святой подчинилъ своей власти сѣверную часть забужной Руси, причемъ въ 981 году овладѣлъ почти всею нынѣшнею люблинскою губерніею". Что̀ изъ себя представляетъ культурный укладъ населенія края въ настоящій моментъ—объ этомъ говорится потомъ и въ весьма туманномъ изложеніи. Но о томъ, что было почти тысячу лѣтъ назадъ—объ этомъ сказано прежде

всего и съ полной точностью. Во-вторыхъ, изъ представленія узнаемъ, что „мысль о выдѣленіи холмско-подлѣсскаго края въ особую административную единицу подъ наименованіемъ холмской губерніи возникала еще въ 1865—1866 гг., но не получила осуществленія". Можемъ прибавить отъ себя, что она никогда затѣмъ и не замирала, а напротивъ, постоянно находила поддержку въ реакціонной прессѣ и въ реакціонныхъ кругахъ—и въ семидесятыхъ годахъ, и въ восьмидесятыхъ, и въ девятидесятыхъ. Однако, осуществленія не получала. Конечно, не малая населенность Холма и не соображенія финансоваго свойства, на что ссылается представленіе, были тому причиной. Конечно, причина лежала глубже: въ сознаніи отвѣтственности тѣхъ, отъ кого зависѣло рѣшеніе вопроса. Это сознаніе подсказывало имъ осторожное и вдумчивое отношеніе къ мѣрѣ, въ пользу которой говоритъ археологическая правда, а противъ—правда реальныхъ интересовъ населенія. Теперь есть „послушная" Дума, есть то, что можно, при свободномъ пользованіи терминологіей, назвать „волей народа". Теперь для колеблющейся совѣсти есть щитъ. И благодаря этому щиту, который былъ завоеванъ народомъ именно какъ щитъ для огражденія реальныхъ благъ и правды, надъ населеніемъ Холмщины занесенъ ударъ.

Не говорилъ П. А. Столыпинъ и объ административныхъ пріемахъ управленія, на практикѣ которыхъ обществу рекомендуется отдать себя во власть двадцатилѣтняго „покоя". Онъ не говорилъ о томъ уваженіи къ закону, которое, по свидѣтельству брата покойнаго, привело къ самоубійству сенатора Коваленскаго. Онъ не говорилъ о фактическомъ правѣ органовъ исполнительной власти все и вся давить. Онъ не говорилъ о ежедневныхъ казняхъ...

На невеселыя мысли наводятъ и тѣ наблюденія, которыя не входятъ въ поле зрѣнія оффиціальныхъ собесѣдниковъ съ газетными корреспондентами. Среди „пессимистовъ" тоже неблагополучно. Ихъ все еще раздѣляетъ доктрина. Процессъ броженія, которымъ въ „дни свободы" были охвачены всѣ лѣвые элементы страны, все еще происходитъ и чуть-что выбивается наружу въ прежнихъ формахъ непримиримой программной розни. Трудовики, соціалъ-демократы и кадеты работаютъ въ однихъ изданіяхъ и во всевозможныхъ неполитическихъ собраніяхъ говорятъ на одномъ языкѣ. Кадеты-адвокаты защищаютъ въ судѣ подсудимыхъ соціалъ-демократовъ. Но какъ только передъ лѣвыми партіями стоитъ политическое „дѣло", или хотя бы призракъ „дѣла", въ ту же минуту все покрывается различіемъ программъ. Печальную картину видѣлъ Петербургъ въ сентябрьскую предвыборную кампанію. Слушая соціалъ-демократа, можно было думать, что судьбами если не Россіи, то ея законодательства, распоряжаются и

руководятъ кадеты, и что борьба съ ними ведется правовѣрными марксистами во имя реальной возможности осуществленія соціалистическихъ идеаловъ. Слушая кадета, можно было думать, что главное препятствіе къ достиженію того, что̀ составляетъ его партійное credo, коренится въ соціалъ-демократическихъ воззрѣніяхъ. Не менѣе печально начала оппозиція свою дѣятельность въ открывшейся 10 октября сессіи Государственной Думы. На пространствѣ трехъ дней характерно показали свою партійную исключительность сначала соціалъ-демократы, а затѣмъ—кадеты.

Предметомъ сужденій былъ законопроектъ о землеустройствѣ, или, какъ о немъ выразился членъ Думы Кропотовъ, о „землеразстройствѣ". Для общей характеристики проекта достаточно сказать, что его составители, въ лицѣ правительства и думской коммиссіи, предлагали, въ случаѣ совмѣстнаго разверстанія заложенныхъ земель крестьянскихъ обществъ и товариществъ съ незаложенными, возлагать отвѣтственность передъ крестьянскимъ банкомъ за ссуду на земли обѣихъ категорій, т.-е. обращать „какъ бы" въ заложенныя такія земли, которыя никогда владѣльцемъ закладываемы не были. Конечно, легко себѣ представить бунтъ „зубровъ", еслибы любому изъ нихъ въ законодательномъ порядкѣ объявили, что при неисполненіи имъ обязательствъ передъ дворянскимъ банкомъ по платежу процентовъ и погашенія за ссуду, полученную за землю, находящуюся, скажемъ, въ новгородской губерніи, отъ него банкъ отберетъ и курское, и воронежское имѣнія. Но въ отношеніи крестьянъ всякіе эксперименты допустимы. Допустимо и огражденіе интересовъ держателей обязательствъ крестьянскаго банка мѣрою, едва замѣтно отличающеюся отъ насильственной экспропріаціи „священнаго и неприкосновеннаго" права собственности. Очевидно, со стороны думской оппозиціи могло быть одно отношеніе къ такому законопроекту: „голосуя противъ, указывать по каждой статьѣ, что проектъ ведетъ не къ землеустройству, а къ землеразстройству, и что онъ не соблюдаетъ интересовъ крестьянъ, а соблюдаетъ интересы капиталистовъ",—какъ говорилъ г. Кропотовъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ, фракція народной свободы, при обсужденіи ст. 2, внесла поправку, замѣнявшую всего два слова, но, въ сущности, дававшую закону діаметрально противоположный смыслъ. Редакція коммиссіи имѣла цѣлью облегчить распродажу земли „слабыми" крестьянами, а поправка — затруднить ее. Соціалъ-демократы, какъ одинъ человѣкъ, голосовали противъ поправки кадетовъ и, когда она была отвергнута, противъ аналогичной поправки г. Балаклеева, которая прошла большинствомъ только одного голоса (129 противъ 128).

Спустя два дня, слушался запросъ министру торговли и промышленности по поводу залога поссесіонныхъ земель на Уралѣ. На этотъ

разъ на почвѣ даже не програмной, а модной сейчасъ тактической самостоятельности во что бы то ни стало твердо удержались кадеты. Къ моменту голосованія имѣлись двѣ формулы: авторовъ запроса—соціалъ-демократовъ и октябристовъ. Первые предлагали: „принять мѣры къ недопущенію впредь къ залогу поссесіонныхъ земель и признать бывшіе до сихъ поръ залоги, какъ незаконные, несостоявшимися". Вторые, вѣрные излюбленной ими системѣ благопожеланій, предлагали подтвердить „высказанныя при обсужденіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ пожеланія: о скорѣйшемъ приведеніи въ порядокъ горнаго дѣла на Уралѣ и о скорѣйшемъ представленіи законопроекта о прекращеніи поссесіоннаго права владѣнія горными заводами" [1]). Казалось бы, „отвѣтственная" оппозиція имѣла единственную задачу: попытаться измѣнить вторую половину формулы соціалъ-демократовъ, забывшихъ слова Аристотеля: „все дано всемогущимъ богамъ, но одно стоитъ внѣ ихъ власти—бывшее сдѣлать небывшимъ". Вмѣсто того, кадеты, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ, рѣшили подать голоса за явно безсодержательную формулу „послушнаго" большинства, „съ однимъ обязательнымъ, какъ заявилъ съ каѳедры А. И. Шингаревъ, условіемъ—оглашенія текста Высочайшаго повелѣнія, на которомъ операціи (по пріему въ залогъ поссесіонныхъ земель) были основаны". Въ стенографическій отчетъ послѣ словъ А. И. Шингарева занесено, что раздались голоса справа: „очень витіевато, какія это условія?" И дѣйствительно одна только витіеватость. Формула октябристовъ была принята, а „обязательное условіе" фракціи народной свободы прозвучало и осталось безъ отвѣта.

Безъ всякихъ признаковъ общественнаго воспоминанія прошла четвертая годовщина дня 17 октября. Антиконституціоналисты типа гр. В. Бобринскаго или г. Крупенскаго и „потерявшіе документъ" октябристы гдѣ-то торжественно обѣдали и пили шампанское. Но, конечно, ихъ торжество и тѣни не имѣло общественнаго значенія. Также точно они пили шампанское 3-го іюня 1907 года. Впрочемъ,

[1]) Кстати о думскихъ пожеланіяхъ. Какую цѣну они имѣютъ въ глазахъ правительства, видно изъ отвѣта министерства внутреннихъ дѣлъ на пожеланіе Думы объ установленіи для генералъ-губернаторовъ точно опредѣленныхъ окладовъ содержанія. Министерство не нашло возможнымъ пойти на встрѣчу этому пожеланію, „такъ какъ, согласно 548 ст. уст. о службѣ, содержаніе генералъ-губернаторовъ опредѣляется по особымъ Высочайшимъ назначеніямъ". Такимъ образомъ, на просьбу законодательнаго учрежденія, — которое имѣетъ право самостоятельной законодательной иниціативы, но не рискуетъ этимъ правомъ пользоваться,—чтобы ему разрѣшили измѣнить законъ, получился отвѣтъ: измѣнить нельзя, ибо порядокъ назначенія содержанія генералъ-губернаторамъ установленъ закономъ.

17-ое октября было не вовсе будничнымъ днемъ. Въ церквахъ служились молебны, въ учебныхъ заведеніяхъ занятій не производилось. День былъ праздничный. Только не въ воспоминаніе манифеста, возгласившаго новый строй, а въ воспоминаніе событія 17-го октября 1888-го года. Кто могъ бы думать четыре года назадъ, что первую памятную для Россіи дату двадцатаго столѣтія постигнетъ та же участь, какъ дату освобожденія крестьянъ? Пока царствовалъ императоръ Александръ II, 19-ое февраля было праздничнымъ днемъ. Но не потому, что въ этотъ день, въ 1861-мъ году, пало позорное рабство, а потому, что въ этотъ же день, въ 1855 г., Александръ II вступилъ на престолъ. Съ его смертью праздникъ былъ отмѣненъ. Мало того: всякія общественныя воспоминанія дня освобожденія крестьянъ были на-строго запрещены. Даже молебна отслужить въ этотъ день было нельзя. Въ концѣ 1885 г. или въ январѣ 1886-го, точно не помнимъ, въ предупрежденіе попытокъ чествованія двадцать-пятой годовщины отмѣны крѣпостного права, было издано распоряженіе — сейчасъ же послѣ того забытое—о томъ, что разрѣшается чествовать только пятидесятилѣтніе юбилеи, но ни въ какомъ случаѣ не двадцатипятилѣтніе. Если—или, пожалуй вѣрнѣе, когда—на смѣну „успокоенія“ наступитъ требуемый П. А. Столыпинымъ „покой“, вѣроятно послѣдуютъ такія же распоряженія о днѣ 17-го октября. Теперь еще только подчеркивается, что этотъ день слѣдуетъ помнить, но по совершенно другому поводу.

Всѣ газеты, конечно, посвятили годовщинѣ манифеста 17 октября особыя статьи. Читая ихъ, однако, чувствовалось, что авторы гораздо болѣе исполняли обязанность, нежели отдавались потребности изложить передъ обществомъ напрашивающіяся въ памятный день мысли. Содержательны были воспоминанія и исключительно фразисты выводы и пожеланія. Наибольшее наше вниманіе обратила на себя статья „Россіи“. „Исполняется — писала „совершенно частная“ газета—четвертая годовщина со дня изданія Высочайшаго Манифеста, призвавшаго *выборныхъ* отъ населенія къ дѣятельному сотрудничеству съ Монархомъ въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ государственнаго законодательства. Этимъ же актомъ странѣ были возвѣщены тѣ общія начала, опираясь на которыя, должно *постепенно* перестраиваться русское государство“.

Итакъ, вотъ комментаріи къ бесѣдѣ главы правительства. Въ четвертую годовщину манифеста 17 октября правительственный органъ говоритъ о Государственной Думѣ такъ, что не разберешь, имѣетъ ли онъ въ виду Думу законодательную или законосовѣщательную Думу 6 августа. Болѣе того: цитированныя слова воскрешаютъ въ памяти рескриптъ 18 февраля и манифестъ 6 августа, а съ манифестомъ

17 октября имѣютъ связь чуть замѣтную. Монархъ объявилъ: „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". На языкѣ оффиціоза это категорическое повелѣніе передано, черезъ четыре года, какъ призывъ „выборныхъ отъ населенія къ дѣятельному сотрудничеству". Монархъ писалъ: „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ". Оффиціозъ отсюда вывелъ „постепенную" перестройку русскаго государства. И далѣе вся статья посвящена обоснованію чуждой манифесту мысли о „постепенной внутренней переработкѣ всѣхъ тканей и нервовъ государственнаго организма"... Мы, русскіе, давно знаемъ, что̀ значитъ, когда оффиціально говорятъ: въ арміи и въ школѣ не должно быть политики. Мы знаемъ, какъ это слѣдуетъ понимать: въ арміи и въ школѣ должна насаждаться самая яростная политика, но архи-реакціонная, въ духѣ учебниковъ Иловайскаго. Мы успѣли уже узнать, что̀ значитъ, когда объявляютъ безплодность спора о самодержавіи и о конституціи. Мы знаемъ, что требованіе объ устраненіи этого спора есть его предрѣшеніе — и знаемъ также, въ какомъ направленіи. Кто могъ еще въ этомъ сомнѣваться, кому мало повседневныхъ фактовъ—тому въ годовщину 17 октября раскрыла глаза „Россія".

Внѣпартійность и политическій объективизмъ представителей нашей правящей власти воочію показалъ эпизодъ генерала Думбадзе. Его телеграмма финляндскому генералъ-губернатору заслуживаетъ быть напечатанной цѣликомъ. Онъ телеграфировалъ: „Ялта. Гельсингфорсъ. Генералъ-губернатору Бекману. Неописуемое праздничное настроеніе и торжества на южномъ берегу Крыма, по случаю нахожденія среди насъ горячо любимаго нашего Самодержца и Августѣйшей Его Семьи, нынѣ омрачены небывалой дерзостью, совершенною въ финляндскомъ судѣ надъ русскимъ человѣкомъ, присяжнымъ повѣреннымъ Булацелемъ. Считаю своимъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія, что громадный съѣздъ города Ялты удрученъ этимъ наглымъ поступкомъ, и всѣ поражены, что вы, своею дѣятельностью въ Курляндіи заслуживъ полное къ себѣ уваженіе и довѣріе, теперь въ Финляндіи такъ хладнокровно смотрите на рядъ издѣвательствъ и глумленій надъ русскими людьми. *Генералъ-маіоръ Думбадзе*".

Съ какой точки зрѣнія ни посмотрѣть на это не то замѣчаніе, не то предостереженіе, не то властное указаніе одного генерала другому, ему не подчиненному, оно дѣйствительно заставляетъ развести руками. Въ служебномъ отношеніи оно свидѣтельствуетъ о полномъ развалѣ власти. Даже „Гражданинъ" отнесся къ „очень симпатичному и достойному уваженія за свою стойкость въ консерва-

тивныхъ убѣжденіяхъ" ялтинскому „страноправителю" съ рѣзкимъ осужденіемъ. И все-таки ген. Думбадзе не только остался на посту „страноправителя", но даже получилъ рѣдкую для военныхъ награду—мундиръ полка, которымъ командовалъ. Очевидно, ему все можно. И именно потому, что телеграмму ему подсказала „стойкость въ консервативныхъ убѣжденіяхъ". „Полнота власти", принадлежащая предсѣдателю совѣта министровъ, примирилась съ эксцессами власти генерала Думбадзе, когда онъ сжегъ дачу, — примирилась и теперь. Въ скачкахъ вправо, хотя бы не только черезъ законъ, но и черезъ здравый смыслъ, для „энергичныхъ" администраторовъ нѣтъ границъ. А что было бы, еслибы такую телеграмму послалъ какой-нибудь генералъ, тоже стойкій въ убѣжденіяхъ, но только не въ тѣхъ, которыхъ держится генералъ Думбадзе?

Отвѣтомъ могутъ служить два факта, касающіеся, правда, не военныхъ генераловъ, но лицъ, подчиненныхъ условіямъ не менѣе суровой дисциплины,—православныхъ священниковъ. Въ началѣ сентября, въ Петербургѣ, должно было состояться освященіе городского училищнаго дома, которому впослѣдствіи рѣшено было присвоить имя Л. Н. Толстого. Къ назначенному часу собрались члены училищнаго совѣта и ученики; не пріѣзжалъ лишь священникъ К., который долженъ былъ освящать домъ. Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія получается отъ К. сообщеніе, что онъ не можетъ по долгу священнической совѣсти освящать домъ имени „богоотступника Толстого". Такъ освященіе и не состоялось. „Долгъ совѣсти" священника К. его начальствомъ нарушенъ не былъ.

А вотъ другой фактъ, который мы заимствуемъ изъ „Русскаго Слова". Священникъ Нижне-Туринскаго завода Георгій Вогецкій отказался присутствовать при смертной казни. Исправнику онъ сослался на болѣзнь и предъявилъ свидѣтельство врача. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ послалъ телеграмму преосвященному, съ просьбой освободить его отъ этой тяжелой пастырской обязанности по причинѣ нездоровья. Преосвященный просьбу его уважилъ, и для присутствованія при казни былъ приглашенъ священникъ изъ сосѣдняго села. Но этимъ дѣло не кончилось. Кто-то донесъ, что истинная причина отказа—„убѣжденія". Въ результатѣ—запрещеніе въ священствѣ „впредь до исправленія" и заключеніе въ монастырь на двѣ недѣли.

Харьковское дворянское собраніе послѣдовало примѣру курскаго, тульскаго, московскаго и т. д., и т. д., и исключило изъ своей среды членовъ первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе: Н. Н. Ковалевскаго, М. Д. Деларю, Г. М. Линтварева, Ф. И. Иваницкаго и

Н. А. Гредескула. Ни три года, протекшіе со времени роспуска первой Думы, ни ликвидація дѣла судомъ и трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, ни въ корнѣ измѣнившіяся условія, ни наступившее „успокоеніе", которое не могло не разрушить недавніе страхи дворянства—ничто не остановило харьковскихъ дворянъ отъ того, чтобы и съ своей стороны ударить по побѣжденнымъ политическимъ противникамъ. Въ сущности, получился даже не актъ злобы, подсказанной страхомъ, а въ чистомъ видѣ актъ мести. „Разъясненіе" сената уже наложило на участниковъ процесса правоограниченія. Уже и безъ исключенія изъ дворянскихъ собраній пять первыхъ дворянъ-избранниковъ харьковской губерніи лишены права на общественную дѣятельность. 127-ми—132-мъ дворянамъ, голосовавшимъ въ очередномъ собраніи 22 сентября противъ ничтожнаго меньшинства въ 22—26 человѣкъ, этого показалось мало.

И въ 1906 г. напрасно было искать въ исключеніи выборгцевъ изъ дворянскихъ собраній мотивовъ логическихъ, юридическихъ или этическихъ. Но тогда было основаніе психологическое: страхъ—страхъ потери привилегій, страхъ принудительнаго отчужденія имѣній. Теперь нѣтъ и страха для оправданія мѣры, никогда ранѣе не примѣнявшейся. Теперь есть одно: желаніе показать и доказать передъ кѣмъ-то свое усердіе, свою готовность кому-то услужить и угодить. Кому-то неопредѣленному, но отъ кого можно ждать благъ и воспособленій. Г. Бичъ-Лубенскій ссылался на присягу и называлъ выборгское воззваніе „посильнымъ (?) бунтомъ" („Утро", № 848). Хорошо ли помнятъ и помнили ли въ другихъ случаяхъ и въ другое время текстъ присяги дворяне, покрывшіе слова г. Бичъ-Лубенскаго аплодисментами? Харьковское дворянство прошло молчаніемъ вопросы, которые ему ставилъ въ письменномъ объясненіи Н. Н. Ковалевскій: „Исключало ли россійское дворянство—и, въ частности, харьковское—спрашивалъ бывшій членъ Думы — тѣхъ своихъ членовъ, на которыхъ тяготѣло обвиненіе въ томъ, что они растрачивали опекунскія и общественныя деньги, что они учитывали подложные векселя, обкрадывали дворянскіе и частные банки? Исключало ли россійское дворянство тѣхъ, къ кому предъявлено было обвиненіе въ прикосновенности къ лидвалевскимъ операціямъ, произведеннымъ на счетъ голодающаго крестьянства? Исключало ли тѣхъ, надъ кѣмъ тяготѣетъ обвиненіе въ казнокрадствѣ, во взяточничествѣ? Исключало ли гдѣ-нибудь дворянство тѣхъ, кому предъявлено было обвиненіе въ предательствѣ, въ позорной сдачѣ флота и крѣпостей? Скажу болѣе—исключало ли дворянство гдѣ-нибудь до суда тѣхъ, на комъ тяготѣетъ обвиненіе въ экспропріаціяхъ, въ покушеніи на жизнь членовъ правительства и даже на жизнь членовъ царской фамиліи?.."

Напрасно говорилъ рѣчь Н. Н. Баженовъ. Напрасно онъ напоминалъ объ отвѣтственности передъ потомками и исторіей. „Господа,—обращался Н. Н. Баженовъ къ собранію,—что благороднѣе съ точки зрѣнія дворянской чести: быть послѣдовательнымъ до конца и принять на себя полностью всю отвѣтственность за свои дѣйствія и даже ошибки—буде таковыя были,—или уклониться отъ отвѣтственности и отречься отъ своихъ подписей, спрятавшись за измѣнившуюся политическую конъюнктуру? Мы многое забыли, о еще большемъ не хотимъ вспоминать. Но у исторіи хороша память, и у будущаго русскаго лѣтописца не будетъ недостатка въ историческихъ документахъ, на основаніи которыхъ онъ будетъ пересматривать вашъ сегодняшній вердиктъ“... Да, исключеніе высшимъ русскимъ сословіемъ изъ своей среды членовъ первой Думы будетъ отмѣчено исторіей. Историкъ сопоставитъ это явленіе съ безчисленнымъ множествомъ родственныхъ и подобныхъ и скажетъ, что характерной чертой поворота въ нашей жизни, происшедшаго послѣ роспуска первой Думы, было то, что оказались заразъ два закона и двѣ этики. Для того, что свѣтитъ свободой—одни. Для того, что зоветъ къ гнету—другіе. И нѣтъ еще проблесковъ возврата зари. П. А. Столыпинъ требуетъ, чтобы страна застыла на двухъ законахъ и на двухъ этикахъ на двадцать лѣтъ. Онъ надѣется,—думать надо,—что послѣ двадцати лѣтъ покоя заря не вернется вовсе и никогда. Такъ ли?.. Заря гражданственности не можетъ не вернуться. Она вернется—и не черезъ двадцать лѣтъ...

Живымъ укоромъ мрачной Николаевской эпохѣ былъ въ Москвѣ „святой докторъ“ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Да послужитъ укоромъ въ бронзѣ нынѣшнему тяжелому безвременью памятникъ ему, открытый тамъ же 1-го октября. „Спѣшите дѣлать добро“—высѣчено на постаментѣ памятника. Эти слова Ѳ. П. Гаазъ не уставалъ говорить тѣмъ, которые съ насмѣшкой называли его „утрированнымъ филантропомъ“. Гаазъ требовалъ человѣчной справедливости къ заключеннымъ—справедливости, не только уживающейся съ милосердіемъ, но неразрывно съ милосердіемъ связанной. Гаазъ никогда не забывалъ великаго слова: „человѣкъ“. Онъ и въ каторжникѣ видѣлъ, прежде всего, человѣка, и въ тѣхъ, съ чьей жестокостью и съ чьимъ бездушіемъ всю жизнь боролся. Его голосъ, его просьбы и мольбы не замолкали передъ сильными міра. Онъ вѣрилъ, что какъ бы ни былъ человѣкъ забронированъ казеннымъ пониманіемъ долга, но „человѣка“ въ человѣкѣ не въ силахъ вытравить ничто. Онъ искалъ тѣ струны въ зачерствѣвшихъ сердцахъ, отъ которыхъ легче ждать

отзвука. Искалъ — и находилъ. Въ этой вѣрѣ въ „человѣка“ была его сила.

А. Ѳ. Кони, которому принадлежитъ честь возстановленія во всемъ величіи чистаго нравственнаго облика Ѳ. П. Гааза, къ открытію памятника писалъ: „этотъ памятникъ поставленъ не только активному человѣколюбцу, не только врачу душъ и тѣлесъ, но главнымъ образомъ служителю долга въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова,—не по обязанности, а по внутреннему велѣнію своей совѣсти, служителю безтрепетному и вѣрующему въ правоту своего дѣла. Онъ поставленъ тому, кто представлялъ собой живое отрицаніе тѣхъ растлѣвающихъ волю сомнѣній, которыя такъ часто обезображиваютъ нашу жизнь, сводя все къ матеріальнымъ условіямъ злобы дня...“ „Нельзя слѣдовать во всемъ ученію Христа,—говорятъ намъ,—оно непримѣнимо къ практической жизни: имъ можно любоваться какъ идеаломъ, но руководиться имъ можетъ лишь смѣшной чудакъ, не желающій считаться съ дѣйствительностью. Такимъ, по мнѣнію современниковъ, „смѣшнымъ чудакомъ“ былъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Онъ понималъ, что христіанскій идеалъ не есть нѣчто, чѣмъ можно любоваться лишь издали. Для него этотъ идеалъ былъ маякомъ, освѣщающимъ жизненный путь“.

На торжествѣ открытія памятника присутствовали, вмѣстѣ съ „неисправимыми пессимистами“, губернаторъ, градоначальникъ и другіе представители власти. Отъ главнаго тюремнаго управленія былъ возложенъ вѣнокъ. Но приглашенный епископъ отслужить панихиды не могъ, хотя и изъявилъ на то согласіе: онъ не получилъ разрѣшенія московскаго митрополита, признавшаго неудобнымъ для православнаго епископа совершать богослуженіе о лицѣ католическаго вѣроисповѣданія („Русскія Вѣдомости“, № 225). Не знаемъ, въ связи ли съ этимъ распоряженіемъ или нѣтъ, на послѣдовавшемъ за открытіемъ памятника торжественномъ собраніи одинъ ораторъ говорилъ: „когда умеръ католикъ Гаазъ, митрополитъ Филаретъ не запретилъ помолиться о немъ въ православномъ храмѣ, а 20 тысячъ православнаго народа, шедшаго за его гробомъ, не унижали своего исповѣданія молитвой о католикѣ“... Изъ письма А. Ѳ. Кони приведемъ еще одну фразу: „...сошли въ могилу и далекіе каторжники, молившіеся *у сооруженной ими въ память Гааза иконы Ѳедора Тирона*“.

Покойный Александръ Николаевичъ Никитинъ, по времени безпрерывнаго несенія обязанностей гласнаго петербургской городской думы, былъ однимъ изъ старѣйшихъ участниковъ городского самоуправленія. А. Н. принадлежалъ къ такъ называемымъ „стародум-

цамъ". Но не къ тѣмъ, которые сейчасъ главенствуютъ въ думѣ и изъ которыхъ бо̀льшая часть при каждыхъ выборахъ объявляли себя то „стародумцами", то „новодумцами", въ зависимости отъ того, на сторонѣ какой партіи ожидался перевѣсъ и подъ какимъ флагомъ вѣрнѣе можно было удержать насиженныя мѣста. Съ системой „кормленія" А. Н. никогда не имѣлъ ничего общаго. Въ дѣловыхъ вопросахъ онъ всегда занималъ независимое положеніе. Знатокъ банковаго дѣла, А. Н. Никитинъ пользовался заслуженнымъ вліяніемъ въ финансовыхъ кругахъ и не былъ чуждъ литературѣ. Въ „Вѣстникѣ Европы" (1902 г., апрѣль) имъ была помѣщена статья: „Положеніе мелкаго кредита въ Петербургѣ".

Арсеній Ивановичъ Введенскій на многіе годы пережилъ свою литературную извѣстность. Въ послѣднее время онъ исключительно отдался скромному и незамѣтному труду библіографа. Онъ редактировалъ рядъ изданій нашихъ классиковъ, и изданное въ 1891 г. подъ его редакціей полное собраніе сочиненій Лермонтова, по тщательной провѣркѣ текста, считается однимъ изъ лучшихъ. Литературно-критическіе статьи и фельетоны А. И. печаталъ въ „Знаніи", „Словѣ", „Вѣстникѣ Европы" („Литературныя мечты и дѣйствительность", 1882 г., февраль и сентябрь), „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Голосѣ", „Порядкѣ", „Русскихъ Вѣдомостяхъ", „Нивѣ" и др. Въ 1908 г. онъ выпустилъ нѣкоторые изъ своихъ фельетоновъ особой книгой.

СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТЕКУЩЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗА *первое* ПОЛУГОДІЕ 1909 ГОДА [1]).

Отъ составителя.

Когда (въ 1813 г.) Сопиковъ издавалъ свой „*Опытъ Россійской Библіографіи*"—первый у насъ подобнаго рода трудъ,—врядъ ли этотъ

[1]) См. „Вѣстн. Европы" 1909, IV.

„неученый“ книготорговецъ, но большой любитель книгъ и „быстрыхъ успѣховъ просвѣщенія“, могъ предполагать, что его „полный словарь“ въ 1904 г. будетъ переизданъ у насъ съ меланхолической помѣтой: „едва ли можно (даже и теперь — спустя сто лѣтъ!) ожидать въ скоромъ времени появленія болѣе совершеннаго труда“ [1]).

А между тѣмъ, библіографическія предпріятія въ родѣ Сопиковской „подробной росписи“ хотя и играютъ большую роль въ общемъ составѣ *раціональной системы* библіографіи, но далеко еще ея не исчерпываютъ. И если русская библіографія въ самомъ корнѣ своемъ до сихъ поръ оказывается чѣмъ-то незаконченнымъ и неустойчивымъ, безформеннымъ и обветшавшимъ, то легко себѣ представить, въ какомъ неизмѣримо худшемъ положеніи должны находиться надземныя части нашей библіографіи и вся она въ цѣломъ!

Уже для Сопикова ясны были несовершенства его „Опыта“. „Ни время, ни случай—говоритъ онъ въ *Предъувѣдомленіи* (вводящемъ читателя „въ сію науку, совершенно новую въ нашемъ отечествѣ“)— не дозволили мнѣ роспись мою расположить систематическимъ порядкомъ“. Затѣмъ, нѣсколькими строками ниже, онъ сознается также въ ея неполнотѣ и ошибкахъ. Однако, съ точки зрѣнія систематической библіографіи, недостатки эти—не самые главные и, во всякомъ случаѣ, не единственные.

Какъ разъ на полпути между первымъ и вторымъ изданіями Сопиковскаго „Опыта“, на разстояніи сорока пяти лѣтъ отъ того и другого, вышла въ свѣтъ (въ 1858 г.) „*Литература русской библіографіи*“, въ которой Геннади выдвинулъ, какъ новую, очередную задачу, „опись, сдѣланную *по самымъ книгамъ*, а не по прежнимъ каталогамъ“.

Какъ бы ни были важны сами по себѣ продольные разрѣзы литературно-книжной толщи, на нихъ однихъ система библіографіи не строится: только въ тѣсной и постоянной связи динамическаго наблюденія явленій со статическимъ можетъ быть развернута полная, исчерпывающая ихъ картина. Необходимы, слѣдовательно, разрѣзы поперечные. И по теоретическимъ соображеніямъ, и въ практическихъ интересахъ (обезпеченія надлежащей полноты росписей и пр.), раціональной библіографической системѣ предстоитъ разрѣшить существенно важную задачу: изобрѣсти и пустить въ ходъ такой аппаратъ, который, обладая надлежащею чувствительностью, автоматически-правильно и точно запечатлѣвалъ бы въ тонкихъ, но ясныхъ штрихахъ fata libelli *каждаго текущаго момента*. И вотъ, еще задолго до Сопиковскаго опыта нашъ національный геній выдвигаетъ нужнаго изобрѣтателя—въ лицѣ богатыря-первоучителя, Н. И. Новикова, съ его

[1]) Изъ предисловія В. Рогожина къ новому изданію „Опыта“.

„*Санктпетербургскими учеными вѣдомостями на 1777 г.*“. 1777 и 1813 гг.—основныя, „эпоху дѣлающія“ даты въ русской книжной лѣтописи. Оба краеугольные камня—подробная роспись и „періодическіе листы“—были заложены. Первый внутренній концентръ системы былъ замкнутъ.

Подробная роспись—„простой списокъ“ книгъ. Въ какихъ бы формахъ она ни разрабатывалась—будемъ ли мы вести текущую или основную статистику произведеній печати—все это составитъ только половину дѣла, *внѣшнюю* сторону библіографіи, ея лишь тѣло. Честь указанія другой стороны принадлежитъ Новикову: онъ умѣлъ „наблюдать порядокъ“ и, наблюдая его, обращалъ вниманіе на „*критическое разсмотрѣніе*“, которое „по-истиннѣ можетъ почитаться душою сего тѣла“.

Это положеніе было выставлено въ 1777 г. — а безъ малаго сто лѣтъ спустя „Книжный Вѣстникъ“ еще дальше и глубже развивалъ идею системы, спрашивая: „Что намъ нужно — простой ли списокъ или *руководитель при выборѣ*“ книгъ? И затѣмъ, какъ бы предвидя возможность (увы! оправдавшуюся...) чрезмѣрнаго увлеченія въ обоихъ направленіяхъ: и въ сторону убійственно-*подробной росписи* всякой литературной всячины, и въ сторону безпорядочно-*критическаго разсмотрѣнія* литературныхъ „случайныхъ вещей“,—„Книжный Вѣстникъ“ заложилъ основу *новому виду* библіографіи: указателямъ литературы *избранной* и, притомъ, въ интересахъ не спеціалистовъ, а *широкихъ круговъ* публики. Не отказываясь отъ библіографіи и критики, журналъ отводилъ много мѣста вопросамъ упорядоченія книгопродавческаго, издательскаго и библіотечнаго дѣла. Можно сказать, что „Книжный Вѣстникъ“ замыкалъ второй основной концентръ системы: онъ воплощалъ въ себѣ (конечно, въ примитивныхъ формахъ) почти всю идеальную полноту раціональной системы библіографіи.

Этихъ немногихъ указаній, полагаемъ, вполнѣ достаточно какъ для иллюстраціи основного содержанія и плана рѣшенія всей проблемы („системы“), такъ и для уясненія значенія и назначенія, въ частности, указателей, подобныхъ ниже предлагаемому.

Одинъ тотъ фактъ, что 18 десятковъ книгъ выбрано изъ слишкомъ 11 тысячъ №№, зарегистрированныхъ 25 выпусками „Книжной Лѣтописи“ истекшаго полугодія, свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ *особыхъ* условіяхъ и цѣляхъ отбора литературы.

Эмерсонъ совѣтовалъ „*не читать книгъ моложе года*“, т.-е. не читать книгъ, пока „неподкупное общественное мнѣніе“ не вынесетъ о нихъ своего приговора. Однако сдѣлать „хорошій выборъ“ книгъ, „основывая его на твердо установившемся и извѣстномъ уже мнѣніи прежнихъ читателей“, не такъ-то легко. Въ средѣ самихъ присяжныхъ читателей—критиковъ-библіографовъ—относительно основныхъ

точекъ зрѣнія не всегда царствуетъ полное согласіе. Уже въ упомянутомъ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 60-хъ гг. писалось: „въ каждомъ фактѣ есть бездна сторонъ, и о каждой сторонѣ могутъ быть въ высшей степени разнообразныя сужденія“. Мыслимо ли предполагать, что *всѣ* критики-читатели будутъ *одинаково* судить объ *одной и той* же сторонѣ?! Далеко идущее разнообразіе царитъ и въ средѣ читающей публики; интересы, вкусы до такой степени многоразличны, что при непомѣрныхъ требованіяхъ отъ „рекомендательныхъ“ списковъ пришлось бы для *каждаго* читателя составлять особый списокъ.

Съ удовольствіемъ констатируемъ, что указатели литературы входятъ не только въ моду, но даже въ правило и обычай. Сошлемся хотя бы на „*Систематическіе указатели новыхъ книгъ*“ (научныхъ и популярно-научныхъ), печатаемые въ „Критическомъ Обозрѣніи“, и на „*Указатели книгъ и статей* по экономическимъ и юридическимъ вопросамъ“—въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института“. Наши указатели преслѣдуютъ нѣсколько иныя цѣли; подобіе не переходитъ въ тожество, и мы думаемъ, что предлагаемъ читателю нѣчто не совершенно излишнее. Мы предлагаемъ читателямъ кусокъ насущнаго хлѣба, а тамъ подаются блюда, несомнѣнно болѣе изысканныя, но по этой самой причинѣ не всѣмъ доступныя и не для всѣхъ необходимыя. Такъ напр., въ I кн. „Крит. Обозр.“ за текущій годъ редакція сочла долгомъ обратить вниманіе своей аудиторіи на слѣдующія книги: „Обзоръ погоды въ Харьк. губ. за сент. 1908 г.“; Фертнеръ, „Къ вопросу объ отношеніяхъ жел. дорогъ къ вѣтвямъ частн. пользованія“; Васильевъ, „Кріоггидраты роданистыхъ солей аммонія и калія“; Гамченко, „Изслѣдованіе Сестрорѣцкихъ кургановъ въ 1907 г.“. Очевидно, такіе указатели тяготѣютъ скорѣе къ той чистой, „настоящей“ библіографіи, отъ которой мы старались, по возможности, отклониться и удалиться.

Логика.

1. Введенскій, А. И.—Логика, какъ часть теоріи познанія. Изд. Спб. В. Ж. К. Спб. 1909.
2. Зигвартъ, Х.—Логика, т. II, 2 в. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1908-9. 2 р. 50 к.

Математика.

3. Перри, Д.—Практическая математика. Изд. Сытина. М. 1908. 90 к.
4. Ковалевскій, Г.—Введеніе въ исчисленіе безконечно-малыхъ. Изд. „Матез.“. Одесса, 1909. 1 р.

Механика—Физика.

5. Вейнбергъ, Б. П.—Общій курсъ физики. Изд. Сытина. М. 1903. 3 р. 50 к.
6. Ветгэмъ.—Современное развитіе физики. Изд. „Матез.“. Од. 1908. 2 р.

7. Махъ, Э.—Принципъ сохраненія работы. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1909. 40 к.
8. Хвольсонъ, О. Д.—Кр. курсъ физики. Ч. I, 2 изд. Риккера. Спб. 1909. 2 р. 50 к.

Химія.

9. Оствальдъ, В.—Путеводныя нити въ химіи. Пер. п. р. Худякова. М. 1908. 1 р. 40 к.
10. Эволюція основныхъ проблемъ химіи. Изд. „Зв.“. М. 1909. 1 р. 25 к.
11. Шейдъ, К.—Молодой химикъ. Изд. Девріена. Спб. 1908. 1 р. 40 к.

Астрономія.

12. Арреніусъ, С.—Образованіе міровъ. Изд. „Матез.“. Од. 1908. 1 р. 75 к.
13. Болль, Р.—Вѣка и приливы. Изд. „Матез.“. Од. 1909. 75 к.
14. Мультонъ.—Эволюція солнечной системы. Изд. „Матез.“. Од. 1908. 50 к.
15. Покровскій, К. Д.—Курсъ космографіи. Изд. Пир. Тов. Кв. 1908. 1 р.
16. Тиссеранъ, Ф., и Андуайе, А.—Космографія. Изд. Брокг.-Ефронъ. Спб. 1908. 2 р. 25 к.

Біологія.

17. Бонье, Г.—Звенья живой природы. Изд. Яковенко. Спб. 1909. 1 р. 25 к.
18. Геккель, Э.—Естеств. исторія міротворенія. Кн. II. Изд. „Нч. Мс.“. Спб. 1909. 3 р.
19. Леманъ, О.—Жидкіе кристаллы и теорія жизни. Изд. „Матез.“. Од. 1909. 40 коп.
20. Райковъ, Б. Е.—Первыя работы по анатоміи и физіологіи. Изд. Карбасникова. Спб. 1909. 75 к.
21. Снайдеръ, К.—Картина міра въ свѣтѣ соврем. естествознанія. Изд. „Матез.“. Од. 1909. 1 р. 50 к.
22. Таліевъ, В. И.—Основы ботаники въ обще-біологич. изложеніи. Ч. I. 2 изд. Хрк. 1909. 1 р. 50 к.
23. Тимирязевъ, А. К.—Основн. черты исторіи развитія біологіи въ XIX ст. Изд. Гранатъ. М. 1908. 40 к.
24. Шимкевичъ, В.—Отцы и дѣти. Изд. Вольфъ. Спб. 1908. 30 к.
25. Шмейль, О.—Очерки изъ жизни растеній. Пер. Григорьева и др. 2 изд. М. 1909. 3 р.

Психологія.

26. Вундтъ, В.—Основы физіологич. психологіи. 2 в. Пер. п. р. Крогіуса и др. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
27. Нечаевъ, А.—Очеркъ психологіи для воспитателей. 3 изд. Спб. 1909. 1 р. 80 коп.
28. Селли, Д.—Очерки по психологіи дѣтства. 3 изд. Тихомирова. М. 1909. 2 р.
29. Ферворнъ, М.—Механика душевн. жизни. Изд. „Осн.“. М. 1908. 50 к.
30. Челпановъ, Г.—Учебникъ психологіи. 8 изд. М. 1909. 1 р.

Соціологія.

31. Бернгеймъ.—Введеніе въ историч. науку. Изд. Прокоповича. М. 1908. 60 к.
32. Зиммель, І.—Соціальная дифференціація. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 1 р.
33. Каутскій, Лафаргъ и др.—Исторія соціализма. 4 изд. Леонтьевыхъ. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
34. Плехановъ, Г. В.—Основн. вопросы марксизма. Изд. „Нш. Жз.“. Спб. 1908. 50 к.

35. Тэкеръ, В.—Вмѣсто книги. Пер. Симановскаго. М. 1908. 3 р. 25 к.
36. Цокколи, Г.—Анархизмъ. Изд. Глаголева. Спб. 1908. 2 р. 25 к.

Философія.

37. Петцольдъ, І.—Проблема міра съ точки зрѣнія позитивизма. Изд. „Шип.“. Спб. 1909. 1 р.
38. Риккертъ, Г.—Философія исторіи. Изд. Жуковскаго. Спб. 1908. 75 к.
39. Робинсонъ, Л.—Истор.-философск. этюды. В. І. Спб. 1908. 80 к.
40. Ферворнъ, М.—Вопросъ о границахъ познанія. Изд. „Совр. Пр.“. М. 1909. 30 к.
41. Философія въ систематич. изложеніи. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1909. 3 р.

Религія.

42. Андерсонъ, В.—Старообрядчество и сектантство. Изд. Губинскаго. Спб. 1908. 1 р. 50 к.
43. Арнольдъ, М.—Въ чемъ сущность христіанства и іудейства. Изд. „Поср.“. М. 1908. 1 р. 20 к.
44. Ревилль, А.—Іисусъ Назарянинъ. Т. І. Изд. „Свѣт.“. Спб. 1909. 2 р.
45. Юмъ, Д.—Діалоги о естеств. религіи. Изд. „Тв. Мс.“. М. 1908. 1 р. 50 к.

Искусство.

46. Бенуа, А.—Фр. Гойя. Изд. „Шип.“. Спб. 1908. 2 р.
47. Кашкинъ, Н.—Очеркъ исторіи русск. музыки. Изд. Юргенсона. М. 1908. 2 руб.
48. Маковскій, С.—Страницы худож. критики. Кн. II. Соврем. русск. художн. Изд. „Пант.“. Спб. 1909. 1 р. 75 к.
49. Рербергъ, Ѳ. И.—Кр. курсъ исторіи искусствъ. Изд. Саблина. М. 1908. 2 р.
50. Саккетти, Л.—Кр. руководство къ теоріи музыки. 3 изд. Спб. 1909. 1 р. 75 коп.
51. Сизеранъ, Р.—Соврем. англ. живопись. Изд. Саблина. М. 1908. 2 р. 75 к.

Литература.

52. Амфитеатровъ, А. В.—Курганы. 2 изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1909. 1 р.
53. Андреевичъ.—Опытъ философіи русск.-л-ры. 2 изд. „Зн.“. Спб. 1909. 1 р. 20 коп.
54. Анненковъ, П. В.—Литер. воспоминанія. 1909. 3 р.
55. Анненскій, И. Ѳ.—Вторая книга отраженій. Спб. 1909. 80 коп.
56. Богдановичъ, А. И.—Годы перелома. Изд. „М. Б.“. Спб. 1908. 1 р. 50 к.
57. Бочкаревъ, Б. Н. (Собр.).—Письма А. П. Чехова. М. 1909. 1 р.
58. Елпатьевскій, С.—Близкія тѣни. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1909. 75 к.
59. Замотинъ, И. И.—Романтич. идеализмъ въ русск. обществѣ и л-рѣ 20—30 гг. XIX ст. Спб. 2 р.
60. Зарницы. Сборн. № 2-й. Изд. „Міръ“. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
61. Коганъ, П.—Очерки по исторіи зап.-европ. литературъ, т. III, ч. 1. М. 1909. 1 р. 25 к.
62. Короленко, В.—Исторія моего современника. Ч. 1. Изд. „Р. Б.“ Спб. 1909. 1 р. 50 к.
63. Котляревскій, Н.—М. Ю. Лермонтовъ. 3 изд. Спб. 1909. 2 р.
64. Лемке, М.—Николаевск. жандармы и л-ра 1826—55 г. 2 изд. Бунина. Спб. 1909. 2 р. 50 к.

65. Миллеръ, О.—Русск. писатели послѣ Гоголя. I т. 5 изд. Вольфа. Спб. 1 р. 50 коп.
66. Михайловскій, Н. К.—П. с. с., т. VI и VII, 2 изд. Спб. 1909. 4 р.
67. Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Собр. соч., т. I. Гоголь. 1 р. Изд. „Общ. Плз.". Спб. 1909.
68. „ Т. II. Тургеневъ. 1 р. 25 к. Изд. „Общ. Плз.". Спб. 1909.
69. „ Гоголь въ его произведеніяхъ. Изд. Сытина. М. 1909. 50 к.
70. „ Поэзія Г. Гейне. Спб. 1909. 75 к.
71. Острогорскій, В.—Очерки Пушкинск. Руси. 3 изд. Сытина. М. 1909. 20 к.
72. Писаревъ, Д. И.—П. с. с., т. I. 5 изд. Павленкова. Спб. 1909. 1 р.
73. Пыпинъ, А. Н.—Характеристики литер. мнѣній. 4 изд. „Кол.". Спб. 1909. 3 руб.
74. Рейхель, М. К.—Отрывки изъ воспоминаній и письма къ ней А. И. Герцена. Изд. Бухгаймъ. М. 1909. 1 р.
75. Рыбаковъ, Ѳ. Е.—Соврем. писатели и больные нервы. М. 1908. 40 к.
76. Сергѣенко.—О Толстомъ. Изд. „Кн.". М. 1909. 2 р.
77. Скабичевскій, А. М.—Исторія нов. русск. л-ры. 7 изд. Павленкова. Спб. 1909. 2 р.
78. Стороженко, Н. И.—Очеркъ исторіи зап.-европ. л-ры. М. 1908. 1 р. 40 к.
79. Философовъ, Д. В.—Слова и жизнь. Спб. 1909. 1 р. 25 к.
80. Щегловъ, И.—Подвижникъ Слова (о Гоголѣ). Изд. „Міръ". Спб. 1909. 1 р.
81. Эртель, А. И.—Письма. Съ пред. Гершензона. М. 1909. 2 р.

Политическая экономія.

82. Берлинъ, П. А.—К. Марксъ и его время. Изд. „Плз.". М. 1908. 1 р.
83. Бородаевскій, С. В.—Сел.-хозяйств. кооперація въ Германіи. Спб. 1908. 50 к.
84. Быковъ, А. К.—Фабричн. законодательство и развитіе его въ Россіи. Спб. 1909. 1 р. 80 к.
85. Дроздовъ, В. П.—Около земли. (О землеустройствѣ). Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 40 к.
86. Евдокимовъ, А. А.—Къ теоріи кооператизма. М. 1909. 20 к.
87. Кауфманъ, А. А.—Аграрн. вопросъ въ Россіи. Изд. М. О. Нар. ун. 2 ч. М. 1908. 80 к.
88. Котельниковъ, А.—Исторіи производства и разработки всеобщей переписи населенія 28 янв. 1897 г. Изд. „Нш. Жз.". Спб. 1909. 40 к.
89. Критская, Н., и Лебедевъ, Н.—Исторія синдикальн. движенія во Франціи. Изд. „С. Тр.". М. 1908. 1 р. 20 к.
90. Кулишеръ, І. М.—Лекціи по исторіи эконом. быта Зап. Европы. Спб. 1909. 2 руб.
91. Лескюръ, Ж.—Общіе и періодич. промышл. кризисы. Пр. Сувирова. Спб. 1908. 2 р. 50 к.
92. Лященко, П. И.—Очерки аграрн. эволюціи Россіи. Т. I. Спб. 1908. 3 р.
93. Озеровъ, И. Х.—Что такое общество потребителей и какъ его основать и вести. 3 изд. Сытина. М. 1909. 40 к.
94. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса къ Николаю —ону. Пер. Лопатина. Спб. 1908. 60 к.
95. Платтеръ, Ю.—Основн. ученія полит. экономіи. Т. II. Пер. п. р. Мануйлова и др. М. 1909. 1 р. 25 к.
96. Синайскій, В. И.—Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ др. Римѣ. Т. I. Юр. 1908. 2 р.

97. Сухановъ, Н.—Къ вопросу объ эволюціи сельск. хозяйства. Изд. „Сотр.“. М. 1909. 2 р. 50 к.
98. Фортунатовъ, А. Ѳ.—Нѣск. страницъ изъ экономіи и статистики сельск. хозяйства. М. 1908. 75 к.
99. Фридманъ, М. И.—Совр. косвен. налоги на предметы потребленія. Т. I. Спб. 1908. 3 р.
100. Чупровъ, А. И.—Рѣчи и статьи. 2 т. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 7 р. 50 коп.
101. Швиттау, Г. Г.—Профессіи и занятія населенія. Спб. 1909. 2 р.

Право.

102. Андреевскій, С. А.—Защитит. рѣчи. 4 изд. „Прав.“. Спб. 1909. 3 р.
103. Вильсонъ, В.—Государств. строй Соед. Штатовъ. Съ пред. Ковалевскаго. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
104. Вяземскій, Б. Л.—Верховн. тайный совѣтъ. Спб. 1909. 3 р.
105. Гессенъ, В. М.—О неприкосновенности личности. Спб. 1908. 50 к.
106. Дюбуа, П.—Пропорціон. представительство въ опытѣ Бельгіи. Пер. Блинова и др. Спб. 1908. 90 к.
107. Еллинекъ, Г.—Борьба стараго права съ новымъ. Изд. „Зар.“. М. 1908. 40 к.
108. „ Адамъ въ ученіи о государствѣ. Изд. Клочкова. М. 1909. 20 к.
109. Жюлье, Э.—Суды для малолѣтнихъ въ Соед. Штат. Сѣв. Америки. Спб. 1909. 35 к.
110. Колчинъ, М.—Ссыльные и заключенные въ острогъ Соловецкаго монастыря. Изд. „Поср.“ М. 1908. 70 коп.
111. Коллонтай, Л.—Соціальн. основы женск. вопроса. Изд. „Зн.“. Спб. 1909. 1 р. 25 к.
112. Котовичъ, А.—Духовная цензура въ Россіи. Спб. 1909. 2 р. 75 к.
113. Лазаревскій, Н. И.—Лекціи по русск. госуд. праву. Т. I. Спб. 1908. 3 р.
114. Ланге, Е.—Женскій вопросъ въ его совр. постановкѣ. Изд. „Косм.“. М. 1909. 50 к.
115. Латкинъ, В. Н.—Учебникъ исторіи русск. права періода Имперіи. 2 изд. Спб. 1909. 4 р.
116. Листъ, Фр.—Междунар. право. Пер. п. р. Грабаря. 2 изд. Юр. Спб. 1909. 4 р.
117. Малиновскій, І.—Кровавая месть и смертныя казни. В. І. Тм. 1908. 1 р.
118. Мельгуновъ, С.—Церковь и государство въ Россіи въ переходное время. Ч. II. М. 1909. 1 р.
119. Новгородцевъ, П.—Кризисъ соврем. правосознанія. М. 1909. 2 р.
120. О смертной казни. Изд. „Зв.“. М. 1909. 50 к.
121. Пругавинъ, А. С.—Въ казематахъ. Спб. 1909. 1 р.
122. Рейснеръ, М.—Духовная полиція въ Россіи. Изд. Вольфа. Спб. 75 к.
123. Сергѣевичъ, В.—Древности русск. права. Т. I. 3 изд. Спб. 1909. 3 р.
124. Эрихъ, Р.—Государств. правовое положеніе Финляндіи. Спб. 1908. 40 к.
125. Эсменъ, А.—Общія основанія конституц. права. 2 изд. Поповой. Спб. 1909. 2 р.

Народное образованіе.

126. Алешинцевъ, И.—Сословн. вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX в. Изд. „Рус. Шк.“. Спб. 1908. 50 к.
127. Балталонъ, Ц. и В.—Задачи начал. школы. Воспитательн. чтеніе. М. 1908. 80 коп.

128. Бахчисарайцевъ, Г. А.—Высш. коммерч. образованіе. Изд. „Ком. Л.“. Спб. 1908. 40 коп.
129. Выдринъ, Р.—Основн. моменты студенч. движенія въ Россіи. Изд. „Ст. Гол.“. М. 1908. 50 к.
130. Карѣевъ, Н. И.—Идеалы общаго образованія. 2 изд. Спб. 1909. 40 к.
131. Компейрэ.—Жанъ Масэ и обязат. образованіе. Изд. Тихомирова. М. 1908. 25 коп.
132. Паульсенъ, Ф.—Историч. обзоръ развитія образованія въ Германіи. Изд. Сытина. М. 1908. 1 р. 30 к.
133. Смирновъ, Е. И.—Школьные праздники. Изд. „Д. Н. Уч.“. М. 1909. 75 к.

Педагогика.

134. Бокинъ, П. Н.—Подвижныя игры. 3 изд. Маркса. Спб. 1909. 2 р.
135. Брауншвигъ, М.—Искусство и дитя. Изд. „Зн.“. Спб. 1908. 1 р.
136. Велскій, А.—Записки педагога. Изд. „Общ. Плз.“. Спб. 1909. 1 р.
137. Каптеревъ, П. Ѳ.—Объ обществ.-нравств. развитіи и воспитаніи дѣтей. (Энц. сем. восп.). Спб. 1908. 30 к.
138. Лесгафтъ, П.—Рук-во по физич. образованію дѣтей. Ч. II. 2 изд. Спб. 1909. 2 р.
139. Сикорскій, И. А.—Психологич. основы воспитанія и обученія. 3 изд. Кв. 1909. 1 р.
140. Янжулъ, Е.—Америк. школа. 4 изд. Спб. 1908. 2 р. 50 к.

Исторія.

141. Анго, Е.—Соперничество на Балканахъ. Спб. 1909. 20 к.
142. Борецкій-Бергфельдъ, Н.—Исторія Румыніи. Изд. Брокг.-Ефронъ. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
143. „ „ „ Исторія Венгріи. Изд. Брокг.-Ефр. Спб. 1908. 1 р. 50 к.
144. Быкова, А.—Разсказы изъ исторіи Ирландіи. 2 изд. Дороват. и Чарушн. М. 1909. 80 к.
145. Геделундъ, Л. Н.—Исторія Даніи. Изд. Вольфа. Спб. 1 р. 20 к.
146. Голобородько, И. И.—Старая и Новая Турція. Изд. „Плз.“. М. 1908. 80 к.
147. Градовскій, Г. К.—Итоги. Кв. 1908. 2 р. 50 к.
148. Дмовскій, Р.—Германія, Россія и польскій вопросъ. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
149. Драгомановъ, М. П.—Политич. Соч. Т. I. II. ред. Гревса и др. М. 1908. 2 р. 50 к.
150. Дьяконовъ, М.—Очерки обществ. и госуд. строя др. Руси. 2 изд. „Пр.“. Спб. 1908. 3 р.
151. Карѣевъ, Н.—Исторія Зап. Европы въ нов. вр. Т. VI, ч. I. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
152. Кинэ, Э.—Революція и критики ея. Изд. Уманскаго, 2 т. М. 1908. 2 р.
153. Ключевскій, В.—Боярская Дума въ древней Руси. 4 изд. М. 1909. 2 р. 50 к.
154. Корниловъ, А. А.—Обществ. движеніе при Александрѣ II. Изд. „Р. М.“. М. 1909. 1 р. 25 к.
155. Лазаревскій, А. М.—Малоросс. посполитые крестьяне. Кв. 1908. 75 к.
156. Милюковъ, П.—Очерки по исторіи русск. культуры. Ч. I. 6 изд. Спб. 1909. 1 р. 25 к.
„ „ Ч. III, в. 1. 3 изд. Спб. 1909. 75 к.

157. О минувшемъ. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
158. Ону, А. — Выборы 1789 г. во Франціи и наказы. Ч. I. Спб. 1908. 3 р. 50 к.
159. Платоновъ, С. Ѳ.—Лекціи по русск. исторіи. 6 изд. Блинова. Спб. 1909. 3 р. 50 к.
160. Прѣсняковъ, А.—Княжое право въ др. Руси. Изд. Ист.-фил. ф. Спб. ун. Спб. 1908. 2 р.
161. Семевскій, В. И.—Политич. и обществ. идеи декабристовъ. Спб. 1909. 3 р. 50 к.
162. Сеньобосъ. Ш.—Политич. исторія совр. Европы. 4 изд. „Зн.“. 2 т. Спб. 1908. 4 р.
163. Щепкина, Е. Н.—Кр. очеркъ русск. исторіи. 4 изд. Спб. 1909. 1 р. 25 к.
164. Эфрусп, Е.—Велик. революція во Франціи. Изд. Гранатъ. М. 1908. 35 к.
165. Ѳирсовъ, Н. Н.—Разиновщина, какъ соціологич. и психологич. явленіе нар. жизни. Изд. Вольфа. Спб. 30 к.

Географія.

166. Круберъ и др.—Америка. 3 изд. Кушнерева. М. 1909. 2 р. 25 к.
167. Максимовъ, С. В.—С. Соч., т. VIII—X. Годъ на Сѣверѣ.—На Востокѣ. 3 изд. „Просв.“. Спб. 1909. 4 р.
168. Мечъ, С.—Альпы. 8 изд. М. 1909. 30 к.
169. „ „ Англія. 2 изд. М. 1909. 50 к.
170. „ „ Испанія и Португалія. М. 1909. 40 к.
171. „ „ Сахара и Нилъ. 8 изд. М. 1909. 30 к.
172. „ „ Палестина и Аравія. 8 изд. М. 1909. 30 к.
173. Синицкій, Л.—Очеркъ исторіи антропогеограф. идей. М. 1909. (*200 экз*).
174. Чепурковскій, Е. М.—Элементы общаго землевѣдѣнія. Ч. I. (М. 1908). 1 р. 50 к.

Медицина.

175. Оппенгеймъ, Г.—Письма къ нервнымъ больнымъ. Пер. п. р. Гуревича. М. 1908. 35 к.
176. Рубнеръ, М.—Питаніе и пищевые продукты. Изд. „Косм.“. М. 1909. 70 к.
177. Филатовъ, Н.—Кр. учебникъ дѣтскихъ болѣзней. 9 изд. М. 1909. 1 р. 20 к.
178. Яроцкій, А.—Идеализмъ, какъ физіологич. факторъ. Юр. 1908. 1 р. 25 к.

Сельское хозяйство.

179. Гарвудъ, А. — Обновленная земля. Совр. земледѣліе въ Америкѣ. Предисловіе К. А. Тимирязева. Изд. Сытина. М. 1909. 75 к.
180. Сибирцевъ, Н. М.—Почвовѣдѣніе. 2 изд. Спб. 1909. 4 р.

К. Деруновъ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

Журнальный Фонд Московской обл. библиотеки

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Въ изданіи принимаютъ участіе: прив.-доц. Е. В. Аничковъ, С. М. Блекловъ, проф. М. И. Боголѣповъ, проф. М. М. Богословскій, И. Н. Бороздинъ, проф. В. Я. Желѣзновъ, Вл. Ильинъ, Н. И. Іорданскій, прив.-доц. В. Ф. Коганъ, В. Я. Канель, проф. А. А. Кизеветтеръ, М. Н. Коваленскій, А. Л. Коллонтай, К. И. Ландеръ, К. Н. Левинъ, З. Ленскій, Л. Мартовъ, М. Невѣдомскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. Н. Покровскій, Н. А. Рожковъ, С. Ѳ. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Л. А. Тарасевичъ, проф. К. А. Тимирязевъ, прив.-доц. В. М. Фриче, С. Я. Цейтлинъ, В. И. Чарнолускій, проф. М. П. Чубинскій, Г. И. Шрейдеръ, Ю. Д. Энгель и др.

СОДЕРЖАНІЕ. **ЧАСТЬ I. ДОРЕФОРМЕННАЯ РОССІЯ. Томъ I.** Введеніе. Россія въ концѣ XVIII вѣка. 1. Павелъ Петровичъ. 2. Александръ I. 3. Декабристы. 4. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 5. Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича. 6. Финансовая политика Канкрина. 7. Государственные крестьяне при Николаѣ I. 8. Польша въ первой половинѣ XIX вѣка. **Томъ II.** 9. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 11. Русская литература до Пушкина. 12. Очеркъ Пушкинскаго періода. 13. Русская литература во второй четверти вѣка. 14. Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Библіографія къ первой части. **ЧАСТЬ II. ЭПОХА РЕФОРМЪ. Томъ III.** 1. Крымская война. 2. Крестьянская реформа. 3. Земская реформа. 4. Судебная реформа. 5. Польское возстаніе. **Томъ IV.** 6. Городъ и городовое положеніе 1870 г. 7. Городъ и городское самоуправленіе въ Прибалтійскомъ краѣ. 8. Расколъ въ первой половинѣ XIX вѣка. 9. Начальное образованіе въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Средняя школа. 11. Университеты. 12. Русская литература 60-хъ годовъ. 13. Украинская литература. 14. Пластическія искусства въ первой половинѣ вѣка. 15. Русская музыка въ первой половинѣ вѣка. Библіографія ко второй части. **ЧАСТЬ III. ЭПОХА РЕАКЦІИ. Томъ V.** 1. Общая политика правительства 1866 — 1892 гг. 2. Земское самоуправленіе и реформа 1890 г. 3. Крестьянское общественное управленіе. 4. Крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ. 5. Городская контръ-реформа 1892 г. 6. Расколъ и сектантство во второй половинѣ вѣка. 7. Завоеваніе Кавказа. **Томъ VI.** 8. Восточный вопросъ отъ парижскаго мира до берлинскаго конгресса. 9. Государственное хозяйство Россіи до 1892 г. 10. Крестьянство и народническое движеніе. 11. Развитіе промышленности и рабочее движеніе до 1892 г. 12. Судьба судебной реформы. 13. Польскій вопросъ послѣ 1863 г. 14. Развитіе научной мысли въ 1-й половинѣ вѣка. **Томъ VII.** 15. Пробужденіе естествознанія въ 3-й четверти вѣка. 16. Русская литература съ 70-хъ по 90-ые годы. 17. Украинская литература во второй половинѣ вѣка. 18. Пластическія искусства во второй половинѣ вѣка. 19. Русская музыка во второй половинѣ XIX вѣка. 20. Начальное образованіе во второй половинѣ вѣка. 21. Средняя школа. 22. Университеты. Библіографія къ третьей части. **ЧАСТЬ IV. КОНЕЦЪ ВѢКА. Томъ VIII.** 1. Аграрный вопросъ въ концѣ вѣка. 2. Аграрное законодательство. 3. Крестьянское движеніе. 4. Рабочій вопросъ и рабочее движеніе. 5. Фабричная гигіена и земская медицина. **Томъ IX.** 6. Государственное хозяйство въ концѣ вѣка. 7. Земское движеніе. 8. Университетское движеніе. 9. Польскій вопросъ. 10. Финляндскій вопросъ. 11. Литература конца вѣка. 12. Внѣшняя политика. Библіографія къ четвертой части.

„Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“ составитъ 9 томовъ или 35 выпусковъ въ 80 стр. большого формата, въ общей сложности около 2.800 стр. текста; основное иллюстрированное изданіе ея, кромѣ того, будетъ заключать до 200 художественно исполненныхъ снимковъ съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ картинъ и скульптуръ русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ до 50 геліогравюръ англійскаго типа (Rembrandt-Intaglio) и нѣмецкихъ.

КЪ 1 ОКТЯБРЯ 1909 г. ВЫШЛО ШЕСТЬ ТОМОВЪ (27 выпусковъ).

Цѣна основного, иллюстрированнаго, изданія **по предварительной подпискѣ 37** руб. (съ пересылкой), въ девяти роскошныхъ переплетахъ (по рисункамъ акад. живоп. Л. О. Пастернака) **45** руб. Цѣна неиллюстрированнаго изданія—**22** руб. **50** к. (безъ пересылки). **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:** 1) **при полученіи основного, иллюстрированнаго изданія выпусками** — при подпискѣ уплачивается 2 руб. и ежемѣсячно при полученіи каждаго выпуска по 1 руб. (съ пересылкой), за переводъ платежа уплачивается **10** коп.; 2) **при полученіи основного, иллюстрированнаго, изданія томами въ переплетѣ**—при подпискѣ уплачивается **2** руб., при полученіи перваго тома **3** руб. и каждые два мѣсяца при полученіи каждаго изъ послѣдующихъ восьми томовъ по **5** руб. и за переводъ платежа по **10** коп.; 3) **при полученіи неиллюстрированнаго изданія томами безъ переплета** — при подпискѣ уплачивается **2** руб., при полученіи перваго тома **2** руб. **10** коп. и каждые два мѣсяца (либо, по желанію подписчика, каждый мѣсяцъ) при полученіи каждаго изъ послѣдующихъ восьми томовъ по **2** руб. **30** коп. и за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости. **Цѣна** отдѣльнаго выпуска **1** руб. **35** коп.

По соглашенію съ конторой допускается широкая **разсрочка. Иллюстрированные проспекты и каталоги** всѣхъ изданій Т-ва высылаются **по требованію безплатно.**

Главная контора Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: Москва. Б. Никитская, 5.

Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Загородный пр., 14.

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(Западная Европа и внѣевропейскія государства)

Подъ редакціей профессоровъ ЛАВИССА и РАМБО, переводъ съ французскаго, съ дополнительными статьями профессоровъ П. Г. ВИНОГРАДОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ЭПОХА НАПОЛЕОНА I (1800 — 1815). Томъ I.—Итоги соціальнаго и политическаго развитія Западной Европы въ XVIII вѣкѣ. А. К. Дживелегова. I. Консульство: внутрен. исторія. Проф. А. Олара. II. Консульство: дипломатія и войны. А. Васта. III. Имперія. 3-ья и 4-ая коалиціи. А. Васта. IV. Франко-рус. союзъ. Проф. Гр. А. Вандала. V. 5-ая коалиція. Война съ Австріей. А. Васта. VI. Испанія и Португалія. Проф. Дек. дю-Дезеръ. VII. Граждан. учрежденія Имперіи. Проф. Э. Шенона. VIII. Церковь и культы въ періодъ Консульства и Имперіи. Э. Шенона. IX. Французъ. литература. Проф. Э. Фаге. X. Искус. въ Европѣ. А. Мишеля и А. Лавуа. XI. Состояніе наукъ въ Европѣ. Проф. П. Таннери. XII. Италія. Проф. А. Пенго. XIII. Швейцарія. Проф. Фр. де-Крю. XIV. Голландія. Проф. А. Ваддингтона. **Томъ II.**—I. Наполеоновская Германія. Рейнскій союзъ. Проф. Э. Дени. II. Польша и великое герцог. Варшавское. Проф. Л. Леже. III. Англія. Проф. Э. Сейу. IV. Анти-наполеоновская Германія. Австрія и Пруссія. Э. Дени. V. Венгрія. Э. Сейу. VI. Юго-восточ. Европа. Турція и христіан. народы. Проф. А. Рамбо. VII. Скандинав. государства. Проф. Хр. Шеффера. VIII. Походъ въ Россію. Гибель Великой арміи. А. Рамбо. IX. Нѣмец. камп. Конецъ Рейнской конфедер. А. Васта. X. Французъ. камп. и пад. Имперіи. Акад. Гуссэ. XI. Первая реставр. и возвращ. съ Эльбы. А. Гуссэ. XII. Сто дней. Послѣдняя борьба. Ватерлоо. А. Васта. XIII. Америка. Соед. Штаты. Европ. колоніи. Проф. А. Муаро. XIV. Азія. Индостанъ, Персія, Афганистанъ. А. Рамбо. XV. Робертъ Оуэнъ. **ЭПОХА РЕАКЦІИ (1815—1847). Томъ III.**—I. Вѣнскій конгрессъ. Проф. А. Сореля. II. Священ союзъ и конгрессы. Проф. А. Мале. III. Франція. Вторая Реставр. А. Мале. IV. Юго-восточ. Европа. А. Дебидура. V. Испанія и Португалія. Дед. дю-Дезера. VI. Революція 1830 г. во Франціи. А. Мале. VII. Царство Польское. Возстаніе. А. Рамбо. VIII. Бельг. возстаніе. Королев. Белгія. А. Ваддингтона. IX. Франція. Іюльская монархія. А. Мале. X. Граждан. и воен. учрежд. Франціи. Э. Шенона. XI. Франц. литерат. Э. Фагэ. XII. Италія. А. Пенго. **Томъ IV.**—I. Англія. Э. Сейу. II. Швейцарія. Фр. де-Крю. III. Германія. Э. Дени и Э. Сейу. IV. Скандинав. государ. Хр. Шеффера. V. Развитіе искус. въ Европѣ. А. Мишеля и А. Лавуа. VI. Развитіе наукъ въ Европѣ. П. Таннери. VII. Церковь и культы. Э. Шенона. VIII. Соед. Штаты. А. Муаро. IX. Латинская Америка. А. Дебидура. X. Алжиръ и французъ. колоніи. А. Рамбо. XI. Колоніи и вассал. земли Англіи. Проф. А. Метена. XII. Восточ. вопросъ. А. Дебидура. XIII. Индостанъ, Иранъ и Сред. Азія. А. Метена. XIV. Дал. Вост.: Китай, Аннамъ, Малайскій полуостр., Нидерланд. Индія, Корея отъ начала XIX вѣка до 1850. А. Кордье. XV. Чартизмъ. **ЭПОХА РЕВОЛЮЦІЙ И НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ВОЙНЪ (1848 —1870). Томъ V.**—I. Револ. 1848 г. и реакція во Франціи. Проф. Ш. Сеньобоса. II. Револ. и реак. въ Италіи. А. Пенго. III. Революція и реакція въ Германіи. Проф. Э. Дени. IV. Револ. и реак. въ Австріи и Венгріи. Проф. Л. Эйзенмана. V. Царствованіе Наполеона III. А. Дебидура. VI. Крым. камп. и Оттоман. импер. — Христіан. народ. Балкан. полуостр. А. Мале. VII. Объедин. Италіи. А. Дебидура. VIII. Объедин. Германіи. Э.Дени. IX. Испанія и Португалія. Дед. дю-Дезера. X. Англія. Э. Сейу. XI. Нидерланды и Бельгія. А. Метена. XII. Скандинав. страны и герцог. Хр. Шеффера. XIII. Очеркъ исторіи развитія соціологическихъ ученій. Проф. М. М. Ковалевскаго. **Томъ VI** — I. Дуализмъ въ Австро-Венгріи. Л. Эйзенмана. II. Мусульман. міръ. Л. Каэна. III. Французъ. импер. колоніи. Проф. М. Валя. IV. Англ. колон. имперія. А. Метена. V. Сѣв.-Ам. Соед. Штаты. — Раздѣл. и переустр. А. Муаро. VI. Латинская Америка. Проф. А. Мильо. VII. Дал. Востокъ. А. Кордье. VIII. Франко-прус. война. Проф. А. Шюке. IX. Литерат. во Франціи. Э. Фагэ. X. Развитіе искус. въ Европѣ. А. Мишеля и Р. Роллана. XI. Разв. наукъ въ Евр. П. Таннери. XII. Церковь и культы. Э. Шенона. XIII. 48-ой годъ. во Франціи. Программа Луи Блана „Организація труда". **СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ (1870—1900). Томъ VII.**—I. Третья республ. Ш. Сеньобоса. II. Соедин. королев. Великобр. и Ирландія. А. Метена. III. Колоніи и вассал. земли Соед. королев. А. Метена. IV. Австро-Венгрія. Л. Эйзенмана. V. Швейцарія. Фр. де-Крю. VI. Королев. Белгія и Нидерланды—Велик. герц. Люксембургъ. А. Метена. VII. Скандинав. государ. Хр. Шеффера. VIII. Италія. А. Пенго. IX. Испанія и Португалія. Дед. дю-Дезера. X. Германія. Э. Дени. XI. Европ. полит. до Берлин. тракт. А. Мале. XII. Христіан. госуд. Балкан. полуостр. А. Мале. XIII. Турція и Египетъ. Л. Каэна и А. Метена. XIV. Европ. политика послѣ Берлин. трактата. Л. Фаржа. XV. Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX столѣтіи. Проф. К. А. Тимирязева. **Томъ VIII.** — I. Церковь и некатолическіе культы. Э. Шенона. II. Современ. наука. П. Таннери. III. Искус. въ Европѣ. А. Мишеля и Р. Роллана. IV. Литерат. во Франц. Э. Фагэ. V. Соед. Штаты. А. Муаро. VI. Латинская Америка. А. Мильо. VII. Французъ. колоніи. А. Рамбо. VIII. Дал. Востокъ. А. Кордье. IX. Раздѣлъ Африки. Р. де-Ке де-Сентъ Эймура. X. Территоріальныя соглаш. Л. Фаржа. XI. Итоги XIX вѣка. Проф. П. Г. Виноградова. XII. Программы соціалист. партій Зап. Европы. **Исторія XIX-го вѣка** составляетъ 8 томовъ, 2.675 стран. бол. формата. 149 художественно исполненныхъ черныхъ и цвѣтныхъ снимковъ съ портретовъ выдающихся дѣятелей XIX вѣка и съ картинъ истор. содержанія. Изданіе закончено.

ЦѢНА изданія безъ переплета 24 руб., въ изящномъ переплетѣ (коленкоровомъ съ широкимъ кожанымъ корешкомъ) — 29 руб.; за пересылку — по дѣйствительной стоимости. По соглашенію съ конторой, допускается широкая разсрочка. **Подробные проспекты и каталогъ** всѣхъ изданій Т-ва высылается по требованію безплатно. Главная контора изданій Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°", Москва, Больш. Никитская, д. № 5. **Отдѣленіе** въ С.-Петербургѣ—Загородный пр., 14.

Изданія Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“:

ИНОСТРАННАЯ ЖИВОПИСЬ XIX ВѢКА

въ геліогравюрахъ англійскаго типа **Rembrandt-Intaglio** съ текстомъ профессора **Рихарда Мутера.**

Изданіе заключаетъ 100 геліогравюръ размѣромъ 34 × 46 с/м. Изданіе составляетъ 12 частей (по 8—9 репродукцій и 1—2 листа текста въ части). Изданіе закончено.

Цѣна—25 руб. и за пересылку по дѣйствительной стоимости.

По соглашенію съ издательствомъ допускается широкая разсрочка.

Для храненія картинъ имѣются папки, исполненныя по рисункамъ академика живописи Л. О. Пастернака.

Цѣна двухъ папокъ — 3 рубля.

Избранныя произведенія русской живописи.

40 геліогравюръ англійскаго типа **Rembrandt-Intaglio** размѣромъ 38 × 51 с/м.

Изданіе составитъ 10 выпусковъ по 4 репродукціи въ каждомъ выпускѣ.

Къ 1-му ноября 1909 года вышло 8 выпусковъ.

Цѣна изданія—15 руб. и за пересылку по дѣйствительной стоимости. Допускается разсрочка.

Для храненія картинъ имѣются папки, исполненныя по рисункамъ академика живописи Л. О. Пастернака.

Цѣна одной папки—2 рубля.

Иллюстрированные проспекты и подробный **каталогъ** всѣхъ изданій Т-ва высылаются по требованію **безплатно.**

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“:
Москва, Б. Никитская, 5.

Отдѣленіе.—С.-Петербургъ, Загородный пр., 14

Изданія т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“:

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

въ геліогравюрахъ англійскаго типа **REMBRANDT - INTAGLIO** (стѣннаго размѣра 38 × 51 с./м.). Цѣна каждаго эстампа 75 коп.

И. К. Айвазовскій. Черное море.
І. Е. Бразъ. Портретъ Чехова.
В. М. Васнецовъ. Аленушка.
„ Богатыри.
„ Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ.
„ Богоматерь.
Н. Н. Ге. Портретъ А. И. Герцена.
Н. А. Касаткинъ. Шахтерка.
И. Н. Крамской. Неутѣшное горе.
„ Христосъ въ пустынѣ.
„ Портретъ Т. Г. Шевченко.
А. И. Корзухинъ. Птичьи враги.
И. И. Левитанъ. У омута.
В. М. Максимовъ. Все въ прошломъ.
Ф. А. Малявинъ. Крестьянская дѣвушка.
В. Г. Перовъ. Охотники на привалѣ.
В. Г. Перовъ. Птицеловъ.
„ На могилѣ сына.
„ Ѳ. М. Достоевскій.
В. Д. Полѣновъ. Среди учителей.
„ Бабушкинъ садъ.
„ Христосъ и грѣшница.
И. Е. Рѣпинъ. Портретъ Л. Н. Толстого.
„ Царевна Софья.
„ Не ждали.
„ М. И. Глинка.
„ Запорожцы.
В. И. Суриковъ. Боярыня Морозова.
В. А. Сѣровъ. Дѣти.
К. Д. Флавицкій. Княжна Тараканова.
И. И. Шишкинъ. Утро въ сосновомъ лѣсу.
Н. А. Ярошенко. Портретъ В. С. Соловьева и др.

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ИНОСТРАННОЙ ЖИВОПИСИ

въ геліогравюрахъ англійскаго типа **REMBRANDT-INTAGLIO** (разм. 34 × 46 с./м.)
Цѣна каждаго эстампа 60 коп.

Ж. Бастьенъ-Лепажъ. Сѣнокосъ.
„ Сельская любовь.
А. Беклинъ. Автопортретъ.
„ Островъ мертвыхъ.
„ Игра волнъ.
„ Поля блаженныхъ.
Л. Бонна. Викторъ Гюго.
А. Ж. Гро. Сраженіе подъ Эйлау.
Э. Делакруа. Рѣзня на Хіосѣ.
„ 28-е іюля 1830 г.
П. Деларошъ. Дѣти Эдуарда IV въ Тоуэрѣ.
Ф. С. Жераръ. М-me Рекамье.
Ж. Л. Жерико. Скачки въ Ипсомѣ.
Ж. Ш. Казенъ. Измаилъ.
М. Клингеръ. Источникъ.
Д. Констэбль. Ржаное поле.
Г. Курбе. Похороны въ Орнанѣ.
„ Бой оленей.
Т. Кутюръ. Римляне временъ упадка.
В. Лейбль. Возвращеніе съ охоты.
„ Неравная пара.
В. Лейстиковъ. Груневальдъ.
Ф. Лейтонъ. Купанье Психеи.
Ф. Ленбахъ. Фр. Листъ.
Л. Лермитъ. Расплата съ косцами.
М. Либерманъ. Прядильщицы льна.
Т. Лоренсъ. Король римскій.
Р. Макартъ. Охота Діаны.
Э. Манэ. За буфетомъ въ Фоли-Бержеръ.
А. Менцель. Желѣзодѣлательный заводъ.
„ Концертъ въ Санъ-Суси.
Ж. Ф. Милле. Собирательницы колосьевъ.
„ Вечерній звонъ.
„ Пастушка овецъ.
Г. Моро. Смерть Орфея.
П. Прюдонъ. Пробужденіе Психеи.
А. Л. Рихтеръ. Свадебный поѣздъ.
А. Роль. Обѣдъ.
Д. Сарджентъ. Карменчита.
Д. Сегантини. За плугомъ.
Г. Тома. Лунная ночь.
К. Тройонъ. Быки на работѣ.
Ф. Уде. Христосъ благословляетъ дѣтей.
Т. Шассеріо. Тепидарій.
М. Швиндъ. Пустынникъ ведетъ коней на водопой.
Ф. Штукъ. Грѣхъ.
„ Изгнаніе изъ рая.
„ Стражъ рая.
Ж. А. Энгръ. Освобожденіе Анжелики.
Ж. Ж. Эннеръ. Сусанна въ купальнѣ и др.

При заказахъ на сумму свыше 3 руб. пересылка безплатная.

Иллюстрированные проспекты и подробный каталогъ всѣхъ изданій т-ва высылаются по требованію безплатно

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°.“, Москва, Б. Никитская, 5.

Отдѣленіе—С.-Петербургъ, Загородный пр., 14.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

В. П. Обнинскій. Новый строй. Москва, 1909.

Книга В. П. Обнинскаго — бывшаго члена первой Государственной Думы, автора помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“ (№ 8) автобіографической статьи: „Девяносто дней въ одиночномъ заключеніи“ — даетъ довольно подробный обзоръ событій со времени изданія манифеста 17-го октября 1905-го года до созыва третьей Думы, и затѣмъ общую картину установившагося положенія. Это, конечно, не исторія, о которой теперь не можетъ еще быть и рѣчи, но обширное собраніе матеріаловъ для будущаго изслѣдователя знаменательной эпохи. Насъ, современниковъ, оно заставляетъ вновь переживать немногія свѣтлыя и безконечно повторяющіяся темныя минуты, напоминая о томъ, что начинаетъ забываться, соединяя разрозненное, раскрывая съ большею точностью извѣстное только по догадкамъ или по наслышкѣ. Въ первой части, озаглавленной: „Революція“, особенно интересна глава, посвященная московскому возстанію. Говоря о первой Государственной Думѣ, авторъ приводитъ новыя свѣдѣнія о составленіи того акта, которымъ Дума рѣшила отвѣтить на правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. Къ книгѣ приложено нѣсколько прекрасно исполненныхъ портретовъ (кн. С. Н. Трубецкого, гр. С. Ю. Витте, С. А. Муромцева, П. А. Столыпина) и нѣсколько рисунковъ, изображающихъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, Таврическій дворецъ, залъ засѣданій Думы, возвращеніе бывшихъ депутатовъ изъ Выборга, одну изъ одиночныхъ камеръ московской тюрьмы, гдѣ отбывали срокъ заключенія москвичи, подписавшіе выборгское воззваніе (въ томъ числѣ В. П. Обнинскій) и группу ихъ, снятую послѣ освобожденія ихъ изъ-подъ стражи.

А. А. Измайловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Новыя вѣянія въ литературѣ. Москва, 1910. Ц. 1 рубль.

Несомнѣнная и большая заслуга г. Измайлова — борьба съ извращеніями всякаго рода, отъ которыхъ послѣднее время такъ сильно приходилось страдать нашей литературѣ и нашему обществу. И эта борьба, какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, велась именно тогда, когда широко разросталось все по праву антипатичное или прямо ненавистное автору: „беллетристическій репортажъ“, вымученная искусственность, болѣзненность фантазіи, разнузданная порнографія. Многія изъ этихъ теченій, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, потеряли свою силу—но еще не настолько, чтобы было излишнимъ повтореніе сказаннаго о нихъ въ моментъ наибольшаго ихъ успѣха. Отрицательно относясь къ крайностямъ новизны, г. Измайловъ далекъ отъ литературнаго старовѣрства. Скорѣе можно найти въ немъ недостатокъ проникновенія въ былое творчество — хотя бы въ творчество Тургенева, о которомъ онъ говоритъ, напримѣръ, такъ: „нужно сравнить самое поэтическое описаніе природы Тургенева съ описаніемъ Чехова, чтобы увидѣть всѣ преимущества красоты, какія Чехову дало время“. Едва ли правъ онъ и тогда, когда видитъ „знаменіе времени“ въ „затишьѣ, замѣченномъ на книжномъ рынкѣ, послѣ двадцать третьяго изданія, около имени Надсона“. Не проще ли объяснить это затишье — если оно дѣйствительно наступило — именно необыкновенною распространенностью стихотвореній Надсона, которыми долженъ же когда-нибудь оказаться насыщеннымъ книжный рынокъ.

Ю. М. Стекловъ, Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность (1828 — 89). Спб., 1909. Ц. 2 рубля.

Н. Г. Чернышевскій оставилъ глубокій слѣдъ въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ. Правдивое изображеніе его дѣятельности, такъ долго бывшее невозможнымъ въ легальной печати, не можетъ не представлять значительнаго интереса. Г. Стекловъ хорошо изучилъ сочиненія Чернышевскаго, отчетливо передаетъ ихъ содержаніе; ему извѣстны и главные источники, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія о жизни многострадальнаго писателя. Его книга читается, поэтому, легко и не безъ пользы. Отголоски современной борьбы, неоконченныхъ партійныхъ споровъ, слышатся въ ней сравнительно рѣдко и мало вредятъ общему впечатлѣнію. Полемическіе экскурсы переносятся авторомъ, большею частью, въ подстрочныя примѣчанія, не нарушающія общаго хода мысли. Особенное вниманіе обращаетъ на себя глава восьмая: „Чернышевскій и русское общество того времени“.

Р. Б. Беккеръ. Есть ли право предметъ общаго образованія? Историко-педагогическій этюдъ. Спб., 1909. Ц. 50 коп.

Небольшая книга г. Беккера хорошо знакомитъ съ важнымъ, очереднымъ вопросомъ нашей государственной и общественной жизни. Казалось бы, что необходимость возможно большаго распространенія юридическихъ свѣдѣній вытекаетъ сама собою съ одной стороны изъ давно установленнаго принципа, въ силу котораго никто невѣдѣніемъ закона отговариваться не можетъ, съ другой—изъ недавняго призыва русскихъ гражданъ къ активному участію въ законодательномъ творчествѣ. А между тѣмъ законовѣдѣніе, преподаваніе котораго только что введено въ нашей средней школѣ, опять предназначается къ исключенію изъ ея программъ. Изложивъ положеніе дѣла въ Западной Европѣ и исторію его въ Россіи, г. Беккеръ обстоятельно намѣчаетъ цѣли, которыя должно имѣть въ виду ознакомленіе молодежи съ правомъ, и условія, при которыхъ оно можетъ привести къ желанному результату. Основная мысль его труда прекрасно выражена въ служащихъ ему эпиграфомъ словахъ Кондорсэ: „Народъ не можетъ пользоваться постоянной, прочной свободой, если въ его средѣ не распространено знаніе политическихъ наукъ. Съ любовью къ законамъ должно быть соединено умѣнье судить о нихъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. С. ПОСНИКОВА, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Въ 1910 г. журналъ, также какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналѣ будутъ помѣщаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника В. И. Россинскаго, фирмой Meisenbach, Riffarth & C° въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	4 „ — „
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	„ 50 „	4 „ 25 „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	9 „ 50 „	4 „ 75 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр., 14; въ книжн. магаз.: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Загородный просп., 14.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Б. Никитская, 5.